Николай Ольков

Собрание сочинений

Том 2

Москва
«Российский писатель»
2018

УДК 821.35
ББК 84...
О 72

Николай Ольков. *Собрание сочинений в пяти томах.* Том 2. – М.: Редакционно-издательский дом «Российский писатель», 2018. – 464 с.
ISBN 978-5-91642-217-7

Роман «Сухие росы», вошедший во второй том собрания сочинений, земляки Николая Олькова считают документальным. Столь унаваемыми для них оказались и события, и характеры героев этого масштабного произведения. Да и самому автору главный герой романа Хмара дорог именно потому, что в нем узнаваем глава района Василий Федорович Кныш. Как самые достоверные герои своего времени в романе присутствуюи и великий земледелец Терентий Семенович Мальцев, и секретарь обкома партии Борис Евдокимович Щербина, и писатель, старший товарищ и наставник Николая Олькова Иван Ермаков. А главная тема романа – это жизнь проходящая и, одновременно, вечная...

Крестьянская семья, которая всегда была сильна своим единством, в центре внимания повести «Чистая вода», а её главный герой у словиях «новых ценностей» всеми силами пытается спасти своих сыновей от нравственной гибели...

Большинство рассказов посвященыны миру человеческих чувств. Автор верит в созидательную природу любви, и для него каждый человек интересен прежде всего отвагой его живой и потому беззащитной души.

ISBN 978-5-91642-217-7

© Ольков Н.М, 2018 г.
© «Российский писатель», 2018 г.

СУХИЕ РОСЫ
Роман

Моей милой родине – Казанскому району,
его людям, бывшим и нынешним,
которыми горжусь и которых люблю.
Автор

1.

Весна каждый год ожидаема, как девушка на свидание, и является она всякий раз по-разному, одна на другую не похожа. Может раным-рано объявить о себе вдруг потеплевшим солнцем, и тогда уже в апреле осядут снега, могут даже птицы южные обмануться и залететь, а ночами морозно, по утрам туманы, будто грибные августовские, деревья куржаком оденутся, красиво, а радости нет, потому что выхолащивает мороз влагу – что днем натаяло, ночью вымерзло. В такой год крестьяне добра не ждут, земля откроется рано, может даже прогреться в первых днях мая, а сеять не то чтобы опасно – нельзя сеять. Вот и стоит мужик на полосе, в одной руке лукошко, в другой грабельцы, ворохнет почву, а там сорняк дружно в рост пошел, надо его переждать, заборонить, и тогда только к лукошку подступаться. А иная весна и того чудней – крепится-крепится, да как навалится, мощно, с напором, ее еще дружною называют; в несколько дней все приберет, что зима накопила, весь снег расплавит и крутыми ручьями спустит в низины, озера и речки; в Реку столько воды падет с Горы по логам и оврагам, что она и лед стряхнуть не успевает, подопрут его чужие талые воды, взломают, освободится Река и вздохнет. Опять у крестьянина не все так, как надо: была влага, да нет ее, унеслась на радостях в большую дорогу, словно и не было ей природного предназначения зернышко напитать и колос вырастить человеку; опять крестьянин на кромке поля в великих раздумьях и сомнениях: глубоко заборонить семя, чтобы надежно втиснулось оно в царство верной полю влаги и долго, до самых долгожданных дождей, пило бы и пита-

лось, или чуть только притрусить землицей, чтоб схватилось лишь и быстро в рост пошло, обогнав поганый сорняк и угрозу засухи отодвинув.

2

Юра Долгополов, можно сказать, совсем случайно оказался в Пореченском районе. При распределении выпускников агрономического факультета сельхозинститута он, буйная головушка, заявил, что готов ехать туда, куда никто не согласится, дескать, закрою собой кадровую брешь в родном сельском хозяйстве. Члены комиссии отнеслись к порыву с пониманием, все знали активного студента и комсомольца как человека очень правильного и агронома перспективного, обсуждалось даже предложение оставить его на кафедре и оформить в аспирантуру, но в предварительном разговоре Юрий предложение отклонил, сославшись на долг и обязанность работать непосредственно на производстве. Аспирантуру согласились отложить и направили энтузиаста в приличный Пореченский район, чтобы он хлебнул практики, охолонул и сам пришел с просьбой уже, а не с согласием, предаться, наконец, чистой науке.

Что надо молодому человеку, чтобы определиться в деревне? Председатель отправил его к бабушке Усихе, у которой живали все три предыдущих агронома. Председатель Макар Наумович Чуклеев, не обремененный теоретическими познаниями и к грамоте вообще относящийся снисходительно, как к неизбежному для сегодняшнего дня человеческому недостатку, агрономов считал людьми ненужными, но обязательными для колхоза, потому что в районе власти перестали по всем вопросам обращаться к председателю, а вновь избранный первый секретарь Хмара неожиданно заявил, что в растениеводстве главной фигурой должен стать агроном. С «фигурами» Макару не везло, один посевную кое-как провел и уехал, другой уборочную закончил, отчет в район увез и не вернулся, третий с год в кабинете просидел, людей боялся, землю не любил, даже с председателем разговаривал бухтельно, нехотя, пришлось предложить уволиться по собственному желанию.

Макар был крестьянин и по происхождению, и, по сути, все ремесло деревенское знал, землю звал не иначе как пашенкой, будь она во всходах или даже под снегом, пашенка, и все тут, нравится кому или нет. Колхоз «Светлый путь» объединял три деревни, Макар тутошний, родом из самой дальней и маленькой деревеньки, тут коров

пас и даже свиней подростком еще, повоевал и демобилизовался с орденами, на фронте в партию вступил, «критика и самокритика» стало любимым его выражением. Если мужики долго копались и не могли завести трактор, он подходил, отодвигал всех, лез в магнето, в карбюратор, пробовал искру, проворчав «критики и самокритики вам не хватат», дергал пускач, тот трещал, Макар ловко перебрасывал рычаги, и двигатель заревел, выплюнув облако густого солярочного дыма.

Чужого мнения председатель никогда не спрашивал, заседания правления собирал редко, да и то, чтобы оформить ранее принятые и исполненные им решения, колхозники к этому уже привыкли, и районное начальство особых претензий не предъявляло, учитывая, что колхоз жил ровненько, планы выполнял, больших грехов за председателем не замечалось, потому Макар всякий раз на собраниях получал свою долю критики и переизбирался на новый срок. Когда Долгополов попил с Усихой чаю и пришел, как договорились, к председателю, Макар сразу поинтересовался, понравилось ли ему село.

– Ничего особенного, село как село, – неопределенно ответил агроном.

– Юрий Петрович, скажи-ка мне, надолго ли к нам?

– Думаю, что надолго, – смело ответил Юрий. – У меня много задумок разных, я диплом защитил по новым сортам яровой пшеницы, так что будем внедрять теорию в практику.

Макар встал, прошелся по кабинету, время от времени останавливаясь и покачиваясь на носках, любуясь новыми бурками с блестящими калошами:

– Это хорошо, критика и самокритика, сорта и дипломы, а норму высева на сеялке, например, установить ты умеешь?

– Смогу.

– Так. А если тракторист напился, а надо боронить, агрегат стоит, сроки уходят – что будешь делать?

– Не может механизатор напиться во время посевной, – убежденно сказал агроном.

– Просто любо! – Макар всплеснул руками – Ты не из комсомольских ли активистов?

– Да, был членом комитета комсомола института.

– Я так и понял. Водку не пьешь?

– Почему же, выпиваю по случаю. Макар Наумович, а к чему вы этот разговор завели о пьянстве? Есть такое явление?

Председатель крякнул от удивления или недоумения:

– Ты же деревенский, в бумагах написано, природу нашу знашь, то есть, знаешь, мужик загулять может не только в посевную или уборочную, у нас был случай, когда молодожен в медовый месяц в загул ушел, всем колхозом его отлавливали, критика и самокритика, чтобы обязанности исполнял. Вот я и интересуюсь твоими действиями, если с трактористом такой случай.

Долгополов наморщил лоб:

– Сниму пьяного с трактора, другого посажу.

– А другого нет, все при деле, – Макар картинно развел руки.

– Бригадира за рычаги, если не сумел наладить работу головой, пусть руками.

– Годится. А сам, к примеру, мог бы смену отборонить?

– Очень даже просто, приходилось, только агроному в такую пору нельзя на один агрегат замыкаться.

– Так! – опять крякнул Макар и ехидно заметил: – У него пост или вера не позволяет?

– На мой взгляд, Макар Наумович, посадить агронома на трактор во время посевной все равно, что комиссара в бою заставить оттаскивать стреляные гильзы.

Чуклеев хохотал так громко, что машинистка Фрося из приемной заглянула, приоткрыв дверь. Махнув на нее рукой, он покашлял, вытер глаза, прибрал платок и уже серьезно проводил агронома в кабинет, на его рабочее место.

Бумаги оказались в полном порядке, Юрий записал в заранее припасенную тетрадку данные по урожайности, по внесению минеральных и органических удобрений. В тот же день сходил на склад, посмотрел семена. Ближе к вечеру нашел колхозного инженера, Владимира Леонидовича, местного парня, которого председатель год назад перевел из механиков по сельхозмашинам, парень оказался толковым, на все вопросы агронома отвечал конкретно, по ходу комментируя обстановку. Сразу заметил, что называть его можно просто Володей.

– У нас две проблемы, первая – техника, тракторов не хватает, хоть и получаем новые каждый год. Ремонт никуда не годный, РТС выпустит из ворот, а он за проходной встал, опять на удавку и в цех. Все равно потом в борозде встанет. Рекламации пишем, техинспекцию вызываем, те руками разводят: железо. А по железу так тебе скажу: ехал я в Тюмень, срочно надо было, пришлось в мягкий вагон билет покупать, и попал в купе вместе с полковником, поддатый он хорошо. Как узнал, что я колхозный механик, чуть не заплакал, оказыва-

ется, деревенский родом, служит военпредом на танковом заводе, давай меня про технику нашу спрашивать. Я погоревал насчет качества, а он смеется. Если бы, говорит, мне на танки такой металл ставили, как вам на трактора, у меня коленвал после первой заводки в штопор свернулся бы. Второе наше горе – кадры. Люди есть, а кадров механизаторских не хватает, держимся старыми эмтээсовскими трактористами, молодежи почти нет, после школы хоть к черту на рога, только не в колхоз.

Юрий с недоумением на него посмотрел: молодой, красивый, с легким пушком усов, явно не бритых, сероглазый, густые волосы через волну перекинулись на крутой затылок; такой и захочет, так не сможет соврать.

– Это же совсем плохо, просто никуда не годно. Комсомольская организация есть?

– Куда ей деться, конечно, есть, да толку-то!

– Не скажи, Володя, мы в институте так дело поставили, что сам ректор считался с комитетом, мы знаешь, как дело держали!

– В институте, может, вы и могли что, а в колхозе забудь, тут Макар и бог, и царь, и похоронная команда.

– Не ты ли секретарь комитета?

– Отбоярился, учительницу избрали, но она в колхоз не ходит, Макар ее в первый визит чем-то огорчил. Так, взносы собирают, политзанятия проводят.

– Эх, не дело это, надо через комсомол молодежь поднимать, нет же другой организации. Ты познакомь меня с учительницей той, уж я с ней поговорю, вместе потом будем председателя поправлять.

Владимир встал:

– Я познакомлю, конечно, но председателя поправлять, как ты выразился, пойдете без меня, я уже всё слышал насчет критики и самокритики.

Так закончился первый рабочий день.

3

Никогда еще молодой человек не был так доволен жизнью, как теперь, в неведомом ранее селе Огнево все его устраивало: и Усихин обед, толи мясо с картошкой, толи картошка с мясом, и ежедневные встречи с ремонтниками в мастерских, даже две поездки в район и более плотное знакомство с главным агрономом сельхозуправления Бычаевым. Тот не скрывал своего критического отношения к председателю.

– Ты в голову не бери, что он тобой не интересуется. Посевную хорошо просчитай, рабочий план будешь защищать у меня, кто-то из райкома придет, возможно, сам первый, так что по каждой позиции четко дашь пояснения. На нашего первого надо впечатление произвести, оно потом влияет на отношения.

Юрий недоуменно поднял брови:

– Почему он такой субъективист? Первое впечатление может быть ошибочным, и даже чаще всего.

– Ну, ты его поучи, – засмеялся Бычаев. – Да, из редакции интересовались, я просил пока не беспокоить тебя, но имей в виду, на всякий случай, есть там такой корреспондент, Онисимов, может подкатить.

– Это интересно, хотя, конечно, сейчас не до прессы, ко мне уже секретарь райкома комсомола подкатил, как вы говорите. Вечером пригласили в клуб, собралось десятка два молодежи, а он называет мою фамилию и предлагает избрать секретарем колхозной организации. Я дал самоотвод, но, похоже, ребята не поняли, что это такое, и дружненько проголосовали.

Бычаев посмотрел на молодого своего подчиненного с недоумением и завистью: давно ли он сам вот так же утверждал себя в комсомоле, нащупывал свою дорогу в хозяйстве, а прошли двадцать лет, и от юношеских порывов ничего не осталось, только снисходительные воспоминания.

– У меня еще один вопрос, – напомнил о себе гость. – Как бы вы отнеслись к созданию комсомольско-молодежных звеньев, причем, чтобы они не только посеяли, но и отвечали за поле полностью, и убирали сами, и расчет с ними проводить не по часовой или с гектара, а по урожаю.

Бычаев нахмурился:

– Я уже предупреждал: не порти о себе впечатление бредовыми идеями. По молодежным звеньям иди в комсомол, а по всем экономическим вопросам – к Чуклееву, он тебе быстро разъяснит. Могу заранее сказать: совершенно безнадежное дело, не пойму только, как оно тебе в голову пришло.

Долгополов решил свернуть разговор, хотя очень хотелось поделиться своими размышлениями с главным, похоже, он человек толковый, и мог бы понять, но не все в первый день. И вовсе не вдруг пришло в голову, а статью об этом принес ему доцент Новохаткин, напечатана была в журнале «Коммунист», Юрий и не подозревал о существовании такого. Какой-то ученый, забыл его фамилию, говорил о такой системе организации труда в полеводстве как о самой

оптимальной, приближающей крестьянина к результатам своего труда напрямую, и даже предполагал, что очень скоро мы подойдем к этому вопросу вплотную.

Долгополов и вправду произвел на Бычаева хорошее впечатление: умный, серьезный, полон идей, и сложен плотно, Дмитрий подумал даже, не занимался ли он борьбой. Было бы очень неплохо вспомнить молодые годы, тряхнуть стариной и повозиться на ковре с понимающим человеком. И ковер в доме культуры есть, и желающих можно отбавлять, но мало удовольствия бросать на лопатки несформировавшееся тело, напрочь лишенное всякого умения сопротивляться, а тренировать самому просто нет времени, он еще в институте понял, что надо выбирать между спортом и агрономией. Как всякий человек, подходящий к сорокалетнему возрастному рубежу, он снисходительно относился ко всем более молодым. Вот и этот романтик, вознамерившийся в колхозе имени Макара, так в районе именовали «Светлый путь», организовать молодежные звенья. У Макара вообще ничего невозможно изменить, все и всегда будет так, как он сказал, и совсем не имеет значения, что вся грамотёшка получена им в школе колхозных бригадиров, а природное понимание земли ничем не подкреплено. Если только этот фантазер не сломается при первых атаках председателя, не согласится, что тот в колхозе хозяин и будет так, как он сказал, то разочарование неизбежно, хотя жаль мальчишку: симпатичный, открытый, глаза голубые, как у девчонки. Дмитрий улыбнулся: ему девчонки голубоглазые нравились, а женился на брюнетке.

4

– Это главный агроном? – спросил звонкий голос в трубке.

– Да, - ответил Долгополов.

– Юрий Петрович, редакция, Онисимов, за новостями к вам.

– За какими новостями? – не понял агроном.

– За свежими, информацию можете дать в газету?

– По телефону? – опять переспросил агроном.

– Конечно. Подготовка к севу, семена, передовые механизаторы.

– Вы что, не можете в колхоз приехать?

– Юрий Петрович, это только в песне поется, что трое суток можно ухлопать ради нескольких строчек в газете, за такую производительность с меня редактор штаны снимет. А вообще-то мысль, я приеду сегодня к обеду, только вы будьте на месте, поговорим, статью для газеты подготовим. Добро?

– Хорошо, я буду в правлении.

Онисимов уже второй год в редакции, поучился на курсах газетных работников в обкоме партии, считался хорошим газетчиком, обстановку схватывал быстро, с людьми сходился запросто, с ним руководители хозяйств охотно беседовали, иногда позволяя печатать объемные интервью. Он чувствовал свою некоторую значимость и не упускал возможности воспользоваться этим, принося редактору материалы, которых в планах не было и которые еще неизвестно как будут восприняты в райкоме. Впрочем, все всегда было в пределах нормы, редактору делали замечание, на летучке он легонько внушал Онисимову, но тихонько гордился, что его газета поднимает важные, чуть ли не запретные темы.

Долгополов встал со своего стула навстречу молодому человеку в берете, короткой курточке и хромовых сапогах.

– Я Онисимов.

– Долгополов, Юрий Петрович.

– Меня зовут Никита, но мне больше нравится по фамилии обращение. Видимо, рожден был для армии, там красиво бы звучало: майор Онисимов, например.

– Или старшина.

– Ну, на старшину не согласен. Итак, сделаем выступление в газете молодого агронома: колхоз на пороге весны, тактика полевых работ, весенний день, так сказать, год кормит.

Долгополов смотрел на гостя уже без восторга и предвкушения задушевной беседы, какой-то неестественный оптимизм корреспондента был ему неприятен, пропало желание поделиться мыслями и найти понимание.

– Простите, вы всегда так жизнерадостны? – вдруг спросил Долгополов.

Онисимов осекся, даже растерялся:

– Что-то не так?

– Да все не так! – возмутился хозяин кабинета. – Все, понимаете? О какой готовности к посевной можно говорить, если треть тракторов стоит перед мастерской, а ремонтировать нечем, фондов каких-то нет. Удобрений ни грамма, а правление отказывается даже рассматривать вопрос об их приобретении. За всю зиму проведено несколько занятий механизаторского всеобуча, я посмотрел журнал: темы на уровне ликбеза, а где современность, где новые технологии, где передовая практика?

– Правильно! – горячо поддержал его корреспондент. – До каких

пор мы будем плестись в хвосте не только аграрноразвитых стран, но и передовых районов любимой Тюменской области? Давайте напишем об этом.

Долгополов брезгливо поморщился:

– Вам не противно ерничать? Я понимаю, что это темы далеко не районной газеты, но и молчать нельзя. Вот вы пишете о передовиках производства, я читал зарисовки о доярках и механизаторах. А что с ними завтра будет, почему вы об этом не пишете? Завтрашний день невозможен без ломки старого, а вас, кажется, все устраивает, есть с десяток фамилий знаменосцев, и тасуете их, как игральные карты.

Корреспондент присмирел:

– Простите, Юрий Петрович, не ожидал в колхозе имени Макара встретить воинствующего революционера. Я готов записать ваши суждения, впечатления свежего человека, специалиста, но надо будет все это так упаковать, чтобы до выхода газеты никто даже и запаха скандала не заподозрил.

– Почему вы говорите о скандале?

– Потому что хочу развеять вашу надежду на скорую победу нового над старым, как вы изволили выразиться, в отдельно взятом районе. Мы считаемся районом неплохим, но не правофланговым, недавно у нас первый секретарь сменился, так вот знающие люди говорят, что это может вызвать перемены к лучшему.

Юрий улыбнулся:

– Кто эти знающие люди?

– Наши старейшие руководители, им можно верить, они нюх свой развили за послевоенные годы до недозволительного состояния, самую высокую политику предсказывают, не только перемены местного значения.

– А не загибаете вы насчет большой политики?

– Нисколько. Есть свидетели, что еще в сентябре шестьдесят четвертого, за месяц до событий, председатель колхоза Пономарев и директор совхоза Долгушин предсказали снятие Хрущева.

Долгополов улыбнулся снисходительно:

– Тут много ума не надо было, а вот возможности перемен в районе чем обусловлены? Новый секретарь большие связи имеет или родственник Первому секретарю обкома? Кстати, вполне возможно, Щербина и Хмара, с одного местечка в Украине.

– Исключено! – авторитетно заявил Онисимов. – Наш хохол местный, вакоринский, возможно, дальние предки сюда перебрались,

их там целая колония. А основания такие. Хмара страшно самолюбив, то есть, не просто самолюбование, а здоровое самолюбие. Должен вам сказать, молодой человек, что я много занимался этим вопросом и пришел к выводу, что самолюбие – черта вполне положительная, до известных пределов, конечно. Именно самолюбие является движителем общественного и научно-технического прогресса. Да, не улыбайтесь. Почему ученый сутками сидит над чертежами, чтобы придумать новую машину, способную радикально изменить труд? Почему писатель душу свою изматывает над строкой? Да и ваш брат агроном тоже не за голую зарплату сорта новые выводит и технологии всякие придумывает. Чтобы мир удивить, чтобы люди, глядя на его достижение, изумились! Чтобы любимая женщина, которая отвергла его, в слезах раскаялась и просила прощения!

Никита, кажется, перебрал в эмоциях, и Юрий опять снисходительно улыбнулся.

– Теорию твою я поддерживаю. Согласен на ты?

Никита кивнул, вслушиваясь.

– Поддерживаю, вот только не знаю, как ваш Хмара сумеет ее реализовать.

– Ну, во-первых, не ваш, а наш, потому что ты теперь человек пореченский и должен к этому привыкать. Во-вторых, как? – этого пока никто не знает, подозреваю, что и сам Хмара тоже. Но все оставить, как до него было, Хмара ни за что не согласится. Поживем – увидим. А теперь ближе к теме.

Всего, что наговорил Онисимову агроном колхоза, хватило бы на разгромную статью для «Тюменской правды», если все передать ее местному собкору Филонову, но Никита один раз уже пролетел, когда напечатал в областной газете критический материал о недостатках в строительстве сыродельного завода. После публикации Хмара пригласил его в поездку по самому дальнему совхозу имени Челюскинцев и дорогой ненавязчиво объяснил, в чем состоит его ошибка. Нет, он не отрицал, что все написанное есть правда, но спросил, кто должен исправлять недостатки в строительстве? Конечно, район, конечно, райком партии. Знал райком об этих недостатках? Конечно, знал, причем без помощи корреспондента и задолго до публикации. Тогда почему ничего не изменил? Потому что не мог, и теперь не может. Строительная организация расположена в городе Ишиме, району никак не подчинена, в городе у нее много объектов, за которые горком жестко спрашивает каждый день. А за Пореченский сырзавод не спрашивает и спрашивать не будет. Что изменилось после публикации?

– А я тебе скажу, что. Во-первых, позвонил Голощапов, секретарь обкома, ведающий вопросами строительства, и дал накачку, что не использую методов партийного влияния на строителей. Во-вторых, пришел начальник ПМК, это строительная колонна, которая работает на объекте, и сказал, что после такого позора он еще одну бригаду снимет. В-третьих, надо воспитывать в себе чувство патриотизма, не любви к родине вообще, а к своему селу, к своему району.

Онисимов искренне обиделся:

– Почему вы решили, что я не люблю свой район, Григорий Иванович?

Хмара улыбнулся:

– Ты пока что себя в районе любишь. И еще запомни: всю нашу большую Родину любить проще, чем свою маленькую, у которой только ты, возможно, и есть. Я ведь понимаю: престижно напечататься в областной газете, но надо чуть выше смотреть: а что это даст, кроме пятнадцати рублей гонорара?

Онисимов задохнулся от стыда и обиды, уж больно примитивно свел секретарь все к копеечной корысти, а ведь он хотел большего.

– Откуда вы знаете про пятнадцать рублей? – спросил он совсем не к месту.

Хмара опять улыбнулся:

– Хорошим был бы я руководителем, если бы чего-то не знал в районе. Журналист всегда должен задавать себе самый главный вопрос: как отзовется мое слово, что оно принесет? Тогда у тебя не будет чувства неловкости: вроде бы хотел как лучше, а получилось, что в районе не довольны, пользы от материала нет.

Потому от заманчивой рубрики «Размышления агронома» пришлось отказаться, разговор в материале был переведен на уровень постановки всем известных загвоздок предвесеннего состояния колхоза: все вроде бы ничего, но чего-нибудь маленечко не хватает.

– Ладно, – примирительно сказал Долгополов по телефону, когда газета добралась до колхоза. – Ты не унывай, вот отсеемся, я подниму свои конспекты, мы такую статью напишем – все ахнут.

5

Долгополов пришел к Макару Наумовичу с расчетом, что, если объединить всех молодых трактористов, то получится как раз поточный метод работы: один сцеп культивирует, второй боронит, третий сеет и последний прикатывает. Даже для технического обслужива-

ния молодежного коллектива есть вполне не старый механизатор, Юрий с ним уже познакомился и поговорил. Тот не засмеялся над идеей агронома, даже согласился, но сильно усомнился, что ее поддержит председатель.

Выслушав довольно стройное предложение агронома, Чуклеев важно сказал:

– Я слышал, что в Америке Форды и всякие прочие капиталисты даже за самое пустяковое предложение платят доллары, ну, это такие ихние плохие рубли. Вот ежели бы ты у них работал, ты бы только на одних фантазиях сумашедчие деньги зашибал. Я же тебе платить за это ничего не буду, у Фордов деньги от рабочего класса наворованные, а мой рубль колхозный и трудовой, я, может, ещё наоборот, из зарплаты твоей вычту, чтобы в рабочее время делом занимался.

Юрий собрал свои бумажки:

– Макар Наумович, я дойду до райкома, но молодежные звенья будут работать, это я вам твердо обещаю.

– Пойди, там тебе мозги быстро вправят, мы только в животноводстве группы телятишек формируем по половозрастным признакам, а ты уж давай людей сгонять.

– Да это же одна из форм воспитания.

– Кого? Веньки Брезгина или Нахрапенка, Фроськой нагуленного? Ты об посевной думай, а на воспитании у нас уже три человека кормятся: партком, местком и учительница по комсомольской линии, правда, она вроде бесплатно.

– Отстаете от жизни, Макар Наумович, учительница свои полномочия сложила, и перед вами вновь избранный секретарь комсомольской организации колхоза.

Для Макара это было новостью, он даже удивился, как без его согласия решен такой вопрос, а потом передумал обижаться:

– О, да ты далеко пойдешь, если вовремя не остановить. Иди, занимайся делом.

Велико же было изумление Макара, когда ему позвонил секретарь райкома по идеологии Аржиловский и поблагодарил, чего раньше за ним не замечалось:

– Молодец, Макар Наумович, спасибо за поддержку комсомольских инициатив!

Чуклеев оторопел:

–Григорий Сергеевич, я чего-то не понимаю, об чем речь?

– Да вот, узнаю из газеты, что председатель колхоза «Светлый путь»

с энтузиазмом поддержал желание своих молодых механизаторов на посевной объединиться в комсомольско-молодежные звенья.

Макар крякнул:

– Это в которой газете, критика и самокритика?

– В сегодняшней. Имей в виду, Макар Наумович, что бюро райкома поддержит ваше начинание.

Макар окончательно растерялся и пролепетал:

– Так оно, Григорий Сергеевич, завсегда, ежели для пользы дела.

«Это как он меня круто обошел? Аржиловский шутить не будет, что газета прописала, а если действительно, райком поддержит, а я тут критику и самокритику. Агрономишко-то с прицелом парень, голой рукой не возьмешь, молодец, только за таким глаз да глаз нужен».

– Фрося! – позвал секретаршу. – Почта придет – все сразу ко мне в кабинет.

Так и есть, в районной газете напечатано большое интервью с главным агрономом колхоза Долгополовым, вопросы задавал этот щелкопер Онисимов. Ага, вот он выходит на председателя: «А как к вашей инициативе относится председатель колхоза Чуклеев?». И агроном нагло врёт, что «Макар Наумович всячески поддержал и одобрил начинание и обещает всемерную поддержку». Да за такие слова... Но чуть ниже напечатано постановление бюро райкома комсомола о поддержке инициативы молодежи колхоза и намерении применить такой метод организации труда в других хозяйствах. Макар вытер вспотевшую лысину. Дурацкое положение! Как себя вести? Всыпать агроному уже не удастся, прилепиться к инициативе тоже не с руки. Ладно, не будем гнать лошадей, посмотрим, что будет завтра. Если честно, у него и без комсомольских игрушек голова кругом идет.

Весенние полевые работы начались со скандала. Все уже привыкли, что Макар Наумович первым выводил на поля агрегаты с боронами, ранее весеннее боронование, и имел для этого все основания: несколько прогонистых увалов вдоль трассы на Ишим вперед других полей освобождались от снега и быстро высыхали. Утром он позвонил в редакцию:

– Никита? Мы сегодня начинаем раннее весеннее боронование, как всегда, первыми в районе. Не желаешь репортажик сварганить? Я подошлю Володю на «Волге».

Когда Онисимов подъехал к полю, картина была более чем грустная: на развороте трактор буксонул и по самую раму зарылся в разопревший грунт. Тракторист Клим Акиньшин ходил вокруг и

матерился, сказал, что Чуклеев отменил съемку и уехал в «Сельхозтехнику» за мощным С-100, чтобы вытащить агрегат: неловко, поле у самой дороги на Ишим, десятки машин проходят, разговоры по району пойдут. Но у Никиты было свое мнение:

– Клим Феоклистович, ты механизатор старый, такими случаями тебя не удивишь, но факт остается фактом: ты первым в районе выехал на подборонку, а как оно у тебя получилось – это совсем другой репортаж. Так что поправь кепочку, улыбнись, так, снято. Теперь на фоне трактора. Да не смотри ты, что гусеницы в грязи скрылись, мы их обрежем. Народ надо мобилизовывать, понимаешь? Увидят завтра твой портрет в газете, все трактористы попрут к руководству: почему не бороним? «Светлый путь» может, а мы нет? Этому учит нас партия и правительство и первый секретарь райкома товарищ Хмара.

– Ты какой-от разговорчивый сегодня, – усмехнулся Клим Феоклистович. – не схлопочешь за мой грех?

– Обойдется, только ты ни слова Макару, что я снимал, а с Володей я сам договорюсь.

Ничего не сказав в редакции, он отдал фотокорреспонденту пленку для проявки, сам напечатал снимки, и к обеду сдал репортаж. Редактор похвалил за оперативность и велел крупно поставить на первую полосу.

Уже в десять часов следующего дня в редакции дым стоял коромыслом. Хмара, оказывается, всю эту историю знал, газетный репортаж вызвал у него настоящий гнев, он позвонил редактору и после традиционного «Здравствуй, Хмара!» отсчитал, как он это умел делать. Немного пришедший в себя редактор вызвал Никиту и всыпал ему, но не так внушительно, потому что не знал деталей. Онисимов сделал обиженное лицо, ходил по кабинетам с газетой в руках и всем показывал, как красиво смотрится Клим Феоклистович на фоне чистого неба.

6

Хмара родился и работать начинал в родном Вакоринском колхозе, и отлучался из района только по большой нужде, один раз на Великую войну, второй на учебу в Новосибирскую партийную школу. А давно ли вернулся? Как время идет!

...После вчерашнего застолья голова слегка шумела, постукивало в висках, диплом партийной школы, ради которого пять лет изучал

науки, в последний день достался очень тяжело. Всем выпуском сидели в ресторане, тосты, музыка. Он давно столько не выпивал, с самой Победы, когда от кружки водки не мог отказаться самый убежденный трезвенник. На фронте свои сто грамм отдавал ребятам, тем, кто покрепче, кто не сорвется, не подведет. А тут расслабился.

В комнате стоял крепкий мужской храп. Григорий вышел в коридор общежития, по давней привычке сделал несколько упражнений, разогнал кровь, умылся холодной водой, основательно растерся грубым полотенцем. Вернулся в комнату, достал большой фанерный чемодан с протертым на углах дерматином, уложил свернутый выходной костюм, сшитый из привезенного при демобилизации германского бостона, две рубашки, взялся за книги и остановился. Книг много, в последний год учебы он выкраивал по две десятки из стипендии и дополнительного заработка, заходил в магазин политической книги, и симпатичная продавщица Симочка заворачивала в серую бумагу новинки: избранные произведения классиков марксизма-ленинизма, работы по сельскохозяйственной экономике, философии, политэкономии. Друзья беззлобно подсмеивались над ним, но шутить перестали, когда старый профессор на экзамене поставил слушателю Хмаре пятерку и заметил, что удивлен его познаниями, поскольку они далеко уходят за пределы учебной программы. Федя Поволоков тогда вполне серьезно сказал:

– Гриша, помяни мое слово, быть тебе большим партийным работником. Я за три года всех ребят изучил, и все мы назьмом ляжем для твоего роста.

Хмара тогда искренне обиделся и рассердился:

– Поволоков, прекрати эти разговорчики, мы все носим партийные билеты одного цвета, и у всех одинаковые возможности.

– Насчет возможностей ты прав, только надо еще и способности иметь.

В дверь осторожно постучали, поскребли пальцами по облупившейся краске фанеры, так делали дежурные вахтеры, когда надо было кого-то вызвать, а в комнате в любое время могли быть отдыхающие. Хмара вышел.

– Вас приглашают в школу, к Лапенковой.

– Хорошо.

Значит, Лапенкова будет настаивать. Перед вручением дипломов она раскрыла все карты:

– Григорий Иванович, я предлагала вам остаться заведующим учебной частью института. Возможно, вас не устраивает должность.

Тогда слушайте. Вчера меня пригласил Первый, я перехожу в аппарат обкома. Когда Горячев спросил о замене, я предложила вас на должность директора института.

Хмара был явно смущен таким поворотом дела. Да, два учебных года он совмещал учебу и работу завучем вечернего института марксизма-ленинизма при партийной школе, даже семью отправил на родину, чтобы освободиться от лишних забот. Да, ему нравится эта работа, преподаватели и слушатели люди высокообразованные, увлеченные, с ними легко, интересно. И первый секретарь обкома Горячев тоже бывший тюменец. Но...

Он тогда отказался решительно, кажется, София Андреевна поняла, улыбнулась и сказала, что не прощается. Сегодня, видимо, хочет в последний раз попытаться убедить.

Она встретила его в приемной, пригласила в кабинет. Хмара ничего не мог прочитать на ее лице, так молодая женщина умела прятать свое настроение. За год постоянного общения он ни разу не видел ее другой – взволнованной, радостной, раздраженной, всегда ровная, хорошо одетая, волосы гладко зачесаны, смотрит прямо в глаза при беседе, не оставляя никакой надежды уйти от прямых ответов. Такой тип женщин он уже научился относить к профессиональным партработницам, не мог представить Лапенкову на кухне за плитой или, например, на пляже... Вот и сегодня она гостеприимна и официальна.

– Как отметили завершение учебы, Григорий Иванович?

– Спасибо, София Андреевна, нормально отметили, отсыпаемся.

– Я вас подняла? – она взметнула глаза, и Хмара заметил в них усмешку.

– Нет, я уже собирал вещи.

– Знаю, что вы не любитель выпивки. Не удивляйтесь, я многое про вас знаю, иначе не стала бы так энергично настаивать. Я опять о своем предложении. Тюменский обком не прислал своего представителя на распределение выпускников, это дает вам полное право самостоятельно трудоустраиваться. Вы хотя бы с этим согласны?

– Конечно.

– Тогда в чем причина отказа? Подождите! – Она остановила его. – Будучи директором института, вы имеете полную возможность защитить кандидатскую степень. Квартиру получите сразу. Перспектива роста – лучше не бывает. Почему вы отказываетесь? Другой бы ухватился за такую возможность.

Хмара чувствовал себя крайне неловко, настойчивость Лапенковой его смущала, отказ, действительно, трудно понять со стороны, но ему все было ясно.

– Григорий Иванович, объясните, вы семью почему отправили домой? Только честно.

– А я иначе и не умею, София Андреевна. Семья – это мой якорь, гарантия, что вернусь в родной район, буду там жить и трудиться.

– У вас есть конкретное предложение по должности?

– Да.

– Если не секрет?

– Какие между нами могут быть секреты, София Андреевна? Партийная работа.

– Я так и знала! Значит, наше сотрудничество отменяется раз и навсегда?

– Спасибо, София Андреевна, но я еду домой.

Она встала, подошла к окну, недолго молчала, потом резко повернулась к нему.

– Дурень ты деревенский! Прощай.

Хмара пожал ее маленькую руку, и ему показалось, что она дрожит. Закрыл тяжелую дверь, вышел на воздух.

Весна буйствовала на улицах города. Конечно, тут ей воли мало, ни леса, ни луга, где можно развернуться, щедро украсить землю, кинув бездумно россыпи ветродуев и одуванчиков, налепив по кустам бутоны черемухового и сиреневого цвета, чтобы задохнулся человек запахом новой жизни и весенних желаний. Но и тут озорует природа, из сквера несет прелой листвой и едва уловимым ароматом свежей поросли, созданные садовниками безобразные геометрические фигуры кустиков неудержимо рвутся к естеству, во все стороны разметав юные побеги и нарушив установленную человеком строгость форм.

Ранним утром Хмара открыл дверь кабинета первого секретаря Пореченского райкома Стрекалёва, отсюда три года назад он вышел с рекомендацией на учебу в ВПШ. Стрекалёв крепко пожал ему руку.

– Поздравляю с окончанием. Когда прибыл?

– Только вчера.

– Значит, завтра в обком, уже звонили.

– Зачем, Федор Яковлевич?

Стрекалёв засмеялся.

– За назначением, конечно.

Хмара тоже улыбнулся.

– Я уже давно получил свое назначение, и вы о нем знаете. Это родной мой Пореченский район, так что определяйте рабочее место.

Стрекалёв перестал улыбаться, переспросил:

– Ты это серьезно? Никакой работы дать не могу, поскольку ты в резерве обкома, и он командует выпускниками высшей школы. Или ты обиделся, что не приехали на распределение? Тогда брось!

– Обиды нет, Федор Яковлевич, но это повод, чтобы основательно настаивать на работе именно в своем районе, который и направлял меня на учебу. Я же старался, вот, посмотрите, в ведомости одна четверка, остальные «отлично». Зачем поеду в чужой район, кому я там нужен?

Стрекалёв закурил, пустил столбик густого дыма.

–Григорий , я знаю тебя как человека серьезного, дурака ломать ты не будешь. Не хочешь в другой район – это твое право, но в обком на беседу ехать надо. К тому же нет у меня вакансий, нету!

Хмара собрал со стола документы и положил в карман.

– Я ведь не должность прошу, а работу. С какой поры в районе работы не стало, Федор Яковлевич?

– Ох, и влетим мы с тобой, дорогой ты мой! Ладно, беру партийный грех на свою душу, там еще место есть, пойдешь инструктором-организатором на Ильинский и Дубынский совхозы. Согласен?

– Конечно.

– А в обком все-таки надо бы съездить.

7

Галина с субботнего раннего утра стала заглядывать в окошки: не появится ли Григорий? Инструктор-организатор только числился при райкоме, а работал в хозяйствах, где ночевал, что на обед было, да и обедал ли – о том она не спрашивала, с первых дней совместной жизни он попросил о служебных делах даже не заикаться. Она женщина понимающая, только нет-нет, да и куснет сомнение: а где же он ночует, или завел какую? Потом одумывалась: Гриша этого не допустит, Ниночка у них и Гриша, разве променяет? Да и партийной совестью дорожит, не допросишься, чтобы кусок мяса привез из совхоза. Вон в Дубынке какой курятник, говорят, райкомовские специально ездят туда за свежими яйцами, да что говорят – ей тоже предлагали, и она в очередной его приезд спросила согласия, ну и получила. «И думать не смей, не хватало, чтобы мне эти яйца боком вышли. Кто берет – пусть, а ты не моги. Есть у тебя пяток курочек, договорись с петушком, чтобы почаще их веселил, вот тебе и весь желток всмятку».

В субботу Григорий приезжал домой, парился в бане, разбирался со школьными делами ребятишек. Суббота – официальный день приезда, на местах надо быть «от бани до бани», но случалось и среди недели погостевать в своей семье, если вызовут в райком по какой надобности.

В этот раз за поздним ужином он сказал жене:

– Завтра меня не буди без нужды, в понедельник утром к Стрекалёву приказано явиться.

– А не сказали, зачем, Гриша?

– Не сказали. Ты слышала, что районы делят, Сладковский в прежних границах восстанавливают. Возможно, о новой работе пойдет речь.

Галина с грустью на него посмотрела:

– Опять ехать неизвестно куда? Гриша, тебе уж под сороковник подпирает, сколько мы избушек по району обжили... Пусть они успокоятся. Ребятишки опять же к школе привыкли.

Григорий засмеялся:

– Ты уговариваешь, будто меня спросят, если потребуюсь. Помнишь, как в Пешнево инструктором по зоне МТС направили?

– Ой, так и направили! Мне говорили потом, что ты сам напросился. Ведь сам?

– Вот дура-баба, а тот, кто тебе это сказал, еще глупее. Не напросился я, а предложение внес, как мне участвовать в выполнении решений Пленума ЦК об укреплении парторганизаций МТС.

– Избушку нам тогда председатель колхоза отвел бросовую, ни окон, ни дверей, целую неделю ее в порядок приводили.

– Да, но ведь жили?

– Жили. А когда в Поречье перевели парторгом МТС, что тебе Ратушняк сказал про жилье? Корову поставишь на колхозный скотный двор, сено сюда же привезешь, а самого в хомутную избушку привел: живи, партийный секретарь! А у нас дети.

– Ратушняк молодец, честно сказал: «Нету, кажу, у меня квартир, поживи пока в хомутовке». Я те боронные зубья, на которые конюха хомуты вешали, никогда не забуду. На совесть вколачивали их мужики, не думали, что избушка партийным особняком станет. А какие квартиры мы потом строили – красота, с прихожей, с пригончиком, с банькой.

– Не соглашайся, Гриша!

– Ладно тебе, еще ничего и не предлагали. А ты не подумала, что меня вообще могут турнуть с партийной работы, ведь я так и не явился в обком? То-то!

8

Стрекалёв выглядел сильно уставшим, озабоченным, Хмару встретил сухо, предложил сесть. Долго говорил с директором совхоза Долгушиным по телефону, Григорий ругнулся: нашел Вениамин время позвонить! Положив трубку, Стрекалёв испытующе посмотрел в глаза собеседнику:

– Догадываешься, зачем пригласил? Нет? Должен тебе сказать, что отрыгнулась мне крепким внушением от Щербины твоя строптивость. Со Сладковским районом делимся кадрами, второй секретарь и председатель райисполкома уедут туда, я предложил обкому твою кандидатуру на второго. – Он помолчал. – До Щербины никто не давал окончательного решения, перестраховщики хреновы. Пришлось говорить лично с первым. К худу ли к добру, но он тебя помнит, исключительно, видимо, негативные впечатления. Мне сказал: решай сам, тебе с ним работать. Так что буду рекомендовать пленуму без официального направления обкома. Доложу тебе, случай беспримерный в партийной практике.

Через день приехал заведующий организационным отделом обкома Степанов, после обсуждения кандидатур со Стрекалёвым собрали первое заседание оргбюро. Степанов сухо сказал, что первого секретаря рекомендуется оставить в должности, вторым предлагается Хмара, по третьему вопрос в стадии решения.

Хмара встал:

– Есть предложение выдвинуть секретарем райкома редактора газеты товарища Аржиловского. Очень грамотный человек, имеет авторитет в районе.

Степанов помрачнел:

– Товарищ Хмара немного опережает события, его кандидатура еще вилами по воде писана, а он уже кадры комплектует.

Григорий вскипел:

– Товарищ Степанов, я вхожу в оргбюро и работаю в нем вне зависимости от того, изберут меня или нет. Аржиловского предлагаю не из личных симпатий, хотя и они есть, а исходя из объективной характеристики. И не надо намекать насчет воды и вил, я ничем себя не скомпрометировал и думаю, что дальше Поречья меня все равно не пошлют, а ниже инструктора ставить смысла нет.

Стрекалёв аж привстал:

– Хмара, лишаю тебя слова! А кандидатуру Аржиловского предлагаю внимательно изучить.

9

Всю жизнь на земле, рядом с теми, кто ее пашет и засевает, кто собирает урожай и сдает народно-хозяйственные планы. С молодых лет много книг прочитал, статей в журналах, с умными людьми доводилось общаться, больше молчал, слушал. Что Сибирь – зона рискованного земледелия, знал, только выпадали годы, когда и тут хлеба родились на диво, и факт этот ставил рискованность в зависимость от каких-то конкретных обстоятельств. От каких – надо анализировать и обобщать.

Курган вот рядом, и работает там бригадиром-полеводом колхоза народный академик Терентий Семенович Мальцев, который получает по двадцать пять центнеров зерна с гектара, а мы и половину того считаем удачей. Григорий нашел на своей этажерке две книжки Мальцева, еще раз пролистал. Да, нелегко, видно, приходится академику, если и он не волен сам решить, когда и какой земле можно дать отдых, чистых паров и ему не дозволено иметь. Безотвальная вспашка у нас тоже применяется, Григорий еще по целине знал о ее преимуществах. Мальцев постоянно подчеркивает, что самым важным фактором урожайности для Сибири и Зауралья была и остается влага, вроде бы резиновые сапоги никогда далеко не прячем, а в нужное время хлебу водички не хватает.

Стрекалёв вернулся из Тюмени с совещания по весеннему севу, пригласил Хмару.

– Проверь еще раз готовность к посевной, съезди в два-три хозяйства. И на субботу назначай районное совещание, надо довести установку обкома по срокам сева.

– Опять ставка на ранние?

– Ну, это мы с тобой обсуждать не будем, потому как права не имеем, в прошлом году без малого тысячу гектаров под снег пустили, ждали, когда зерно созреет. Ранний сев – ранняя уборка.

Стрекалёв закурил, со вкусом затянулся, Григорий едва не улыбнулся: красивый у нас секретарь! Высокий, крепкий, шевелюра седых волос, до синевы выбрит, голос густой, взгляд цепкий.

– Федор Яковлевич, прошу вашего согласия на поездку в Курган, там Мальцев проводит большое совещание. Послушаю, а после проведем свое. Считаю, полезная будет поездка.

– Разговор об этой агрономической конференции был, но нас никто не приглашал, как ты поедешь?

– Это все решимо, если вы не против.

В Кургане у Хмары больших проблем не возникло, его внесли в список приглашенных, дали место в гостинице, снабдили материалами. Он впервые слышал разные мнения ученых об особенностях земледелия Зауралья, о тактике проведения нынешнего весеннего сева, впервые был свидетелем острой дискуссии, блокнот его быстро заполнялся.

Выбрав подходящий момент, он подошел к Мальцеву, представился:

– Терентий Семенович, ваше мнение очень важно для нас, особенно по срокам сева. Можно ли ваши рекомендации целиком перенести на тюменское поле?

Мальцев строго на него посмотрел:

– Если бы все было так просто... Тут мы толкового разговора не составим, коли желание есть – приезжайте ко мне в колхоз, покажу и расскажу все, как на духу.

– Можно сразу после конференции?

– Можно.

На опытной станции при колхозе, в которой несколько десятилетий работал ученый, Хмара увидел снопы пшеницы яровой и озимой, овса и ячменя с небывалым колосом, потрогал корешки журналов наблюдений полувековой давности, перебирал на ладони семена неведомых сортов. Во всем была какая-то тайна, Григорий удивлялся ей и боялся упустить, боялся, что она ни чуть не откроется ему, он уедет, чтобы безответно спрашивать себя, почему одни знают, а другим не дано.

Мальцев снял чуть подмокший на раннем весеннем дожде простой брезентовый плащ, поправил гимнастерку под узеньким ремешком, пригладил редковатые волосы.

– Что насмотрели, молодой человек? В поле бы надо, да еще рано, спит оно, так что будем говорить с ним заочно. Вы мне о своем районе расскажите.

Григорий посетовал, что земли у нас небогатые, слабоват технический парк, потому с посевной и уборочной кампаниями затягиваем, в лучшие сроки не укладываемся.

– Какие сроки сева вы считаете лучшими? – спросил Мальцев.

– По наблюдениям, декада с пятнадцатого по двадцать пятое мая.

– Тут мы с вами сходимся. У нас и в Северном Казахстане июнь, как правило, суховейный, а июль дождливый. Не зря в народе говорят, что дождь не когда просят, а когда косят. Мы, к сожалению, не можем сделать так, чтобы помочило в начале июня, правда? Значит,

и агротехнику надо так строить, чтобы этот познанный фактор использовать для урожая. Согласны?

– Конечно.

– Кроме того, ранние посевы в сильнейшей степени забиваются однолетними сорняками, особенно овсюгом. Есть такое?

– Частично есть, – улыбнулся Григорий .

– При раннем севе зерно в холодной почве долго не даст всходов, часть семян погибнет, посевы получатся изреженными. Надо выбрать такой срок сева, при котором пшеница в молодом возрасте легко пережила бы июньскую засуху и основное развитие начала в июле, когда нехватки влаги уже нечего бояться.

– Терентий Семенович, бывает, что мы с пшеницей уходим в конец мая, лето она хорошо переносит, но не вызревает, хлеба все равно нет.

– Да, одними сроками сева урожайность не отрегулировать, хотя и в этом простом деле у крестьянина свободы нет. До сих пор не могу понять, кто втемяшивает в головы нашего руководства дурные мысли о раннем севе? На меня ведь тоже давят, весной по сводке колхоз «Заветы Ленина» в самом хвосте, вот и дергают телефоны, а то и уполномоченный приедет. Был такой случай: я сказал председателю, что раньше семнадцатого мая сеять не буду, собрал на пересменке трактористов, попросил, чтобы любой причиной прикрылись, но не выезжали без моей команды. А сам спрятался, в полном смысле. Район жмет, председатель не вытерпел, велел засыпать семена в сеялки. А трактористы не едут. Что вы думаете – милицию вызвали. Слышу – плохо дело, рассекретился, первому секретарю обкома позвонил, тот вмешался, отстали. Ну, конечно, работали день и ночь, трактористы с сеяльщиками на ходу менялись, но уложились, хлеб хороший собрали, вполовину больше, чем по району. На совещании меня в президиум посадили, просят поделиться опытом. Я тогда сказал, что надо перестать командовать крестьянином, и все будет. Не понравилось!

– Терентий Семенович, а правда, что вы с товарищем Сталиным вступали в полемику?

Мальцев тихонько засмеялся, прикрыв лицо руками.

– Со Сталиным в полемику? До этого не дошло, но ответил я на его реплику резко, сам не ожидал. Пригласили меня на пленум ЦК и предложили выступить, это вскоре после войны. Текст я написал, проверили, поправили. Посмотрел на распечатку, и хоть не выступай, все мои мысли выхолостили. И решил: скажу, как думаю, потом хоть не рассветай. И сказал. Про бедность деревенскую, про хлеба

скудные, сказал, что Зауралье может два плана зерна давать, но для этого надо пятьсот новых тракторов. Сталин переспросил, я повторил: пятьсот. «А больше вам ничего не надо, товарищ Мальцев?». Я повернулся к президиуму: «Нет, – говорю, – товарищ Сталин, и на том спасибо». Нехорошая тишина тогда была в зале, но Сталин несколько раз ударил в ладоши, бурные, как говорится, аплодисменты.

– А потом? – не удержался Григорий .

– Пятьсот тракторов область получила, а я в ту весну в обкоме собственноручно прогнозы писал, сроки сева указывал цифрами и прописью. Отвечать надо за свои обещания. Ничего, обошлось, давали по два плана, пока цифры не увеличили. Но вернемся к сегодняшнему дню. Нам до зарезу нужен сорт неполегающей яровой пшеницы. Больно смотреть, как ветер с августовским дождем рослый посев превращает в сплошной ковер. Шел рекордный урожай, да поминай, как звали. Тут тебе и ржавчина, и зерно щуплое. Не помню случая, чтобы хлеб с буйным травостоем созрел у нас стоя. Селекционная наука наша отстает, много формализма, очковтирательства, я на пленуме ЦК об этом говорил, Хрущев тогда поддержал, но ничего не изменилось.

Терентий Семенович заботливо спросил:

– Чаю хотите? Мне настоящий индийский привозят, злоупотребляю авторитетом.

«Сколько же ему лет? Наверно, больше семидесяти, но как рассуждает, какие наблюдения! Академик, а руки крестьянина, жилы набухли. – Хмара улыбнулся своим мыслям. – И гимнастерка все та же, под ремешком, как на фотографиях. Молодец!»

Горячий чайник, две чашки и заварник принесла молодая женщина, а Мальцев пришел с папкой газетных вырезок.

– Тут мои статьи и выступления по крестьянским делам, я их положу в сумку, ночевать будете у меня, вечерком почитаете. Теперь продолжим. Как у вас с парами?

– Почти никак, планы выдавливают пары, за каждый гектар первый секретарь отвечает лично.

Мальцев налил себе чашку свежего чая, откусил краешек комкового колотого сахара.

– Я вприкуску люблю, благо зубы позволяют. И вы пейте, очень хороший чай.

С минуту они молча наслаждались чаем. Поставив чашку в блюдце донышком вверх, хозяин продолжил:

– Партийная забота хороша, когда уместна, плохо, если она становится мелочной опекой. Я писал Хрущеву, потом Брежневу: уберите весь список показателей с колхоза, оставьте только реализацию продукции, и крестьяне, то есть, колхозники, быстро поймут, что они хозяева своего труда и его результатов, что нам сегодня крайне необходимо. Брежнев поддержал, сообщил, что дал команду провести такой эксперимент не на колхозе, а на всей Курганской области.

– И что? – Хмара напрягся.

– Ничего. Не могу концов найти, затерли бумагу. Я все хочу в глаза посмотреть тому, кто придумал выражение «занятый пар». Кому очки втираем? Если земля занята, это уже не пар. Впрочем, надо помнить, что самый эффективный прием, будь то выбор срока сева или лучшие сорта, не может гарантировать успех в борьбе с капризами природы. Помочь крестьянину может только комплекс приемов, в сумме именуемый культурой земледелия. Вы согласны с этим?

– Полностью, Терентий Семенович.

– Вам какое поле больше нравится: черное, зеленое от всходов или золотое осеннее? Не смущайтесь, я не хотел этого. Мы с вами говорим об агротехнике, а на первом месте все-таки стоит человек, крестьянин. Не тот пахарь, кто пашет, а тот, который любуется своей пахотой. Пахать многие могут, а вот любоваться не всякий способен.

Полный добрых впечатлений и глубоких раздумий после утреннего чая выехал Хмара домой. Весна изгоняла с полей последние одёнки снега, озера, каких много встречалось на его пути, вспучили бурый неприглядный лед, березовый лес потемнел, но весело потемнел, не хмуро, готовясь брызнуть зеленью почек. Всякая низинка полна воды, зябь черна, невспаханные поля смотрят укором.

«Какой сев нынче будет, какое лето – никто не может уверенно сказать. Старик вот тоже разные варианты обсуждает. Но у него на всякий природный чих свое здравствуйте есть, техникой колхоз обеспечен по потребности, не то, что мы. И это правильно, потому мы к нему идем за советом, а не он к нам».

10

В полудреме привиделись картины детства, родное Вакорино, друзья.

Перед Новым годом эта весть всполошила всю деревню: вчера школьники возвращались из Копотиловой, и встретила их по дороге стая волков. В это время у них свадьбы, ладно, что самка не обратила внимания на детишек, а то порвали бы звери. От Копотиловой до

Вакорино без малого двадцать километров, дороги почти нет, изредка казахи на лошадках друг к другу в гости проедут, только след и остается в застывшем снегу. После праздника собрались отцы в бригадной конторке, договорились, что по очереди будут сопровождать детей.

– Ружье надо.

– Есть у меня бердана, в волка навряд ли попадешь, а шуму много.

– И лошадку бы надо выделить, в один день в оба конца по бездорожью не сходишь.

Колхозный бригадир посуровел:

– Лошадь не могу дать. Не положено.

– Одумайся, что ты несешь! – Евлампий Сидорук аж побагровел. – Колхозные же ребятишки.

– Я за лошадей отвечаю, а не за ребятишек! – Бригадир хлопнул ладонью по столу.

Счетовод Иван Хмара перехватил руку:

– Не сокотись, Петрович, лошадь выделишь, а я трудоднем мужикам эти поездки проведу, и собрание утвердит. – На ухо шепнул: – Тебя чуть не прокатили на собрании, а будешь поперек – прокатят, опять вилы возьмешь и на ферму.

Возымело, каждую субботу кто-то из мужиков уезжал в Копотилову и сопровождал ребятишек. Сложив котомки в сани, они гуськом шли за подводой.

В конце учебного года всем вакоринским школьникам было наказано забрать в Копотиловской школе документы, обществом решили перевести детей в Михайловку, тут поближе, да и колхозные сливки на Ченчерский маслозавод через эту деревню возят, продукты можно отправить и на выходные всю компанию сопроводить.

Михайловские не особо дружелюбно встретили новеньких, в первый же день после занятий налетели на мальчишек с криками: «Бей хохлов!», тумаками обменялись, когда чей-то окрик остановил сорванцов. Ровесник, но крепкий паренек, парочку оплеух отвесил своим же, развел драчку.

– Сказано было с утра: не трогать, дразнить тоже нечем, они хоть и хохлы, но наши.

Подошел к мальчишке, который наклонился у плетня и пережидал кровь, капавшую из разбитого носа.

– Ты откинься на спину, скорей присохнет. Как зовут?

– Гришка.

– А я Ванька, Ермаков фамилия. Полежи. – Сам присел рядом на

корточки. – Скажи своим, что больше никто не тронет, наши вообще-то не драчливые, видно, нынешним днем на солнце пятна.

– Кто на солнце? – переспросил Васька.

– Возмущение в природе, я читал, пишут, что на психику действует, дураком человек делается.

Васька приподнялся на локоток:

– Ермак, который на диком бреге, тебе не сродственник?

Иван небрежно пожал плечами:

– В своих, должно быть, фамиль так просто не образуется. Твоя какая фамилия?

– Хмара.

– Это по-каковски?

– А я знаю?

– У бати спроси. А вообще-то надо бы в книгах поискать, есть такие, в которых каждое слово разъемачено. Ну, ладно, нос присох, пошли. Ты где на квартире стоишь?

– У бабки Алферихи.

– В соседях будешь, только с бабкой тебе не повезло, ведьма. Я к ней в огуречник нынче залез, а она с дрыном поджидала, исполосовала мне спину, до тех пор драла, пока через плетень не перескочил. – Ваня весело засмеялся. – А дома мать добавила, со всех сторон бедному Ваньке прибыль!

11

Закончился год, в колхозах и совхозах подводили итоги, готовились к очередной районной партийной конференции. Прошел слух, что Стрекалёв уезжает из района, и не ясно, кого рекомендуют на его место. Хмара только что стал вторым, да и в обкоме на него зуб имеют. Больше склонялись к тому, что привезут со стороны. Долгушину этого очень бы не хотелось.

– Ну-ка, Владимир Тихонович, переубеди меня. Мы тут родились, полжизни положили, а в район руководить присылают чужого человека. Правильно это?

Парторг кашлянул:

– С точки зрения расстановки партийных кадров – правильно. Обкому виднее.

– Виднее! А у нас, получается, неважное зрение? Вот у тебя есть конкретное предложение по первому секретарю?

– Нет. Хмару не будут рекомендовать, своенравных не любят, Терехова тоже навряд ли, а других нет.

Разговор с Головачевым окончательно расстроил Вениамина. За пять лет работы директором крупнейшего в области совхоза он только-только почувствовал, что меняется отношение к деревне. Промышленность начала осваивать новую технику, отпускают деньги на строительство животноводческих помещений, даже на жилье и соцкультбыт дают. Все приходится делать самим, хозяйственным способом, в районе нет приличной строительной организации, некому толково заниматься механизацией ферм. Нужен хороший хозяин, который бы переживал за район, как он, Вениамин Долгушин, переживает за Ильинский совхоз, чтобы бился за него в области, а не довольствовался тем, что распределят.

Вениамин близко к сердцу принял грядущие перемены, в голове снова появился знакомый и неприятный шум, который сопровождал его в последнее время, особенно досаждая ночами, когда сна не было. Здесь он родился, после семилетки окончил курсы трактористов при Ильинской МТС, работал, четыре года отслужил на Тихоокеанском флоте, там же в партию вступил, после демобилизации поступил в Ишимский сельскохозяйственный техникум, ходил в механиках и бригадирах, пока Стрекалёв не заставил оформиться в Омский сельхозинститут. Приехал, вызвал в контору, парторга Головачева с директором Никитиным отчистил за невнимание к молодежи, а Вениамину велел тут же написать заявление и взять отпуск для подготовки к экзаменам.

Себе на удивление, учился с интересом, все экзамены сдавал на пятерки, красный диплом получил. К тому времени был уже главным инженером совхоза. Вечером, после защиты диплома, получил телеграмму от Стрекалёва: «Поздравляю с отличной защитой», удивился, откуда он знает? Оказалось, по Всесоюзному радио передали информацию об очередном выпуске инженеров Омского сельхозинститута, в числе отличников назвали фамилию инженера Ильинского совхоза. Это ему потом парторг Головачев рассказал.

А вскоре Никитина перевели на повышение в соседний район, и Долгушин стал директором. Жена Тамара сказала тогда:

– Все, совсем закончилась семейная жизнь, я без мужа, дети без отца, а ты с родным совхозом в обнимку.

А ведь Тамара была почти права, он уходил рано что зимой, что летом: посевная, сенокос, уборочная, утренняя дойка, ночная пастьба, возвращался вечером, в полевые кампании поздней ночью. Совхоз сеял почти двенадцать тысяч гектаров зерновых, скота на фер-

мах больше трех тысяч, каждый день всплывал с десяток вопросов, требующих его решения. Он по старой памяти мог сбросить пиджак и вместе с трактористом искать причину плохой работы двигателя, мог проверить норму высева семян, отрегулировать глубину вспашки, установить угол атаки лап культиватора. Больше всего он любил сесть за штурвал комбайна, пока механизаторы торопливо обедали, и объехать пару кругов, а потом поморгать фарами, чтобы подбежал грузовик, и выкачать в его кузов свой бункер зерна. Механизаторы знали эту его слабость, всякий раз кто-то из старших предлагал:

– Ну-ка, Семеныч, разомнись.

Нет, не разминался он, а душу отводил, молодость вспоминалась, когда высокая пшеница покорно склонялась под крылья мотовила, молча поддавалась ножам и единой массой по ленте транспортера сползала на свою же стерню, укладывалась в высокий валок, подставляя ветру и солнцу недозревшее еще зерно в тугих пеленах колосьев. А через несколько дней сюда придут другие комбайны, с подборщиками, и он все равно успеет намолотить свой бункер, любуясь, как ненасытно заглатывает комбайн серую ленту валка, прислушиваясь к ровному грохоту молотильного барабана, дожидаясь, когда вспыхнет на панели лампочка: бункер полон.

На ветру встряхивал пиджак, чистил брюки, довольно вытирал полотенцем примаранные руки.

– Да, эту технику с нашей не сравнить. Представляешь: трактор тащит комбайн, два движка работают, копнитель для соломы сзади. Производительность – пятая часть от сегодняшней.

– И как вы управлялись, Вениамин Семенович? – спросит кто из молодых.

– Работали, пахали так, что лемеха гнулись! До ноябрьских праздников молотили. И сравнивать нечего, сеяли меньше, урожайность ниже. Вам такую технику государство дает, работайте, молодежь, двигайте сельское хозяйство.

12

Хмара вернулся с партийного собрания в колхозе имени Чапаева, в кабинете пролистал блокнот с записями предложений и замечаний выступающих, сделал пометки в рабочей тетради. Обычные пожелания простых людей, думающих жить и работать, о большом строительстве говорят, просят помощи района. Но ему в своем выступлении пришлось признать, что район окажет поддержку только финан-

сированием, хозяйству надо еще полнее использовать свои возможности, хотя председатель Хевролин и без того не дремал. Григорий знал его еще по комсомолу, когда Николай был первым секретарем райкома, ему нравился крепкий немногословный парень, ставший потом парторгом и уже во время учебы Хмары в партийной школе избранный председателем колхоза.

Вошел Стрекалёв, спросил, как прошло собрание, закурил, глазами поискал пепельницу, некурящий хозяин достал ее из-за шторы с подоконника.

– Ты извини, что курю у тебя. В общем, так: сейчас состоялся разговор со Щербиной, мой вопрос решен окончательно, из района уезжаю. Первым предложил тебя. Как ты к этому относишься?

Чуть смутившись, Хмара ответил:

– Нормально.

– Готовь предложения по второму и третьему секретарям, завтра все надо оформить, послезавтра быть у Щербины на беседе. Пепельницу убери, я докурю у себя.

Утром разговор продолжили.

– На второго буду предлагать Хевролина Николая Петровича, думаю, у вас нет возражений.

Стрекалёв засмеялся:

– У меня-то нет, но беда в том, что меня и не спросят, а тебе скажут, что не проходит кандидатура. Невиданный это шаг в решении кадровых вопросов, чтобы с хозяйства сразу на второго секретаря райкома.

– Ну, шаг, возможно, и нетипичный, но мне работать, если коммунисты изберут.

– Если обком рекомендует, – уточнил Стрекалёв. – Потому к своим предложениям отнесись со всей ответственностью. Аржиловского оставляешь?

– Конечно, это мой выдвиженец. А по Хевролину у меня сомнений нет, опыт у него приличный, буду настаивать.

Стрекалёв встал:

– Твое дело, решай.

Хевролин по звонку из приемной приехал через час, к предложению отнесся крайне спокойно, даже холодно. Хмара такую реакцию понимал, все-таки в колхозе он хозяин, а в райкоме кроме ручки и бумаги никаких материальных ресурсов, но свое предложение повторил твердо, давая понять, что пути назад нет. Хевролин попросил время с женой посоветоваться, Хмара пододвинул ему телефон:

– Звони, а я дам команду на тебя представление готовить.

Хевролин тоже встал:

– В таком разе и звонить смысла нет, приеду, обрадую.

Григорий стиснул его в плечах:

– Будем работать совместно, Николай, возможности открываются прекрасные, дел невпроворот, так что жалеть не будешь.

13

Сухой июньский ветер с казахстанских степей, взращенный и обогретый солнцем, устремлялся от края жаркой пустыни в сторону северных холодов, безжалостно гнул долу травы, шевелил кустарники и хлестал макушки бессловесных берез. С остервенением проносился он над зелеными коврикам пшеничных всходов, иссушая первородные листочки, нежно взращенные майской щедрой землей. В такую пору ничему живому нет радости. Лесная пташка тщетно зависает над камышом круглого болотца, в котором вчера еще блестели стеколки воды, а сегодня сухость и пыль, и вот уже несется она понад лесом, чтобы отыскать и принести в клювике хоть малую капельку влаги для ненасытных птенцов. Звери выходят из лесов и спускаются с Горы к неизбывным старицам, безбоязненно ведя за собою потомство свое, потому что жажда заглушает все страхи и опасения. Гады ползучие греются на песчаных полосках берега, которые уступила им сжавшаяся на солнце вода. Серенький суслик, как столбик, стоит у своей норы на высоком холме, охраняя никому не нужное свое одиночество. Ящерка приподняла головку и который уж час неподвижна на ветру, лишь рот открыт, и кожица под грудкой чуть вздрагивает при дыхании. Только ветер единовластно царствует над простором луга, пашни и леса, не ведая печальных последствий своего появления или, напротив, даже любуясь ими.

Белесое выгоревшее небо вдруг начинает темнеть, с каждой минутой все гуще, насыщенней, ветер жмется к земле, слабеет, прячется в камышах и в лесу, небесная хмарь становится тучей, выплескивает первые струйки влаги, но она не доходит до земли, испаряется в воздухе, и не скоро еще крупные капли спасительного дождя упадут на сухую землю. А упадут – взметнут легкую пыль и тут же прибьют, вернут ее обратно, придав влажному уже воздуху неповторимый аромат, какой случается в короткие мгновения между засухой и ливнем.

А небо прогремит далекими раскатами угроз, еще больше нахмурится, потом начнет швырять молнии, ветвистые, как голые дере-

вья, и громы уже не успевают за всполохами, бухают невпопад. Радостная земля впитывает влагу, не дает воде растекаться, но скоро насытится верхний слой, не справится, откажется, и потекут мутные потоки туда, где природа определила им хранение.

Все оживает. Зелень умылась и стала красивой, поля приобрели уверенность в урожае, даже червь, последняя тварь в ряду созданий, несказанно рад дождю, выполз из норы, прополз немного, испытывая наслаждение, оставив гибкую черточку следа, и растянулся во всю длину свою на жирном чернозьме огорода.

Июньский дождь. Спасение. Хлеба еще сохранили способность к полноценному росту, встрепенутся, раскинутся кустиками, трубку стебля выкинут, потом колос. И август порадует хлебом.

14

На последний перед партконференцией разговор Стрекалёв пригласил его поздно вечером, когда закончили рассмотрение всех подготовительных моментов и когда у него, Стрекалёва, появилась полная уверенность, что вопросов нерешенных, необговоренных и грозящих неожиданным проявлением, не осталось. Хмара понимал, что это не столько для него, сколько для Федора Яковлевича, разговор этот имеет значение, ведь тот уходил навсегда из района, в котором проработал больше пятилетки, пережил все передряги Хрущевских реформаций, когда сбивали в кучу и потом столь же научно обоснованно разгоняли хозяйства, районы и даже партию, партию разделили на городскую и деревенскую. Суровый и недоступный, Стрекалёв внутренне очень порядочным человеком был для Григория, разносы устраивал и выговора раздавал щедро, но зла не держал, сегодня на бюро отчистил, а завтра руку подаст и заговорит о деле, потому что дело и было для него единственным мотивом поведения и даже разносов. Хмара и на себе это испытал, но уважал искренне, потому разговора ждал и готовился к нему.

– Сегодня твою биографию еще раз глянул, да ты у нас еще совсем зеленый, и сорока нет. Ну-ну! Для большого дела самый возраст, все ступени партийные прошел, это хорошо, а на хозяйстве не работал, этого тебе не будет не хватать?

– Не помешал бы опыт непосредственной работы, но, Федор Яковлевич, вы же знаете, что партийный секретарь только права подписи документов не имеет, а по всем другим вопросам вперед хозяйственника ответственность несет. Потому я бы не сказал, что не имею опы-

та, если бы чувствовал иначе, даже на второго секретаря не согласился бы, надеюсь, нет у вас оснований заподозрить меня в карьеризме.

– Давай без обиды, мы оба понимаем, что твое избрание предрешено, а мне хочется быть до конца в тебе уверенным. Я ухожу почти в никуда, должность моя будущая только выглядит красиво, а конкретной, живой работы за ней нет, Пореченский район до конца останется для меня главным, хотя я не тут рожден. Ты меня счастливее, ты продолжаешь жить и работать на родине, поверь мне, это дорогого стоит.

– Понимаю, потому что и сам чуть было не выехал на чужбину, спасибо, что вы поддержали.

– Это было правильное решение, я уже тогда понимал, что ты нужен. Мне нравится твоя прямота, может, потому что сам как лом, не умею выплясывать, но на этой должности не всегда надо идти напролом, потому что за тобой не только твоя правда, но и целый район, тысячи людей, производство. Там, – он ткнул пальцем вверх, – не всегда хотят слышать правду, это ты знай. В обкоме аппарат складывается добротный. Щербина сейчас много времени отдает Северу, нефти и газу, так что без особой нужды к нему не рвись, пытайся все решать в отделах.

Стрекалёв закурил, прошелся по кабинету.

– Со Степановым ты все обговорил?

– По кадрам – все, других вопросов не касались.

– Он настороженно к тебе относится, ты заметь, потому лишний раз не подставляйся. С Хевролиным ты ему поперек горла, это не укладывается в его рамки: с председателя колхоза в секретари.

Хмара возмутился:

– Классический тип перестраховщика и консерватора! Я ему убедительно показал, что Хевролин вполне готов для такой работы, за ним партком, колхоз, да и первым секретарем комсомола работал, это тоже опыт. Мне, признаюсь, сказал инструктор обкома, что Степанов хотел кого-то из своего отдела нам на второго рекомендовать, но наша позиция его остановила. Мы правильно поступили, и впредь надо свои только кадры иметь, растить и выдвигать.

– Согласен. Значит, я в твой подход не вписываюсь, я же не пореченский.

– Зачем вы так, Федор Яковлевич, – смутился Григорий . – Вы пореченским останетесь в истории района, это обещаю.

– Ты мне машину пообещай вещи в Тюмень перевезти, когда квартиру получу.

– Обещаю, – так же полушуткой, в тон вопроса, ответил Хмара.

15

Ничего, кажется, внешне не изменилось у Хмары, так же рано, в семь утра, приходил на работу, привычно просил девушку с телефонной станции поочередно соединять его с руководителями хозяйств, так же привычно строил с ними разговор, делая пометки в оперативной сводке и занося в рабочую тетрадь все, что связано с решением завтра, в будущем. Февраль был метельным, снежным, это радовало, потому что пополняло запасы влаги на полях, но ремонт техники во многих хозяйствах затягивают, потому что нет запасных частей.

Эта арифметика давала ему истинное наслаждение, он создавал на листе бумаги рабочие агрегаты с боронами и культиваторами, с сеялками и катками, суммировал их суточную выработку, и она не укладывалась в заданные им десять дней активного сева. Тут не бывает чудес, математические законы не подчиняются партийным директивам, и получалось, что нельзя рисковать, нельзя поддаваться искушению дождаться прогревания почвы, спровоцировать боронованием рост сорняков, особенно овсюга. По этому сорняку он собрал, кажется, всю информацию. Очень подлый и коварный враг. Семена его, притаившись, могут лежать в почве сколь угодно долго, дожидаясь своего часа, и когда час этот наступает, когда температура и влажность толкают его к пробуждению, овсюг показывает свою удивительную жизнеспособность. Он прорастает бурно, дружно, и горе всему живому, оказавшемуся рядом с ним, сплошной ковер его всходов зажмет, задушит росточки благородной культуры.

Еще в сельхозтехникуме ребята с агрономического отделения говорили, что семена овсюга в лабораторных условиях способны перебраться к капельке воды. Особенно витийствовал ишимский паренек Витя Колыванов. «Сам опыт проводил, разложил его вокруг лужицы на стекле, весь вечер наблюдал: притаился, гад, вида не выдает, а уж перед сном заметил, что он усами шевелит, как таракан, тихонько, конечно. Значит, влагу чует, тварь, и к ней ориентируется. А утром встаю: мать моя родная! весь овсюг в кучке, на том месте, где вода была, и уже все выхлебал, сволочь! Довольный лежит, и даже в рост пошел, проклюнулся!». Было смеху, конечно. Еще один философ, которому после пяти лет совместной жизни жена изменила и к другому ушла, тоже на овсюг ссылался, с женской натурой его подлости сравнивал. «Женщина, значит, так же, до поры до времени смирно себя блюдет, верна, мол, и прочее, чтобы мужика убаюкать, а как только отвернулся от бдительности, да вокруг нее соответствую-

щие природные условия образуются, температура и прочее, так ее подлость и даст всходы, и задавит любовь и семейную жизнь». Да вспомнился анекдот, возникший после поездки Никиты Хрущева в Америку, где наш руководитель, знаток сельского хозяйства, поинтересовался у ученых, как они борются с овсюгом. Те не поняли, Хрущев стал объяснять, наконец, дошло, самый старый светило вспомнил, что был такой сорняк, но уже много лет, как вывели, да маху дали, совсем уничтожили, даже студентам показать нечего. «И не могли бы вы, Никита Сергеевич, прислать нам несколько килограммов этого овсюжка для опытов?». Хрущев отказал: «Я вам лучше парочку своих агрономов направлю».

Можно, конечно, сколько угодно шутковать по таким поводам, но Григорий за многие годы работы на земле видел загубленные овсюгом посевы, которые за счет его нездоровой, ядовитой зелени давали вид вполне сходный, и неопытный человек за вполне пристойные, многообещающие по урожаю мог признать эти поля, что и случалось иногда с уполномоченными, выращенными на асфальте областных учреждений.

Даже на бумаге не получалась у него идеальная посевная кампания, не вытанцовывались оптимальные сроки сева, о которых когда-то говорил с Терентием Семеновичем Мальцевым. Хорошее было нынешней зимой поступление новой техники, но все еще отстает наличие от потребности, все еще, как студенту перед экзаменом не хватает одной ночи для подготовки, так и крестьянину еще бы два десятка мощных гусеничных с полным комплектом прицепного инвентаря, вот тогда бы он себя проявил.

Хмара собрал исписанные расчетами листы и сложил в папку, пусть полежат, наступит время, и можно будет сравнить свои несостоятельные теперь надежды с реальностью наступившего завтра, и тогда он улыбнется теплым своим воспоминаниям.

16

Первый секретарь обкома партии Щербина после поздравления Хмары с избранием звонил регулярно, раз в неделю, о чем его помощник предупреждал накануне. Разговоры были самые простые, безо всякой партийной подоплеки. Григорий сам проводил анализ статистической отчетности, присутствовал на квартальных балансовых комиссиях почти во всех хозяйствах, а районную вел вместе с начальником управления сельского хозяйства, потому обстановку

знал хорошо. Ближе к весне Щербина стал обращаться к сводкам по семенам и ремонту техники, задавая не совсем приятные вопросы.

– Объясни, Григорий Иванович, что ты намерен делать с теми десятью процентами тракторов, которые до сих пор в ремонте?

– Все эти тракторы, Борис Евдокимович, находятся в ремонте по линии РТС, но нет и не ожидается в ближайшее время обменных узлов, в основном двигателей.

– И ты их не планируешь использовать на посевной?

– Есть два варианта плана сева, один с учетом всей техники, другой по реальной картине.

– Любопытно. И что получается? Возможно, мы напрасно помогаем району фондами тракторов, если ты и без них справишься?

– По второму варианту, крайне нежелательному, Борис Евдокимович, мы даже со пшеницей уходим в конец мая.

– Тогда начни раньше, тебя же никто не держит.

Григорий опасался, что начнет перечить первому, это было крайне нежелательно в его положении, но он понимал и другое, что согласись сейчас – в мае, когда начнутся работы, Щербина может вернуться к разговору и сослаться на его молчаливое согласие с более ранними сроками сева.

– Нас сдерживает отсутствие сколько-нибудь внятного прогноза на июнь, если не будет дождей в первой половине, ранние посевы пропадут.

– Минуточку. Ты видел прогноз, который вчера ушел спецсвязью, наука, похоже, идет навстречу крестьянам, дождь в средине месяца синоптики обещают.

«Их бы устами да мед пить» – хотел сказать Григорий , но опять воздержался: – Будем надеяться на лучшее, Борис Евдокимович.

Щербина положил трубку.

17

Напуганные появлением человека, воробьи порхнули в воздух и тут же сели в зелень густой сирени, сообразив, что этому человеку, который каждое утро тревожит их дрему, опять не до них, он пройдет вдоль забора, что-то улыбчивое скажет дворнику с метлой, а потом скрипнет тяжелой входной дверью. Но в этот раз человек остановился на крыльце, увидев идущих к нему двух мужиков, уже с полчаса сидевших на мотоцикле, куривших и тихо разговаривавших, сомневавшихся, придет или не придет.

– Здравствуй, Григорий Иванович, – почти в голос приветствовали мужчины.

– Здоровы были, – Хмара пожал руки обоим, называя по имени-отчеству. – Раненько, если ко мне, видно, дело не терпит? Что случилось?

– Не уличный разговор, Григорий Иванович.

– Тогда пошли.

В кабинете гости сели рядышком, стеснительно сняв кепки, притихли.

– Так, мужики, я вас с эмтээсовских времен знаю как людей серьезных и обстоятельных, так что в такую рань, да еще в уборку, по пустяку вы в район не метнулись бы. Говорите, что случилось. Давай, Степан Кононович.

– Да как и говорить, Григорий Иванович, не знаю, с какого конца заходить, но по всему видно: спасать надо нашего председателя. Вот так!

– Что с ним случилось? Запил?

– Лучше бы запил...

– Пока ничего не случилось, Григорий Иванович, – вмешался Сергей Павлович. – Потому и приехали к тебе, чтобы не допустить. Дело в том, что кавказцы взятку ему дают, чтобы еще одну ферму для ремонта выделил.

Хмара открыл рабочую тетрадь: точно, одна ферма в колхозе ждет ремонта.

– Дали или дадут? Откуда вы про взятку эту узнали?

– Да век бы нам не знать, пропади она пропадом, ни сон, ни работа на ум не идут. Бабы наши узнали, с ихними женами балагурили, те и проболтались по простоте своей, что договорились мужчины с председателем, тысячу ему дают, а он им ферму подсубботит.

Вмешался Степан Кононович:

– Мы долго не решались к тебе идти, но потом сообразили: пока мы собираемся, они ему деньги всучат, вот тебе и тюрьма. И неловко как-то сдавать человека, но мы так рассудили: Хмара мужик свой, за здорово живешь человека под суд не отдаст, а даже наоборот, отведет беду. Только, Григорий Иванович, ты поаккуратней, вдруг грузинки поклеп на председателя возвели, такое тоже может быть.

– И еще скажи, если неправильно мы поступили, то как нам с этим грехом жить? У нас ума не хватат, чтобы раскинуть.

Хмара смотрел на мужчин, неловко сидевших на краешках широких райкомовских стульев, обоих знал с первых дней работы в МТС, куда направили его парторгом, Степан после целины получил орден,

в партию вступил, Сергей остался беспартийным, оба трезвые, серьезные ребята. «Спасать председателя». Не в прокуратуру, не в милицию пошли, а в райком партии. Такое доверие и заслужить, и оправдывать надо. Он глянул на часы, встал:

– Давайте мы так договоримся. За информацию спасибо, поступили вы честно, тут сомнений нет. Пока об этом никому ни слова, если ошибка – чтобы нам человека не обидеть. Я лично все проверю, о результатах вы узнаете обязательно. А сейчас домой, трактора ждут. Кукурузы много осталось?

– Дня на три хватит.

– Торопитесь, заморозки обещают.

Гостей проводил до дверей, сел за стол. Неужели Пименов мог пойти на это? Год назад, беседуя здесь, в кабинете с ним как с будущим председателем колхоза, Хмара как бы между прочим заметил, что у руководителя всегда больше искушений, чем у партийного секретаря, потому надо быть особо бдительным.

– И упаси тебя бог перепутать колхозный карман со своим, ты знаешь, партия многое может простить, но никогда не простит продажность.

Пименов тогда очень понимающе поспешил заверить, что ничего подобного и быть не может.

А если действительно вброшена эта информация для того, чтобы скомпрометировать, припозорить руководителя, возможно, действительно предлагали, но он отказал в подряде, потому что кому-то другому пообещал. Такие случаи были, Хмара помнит, как долго разбирались с директором совхоза Худяковым, который отказался повторно нанимать не очень добросовестных строителей, а те написали жалобу, что он взял у них пять тысяч рублей и не собирается отдавать. Прокурор основательно занялся тогда этим делом, Худяков, поначалу смеявшийся в ответ на все вопросы, вскоре не на шутку запереживал, и спасло его только письмо молодого парня из бригады, полученное уже после отъезда ее в другой район. Парень писал, что ему стыдно за товарищей и просил прощения у Валентиныча, как любовно называли директора. Прокурор провел экспертизу письма по росписи парня в договоре прошлого года, проверку закрыл и тут же успокоил Худякова: коли нет расписки, что деньги в долг взял, то и вопросов быть не должно, но письменное заявление он обязан был проверить. Поговаривали, что не без помощи Стрекалёва бдительный прокурор вскоре уехал из района.

Хмара, никого не ставя в известность, проехал по колхозу, посмотрел подготовку ферм, с кавказцами не разговаривал, чтобы не вызвать подозрений. На складе стройматериалов поговорил с заведующей, поинтересовался, куда предназначены плахи и брус. Услышав, что на ремонт фермы в Чирках, о которой и говорили ходоки, Хмара мрачно кивнул: слишком многое сходится.

С Пименовым решил действовать напрямую, зная его трусоватость. Утром предупредил, что приедет по очень важному делу, велел ждать, но приехал только после обеда. Пименов встретил у правления, пожал руку, Хмара отметил, что рука вздрагивает и ладонь чересчур влажная. Прошли в кабинет, Пименов начал было докладывать о ходе уборки, Хмара остановил его легким движением руки:

– Ты мне лучше расскажи, как собираешься ремонтировать ферму в Чирках, почему с весны не взял вторую бригаду, хотя возможность такая была? Почему качество ремонта у грузин – хуже не бывает, а ты сквозь пальцы смотришь? И, наконец, сколько ты с них получил за дополнительные объемы?

Пименов побледнел, но взял себя в руки:

– Ничего не получил, Григорий Иванович.

– В этом твое счастье, что не успел так упасть, иначе вместе со мной приехал бы оперативник из РОВД. Эх, Алексей, мы же вот так с тобой сидели в моем кабинете, помнишь, я тебя предупреждал? Помнишь? Так почему ты, сукин сын, забыл тот разговор? Ты, когда тебе тысячу предложили, не о партийном билете думал, не о жене, которой теперь в школе работать трудно будет, не о детях своих опозоренных, ты о Черноморском побережье думал, о вине и о бабах. Все. На субботу назначай общее колхозное собрание, в повестке укажи «Выборы председателя».

Пименов встал:

–Григорий Иванович, я же не взял, больше это не повторится, прошу вас, оставьте на работе.

– Веди себя достойно. Работу дадим, тебе ведь жить надо, грузины про тебя на другой день после снятия забудут. Но руководителем ты уже никогда не будешь.

Он вышел, не попрощавшись.

На собрание приехал сам. Провел совместное заседание парткома и правления колхоза, на котором Пименов честно во всем признался. Мнения разделились, но большинство поддержало секретаря райкома. Пименов попросил:

– Товарищи, разрешите мне написать заявление по собственному желанию.

Хмара молчал, будто не слышал. Встал Степан Кононович:

– Поздно теперь уж, Алексей Михайлович. Ты парторгом у нас столько времени был, до того агрономом, вместе пережили много чего, но я даже подумать не мог, что ты за грязные рубли совесть свою продашь. Увольнять будем собранием, а потом с партийностью твоей решать, я, к предмету, с тобой в одной партии не хочу состоять.

Вечером Хмара долго не ложился спать, случай с Пименовым так много всколыхнул в его душе, что надо было крепко подумать, чтобы все привести в порядок. Он еще раз убедился, что абсолютное большинство так называемых рядовых коммунистов есть отряд самой высокой категории и качества, и надежности, это гвардия партии. Как правильно согласно устава и верно относительно человеческой совести оценили они проступок негодяя! И ведь никто не готовил, никто даже и не знал, о чем пойдет разговор и как к нему относится приехавший первый секретарь. Что-то в атмосфере этого бескомпромиссного и в то же время аккуратного разговора напомнило ему фронтовые партсобрания, когда ставилась задача на предстоящий бой, которую ты должен умереть, но выполнить, а еще лучше – выполнить и остаться в живых, чтобы продолжать сражаться.

Хмара усмехнулся: он, секретарь райкома, в пылу страстей совсем забыл, что вопрос о партийности Пименова возникает автоматически, не может человек с таким трухлявым нутром быть в партии, и вот простой механизатор, честнейший человек Степа Тупиков оказался более принципиальным. Отберут они партбилет у Пименова, и правильно сделают, тогда ради семьи, детей надо перевести его агрономом хотя бы в Челюскинцы, где мало кто знает о случившемся, ну, сняли с председателей – значит, так надо.

18

– Где-то загулялись наши девки, Григорий Иванович, через полчаса дойка начинается, а их никого нет, – картинно гневаясь, распалялся колхозный бригадир Гунькин. – А ведь сказано было, что знамя нам привезут вручать, надо было еще сказать, что лично первый секретарь будет, тогда, может, поопасались бы вольничать.

– Ничего, Петр Андреевич, подождем, наша с тобой работа такая, угождать рабочему классу.

Гунькин охотно подхватил:

– Попробуй им не угоди, они вмиг в кормушку завалят и сеном притрусят. – И сам громко засмеялся шутке. Хмара знал, что был такой случай в новогодние праздники, когда доярки после бессонной ночи пришли навеселе, да и сам бригадир, хоть и не обязан присутствовать, но тоже явился, да под хмельком, и лучше бы ему в этом случае нейтралитет соблюдать, а он вознамерился внушение сделать, дескать, что это вы себе позволяете, с нетрезвостью на работе появляться. Тогда доярки с хохотом и визгом скрутили неслабого мужика Петра Андреевича и уложили в кормушку на спину, да еще здоровый навильник душистого лесного сена сверху кинули. Долго выгребал из узкой колоды свое многопудовое тело колхозный лидер, женщины уж и дойку закончили, посуду домывают, и он является, взмокший и весь в сене, как водяной. То-то было смеху!

Гунькин куда-то исчез, и через минуту явился с виноватой улыбкой:

–Григорий Фёдорович, мы их тут ждем, а они в коровнике уже дробленку раздали и сейчас вакуум включат, говорят, сначала коров подоим, а потом будем знамена получать. Как вы к этому относитесь?

– Я лучше помолчу, чтоб в кормушку не угодить. Пойдем в ферму, коли все люди там.

Он любил бывать в этом коллективе, народ тут работящий, но и требовательный, по пустякам свары не заводит, коли на чем настаивает, – крутись, секретарь, а ответ дай, да не просто пообещай, а так, чтобы все выполнено было. Доярок всех знал в лицо и по именам, со скотниками за руку здоровался.

– Товарищ секретарь, вы только не провалитесь в самотечку, а то потом всем районом не найти, – крикнула Надежда Шорохова. Она может так, боевая и на язык остра.

– А что, Надежда Васильевна, лампочек не хватает?

– Лампочек хватает, у нас с другим товаром дефицит.

– И с каким же? – подыгрывал Хмара.

– А с тем, что на базаре не продают. Назвали самотечной системой удаления навоза, а навоз убирать – каждую неделю субботник с воскресником для комсомольцев и членов партии.

– Что скажешь? – обратился к Гунькину.

– Вся правда ,Григорий Иванович, не сплавляет самотечка.

– Как же вы акт строителям подписали?

– Во-первых, акт подписывают особо уполномоченные лица, во-вторых, подмахнули его в августе, когда коровы на выпасах были, а в навозном канале чистота была, как в красном уголке.

Хмара подошел к Шороховой:

– Все шумишь, Надежда, а начальство шума уже не боится, так?

– Ой, не так, Григорий Иванович, не так! Мы почему торжество без вашего согласия на после дойки перенесли? Чтобы поговорить спокойно можно было. А то знамя, бывало, сунут в руки бригадиру, он его еще в угол не поставил, а уже насосы включили, бежим в коровник. Сегодня по-другому все будет, вот отдоимся, приберемся, сядем рядком, да поговорим ладком.

– Что задумала, предупреди, чтобы я в дураках не оказался перед женщинами.

– Ну, товарищ Хмара, тебя трудно врасплох застать, не прибедняйся, я еще по колхозному парткому помню, когда у нас секретарем был.

– Скажешь тоже, столько лет прошло!

– А сколько? Всего с десяток.

– Мало?

– О чем речь, Григорий Иванович, у нас с вами еще полсотни впереди не разменяны, – и она засмеялась радостным смехом.

Когда после работы собрались в красном уголке, Хмара рассказал, как работает район, как выполняются годовые и пятилетние планы, сказал, что по итогам января переходящее красное знамя райкома и райисполкома присуждено животноводам Травнинской фермы. Знамя вручил, как положено, бригадиру, потом встала Надежда Шорохова:

– Григорий Иванович, вы сегодня наш гость, мы тут с девчонками пошептались – не откажите с нами за одним столом посидеть, не каждый день у нас знамена бывают.

Хмара смутился:

– А когда я отказывался за столом посидеть? Ты меня перед товарками не конфузь.

Стол накрыли быстро, крупными ломтями нарезали домашний на поду печеный хлеб, шматок соленого сала разделали на дощечке, блюдо студня, рубленного сечкой, с полумесяцами лука, поставили на середину стола. Отваренное мясо, еще горячее, выложили прямо на поднос.

–Григорий Иванович, вам, может быть, коньячку? – заботливо спросил Гунькин.

– А это что? – он указал на вспотевший графин, из которого по стаканам разливалась светлая жидкость.

– Это, простите за нескромность, самогонка.

– Эх, Петр Андреевич, за что ты меня так не уважаешь, ведь мы с тобой не впервой сиживаем?

– Было! – оживился управляющий и тут же налил гостю чуть не полный стакан самогона.

Хмара понял, что тост говорить ему:

– Действительно, сегодня у нас хороший повод посидеть за столом, тем более, что скотина управлена, знамена получены, премию передаю коллективу, сами сумеете распределить.

– Мы на нее телевизор купим.

Хмара улыбнулся:

– На телевизор надо еще месяц первое место занимать, хотя такая возможность у вас есть. За вас.

И он чуть пригубил стакан, отметив, что самогон чистый, сделан профессионально. Начались разговоры, он с удовольствием закусывал солеными огурчиками и груздочками, ел студень, похваливая незнакомую хозяйку, пробовал хорошо приготовленное мясо. И все время чувствовал на себе чей-то взгляд. Поднимал глаза – все заняты своим делом, в его сторону никто не смотрит. Начинал с кем-то разговаривать – взгляд останавливал его слова, смущал, беспокоил. Чуть напрягшись, он быстро окинул застолье и перехватил глаза молоденькой девчонки, раньше ее не было на ферме, должно быть, зоотехник. Она смутилась, покраснела, уткнулась в тарелку. Никто ничего не заметил.

Хмара осторожно посматривал в ее сторону, она так же молча сидела, увлеченная едой. Очень красивое, приятного овала лицо, высокий лоб с челочкой русых густых волос, губки пухлые, как у ребенка спросонья, глаза серые под густыми ресничками. Вся какая-то не здешняя, будто со стороны пришла посидеть за столом. Поймав себя на том, что слишком уж внимательно смотрит на девушку, он заговорил с Шороховой:

– У тебя вопросы ко мне были?

– Вопросов нет, с навозом мы сами справимся, а вот про дела наши доярочьи хочу сказать. В прошлом году совсем немножко не хватило до трех тысяч литров на корову, во многих районах уже доят по три, а у нас все не получается. Вы силос наш видели? Какая корова будет его есть? А сено? Считается, что в нем половина кормовой единицы, а на деле труха одна. Надо, чтобы полеводство нам корма поставляло как по договору, какие корма, такая и оплата.

– Ну, ты скажешь! – возмутился Гунькин, но не угадал, Хмара его остановил:

– Правильно говорит! Доярка получает с молока, а молоко зависит от кормов, которые механизаторы заготовили. Они уже получи-

ли зарплату за массу, а что в этой массе – доярке с коровой разбираться. Все это, Надежда Васильевна, относится к хозрасчету, который мы никак не можем освоить, но уж, коли доярки об этом заговорили, значит, дожмем.

И снова он почувствовал тот взгляд, почувствовал, не стал спугивать, удивляясь, что взгляд этот очень ему приятен.

В ту же ночь она ему приснилась, школьницей в Михайловской школе, и он семиклассник, и она. Сидит за соседней партой, в белом платье с зелеными горошинами, горошинки с рукавчика снимает и бросает в него легонько. Гришка по сторонам оглядывается, не заметил бы кто, а то засмеют: «Жених и невеста!», но никто внимания не обращает, а она побрасывает горошинки и улыбается. Гришка удивляется: горох уж по всему классу рассыпался, а на платье у нее не убывает. А как же зовут ее? Не может вспомнить, да и не знал никогда, потому что до сегодняшнего дня ее в классе не было вовсе. Почему она улыбается? «Потому что понравился ты мне, еще когда перед Октябрьской на ферму приезжал, а потом я тебя на совещании в колхозе видела, а потом ты нам знамя привозил и за столом сидел, и на меня тоже смотрел, я заметила». Гришка ничего понять не может: какое собрание, какая ферма? И ведь не говорит она ничего, а почему он все слышит? Вдруг понимает, что сон это, надо проснуться, и все исчезнет, щиплет себя за ногу, и точно, пропал класс, пропало гороховое платье, но он сидит за столом в красном уголке Травнинской фермы, а напротив его та же девчонка, только почему-то в беленькой шубке, не ест, не пьет, прямо на него смотрит. Григорий стесняется, что компания заметит, но нет, на них никто даже не глядит, да и он все еще парнишка вакоринский, семиклассник, а не секретарь райкома. «Ты подрастай скорей, Гриша, а я тебя ждать буду». Сон это, сон, надо проснуться, надо... И все ушло, только она плывет по зеленому лугу, легкая, улыбчивая, он за кустом спрятался, боится ее. А она волосы распустила, прутичком играючи ромашки сшибает. И прямо на его кустик идет. Григорий присел, подумал, как бы брюки травой не испачкать, и тут проснулся.

Долго молча лежал, старясь не думать о виденном, потому что из опыта знал: начнешь вспоминать -— все поперепутается, а ему дорого было ощущение этого сна, грустинка его, печаль. Девчонка-девчонка, и с чего ты в мои сны приблудилась, вроде и не думал о тебе, ну, проявила интерес к мужику, так ведь далеко я тебе не ровня, и положение мое таково, что чувствам поддаваться никак нельзя.

Вошла жена, включила свет:

– Ты не спишь уже?

Он промолчал.

– Ты здоров? Или приснилось что?

Он смутился, будто Галина могла подсмотреть его сон, сказал с горечью:

– Что мне может присниться?!

– Тогда вставай, время шесть часов.

В кабинете нашел папку с документами по кадрам специалистов, открыл колхоз имени Ильича, нашел Травнинскую бригаду. Вот и она, Ирина Николаевна Порываева, ветеринарный техник, двадцать два года, окончила Ишимский сельскохозяйственный техникум, семьи нет, живет с братом. Закрыл и спрятал папку, как будто образ девчонки этой в шкаф положил.

19

Позвонил заведующий орготделом обкома партии Стебеков:

– Григорий, помню твою обиду, что не даем району право выдвинуть кандидата в депутаты Верховного Совета. Ты меня знаешь, я критику товарищей принимаю и стараюсь исправлять ошибки. Грядут, как тебе известно, выборы союзные. Я тут раскладку сделал, на ваш округ выпадает... пиши: женщина, руководитель начального звена, желательно с семилетним образованием, не старше тридцати лет, семейная, и чтобы дети были, но самое интересное – беспартийная. Есть у тебя такая? Если есть – звони, согласуем. Как дела в целом?

Рассказывая Стебекову об итогах завершающегося года, Хмара лихорадочно перебирал в уме женщин-руководителей, и к концу разговора уточнил:

– Иван Петрович, ты ничего не сказал по национальности. Это имеет значение?

Стебеков засмеялся:

– У тебя не еврейка ли в бригадирах на свинокомплексе?

– Нет, – серьезно ответил Хмара. – А как насчет немки?

– Поволжской, конечно? Давай, я тебе перезвоню минут через пять.

Хмара положил трубку и в волнении потер руки: Марта Яргер, с пятнадцати лет на ферме, бригадир лучшего дойного гурта, орден имеет, в партию никак сагитировать ее не мог, а ее упорство оказывается кстати. По всем статьям подходит!

Стебеков позвонил, как и обещал:

– Готовь свою немку, мы тут обсудили, Смородинсков с ЦК связался, товарищи считают, что присутствие этнической немки в высшем органе власти вызовет еще большее доверие наших немецких друзей. Ты понял, куда ниточка тянется?

Хмара в тот же вечер поехал в Зимиху на ферму к Марте. Хороший коровник, ухоженный, один из немногих в районе побелен известкой, веселенький, как горница. Коровы чистые, народ подобран спокойный, работящий. В красном уголке половички постелены, скотникам тут курить запрещено.

– И вообще, Григорий Иванович, надо запретить курить в базе, коровы хоть и бессловесны, но дым не любят. Я гоню мужиков, так они в тамбуре приспособились. Опять боюсь, чтоб не подожгли.

– Я вижу, настроение хорошее? По сводкам дела ваши знаю, молодцы. Дома все нормально?

– А как по-другому? Муж трезвый, хозяйство управлено, ребятишки прибраны. Чего еще бабе надо?

Засмеялись.

– Ты уж как-то сильно сузила женские интересы. А государство большие возможности предоставляет женщинам для участия в общественной жизни.

В это время вошел председатель колхоза Пономарев и разговор сам собой свернулся. Марта попрощалась и пошла в базу. С Пономаревым прошли по ферме, потом заехали на Селезневскую ферму, посидели в правлении. Доклад председателя Хмара слушал в пол-уха, тем более, что тот обещал все планы перевыполнить.

Хмара по обыкновению решил подготовку выдвижения Марты Яргер не афишировать, утром связался со Стебековым, и тот продиктовал ему перечень необходимых документов. Под разными предлогами поручил инструкторам собрать необходимые бумаги. С Мартой поговорит, когда все будет готово, все-таки бумаги в обком следует направить только после ее согласия.

К вечеру все документы были собраны. Сложив их в особую папку, Хмара наметил утром собрать бюро и принять решение.

Раньше всех к нему заходил заворг Головачев, недавно переведенный с Илинского парткома, на нем вся партработа, контроль общественных организаций, кадры, прием в партию. С него он и начал.

– За минувшую неделю принято кандидатами в члены партии восемь человек, в том числе, Григорий Иванович, удалось убедить Марту Васильевну Яргер.

Хмара похолодел:

– Когда собрание было?

– Позавчера.

Накануне был у нее, и она ничего не сказала, никто ничего не сказал. Видя, что возникла проблема, Головачев спросил:

– Григорий Иванович, я не пойму, что не так. Вы же сами с ней не раз говорили, а тут я удачно подъехал, вместе с женщинами убеждали, и она согласилась. Я не стал вам докладывать, быстро оформили документы и провели собрание.

– Все, свободен.

Что делать? Если сказать Стебекову, что принята на собрании, но бюро еще не рассматривало, кто может угадать, куда это выведет? Если о приеме ничего не говорить и не указывать в анкете, как это будет выглядеть? Ложь в любом случае неприемлема. Позвонил по внутреннему Головачеву:

– Собирай бюро, немедленно.

Товарищам рассказал все, как есть. Головачев головы не поднимал. Все молчали. Хмара попросил высказаться. Аржиловский предложил не принимать во внимание собрание первичной организации и на бюро утвердить ее решение только после выдвижения Марты в кандидаты. Неожиданно его поддержали все. Хабиденов мудро рассудил:

– Григорий Иванович, об условиях выдвижения никто, кроме тебя, не знает, и знать не будет, о собрании первичной бригадной организации, в которой два десятка человек, тоже никому не известно. Ну и пусть все будет так, как есть.

Хмара заметно волновался. Свой человек в Верховном Совете, пусть малограмотная женщина, но это ключ ко всем дверям, за которыми решаются государственные вопросы и за которыми получить согласие на финансирование в каких-то пару миллионов – просто пустяк, оформить увеличение любых фондов – пара пустяков. К тому же престиж района, хочешь-не хочешь – надо ехать в Поречье, чтобы решить вопрос с депутатом. Проще всего сделать вид, что ты ничего не знал, с оформлением партийности не торопиться и помалкивать, а там – победителей не судят. Да и, честно говоря, грех не велик, но как через это переступить? Стебеков тоже не самоубийца, чтобы взять на себя ответственность, записано в разнарядке беспартийная, значит не может она быть чуть-чуть в партии. Все это он спокойно, как самому себе, объяснял товарищам. Хмара заметил попутно, что, по его данным, еще несколько районов готовят своих кандидатов. Зна-

чит, никаких отступлений, нет у нас беспартийной женщины-руководителя с хорошим семейным положением. И на том вопрос закрыт. Хмара попросил разговор забыть и никогда нигде об этом не говорить, прежде всего, чтобы не травмировать Марту Васильевну.

Стебекову позвонил поздно вечером, знал, что он задерживается допоздна, все рассказал, вплоть до принятого решения. Стебеков долго молчал, потом спросил:

– Ты все еще на проводе? Я уж думал, что домой ушел. Вот что, Григорий , ты поступаешь честно, как и положено. Какие же мы будем коммунисты, если в подборе кадров для родной власти будем подтасовками заниматься? Но, понимаешь, что-то во мне протестует, твоя щепетильность, что ли, раздражает. Ну и двигали бы, как есть, кто будет копаться. Однако понимаю. Откровенно, Григорий, еще три дня назад я бы взял ответственность на себя, но вчера был звонок со Старой, предложили перевод. Я согласился, Первый благословил. На мое место придет Максимовский, ты его знаешь. Этот, если всплывет, партбилет у тебя отберет с удовольствием. Так что забудь и живи, как жил-...Григорий, у тебя с Первым всегда натянуто, или временное явление?

– Почти всегда.

– А причина?

– Спроси у него. Я не вижу. Говорю иногда лишнее.

– Ладно, откровенно и до конца, когда еще увидимся. Я тебя предложил на свое место, три минуты говорил, что лучшей замены из практикующих партработников нет. Он выслушал и кивнул, мол, гуляй, Федя.

– Это нормально. Спасибо, Иван, на добром слове, устраивайся на новом месте, да хоть позванивай иногда.

И тихо опустил трубку.

20

Выборы в местные советы всегда были делом хлопотным, советов четырнадцать, надо подобрать по двадцать пять человек, да в районный полсотни. Орготдел с райисполкомом это дело разруливали, но все равно надо смотреть, в конце концов, отвечает первый. Выдвижение кандидатов шло полным ходом, когда Хмара выехал в Тюмень на медицинское обследование. Вернулся через четыре дня, Головачев доложил обстановку и в конце информации осторожно заметил:

– Григорий Иванович, в Гагарье наша кандидатура не прошла.

– Кто не прошел?

– Доярка Ташланова.

– Ничего не понимаю. Что ей предъявили?

– А ничего. Просто, когда объявили кандидатуру, встал какой-то мужчина и сказал, что хватит нам идти на поводу, а нам надо избрать в районный совет такого человека, чтобы в случае чего мог и к народу обратиться.

– Даже так? И ты об этом сидишь и спокойно рассказываешь? Кто был на собрании?

– Парторг Клюев, из района никого не было.

Хмара взорвался:

– Твою партийную душу мать, для какого хрена ты составляешь графики и пишешь ответственных? Кто должен был поехать на выдвижение в Гагарье? В Гагарье, понимаешь? Ты историю хоть немного помнишь, что такое Гагарье в двадцать первом году? Гнездо кулацкого бунта! Гнездо, да еще какое! Почему никого не было от райкома?

– Должен был инструктор Злыгостев, но он приболел.

– Злыгостев завтра может помереть, но на выборах это не должно отразиться. Как и твое и мое небытие. Вы выборы советов в праздник превратили, в игрушку, а это политика, Головачев, политика, и всегда ею будет. Кого выдвинули?

– Бардакова.

Хмара ударил в стол кулаком:

– Я так и знал! Бардаков – это сын того Бардакова, который был председателем Пореченского исполкома и возглавил восстание. Он коммуну Дубынскую сжег! Живых людей, и сотни пострелял в районе, а ты его сына в райсовет?! Партийным билетом всем отделом совместно с исполкомом ответите! Проголосовали?

– Протокол привезли, единогласно!

– Вот результат всей нашей работы, Владимир Тихонович. Грош ей цена! Единогласно! Люди двух-трех бандитов испугались, а в зале не меньше десятка коммунистов. Позвони в Гагарье, чтобы весь актив был на месте, я выезжаю.

Секретарь партбюро и председатель исполкома встали, когда в кабинет вошел Хмара. Ни с кем не здороваясь, он прошел к столу, сел:

– Рассказывайте.

– А что говорить? – Председатель сельсовета так и не поднял головы. – Он сразу смял собрание, я растерялся, Ташланова кричит, что отказуется. Двинули Бардакова, я и не подумал, что такие последствия, ну Бардаков так Бардаков.

– Вот, посмотри, простая доярка сразу сообразила, что если Бар-

дакова выдвигают в райсовет, то ей там делать нечего, потому что она через мать, через отца бардаковщину помнит! А ты забыл! Сидишь в тепле, казна жалованье платит, хоть невеликое, в окно тебе не стреляют – на что лучше! Вот потому и Бардаков перестал казаться несколько иным, чем Ташланова. Так, партийный вождь, где были твои коммунисты?

– Да кто в зале, кто дома.

– Тоже правильно! Нахрена тащиться в клуб, когда Хмара уже все решил, кандидаты нерушимого блока обозначены. Можно и около бабы погреться, линия партии сама дорогу найдет, зачем на собрание идти? Даю вам час времени, соберите всех членов партии, до единого. Дальше. Привезите ко мне сюда этого Бардакова, желательно трезвого. И чтобы духу вашего тут не было! А на пять часов общий сход, отправьте по улицам надежных людей, так и объявите: Хмара приехал, по выборам разбираться будем.

К встрече с Бардаковым он не готовился, хорошо знал, что ему скажет. Мужчину этого он помнил, работал скотником, потом подался в сторожа, хотя возрастом не вышел. Проходил слух, что от отца подарок золотой случайно нашел в подполе, но Хмара тогда эту информацию проверять не стал, а следовало бы, как оказалось. Бардакова привезли через полчаса, он вошел, высокий, крепкий, спокойный.

– Проходи вот на этот стул, а я сяду напротив. Ты, конечно, понимаешь, зачем я тебя пригласил. Получилась неловкая ситуация, ты и твои сообщники не рассчитали силы, они забыли, что уже шестидесятые годы на дворе, а не тридцатые, и бесхребетность гагарьевских крестьян приняли за слабину советской власти. Потому я тебе предлагаю, подчеркиваю: предлагаю сейчас, при мне, написать заявление для схода граждан, что ты отказываешься от выдвижения своей кандидатуры. Можешь сослаться на протесты жены, черта, дьявола, можешь на грыжу свалить, но бумагу такую... – голос Хмары зазвенел. – Бумагу такую ты мне напишешь. И перед собранием скажешь, что ошибка вышла. Ты меня хорошо понял?

Бардаков кивнул.

– Вот и славно. Вот листок, ручка, сочиняй.

– На кого писать?

– На сход граждан, так мол и так...

Бардаков писал медленно и долго, Хмара глаз с него не спускал. Когда тот расписался, взял бумагу, прочитал, положил перед сочинителем:

– Число сегодняшнее поставь. И до пяти часов свободен. Но на собрании будь!

Коммунисты входили в кабинет осторожно, тихо здоровались и садились вдоль стенок. Хмара встал:

– Каждый из вас когда-то писал заявление в партию, в той или другой форме обещал исполнять устав, программу и прочее, иными словами, быть с партией. Как могло получиться, что на сходе граждан проходит явно антисоветская кандидатура, и вы молчите?! Это безразличие или страх? Я даже предлагаю сейчас товарищам, которые пошатнулись, испугались или иное что, предлагаю положить партбилеты. Не бойтесь, преследования не будет.

– Тогда я сдам, – поднялся сухопарый мужчина, Хмара видел его в МТМ.

– И я тоже, мне муж велел, извините, Григорий Иванович, – встала женщина.

– Еще? Никого. Тогда вы свободны. А к вам, товарищи коммунисты, у меня большие претензии. Вы не смогли отстоять нашу линию в несложном, в общем-то, деле, подумайте об этом. Коммунист – не почетное звание, его не присваивают за трудовые успехи. Чтобы уйти от красивых фраз, скажу проще: это ответственность. Вы ее растеряли. Ладно. Бардаков написал заявление об отказе. В пять часов соберется народ, мы должны выдвинуть своего кандидата. Давайте обсудим, кого?

Люди молчали. «Да, – подумал Хмара, – не научили мы людей думать, принимать решения, все привозим готовые бумажки. Вот коснулось – в родной деревне не могут определиться, кого назвать». Встала Таисья Богданова, бригадир животноводов:

– Если Ташланова Валя отказалась, у нас еще есть хорошие люди. Вот Евдокия Козлова – чем не депутат? Труженица, каких мало, детушек трое, мужик порядочный. Грамотешки, конечно, маловато, но ей там не воззвания писать, а наши интересы защищать, я правильно понимаю, Григорий Иванович?

– Очень даже правильно, Таисья Ивановна. А сама товарищ Козлова Евдокия... как ее по отчеству?

– Егоровна.

– Она не упрется? Надо бы с ней поговорить до собрания.

– Григорий Иванович, это мы сами между собой, будьте спокойны.

Клюев выскочил вперед:

– Товарищи, давайте в клуб, там уж полдеревни.

Больше Хмара ни во что не вмешивался, сидел в первом ряду. Когда открыли собрание, с места Бардаков выкрикнул, что свою кандидатуру снял, о чем в сельсовете есть бумага.

– Как же так, третьего дня избрали, а он уже снял. Объясни народу, за что мы голосовали, – нагловатый мужской голос, явно нетрезвый.

Бардаков вышел вперед:

– Понял, что исполнять не смогу, здоровье не позволяет. Ночами храпеть начал, – он демонстративно надел шапку и вышел из зала.

– Ну и куды мы теперя? – пропела бабочка у самой печи.

– А мы изберем нового человека, и вот партийная организация вносит кандидатуру Евдокии Егоровны Козловой. Все знают?

– Знаем!

– Пусть на середину выйдет!

– И речь, речь задвинь!

Поднялась высокого роста красивая женщина, покраснела до кончиков ушей:

– А скажу так: если народ поверит, то готова и согласна. Вот только муж мой дома остался, ногу повредил на овчарне, для него сюрприз будет.

Зал разрядился веселым и громким смехом.

Два часа проговорили в клубе, и не только о выборах. Попрощавшись с людьми, Хмара аккуратно сложил в папку все бумаги и пошел к машине. Над головой что-то прошумело, и толстое полено вынесло обе рамы коридорного клубного окна.

– Милицию надо вызвать! – крикнул кто-то, но Хмара остановил:

– Заделайте окно хоть фанерой на ночь, а завтра разберетесь. Этих не ищите, это полено было у них последнее.

21

С раннего утра заказал телефонный разговор с Терентием Семеновичем Мальцевым, девушкам со станции дал номер домашнего телефона, но Шадринск ответил, что Мальцева надо искать в правлении колхоза. Нашли, в трубке негромкий, чуть сипловатый голос:

– Мальцев у аппарата.

– Здравствуйте, Терентий Семенович, вас беспокоит Хмара, секретарь Пореченского райкома Тюменской области.

– Здравствуйте, дорогой Григорий ...

– Иванович.

– Рад слышать вас, Григорий Иванович. Чем обязан звонку?

– Как ваше здоровье, самочувствие?

– Да разве обо мне речь? Вас что волнует?

– Весна. Помните, я обещал как можно полнее использовать ваши рекомендации на наших землях, да все никак обстоятельства не позволяли, но нынче решили выдержать максимально и по срокам, и по агротехнике.

– А руководство района поддерживает?

– Терентий Семенович, я уже два года первый секретарь, так что мне ссылаться не на кого, беру ответственность на себя.

– С должностью поздравлять уже поздновато, а вот по планам вашим хотелось бы поговорить конкретней. Не собираетесь к нам?

– Для того и звоню. Когда можно подъехать?

– Да в любой день и час, я всегда на месте, больших мероприятий вроде не планируется.

Они встретились, как и договорились, в середине следующего дня у колхозного правления. Хмара с удивлением обнаружил на старике все тот же непромокаемый плащ и ту же, кажется, полувоенную фуражку. Мальцев был бодр и даже весел.

– Так, товарищ секретарь, рассказывайте о своих планах на нынешнюю весну. Каковы ваши наблюдения, чего ждете от матушки-природы?

Хмара почувствовал себя студентом перед экзаменом, но свои соображения изложил полно и толково:

– Весна идет ранняя, осенние запасы влаги не велики, да и снега было меньше нормы, так что надо бороться за каждую каплю.

– Тут не переусердствовать бы, раннее боронование дело очень даже полезное, но его следует проводить с учетом прорастания сорняков с разных глубин. Не звучит ли с ваших высоких трибун фраза о том, что хорошие урожаи можно получать независимо от погодных условий?

Хмара только понимающе улыбнулся.

– Вот чего больше всего не терплю, так это словоблудия. Высокие урожаи можно и нужно получать при любых погодных условиях, но как можно вырастить зерно независимо от природных условий, коли именно в этих условиях формируется урожай? Как изолировать посевы от погодных обстоятельств, если эти обстоятельства и являются непосредственной средой их жизни? Наша задача – найти верный ход, единственный. Вы в шахматы играете? Ну, тогда вам понятно, почему шахматист ошибается только раз. Найти правильный ход в крайне невыгодной ситуации – не есть ли это наша с вами пробле-

ма? Как поставить растения в наиболее благоприятные условия именно нынешнего года?

– Мы намерены начать сев пшеницы не ранее средины мая и закончить его последними числами. Это очень короткий период, но технически мы к нему готовы.

– Вы едва ли не называете эти сроки сжатыми, ведь так?

– Так, Терентий Семенович.

– Тогда я попробую предположить, что вы работаете с одним-двумя сортами пшеницы. Нет, я вас не обвиняю, потому что селекционная наука все еще никакого разнообразия нам не предложила. У меня своя селекция, если коротко сказать, то перед самой коллективизацией сотрудники Ленинградского института прикладной ботаники, узнавшие обо мне из публикаций о моих опытах, прислали сто граммов пшеницы цезиум-111, я несколько лет размножал сорт, а потом начал скрещивание. Иными словами, сегодня мы имеем свои достаточно урожайные сорта, но с разными вегетационными периодами, от позднеспелых до раннеспелых. Приходится иметь полуторный запас, потому что никогда не знаешь наверняка, что выкинет весна. А теперь посмотрите на свои пятнадцать майских суток с точки зрения возможности выбора сорта. Тогда понятие «сжатые сроки» исчезнет само собой.

– Да, – вздохнул Хмара. – Мы спешим не потому, что не успеем уложиться в лучшие сроки, а потому что в лучшие-то попадает только треть посевов, ранние полягут от массы, а поздние не вызревают на корню.

– Я готов вам немного помочь, но только в научных объемах, не производственных. Дадим вам три наших пшеницы с разными вегетационными периодами, поручите толковому агроному, он вам за три года выдаст элитные семена.

Хмара оживился:

– Научные объемы – это сколько?

– Да немного это, ну, присылайте три грузовичка с хорошими кузовами, чтобы без зернинки чужой, нагрузим, все документы и рекомендации подготовим, счета для оплаты, само собой.

– Спасибо, Терентий Семенович.– Хмара протянул было руку, но старик запротестовал:

– Без хорошего обеда я вас не отпущу. К тому же у меня сегодня еще один гость, старый мой приятель Григорий Ефремов. Слышали о таком?

Гость кивнул:

– Он известен в нашей области как крупный организатор свиноводческой отрасли.

– О, это еще ни о чем не говорит! Григорий Михайлович не только свиноводческий совхоз «Красная Звезда» создал, он и человек замечательный, наш Герой, живая легенда.

С Ефремовым встретились в колхозной столовой, крупный мужчина в простом костюме с широкой колодкой орденских лент, он крепко пожал руку тюменского гостя:

– Знаю, что в ваших краях построены мощные свиноводческие комплексы, ребята приезжали ко мне, смотрели, изучали, но делали по-своему. Как они живут?

Хмара пожал плечами:

– Наш район, Пореченский, работает с «Юбилейным», тонкостей не знаю, но известно, что проблем у него много, и самая главная – корма.

– Вот! Корма нас губят, я-то выхожу за счет собственных посевов, это хорошая добавка к госфондам, только непросто и зерно довести до комбикорма, затратно, да и производства своего нет. Вот друг мой, – он указал на Мальцева, который разговаривал с поварихами, – все обещает вывести такой зерновой колос, который бы содержал все, что надо свиньям «Красной Звезды».

И Ефремов раскатисто засмеялся. Терентий Семенович тоже улыбнулся, пригласил гостей за стол:

– Григорий Михайлович хотел бы невозможного: так изменить процесс формирования зерна, чтобы оно накапливало весь комплекс минералов и витаминов, необходимый для высококачественного комбикорма. Невозможно это сегодня, хотя в будущем появятся способы программирования не только массы, но и содержания зерна. Он все понимает, но такой человек, ему надо все и прямо сейчас.

– Вы зоотехник, Григорий Михайлович? – спросил Хмара.

– Какое там, механизатор я, всю войну прошел танкистом, потом командовал МТС, потом вызывают и предлагают возглавить образование крупнейшего в области свиноводческого совхоза. Представляете, мне, механизатору, который кроме солярочного никакого запаха не воспринимает, – свиней. Да я их в домашнем хозяйстве терпеть не мог!

– Отказались?

– Но я же коммунист! Говорят, важнейшее партийное поручение, беру под козырек, говорю себе: если партии надо, чтобы я свиновод-

ством занимался по-настоящему, то я и свиней полюблю, и буду работать. Вот, работаю. Спасибо Терентию Семеновичу, помогает в Москве вопросы решать. Мы выходим по поставкам мяса на первые места в Союзе, а что свинье в кормушку бросить, решаем в колхозном правлении. Разве это порядок?

Хозяин стола открыл бутылку коньяка, налил по рюмке, поднял свою:

– Давайте за крестьянина выдержим тост, за кормильца страны.

– Нет возражений! – пробасил Ефремов.

Чокнулись, Мальцев чуть пригубил рюмку и поставил справа. Повариха принесла душистый наваристый борщ. Следом появились котлеты величиной с рукавичку, возлежащие на горке легкого белого картофельного пюре. Терентию Семеновичу принесли кашу.

– Извиняйте, друзья, у меня диета поскромней, хотя иногда очень хочется кусок отварного мяса.

– Это тебя староверы с детства отучили от настоящей мужской пищи, все у вас по-иному, – упрекнул Ефремов. – Я для кого столько свинины выращиваю, если друг не может жаркое попробовать?

– Опять ты за свое! Староверы – страдальческий народ, это надо учитывать, они от всех благ отказались ради своей веры, достойно есть! Вот коммунисты на муки шли и от идеалов не отказывались, смерть принимали – тебе это ни о чем не напоминает?

– Терентий Семенович, – вмешался Хмара, – я немного наслышан, точнее, начитан о старообрядчестве, в наших краях оно сохранилось в северных, подтаежных районах, конечно, никаких общин, многое утрачено, но, знаю, традиции соблюдаются и сохраняются.

– Да, Черкасов свой «Хмель» писал про ваши места, там много точного, со знанием и верой человек. У нас старообрядцы действуют очень скрытно, если официальная церковь зажата, что говорить о тех, кто даже ею не признается? Я много думаю вот о чем: церковь отделили от государства, но государство – это институт власти, только и всего. Есть народ, носитель самой высокой власти на этом свете, от него-то церковь отделить невозможно. Коммунистическая идеология во многом строится на христианстве, недаром есть утверждения, что Христос был первым коммунистом. Русский человек вообще крайне неохотно поддается убеждениям, он спонтанно способен в один день сменить власть, и уже завтра топтать объекты своего недавнего обожания. Не было ли трагической ошибкой большевиков столь бесшабашное обращение с верой в Бога? Вынуть стержень не сложно, установить его на место трудно. Возьмите детскую игрушку, деревянные кольца раз-

ных диаметров образуют пирамидку. Нет другого способа собрать ее, кроме постепенного и поочередного надевания на стержень колец, от большого до малого. Кольца веры народной рассыпаны и утрачены, хотя я тому свидетель – лба русский мужик в храме не расшибал. Но боялся! Когда пристигала нужда – верить начинал, и себя убеждал, что всегда верит. И жить старался по правде, потому что и общество следило, и церковь. Наказание такое было – причастия лишить, это, брат ты мой, действовало сильнее партвзыскания.

Ефремов вполне серьезно заметил:

– Ты уже лет на десять лагерей успел наговорить.

– Теперь не те времена, – секанул взглядом Хмара. – А в рассуждениях ваших, Терентий Семенович, много полезного, жаль только, что догматизм нашей идеологии никогда не найдет в себе силы, чтобы перешагнуть через предубеждения.

– Зато мы с вами, крестьяне, должны набираться сил и знаний, чтобы преодолевать консерватизм. Вот, Григорий, приехал к нам твой тезка Григорий Иванович, два года назад познакомились, теперь он секретарь райкома. А коли он хочет работать по-новому, значит, успех его району обеспечен. Не сегодня, не вдруг, но движение будет. Я недавно прочитал у Короленко замечательные слова, что жить надо, налегая на весла. Прикинул: а я так и живу, видно, это потребность русского человека – в нагрузку жить. Мне десять лет было, мы с отцом на пашне, я бороню на лошадке пары, он пашет. Под вечер говорит мне: «Ну-ка, Тереша, подержись за плуг, да покрепче берись!». Первая в моей жизни борозда, сколько чувств пробуждает. Мягкую землицу под босыми ногами помню, вывернутый пласт дернины с тысячами корней-прожилок, все кажется, что хлебом пахнет. Да... А ведь столько десятилетий прошло!

Они еще долго сидели за столом, пили чай и говорили о жизни.

22

Входя в зал заседаний райкома, Хмара зацепил носком сапога за порог и чуть не выругался: не хватало упасть на глазах всего зала. Но смешки все же услышал. Не учел, что плотники переставили двери и чуть увеличили порожек. Как всегда, быстрым шагом прошел за стол президиума, просмотрел информацию о регистрации участников. Можно начинать. Совещание рабочее, ничего необычного. Информацию начальника управления сельского хозяйства Хабиденова выслушали внимательно, Ахмадья, крепкий и красивый казах, прекрас-

ный экономист, бывший директором совхоза, умел составлять картину из десятков цифр статистики и хорошо знал обстановку в каждом хозяйстве. Речь шла о расширении посевных площадей. Хмара, знающий каждое поле в районе, не видел особой необходимости распахивать пустоши и корчевать мелколесье, и без того с уборкой не всякий год управлялись, случалось, хлеб в валках уходил под снег. Но область выступила инициатором увеличения зернового клина, и оставаться в стороне никто не позволит. Вот и надо было сегодня определиться, кто сколько может...

Обсуждение пошло тяжело. Руководители называли самые минимальные цифры, которые никак не совпадали с предварительной разбивкой областного задания. Хмара быстро понял, что таким путем ему задачу не решить, не стал нажимать, выслушивал только предложения. Хабиденов несколько раз выразительно на него посмотрел, но Хмара сделал вид, что не заметил. На трибуну поднялся Долгушин. Ничего хорошего от трезво мыслящего Вениамина Хмара не ждал.

– Я, товарищи, против предлагаемой кампании, в принципе против, и не думаю, что наше руководство в восторге, только ему вслух сказать нельзя. По нашему совхозу даже при нынешней нагрузке что посевная, что уборочная растягиваются на месяц. А если затяжные дожди? Может, не площади расширять, а об увеличении урожайности позаботиться? Дайте нам технику для эффективного внесения минеральных удобрений, дайте нам химикаты для борьбы с сорняками. Мы перегной возим, рапортуем, а потом от конопли и лебеды не знаем, куда деваться. Григорий Иванович, надо воздержаться от этого безумного шага. Ведь мы еще от целины не остыли, а нас уже залежи заставляют искать. Их нет. Все, что не пашется, работает на животноводство, это выпаса, в том числе для деревенских табунов. А заставят – опыт есть, разворочаем все, что можно, похвалят. За целину тоже орденов надавали, а кое-кому их носить стыдно.

Хмара умело перевел обсуждение на строительную тему и без заключительного слова закрыл совещание. Хабиденов вопросительно на него посмотрел, но говорить не стали. Все, что сказал Долгушин, Хмара передумал десятки раз, но, зная напористость областных товарищей, да еще имеющих в активе одобрение ЦК в виде специального постановления, понимал, что от кампанейщины не увернешься, проверять будут лично, и посевную площадь с будущего года считать увеличенной на пять тысяч гектаров. Грустно подытожил: если эту страду переживу, значит, и до пенсии дотяну.

Да, про ордена. Хмара уже был парторгом МТС, когда прокатилась волна массовых награждений. Району дали две Звезды Героя, никто не сомневался, что на одну имеет право председатель колхоза «Победа» Бессонов. Он не сшевелил ни гектара лугов и пастбищ, которые активно использовались, но распахал все заброшенное, всю неудобь, по лесам подняли сотни гектаров бывших вырубов с истлевшими пнями, по самым большим полянам в лесной глубине прошлись, где даже ягоду уже не собирали. И приплюсовал Иннокентий Алексеевич к колхозной пашне чуть не тысячу гектаров. В иных деревнях люди с вилами выходили против трактористов, стояли на въезды в свои сенокосы исконные, но перед трактором не погеройствуешь, тем более, что прошел слух: ничего не будет трактористу, если повредит. Чушь, конечно, но во многих колхозах так старались, что под самые огороды целину подняли, перепахали традиционные ягодные места, частные сенокосы. На Бессонова в райкоме готовили наградные документы, характеристики писали, фронтовую правду подтверждали бумагами соответствующих ведомств. Было указание особенно на Героев биографию иметь с момента зачатия, и даже родителей прощупать на предмет лояльности к советской власти. Все у Бессонова обошлось, другое вмешалось.

Уборка заканчивалась, государственный план колхоз выполнил, Иннокентий собрал правление:

– Надо принять решение. Хлеба нынче столько, что места найти не можем, ладно, что погода стоит. План сегодняшним числом мы выполнили, как говорится, первая заповедь. Остается вторая: колхозники. Предлагаю, чтоб без перебора, по два килограмма на трудодень выдать прямо сейчас, мы и людей поддержим, и склады расчистим. А отчет сделаем, кому причитается – добавим.

Правление проголосовало. В тот же день по селу и по колхозным деревням тянулись со стороны зерновых складов тяжело груженые телеги, фургоны, ручные тележки. Утром Бессонову доложили, что в основном хлеб выдан, осталось старикам развести. Через час позвонил первый секретарь Козырев:

– Это правда, что ты колхозникам зерно выдал?

– Правда.

– Быстро в машину и ко мне. Пулей!

В кабинете был один Козырев, хотя Иннокентий ожидал полный состав бюро. Козырев руки не подал и сесть не предложил.

– Тебе кто позволил так вольно обращаться с социалистической собственностью?

Бессонов бросил кепку на стул и сел рядом.

– Ну, строго говоря, Иван Степанович, это колхозная собственность.

– Ты меня поучи! Поучи дурака, который не предусмотрел такой глупейшей ситуации. А кого ты спросил? Кто тебе разрешил? Ты знаешь, какую обстановку ты создал в районе? Во всех колхозах с утра митинги!

– Иван Степанович, но я-то тут при чем? Устав колхоза позволяет при выполнении государственного плана выдать колхозникам хлебный аванс.

– «При условии выполнения плана!» Юрист хренов! Ты что считаешь, если твой колхоз выполнил, значит, государственная проблема решена? Глубже надо смотреть, товарищ Бессонов, а не под себя грести. При условии выполнения районного плана – так надо понимать. Ты хлеб разбазарил, а что на элеватор повезем? По два килограмма на трудодень! Да мы в лучшие годы давали по одному, и колхозник был счастлив до невозможности.

– Иван Степанович, не мне вам напоминать, но есть устав, в нем все записано. Согласно этому есть решение правления.

– Обставился бумагами. Ладно. Доложу тебе, что был лучшего мнения о коммунисте Бессонове. Ты хоть мог мне позвонить?

– Мог, но не стал. Я знал, что вы запретите, а колхозник – он тоже кушать хочет. У меня сегодня люди с песнями на работу выходили.

– Пой с ними хором, если не хочешь выполнять партийную дисциплину. Вот так. Подвел ты меня страшно, но я выкручусь, у тебя все выгребем, вплоть до семян, чтоб не жировал. Но больше тебе скажу: хотел из тебя человека сделать, вот папка с бумагами на представление тебя к Герою за целину. А теперь смотри. – Козырев нервно выдергивал листки из папки и рвал их на части, закончив, все смел в широкую деревянную урну. – Вот где теперь наш Герой. Закончишь уборку – напишешь заявление, на собрание можешь не ходить, скажем, что выехал из района. Все. Свободен.

Разговоров тогда много ходило разных, колхозники даже соглашались вернуть зерно на склады, но Бессонов больше в правлении не появился, оформил отпуск и уехал к фронтовому другу в Омск, пересидел разборки. Уже придя вторым секретарем райкома, Хмара убедил плотника Бессонова принять сельский совет.

23

Едва начали косовицу хлебов на свал, Хмара не появлялся дома, за день успевал проехать половину района, за второй – другую половину, так что никто лучше его не знал состояние полей и их способность к урожаю. Хлеб вырос настоящий, в колосе крепок, стебель не гнется, остановится на кромке поля, машину заглушит, и, если рядом не работает техника, сквозь стрекот кузнечиков, сквозь чириканье полевых пичуг услышит звон спелого колоса, так зерно, сухое и наполненное, подает о себе знать. Он помнил от стариков, что не каждому дано услышать эту мелодию, тут не столько слух нужен, сколько состояние души, живущей вместе с хлебом.

Через три дня начали обмолот. Вениамин Долгушин рано утром позвонил Хмаре на квартиру:

– Извини, Григорий Иванович, боялся тебя не застать, приглашаю к нам, будем сегодня над Красным мостиком молотить, не спугнуть бы, там центнеров по тридцать будет. Приезжай, удружи мужикам своим присутствием, да и сам порадуешься.

– Спасибо, Вениамин, буду у тебя к восьми.

Вместе поехали на поле, откуда одна за другой шли совхозные «газончики» и «зилы», по самые борта загруженные зерном. Одну машину Долгушин остановил, встал на подножку, захватил солидную горсть зерна.

– Смотри, секретарь, пшеницу зуб не берет, и налилась, как рожать собралась. Не в обиду, Григорий Иванович, но такую дуру мы прем с раздельной уборкой. И почему у нас всегда из края в край? Неужели нельзя доверить агроному с руководителем решать, что напрямую можно убрать, а что раздельно. Не согласен?

Хмара привычно крякнул:

– Согласен, но не нам с тобой это решать, вот в чем проблема. Ты помнишь, прошлой осенью в Абатске директора сняли с формулировкой «за игнорирование научно обоснованной технологии уборки зерновых», что-то в этом духе. Если бы ты и спросил моего согласия, я бы тебе категорически запретил, и не потому, что принципиально против, а потому, что проколись ты – защитить не смогу, вот в чем беда. Есть у руководства консультанты, на ушах висят, слова не дают вставить. Заметь, традиционные совещания по тактике полевых работа превратились в накачку. Плохо, если это в ближайшее время не изменится.

Семь комбайнов работали на обмолоте, через валки невозможно было перешагнуть – такая масса наросла, комбайны то и дело пода-

вали сигналы фарами: бункер полон, но машин свободных не было, комбайнер спрыгивал с мостика и нервно ходил вокруг агрегата, выискивая, что бы подправить или подтянуть.

– Хреново дело, Вениамин, праздника не получится, поехали на склад, надо с транспортом разобраться. – Хмара хлопнул дверцей «волги» и машина понеслась в село.

Сели прямо в весовой, перед директором весь транспортный расклад:

– Ничего лишнего, две при стройбригаде, там тоже не оголишь, десять привлеченных из Тюмени на силосе, тоже надо торопиться до заморозков.

Хмара позвонил в райисполком, заместитель председателя Битков невозмутимым голосом ответил на все вопросы: Ильинский совхоз получил больше всех помощь привлеченным транспортом, резерва нет.

– У тебя отряд центровывоза сегодня чем занят?

– В колхозе Ленина и Чапаева по десять машин.

– Какого хрена ждут они в этих хозяйствах? Что он повезут из Чапаева? Немедленно направь их в Ильинку, тут от хлеба задыхаются. – Он положил трубку. – Вениамин, мера временная, а дальше что?

– Ты же знаешь, если погода постоит, а она потерпит с полмесяца, у меня верные сведенья, мы на восемьсот гектаров обмолота в сутки выйдем, были такие уборки. Это две тысячи тонн. Чем их перевозить?

– Так, я тебя оставляю, разбирайся, доеду до Худякова и Пономарева, как они начинают.

Нехватка автотранспорта для работы с зерном была вечной проблемой района, осенью собирали все прицепные тележки, самые безнадежные автомобили выгоняли из гаражей, великое счастье, если Советская Армия выделяла автомобильные войска, тогда и руководители и деревенские девчонки радости не скрывали, но такое случалось только в годы абсолютно спокойные с точки зрения внешней военной угрозы, чаще всего ограничивались небольшой поддержкой промышленных предприятий. Вот и нынче Хмара был уверен, что города дадут необходимый транспорт, но у нефтяников и газовиков обнаружились свои проблемы, а только Ишимом и Тюменью проблему не закрыть. Вот и получил район лишь полсотни машин. Из опыта прошлых лет он знал, что наивысшее напряжение с транспортом появляется в пик сдачи хлеба государству, когда надо и от комбайнов отвозить, и на элеватор отгружать, нынче, похоже, обострение будет ранним, при высокой урожайности бункера комбайнов

наполняются быстрее, чем машины успеют сбегать на зерновой склад. Простои комбайнов в такую пору – недопустимы, потери ничем не наверстать, если скатится непогода.

Домой вернулся в полночь, обмылся в теплой бане, будильник завел на пять. С шести до семи телефонистка безрезультатно вызывала кабинет заместителя председателя облисполкома Ниценко. В восьмом он взял трубку:

– Здравствуй,Григорий Иванович. Вот смотрю сводку, хреново молотишь.

– Так ты же вчерашнюю смотришь, а сегодня плюсуй процентов шесть, не меньше. Но есть опасения, что мы можем снизить темпы, когда пойдет хлебосдача, катастрофически не хватает автомашин, Дмитрий Степанович.

– Ты поэтому и звонишь? Помочь ничем не можем, весь транспорт распределен, ты же не вчера родился.

– Дмитрий Степанович, у нас замечательный хлеб, нельзя его потерять, нас полсотни грузовиков никак не устраивают, нужна дополнительная помощь.

– Странный ты, Хмара, ну, нет машин, ты это понимаешь?

– Да я все понимаю, кроме того, что мне делать, обстановка в ряде хозяйств такая, что хоть на поле высыпай из бункеров, чтобы простоев не было.

– И это дело. – Ниценко удовлетворенно хмыкнул. – Мы же через все это прошли. А как только первый район будет заканчивать обмолот, я направлю к тебе весь привлеченный транспорт. Подожди, вот Исеть, они раньше начали и раньше свернут, там полсотни промстроевских «зилов»-самосвалов, сразу твои будут. Решай сам.

Хмара положил трубку, вызвал Хевролина и начальника сельхозуправления Хабиденова, спросил их мнение. Хабиденов назвал обстановку очень сложной:

– Я весь вчерашний день повел в совхозе имени Челюскинцев, урожайность там не очень велика, но простои комбайнов стали обычным делом. Уже к обеду я дал команду все комбайны собрать в два отряда, и чтобы они рядом работали, насколько возможно. Но это временное решение, завтра у них подойдут поля в других отделениях, и все придется менять.

Хевролин рассказал о проблемах в Ильинском совхозе, Хмара попросил его быть там постоянно:

– Выхода нет, Григорий Иванович, кроме одного, мы уже обсуж-

дали с мужиками в хозяйстве, сегодня с Хабиденычем обменялись: надо открывать полевые тока.

– Так! – недовольно крякнул Хмара. – Развивай мысль.

– Ну, вы же помните, как это делали. На поле выжигается стерня, вся площадка под метелку, и комбайны высыпают зерно, если нет машин. Конечно, надо организовать охрану и все такое прочее.

– А потом?

– Что – потом? – не понял Хевролин.

– Потом что с этим зерном делать, если непогода? Нас не только партбилетов лишат, но и под суд отдадут, и правильно, между прочим, сделают, если мы зерно сгноим!

Все молчали. Хмара, кажется, сам себя испытывал самой возможностью катастрофического исхода дела, он не хуже товарищей понимал, что старый, испытанный в довоенные и первые послевоенные годы способ ускорить уборку урожая сегодня становится единственной возможностью сохранить выращенный хлеб.

– Кстати, я говорил сегодня с облисполкомом, Ниценко пообещал полсотни «зилов» после завершения уборки в Исети, а они намного раньше закончат. Этими машинами мы будем возить государству, а все свои пустим на расчистку полей от ворохов. Значит, такой вариант принимается. Оформлять решением бюро не будем, ответственность лично на мне. Хабиденыч, надо срочно связаться со всеми руководителями, сообщить, что такой способ можно использовать, но крайне осмотрительно, чтобы площадки выбирали основательно, чтобы подъезды были, ночная охрана, полога на всякий случай.

– Погода простоит как минимум полмесяца, – улыбнулся Хевролин. – Я вчера заезжал к этому чудаку, в Благодатное, Боня его зовут. Вот он готов о заклад биться, что две недели точно будет солнечная погода. И поклон передавал вам, Григорий Иванович, говорит, был у вас вторым номером в минометном расчете.

Хмара с удивлением смотрел на Николая Петровича:

– Не было у меня в расчете никакого Бони..

– Не знаю, но он имя-отчество уточнил и обрадовался, говорит, фронтовой товарищ.

– Странно! Надо непременно после уборки к нему заехать. Отставить лирику, за дело. Я поеду в Ильинку.

Долгушин решение одобрил:

– Григорий Иванович, не переживай, не такие шали рвали! – басил он. – Мы теперь с обмолотом пойдем семимильными шагами,

как учил нас товарищ Хрущев. Правильное решение, и не думай, секретарь, в случае чего – всем активом отвечать будем, ну, до этого не дойдет. А тока мы мигом сообразим, еще не забыли.

Хмара поехал во второе отделение, где командовал полевыми делами Михаил Литвиненко, кавалер ордена Ленина. Солому подожгли аккуратно, несколько человек с огромными вениками встали на границах будущей площадки, чтобы сбивать лишнее пламя. Этими же вениками начисто вымели площадку от золы, коллективно потоптались, уминая мягкую почву. Ток получился приличный. Сразу три комбайна высыпали на средину по бункеру зерна.

Первые три дня дали заметный рост производительности труда, росли цифры обмолоченных гектаров и валовой намолот. В очередном утреннем разговоре по телефону секретарь обкома, давнишний надежный товарищ Юрий Романович Клат, поинтересовался:

– Ты где зерно закурковал, намолот приличный, а хлебосдачи нет. Почему не работаешь с элеватором?

– Автомашин не хватает, Юрий Романович.

– В облисполком обращался?

– Ничем не могут помочь, машин нет.

– Ну, тогда выкручивайся. Я собрался в Ишимскую зону, но к тебе заезжать не планировал. Как ты на это смотришь?

– Это тебе решать, Юрий Романович, приедешь – встретим и все покажем.

– Добре, – и Клат положил трубку.

Григорий подумал, что следовало бы посвятить секретаря в свои нововведения, но, коль сразу этого не сделал, теперь уже поздно. Еще через три дня, посмотрев по сводке, что Исеть и еще два района близки к завершению уборки, позвонил зампреду облисполкома:

– Дмитрий Степанович, жду обещанные машины, исетцы и другие товарищи уже на выходе.

– А, слушай, Хмара, я тебя ничем не обрадую, «Промстрой» машины забрал, говорят, разнарядку выполнили, свои дела ждут. Так что выкручивайся сам. Да, а полевые тока ты все-таки сделал?

Григорий бросил трубку и выругался, попросил заведующего организационным отделом Головачева собрать членов бюро райкома.

– Обстановка серьезная, товарищи, область нам отказала в поддержке транспортом, надо выходить своими силами. Сейчас все разъезжаемся по хозяйствам, там ставим задачу в ночное время, когда обмолот невозможен, найти на машины вторую смену водителей.

Прямо сейчас снимаем с занятий старшеклассников, закрываем все учреждения и организации, машинами развозим людей на полевые тока. Николай Петрович, все запасы мешков в райпотребсоюзе, по магазинам, в заготконторе – забрать под расписку, прикинь, сколько надо, потребуется – свяжись с Ишимом, у них возможности больше. Я уезжаю в Ильинку, Хевролин распишет остальных. Организуйте горячее питание работающих, мешки затаривать днем и ночью, вывозить любым транспортом, вплоть до легкового. Задача одна – спасти хлеб. Все, за дело.

С первой военной уборки 1941 года не видел Григорий такого напряжения и такого количества людей вокруг хлеба. Вся Ильинка выехала на полевые тока. Подняв голову, пока напарница завязывала очередной мешок, он видел знакомые лица животноводов, пенсионеров, учителей. К вечеру несколько сотен мешков были готовы к отправке. Долгушин поехал выкраивать машины, оставили мужиков для погрузки, остальной люд пешим порядком направился вслед за бригадиром к соседнему току.

Хмара устало брел с охапкой пустых мешков под мышкой. Кучка школьников обогнала его, потом приотстала, и он поравнялся с ней.

– Простите, пожалуйста, Григорий Иванович, вот девчонки не верят, что вы – первый секретарь райкома партии.

Хмара улыбнулся:

– Почему не верят?

– Говорят, не может такой начальник работать вместе со всеми в пыли и грязи.

– Ага, значит, по-вашему, начальник – это белая рубашка с галстуком? Давайте с другой стороны посмотрим: вот вас собрали, вы в пыли и грязи, как ты выразился, а я весь в белом на «волге» прикатил: «Как тут у вас дела?». Что бы вы про меня тогда подумали? А, то-то! Поскольку я знаю, что вы могли подумать, я здесь, вместе с вами, и, кажется, работаю не хуже других. Так?

– Так! – заулыбались ребята.

Следующий ворох в добрую сотню тонн грузили до рассвета. Пока ждали порожние грузовики, чтобы уехать в деревню, жгли костры и пекли картошку, поле оказалось через лесок. Школьники так и обитали около Хмары. Он им рассказывал о школьных годах в Михайловке и боевом крещении восемнадцатилетнего командира минометного расчета.

Ребятишки слушали и засыпали. Он подумал, что это хорошо,

пусть засыпают под нестрашные рассказы. А рядом с десяток мужиков, поддерживая костерок ветками сухостоя, время от времени взрывались хохотом. Хмара прислушался к незнакомому голосу и скоро улыбался простоте и изяществу рассказа

24

– Я когда молодым совсем был, страшно мнительность во мне развилась, это все от бабки, она у меня без шепотка на горшок не садилась. И придумалось мне, что самое страшное – это помереть. Вот подумай ты сам, мне семнадцать лет, а мысль о смерти с ума нейдет, от чего бы это? Думаю, должен быть в жизни человека такой перелом, душевный, чтобы он сам себя осознал, не до конца, конечно, но хоть бы дал себе ума подумать: а зачем? Народился и живешь, никто тебя не спросил, согласен-нет, а сунули жизнь, и тянись. Вот родился, вроде помнишь, как первый шаг сделал, по столу в избе, мать даже самовар скинула, когда отец повел, а ты пошел. Так было, только я это помню повторно, от отца с матерью. Потом ребятишки, проказы всякие, баловство. Мы ведь не пакостили сильно, не потому, что шибко умные были, а предел знали. Вот, к примеру, залез ты в огуречник к бабушке Луше, огурцов нарвать. Свои? Да были, конечно, но свои – неинтересно, а к бабке – само то. Но рвешь аккуратно. К примеру, нащупал, что пара больших огурцов прикрыта лопухами, значит, семенники, трогать нельзя. Ну, сорвешь сколько, чтоб хоть заметно, что воры были в огороде, чтобы бабка пошумела утром, когда коров выгонять начнут. И все время – а вдруг помрешь невзначай. И дальше так. Школа, там тоже пошаливали, но безвредно, если учитель посмотрел – припухни. И так до колхозной жизни, до армии. В армии о смерти меньше всего думалось, там мыслей всего три-четыре, особенно на первом году: поспать, пожрать, девку какую где ущипнуть. Ну, про девок говорить не буду, а то еще в блуд введу.

Вот хоть и говорят, что все одинаково жили середне, да не всё так. Были такие семьи, что дай Бог каждому, умели хозяйством ворочать, приторгануть, да и украсть при случае. Это одна порода. Другая – начальники, как не крути, а жалованье отличалось, это после комбайнеры стали зарабатывать за уборку на мотоцикл «Урал», ей Богу, не вру. А директорам по концу года еще по одной годовой зарплате начисляли, был такой порядок, если с прибылями. В соседней деревне директор сдуру отказался партейные взносы платить с такого начисления, ему светило сотни три. И вот задавила жаба, жалко стало,

он парторгу и соврал, сколько получил, а тот проверил, на его место метил. Однако, промазал, того сняли, а энтого не поставили. А у меня получилось, что я женился, купили по паре ложек, вилок, тарелок. А через неделю мать моя утрешним автобусом, нам на работу, а баба моя в куте стоит, за стол не садится. Я было психанул, что из-за матери, а она мне по дороге на ушко шепчет: «Милый ты мой, у нас же всего две ложки». А знакомый мой паренек женился, у него папа в райисполкомах сидел, ему сразу трехкомнатную квартиру дали, мебеля завез не наши, музей, а не хата.

А вот когда из армии пришел и робить начал, оборвало у меня привод на комбайне, шестерня такая, килограмма на три. И шестерня эта мимо меня в Мишкин самосвал, он ждал, когда я зерно начну выгружать. Кузов пробила, там ее и нашли. Ребята мерить давай, в скольких сантиметрах от головы просвистнула, а мне так тоскливо стало, что хоть плачь. Себя жалко. Сел я в копну соломы и плачу: вот сверни эта хреновина на градус по азимуту, я в ракетчиках служил, знаю, и уже везли бы меня сейчас в кузове этого самосвала до ближайшей анатомки, потому как другой врач уже не нужен. Этот день рождения мы, конечно, отметили, только мысль о возможной неожиданной смерти прижилась, всегда под рукой. Надо гайку затянуть – трубу возьму, чтобы не сорвался ключ, надо подбарабанье прочистить, не только молотилку – двигатель заглушу и зажиганье выверну, чтобы кто не крутнул случайно. До глупостей доходило. Потом, правда, на нет стало сходить. К тому времени женился я, некогда стало об смерти думать. В общем, забыл.

Потом болезни стал бояться. Ну, ты только подумай: мужику сорока нет, а он прислушиватся: тут кольнуло, тут давнуло, то приташниват, то изжога. А началось с того, что дружок мой, ровесник, вместе росли и в армии служили, скоропостижно помер. Домой на обед приехал, он механиком был в колхозе, да нет, уже при совхозе, за стол сел, баба ему супу наворотила блюдо, она мастерица варить-то, поставила, а его на яйца потянуло, одно облупил, другое, только его в рот засунул, посинел и упал. Думали, яйцом подавился, курицы у него особые были, крупные яйца несли, оказалось, нет, яйцо так целиком и вынули изо рта, и Ваньки не стало. Проводили друга, я даже на горячем обеде пить отказался, до того стал думать про смерть внезапную. Вот думатся мне, что сейчас халкну стакан, а он поперек глотки встанет, и аминь. Не за тем бы столом, но мужики на смех подняли: всегда пил, а тут в отказники. Правда, с водкой мы скоро сговори-

лись, меня на внутренние болезни переориентировало, стал по врачам ходить, каждый месяц, да не по разу, пока один медсестру проводил под благовидством, дверь прикрыл и спрашивает: «Если тебе инвалидность нужна, ты так и скажи, сделаем». «Нет, говорю, инвалидом быть не желаю, рановато да и стыдно, а ты лечи меня, чтобы нигде и никаких покалываний». Тогда он как взревел: «Вон отсюда, и чтобы духу твоего не было! Тут от старух спасенья нет, а он, бугай колхозный, анализы в трех экземплярах носит!»

От больницы отвадили, навалилась на меня новая страсть: к чужим бабам любовь проявилась. Я и по молодости был парень не промах, но после женитьбы успокоился, думал, навсегда, оказывается, нет, все возвернулось. Вот смотрю на Галину, баба как баба, помоложе меня, с соплюшек знаю. Мужика своего выперла за пьянку и холостякует, да так, что озноб берет. То ходила – ни уха, ни рыла, а тут путевки выписыват, а сама грудями по документам так и шелестит, так и возит. Я как-то вечерком стуканул в ее дверь, она заинтересованно интересуется: «Кто там?». «Открывай, говорю, свои». А она издевается: «Может, – говорит, – паролю скажете». Я говорю: «Галя, я к другому разу клятву юного пионера повторю, ты только пропусти». Вот так и началось. Моя узнала, к Галине в конторку, а та ей вежливо: «Если ты по вопросу содержания собственного мужа, то это не ко мне, у меня такого опыта нет, так что блюди как знаешь». Моя таких умных слов сроду не слыхала, вечером в постель ложимся, она спрашивает: «Признайся, ходишь к Галине? Признайся, и больше мне от тебя ничего не надо». На таких условиях надо сдаваться на милость, потому что потом трудно будет рассчитывать на пролетарское снисхождение. Признался. Она отвернулась и уснула. Не поверите – обидно стало, нулевая реакция. Про любовь я промолчу, она минула, столько лет! Но самолюбие? Ну никакой ревности, хоть бы в рыло двинула! Нет, и хорошо.

Бабы с бабами обмен информацией ведут почище, чем мужики, Галька где-то поделилась радостью, и звенит у нас вечером телефон. Беру трубку, вкрадчивый голосок под детский спрашивает: «Это Виктор Михайлович?». «Да». «Тогда прогуляйтесь через полчасика по вдоль магазина». По голосу узнаю продавщицу Марину, но уверенности нет, одеваюсь легонько, мол, пройдусь маленько. Оно все кстати, вечерами изредка я на улицу выходил, для здоровья полезно. Только от Марины я кое-как приплелся к рассвету, до дивана добрался, там и досыпал. Утром моя ничем-ничего, завтраком накормила, и я

на работу. От Марины пришлось отвязаться, она каждому покупателю вместо сдачи рассказывает, какой ей крепкий мужик попался. Умолял прекратить безумную рекламу, без толку, так довольна баба, что удержу нет. Пришлось бросить. Приехали к нам в совхоз новый дом культуры запускать, я на «газончике» всякую мелочь подвожу. Всеми делами рулит крутая женщина, высокая, причесанная, формы соблюдает не по годам, культура, одним словом. Дремлю я в кабинке, жду указаний, она дверь открывает: «Молодой человек, нужна грубая мужская сила». «И чего?» – переспрашиваю. Оказывается, поворотное колесо на сцене монтируют, установили неточно, надо приподнять и передвинуть. Трое мазуриков в китайских штанах горюют с ломиками в руках. Обошел все, осмотрел, попросил схему, оказывается, не просто приподнять, а за это время диск фиксирующий вынуть, он после колеса ставится. Короче говоря, когда колесо на место поставили, я выпрямиться не мог, так спину свело. Эти идиоты, когда я вес взял, потеряли ломики, потом нашли, матерясь, освободили диск. Дама меня на крыльцо вывела, вижу, что перепугана, тут я, скрипя костями, распрямился, улыбку вымучил. Она подлетывает: «Виктор Михайлович, вы мой спаситель, я перед вами в долгу. Конечно, работа будет оплачена, но приходите вечером в гостиницу, я много лет в цирке работала, знаю приемы массажа, уверена, что помогу». Конечно, помогла, правда, поначалу я на полном серьезе стонал от боли, а потом уж и не поймешь, что. Две недели мы этими пусконаладочными работами занимались, кое-как начальство ее отозвало.

На открытие дома культуры приехала к нам бригада артистов из филармонии, я на складе семена перевозил, заезжает на территорию разукрашенный, как попугай, автобус, и выходит из него молодая красивая женщина. «Не подскажете, где мне Виктора Михайловича найти?». Признаюсь, что я и есть. «Вам, – говорит, – привет от Ларисы Львовны, и просила она, чтобы вы надо мной шефство взяли». Пытаюсь понять – ничего не получается. Какое шефство? «Может, говорю, вас в лес свозить?». Она аж подпрыгнула: «Конечно, в осеннем лесу сейчас замечательно!». Тогда я и сообразил. В кузов полог кинул, ее в кабину, и в первые лески. Ладно, на складе быстро хватились, что работник исчез, стали по рации стучать, у нас в уборку вся техника была оборудована связью. Пришлось с шефством завязывать и передавать привет Ларисе Львовне.

Жизнь, можно сказать, была веселая, жизнерадостная была жизнь, только окончилась она как-то неловко. Спрашивает меня соседка

Фима, сволочная баба, к ней сроду ни один мужик не хаживал, шаманила она кого-то или колдовала, в общем, дрянь баба, и вот она спрашивает вкрадчивым голосом, не замечаю ли я за собой каких-нинабудь мужских недостатков. Да нет, хохочу, не приходилось. А она губки бараньи поджала и вроде недоумение. Я взволновался: «А в чем, говорю, дело?». А в том, она отвечает, что пущена на тебя мысля и недобрый промысел, чтоб потерял ты всякое мужское достоинство. Я ее за глотку: «Да за такую пошлятину жизни решу!». Она выпросталась из объятий и плачет, что не ее это дело, а той женщины, которую ты бросил для ради работниц культуры и цирка.

Смутился я здорово, авоську водки взял, завгару сказал, чтоб не теряли, и в свою избушку на ограде, там у меня красота, и радиола, и телевизор, и жранина всякая что в холодильнике, что в подполе. Прогулял дня три, баню справил, попарился, дурь вышла, сижу на кукорках, раз глянул – молчок, другой – никакого сдвига. Теплым веничком пошевелил – гробовая тишина! Вот тут я взревел! В сорок лет без насилия мерином стал, это ж как жить? И давнул я еще пару суток, очнулся совсем никакой, на бабу не смотрю, благо, что она никакого интереса ко мне не проявляла, так и живем. Ни я ни к кому, ни ко мне никто. Не поверишь: год так существовал. От вольных разговоров бегу, бабского общества сторонюсь, потому что Фимочка, сучка, хоть и клялась в неучастии, а общественность проинформировала. Мужики, учитывая прежние мои заслуги, поначалу во внимание не брали, а потом запримечали, что я спокойный до неузнаваемости и даже скучноватый сделался.

Довелось мне как-то в область поехать, какие-то материалы для совхоза привезти, и надо бумагу одну подписать, а подъезда к конторе на грузовом транспорте нету. Ставлю машину в холодок, дело в июле было, сажусь в автобус, да какое там сажусь – штурмом беру, кое как втиснулся и припал в аккурат к одной женщине со спины. Лица не видел, клянусь, но притиснули меня к ней, и так мне славно стало, что я три лишних остановки проехал. Ага, думаю, есть еще порох в пороховницах, не иссякла мужская сила. Загрузился я всяким барахлом и домой, да только не домой, а в деревню по трассе, там у меня зазноба была. Правда, года три уже не бывал, но дорогу помню. Выходит она со двора и говорит:

– Тебя где носило стоко времени? Столько годов даже жены не ждут, завела я себе, хоть хреновенький, но свой.

– Отправь его куда-нибудь, край надо!

– Да куда его отправишь? Разве дашь ему на поллитру, он в соседнюю деревню пойдет, у нас магазина нету.

Даю ей на литру, отъезжаю в сторону, смотрю – из калитки вынырнул плюгавенький такой мужичок и потрусил вдоль улицы.

Понятно дело, долго я убеждался, что это не сон и видение, баба уж беспокоиться начала, что мужик вернется. Еду домой веселый, а себе думаю: жене ни слова не скажу, пусть живет спокойно, она, похоже, не шибко обзабочена. А тылы стал проверять еженощно. Жизнь вроде наладилась.

25

Телефонограмма приглашала во вторник на бюро обкома по завершению уборки и хлебосдачи. В воскресенье вечером домой позвонил заведующий сельхозотделом обкома Пахотин:

–Григорий, ты меня выведи из заблуждения, я твой район просчитал вдоль и поперек, урожайность отличная, валовка замечательная, обмолот почти закончен, а где хлеб? У тебя же выполнение госпоставок чуть ли не на уровне ржаных северян, типа Вагая. Согласись, что-то не вяжется. Конечно, на бюро тебя тоже об этом спросят. Транспорта не хватает?

– Сейчас не хватает только трех суток, чтобы выбросить весь хлеб, это будет полтора плана. А пока зерно собираем мешками с полевых токов.

– Ты с ума сошел! – возмутился Пахотин. – Тебя же на смех поднимут.

– Когда сдам полтора плана, пусть смеются, хуже, если бы убрать не сумел.

– Не знаю, Григорий, но быть тебе битым. Может, не стоит говорить о полевых токах?

Хмара вскипел:

– Конечно, не стоит, лучше спросить, зачем нам иметь в руководстве области таких людей, которые молотят языком, как базарная баба в престольный праздник, а когда надо решать, играют под дурачка. И когда район попадает в идиотское положение по их вине, даже извиниться не соизволят.

– Гриша, ты кого имеешь в виду? До бюро зайди ко мне, найди, выдерни из кабинета, нам надо договориться.

– Ладно, зайду, времени у меня много.

Выехали на «волге» рано утром, хотя бюро назначено на два. За

вчерашний день объехал самые хлебные хозяйства, обстановку знал, на открытых токах оставалось около десяти тысяч тонн зерна. Почти везде работали зернопогрузчики с автономными двигателями или с приводом от вала отбора мощности «беларусей», потому за два дня цифры в графе отчетности «вывезено с токов» подросли хорошо. Хевролин предложил перед бюро остановить работу с токами и весь транспорт бросить на элеватор, это давало возможность закрыть нархозплан и уйти от неизбежной критики. Хмара отказался:

– Нельзя этого делать даже в угоду собственному благополучию. Пойди завтра дождь – хлеб на токах мы потеряем, а на складе – уже, считай, в закромах. Не вывезем государству сегодня – вывезем завтра, а что на бюро будет – нам разве привыкать? Конечно, покритикуют, но на зерне это не отразится.

К Пахотину он зашел перед обедом, тот уже все знал и смотрел на товарища с сочувствием:

– Доклад делает начальник сельхозуправления, он только покажет обстановку, далее Первый начнет раскручивать, ты попадаешь в обойму, готовься на трибуну.

– Спасибо, я уже готов.

– Как обстановка?

– Двух дней не хватает.

– Все приберешь?

– Уверен, что все.

– Ладно, только сильно не перечь, ты же знаешь...

После доклада Первый высказал свои оценки, похвалил районы, завершающие уборку и выполнившие план, потом назвал отстающих, «кто тянет бессовестно область назад», в основном тех, кто завяз с обмолотом.

– Мне непонятна позиция Пореченского райкома: уборка закончена, зерном должны быть забиты все склады, но его не везут государству! Товарищ Хмара, объяснись, может быть, район вообще не будет участвовать в формировании зерновых фондов страны? Что у вас там за проявления самостийности?

Хмара почти не волновался, он знал, что в эти минуты с полей на склады идут вереницы машин, что завтра это зерно будет засыпаться в государственные закрома, он был уверен, что выбрал правильную тактику.

– Докладываю бюро обкома, что район сегодня заканчивает уборку зерновых, урожайность высокая, не менее двадцати центнеров, че-

рез три дня, то есть, к субботе, мы закроем нархозплан и сдадим дополнительно половину плана.

– А что тебе мешало работать в нормальном режиме, вести обмолот и хлебосдачу? Что за новшества? – спросил Первый.

– Я обращался к вам по поводу транспорта. Нас в этом году сильно обжал облисполком, выделив полсотни слабых машин, при нашей урожайности они не решали проблему. Мы с первых дней обмолота споткнулись о нехватку транспорта, в дополнительной помощи нам отказали, и тогда я дал команду сыпать бункерное зерно прямо в поле, чтобы выбросить его на тока после обмолота.

– Так! – Первый сурово осмотрел зал. – И сколько хлеба у тебя в чистом поле?

– Было больше тридцати тысяч тонн, сегодня к вечеру останется три тысячи.

– Товарищ Хмара, откуда у тебя эта тяга к дедовским методам работы? Все районы работают по-современному, а Поречье довоенные полевые тока вспомнило. А ты не подумал, что непогода угробит все твои вороха? Что в дождь к ним не пробраться, они сгниют, и мыши их поедят?

– В непогоду с таким же успехом можно потерять и неубранный хлеб. Я считаю, что поступил правильно, урожай убран и спасен.

– Я предлагаю опыт Пореченского района в области не распространять, дать Хмаре еще три дня и потом сделать по нему окончательные выводы, а пока ограничимся обсуждением.

Никто не возражал.

Хмара в душе надеялся, что Ниценко вмешается в разговор и внесет ясность, в конце концов, с него взятки гладки, но хотя бы понятно стало, почему район пошел на создание полевых токов. Но тот промолчал. Никогда, наверно, не понять ему природу человеческой подлости. Почему тот, кого вчера еще считал товарищем, пожимал руку и был уверен в нем, как в самом себе, уверен настолько, что доверял самые свои мысли сокровенные, самые сердечные думки, почему он в трудный момент, когда надо встать и сказать, не просто сказать, а резко, недвусмысленно, чтобы всем стало ясно: «Мой это единодушник и единомышленник, не он, а я виноват в провале!» – почему он в этот момент сделался тихим и незаметным, словно нет его в зале или не слышит он грубых, насквозь лживых слов о товарище своем. Или человек так устроен, что в момент, когда все дальнейшее благополучие зависит от этого момента: продвижение по службе и зарплата, и блага,

какие прилагаются к должности в виде почтения и штатного уважительного отношения, вовремя привезенного барашка на шашлычок, стожка сена лесного, мелкого, разнотравного, который поздним вечером притащат тракторной тягой на задний двор – вот в этот момент он вспомнит вдруг о семье, о детях, и их именем может прикрыться.

Такое бывает в минуты острой опасности, бывает, и с ним было, когда в поезде заступился за женщину, взял за шиворот пьяненького верзилу, а тот с улыбочкой презрительной и ехидной ножик вытащил, финку, всего пять или чуть больше секунд прошло, а Галина с ребятами вдруг привиделась, и жизнь, и война, и мурашки по коже, как в атаке, когда бежал с открытым ртом и орал только один звук «А-а-а!». Но он тогда пнул верзилу самым грубым приемом в пах, выбил нож, передал милиционеру, успокоился, лег на верхнюю полку и с удивлением для себя еще раз просмотрел возникшие вдруг картины, с удивлением, потому что новое, неожиданное открытие сделал: в последний момент, когда вот она, тьма на острие ножа, самое, что у сердца лежит, в память приходит. Вправе ли человек винить другого, что тот ради детей и семьи своей не пошел напролом, не подставил свою голову под скорый суд, промолчал. Ведь он не солгал, не лжесвидетельствовал против тебя, он скрылся от участия, и есть ли в том грех? Вины нет, тут без сомнений, сомнения в другом, и они терзают, не дают покоя, горячат мозг и жгут сердце. Он промолчал, хотя мог сказать, и тогда совсем по-другому повернулось бы дело, по-другому бы высказались следующие, потому что возникло два мнения, и каждый вправе поддержать любое. Но он и после не подошел, не признал своей слабости, тебе-то он мог признаться, мол, воздержался, чтобы не накликать на себя властного внимания, что взял грех на душу. Ты бы его простил, обнял бы за плечи, сжал руку и молча кивнул: «Переживем!». Не просто так эта мысль о грехе возникла, значит, есть в том проступок против товарищества, который во все времена считался делом ничтожным и подлым, большим грехом считался.

26

Солнце уже село, а на город опускались влажные и тугие осенние сумерки, когда Хмара вышел из обкома. Только что с телефона инструкторов сельхозотдела он позвонил Головачёву, тот доложил, что на вывозку зерна с полевых токов и на элеватор мобилизован весь транспорт.

– Григорий Иванович, все уазики задействованы, даже две машины скорой помощи работают, такое напряжение.

– Вы район без медобслуживания не оставьте, – ворчнул было Хмара, но отчёт его успокоил. Сел в «волгу» на заднее сиденье, водителю сказал:

– Володя, домой, я тут подремлю, что-то подустал.

Какое там – подремлю, так, глаза прикрыл, и хоть веки сшивай, нет сна. Улыбнулся, вспомнив рассказ Долгушина, как он на курорт ездит: «Первые трое суток сплю, за всю посевную и уборку, потом похожу на ванны и грязи – скукота! Полсрока отбыл и в аэропорт».

Вениамин однажды полную наволочку нашелушенного зерна привез, недалеко от санатория опытное хозяйство, Долгушин нанес визит директору, тот интерес удовлетворил, провел по делянкам, рассказал про технологии и назвал цифру урожайности будущей пшеницы. Гость ахнул: три его хлеба! И к директору: дай мне твоей самолучшей пшеницы, я её в Сибири разведу! Напрасно тот отговаривал, объяснял, что этот сорт для южных солнечных черноземов, заело гостя: не может быть, чтобы в наших краях хоть в половину не уродился!

Так ни с чем и расстались. А в ночь перед отъездом сдернул Вениамин наволочку с подушки, пробрался на делянку и нашелушил зерна, сколько смог. Наволочку в авоську втиснул, при посадке категорически отказался сдавать авоську в багаж, кое-как уговорил контролёра. Видно, возымело, что пассажир признался: «Редкого сорта семена везу, учёный друг подарил, им цены нет. Я же тебе чемодан с рубахами и костюмами отдаю, мало того – сам в грузовом полечу, но авоську не могу подвергать, в ней, можно сказать, вся моя будущая жизнь сохраняется».

Товарищи подшучивать пытались было над Вениамином, но Хмара пресёк: он не подсолнушки вёз пощелкать от нечего делать, а семена новой пшеницы, и кто знает, может, она и приживётся в наших краях.

Не прижилась пшеничка, не хватило ей сибирского солнышка для созревания, но отметину в памяти секретаря Долгушин сделал глубокую: такой мужик для общего дела на всё пойдёт, вот и тут краев не видел, лишь бы в хозяйстве лучше стало. Хмара через Краснодарский крайком нашел эту опытную станцию и попросил у директора прощения за вольности своего руководителя. Ученый не только не возмутился, он порадовался: если есть такие люди, значит, сельское хозяйство мы поднимем, сомнений и быть не может.

Полудрема сменялась картинами сегодняшнего дня. Конечно, думал Хмара, Первый повёл себя разумно, а ведь мог и расхлестать. Отношения у них не складывались со дня личного знакомства, воз-

можно, Григорий не находил в новом руководителе многого из того, что ценил и даже любил в прежнем, а тот, угадывая свой проигрыш и не нуждаясь в симпатиях райкомовского секретаря, перестал обращать на него внимание. В обкомовских коридорах шушукались: «Первый Хмару не любит», но район работал ровно, и заведующие отделами Григория Ивановича привечали. Сам Хмара трагедии из этого не делал, признавая, что они разные люди и по-разному выстраивают свои отношения, потому как человек не без хитринки, выбрал позицию неброского и покладистого руководителя.

Правда, однажды ему предложили перевод в область на должность начальника управления кинофикации, звучит, конечно, громко, но что за звуком – он хорошо знал: по два десятка не очень трезвых киномехаников в каждом районе, устаревшая техника и куча других проблем. Конечно, с его хваткой он мог бы всё это разгрести и наладить, но Хмара отказался, не поблагодарив, и больше разговоров о переводе не было. Хмара усмехнулся: видимо, подсунули Первому его личное дело, а в начале пятидесятых, сразу после демобилизации, года два довелось работать заведующим отделом культуры, намекнули на связь...

В райцентр въехали ближе к полуночи, на трассе обогнали несколько грузовиков с зерном, идущих на элеватор, это Макар гонит своих, не желая отставать от лидеров, в натуральных величинах ему, конечно, не тягаться с Ильинкой, но свои полтора плана он тоже сдаст, и будет тем по праву гордиться.

Тяжело Макару работать, грамотёшки нет, а сегодня всех других качеств руководителя без теоретической подготовки маловато... Надо подыскать ему достойную работу и убираться, но так, чтобы не обидеть, ведь колхоз на нём держится уже десяток лет. Хмара опять усмехнулся: вскоре после партконференции Чуклеев обратился к нему со странной просьбой. Оказывается, в докладе мандатной комиссии было указано, что среди делегатов столько-то имеют высшее, потом среднее и один – начальное образование. « Григорий Фёдорович, ну, со стыда сгореть, все на меня пальцем показывают. Запишите хоть семилетку, ведь я столько курсов прошел!». Хмара тогда Макара успокоил, напомнил о его достижениях и орденах, а скоро вопрос решился сам собой, обком дал установку в анкетах указывать «неполное среднее образование».

Владимир подвернул к дому Хмары и осветил уазик, из которого быстро вышел Хевролин. У Хмары нехорошо ёкнуло в груди.

– Григорий Иванович, Долгушин умер.

Хмара подавил в самом горле какой-то звук и тихо спросил:

– Как это случилось?

– Вечером поехал к комбайнерам, вез термос с мясом на ужин мужикам. Свернул с дороги прямо на поле, даже мотор заглушить не смог. Я только что был в больнице, Шанаурин сказал, что обширный инфаркт.

Помолчали. Хмара поднял голову, Хевролин понял и доложил:

– Завтра к вечеру выполнение нархозплана завершим, как и считали, на полтора плана зерна хватит, семена и фураж само собой.

Григорий ничего не стал говорить жене, помылся в горячей бане, долго сидел на крыльце. «Эх, Вениамин, Вениамин, что же мы наделали с тобой? Всё считались самыми здоровыми и сильными». Ночь стояла тихая и печальная, природа горевала вместе с ним. Высокие звёзды обещали погоду.

Осенняя сибирская ночь, без ветра, без туч, в такую ночь даже ближе к солнцевосходу не бывает росы, такие ночи в разгар уборки подарок для крестьянина, зерно в колосе не волгнет, сухое, аж пыль, и молотить его можно всю ночь без перерыва. Такие ночи крестьяне испокон веку называли сухоросными, сухоросами. Нелепое вроде выражение – сухая роса – а вот родилось и прижилось, и дай Бог – нескончаемо. Впервые он узнал эти слова от отца, когда жали чахлую пшеничку на скудных вакоринских наделах. «Тятя, а росы ведь сухими не бывают?» «Бывают, сынок, обожди, сам увидишь».

В такие ночи эмтээсовские комбайнеры не глушили моторы, и в новый день уходили, только залив солярку и наскоро перекусив. Потом и в колхозе он, парторг, вместе с комбайнерами встречал утреннюю зарю, и только из опасения, что кто-то послабее из-за усталости может сорваться с мостика, заставлял перед солнцевосходом останавливаться хотя бы на пару часов.

Сегодняшний сухорос – как последний привет от суровой сибирской природы одному из самых упрямых и несгибаемых её союзников, подумал он о Долгушине. Как часто она при жизни устраивала ему экзамен, проверяя знания, силу, умение организатора. Могла закатить такую весну, что до середины мая на полях стояли лужи и утки устраивали гнёзда в кучах прошлогодней неубранной соломы. И тогда Долгушин давал команду снимать сошники с сеялок и высевать семена поверху, а потом жил в полях, держал наготове сцепы борон и культиваторов, как только почва подсыхала, направлял технику, что-

бы прикрыть проклюнувшиеся семена. Было, что весь июнь стоит жара, злаки в такую пору входят, что не случись дождя еще пятиднёвку – нет хлеба, не пройдёт кущение, не родит из меха три меха, а только полмеха, а то и того меньше. Три года назад вот в такую пору пришел Долгушин в кабинет Хмары, не поздоровался и руки не протянул, сел на стул и заплакал. Григорий плеснул воды из графина, Вениамин отхлебнул, неловко поставил стакан.

– Григорий, хлеб горит, и нету моих сил смотреть на это. Такие всходы были, такие надежды, а теперь?

Хмара не мешал.

– С рассветом проехал самолучшие увалы, сердце кровью обливается, – он поднял голову, и Хмара поразился переменам: по крупному лицу глубокие морщины залегли от переносья, синюшные мешки под глазами.

– Я боюсь, Григорий, я не пересилю.

Пересилил. Через два дня хорошие дожди прошли по югу области, и хлеба повеселели, конечно, не получить двадцать центнеров, которые Долгушин ждал с весны, но с планом хлебосдачи справились и себя обеспечили.

Он лёг на веранде, чтобы не беспокоить жену, и забылся тяжёлым сном, а в половине шестого по привычке открыл глаза, наскоро сделал зарядку, умылся в бане, сел за стол. Галина поставила жареную картошку.

– Гриша, ты молчишь, а я знаю про горе.

Григорий кивнул:

– Сегодня к обеду не жди, вечером позвоню, когда баню подтопить. Как у них в школе? – кивнул в сторону детской.

– Всё нормально, только Гриша вчера высказался: уже неделю папу не видел.

– Закончим хлебоуборку – навидаемся.

До райкома пять минут ходу. Хевролин и Аржиловский на месте, в приёмной главный врач Шанаурин, Хмара молча пожал ему руку, кивнул на кабинет.

– Григорий Иванович, Долгушина не спасла бы и бригада врачей с оборудованием, патологоанатом говорит, что такого инфаркта не встречал, разрыв тканей несовместим с жизнью. И ещё. Предлагаю проверить всех руководителей основательно, такие нагрузки...

Хмара выслушал молча, он уже понял, что злится на врача, хоть и нет на нём никакой вины. Молодой человек, сразу после окончания

медицинского института приехал главным врачом. Месяца за три до этого ему позвонил заведующий облздравотделом:

– Григорий Иванович, ты просил хорошего парня на главного, есть такой парень. Я сегодня знакомился с выпускниками, рекомендую тебе, фамилия Шанаурин. Тебя не смущает, что казах?

– Меня смущает, что выпускник. Я же прошу не просто врача, а главного.

– С этим всё в порядке, у него училище за плечами и семь лет практики с совмещением. Очень серьёзный. Привезти?

– Вези. Но чтобы без ошибки, у меня по медицинской части планы большие, нужен надёжный человек.

Ошибки не было, Шанаурин быстро освоился, заговорили о толковом главном, Хмара следил и готовился к перестройке районной больницы.

– На понедельник вызывай всех руководителей хозяйств, и проверь каждого, чтобы нам ещё кого не потерять.

– Григорий Иванович, не поедут, сошлются на уборку.

– А ты на меня сошлись, исполнение доложишь. А сегодня перед тем, как Вениамина повезут домой, направь в Ильинку врачей, там мать его и жена.

Вошли секретари. Хевролин сказал, что дом культуры подготовят к прощанию, но с родственниками надо согласовать, и он уезжает в Ильинку. Аржиловский добавил, что все руководители собираются приехать на похороны, надо уточнить время.

– Время согласуем по обстоятельствам и сообщим по рации через диспетчера управления. Головачева оставим на связи, и все по местам, уборку даже смерть товарища не остановит.

В Ильинке подъехал к дому Долгушина, тут уже стояла скорая, вошел в веранду, Тамара Ивановна заплакала без слёз, уже не было, Григорий обнял её:

– Прости, Тамара, что не уберегли Вениамина, да он и не давался никому, жил на взлете.

– В клубе народу будет много, но хоть минутку дайте нам побыть с ним наедине.

Григорий опять её обнял, поклонился старушке-матери, тихо сидевшей в углу, докторшу отвёл в сторону:

– Как они?

– В пределах нормального состояния, стресс прошел.

– Будьте с ними дома, пока всё в клубе подготовим и гроб установим. Будьте внимательны, встреча эта для них тяжёлая.

В вестибюле дома культуры завесили окна, посередине установили широкий стол президиума со сцены, за ним много собраний и совещаний провёл Долгушин. Из музыкальной школы привезли записи подходящих мелодий. Гроб внесли в полной тишине, установили, подняли крышку. Хмара подошел первым, поправил на груди Вениамина сбившийся галстук. Тугая спазма сдавила глотку, он отвернулся и ушел в гримерку.

Привезли награды Вениамина, уложили на подготовленные подушки ордена Трудового Красного Знамени и Знак Почета, медали, Хмара с удивлением увидел медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», совсем малолеткой заслужил он эту награду.

Организацией похорон занимался молодой парторг Синилов, подошел, доложил, что на кладбище все готово, спросил, когда вынос.

– Наверное, после трех, все руководители подъедут, да и на производстве объявлено.

Он еще утром договорился с начальником автоколонны, что все послеобеденные маршруты отменят и направят автобусы в совхоз, надо обеспечить доставку рабочих со всех отделений. Только напомнил:

– В два часа останови все, чтобы люди смогли прибыть.

На зерновом складе грузились несколько машин, это на хлебосдачу, моторы погрузчиков заглушали голос, Хмара кивнул девушкам, широкими деревянными лопатами подгребавшим зерно к ленте транспортера. Когда кузов наполнился, девчата поставили лопаты в ворох зерна, стали обихаживать друг друга. Хмара заметил: ни смешков, ни улыбок. Когда сняли платки, закрывавшие лица, узнал Лиду, зоотехника второго отделения, комсомольского активиста, просто славную девчонку.

– Сколько машин сегодня отправили? – спросил он.

– Мы загрузили пять, а всего – много, Григорий Иванович, план сегодня закроем, – без радости доложила Лида.

– Подойдет автобус, в два часа к дому культуры, попрощаться с директором.

– А можно спросить, где Вениамина Семеновича будут хоронить? На кладбище?

Хмара вздрогнул:

– Так, продолжай.

– Мы с девчонками еще утром говорили, что Вениамина Семеновича надо похоронить у братской могилы в сквере, тут и памятник землякам. Разве так нельзя сделать? Ради такого человека. Совхоз наш

поднял, люди его все жалеют, моя мама зеркало завесила, говорит, в нашем доме покойник. Да оно так и есть, во всем нашем большом доме горе, – и она заплакала по-детски, не убирая слез со своего лица.

Хмара не прощаясь, быстро зашагал к весовой, вызвал по телефону диспетчера сельхозуправления и приказал найти членов бюро райкома, чтобы они срочно позвонили ему в кабинет совхозного парторга. За полчаса переговорил со всеми членами бюро райкома, приняли решение, учитывая большие заслуги Долгушина Вениамина Семеновича, похоронить его в сквере села Ильинки у мемориала павшим за советскую власть и в Великой Отечественной войне. Аржиловский, уже приехавший в контору и поддержавший предложение, спросил, будем ли согласовывать его с областью.

– Не будем, – отрезал Хмара. – О смерти Вениамина я поставил в известность Первого, семья получила его телеграмму соболезнования. Сделаем, как решили, а то нарвешься на перестраховщика, все испортит. Я тебе, Григорий, вот что скажу: замечательная у нас молодежь растет, ни одному из нас эта мысль не пришла, а комсомольцы сегодня потребовали. Ты знаешь, в таком горе это светлое место.

Ему опять предстоял разговор с Тамарой, без ее согласия решение не будет иметь силы. У дома культуры много людей, подходят и подъезжают, Хмара поздоровался со всеми сразу и поднялся на крыльцо. Из репродуктора тихо звучала грустная мелодия. В полутемном вестибюле людно и тихо, только музыка. У гроба почетный караул, Тамара и дети сидят в окружении близких. Хмара некоторое время стоял молча, потом наклонился к Тамаре:

– Тамара Ивановна, прошу тебя пройти со мной в комнату библиотеки. – Взял ее под руку, медленно провел через зал. – Тамара, ты должна правильно все понять, без тебя мы ничего не можем изменить, но Вениамин действительно заслужил эту честь.

Тамара заплакала, закрыла лицо руками.

– Ему теперь все равно, оставил меня, а как жить? Григорий Иванович, как жить?

Хмара взял ее за руку:

– Жизнь продолжается, Тамара, тебе растить детей, а память о нем будет долгой, поверь. Так что ты нам скажешь, Тамара Ивановна?

Тамара вздохнула:

– Я против не пойду.

– Спасибо тебе.

Площадь между домом культуры и дирекцией совхоза заполнили

тысячи людей, машины ставили в переулках, несли цветы и венки. Гроб установили перед памятником, Хмара поднялся на постамент, наступила тишина.

– Сегодня мы прощаемся с выдающимся нашим земляком, нашим дорогим другом Вениамином Семеновичем Долгушиным. Он вырос в этом селе, был инженером, стал директором, вывел хозяйство в число лучших в области, заслуженно получал высокие награды. После человека на земле остается то, что он сумел сделать. После Вениамина Семеновича остается сильный и дружный коллектив, мощное хозяйство, и вот этот хлеб, который он взрастил. Мы прощаемся с товарищем и говорим, что не уроним славу Ильинского совхоза. Мы все выражаем самые чистые соболезнования родным и близким, обещаю, что им будет обеспечена поддержка государства.

Митинг был кратким. После прощальных речей гроб накрыли красным флагом и под ружейные выстрелы опустили в могилу. Хмара был за поминальным столом не более минуты, кивнул Аржиловскому и Хевролину, напомнил, что за ними забота о Тамаре Ивановне, незаметно вышел и поехал в райцентр, на хлебоприемный.

27

Хмара и сам не понял, так все произошло неожиданно. Все-таки природа чудно человека устроила, вот вроде женился мужик, не без того, чтобы девка по нраву была, насильно давно уж под венец не водят, прожил без малого пятнадцать годов, двоих детей нажил, и на бабенок, конечно, поглядывал, куда без того, только глупостей не допускал. Точнее сказать, внутренние сдерживающие начала срабатывали, человек из партийного руководства всегда на виду, он еще подумать не успел, а в деревне уже знают. Потому вольностей с женщинами Григорий не позволял, хотя, чего греха таить, стольких добрых баб война осиротила. Даже позицию товарища Сталина пришлось принять, когда законом отпустили мужиков до чужих баб, не так откровенно, но по сути – надо народонаселение увеличивать, остался ты в живых, да еще и в силах – поучаствуй в важнейшей народнохозяйственной задаче. За Хмарой закрепилась молва мужика верного до своей жены, нетерпящего измен и блуда, ни разу не дал он повода это мнение пошатнуть.

И вот на тебе. Запала в сердце зазноба, да ладно бы баба свободная и самостоятельная, а то девчонка совсем, глупая и не дай бог – сумасбродная. Ляпнет среди подруг, что любовь у нее взыграла к первому

секретарю... Напрасно так подумал, Ирина девушка строгая, серьезная, Григорий аккуратно о ней справки навел, под видом изучения возможного кандидата в партию. Вроде подозрений не вызвал, да и с чего.

Летом встретились они на дальней дойке, Хмара объезжал молочные и нагульные табуны, овод и гнус одолевали, разные препараты наука предлагала, но сибирского паута ничем не взять. Коровы стояли по самые рога в мутной озерной воде, пастухи спали в тени прибрежной ветлы, охраняемые дымным костерком. Ирина разводила во фляге желтый порошок. Увидев «уазик», сполоснула руки и наскоро вытерла полотенцем. Так и стояла, в черном халате, с темной косынкой на голове. Потом вдруг словно вспомнила что-то, убежала в вагончик, через минуту вышла уже в белом халатике, пышные волосы прибрала в узел, на ногах босоножки. Хмара не видел этих превращений или делал вид, что не заметил, поздоровался издалека:

– Одна управляешься, Ирина Николаевна?

– А мне никто и не нужен, сама справлюсь. Вы надолго к нам?

Хмара смутился, пошел ей навстречу.

– Выпаса смотрю, и как с гнусом боретесь – тоже. Это же по твоей части?

Ирина сокрушенно кивнула:

– По моей. Только нет таких средств, чтобы гибла вся эта нечисть. Знаете, как коров жалко, когда все вымя облепят проклятые. И телят едят прямо живьем. Без молока и без привесов остаемся.

– Что еще в твоей бригаде нового?

Ирина раскраснелась, ободрилась, толково все пояснила и про заготовку кормов, и что лед на ферме совсем растаял, молоко охлаждать нечем, и про то, что трое девчонок доярками пришли работать.

– Ты их хорошо знаешь, девчат этих? Толковые, или от нужды на ферму подались?

Ирина обиделась:

– Зря вы так про нас думаете, и среди деревенских хороших девчонок много.

Григорий смутился: не хотел, а обидел, она же за этими рассуждениями себя видит.

– Ирина, я о деревенских девушках и вообще о людях самого высшего мнения, потому что сам деревенский, и жена у меня деревенская, так что не надо хмуриться. А уж коль собралась девичья команда, давай создадим комсомольский коллектив на ферме, бригаду, а тебя бригадиром назначим.

Девчонка засмеялась:

– Не получится из меня начальника, я добрая и врать не умею. И хитрить не могу. Не нравится мне что в человеке – так и скажу, что не нравится.

Хмара и потом не мог себе объяснить, как сорвался с языка вопрос, о котором даже не думал:

– А если нравится?

Ирина подняла на него глаза, улыбнулась грустной почти прощальной улыбочкой:

– И нравится, Григорий Иванович, тоже признаюсь первой, хоть и не принято так. Вот вы мне нравитесь. С самого января о вас думаю. Никому не сказывала, а вам призналась.

Григорий понимал, что самое глупое – в шутку попытаться превратить разговор, а как серьезно его продолжать? Иринка видела смущение гостя, и то ли в ней прямоты было больше, то ли дерзости девичьей – спокойно сказала:

– Вы только не пугайтесь, об этом никто никогда не узнает, а чтобы вы знали – вот сказала так, и что хотите делайте. Вы про меня плохого не услышите в деревне, наша порода не гульливая, я буду вас сколько надо годов ждать. Мне от вас ничего не нужно, только приезжайте к нам в бригаду, порадуйте, а то где больше увидеть вас смогу? Видите, какой опасный разговор нечаянно случился. Это он для вас случайный, а я тысячи раз слова эти говорила меж себя. Заметили ведь взгляды мои в застолье. Я видела. И что приятны они вам, тоже поняла. Только как быть мне, горемычной, если счастье опять ко мне поворотилось спиной. – Она отвернулась, заплакала неожиданно громко, ушла в вагончик. Молодой скотник остановил ее, о чем-то спросил, подошел к Григорию.

– Ты из района приехал? Иришку за что отругал, что в слезах давится? Блюди у меня, я за нее..., не погляжу, что на машине с таким номером.

28

Хмара давно знал расхожую фразу, характеризующую положение района в области: «Район гремит!», она означала, что и показатели там высокие, и начальство к нему благоволит, и все там в полном порядке. После уборки оказалось, что Поречье сдало почти полтора плана зерна, опередив тех, кто еще вчера «гремел». Маятник общественного внимания качнулся в сторону Поречья. Обком выделил

небывалое количество наградных знаков, причем, несколько самого большого достоинства, приехали корреспонденты областной газеты, фотографировали первого секретаря в кругу лучших комбайнеров. Хмара настаивал, что надо бы сюда и директора Ильинского совхоза Долгушина, который внес самый весомый вклад в достижение района, но корреспондент отказал: в его задании тот не значился.

Впереди были несколько спокойных дней, и он поехал на родину, в дальнюю лесную деревеньку Вакорино. В стороне от больших дорог, на краю района, до ближайшего сельсовета пятнадцать верст. Хмара давно определил, по каким принципам выбрали это место для заселения его предки полтора столетия назад. Небольшое чистое озеро окормляла широкая пойма, в начале лета зараставшая густой сочной травой, и далее в леса широкими языками вползали жирные земли, несущие веселое разнотравье, рай земной для скотинушки, так, кажется, сказал об этих местах земляк писатель Иван Ермаков. Каждая семья держала полный двор скота, потом колхоз тоже занимался в основном животноводством, а когда деревня вошла в совхоз, здесь организовали откорм скота на мясо. Во время кампании ликвидации неперспективных деревень Хмаре стоило немалых трудов доказать, что Вакорино должно остаться, что он отстаивает не свою малую родину, а неограниченный экономический потенциал для развития животноводства. Производство сохранить удалось, но народ все-таки спугнули такой политикой, люди снимались и тогда уже ехали до упора – в города, где была работа, другой ритм жизни и возможность получить благоустроенную квартиру, о каких в Вакорино и не слышали даже.

Зачем он сюда приезжал, если не искал даже управляющего, ставил машину на окраине деревни под тополем, проходил неезженой улицей, останавливался у бывшего своего родового домика, в котором уже давно никто не жил, стоял на месте бывшей школы, а вот там, кажется, был сельсовет и правление колхоза, где он начинал счетоводом.

Выходил к берегу озера, находил плес, где купались в детстве, теперь камыш и осока буйствуют тут. В первых от деревни лесках все знакомо, но и тут перемены, пали и вросли в траву старые березы, новые выпорхнули на их месте, изменив пейзаж; кустарники боярышника стали буйными, непролазными зарослями, да никто, похоже, тут и не был нынешней осенью, вон сколько ягоды набрякло; трава застарела, не путана и не мята.

Он понимал, что возвращение в детство есть первый признак старости, когда не хватает впечатлений, чтобы заставить заговорить

чувства, он только успокаивал себя, что и со всеми так, не один он такой на отличку.

Предвоенная детская жизнь не была сытой и благополучной, она помнится летней работой в колхозе, а зимой всю неделю в чужой деревне, на квартире у бабки, только в субботу гурьбой домой, сначала из Копотиловой, пока с волками не встретились, потом из Михайловки, вслед за санями дядьки Серафима, который с первых дней колхозной жизни возил сюда сливки.

Григорий присел на свалившуюся березу, сухой ее веткой разгреб слежавшиеся листья, подивился толщине слоя: тепло земле под таким одеялом. Земля, действительно, была влажной и теплой. Как хорошо! Прелый лист пахнет прошлым.

Из Вакорино он ушел в армию неполных восемнадцати лет, и больше сюда не возвращался, только по служебной надобности приезжал, да к родственникам, пока они тут жили. Теперь вот приезжает за чувствами. Григорий усмехнулся собственным рассуждениям. Из его ровесников почти никто не вернулся домой, этот молодняк тысячами погибал в первых же боях, пренебрегая осторожностью, не имея опыта старших, одержимый жаждой победы и даже славы, потому что война шла на убыль, а хотелось, не скроешь – хотелось наград и славы. Григорий демобилизовался через четыре года после победы, но и он испытал это непонятное чувство неловкости перед матерями и женами тех товарищей, кто погиб или пропал без вести. Он потом прочтет эти стихи: «Как будто бы и нет моей вины в том, что другие не пришли с войны...» и облегченно вздохнет: все это чувствуют, не он один, значит, все в порядке.

29

На выходной день уехал на стоянку к казаху Балхашу Бейбулову, ни дежурному райкома, ни дома ничего не сказал, пора спокойная, июнь, сенокосное время. Вечером переговорил по телефону с обкомовским секретарем по селу Чернухиным, после делового разговора спросил:

– Николай, ничего на воскресенье не выскочит неожиданно? А то я собрался зарыться на день в глухомань, что-то тяжко мне в последнее время. Прикроешь?

Чернухин усмехнулся:

– Шерше ля фам? Смотри, Григорий, сорок лет – опасный возраст, не всякому мужику удается его проскочить без партвзыскания. Ладно, шучу, конечно. Неожиданностей не должно быть, так что отдыхай.

Чуть свет уехал на уазике, Балхаш встретил на поляне, пожал руку. Так сложилось, что сюда никто не имел права приехать без первого, это знали и хозяйственники, и районные товарищи. Хмара гостеприимством не злоупотреблял, но приезжал без предупреждения, потому что Балхаш всегда был дома, и без ведома первого никуда не отлучался.

– Чем огорчен, баскарма? Тоска глаза гложет. Обидел кто?

Молодой еще, почти ровесник Григория, а душу знает, от него ничего не скрыть, и пытаться не надо. Может, потому и выбрал сегодня эту встречу, что надеялся на душеспасительный разговор с казахом, давно заметил, что после такого общения легче на сердце, голова чище и спокойней на душе.

– Почему рано встал? Еще солнышко на восходе, а ты на дорогу вышел.

Казах усмехнулся в желтые усы:

– Тебя ждал. Сорока принесла на хвосте, что ко мне едешь. Барашка освежевал, Сауле варит, пенку снимает. Доброе будет мясо, баскарма.

Хмара не любил называть казахов русскими именами, тем более, что переводов они практически не имели. Когда знакомился с невестой Балхаша и услышал имя – Сауле, красивое слово, загадочное, попросил уточнить, а как это будет по-русски. Балхаш усмехнулся:

– Нет такого слова в другом языке, как нет такой девушки у другого народа. Выйди темной ночью к озеру, чтобы тихо было, без ветра, и чтобы луна только-только всходила. Увидишь тропинку от луны к твоим ногам, это и есть сауле.

– Лунная дорожка? – уточнил Григорий.

– Дорожка – грубо, найди мягкое слово.

– След?

– Лунный след, так соглашусь, тебе бараний язык попадут старики за красивое слово.

Сауле окончила педагогический институт в Петропавловске, но Балхаш увез ее с первого урока, власти пытались вмешаться, потом замену нашли и все успокоились. Очень красивая казашка, Григорий иногда говорил об этом Балхашу, и видел, что тому приятно.

В стороне под тремя березками, где обычно в летнее время Балхаш угощал дорогих гостей, раскинут ковер, под ним толстая кошма, между столбами натянут полог, чтобы было заветерье и тень. Григорий прошел в лесок, вспугнул выводок перепелок, сорвал несколько

цветков. Он всегда считал себя суровым человеком прежде всего по отношению к себе, не позволял ничего лишнего. Знал, с кем можно стопку выпить – выпивал, не знал человека – в руки вина не брал. Никогда не говорил о человеке позаглаза, а в лицо только то, что проверено и подтверждалось. За своих людей стоял горой, в обиду не давал. Весной новый председатель облисполкома Никитин так развоевался в колхозе, что Макара Чуклеева с работы снял. И это в присутствии Хмары. «Собирай свои манатки, и чтобы духу твоего в колхозе не было!». Хмара на поле промолчал, но через полкилометра остановил машину, попросил гостя выйти, отвел в сторонку и сказал, что кадрами в районе занимается райком, за замечания Чуклееву спасибо, но снимать его с работы будет только бюро райкома. Никитин когда-то начинал инженером в районе, Хмару знал, за смелость похвалил, но предупредил, что своих решений отменять не привык. Тогда Хмара предложил вынести вопрос на бюро райкома с его участием. «И ты, Владилен, будешь бит», – закончил Хмара. Никитин расхохотался, тем дело и кончилось.

Куда девалась его решительность, неподвластность временным чувствам и первым впечатлениям, почему он одним распоряжением предрешает судьбы десятков людей, а запутался в понимании места в его устоявшейся и сложившейся жизни маленькой девчонки, почти дочери по возрасту. В минуты трезвого, здравого размышления все ставил по местам: он сам по себе, она совершенно отдельно, ничто их не объединяет и не может такого быть никогда! А чуть забывался в дальней дороге, или задумывался за рабочим столом в райкомовской тишине, а еще пуще – в краткие мгновения перед сном – пропадал секретарь райкома! Ирина робко входила в сознание и молча говорила неразборчивые приятные слова, которые передавались его душе плавно, успокаивали и усыпляли. И во снах она являлась, только никогда слов он не мог разобрать, вроде говорит, а речей нет, только радость и тепло.

Балхаш подошел тихо и долго, наверно, не тревожил глубокую задумчивость Григория. Они познакомились, когда Хмара был парторгом в колхозе, а семья Бейбуловых пасла скот. За одну ночь из загона пропали двадцать бычков, милиция как-то быстро определила, что это пастух продал молодняк, и Балхаша арестовали. Хмара незадолго до этого говорил с ним о вступлении в партию, Балхаш смущался: пастух, казах – какой из меня коммунист? Григорий пришел к нему в милицию, Балхаш глаза не прятал и своей вины не отрицал:

– Из моего загона пропали, кто отвечает? Балхаш отвечает. Если бы я на воле был, скот домой пришел, а так кто ищет? Сауле с ребятишками? Они не понимают ничего.

Хмара пошел к начальнику милиции и убедил отпустить Бейбулова хотя бы на три дня под его ответственность. Балхаш на второй день нашел бычков, в глухом лесу подготовлен загон, трава накошена, вода в колодах. Лес тот – остров среди болота, все разведал, вернулся, Хмара наряд милиции вызвал, закрыли дело. Правда, и воров не нашли, хотя Балхаш три фамилии написал на листке и отдал начальнику милиции:

– Казах наш нехороший человек, а те двое зоотехники из совхоза.

Балхаш в руках сломал сухую палку, Григорий встрепенулся.

– Мясо готово, Сауле ждет. Пойдем, баскарма, после будем думу думать.

Маленький столик посреди ковра, большой поднос с мясом, свежие баурсаки, бутылка холодного коньяка. Сауле еще раз осмотрела дастархан, поклонилась гостю и ушла. Григорий уже не протестовал против такого порядка, в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Балхаш ловко разделал мясо, бросая куски на поднос. В большие пиалы разлил сурпу. Коньяк налил в стаканы, молча чокнулись и выпили до дна. Балхаш принял пустой стакан и утвердился в догадке, что дело очень серьезное привело к нему дорогого гостя. Но хозяин молчал, дастархан накрыт, мясо еще горячее, хозяину нет нужды опережать гостя. Молча ели свежую баранину, запивая жирной сурпой. Наконец, Григорий тщательно вытер руки, Балхаш кивнул, Сауле принесла кувшин с водой и чистое полотенце. Пока гость хвалил мясо, подали чай. Хмара улыбнулся, вспомнил, что когда-то спросил Балхаша, почему дома не может сделать такой вкусный чай, и заварка та же, и сливки, и кипяток. Балхаш тогда усмехнулся:

– Никогда не сделаешь такой чай, потому что не знаешь даже, что вперед льют в пиалу, заварку, кипяток или сливки.

На том расспросы окончились, Хмара очень любил бейбуловский чай и выпивал по несколько пиал, чем очень радовал хозяев. Когда кверху дном опрокинул пиалу, что означало окончание чаепития, Сауле быстро собрала скатерть с посудой и исчезла. Она умела появляться и удаляться без вызовов и приказов. Хмару смущала такая покорность женщины, и он однажды заговорил с ней об этом, Сауле улыбнулась:

– Григорий Иванович, наш обычай такой, и жена не видит в нем

ничего обидного. Мы так воспитаны. Это не строгость, ведь я знаю, что муж любит меня и детей.

Хмара откинулся на ковре и грыз сухую травинку. Говорить не хотелось, да и что сказать, Балхаш хороший человек, но даже он не сможет ничего посоветовать. Единственно верное решение – выбросить Ирину из головы, забыть, зачеркнуть, но как? Страницами вымарывал он из справок и докладов, и они исчезали навсегда, ни одного человека перспектив лишил за провинность, и их нет рядом. Тут чем убрать?

– Хочешь, Григорий, скажу тебе твою тоску? Не обижу?

Хмара привстал на локтях:

– Попробуй.

– Ты мне давно, в первый год вино с тобой выпивали под барашка, ты обсказал, как с Галиной женился. Пришел с войны, семь лет в солдатах, женщин хоть и видел, только чужих. Пришел, глаза блестят, Галина попала, ничего плохого сказать не хочу, только ты как конь из стойла в табун выпущен, волю почувствовал. Семья, дети, высоко сел. А натура осталась. Ты думал, вместе с партийным билетом тебе зачтется молодость? Не бывает так. Человек должен молодость прожить, а не воевать. Конечно, Гитлер виноват, но теперь в суд на него не подашь. Ты все росточки молодые прижал и придавил, навсегда, думал, а они выскочили. Я удивляюсь: пять лет гурты на площадке топчутся, а нынче гляжу – роза взошла, шиповник. Вот ты считаешь себя сорокалетним, уже больше, а душа вернулась на полжизни назад, и роза прочикнулась. Ошибся я, поправь?

Хмара молчал. Он уже не раз имел возможность убедиться в способности Балхаша проникать в суть явлений и событий, даже по хозяйственным делам говорил с ним, и много полезного слышал. Но нынешние рассуждения его поразили, даже насторожили.

– Скажи, Балхаш, ты сам заметил что-то или уже люди говорят?

– От людей о тебе не знаю и знать не хочу, сам вижу. Ты другим стал, это я понимаю. Не нахожу другого..., как говорят – объяснения, причины, кроме того, что это любовь. Библию не читал, не могу сказать, а Коран любовь мужскую благословляет, много жен дает мужчине для любви, вот как Аллах возносит это чувство.

Хмара смутился: слишком откровенный разговор, хотя и вполне абстрактный, значит, что-то изменилось в нем, если Балхаш, с которым виделся пару раз в месяц, это заметил. Значит, возможны и другие подозревающие или предполагающие, в конце концов, Балхаш... Неужели он может видеть то, что человек скрывает и другим это не дано?

– Послушай, Балхаш, я тебе доверяю, у меня нет человека ближе и посвященней. Все, что ты сказал, почти полностью относится ко мне. Я устал с этим бороться, опасаюсь, что когда-то перемены станут заметными в семье. Ты знаешь, я хорошо отношусь к Галине, если честно, до последнего времени и не думал, что есть или могут быть другие женщины. Подличать не могу и не буду. И перед товарищами тоже: проповедовал порядочность, а сам тихой сапой... Что мне делать? Говорят, от себя не убежишь.

– И от судьбы не убежишь, Григорий. Будь ты другой человек, не пошел бы ко мне, а пошел к ней, и все решилось. Так многие живут, тебе ли не знать. Тяжело будешь жить, пока она сама не возьмет в свои руки.

– Кто? – вырвалось из самого сердца.

– Балхаш не волшебник, баскарма, имя не знаю, место не знаю. Когда Аллах даст мне это, скажу тебе, может, совет дам. А пока седлай Серого, он тебя любит, и будем скакать, пока кони не укажут, где остановиться.

За годы общения с Бейбуловыми Хмара освоил верховую езду и крепко держался в седле. Они отпустили поводья, и пара красивых серых коней неслась берегом чистого озера, и всадники ощущали нежную свежесть манящей воды. Легким движением поводка Балхаш успокоил коней и они охотно перешли на мелкую рысь, пока не получили команду остановиться.

– Ты меня опять на это место привел, – улыбнулся Хмара.

– Другого нет для такого случая.

Они спешились, размяли ноги, скинули хромовые легкие сапоги, закатав штаны, вошли в воду. Балхаш опустил руку, осторожно взмутил воду, прищурив глаза, спокойно постоял, позвал Григория. На метровой глубине в прибрежном песке просматривался плоский камень с начертаниями каких-то знаков, похожих на арабские. Камень Балхашу показал дед старый Алпыспай, за несколько дней до смерти, похоже, и он узнал от родителя. Что за тайна на камне – никто не знал. Хмара, когда Балхаш посвятил в секрет, предложил, не трогая камня, хотя бы скопировать знаки, чтобы специалисты прочли смысл. Балхаш категорически отказался, видно, имел такой наказ, и больше к этому не возвращались.

– Скажу тебе, баскарма, камень этот дает мудрость, надо сидеть на берегу и забыть мир, забыть табуны, детей, жену – все забыть, тогда голова будет светлая и явится знание.

Хмара боялся обидеть товарища, но не удержался:

– Ты часто сидишь у камня?

– Теперь чаще, много жизни вокруг, а своего места не вижу. Прихожу, жду.

– Почему ты мне раньше об этих свойствах камня не говорил?

– Нужды не было. Теперь говорю, потому что и ты должен ждать совет.

Хмара вздрогнул:

– Балхаш, давай не сейчас.

– Согласен. В другой раз придем, другое состояние в душе надо быть... иметь.

30

После затяжных утренних райкомовских разговоров Хмара велел Володе подогнать «Волгу», собирался посмотреть строительство комплекса для нетелей в Каратаевке. Деревня крайняя в районе, внимания к ней немного, отсюда проблемы. Проанализировал статистику нескольких лет – бегут люди. Школу восьмилетку построили, магазин новый открыли, но он видел, что только этим людей не закрепить. Нужна надежная постоянная работа. А в это время в областных кабинетах появилась идея создания в каждом районе крупного комплекса по откорму бычков на мясо и нетелей для ремонта и роста молочного поголовья. Хмара поехал к инженеру-строителю Грабовской и убедил дать ему проект комплекса. Напрасно Грабовская уверяла, что проект только готовится, еще никаких расчетов, тогда он спросил прямо:

– Зина Ивановна, размеры есть?

– Конечно.

– Дай мне выкопировку, мы начнем фундаменты закладывать, а вы проект рисуйте.

Грабовская была решительной женщиной, таких вот авантюристов уважала, а с Хмарой они уже не одну стройку начинали с карандаша, ничего, не подвел ни разу. Теперь комплекс уже стены имеет, кровлю местами готовят, хранилища для кормов. Каждую неделю Хмара со специалистами бывал на стройке, всех распускал по участкам, а к вечеру проводил общую планерку со строителями. Сегодня ехал один. Едва свернул с Чирковского большака, увидел женщину, идущую пешком в сторону деревни. Остановился, открыл правую дверь, она подбежала и ловко уселась, повернувшись в его сторону. Оба смутились:

– Здравствуй, Ирина Николаевна. Откуда бригадир пешком в рабочее время?

– Здравствуйте, Григорий Иванович. На травнинских выпасах была, да Карюху свою не уберегла, сбежала с женихами. Вот иду.

Помолчали. Деревня приближалась быстро, Ирине скоро выходить.

– Ты на каком курсе в институте. На втором? Пора привыкать к более серьезному производству. Я на комплекс еду в Каратаевку. Поедем со мной, посмотришь, может, что и подскажешь, чем черт не шутит – случится и самой тут работать?

Ирина посмотрела на него виноватым и счастливым взглядом:

– А вы не шутите? Как же привезете к мужикам, а если спросят?

– И пусть спросят, ты же у нас специалист, так и скажу: привез на смотрины.

– Ой, Григорий Иванович, смотрите, девка я боевая, если насмешки начнут строить, так и скажу, что пригласил первый секретарь на «Волге» покататься. – И она засмеялась счастливым смехом.

Хмара свернул с большака и поехал к Бейбуловской стоянке, к озеру с таинственным камнем. Балхаш не брал с него слова никого не посвящать, он простит другу эту слабость. Остановился, вынул из багажника свернутую кошму. Ира сняла босоножки, прошлась по воде.

– Хорошо тут. И свободно. Григорий Иванович, вы на исповеди были?

– В церкви? Нет, не бывал, хотя в войну заходили в храмы в освобожденных городах, верующих много было. А теперь у меня другие исповедальники.

– Это вы про большое начальство. А перед собой?

– Бывает, но мне это трудно дается.

– А вон чайки поднялись, сейчас рыбачить начнут. Вы на меня сердитесь за то откровение? Не сердитесь? Подождите, у вас на лбу комар напился. – Она вынула платок и приподнялась на носочках прямо лицом к лицу. Волосами легкий ветерок балуется, глазки сузились, ротик приоткрыт. Григорий спокойно обнял девушку, она обмякла и стала целовать его щеки, нос, губы. Едва поймал ее суетливость, легонько сдавил губки. Когда отпустил, уткнулась ему в плечо.

– Милый ты мой, а я уж думать зареклась, что перепадет мне краешек счастья.

– Иришка, что же ты делаешь со мной? Я много думаю о тебе, скучаю, а на ферме появляться боюсь, чтобы не заподозрили. Бабы ваши – они нюхачие. Может, тебе в партию вступить? На собраниях не так бросается в глаза.

– Господи! – засмеялась Ирина. – Нет, я в беспартийном порядке буду свою любовь соблюдать, а то завяжут нам одно персональное дело на двоих.

Хмара крякнул: в самый корень смотрит девчонка! А что делать? Вот обнял, приголубил, и стал другой человек. А начни сейчас в морали разбираться, такая ересь получится! Прочь все! Не хочу сегодня ни о чем, вот она, юная, красивая, любимая. Да, самое странное, что я люблю ее. Хотя не менее интересно, что она во мне нашла: староват для такой молодки, с наметившейся плешью, семьянин, партийный чин самого большого районного калибра.

Она так и не сняла рук с его плеч, уперлась грудками в тугой живот, опять присосалась к губам, чмокая и улыбаясь.

– Гриша, ты не поверишь, я с парнями никогда не целовалась, мы с девчонками в общежитии тренировались втихушку. Между прочим, подружки говорили, что я крепче всех целуюсь, так что гордись.

Хмара решил показать ей камень. Разделся по пояс, спустился в воду, разметал ил и позвал Иру. Она пошла прямо в платье, долго суеверно смотрела на письмена, вышла, молча смотрела на Григория.

– Камень этот лежит тут давно, предки Балхаша его знали. Считается, что камень дает совет, подсказывает решения, только надо долго думать около него.

Ирину что-то смутило, она схватила его за руку:

– Гриша, сегодня вечером приедем сюда, попозже, а сейчас увези до деревни и дела свои решай. Ладно?

Григорий кивнул.

– Любимый мой, солнышко ты мое. Увези меня скорей, пока я глупостей не наговорила.

«Волга» остановилась у створа улицы, Ира, не оглядываясь, побежала домой. Хмара отъехал от деревни и положил голову на руль. Кажется, случилось и уже неизбежно то, чего так жаждал и так опасался. Не хочу ни о чем думать, а остальное – будь что будет.

31

Через неделю снова был в колхозе, с полчаса беседовал с парторгом, когда вышел, Владимир подал конверт запечатанный:

– Старушка подошла, попросила первому секретарю передать. Наверно, жалоба какая.

Хмара вскрыл конверт и ожегся: Иринкино письмо. Свернул, положил в карман.

«Даже думать не хочу, что ты будешь ругать меня за это, но не могу молчать, нет сил держать в душе. Наверно, это девушке неприлично, но у нас с тобой вообще все не как у людей. Конечно, я найду способ передать это письмо тебе лично, чтобы никто, кроме нас, не знал об этом. Потому решилась написать, что вижу тебя очень редко и то прилюдно, когда ни словом не обмолвиться, даже взглянуть нельзя в глаза, усмотрят, потом толковать станут. Я что, я стерплю, да и не пристанет ко мне никакое злое слово, потому что всю жизнь на глазах у людей прожила, все про меня знают.

Не знают только, что встретила я мужчину настоящего, какого мечтала, по книжкам, по фильмам, до того дойду, что ревную артисток, но те далеко и из другого мира. А ты тут появился, и такой же, как они, прямой, честный, резкий, и добрый, и слово сказать можешь, и за столом с нами сидел, как свой. Ты на меня не серчай, я тебя про себя Гришенькой зову, все с тобой обговорю, и на работе какие заботы, и дома, если что не ладится. Я люблю тебя всей своей душой, всем сердцем, нет в нем свободной клеточки, все твое.

Ты не думай, я не совсем глупая, понимаю, что семья у тебя, и сын и дочь, и положение твое высокое, так что счастья мне не видать. Про такое счастье говорю, когда любишь человека, и он всякую минуту рядом, подошла, обняла, может, и не к месту, но муж все равно поймет, что любя. Такого у меня уже не будет, а ведь счастье не только в том, чтобы пользоваться им, добиться и все его удовольствия для тебя. Счастье ведь и другое бывает, вот я люблю, все мысли о тебе, все мечты, хоть знаю, что не сбыться ничему, но ведь и просто любить – счастье, понимая, что это только чувство, только во сне, только в слезах счастливых и горючих. Даже если реального тебя со мной рядом никогда не будет.

Для чего пишу тебе это письмо? Тесно моей душе, и слова сказать не с кем, с кем же могу говорить о великой моей тайне? Только с тобой. Ты же меня не осудишь, не высмеешь, может, подойдешь когда, слово скажешь. А я и рада буду до невозможности. Ты знаешь, пришла ко мне такая шальная мысль, что хочу я тебе свиданье назначить, чтоб приехал ты, куда я укажу, а я жду, сяду к тебе в машину, и уедем в темный лес, где ни скот не пасут, ни ягоды не собирают. Ты только не подумай, что я навязываюсь, от безысходности это, избрала себе полюбовника – ни с которой стороны к нему не подступиться.

С братцем моим совсем беда, семь через пень-колоду кончил, теперь в техникум собрался, а я училась там, ничего путнего нет, пьян-

ство да драки среди парней. Сбиваю, чтобы оставался в школе, так он уже с учителями успел переругаться. Вот и воюю, то со скотниками, то с братцем.

Вы не обращайте внимания, я не жалуюсь, мне выговориться надо, вот и собираю все проблемы. У вас и без меня забот хватает, я в газетке читала, сколько на совещании обсуждали. Да еще мы такие бестолковые, нам вбивают в головы, а оно все мимо.

Как меня бригадиром назначили, телефон на квартиру поставили, 5-25, может, вспомните когда, позвоните. Если Игорь ответит, то повесьте трубку, он и не будет знать.

Григорий Иванович, вот перечитала письмо, стыдно стало, а потом решила: сделаю, как задумала, передам прям в руки, пусть читает и знает про свою девчонку, а стыдного в любви нет ничего и быть не может. И то, что вы меня на шестнадцать с половиной лет старше – это еще ни о чем не говорит, я недавно читала про Грибоедова, его любовь к Нине Чавчавадзе, так он тоже был ее старше на столько же годов. Года придуманы для другого, а не определять возраст влюбленных. У них своя мера времени, и ее никому не понять, кто не любит.

Прости меня за эти откровения, я такая счастливая. У меня сейчас появилась мысль, что ты можешь понять меня как дешевую девчонку, которая на шею кинулась. Не думай так, любовь моя не даст тебе так подозревать. Знаю, что нет у тебя времени, но не забывай, что я жду тебя каждую минуточку».

32

Хмара назначил военному комиссару района майору Гаврюшину встречу на два часа дня, к этому времени схлынут все проблемы, начнет решаться, что ждало особого распоряжения. Попросил подготовить информацию по призыву на воинскую службу, о кандидатах в военные училища и отдельно – по суворовским. Военком пришел точно в срок, доложил по всей форме, обменялись рукопожатиями. Доклад четкий и конкретный: задание по отправке в войска будет выполнено, есть приличный резерв. В военные училища направили десять человек, семь точно пройдут, а трое замахнулись на серьезные училища, которых по одному в стране.

– Что касается Суворовских училищ, Григорий Иванович, то мы уже года три заявки не даем. Если есть необходимость, срочно свяжусь с облвоенкоматом, все выясню.

– Требования сегодня какие к ребятишкам? Военных сирот давно нет.

– Конечно, все изменилось, берут из неполных семей, опять же сирот, конечно, здоровье.

– А учеба?

– На учебу раньше смотрели сквозь пальцы, да и сейчас, думаю, не особо копаются. Но, если потребуется, походатайствуем. Не отличник кандидат-то?

– Да, похоже на то. Евгений Андреевич, разговор между нами. Ты узнавай по своей линии, я уточню по парню.

Вечером из кабинета набрал номер Ирины, она испуганно ответила и ждала вопроса.

– Есть возможность направить Игоря учиться военному делу, в Свердловске Суворовское училище, оттуда в офицерское. Человеком будет настоящим. Ты с ним поговори, я перезвоню завтра в это же время, если что – ссылайся на вызов из военкомата. Это я организую. Все.

И он положил трубку. Вроде и доброе дело, а как-то не прямо, с уловками, даже с Ирой попрощаться как следует не сумел. Он всегда считал, что ложь – самая опасная человеческая болезнь, она поражает незаметно, а последствия бывают катастрофические. Пока он видел такие примеры только в практике партийной работы, сегодня, оказывается, и сам попал под эту же статью. Поскольку не видел никакого решения, предпочитал не думать, но думки находили лазейки.

33

Субботним летним вечером, уже после бани, позвонил Головачев, извинился, сказал, что к нему заехал фронтовой товарищ и земляк писатель Ермаков, просит о встрече по-домашнему. Хмара крякнул: не вовремя, но знатного земляка приветить надо. Вынул из холодильника бутылку водки под удивленный взгляд жены и пошел. Оба фронтовика сидели на крыльце, даже трезвенник Головачев был навеселе, писатель смешил его каким-то рассказом, то и дело прилаживал к верхней губе обломок расчески, смахивал на сторону чуб и становился похожим на Гитлера.

– Здравствуй, Иван Михайлович, с прибытием на родную землю.

– Здравия желаю, Григорий Иванович, только для меня вся земля наша советская родная, я и в Белоруссии свой, и на Кавказе, недавно в Казахстане побывал, сделал вывод, что Поречье наше под двумя богами ходит, потому погода совсем неустойчивая, Христос дождь назначит – Аллах переиграет, в Кустанай тучу повернет. Рассказываю вот своему другу, он у вас заворг, а для меня вечный капитан Го-

ловач. Рассказываю, как наши ребята из плена бежали и статую богини древнегреческой, которая в кабинете коменданта лагеря стояла, тоже с собой прихватили. Не мог русский солдат такую красавицу фашистам на поругание оставить, мы и без того стольких девочек нецелованных не уберегли...

Хмара посмотрел на хозяина дома: о чем рассказывает гость, все вроде правда, но богиня-то при чем? Ермаков взгляд перехватил, улыбнулся:

– Сказ новый сочиняю, русский солдат Европу спас, весь мир заслонил потной своей спиной, а как это сказать, чтобы простому человеку понятно стало? Вот и запала мне богиня иноземная, которую пленный наш солдатик увидел в кабинете начальника лагеря. Ну, вроде уборку делал или другие надобности. В фарфоровой девушке этой солдат, может, подружку свою деревенскую признал, а когда бежать задумали, не мог оставить, вернулся, в шинельку свою обовшивевшую завернул и унес, уберег красоту от поругания.

Головачев смахнул слезу:

– Правильно сделал, что унес, и ты все опиши, Иван Михайлович, пусть знают, кто красоту спас.

Хмара тоже кивнул:

– Красивая история, и сказ будет красивый. Ты, Иван Михайлович, про родной район не забывай, я попрошу культуру, чтобы загрузили тебя встречами.

Ермаков обломком расчески привел волосы в порядок, закурил. Книги земляка Хмара прочитал все, хотя случилось это неожиданно, как-то не особо верилось, что полуграмотный мужичок из деревеньки, завклубом работал, погулять любил – не верилось, что книги он пишет серьезные. А случилось, что первый секретарь обкома внушение сделал. После обсуждения на приеме хозяйственных и иных вопросов Борис Евдокимович спросил, что читает первый секретарь Пореченского райкома? Хмара назвал несколько книг советских писателей, Щербина улыбнулся:

– А писателя Ермакова ты знаешь? Он же ваш земляк. Очень своеобразный писатель, манера письма неожиданная, язык сочный, яркий. Большим будет художником, и мы гордиться станем родством. Не буду дожидаться вашего замечания, писатель склонен к выпивке, возможно, последствия военной привычки, а скорее – с творчеством связано. Этот механизм совсем не изучен. Так вот, недавно Ермаков был у меня на приеме, кажется, чуть принял для смелости, просил

квартиру. Говорит, не дело, когда князь сибирский мотается по баракам. А ведь у него семья, дети. Я попросил быть поаккуратнее в поведении, а квартиру дать – раз плюнуть. И тут он встал во весь рост и театрально продекламировал: «Так плюньте же, Борис Евдокимович, плюньте!». Дали ему квартиру над магазином «Родничок» на Республике, звонил, благодарил. А я попросил нашу доблестную милицию, если что..., домой его везти, только домой. Беречь надо таланты, Григорий Иванович.

– Иван Михайлович, прошу прощения, я первым нарушил субординацию, ты офицер Советской Армии, а я старшина, и уж коли мы как фронтовики за столом, то давайте без чинов. Вот все хочу тебя спросить: ты Михайловскую школу помнишь, Гришку-хохла вакоринского, которого от ребят защищал?

Ермаков медленно жевал огурец и мучительно напрягал память, но так и не ответил.

– Ты тогда еще про свое родство с Ермаком Тимофеевичем рассуждал.

Писатель оживился:

– Про это помню, и всегда интересуюсь, даже горжусь, что фамилия от атамана пошла. Ты, Григорий, про Матвея Путилова подвиг на фронте знаешь? Страшное дело! На войне всякого насмотрелся, но такого даже не слышал. Матвей наш, ильинский родом, то ли умерли родители, то ли раскулачили их, оказался парнишка на севере в детдоме. Вот еще один повод восхититься: детский дом, приют, а какие люди выходили! Матюше и было-то всего девятнадцать, он в связистах служил, в одном бою в Сталинграде обеспечивал связь комдива и передового выдвижения. И вот связи нет. Он ползет, попадает под обстрел, ранен, но скручивает концы провода, а его снова рвет осколком, и опять ранение в руку, уже обе перебиты. И тогда русский богатырь берет провода в рот, в зубах связь зажал. Умер, а по нему связь с войсками, через него победные команды прозвучали.

Ермаков отхлебнул глоток водки, закашлялся.

– Я приехал пройти по той земле, где этот святой человек первый шажок навострил, первое слово сказал. Время сменилось, а токи идут через него к нам, я их чую, у меня сердце дрожит от соучастия. Непременно напишу сказ о Матюше, электрическом мальчике. Ты, Григорий Иванович, память его увековечь, пусть люди помнят.

Поговорили о погоде, которая нынче с тонким намеком на хороший хлеб, и подождило вовремя, правда, не столь, сколь хотелось бы,

но крестьянину всегда не угодишь, ладно, и на том спасибо. И в июле хорошие температуры, стебель в колос кинулся, завязь подходящая. Только бы теперь осень не подвела, самое поганое дело, когда вызревший хлеб отгородила природа пеленой дождя, стоит мужик у кромки, с серпом, как прежде, у мокрого комбайна, как теперь, и молчит, в тот момент нельзя с ним говорить, не о чем. По лицу струйки стекают, то ли дождь, то ли слезы. Насмотрелся Хмара, да и Ермаков поддакнул: осень для писателя вдохновение, вся прелесть природы, все цвета и запахи, а у крестьянина одна забота: чтобы сухо было, вот и все.

Весь свой разговор со Щербиной пересказывать не стал, но от вопроса не удержался:

– Иван Михайлович, говорят, ты первому секретарю обкома князем сибирским назвался. Врут?

Ермаков посерьезнел:

– Зачем врут? Так и сказал. Я не в сословия и гербовые родовые перечни метил, это мне трын-трава, мне сам титул хозяина нашей земли сохранить надо. Я же не сказал граф или барон, это вовсе мусор для русского человека, а князья – они не просто княжили, они земли приумножали, людей сохраняли, дружинами командовали. Можно так сказать, что по моему скромному офицерскому званию вполне мог на княжеский уровень потянуть, как смотришь, Григорий ?

Все дружно засмеялись.

34

Когда в основном закончили с осенними делами, две проблемы встали перед Хмарой. Первая – директор Ильинского совхоза, из нескольких человек надо выбрать одного, вот у всех вместе качеств более или менее прилично, а в отдельности – слабоваты. Надо думать и рисковать. Второе: надо срочно менять редактора, подсунул обком человека по принципу «на тебе, Боже, что нам не гоже», а у него не получается ничего, коллектив разболтался, пишут черт знает, что. Несколько раз пытался разговаривать, вроде, все понимает, а перемен нет. Надо менять, пока окончательно не развалили все дело, и менять на своего, хорошо изученного, управляемого. Замену Хмара наметил уже давно, это Онисимов, но все казалось рановато: и молод, и только учиться начал, поступил в какой-то редкий институт. Парень толковый, хотя не без изъянов, любит покутить, пошуметь, гордыня, само собой. Холост, в этом вся проблема, и по данным первого постоянного увлечения не имеет. Это плохо, хреново

даже. Такого к власти допусти, дай самостоятельность – враз потеряешь. Надо бы основательно с ним поговорить, вот только способ выбрать. В лоб его не возьмешь, это уже другая порода людей, свободных, независимых.

Попросил своего соседа Николая Ивановича, редакционного водителя, уговорить Онисимова поехать на открытие перелета, большой охотничий праздник. Северная птица приходит, табуны озера закрывают, потому охота на воде запрещена, только на перелете между озерами, ширина полосы две сотни метров. Вот тут пиршество.

– Едва ли согласится, у него сессия в институте через неделю.

– А ты убеди, сагитируй. Только без спиртного, он мне трезвый нужен. Костер мастери на плесе, выезжайте пораньше, а я к темноте буду. И никого не бери с собой, а тебе кивну, когда отойти. Разговор у меня с Онисимовым серьезный.

Николай Иванович в двух котелках приготовил баранину и уху, сперва карасей выварил, а потом в бульон запустил крупных сырков. Как раз в это время и подъехал Хмара. Он так картинно удивился, что Никита засмеялся:

– Григорий Иванович, как только Николай стал сырка запускать, я понял: сейчас подъедет.

– Кто? – деланно спросил Хмара.

– Предполагал, что Первый, и не ошибся.

Хмара засмеялся:

– Ну, раз так, давайте сначала ушки на свежем воздухе. Жалко, что не прихватил с собой. У тебя нет, Николай Иванович?

Тот пожал плечами.

– Спросите у меня, Григорий Иванович, ведь вы уверены, что у меня есть.

– Не уверен.

– И правильно. Я решил на столь ответственной охоте быть совершенно трезвым.

Обобрали по сырочку, запили горячей ухой. Хмара от мяса отказался, налил бокал ухи. Николай пошел посмотреть берега, где утром удобней встать.

– Ты молодец, Никита, что понял мой замысел, хоть и хитрого тут ничего нет. Мне с тобой поговорить надо, и не в светлом кабинете, а вот так, на природе. Говорят, разговоры откровеннее на природе, правда?

Онисимов посерьезнел:

– Не знаю, не было повода убедиться, но наблюдение интересное.

– Тебе двадцать пять? На третьем курсе? Живешь у сестры?

Никита улыбнулся:

– На все вопросы ответ один: да.

– Жениться не собираешься? Я вообще в двадцать восемь женился, но то война, служба. Понимаешь, есть у меня наблюдение, что семейный человек более серьезный и ответственный, чем холостой.

– Возможно, – согласился Никита.

– Так вот, ты мне нужен женатым и серьезным, хочу, чтобы ты возглавил газету. Все необходимое у тебя есть: характер, самолюбие, ум, но мне нужно, чтобы была стабильность. Давай мы тебя все-таки женим, а? – не то в шутку, не то всерьез предложил Хмара. – Квартиру сразу дадим, мебелью красивой поможем.

Неожиданно для Хмары Никита отнесся к предложению серьезно.

– Откровенно сказать, Григорий Иванович, я собирался в этом году, но не получилось, девушка моя отказалась.

– Она наша?

– Нет, городская, на уборке у нас были с ишимской швейной фабрики.

– И что же, не сумел убедить?

– Не сумел переубедить. У нее куча аргументов: она немка, простая швея, к тому же уже чуть не замужем за своим парнем, ну, вы понимаете. Ничего не мог доказать, плачет, целует, а слово одно: нет. Так и расстались.

Хмара помолчал, дождался, пока Никита остынет.

– Ты же по району ездишь, бываешь среди молодежи, неужели не приметил, сколько у нас красивых девушек?

– Примечал, Григорий Иванович, но... сердце не отзывается. Придется ждать.

– Ладно, но мне ждать некогда. Завтра соберу бюро, редактора освободим и найдем ему место в другом районе, назначим тебя. Доверие огромное, Никита, должность высокая. Ты наш воспитанник, обидно было бы в тебе ошибиться, но я уверен: ошибки не будет. Если что-то не так – сразу ко мне. Конечно, поведение придется изменить, у пивного ларька лучше не появляться, в Доме культуры по рублю не сбрасываться. Да-да, и это знаю. Впрочем, ты сам понимаешь, что к чему. Вопросы есть? Тогда достань из-под моего сиденья бутылочку коньячка, по сто грамм за договоренность.

Они выпили. Николай Иванович подошел и сказал, что до рассвета пару часов можно подремать.

35

В редакции назначение Онисимова восприняли с восторгом, за шесть лет работы он стал родным, все звали его просто Никитой, коллективно отмечали его поступление в Литературный институт. Много лет он был заведующим сельхозотделом и не знал, что обком дважды пытался перевести его заместителем редактора в другие районы, но Хмара наотрез отказал: нам самим кадры нужны.

Революционных преобразований не случилось, но Никита на первом же собрании сказал, что обстановка товарищества должна остаться при безусловном исполнении всех планов и договоренностей. Ввел жесткое планирование и отчетность, дал полную свободу пишущим корреспондентам: сдал материал по плану утром – свободен. Ввел еженедельную премию за лучшую публикацию. Сам писал передовые статьи и заметки с совещаний. Сухость в творчестве сменилась большими планами по редакции и типографии. Три месяца пролетели незаметно, в новом доме получил хорошую двухкомнатную квартиру. Со склада потребсоюза привезли комплекты кухонной, спальной и гостиной комнат. Новая соседка, женщина боевая, оценила:

– Финская мебель, дорогой, так что жениться надо срочно.

– А какая связь? – не понял Никита.

– Господи! Неужели такая кроватища будет простаивать?!

Женщины из типографии в выходной все перебелили и перекрасили, редакционные ребята собрали и расставили мебель. Получилось красиво и – как не свое. Бухгалтер показал кредитные бумаги – платить весь год, и немало. Значит, свое.

После оперативного совещания в райкоме по животноводству Головачев зачитал распределение ответственных работников за хозяйствами. Никите достался колхоз Ильича.

– Спасибо, Владимир Тихонович, я найду способ вам отомстить.

– А чем тебе колхоз не нравится? И недалеко, и ферм всего две. А показатели? Лучшие в районе.

Не мог же он ему сказать, что еще в рядовых сотрудниках крепко рассорился с председателем, хоть и встречались, но досада осталась. Приехал на вечернюю дойку, парторг представил собранию животноводов нового редактора, Никита встал и сказал, что все мы тут давно знакомы, встречались не раз, так что ничего нового. Когда женщины ушли в базу на дойку, парторг пригласил к столу бригадира.

– Вот, Никита Павлович, наш бог и царь, Ирина Николаевна, она вам все расскажет, а я поехал, партсобрание у меня.

– А что рассказывать-то? – девушка строго посмотрела на гостя. – Кормов хватает, доярки на месте, вроде, порядок. Или у вас замечания есть?

Никита понял, что не принимают его всерьез, ну и черт с ним. Буду тоже дурака валять.

– То, что у вас на ферме все замечательно, я еще в райцентре знал, но есть такая штука, райком партии, вызвали и сказали: поезжай, Никита, помоги травнинским животноводам!

Ирина засмеялась.

– Здорово! А вы правда редактор? Такой молодой? Сколько же вам лет?

– Много. Ведь бьют не по годам, а по ребрам, потому мне идет год за два. А по календарю – двадцать шесть.

– Сводку вам дать или дождетесь результатов? Молока сейчас мало, вот растел пойдет, тогда и жить придется на ферме, по пять коров за день приходят, только успевай разворачивайся.

– А дома как же? Ведь семья, дети?

– Я разве похожа на замужнюю женщину? – улыбнулась Ирина. Ей явно нравилось подшучивать над скромным гостем. – У нас половина девчонок свободных, как-то поубавилось парней, не всем хватает.

– А вам почему не хватило? Вы по всем статьям невеста выгодная: начальник, за словом в карман не лезете, да и чисто по-женски Бог не обидел, вот только носишко немного подводит.

Ирина вскипела:

– А что вам мой носишко? – Сама потрогала кончик носа. – Нормальный нос, первый раз критику на него слышу.

– Вы вообще, наверное, привыкли, что вас хвалят, за работу, за порядок, за красоту, а я вам так скажу: бардак на ферме! Подъезд не расчищен, лампочки над входом нет, хоть убейся, пол в красном уголке прогнил, я вот плаху проломил, полюбуйтесь. Стены белились еще до нашествия на Москву французов. И коров ваших я видел, скучное зрелище, на каждой по пуду грязи. А вы мне тут: парней не хватает! Да от вас все парни разбегутся! А про нос я вам специально сказал, чтоб завести, а то стоите тут королевой молочной фермы.

Ирина с трудом дождалась, когда гость остановился, и в слезах выскочила из красного уголка. Никита постоял в одиночестве и ушел в машину.

После столь неприятного разговора появляться на этой ферме не хотелось, потому занимался отдаленной Каратаевской. По предло-

жению главного зоотехника провели контрольную дойку, устроили среди дня капитальную чистку коров, горячей воды нагрели специально, скотников привлекли. Кипятком прошпарили фляги и всю посуду. Женщины смеялись:

– Никита Павлович, бросайте свою редакцию, давайте к нам председателем.

Онисимов предложение оценил, но отказался, зато предложил провести вечернюю дойку чуть пораньше и нагрянуть в гости к соседям в Травное. Приехали на крытом грузовике, ввалились в базу, когда во всю дойка шла. Конечно, люди давно знакомы, быстро пристроились в помощники и закончили работу раньше. Собрались в красном уголке, расселись по лавкам. Никита глазами отыскал Ирину, сидит среди своих, как ни в чем не бывало.

– Собраться всем вместе – моя инициатива, она не продумана, потому сегодня обойдемся даже без чая. Я попросил бы коротаевцев без нажима, без критики высказать товарищам свои замечания, ведь свежим глазом лучше все видно. Давайте смелее.

Разговор начинался трудно, но потом пошел, с прибаутками, со смехом. Бригадир, как положено, вышла вперед, поблагодарила соседей и пообещала к следующей встрече подготовить стол.

– Особая благодарность нашему шефу и редактору товарищу Онисимову. Он так переживает за положение дел на нашей ферме, что вот даже помощников привез. Спасибо, Никита Павлович!

Это было уже слишком! Девчонка, что она о себе думает! Свои безобразия устранить не может, а на критику отвечает хамской дерзостью.

Никита явно был расстроен неудачной импровизацией, глупо получилось, хотя хотел как лучше. Да еще и финал: «Спасибо, дорогой шеф!». Решил завтра же договориться с Головачевым о замене хозяйства, в колхоз он больше не ездок.

Ирина ушла домой в плохом настроении, хотя девчонки ее успокаивали и даже собрались завтра устроить генеральную уборку на базе.

– А ты и редактора позови, все-таки он наш шеф.

Звать его она, конечно, не будет после всего, что случилось, да и вообще лучше бы не приезжал больше. Так спокойно жили. Субботник провели, много работы провернули, после посидели за столом и песен попели. Веттехник Люба вдруг засмеялась:

– Девчонки, а что же мы в самом деле не позвали нашего редактора? Я вчера в райцентре была, с подружкой разговорилась, он оказывается, холостяк.

– Да, поди, разведенный?

– Нет, разведенцев в таких чинах не держат.

– Тогда у него что-то не ладно.

– Не скажи. Поговаривают, что очень даже ладно, он уж в нескольких местах наследил, еще тот ходок, только тихоня.

– Скажи, Ирка, он к тебе не подкатывал? Может, ты ему круто отказала, вот он и организовал психическую атаку.

– Бросьте, девчонки, у нас про это и речей не было. Он только высмеял меня и уехал.

– Приедет, мы ему покажем!

– Не приедет, на этой неделе шефом будет у нас помощник военкома, парторг сказал. Онисимов от нас отказался.

– Как отказался?

– Пришел в райком и попросил другое хозяйство, так мне сказано.

– Ну и хрен с ним.

– Нет, девчонки, так не делаются добрые дела. Или мы его обидели, или он – теперь уж разницы нет, только надо его вернуть. А то военком строевым заставит ходить, и нас, и коров, – посоветовала Надежда Шорохова.

– Вернуть? Как?

– А вот так. Ты у нас молодой член партии, звони туда и требуй, чтобы нашего уполномоченного Онисимова вернули в колхоз Ильича, мол, у нас многое стало получаться, и вдруг такое. Как, Ирина?

– Да по мне хоть как. Пошла я домой.

36

Даже после успешного завершения уборки и снижения общей напряженности никто в районе не поднимал вопрос о директоре Ильинского совхоза, какой-то запретной, неэтичной казалась эта тема. Когда в кабинете остались председатель райисполкома Хевролин и начальник сельхозуправления Хабиденов, Хмара неожиданно громко сказал:

– Давайте ваши предложения по Ильинке. Вениамина, конечно, трудно заменить, но человека ставить надо, слишком объем большой, чтобы тянуть время. Дорого может стать.

Резерв кадров все знали, вот они, молодцы, прошедшие все ступени, включая полугодичное обучение в Омской школе подготовки руководящих кадров. Но ни Хевролин, ни Хабиденов не рисковали называть имена, все эти молодые специалисты рядом с Долгушиным казались мелкими и даже .... И это не тот случай, когда мож-

но предлагать и обсуждать, это Ильинка, и только первый может назвать кандидата.

Хмара нарушил тишину.

– Понимаю, что вас интересует мое мнение. У меня оно есть, я долго думал и решился. Это Долгополов.

Переглянулись, молчат.

– Я так и знал. Очень неожиданная кандидатура. Но давайте взвесим все за и против. Грамотный, амбициозный, настырный.

– Последнее за или против? – улыбнулся Хабиденов.

Хмара шутки не принял:

– Только за. Годы работы с Макаром тоже много ему дали. Он имеет собственное мнение и умеет его отстаивать, согласитесь, по нынешним временам качество не последнее. Я был в Омске, когда он проходил курсы, Ржанников, вы его знаете, прямо сказал: «Один из немногих, кто будет хорошим руководителем».

Тут Хабиденов опять улыбнулся:

–Григорий, а Долгополов, кажется, беспартийный.

Хмара аж вздрогнул:

– Да ты что? Не может быть!

Крутанул диск внутренней связи:

– Долгополов член партии? Нет? Так какого хрена ты сидишь, Владимир Тихонович, если у тебя резерв на руководящую работу вне партии? Через пять минут зайди ко мне с его делом. – Положил трубку: – Вот так вляпались! Дело, конечно, поправимое, но глупое положение, смешное.

Вечером Долгополов вошел в приемную, сапоги помыл во дворе в большом корыте у входа, перед зеркалом причесал непокорные волосы. Секретарь кивнула на кабинет первого: «Сюда».

Хмара, не отрываясь от бумаг, знаком указал, что можно сесть, еще с минуту висела тишина. Наконец, первый поднял глаза:

– Здравствуй, Юрий Петрович.

Молодой, волосы взъерошены, взгляд серьезный, вид спокойный.

– Слушай внимательно и не перебивай. Сейчас готовятся документы на прием тебя в члены партии, кандидатом, конечно. Вечером партийное собрание, тут же и бюро проведем. В общем, поедешь ты в обком партии за назначением директором Ильинского совхоза.

Хмара старался ухватить первую реакцию – странно, Долгополов спокоен, как будто знал о предложении. Хмара улыбнулся:

– У тебя вопросов нет?

– Нет. Какие могут быть вопросы? С партийностью я все равно

собирался решать, а директор в Ильинке – это за пределами самых радужных планов. Знаю, что сложно, огромное хозяйство, коллектив. Мог бы для приличия отказаться, но вы же не с бухты-барахты предлагаете. Потому отношусь серьезно и готов работать, как могу.

Хмара встал, вышел изо стола.

– Как могу – этого уже мало, надо учиться работать сильно и эффективно, тебя всегда будут сравнивать с Долгушиным, и по поведению, и по стилю работы, и по результатам. Это не значит, что надо его во всем повторять, тем более, что близко ты его не знал. Там у нас парторг молодой, твой ровесник, тоже из комсомола, сразу найдите общий язык, он парень покладистый, хоть и толковый. Есть несколько общих советов. Веди себя скромно, с вином, с женщинами, чтобы общественное мнение безукоризненное. Требовательность от грубости отличай, избегай хамских, извини, выпадов. Жена у тебя учитель? Попроси, чтобы никто и подумать не мог по ее поведению, что она жена директора совхоза. Сразу возьми под контроль семью Вениамина Семеновича, вплоть до куска мяса к празднику. И самое главное: у тебя в руках окажутся сотни тысяч рублей, помни, что это народные деньги, не спутай карман. Кое-что могу простить, этого – никогда. Все. Поезжай домой, приготовься, собрание в шесть.

Внушение от секретаря обкома за скоропостижное решение вопроса по партийности Долгополова Хмара стерпел, сам виноват, но молодого директора с приказом о назначении встретил во дворе райкома.

– Ты домой не торопишься?

– Нет, жене позвонил из Тюмени.

– Поедем в совхоз, никто ничего не знает, многое посмотрим.

Накатанный большак врезался в село и стал его главной улицей. Уже горели фонари, окна конторы освещены. Зашли в сад, постояли у могилы Долгушина. У зернового склада полюбовались дружной работой на сушке и подработке зерна, засыпались семена и фураж. Над озером скудно подсвечена дойка, там сейчас вовсю идет работа, через несколько дней коров переведут на зимние квартиры. Доехали до Баландино, большая деревня, большая пашня, много скота. Хмара по памяти называл цифры, Долгополов молчал. Минуя Ильинку, проехали Ельцово, запах свинарника выдал основное направление производства. Хмара с улыбкой сказал, что управляющим здесь казах Геннадий Туружанов, мусульманин, а приходится свиноводством заниматься. Зашли в клуб, молодежь ждала кино. В Благодатном и Лебедево встретились с управляющими, Алексей Чебаков, здоровый

мужчина, долго жал в объятьях нового директора. Лебедевский Новиков Долгополова совсем не знал, потому был сдержан.

– Как тебе новые места, Юрий Петрович?

– Красиво. А зяби еще много осталось пахать?

– Полторы тысячи, но для Ильинки это не показатель. Здесь не меньше четырех ваших с Макаром колхозов будет, так что разворачивайся. Специалисты в хозяйстве хорошие, управляющие все на месте, резких решений не принимай. Допускаю, что могут проверочки разные тебе устраивать, принимай спокойно, не кипятись. Знаешь, что самое трудное для руководителя?

– Так сразу не могу сказать.

– Ладно, позже скажешь.

Около райкома остановились, шофер Владимир ждал.

– Я пешком дойду, а Юрия Петровича увези в Огнево. Завтра к девяти, товарищ директор, быть в совхозе. Время начинать работу. К тебе приедет Хабиденов, он у нас башковитый насчет учета и отчетности, поможет разобраться.

37

Редко такое можно наблюдать за человеком, не каждому природа отводит столько таланта и умения, чтобы быть сперва равным среди равных, ничем особо не выделяться, возможно, в душе планы иметь наполеоновские, но вслух об этом никому, да и себе не следует признаваться. Но вдруг меняется обстановка, и ты уже не рядовой, а с большими правами и большой ответственностью, и вот тут вырастают в человеке твердость, решительность, краткое слово приказа. Хмара такие случаи помнил больше по войне, когда убитого командира заменял младший по званию, и тогда широка его дорога вперед, если удачно сложится обстановка, если подразделение выполнит задачу без погибшего командира. В мирной жизни все более спокойно и обдуманно, но случается, как у него с Долгополовым. Хоть и числился молодой человек в резерве кадров, но видов больших на него вроде бы не имели: внешность не внушительная, лишний раз от высказываний воздержится, хотя мнение свое имел и при случае умел его отстаивать. Трудно сказать, чем угодил он Хмаре, но после внезапного ухода Долгушина мысль о назначении Долгополова голову первого не покидала. И чтобы окончательно избежать промашки, напросился он на встречу с Первым, все объяснил и просил поддержать. Первый тогда в добром настроении был, сказал, что согласится с канди-

датурой райкома (так и сказал: райкома, а не Хмары), но вся ответственность лично на нем. Ильинский совхоз – не колхозная бригада, чтобы ставить такие эксперименты, надо – обком направит в хозяйство солидного и надежного руководителя, но коль первый просит – пусть решает, его вотчина. Но еще раз предупредил: не только партбилетом – головой отвечаешь.

Долгополов работу начал с объезда хозяйства, Хабиденов показал объекты, устроил встречи с коллективом. Неприятие нового человека, причем, ничем не примечательного, было очевидным, и Хабиденыч боялся, как бы назначенец не сделал от ворот отворот. Вечером, поужинав у временных хозяев и обсудив задачу на завтра, Ахмадья хитро приобнял щуплого Долгополова:

– Скажи, Юрий Петрович, нет мыслишки вернуться в агрономы к Макару?

– Нет, Александр Хабиденович, и, думаю, не появится. Вчера поручил прорабу квартиру подыскать, завтра доложит, перевезу жену, а к новому году ребеночек появится, так что надо жить.

Хабиденов одобрил:

– Молодец, так и держи. Завтра я к тебе не приеду, командуй сам. Если что – звони, меня по рации найдут.

У Хмары была широкая сеть осведомителей, в хорошем смысле. Если надо было что-то выяснить для сравнения с мнением руководства, он связывался с людьми, мнению которых доверял однозначно. С неделю не появлялся в Ильинке, и каждый вечер подолгу разговаривал с бригадирами, управляющими. Лобовых вопросов не задавал, но тонкостями интересовался. Когда просмотрел свои записи этих бесед, улыбнулся: а ведь не ошибся, верной дорогой идет товарищ! На утренней планерке осадил инженера, который отказался повторно проводить ремонт на ферме: «Им вчера сделали, они снова сломали». Сказал буквально: «До тех пор будете делать и переделывать, пока не научите животноводов правильно пользоваться оборудованием». Молодец. Энергетика спрашивает: «Вы фонарь на улице Путилова установили?» «Установили» – ответил энергетик, а сам спрашивает соседа: «Путилова – это где?». А тот ему: «На ней как раз директору квартиру подремонтировали». Энергетик припух: «Сегодня хоть по темноте, но фонарь надо ставить, иначе следующую планерку я не переживу». Управляющему Литвиненко объявил выговор, тот не распорядился соломы подвезти к усадьбе пожилой доярки. Напрасно объяснял, что не было никакой возможности, директор просто ска-

зал: «Ни мне, ни доярке ваши объяснения не нужны, ей нужна солома, а мне хорошо организованный руководитель».

Убрав бумаги, еще раз улыбнулся: пойдут дела у парня, но посматривать надо. Вошел секретарь по идеологии Аржиловский, в руках папка документов. Хмара знал, что по пустякам Василий Сергеевич не приходит, приготовился слушать.

– Первое. Все представления на государственные награды обком принял, кроме Долгушина. Я был у Смородинского, он не решил, надо обращаться лично к Первому.

Хмара психанул:

– Какая тупорылость! Отказать в награде только потому, что человека уже нет. А раз нет, то и заслуг нет. Понял. Сегодня же переговорю с Первым. Вениамина на «Трудовое Знамя»? Дальше.

– Подготовил постановление об увековечении памяти героев Великой Отечественной войны

– На скольких? Я имею в виду не только официальных Героев?

– Десять человек, в том числе Матвей Путилов. Встретился с комсомольским и пионерским активом, специально собрали ребят, чтобы попросить включиться в поиск наших земляков, где живут, где захоронены, что известно. Стыдно сказать, Григорий Иванович, мы и рядом живущих не всех знаем. Головачев обещал составить список особо отличившихся, оказывается, у нас есть кавалеры самых высоких орденов: «Александра Невского», «Александра Суворова». Будем эту работу продолжать. Далее. Для сведения. Онисимов был направлен в колхоз Ильича и каким-то образом перессорил доярок Коротаевской и Травнинской ферм. Теперь попросился в другое хозяйство, с ним согласились, но сегодня позвонила Ташланова, молодой коммунист, от имени коллектива просит вернуть им Онисимова.

– Что же он там натворил?

– Ну, если кратко, на Каратаевской ферме организовал капитальную чистку всего и вся, а потом коллектив привез в Травное и вроде как припозорил девчонок.

– Любопытно. И теперь они снова его просят? Почему? Чтобы отомстить? Но как? Ты с ним не говорил?

– Поздно говорить, Григорий Иванович, он уже статью опубликовал, газету только что принесли.

Хмара развернул газету и подчеркнутый Аржиловским заголовок «Фермы рядом, а порядки разные» увидел сразу. Не вчитываясь, пробежал текст, увидел фамилию Ирины. Едва скрыл волнение.

– Ладно, пусть разберутся сами. Если пригласили, редактор обязан ехать.

– Может быть, мне с ним?

– Зачем? Он не маленький, пусть учится доказывать правоту рабочему классу. Ему о моей реакции не говори.

На том и расстались.

38

Опубликовав материал, Онисимов некоторое время о последствиях не думал, в нем все еще жил рядовой литсотрудник, обязанность которого изобразить действительность без необходимости задумываться, а что же будет потом. Он знал, что только из-за его публикаций редакторы неоднажды получали выволочки в райкоме, а ему перепадали только малые крохи, в зависимости от характера шефа. Он же полной мерой получал славу правдолюба и смелого журналиста, хотя вся смелость его была ограничена пределами одного района и мнением первого секретаря.

В этот раз он впервые понял, что за его спиной никого нет, и скандальчик, который в известной мере украсил газету, самого редактора украсит едва ли. По более спокойному размышлению, он и сам пришел к выводу, что не совсем прав, не честно создавать критическую ситуацию самому, а потом смачно ее описывать. Вечером он зашел к Аржиловскому. Василий Сергеевич был единственным хорошо ему знакомым и близким человеком в райкоме, сам когда-то служил редактором, много читал, с ним интересно разговаривать и даже спорить. Положил портфель с бумагами на стул, сел рядом.

– Отчего не весел?

– Есть от чего. Похоже, влип я с этим материалом.

– С которым? – Аржиловский умел подводить собеседника к более полному и ясному изложению вопроса.

– Ну, вы же читали про две бригады колхоза Ильича, которые, видите ли, резко друг от друга отличаются.

– Читал. И что? Говори, а то тяну из тебя, как из первоклассника. Что-то понял?

– Да все понял! Глупость полнейшая, раздул, обидели, видите ли, редактора.

– Теперь давай еще раз и все по порядку.

Никита рассказал, как организовал работу, как хорошо воспринял коллектив его критику и все вместе навели порядок, а потом

поехали к соседям, где пока все оставалось по-старому, не сказать, что очень плохо, но так, средненько. Все рассказал, кроме конфликта с бригадиром, это не имеет значения.

Аржиловский курил сигарету, выпуская красивые струйки дыма. Некурящий Никита всегда завидовал умению Аржиловского курить красиво. Он и сигарету вынимал эффектно, аккуратно разминал, со вкусом прикуривал.

– А ко мне ты что пришел? Материал опубликован, протестов, как я понимаю, нет, чем ты недоволен?

– Собой. Неправильно сделал, а как исправить – не знаю.

Аржиловский рассмеялся:

– Иди к людям, они все поймут, да и не велика твоя беда, что ты так расстроился?

Никита встал:

– На утреннюю дойку поеду, а после соберу коллектив, обсудим.

– Вот и славно. Поезжай.

Никита не знал, что накануне Аржиловский побывал на обеих фермах, поговорили о статье, животноводы признали, что приезд Онисимова встряхнул коллективы, на себя по-другому посмотрели, порядок навели, как-то вроде смелее стали. А еще сказали, что молодой редактор человек интересный, надо бы его за нашим колхозом на всю зиму закрепить.

Не знал, потому в базу входил робко, в длинном проходе никого не встретил, а в красном уголке голоса. Открыл дверь, две сильные лампочки освещали выбеленные стены, женщины косынки повязывали, чтобы выходить на дойку:

– Здравствуйте, а я вот снова к вам.

– Я же говорила, что Никита Павлович без нас не сможет прожить и недели, – запела Надежда Шорохова. Ей, самой пожилой, и надо было снимать напряжение. – Проходите, обогрейтесь у нас.

– Да я не замерз, спасибо.

– Что в районе нового?

– Знаете, нигде в эти дни не был, особых новостей нет. В Ильинку директора нового назначили, мы об этом сообщали.

– А кто он, этот Длиннополов?

– Долгополов. Он родился в Архиповке, теперь такой деревни нет, а потом родители переехали в Заводоуковский район, так что он наш. Работал в Огнево агрономом, молодой, на два года меня постарше.

Ирина сидела за столом и перебирала бумаги, ей не хотелось ввязываться в разговор.

Надежда Шорохова предложила Никите снять полушубок:

– Никита Павлович, вы, если что сказать хотите, то успевайте. Во-первых, раннее утро, а утренний народ – он умиротворенный, спокойный.

– А во-вторых, – встала над столом Ирина, – нам через пять минут вакуум включат.

– Хорошо, что вы вступили в разговор, Ирина Николаевна, – громко сказал Никита. – Думаю, я должен прежде всего перед вами извиниться. Я вел себя с вами как с девушкой на танцплощадке, и не учел, что вы руководитель трудового коллектива. Потому прошу прощения за неуместные замечания по поводу вашего носа. Нос у вас очень даже правильный и вполне приличный. Так что давайте простим меня, а то вакуум уже включили.

Ирина и слова не успела сказать, доярки засмеялись, дружно встали и вышли в базу. Никита взялся за шубу:

– Пойду туда, а то мы с вами опять поссоримся.

– Не думала, что вы обо мне столь низкого мнения, я уж не говорю о внешних данных, тут дело вкуса, но вам и мой стиль руководства не нравится. Я вот написала ответ на вашу критику, отправлю письмом.

– Зачем письмом, отдайте мне.

– Ага, а вы его затрете, не напечатаете.

Никита засмеялся:

– Ирина Николаевна, я редактор газеты, серьезный и ответственный человек.

Тут уже Ирина засмеялась:

– Это кто вам сказал про серьезного человека? Это же мальчишество, что вы сделали. Вы мне хотели досадить, что ж, радуйтесь, добились своего, я три ночи не спала с расстройства.

Никита улыбнулся:

– Ирина Николаевна, пойдемте в базу, во-первых, мы можем всерьез поссориться на личной почве, во-вторых – для трех бессонных ночей выглядите вы очень впечатляюще, а в-третьих – неприлично оставаться вдвоем в стороне от коллектива, про вас могут что-нибудь подумать.

– А про вас?

– Мне это не страшно, я человек холостой.

– Ну, и я девушка свободная.

– И все-таки пойдем в базу, свободная девушка.

На вечернюю дойку Ирина не пошла, проревела весь день от стыда и безысходности. Где ей, девятнадцатилетней деревенской девчонке, воспитанной на книжках правильных русских классиков, учивших честности и порядочности, «лучше смерть, чем поцелуй без любви», где ей научиться женской мудрости деликатного обмана мужчин, когда обещают одному, целуют другого, а любят третьего? Еще вчера весь белый свет застил Гриша, далекий, много старший, но жизни без него не видела после того, как взглянула первый раз. Красивый, волос русый откинут назад, но не держится, и разваливается прическа на стороны, делая его немножко мальчишкой. Лицо строгое, чистое, а глаза ласковые, так и привязывают глаза. Взметнулась душа девушки, так совпал он с образом ее мужчины, собранным из лучших черточек героев читаных ею романов. Доля старшей в семье, оставшейся вдвоем с братом после смерти бабушки, хозяйственные проблемы, свалившиеся на нее, тогда шестнадцатилетнюю, и только поддержка колхоза помогла им выжить, – все это поубавило романтизма и поставило в жесткие жизненные обстоятельства: никаких тебе институтов, а вот сельхозтехникум заочный и доярочий халат. Уже через два года председатель согласился поставить веттехником, и зарплата, и режим другой. Но натуру не изменишь, и она продолжала читать романы о старом времени, о благородных нравах, о верности долгу и внутренней чистоте. Прочитанное совсем не совпадало с жизнью, но она верила, что где-то есть ее герой, который так много сделал доброго, что достоин ее любви и вечной привязанности. Когда появился Он, Ирина сразу поверила, что случилось, да, пришло ее время, она не задумывалась о его возрасте, положении, семье. Это все в стороне. Главное, что есть Он, которого она так долго ждала.

И объяснение их, случившееся так неожиданно, и отношения как между равными по возрасту, и его неудержимая, совсем юношеская любовь, а другой Ирина не знала, их отношения так были похожи на еще не написанный, но придуманный жизнью роман, что все сводилось к тому, что так и должно быть. Ирина ждала большего, она даже думала о том, что родит сына, назовет его Гришей, и тогда отпустит своего секретаря, потому что всем ее сердцем, всей душою завладеет это маленькое существо, его плоть и кровь – а больше ей ничего не надо. Но он умно избегал даже намеков, а попытку ее робкого разговора остановил в самом начале. Год встреч, редких и горячих, ничего не изменили в их отношениях.

Когда в красный уголок вошел Никита, ферма пошатнулась, и

окружающее кое-как вернулось в ее сознание. Ее сердце билось так сильно, что краска выступила на всегда бледноватом лице, но она взяла себя в руки, дерзила и даже грубила гостю, чтобы стряхнуть с себя натиск новых, неизвестных ей чувств. Ей казалось, что уйди он сейчас, и вместе исчезнут сердечный стук и дрожь в руках, но он ушел, а новое, необъяснимое состояние осталось.

Ирина заставила гостя надеть халат. Они прошли по коровнику по разным рядам, сошлись в приемном отделении, она сразу вышла. После дойки снова все собрались в красном уголке, Онисимов снял халат:

– Я вижу, что коллектив на меня обиды не держит, за что вам всем большое спасибо. В следующем номере я напечатаю ответ Ирины Николаевны на ту статью, напишу некоторое дополнение к тому материалу, чтобы и читатели поняли, в чем моя ошибка. Ну, и самое главное: райком партии мою просьбу удовлетворил, на всю зимовку я остаюсь уполномоченным по вашему колхозу, так что встречаться будем часто. Хорошо, что и с бригадиром вашим мы помирились.

– А я с вами не ссорилась! – резко ответила Ирина. – Ваши пошловатые замечания о моей внешности характеризуют только вас, моя неприглядная внешность на производство не влияет.

Доярки зашумели.

– Подождите, друзья мои, – вмешалась Надежда Шорохова. – Ира, он тебя обидел?

– Этого еще не хватало! «Обидел!». И нос мой ему не нравится, и методы моей работы!

– Надежда Александровна, да пошутил я, такая молодая и красивая девушка, как можно обидеть? К тому же не замужем. Я комплимент хотел сделать, а получилось, что я враг всего колхозного животноводства.

Доярки засмеялись, Надежда махнула рукой:

– Ох, ребятишки, разбирайтесь сами, тут, я вижу, со стороны уже ничем не помочь!

39

Что зимой, что летом в сутках часов одинаково, но летом в четыре уже светло, и полевые работы начинаются с шести, а зимой до десяти ночь, но руководитель все равно к шести в кабинете. И не просто сигарету выкурить или бумаги перебрать, для бумаг вечернее свободное время, а утром, до основной работы, идет к директору рабочий класс. Хабиденов посоветовал на всякий случай

график приема граждан вывесить, но в приеме никогда не отказывать, если человек пришел. Тем более, что с отделения добраться – пять километров, автобусного сообщения нет.

Не сразу, но через неделю стали появляться ходоки. Нахватавшись пустяковых вопросов, Долгополов на очередной планерке с участием всего комсостава попросил брать на себя решение частных вопросов работников.

– Почему надо идти к директору, если надо выписать кубометр березовых плах или центнер дробленки? Накладную я все равно увижу и подпишу. Человек теряет полдня на эти поклоны. Объявите на рабочих собраниях: все вопросы к управляющему, не можете решить – вот связь, согласуем.

Главный бухгалтер возразила:

– Без подписи директора ни одно материально ответственное лицо выдать ничего не имеет права.

– Вот вы и дайте такую поправку этим лицам, что впредь будет так. Конечно, все в разумных размерах.

Заведующая отделом кадров принесла заявления на подпись и положила пачку листков на стол.

– И что? – спросил директор.

– Как что? Рассмотреть и подписать.

Долгополов сдержал себя и терпеливо объяснил начальнице:

– Ваша задача – досконально изучить документ и человека, если на прием – все основательно проверить, если на увольнение – тем более. Вот это. – Он взял бумагу сверху. «От Маджогиной Н.Ф., доярки второго отделения. Прошу меня освободить, нет никакой возможности». Управляющий подписал? Подписал, интересно, у него что, доярки в очередь стоят?

– У него, Юрий Павлович, терпение лопнуло, она скандалистка на всю деревню.

– Маджогина сейчас где?

– Да у меня сидит, расчет ждет.

– Пригласите сюда. И как ее имя-отчество?

Кадровик виновато улыбнулась:

– Королиха она по уличному, да и на работе, а как по документам? Я сейчас посмотрю.

Через минуту позвонила по телефону и сказала, что Наталья Федоровна пошла к директору. В кабинет вошла средних лет женщина, небрежно одетая, с лицом не то чтобы недобрым – безразличным. Встала у дверей.

– Ну, пришла я.

– Пройдите к столу, присядьте. Мне надо выяснить причины вашего увольнения.

– А что мои причины? Мужа схоронила, хозяина в доме нет, все рушится, до управляющего не допросишься, он себе хоромы за счет совхоза отгрохал, а у меня крыша валится.

– Вы решили уехать из совхоза?

– Уехать. К сестре подамся, она в городе стрелки переводит на путях, немного ума надо, управлюсь.

– А коров своих не жалко бросать?

– Коров-то? – неожиданно переспросила Маджогина. – Коров жалко, реветь буду, да куда деваться.

– Наталья Федоровна, я очень вас прошу пока отложить заявление. С ремонтом мы вам поможем, прямо сегодня, но ферму не бросайте, вот такая моя просьба, доярок не хватает, вы же знаете.

Долгополов не ожидал такой перемены в человеке, она встала, уголком платка вытерла слезы со щеки:

– Да только за то, что ты меня по отчеству назвал, я сдохну на ферме, а никуда не уйду. Ремонт – ты не спеши, у тебя дел много, я потерплю. А Кирпичева убери с управляющих, его бы еще покойный Семеныч убрал, но все тянул до уборочной. Этот хлюст и тебя подведет. Они меня терпеть не могут, потому что прямо в глаза говорю, что воруют, совхозный упитанный молодняк телятишками от казаков заменяют, сама видела, а потом сдают, и денежки пополам. Уж ты прости меня, но я званья не вру, перепроверь, чтоб не ошибиться, а во мне не сомневайся, я конь старый, еще колхозный, и фляги ворочала, и коров от бескормицы поднимала. Пойду я, а то вправду подмену станут искать.

Долгополов разволновался, подошел к окну, со второго этажа было хорошо видно, как Наталья Федоровна рассказывала стоявшим у магазина о разговоре с директором, потому что то и дело показывала на окна его кабинета.

В тот же день он поехал на второе отделение, прошел по фермам, посмотрел сеновал. Порядка маловато. Нашли Кирпичева, он был слегка навеселе.

– Извини, Юрий Петрович, не ждали гостя, надо было предупредить, а то ко мне ребята нагрянули, пришлось принять сто грамм.

Молча прошли в контору, на столе горой лежало холодное мясо, в углу предательски блестели две пустых бутылки. Бухгалтершу, кото-

рая тоже была навеселе, Долгополов попросил одеться и выйти. Кирпичева спросил:

– Мясо со склада?

– Да, отрубили килограмм пять, да оно не убудет, Юрий Петрович, ты не переживай.

– Прошу говорить мне «вы». Документ есть на мясо?

– В смысле?

– Вы его оплатили?

– Нет, конечно, потом все оплатится.

– От работы вас отстраняю, вы свободны.

Кирпичев вышел, хлопнув дверью. Из машины по рации нашел главного зоотехника, поручил сегодня же проверить наличие скота на фермах. Позвонил парторгу Синилову:

– Анатолий Емельянович, нужна ваша помощь, очень прошу, в порядке партийного контроля.

Вечером ему сообщили, что обнаружены десять бычков небиркованных, явно маловесных. Недостача мяса на складе больше центнера. Скотники говорят, что по утрам не находят по стогу, а то и по два на сеновале. Тщательно систематизировав все факты, Долгополов решил принять меры и доложить в райком. Кирпичева уволил за появление на работе в нетрезвом виде, скотом и мясом занялась милиция, в обед позвонил Хмара.

– Что у тебя за революция в хозяйстве? Из совхоза жалуются, начальник милиции ставит перед фактом.

Долгополов обо всем доложил. Хмара крякнул:

– Смотри, поаккуратней, не наломай дров. В управляющие есть желающие?

– Еще не изучал, но, думаю, найдем, Григорий Иванович.

– Не ищи. Мы тут решаем одно дело. В общем, обком настаивает убрать малограмотных руководителей, а у нас их три, все могли бы работать, но – времена меняются. Скажи честно, ты Макара Наумовича к себе возьмешь? Скажу сразу: управляющий будет отменный.

Долгополов даже обрадовался:

– Григорий Иванович, если хотите – я сам его приглашу.

Хмара улыбнулся:

– Вот это б было дело! Я знаю, ему тяжело, дали отпуск, путевку – никуда не едет. Давай-ка ты к нему с предложением! Не верю, что он откажется. Ведь второе отделение у тебя только чуток поменьше его колхоза. Завтра же и поезжай!

40

Ирина вернулась от камня сама не своя, такая тоска и жалость накатила, что опять проплакала вечер. Честно себе призналась, что виной всему этот редактор, приехал, взбаламутил все. Но почему перед Гришей ей неудобно, почему стыд заливает лицо и душу, как только о нем подумает? Целый год встречались, хоть раз, хоть два в месяц, обнимет, повздыхает, поцелует бережно. Вечером перед новым годом призналась ему, что хочется ей ребенка, а он будто не слышал. И еще стала замечать, и у камня когда сидела, очень четко это поняла: тяготится Гриша этими встречами. И рад до слез, а потом вдруг, как скованный, слова не добьешься.

Утром радость: брат приехал. В военной форме, настоящий солдат, подарки ей привез, говорит, курсантам еще и денежное довольствие дают. Ирина налюбоваться не могла на Игоря, даже по улице с ним прошла. А вечером на ферму его сводила, похвасталась. Потом Игорь пошел к ребятам, Ирина стала готовить, гостя надо кормить. Телефон зазвонил неожиданно, она вытерла руки и взяла трубку:

– Ирина Николаевна, здравствуйте, это Онисимов.

– Вы и дома решили портить мне настроение? Так ничего у вас не выйдет, у меня сегодня праздник, брат из военного училища приехал, вот так.

– Я рад за вас, Ира, очень рад. И чувствую, вы уже на меня не сердитесь. Понимаете, я такой неловкий, хочу приятное сделать, а получается напротив. Ира, если у вас сегодня радость, можете ее частичкой поделиться с человеком, у которого радостей не было очень и очень давно?

– Поделиться – это как? Вы хотите приехать ко мне? Нет-нет!

– Ладно, пусть вам будет стыдно, если из-за вас хороший человек будет скучать и страдать весь вечер.

– Вот чего терпеть не могу, так это обмана. Вы считаете себя хорошим человеком? После всего, что случилось? Вы утверждаете, что будете скучать? Да кто вам поверит? Наши девчонки по этому поводу много чего понаслушались в райцентре, как вам одиноко!

– Ирочка, никогда не верьте сплетням. Когда мы с вами поженимся, а поженимся мы обязательно и очень скоро...

– Да как вы смеете! Я не хочу об этом даже говорить! – Ирина с грохотом бросила трубку и заплакала.

Девичьи слезы! Горькие они или сладкие, кто скажет? Что оплакивают они? Опять не посмотрел в ее сторону, опять не сказал того

слова, которого ждет сердце? Или посмотрел на другую взглядом, возможным только к ней? Оплакивают поцелуй, отданный не тому, кому мечталось, и теперь уже поздно что-то изменить? Или это слезы от радости, что случилось, так долго он боялся признаться, а сегодня кое как, заикаясь и сбиваясь, сказал, что еще с прошлой осени все только про нее и думает. Ирина очнулась и поняла, что улыбается. Слизнула слезинку – не горькая. Вспомнила, читала такие стихи про слезы: «Положил на язык украдкой их, а они оказались сладкими». Ирина впервые за последнее время засмеялась счастливым девичьим смехом.

41

У коновязи сельхозуправления Хмара увидел красивую упряжку Балхаша, только он имел такую уютную кошевку, выстеленную толстой кошмой, потником, как говорят сами казахи. Знал, что он у зоотехников, позвонил, попросил зайти.

Балхаш вошел в фуфайке из бараньей кожи с коротко стриженым мехом, в меховых же шароварах, в мягких кожаных сапогах, всю верхнюю одежду и большие сапоги оставил в кошевке.

– Здравствуй, Григорий Иванович.

– Здравствуй, Балхаш. Что привело?

– Так, о разном говорили. Как ваши дела?

– Работаем. Зима тоже покоя не дает, ремонтируем технику, механизаторов обучаем.

– Дома все в порядке?

– Нормально.

– А на душе?

Хмара вскинул глаза:

– Про душу лучше не спрашивай. Ты в субботу никуда не собирался? Передай управляющему, если сильно мести будет, чтобы дорожку расчистил. Я подъеду.

– Один?

– Для разговора – конечно, один.

– Ну-ну...

В субботу хорошая была погода, Григорий пораньше заказал баню, попарился, ничего не сказал жене, уехал на уазике. Балхаш указал, куда поставить машину, укрыл широкой шерстяной полостью. Сели за готовый уже стол, Сауле поклонилась и вышла.

– Покушай и пока не говори ничего, спиртное не предлагаю, не тот случай. Кушай, мясо свежее, молодое.

Выпив пиалу чая, Хмара прилег на ковре. Балхаш сидел напротив.

– Плохо у тебя на сердце. Я на днях был у камня, долго думал, много мыслей пришло. Потом второй раз поехал. Был у камня еще кто-то до меня, след конский верховой, а пимишки маленькие, и платочек остался, мимо кармана положила хозяйка.

– Почему ты решил, что это женщина? – насторожился Хмара, и мысли веером крутанулись в голове.

– Духами платок пахнет, вот, ты должен его признать.

Духи были ее, это он сразу понял. Только зачем она была у камня? Что он ей говорил о его свойствах? Помогает принять решения? Что еще? Да больше он и сам не знал.

– Давай так, баскарма, я скажу, ты не обидишься, иначе пропадет дружба. Могу промолчать или соврать, но это нельзя: то, что получил от камня, надо передать человеку, о ком просил. Я просил о тебе, потому что понял: вмешалась в твою жизнь женщина, ты и рад этому и боишься этого. Я долго думал, и говорю: она тебя не обманывает, пока сама не знает правды. Она должно быть, юна, микроб кашлял – ей гром показался. Когда она была у камня, лед растаял над ним, так бывало в старые времена, когда большие чувства доверили камню. В ней бушуют чувства, много страстей, какие – этого не знаю. Но ты в них. Все об этом.

Долго молчали. Сауле принесла чай, пили до пота. Григорий не все понял из рассказа Балхаша, не ясно главное: почему Балхаша так взволновал приход Ирины к камню? Что он еще знает, или о чем-то догадывается?

– Балхаш, дорогой мой человек, у меня с этой девушкой ничего не было, кроме встреч, она любит, это я вижу, и мне она очень нравится, но – что мне делать? Бросить семью, детей? Сдать партбилет? Это же подлость. И ее обманывать – подлость. Потом – надо же думать, я старше ее вдвое, сегодня это терпимо, а через двадцать лет? В общем, запутался я, честнее было бы сразу сказать этой девочке, что ничего невозможно, мы из разного времени. Нет, соблазнился, ладно, что от более серьезного устоял, хотя чего мне это стоило... Понимаешь, она хотела ребенка. Ну, куда еще дальше?

– Ты говорил ей о камне?

– Прости, друг, привозил и показал, он на нее так сильно повлиял, что она попросила немедленно уехать.

– Она тоже хотела знать правду, возможно, к ней пришла мысль, что ваши отношения безнадежны. Нет, не мысль, понимание, так

правильно. Или появился кто-то третий, и она хотела узнать о нем, и две страсти растопили лед?

Еще пили чай, молчали, думали.

– Балхаш, будет правильно, если я прекращу всякие отношения с Ириной. Да, мне они приятны, но это эгоизм, я, пусть несознательно, не даю ей возможности устраивать свою судьбу. Да будет так! Только как это сделать, не обидев, не обозлив?

– Потерпи еще неделю, не езди к ней, а потом сделай, как тебе сердце подскажет. Я знаю ее, она умная девушка и все поймет.

– Знаешь?

– Давно знаю, догадался.

– Да поговорили мы с тобой, уже полночь.

– Правильно, к полуночи должны заканчиваться все дневные дела. Отдохни перед дорогой, а я машину заведу.

Вошел в спальню тихо, но жена спросила:

– Ты долго сегодня, а ничего не сказал.

– Собранье в Ильинке было, заговорились.

Он укрылся одеялом и от стыда сжал лицо руками: врать начал, до чего дошел! Все, надо все это прекращать!

42

Хмара знал, что в семь часов Ирина возвращается домой с утренней дойки, позвонил из кабинета, как всегда, она тихо ответила:

– Да, я слушаю.

– Доброе утро, Ирина. Как твои дела?

– На ферме все нормально, дома тоже, брат на каникулы приехал.

– Вечером после дойки я приеду, мне надо поговорить с тобой по очень серьезному делу.

– Я знаю. Приезжайте.

Он положил трубку и долго держал руку на рычаге. Даже если бы она сейчас сказала, что все, уже не любит его и не нуждается ни в каких встречах, он был бы удивлен едва ли более. Значит, что-то изменилось в ней за это время, но ведь виделись каждую неделю, а он не замечал никаких перемен. Камень? Чушь! При всем уважении к Балхашу и его традициям сознание убежденного материалиста не допускало хоть какого-то влияния этого камня на человеческие судьбы. Да, можно сидеть около него и думать, с таким же успехом можно думать в кабинете или дома в уютном кресле, в конце концов, какие-то мысли и посетят, возможно, вполне приемлемые. Балхаш говорил про подтаявший лед, как он тогда не обратил на это внимания, види-

мо, был поглощен мыслью об Ирине, он сразу понял, что была она. Лед мог подтаять от родника, есть же в озере родники, чем-то же оно питается, почему бы одному не быть рядом с камнем? Да, родник оживает не каждый день, потому вода промерзает. Конечно, лед подтаивал и раньше, просто никто этого не видел, да зимой и трудно заметить под слоем снега, а сейчас только ноябрь.

Хмара попросил Володю подогнать «Волгу», заехал к Чуклееву, Макар возился на ограде, прибирая накануне привезенное сено. Бросил вилы, снял рукавицы, обнял Хмару:

– Пошли в дом, у Вари жаркое поспело.

– Не пойдем. Давай лучше на свежем воздухе. Как настроение?

– А, слушай, Григорий , нормальное, даже не думал. Вчера приехал ко мне мой энтузазист Юрий Петрович, он ко мне так мило подкатил, что я чуть слезу не пустил. А что делать, Григорий ты Иванович, прошли наши времена, протащили мы на своем горбу деревню из грязи прямо почти в коммунизм! А что? Ты посмотри, как мужики зажили, какие мы им квартиры строим. Легковушки покупают, а я, помню, лисапед купил, два дня обмывал. Да, поробило наше поколение по-настоящему, и войну вытащили, и в космос не без нашей помощи ребята поперли.

– Ну, и вас Родина не обошла, – в тон ему подхватил Хмара. – У тебя кроме медалей два ордена, у Пономарева не три ли трудовых, да и у Крука тоже.

– Их-то, сердешных, куда будешь девать?

– Круку поручим создание межхозяйственной строительной организации, ты знаешь, сколько мы горя хватили, теперь я уже за горло держу «Целинстрой», никуда не денутся. А Пономарев посидит в сельсовете.

– Да ты что? Вот тоска его охватит. Ладно, что не пьет, а то запросто можно свалиться.

– Тебе, я думаю, хорошо будет на отделении. Уазика мы тебе соорудим, учитывая большие объемы. Квартиру готовят, ты бы посмотрел съездил, «жигули»-то стоят в гараже.

Отъехал от деревни, встал в тупичок. Надо привести мысли в порядок. Конечно, сразу брать инициативу, признаться, что перспективы в наших отношениях нет, потому лучше не обманывать друг друга и расстаться. Да, не очень лирично, раньше, помнится, соловьем пел, ласточкой называл. Нашел, о чем вспомнить! Нет, только так, строго и конкретно, чтобы никаких путей к отступлению. Если толь-

ко она в слезы кинется, придется успокоить, помолчать, но не жалеть. Бабу пожалел – сам пропал. Потом плюнул с досады: разрабатываю варианты поведения, как будто виноват в чем. Извинился, простился, и на том крест. Девка она молодая, переживет. А вот сам...

Ирина уже ждала его на перекрестке, аккуратно села в машину, расправила шубку, пуховую шаль приспустила с головы.

– О чем будем говорить, Григорий Иванович? Что встреча эта наша последняя? Вы и к камню меня привозили, чтобы я вовремя могла это понять?

– Ирина, ты не о том говоришь. Я люблю тебя, как и прежде, но наступает прозрение, если хочешь, понимание, что все это не то. У нас нет перспективы, мы никогда не сможем пожениться, а любые другие отношения не по мне. Ты молодая девушка, красивая, умная, это не нормально, что я с тобой рядом. Найдет тебя добрый парень, и все будет нормально, и про меня, старого, забудешь.

– Ладно. И вы не про то говорите. Я вам благодарна за этот год, за внимание, за ... Даже за Игоря благодарна, что устроили его по-человечески. Простите меня, Григорий Иванович, если что не так.

– Ирочка, не сердись на меня, я поступаю, наверное, жестоко, но честно. И ошибкой было, что повелся я на твое чувство, не устоял.

– Можно, я пойду?

– Посиди минутку.

– Гриша, не надо минутки, ты не думай, что мне вот так легко расставаться. Просто время подошло. Я стала понимать по-другому. Прощай.

Она наклонилась и чмокнула его в щеку. Хлопнула дверь. Холодок ее поцелуя жег щеку. Григорий видел, как в свете фонарей она побежала к своему дому, прикрытому черемуховым кустом. Ему было грустно до слез, но что-то легкое и свободное входило в душу.

Дома шумно разделся, умылся, прошел на кухню:

– Ну, что тут у нас на ужин? Жаркое? Хорошо, мать, что не сел за стол у Макара, там тоже жаркое было приготовлено.

Он приобнял жену, чего не делал уже давно, и шепнул на ушко:

– А налей-ка под жаркое по рюмочке, вон и груздочки на столе, по рюмке в честь праздника.

– Я налью, только какой сегодня праздник?

– Какой? – Он взял рюмку, помолчал. – Большой праздник, Галина, и называется он четверг. Давай просто за четверг.

Они выпили, он выдохнул и прикрыл рот рукой, она опустила отпитую рюмку и уронила в нее слезу, чуть всколыхнув жидкость.

43

Шофер Володя, мужчина еще до сорока, видеть не мог, как мучается шеф, никогда такого не было, чтобы за длительную поездку ни одним словом не обмолвились. Володя поначалу эту перемену на свой счет принял, однажды прямо спросил:

– Григорий Иванович, может мне самому заявление написать?

– Ты о чем? – не понял Хмара.

– Как-то вы переменились ко мне, вроде, раздражаю вас.

– Перестань! – Хмара похлопал его по плечу. – И не думай ни о чем, твоей вины тут нет, тут все мои грехи и ошибки.

– Про ошибки сказать обязан. После воскресных поездок, когда без меня, в машине духами запах остается. Я, как заметил, вечером попозже схожу в гараж, если машина на месте – все дверцы открою, чтоб выветрилось.

Хмара поборол смущение:

– Больше никто не принюхивался?

– Исключено.

– Что ты еще знаешь?

– Ничего больше.

– Ладно, Володя, дело это конченое. Теперь по выходным места себе не нахожу.

– А давайте к моим старикам съездим. Отец вас сильно уважает, а маме пирог закажем рыбный. Вы ни в жизнь таких пирогов не кушали. Соглашайтесь!

В деревню приехали перед обедом, хозяйка попросила с часик посидеть на свежем воздухе:

– Айдате, дед вам какую-нинабудь историю расскажет.

– И расскажу. Я давно собирался, да вас же в гости заманить – надо здогодаться время избрать. Не могу удержаться, чтобы не сказать, какие рыбные пироги пекет моя Апросинья, это же не пироги, а настоящее произведенное человеком искусство, их бы не в животы бездонные складывать торопясь, потому что если чуть обробел – умыкнут последний кусок. Их бы каким-то образом в свежине оставлять и выставлять в музеях или на ярмонках. Апроша знала, для кого готовит пироги, знала, сколько человеков и каких будет за столом, потому пекла с запасом. Вот что такое рыбный пирог? Пойди, скажем, на базар или в харчевню какую, подадут тебе кусок теста, ни на что не похожий, ты его разломишь, а там лежит неизвестного происхождения животная, и так откровенно рыбой воняет, что засумлева-

ешься, а рыба ли это? Чегой-то желтое, с оттопыренными костьми, конечно, жевать станешь, ежели деньги плачены, а деньги немалые, я на свою пенсию десятка полтора могу оплатить, не боле. А Апрошины пироги, выставь бы их сейчас для народа, за большие тысячи бы покупали, ей богу, не вру. Отчего так? А я поясню. Пирог есть произведение из рыбы и теста, это всяк дурак знает. Ну, с рыбой мы отдельно разберемся, а вот по тесту. Тесто служит одежкой для начинки, для рыбы, корочкой, значит, тоже продукт, и должно быть изготовлено по всем правилам. Хозяйка моя тесто на пироги рыбные ставит особо, чтоб не густо и не слабо, чтобы без кислинки, но и не пресно и чтобы много других достоинств. Тесто она нянчила, считай, всю ночь, и так его положит, и этак перевернет, а после выложит на стол и начинает доводить до кондиции, мнет, жмет, растягивает и снова в кучу. Смотреть – одно удовольствие. Должен сказать об столе. Стол у меня из толстых плах, воедино сколочен, перед тем, как с тестом начать, она его кипятком прошпарит, вострым ножиком выскоблит и холодной водицей смоет. А еще протрет чистым полотенцем, и только тогда допускает туда тесто. Ты бы видел, как она отрывает порцию на пирог, на корочку. Оторвет, прикинет в руке, может добавить, а может и отщипнуть, это ей дано знать, потом мучкой стол посыплет и начинает разминать, лепешку делать, потом сочень, большой, круглый. Когда он ей понравится, начнет она нижнюю корку украшать. Шибко любил, когда крупой разваренной дно устелет да луковыми колечками выложит. Там не корка, а картина, в музей, едри ее копалки. Теперь доходит очередь до рыбы. Ты думаешь, всякая гадость годится для пирога? Нет, брат, шутишь, в пирог из всей рыбы больше всего пригоден сырок. Видел я на площади торгует какой-то хмырь сырком, посмотрел, а это не рыба, это сеголеток, то есть, он весной из личинки вылупился, его в озеро кинули, а осенью уже на прилавок. По нашему понятию, кто рыбой занимался сурьезно, это грех, потому что сырок еще молочный, в нем ничего нет, он только обформировался. Ему надо зиму перезимовать, на него зимой жор нападает, потому на добрых наших озерах он к весне вырастал приличный, уже на человека похож. Только ты его не трогай, дай лето пережить, да зиму прокантоваться, воздухом подсоби, были у нас такие машины, воздух загоняли под воду. Вот тогда это уже вещь. Каждая рыбина может весить до килограмма, но не в том смысл, в ней мясо нежное и плотное, а жиру столько, что Апроша моя жарила его на сковороде без масла, на собственном соку. Во как! Так вот, хозяйка

моя для пирога сырка готовила особо, чистила от чешуи, обмывала чистой водой и пластала не по брюху, а по хребту. Тут надо искусство иметь, чтобы нож прошел со хребтом рядом и рыба развалилась бы по обе стороны красиво. Насчет помыть. Видеть приходилось, как некоторые бестолковки в трех водах промывали рыбу, от нее только хребет и остается. Рыбу, особливо жирную, надо аккуратно очистить изнутра ножиком, и чуть сполоснуть холодной водой. И все! Потом Апроша ее подсаливала, и в холодное место складывала. А утром достанет – не поверишь, так бы и спер одного! Лежат они в тазу белые да чистые, и запах от них благородный. Апроша кладет по паре на корку, и тут же верхней корочкой закрывает, запечатывает, чтобы все та благодать, которая есть, сохранилась и на стол добрым людям попала. Завернет штук пять, а к тому времени печка прогорела, печка русская, не духовки ваши газовые. Духовка – это оправдание того, что современные хозяйки ничего путнего состряпать не могут. Меня недавно в гости черт понес, в город к свояку, его баба взялась блины стряпать. Я гляжу: на газу сковородку нагрела, плеснула теста, стоит, ждет. Время вышло, берет лопату широкую деревянную, и ну тот блин на спину! Опять ждет. Я пару блинов съел, апрошкины вспомнил, от дальнейшего отказался, а свояк уминал, как будто ничего слаще нету. Ну, он человек городской, ему простительно. Моя блины пекет исключительно в русской печке, сковороды у нее большие, чугунные, толстые, блин прожарится – сам в рот заскакиват. Я не смотри, что мелкий ростом, а по два десятка съедал, а, это, считай, пол-ладейки теста. Ну, дело не в блинах. Я про печку. Прогрета она так, как надо Апроше, чтобы пироги пропеклись. И вот на пяти листах она сует их по поду печному, а там везде температура однака, благословит и заслонкой прикроет. Ни на минуту не отойдет, все слушает, нюхает. По запаху определяет, какое место подходит, и вот когда головы подадут свой голос, освобождает залавок, застилает свежими полотенцами, и начинает добывать листы. Дух тут такой, что хоть плачь. Пирог осторожно с листа спихнет, и полотенцем же прикроет. Горячие пироги никто из порядочных людей на стол не ставит. А когда сядем все свои и гости, Апроша подрежет один пирожок по всему кругу, отделит верхнюю корку от нижней и ставит на стол. Тут уж моя работа, я верхнюю корку снимаю и рву на части, потом режу пирог по числу едоков. Скажу правду: разу не было, чтобы пирог не удался, разу не было, чтобы хоть сколь-то осталось. Бывало, по пирогу на человека обходилось. Во, бабка с крыльца машет.

Когда вошли в дом, Хмара уловил с детства знакомый запах рыбного пирога, а на столе лежал огромный, на три сырка, светло-румяный пирог. День прошел незаметно и без лишних дум. Хмара впервые за много недель отдохнул и дома уснул сразу, едва коснувшись подушки.

44

За текучкой дел, большими и малыми проблемами, которыми приходилось заниматься каждый день, потому что все, что не решалось в кабинетах пониже или людьми рангом скромнее, стекалось сюда, Хмара не находил времени основательно встретиться с Долгополовым и получить, наконец, уверенность, которой у него все-таки не хватало. Товарищи, которым поручалось присмотреть то за одним направлением, то за другим, с улыбкой докладывали, что молодой человек в кресле директора родился, чувствует себя уверенно и все вопросы решает профессионально. Но Хмаре надо было самому убедиться. И вот вечером он позвонил Долгополову домой.

– Отдыхаешь?

– Только что пришел, то есть, приехал с фермы.

– Завтра с утра буду у тебя. Встретимся на утренней дойке в Баландино, будь там к пяти. – И положил трубку.

В морозном воздухе густо пахло силосом, навозом, фары кое-как пробивали влажный туман. Долгополов стоял у входа в базу, дожидался. Поздоровались. Вошли в красный уголок. Доярки уже приступили к работе.

– Юрий Петрович, только без дипломатии: как дела?

Долгополов положил на лавку шапку, сел сам.

– Если вас, Григорий Иванович, интересует мое состояние и отношение к работе, то тут проблем нет. Конечно, трудно, но втягиваюсь, людей узнаю. А если шире – давайте с этой фермы начнем. Корма очень скверные, просто удивительно, почему коровы их едят, да еще и дают молоко. Они морды должны нам бить за такие корма.

– Ладно, ты эти корма не заготовлял, потому можешь сколько угодно распаляться, я возражать не стану. А по ферме пройдем вместе, послушаем, что люди скажут.

И в базе, и в красном уголке, куда пригласили всех, приличного разговора не получилось. Высказался бригадир, зоотехник, доярки и скотники напряженно молчали. Хмара обострять не стал, рассказал коротко о делах в районе и предложил разойтись, потому что утром у

каждой женщины дел в доме много. Когда остались одни, спросил директора, догадывается ли тот о причине такого поведения коллектива. Долгополов неожиданно перехватил инициативу:

– Григорий Иванович, этот разговор кратким не будет, давайте в контору, там обстановка больше располагает.

В кабинете произошли заметные перемены. Любимый фикус Вениамина уже сиротливо стоял в длинном конторском коридоре. Глухие шкафы заменены светлой стенкой под стеклом, к новому широкому директорскому столу хорошей фабричной работы приставлен длинный стол для совещаний, окруженный сиденьями, похожими на кресла. Ряд новых полумягких стульев стоял вдоль стены, где у Вениамина гнездился диван и десяток простеньких стульчиков. Хмара вздрогнул, когда увидел портрет Долгушина в нише для книг.

– Семье помогаешь?

– Как договаривались, все каждый месяц и аккуратно.

– Холодильничек в шкаф вмонтировал? – не без ехидства спросил Хмара.

– Есть холодильник, но на зиму отключили. Я понимаю, что кое-что покажется вам излишеством, потому вот эти кресла я оплатил сам, из подъемных. Хочется, чтобы кабинет руководителя был особым местом, вот как алтарь в церкви.

– А ты и в церковь ходишь?

– Бывает, забегаю на минутку постоять, если в Ишиме или Тюмени время выберется. Да нет, Григорий Иванович, опиума тут нет, есть интерес к культуре, к истории. Ну, это я кстати.

– Я тоже о холодильнике между прочим. Продолжим баландинский разговор. У меня такое понимание, что коллектив нас проигнорировал.

– И у меня тоже, но я хоть знаю, почему. На прошлой неделе с фермы вывезли несколько тонн естественного лесного сена на второе отделение, там телят кормить нечем, только грубые сеяные травы.

– Почему людям не объяснили? Дело-то общее.

– Моя вина, и хотел сегодня с коллективом поговорить, да вы помешали. А сложилось так. Был во втором, телятишкам месячным бросают овсяницу, это же солома. Нашел зоотехника, поручил к вечеру найти доброе сено. Он нашел, доложил, я дал команду.

Хмара встал и прошелся по кабинету.

– Урок извлек? У нас большинство недоразумений в стране по этой причине происходит. Могу тебе примеры из партийной практики

привести, когда партию поделили на промышленную и крестьянскую. Спроси тогда любого трезвого мужика, можно так сделать? Ответит: да ты что, дурак что ли? А ведь сделали. И другое многое. Конечно, на поводу у коллектива идти не надо, но ты учитывай, что у нас система оплаты труда зависит в основном от моего трактора, моей коровы, нашей фермы, наконец. Хорошо это? До определенной степени положительно, но мы же развиваемся и будем расти, надо, чтобы и рабочие знали, что и для чего делается.

Хмара понимал, что нельзя сейчас забросать Долгополова крупными вопросами, не дай бог, спугнешь инициативу, потому поговорили о мелочах, как квартира строится, как жену определил на работу, нужны ли специалисты?

– Я по бумагам увидел, что ты заказал сто стандартных домиков для переселенцев. Ты что, считаешь, что к тебе приедут сто семей?

Долгополов смутился и тоже вышел изо стола:

– Григорий Иванович, я так и знал, что заворотят мне эту цифру! Строго говоря, на шесть отделений это не очень большой перебор, я прикинул, что в области все-таки будут учитывать объемы. А приедут переселенцы или нет – это второй вопрос. Зато брусовые полнокомплектные дома мы за лето соберем, сто квартир без особых усилий. Мне Хабиденов уже пообещал добрые бригады строителей кавказцев и молдаван.

Хмара засмеялся, потому что даже ему, старому авантюристу, такая мысль в голову не пришла, а этот паренек сообразил: переселенцы приедут или нет, а дома останутся.

– Ты Коркина почему уволил? Заслуженный механизатор, практик-механик, орденоносец, его знаний для инженера по технике безопасности вполне хватает. К тому же он коммунист со стажем.

– Григорий Иванович, вы меня направили руководить производством, а не благотворительной организацией. Мне про Коркина все рассказали, но это же нонсенс: инженер по ТБ глуховат и почти не видит.

– Ну, это ты утрируешь!

– Ничего подобного! Он на планерках засыпает, я его раза три публично будил, потом попросил пройти медицинскую комиссию и согласно ее рекомендациям уволил. К тому же он пенсионер.

– А по-другому нельзя было?

– Как?

– Полегче, чтобы не обижать человека. Коркин пришел ко мне, плачет.

Долгополов психанул:

– Мне что, слезы ему вытирать? Отработал свое, ордена получил, член партии, переходи в совет ветеранов и там хоть до поздней ночи. А тут идет инженер по технике безопасности в МТМ, а на крюке кировский двигатель перетаскивают, и как раз у него над головой. Ему орут, звонок во всю гремит, а он не слышит и не видит. Представьте себе, что инженер по ТБ погиб из-за нарушений техники безопасности!

– Ладно, успокойся, но хотя бы вахтером его определи на МТМ, он без мазуты жить не может. Еще. Пять тысяч из кассы на свое имя взял. Для чего?

– Григорий Иванович, я на практике в Исетском районе был, там замечательный экономист, но семья большая, трое детей и мать старушка, всего шестеро. Я с нею по телефону неделю разговаривал, услышал, что конфликт там с директором, она, вроде бы, и согласна, но у меня готовой квартиры нет. А тут семья свой дом продает, хороший, большой, вот и взял деньги, потому что конкуренты были. Бумаги все оформим, экономист уже на работе, а муж механик хороший, пока на месте Коркина, но я найду ему дело настоящее. Понимаю, что нарушение, бухгалтер не хотела подписывать, пришлось надавить.

Хмара слушал и смотрел на молодого человека, в котором на его глазах вырастал руководитель нового типа – рисковый, авантюрный, предприимчивый. Такие ходят по острию ножа, отделяющего моральный кодекс от уголовного, и появись сейчас в большом руководстве охота похватать за руку якобы расхитителей – такие первыми пойдут через позор по этапу, и партийное вмешательство не сможет их спасти. Ладно, если он «надавил» в благородных целях, а если по кривой, тогда что?

– Юрий Петрович, сколько дней ты в директорах?

– Вы смеяться будете, Григорий Иванович, но сегодня сотый. Сто дней. У Маркеса есть такой роман, «Сто лет одиночества», но мои сто дней – самые шумные, самые громкие.

– Что тебе показалось самым сложным в директорском деле, Юрий Петрович?

Долгополов долго молчал, вертел в пальцах толстый карандаш.

– Наверное, самое трудное – отказать человеку в его просьбе. Вот он пришел к тебе, ему больше некуда идти, а ты не можешь, права не имеешь или еще что. Короче – надо отказать. А как? Как сказать это человеку, чтобы не обидеть, не озлобить, чтобы он от тебя не с тяжелым сердцем вышел.

В тот день они проехали весь совхоз, Хмара больше молчал, бесе-

ды вел директор, что-то согласовывали, он давал распоряжения. Сев в машину, возмущался, что только вчера договорились на планерке, а до сегодняшнего ничего не изменилось. Что делать с этим зоотехником?

– Воспитывать. Учиться самому и учить других. Ну, всю технологию тебе знать не обязательно, а стратегию учи выдерживать. Как – это пусть специалист определит. Ты планерки каждый день проводишь?

– Каждое утро в семь часов.

– Все разумно, сам-то как считаешь?

– Думаю перейти на недельное планирование. Почему я должен давать указания специалистам? Пусть сами предложат рабочий план на неделю, а потом отчитаются.

– Под протокол будешь вести планерку?

– Зачем? Я портативный магнитофон купил.

Хмара улыбнулся. Возвращаясь поздно вечером домой, прокручивал долгополовские разговоры, и чувствовал, что внутренне он доволен действиями молодого руководителя.

45

В Благодатном ему пришлось спрашивать, где живет Арсений Чернухин, но собрались уже три женщины с авоськами из магазина, и в голос утверждали, что такого в деревне нет. Хмара ничего не мог понять, ведь ему время от времени передавали поклоны именно из Благодатного.

– Он должен был к вам приехать в середине пятидесятых, одинокий человек, немолодой.

Бабы разом ахнули:

– Так это же Боня! Вон его дом на бугре под лесом.

Хмара подвернул к тяжелым дощатым воротам, заглушил машину, вышел, услышал собачий лай и звонкий голос запрета. Калитка в рубленом заплоте открылась, высокий и стройный старик вышел и пристально смотрел на незваного гостя.

– Едва ли ошибусь: вы Хмара?

– Да, дорогой мой Арсений!

Они обнялись.

– Прошу в ограду, там, под навесом, нет ветра и не столь жарко. Простите, отчества не знаю.

Хмара искренне поднял руки:

– Арсений, нам ли забывать былое? Григорий, и все тут.

– Тогда и я уточню: Арсений Чернухин – это мой временный псевдоним, под ним я прожил четверть века, по сорок пятый. А потом по-

требовал от советской власти вернуть мне мое родное имя, власть согласилась в обмен на восемь лет лагерей, зато теперь я Бронислав Лячек, по простому – Боня, так назвала меня Великая Княжна Анастасия..

Хмара посуровел, но молчал, прошли до накрытого стола, сели напротив друг друга.

– Я, конечно, ничего не понял, хотя еще на фронте замечал, что не совсем ты тот человек, за которого себя выдаешь. Не настаиваю, но, насколько можно, расскажи о своих превращениях. Княжна – это из фантазий?

Боня улыбнулся.

– Давай, дорогой мой первый номер товарищ Хмара, выпьем по рюмке за фронтовых и иных друзей, за старшину Кузина, за комбата, за генерала Невелина.

Хмара смотрел на стол и дивился: невиданная зелень горстями на чистой тряпице, мед в хрустальной чаше и в сотах на большом блюде, отварной цыпленок томится в незнакомом соусе. Поднял глаза:

– Арсений..., извини, Бронислав, ты знал, что я приеду?

Боня кивнул:

– Знал. Ты закусывай, а я кратко скажу свою жизнь, чтобы у тебя, секретарь, никаких опасений не было. Я поляк, семья наша некоторое время жила в Царском Селе при государе императоре Николае Александровиче, там познакомился с княжной Анастасией. Познакомился и со старцем Распутиным, по приказу которого нашу семью отправили в Тобольск, потом уже большевики перевели в Ишим. Тут моих родителей арестовали, меня спасла русская женщина. К тому времени я уже знал о расстреле царской семьи, но верил слухам, что Анастасия чудом спаслась. Верил потому, что она была очень энергичная, по-мальчишески шустрая, такая могла спастись. Я искал. Да, у женщины той умер от тифа сын, мой ровесник, когда родителей забирали, она меня за своего выдала, тем и спасла. Еще в Ишиме столкнулся я с молодым чекистом по фамилии Форин, в одну девушку мы оказались влюблены, а она сестра моя по документам. Он стал подозревать, тогда я в комсомоле деповском взял путевку на стройки Урала, несколько лет там работал, а когда вернулся, Форин уже начальник НКВД в вашем районе, куда я жену свою с дочкой перевез из города. Жена – та самая сестра, и дочка, она уже без меня родилась. Форин случайно жену увидел, обманом заманил в кабинет и надругался. Я узнал, все бросил и ушел. Но Форин нашел меня, нашел и статью, дали сначала пять, потом еще, так что войну встретил в

лагере. Там познакомился с генералом Невелиным, много с ним говорили о власти и о родине, после разговора с ним я пошел добровольцем на фронт. Дальше ты знаешь. Демобилизовались мы с Кузиным, помнишь старшину? И тут во мне все взыграло: прошел всю войну, имею ордена и ранения, а фамилии своей не имею. Поехал, отрыл все бумаги, явился в райотдел, принял меня начальник, хороший человек, фронтовик, все понял и пообещал решить вопрос о восстановлении имени. Но Форин уже возглавлял областную контору, кто-то ему стуканул, и поехал я сначала на лесоповал, потом в Кузбасс уголек рубить, а заканчивал на строительстве тюрьмы под дело врачей-вредителей. После смерти Сталина прилетел за мной генерал-полковник Невелин на военном самолете. Оказывается, Тимофей его отыскал и все обсказал. Так я вышел на волю и вернулся в район, выбрал эту деревню по названию, красивое слово, многообещающее. Домик этот построил, отгородился от людей, пенсию мне Невелин выхлопотал, почти генеральскую. Познакомился с хорошим пареньком, Никиткой зовут, он корреспондент в редакции.

– Бери выше, Бронислав, теперь он редактор. Его забрать хотели в область, но я не отдал, хорошие работники нам самим нужны.

– Эх, Григорий, напрасно ты его тормознул, у парня явно есть талант литературный, а газета его высушит. Зря!

– Ладно, Бронислав, ты его не хорони. Тебе сколько лет?

– Восьмой десяток. На здоровье не жалуюсь, на жизнь тоже. Испытал все, что было отпущено.

– Богом?

– Людьми, Григорий, людьми, они порой выше бога. Бог только созерцал, как я прохожу все круги ада. Но и любовь дал мне возможность испытать, Анастасия до сего дня в сердце моем.

– Ты говорил про Распутина. Насколько правда, что сила в нем была сверхестественная?

– Не стану утверждать, от бога она или от дьявола, но сила была. У меня тоже проявлялась некоторая способность предвидеть события, но я был слишком молод, чтобы понимать. А он, только мельком меня увидел, и сразу взял в оборот, требовал от отца, что тот отдал ему на воспитание. Отец был историк, занимался бумагами времен Екатерины Великой, но Распутин настоял, чтобы государь отправил нас в Тобольск, видимо, планировал там прибрать меня к рукам. Но хрен редьки не слаще: случился переворот.

Хмара не стал поправлять.

– А эта способность у тебя сохранялась долго?

– Она всегда при мне, только не все могу толковать. Одно могу сказать уверенно: ваша власть рухнет, все, что вы сейчас делаете, будет разрушено, Россию ждут страшные времена.

– Почему ты говоришь только о России?

– Советский Союз я не вижу, его не будет.

– Извини меня, Бронислав, это несерьезно. Как это – не станет Советского Союза? А партия? Кто позволит разделить страну, ты что, друг мой!

– Извини и ты, Григорий, но ты спросил, я ответил. По-другому не знаю.

Хмара разволновался:

– Не хочу тебя обижать, но то, что ты сказал – несусветная чушь. Ты посмотри, как мы поднялись после войны, деревня оживает, города цветут, народ улыбаться научился. В народе единство, в партии миллионы самых лучших людей. Нет, Бронислав, ты не подумай, что во мне партийный работник говорит, тебе это же скажет любой советский человек. Вот ты сказал: уверенно заявляю. А откуда уверенность? Ты же не был верующим, насколько помню по фронту, или тебе сейчас какие-то виденья?

– Если хочешь знать, я жил и с богом, и без бога, и теперь не особо озабочен, какой я веры. А эта способность иного толка, эзотерика, усиленная интуиция. Вот такое знание я получил, никому не говорил, ты первый, хотя и тут надо было промолчать. Но, Григорий, ты будешь иметь возможность убедиться, что я был прав. Понимаешь, сбывается почти всегда. Ты грамотный партработник, проанализируй советский период, историю своей партии, не изнутри, а как бы со стороны, критически. Возможно, будешь сильно удивлен.

– И все-таки власть и партию ты не любишь, Арсений. Наверное, имеешь право. Ладно, политику в сторону. Налей-ка еще по рюмке. Это что за питье?

Боня поднял с пола большую темную бутыль, наполнил рюмки

– Это чистый спирт кустарного производства, самогон высокого качества. В нем нет сивушных масел. Совсем. Кроме того, он настоян на корнях нескольких целебных кустарников. А вот этот на травах, чуть болотцем отдает, но для суставов польза исключительная. Есть у меня от всяких болезней, составь список, я тебе налью по бутылочке.

Григорий удивился:

– Откуда у тебя эти знания? Кто-то научил?

– От родителя моего достался средневековый лечебник на латыни, я его сохранил, а когда оказался на воле, кое-что перевел, вот, пользуюсь.

– Латынь – это же мертвый язык, откуда ты его знаешь?

– Меня учил петербургский профессор, многим языкам, вплоть до иврита. Без практики язык забывается быстро, но я слушаю радио, вон стоит «Спидола», из Москвы один сокамерник присылает иностранные газеты, правда, только коммунистические.

Хмара обнял товарища:

– Трудная и содержательная твоя жизнь, про нее роман написать надо.

Боня засмеялся:

– Уже договорился, Никитка всю мою жизнь на магнитофон записал. Как думаешь, напишет книгу?

– А мы ему поручим, пусть попробует не выполнить заказ фронтовых товарищей.

Они еще долго сидели и говорили. Было о чем.

46

Из-за нерасторопности своих ребят Никита газету подписал в печать только к окончанию рабочего дня, зашел в кабинет, где обычно кучковалась мужская часть корреспондентов.

– Мы договаривались о взаимной поддержке, а пока получается вот такая хрень: вы сейчас утянетесь по домам, а печатники закончат работу только в полночь. Без обид, парни, но в следующий раз все вместе будем сидеть вокруг печатной машины и ждать тираж. Не лыбься, Боря, это я вполне серьезно говорю.

В портфель бросил папку с материалами, чтобы почитать вечером, свежие газеты, днем не было времени просмотреть. Зашел в магазин, прикупил сладкого и банку тушенки, кухня стала большой проблемой, обед в столовке, а ужин – что сам придумал.

Впереди перебежала дорогу женщина, почему-то показалась знакомой, но она удалялась в сторону автовокзала. Никита ускорил шаг, свернул в улицу и вдруг понял: это же Ирина! Что она делает в райцентре в такое время и куда направляется? Догнать? Едва ли ей это понравится. Сделать вид, что не заметил? А если вечернего автобуса в деревню не будет?

– Ирина! – громко крикнул он, и женщина остановилась. Он почти подбежал, только на последних метрах перейдя на шаг. – Извините, добрый вечер, решил узнать, не нужна ли помощь.

Ирина смутилась, но быстро нашлась:

– Спасибо, в помощи не нуждаюсь, приезжала брата проводить, да вот машину дождаться не могу.

Он только сейчас заметил, что она изрядно промерзла.

– Давно ждете?

– Часа три.

– Понятно. Предлагаю пойти ко мне, пока вы греетесь, я сбегаю в гараж, заведу редакционный уазик.

– Нет, я иду на вокзал.

– А автобус будет?

– Должен.

– Ира, идем ко мне, ну, промерзла ведь, простынешь, кто будет животноводство поднимать? Пойдем, прошу тебя, и ничего не стесняйся.

– А я и не стесняюсь, просто неприлично девушке ходить в гости к молодому мужчине в такое время.

– Какое время? Только шесть, чуть седьмого. Идем, и никаких разговоров.

В подъезде никого не было, случайных соседей в этот раз он боялся больше всего, открыл дверь, включил свет и проводил гостью в комнату. Быстро разделся, заставил Ирину снять шубу и сбросить сапожки. Она улыбнулась:

– Правда, я сильно замерзла.

Он усадил ее на диван с ногами, накрыл пледом, поставил чайник, достал початую бутылку коньяка, в рюмку налил грамм пятьдесят и вместе с горячим чаем и горкой наломанного шоколада в тарелке поставил на подносе перед Ириной.

– Коньяк я пить не буду.

– Будешь, это необходимое профилактическое средство, выпей, и сразу горячий чай. Это спасет тебя от последствий. Если хочешь перекусить, посмотри что-нибудь в холодильнике, а я пошел за машиной.

– Нет! – почти закричала Ирина. – Я одна не останусь. Подождите, я выпью чай и пойду на вокзал.

Никита снял трубку телефона и набрал номер своего кабинета. Зажав пальцем динамик, он представился и спросил, когда отправляется автобус на Травное.

– Отменили? А что случилось? Сломался? Понял, спасибо. – Он положил трубку и посмотрел на Ирину. Ему показалось, что она с трудом спрятала улыбку. – Итак, я иду за машиной.

– Идите, а я пока книжки посмотрю. Можно?

Никита в теплом спортивном костюме и куртке быстро добежал

до гаража, завел машину, прогрел мотор. Дома приткнулся к самому подъезду и не стал глушить двигатель. Ирина ждала его уже одетая.

Он нарочно ехал медленно, слушая ее рассказ об учебе брата, о последних новостях на ферме, не мешал, не задавал вопросов. Ее лицо, освещенное доской приборов, было чуть неестественным, необычным, но голос даже через шум машины был желанным и до восторга родным. Перед самой деревней Никита хотел остановить машину, но Ирина попросила подъехать к дому – все равно никто не увидит.

– Ира, сегодня наш первый вечер, который мы провели вместе. Я хочу тебя просить называть меня только по имени, говорить со мной на ты, и не чураться меня, Ира. Я говорил тебе о женитьбе по телефону, ты явно обиделась и бросила трубку. Не надо про меня так скверно думать, просто я не знаю другого способа сделать тебе предложение, мы оба круглые сироты, у кого тебя высватывать? Только у тебя самой. Скажи прямо: ты выйдешь за меня?

– Когда? Прямо сейчас? Да я столько про тебя слышала, что кровь стынет! Выскочить наспех, чтобы через месяц вернуться домой? Нет.

Никита промолчал, потому что оправдываться глупо, а говорить о любви сейчас не самое подходящее время.

– Хорошо, Ира, не будем спешить, хотя и ты уйдешь в одиночество, и я вернусь в квартиру холостяка, единственная радость, что запах твоих духов останется в комнате. Ты мне не веришь. Что я должен сделать, чтобы ты согласилась, научи!

Ирина засмеялась счастливым смехом:

– Это я тебя должна учить, как убедить девушку? Да нету другого способа, кроме любить. А ты сразу заявил, что мы поженимся. И меня не спросил, и не объяснил ничего. Конечно, я вижу, что ты меня выделяешь, не стану скрывать, что мне это приятно. Но я боюсь тебя, ты совсем другой. Сейчас книги у тебя в шкафах посмотрела, я такие не читаю. И мне страшно стало.

– Глупости! Ты почему меня так отделяешь от себя, Ира, ведь я только чуть постарше? К черту книги, у нас с тобой большая настоящая жизнь впереди. Ну, прости ты меня, что я так дерзко к тебе сватался, теперь самому стыдно. Только, Ира..., это чистая правда..., я люблю тебя. Конечно, ты имеешь право мне не верить, мы с тобой даже за руки не держались, но я боюсь упустить тебя, подкатит какой-нибудь ударник колхозного труда и уведет. Я из райцентра не набегаюсь.

Никита только сейчас увидел слезы на ее лице, испуганно спросил:

– Иринка, ты почему плачешь? Я опять обидел тебя?

Она улыбкой стерла слезы и повернулась к нему:

– Никита, наклонись ко мне, я поцелую тебя невинным поцелуем в щечку, чтобы ты знал, что люблю.

Он пытался перехватить инициативу и поймать ее губы, но не получилось, и он не стал настаивать. Только спросил:

– Ира, а что дальше?

– Не приезжай неделю, не спорь и не возражай, дай мне время подумать. И сам себя много раз спроси, настолько ли ты любишь меня, чтобы всю жизнь бояться потерять. Я ведь, Никитушка, если сердцем пойму, что люблю, я тебя никому никогда не отдам, так тебя приворожу, что ни спать, ни кушать без меня не сможешь. Не боишься?

– Родная моя, очень хочу, чтобы так и было. Если хочешь – во всех своих грехах признаюсь...

Она перебила, как будто ждала:

– Плевать мне на твои прошлые грехи. Через неделю позвоню тебе домой, номер-то я списала с аппарата. Вот тогда и решим.

– Что решим, Ира?

Она засмеялась:

– Да ничего особенного, просто напишем заявление в загс.

– И поедем ко мне.

– Теперь я в твой дом только после свадьбы войду. Ты не против свадьбы?

– Конечно, не против. Но это только через месяц! Так долго!

– Ничего, потерпишь. Я вот держу себя в руках, хотя ты бы знал, как мне охота зацеловать тебя до одури!

– Ира!

– Все, я пошла. Жди звонка через неделю.

Она хлопнула дверцей и побежала к калитке. Никита дождался, когда в доме появился свет, развернул машину, посигналил и вырулил на большак.

47

Хмара все чаще вспоминал пророчества Арсения-Бони, и с ужасом соглашался с ними, понимал, что все последние годы страна неудержимо катилась к этому августу, который вздыбил недоговоренности и двусмысленности политики, вознес негодяев и вымазал грязью героев, высмеял бессилие Конституции и восхитился лидерами, возникшими из дерьма. Участник Великой войны, солдат, так и оставшийся в звании старшины, хотя по должности мог носить полковничьи звезды, крестьянин, проживший со своим районом всю, кроме фронтовой, всю остатнюю жизнь и

четверть века бывший во главе своих земляков, Хмара все годы перестройки чувствовал, как истекает сила из некогда мощных государственных документов, видел крупных чиновников, воровато отводящих глаза от прямых и неприятных вопросов, замечал, что мельчает партийная печать, которую как бы случайно стали называть средствами массовой информации.

Год назад он не вытерпел и взял слово на пленуме обкома, членом которого был уже больше двух десятилетий, и вместо ожидаемого отчета о внедрении новых форм хозяйствования на селе заговорил о катастрофе. Он так и сказал тогда: «Катастрофа нашей партии и нашей страны почти неизбежна. Коммунисты должны снова вернуться к вопросу, что все-таки является конечной целью перестройки, и потребовать от Генерального секретаря четкого ответа, и уже в зависимости от этого решить вопрос о его пребывании в партии». Зал съёжился и стал маленьким и беззащитным. Первый побагровел, но скоро взял себя в руки. Хмара уходил с трибуны в пустоту, стройные ряды мягких обкомовских кресел раздвигались перед ним и смыкались сзади. В гробовой тишине Первый предложил выступление товарища Хмары не обсуждать и в протокол не включать как не имеющий отношения к повестке дня. Никто не возразил. Кажется, даже не голосовали.

Хмара всегда любил этот месяц, венчающий лето, не по календарю, а по крестьянскому измерению. Время это выпестывало хлеба, они нежились под негорячим щадящим солнцем, набирали вес, копили весь хитрый, скрытый от человеческого понимания припас малый и великий, делающий зерно желанным для мельника и пекаря, проявлявший себя в семейной квашенке и заводских дежах, когда белое тесто, задурив на ложке закваски, прет на волю, радуя стряпух, отлавливающих выпадающие пласты и возвращающих их к месту. И в молодости, когда пришлось питаться хлебом поляков, венгров и немцев, и в годы солидного партийного авторитета, позволяющего каждый год выезжать из дома в чужие страны, не вкушал он хлебов ароматнее и воздушнее, питательней и полезнее, чем булки и калачи, испеченные мамой, потом женой, а после – купленные за двугривенный в попутном сельмаге. Потому особо желанными были для него встречи с августовским полем, несущим в своих золоченых колосьях пшеничное зернышко, вскормившее всю большую страну. Словно для союзного герба выбирал он каждый год несколько горстей урожайной пшеницы, перевязывал алой лентой и ставил в передний угол своего кабинета. А теперь, срезая традиционный сноп,

вздрогнул, вскинулась в сознании гербовая связка тугих колосьев, траурным венком почудилась, и нехорошим предчувствием вновь испортился день. Утром долго пытался связаться по телефону с Первым, весь день 19 августа связи не было, Первый не отвечал на звонки, а аппаратчики помельче призывали к спокойствию и повсеместной поддержке Госкомитета по чрезвычайному положению. На прямой вопрос, а в чем же может быть выражена эта самая поддержка в отдаленном сельском районе, хорошо знакомые обкомовцы безнадежно признавали, что люди в Комитете слабы и нерешительны, что ввод войск в столицу есть чистая психология, пару раз вспомнили Жукова, вот у кого рука бы не дрогнула. А эти... Жуткий балет на телевидении, напоминающий пляски при гробе, давно окончился, рано утром, включив приемник, Хмара готов был снова увидеть белых лебедей. Экран молчал. Он снял трубку. Неожиданно ответил Первый.

Они работали вместе уже двадцать лет, после ухода Щербины в Москву Хмару менять не стали, видимо, преемник ценил выбор предшественника. Поречье звезд не хватало, но шло ровно, и мало было поводов поднять руководителя с отчетом на бюро или совещании. То злопамятное выступление почти ничего не стоило Хмаре, коллеги – кто промолчал, кто молча жал руку, Первый позвонил, как было заведено, в очередной понедельник, пообщались, как ни в чем не бывало. А в этот раз Хмара опять настаивал на прямых ответах:

– Мы не знаем, что говорить людям. У вас же есть информация честнее и полнее, чем общая!

– Ничем порадовать не могу. Попытки Лигачева и других товарищей собрать Пленум ЦК сорваны, не дают связи. Да и бесполезно.

– Почему бесполезно? Дайте команду на места о всеобщей мобилизации коммунистов на защиту партии. Уверен, что Советская Армия не может быть безучастной, войска введены в столицу, что им – ежевику по кустам собирать? Будут конкретные действия по сохранению порядка, или мы свалимся в анархию?

– Ты напрасно драматизируешь события. Известно, что Горбачев в курсе, все под контролем, только нельзя допустить крови.

Долго не мог понять Хмара, что разговор их переливается из пустого в порожнее, но свою последнюю фразу хорошо запомнил:

– Я старый солдат и старый коммунист, уже не умом, а сердцем понимаю: если сегодня ГКЧП не предпримет решительных мер, то крови, вспомните мои слова, крови будут реки. И нас с вами назначат главными палачами.

Он положил трубку, не попрощавшись с Первым, чего никогда не было.

Вечером переговорил со всеми руководителями хозяйств, согласовали, что завтра, 24 августа, выходят на массовую уборку хлебов. Настроение людей подавленное, гнусное положение, когда судьба партии, судьба страны и народа решается где-то горсткой людей, явно не выражающей настроения и понимания всего народа. Или это всегда никому не нужно? Ведь и социалистическая революция совершилась так же, в Питере пару дней пошумели, а потом телеграф: «Всем! Всем! Всем!».

В шесть часов утра он, как всегда, вышел из дому. Село еще спит, только редкие хозяйки тихонько звенят подойниками, поднимая осоловевших коров. Лениво поют последние петухи. В разных концах улицы гудят мотоциклы, механизаторы отправляются на поля. И все равно тишина, если спишь в это время, ничто тебя не потревожит, потому что утренние звуки особые, они сами по себе, не мешают. Воробьи, хозяева деревенских палисадников, на все лады щебечут, решают, кому где зимовать.

Он сначала не обратил внимания на милицейский уазик у райкомовского крыльца, кивнул дворнику, поднялся на второй этаж. Дверь в приемную открыта, навстречу встал начальник райотдела майор Черкасов, руку под козырек:

– Григорий Иванович, должен вас проинформировать...

Хмара увидел три широких полоски бумаги с печатями на стыке дверей своего кабинета.

– Что это значит, Сергей?

– Григорий Иванович, сейчас по радио передадут официальное сообщение, а если коротко – партия запрещена указом Ельцина. Ваш кабинет приказано опечатать. Вот, жду вас.

Хмара сел за стол, его лихорадило. Поднял трубку – телефон отключен.

– Это же переворот, майор, неужели ты не понимаешь? Сегодня закрыли партию, завтра прихлопнут советскую власть – что тогда? Ты же присягу давал на верность, и в армии, и в органах – почему не защищаешь, кому клялся? Отец твой Иван Лазаревич не дожил до позора, а то проклял бы все и тебя вместе с этими...

– Григорий Иванович, но что я могу сделать? Милиция подчинена Президенту Ельцину, приказ его. А про меня зря вы так, я же на ваших глазах вырос, не ловчил и не подличал. Отец прибил бы, если

что. Мы хоть и из партии вышли по команде, но билет я сохранил, и убеждения не менял. А сегодня сам лично вас ждал, чтобы сказать: немедленно подаю рапорт об отставке. При погонах меня к любой пакости привяжут. Не хочу.

Прослушав последние известия из Москвы, Хмара попросил Черкасова открыть кабинет:

– Я только личные вещи возьму, при тебе. Не хочу, чтобы кто-то чужой лапал, что мне дорого. Открывай.

В портфель, с которым обычно ездил в обком, сложил блокноты и несколько толстых тетрадей из нижнего ящика. Черкасов смотрел, как дрожат его руки, ни помочь, ни уйти, чтобы не видеть, он не мог.

– Это, Сергей Иванович, моя собственная статистика за все двадцать пять лет секретарства, тут весь район в цифрах. Записные книжки. Открою сейф, возьму только одну фотографию.

Фотографию Ирины еще в первый месяц знакомства он попросил сделать корреспондента областной газеты Сашу Чернышева, снимок получился хороший, но Хмара позвонил в редакцию и попросил фото не публиковать, пришлось что-то придумать для убедительности, не хватало, чтобы прошел слух, что в газету Иринку пристроил Сам. И за что бы...? Поймал себя на том, что Иришки устыдился, подглядела за ним в минуты душевной слабости и полного физического бессилья.

– Куда вы теперь, Григорий Иванович? – осторожно спросил Черкасов.

Хмара увидел перед собой сынишку своего военного друга, который рос в деревне, работал участковым, учился в милицейской школе, по настоянию райкома был назначен начальником отдела на родине. Прямой и честный, копия отца, это его надо бы спросить, что собирается делать, невозможно ему оставаться в этой грязи и лжи.

– Я пенсионер, Сергей, со мной все ясно. Не могу сказать, что предвидел такое, но исход очевиден. Сцена подписания указа в режиме онлайн, как любит теперь выражаться господин Ельцин, позорит не партию, она народ наш унижает, страну. Что дальше будет? Продолжение перестройки в самом ужасном варианте. И мы с тобой станем свидетелями. – Он встал: – Спасибо, Сережа, за понимание. Ты был хорошим коммунистом, хорошим человеком, хотя в твоих погонах это не просто. Крепко подумай, как дальше жить, крепко, чтобы не стыдно было через годы. Прощай.

Он четким шагом, как всегда, вышел из райкома.

ЭПИЛОГ

Ах, Сибирь, тоска и радость моя, земля одушевлённая и одухотворённая поколениями жителей, крестьянствующих на ней и смысл жизни имевших, чтобы землю эту передать потомкам в цвету и расцвете. Тысячи верст в разные стороны пролети над страной – велика она, обширна, не меряны ее просторы, щедро солнце на юге и лютый мороз в ледяных северных пустынях – все мило и любо, все есть родина, но Сибирь на отличку, особнячком. К ее богатствам продирались ученые мужи и отчаянные путешественники, во многих местах проткнули кожицу и пустили кровь земли на недолгую радость людям. К ней обращались государи и генсеки в дни черной беды, подступившей к стране, и собирались сибиряки, немногословные, суровые на вид и мягкие сердцем, крестьяне и работный народ, православные и язычники, строились в полки, от которых пятился всякий враг.

Сибирские деревни всегда жили по своим законам. В далекие времена бежал сюда от скорой царской расправы уцелевший от виселицы казачок со товарищи, пробирался обобранный хозяином крепостной, селился злосчастный каторжанин, улизнувший от сонной охраны. Учиняли сговор на сходах, сами избирали старшего, сами же и гнали, если что не так. Организованные переселенцы из Расеи без особой радости были восприняты старожителями, но терпимо.

Можно ли объять сознанием и найти объяснение той изящной выдумке и высокой фантазии, с которой русский сибирский мужик находил либо изобретал слова для обозначения явлений, времен и событий? Да никогда не привыкнешь к неожиданному сочетанию слов, обозначающих сухую погожую осеннюю ночь, позволяющую вести обмолот хлебов до раннего утра, когда роса не выпадет даже перед солнцевосходом, и только физическое изнеможение заставит комбайнеров глушить моторы. Такие ночи выпадают нечаянно, и ценнее всего они ближе к концу жатвы, когда счет идет на часы и когда жизнерадостные синоптики на телевизоре с улыбкой обещают затяжные дожди. Вот тут радуются сухой росе, сухоросу, неожиданному и жданному, когда влажный воздух ветра поднимут высоко от земли, а зерно в колосе останется сухим и твердым на радость немногословному крестьянину.

ЧИСТАЯ ВОДА
Повесть

1

Ещё с вечера захороводило, загуляли разные ветры – то южный полыхнет с остатками летнего зноя, то вдруг повернётся и закрутит сиверок с невесть откуда взявшейся прохладой, поднимают пыль, выметают улицы, ломают косматые ветки разнежившихся тополей, валят дощатые заборы. Августовский туман тяжело опустился на озеро, только ветер не дал ему отдыха, стал приподнимать от воды, рвал на куски и разбрасывал по окрестностям, заодно потревожил расположившихся на привычный ночлег зажиревших гусей, они тревожно подняли гордые головы на длинных шеях, словно всматриваясь в знакомые берега и ища у них объяснения. Природа разволновалась. Коровы, подкормленные и подоенные хозяйками, уже завалились на свои крутые бока и вынули лакомую свою жвачку, но зашевелились, тяжело переваливаясь, вставали и издавали протяжные жалобные мычания. Воробьи забились под крыши сараев и нахохлились, скворцы загоняли свои выводки куда подальше от стихии, и только ласточка, взмыв высоко к небесам, щебетала что-то тревожное, то ли собирая семью, то ли просто предупреждая друзей.

Солнце уже село, и только верхний его фитилёк снисходительно освещал большое село, красиво разместившееся на взметнувшемся меж озёр языке нетронутого ранее чернозёма, выходящем из высокого взгорья и потерявшемся в буйных травах поймы широкой реки. Деревянные дома, крытые шифером, образовывали солидные усадьбы с постройками для скота, банями и гаражами. Оставшиеся с колхозных времён несколько избушонок только подчёркивали красоту и современность селения, в них доживали такие же ветхие старики и старухи, бывшие когда-то ударниками и стахановцами. Трёхполосный флаг на бывшем сельсовете, едва видимый в вечерних сумерках, такого напора ветра не выдержал и раскроился на несколько лоскутков.

Одинокая машина ворвалась в улицу с большака, резко сбросила скорость и остановилась у сельской администрации. С правой сто-

роны открылась дверца, молодой мужчина лет тридцати, с усами и портфелем, одетый в добротный чёрный костюм с галстуком, по-хозяйски вышел, глянул на флагшток и крикнул водителю:

– Игорь, завтра с утра замени флаг. Хрен его знает, хоть железный вешай, на неделю не хватает.

– Понял, Роман Григорьевич, сделаем.

Роман Григорьевич открыл дверной замок своим ключом, включил свет в коридоре и ещё раз щёлкнул ключами в двери с табличкой «Глава сельской администрации Канаков Р. Г.». Он ещё не остыл после крупного разговора на совещании в районе. Обсуждали подготовку к выборам президента, глава района Треплев сам накануне вернулся из области и был настроен категорически:

– Такого позора, как в прошлый раз, мы допустить не можем, скажу больше: нам этого не простят. Тогда сняли двух глав, до меня очередь не дошла, на процент выше показатель. И мы освободились от некоторых товарищей, которые исподтишка смущали людей и допустили в урнах большой процент за коммунистов и прочих. Предупреждаю: такого быть не должно. Особо по тебе, Канаков. Папаша твой в коммунистических активистах, посади его дома, пусть кактусы растит, а с политикой и без него разберутся.

Роман усмехнулся воспоминаниям, даже улыбнулся: «Папашу дома посадить! Поди, попробуй, он так посадит, что до конца избирательной кампании чесаться будешь».

Выложив все бумаги на стол и спрятав портфель в шкаф, Роман пошёл домой. Он уже привык и не замечал, как толково и складно устроил все отец Григорий Андреевич, расселив детей вокруг своего родового гнезда, и теперь крестовой дом его был на бугре над всеми тремя сыновьими домами, точно так, как и он сам все оставался старшим и главным в большом семействе.

Григорий Андреевич Канаков, бывший колхозный и совхозный механизатор, потом бригадир полеводческой бригады, был мужиком крепким и рослым, столь с виду суровым, что даже трактористы его опасались. Поговаривали, что в первые годы вся его воспитательная работа сводилась к хряскому удару по шее провинившегося, от чего тот падал, а отдышавшись, всячески бригадира избегал. Потом Канаков вступил в партию. Агитировали его долго, все не соглашался, но ходил в библиотеку и дома ночами читал толстые книги Маркса и Ленина, предупредив библиотекаршу, чтобы никому ни звука.

Да и внешне Канаков был мужик завидный, густая шевелюра тем-

но-русых волос, крупные и правильные черты лица, прямой, не очень удобный взгляд серых глаз, видевший самые глубины человеческой натуры, и голос – властный, громкий и жёсткий.

А вот дома для жены своей Матрены Даниловны не было человека удобней и внимательней. Дрова, ровненько наколотые, всегда грудкой лежали в тёплых сенях, две фляги воды для хозяйства всегда полны. Если надо муки в сельницу принести и ведро – сходит и принесёт, двухведёрную кастрюлю заквашенной капусты до слова вынесет на мороз. Во двор Матрена выходила только корову подоить да малышей накормить-напоить: телят, поросят, ягнят, да и птицу тоже.

Канаков гордился, что родился именно на этом месте, что после войны и гибели отца полтора десятка лет кантовалась семья в завалившемся дедовском ещё тереме, от которого уже не осталось украшений, и лестницу на второй этаж убрали ещё при коллективизации, чтобы не злить партактив. В шестидесятые, когда немного окрепли после войны, выписал передовой колхозник Канаков красного леса через колхоз и срубил крестовой дом, развалив родительские гнилушки.

Дом рубили артельно, помочами, когда собирались все родственники и товарищи, хозяин сразу распределял, кто чем будет заниматься, чтобы не толкались без дела и не мешали друг дружке, как случалось порой на колхозной работе, а каждый бы знал своего напарника или место в сторонке, если работа такая. Жену свою Матрёну с сестрами поставил бревна шкурить, какие ещё остались от каждодневной вечерней работы, эта работа несложная, под штыковой лопатой вся корка с сосны отскакивает. Четыре крепких мужика сочиняли обвязку, укладывали на чурки брёвна-окладники вполобхвата, вымеряли шнуром диагонали и дружно перемещали бревна, чтобы получился правильный угол. Ошибись они хоть на четверть – мука будет потом для строителей, и крышу не свести, как следует, тем более, что мужики уже видели под сараем несколько стопок шифера, а под него крыша должна быть как ельчик. И с полами-потолками потом замаешься, клинья вшивать – позорное дело для путнего плотника. Не зря говорили: как бы не клин да не мох, так и плотник бы сдох.

А как окладники врубили, стали примерять бревна, Филипп Киприянович, авторитетный строитель, бегал с «чертой», такое чудное названье у приспособы, а без неё не обойтись. Положили бревно на окладник, лес справный, ловко будет паз вырубать, вот и ведет Филипп свою двупалую «черту», одним концом по верху окладник копирует, а второй черту проводит на верхнем бревне, да с обеих сто-

рон. Ещё с утра Григорий Андреевич вместе с мастером пошире развели «черту», потому что паз надо вырубать широкий, чтобы стена была толще, не продувалась, не промерзала, в Сибири живём, не на югах. Вот по этой черте и рубят потом паз мужики, сперва поперёк насечки сделают, а потом садятся попарно на бревна, которые тоже на чурках, садятся в концах спиной друг к другу и пошли топорами хлестать. Топоры на круге точены, бруском правлены, волос положи – по обе стороны лезвия свалится. На такую работу самые толковые мужики садятся, потому паз получается, как корытце для холодца, как жёлоб – округлый, чистый, и не вдруг скажешь, что топором рублен. Сошлись спинами рубщики – слазят с бревна, расправляют спины, а другие уже подхватили и на место поставили. Хозяин смотрит: как тут и было, спичку не всунуть, комар нос не подточит. Доволен: потом мох толстым слоем положим – красота!

В новый дом перетащили дедовскую ещё кровать, широкую, хоть вдоль, хоть поперёк ложись, два старинных сундука с носильным барахлом, огромное, в полстены, зеркало, местами облупившееся, но красивое, старинное, с точёными завитушками по всей раме. Столько годков прожили с Матрёной, вроде старались, а детишек все не было. Сестры Григория запоговаривали, что порчена Матрена и потомства не даст, а если и случится, то непременно уродцы.

– Брось её, Гриша, не будет у тебя семьи.

– Знамо, не будет, порча на ней, да и не в девицах, поди, и взял-то.

– Цыть все, пока по мордам не получили! Про Матрёну худого слова чтоб больше не слышал. А ты, Евдинья, если сама до Проньки все бани спознала, по себе не мерий. Матрена со мной бабой стала, к тому же после свадьбы. Хотя какая там свадьба, так, одно названье. В аккурат с похоронами товарища Сталина совпало. Меня тогда чуть из партии не погнали, дескать, нашёл время для гулянки и услады, когда весь советский народ в великом горе. А я как-то и не подумал, что моя женитьба с политикой спутается.

А в новом дому каждые два года приносила Матрена по парню, да все такие здоровые, что кое-как выпрастывались из материной утробы. А она, Христовая, хоть бы крикнула раз, хоть состонала – верила, что для Гриши великая радость, и тем спасалась. Медичка прямо изумлялась, все бабы орут, мужиков матом кроют, клянутся и близко к этому делу не подпускать, а эта только шепчет, если прислушаться:

– Для тебя, родной мой и единственный, для тебя терплю завещанное Еве, все снесу, а деток у нас будет полный дом.

Трёх парней подряд, один в зыбке, другой на руках, а третий за подол держится. Сестры перестали дурить, на очередных крестинах Евдинья подняла стакан с бражкой, поклонилась Матрёне в пояс:

– Прости нас, Матрена Даниловна, плохое мы про тебя думали, да и говорили мужу твоему, братцу нашему Григорию Андреевичу, не держи зла, а робят рожай, коль Бог даёт.

Григорий кашлянул, следовательно, надо помолчать:

– Бог, может, и даёт, только я тоже соучаствую, потому решаю так, что надо отдохнуть, мать, этих сорванцов подрастить. А там видно будет по жизни, ежели все правильно в партии продумано, то не сей день, так завтра коммунизм наступит, вот тогда большое облегчение получится трудовому человеку, тогда и детей можно родить каждый год по паре, и каждый будет ухожен и обогрет государством.

В семье никто с Григорием Андреевичем не спорил, как не спорили и в совхозе, где он хоть и был на хорошем счету по работе, но начальство не особо привечало, потому что Канаков мог в любое время и на любом собрании выступить и прямо все назвать, как есть. Парторг с директором как-то об этой его странности говорили, и парторг, окончивший специальную школу КПСС, предположил, что не особо образованный товарищ начитался классиков марксизма-ленинизма, искренне поверил всем партийным документам и сегодня предъявляет ко всем такие требования, какие вычитал в уставе и программе построения коммунизма.

На общесовхозном профсоюзном собрании Канаков прямо говорил о том, о чем матом выражались мужики и бабы на производстве, но молчали при большом начальстве:

– До каких пор скотные дворы будут отдавать на ремонт кавказцам? Видимо, до тех пор, товарищи, пока прокурор не увезёт в «бобике» кого-нибудь из прорабов или мастеров. Это же никуда не годится, фермы промерзают, протекают, а у прораба дом растет каждый год на троестен в разные стороны.

– Ты тоже, Канаков, второй дом строишь! – крикнул мастер стройучастка Веня Чмокунок.

– Строю, и ещё буду, потому что у меня три сына подходят. Но у меня, Веня, на каждый гвоздь бумажка есть, потому что я при социализме воспитывался, в котором прежде всего учёт. Так, ты мне больше не мешай. – А сам продолжал: – По какому такому праву управляющий центральной фермой и два его бригадира, Попов и Горлов, двойной тракторной тягой подтащили через огороды к своим дворам

доброго лесного сена, а телятишкам совхозным шумиху ложат в кормушки? Все эти товарищи коммунисты, но забыли, что коммунисты так не поступают.

Канаков не знал, что точно такое же сено притащили директору и парторгу, потому совершенно искренне обратился к руководству:

– Обращаюсь к руководству, чтобы прекратить это безобразие. Беспартийные товарищи на все это смотрят и видят, и говорят обидные слова: что ни коммунист, тот начальник, что ни начальник, тот вор. Требую: сено вернуть, а товарищей разобрать на партсобрании, чтобы до слез.

Парторг, волнуясь и запинаясь, под тихие смешки в зале пообещал товарищу Канакову, что необходимые меры будут приняты. Когда после собрания вышли на крыльцо, Филипп Киприянович шепнул другу:

– Гриша, ты пошто как дите малое? Ты разве не видишь, что они все за счёт совхоза живут?

Григорий помолчал:

– Пока не вижу, что все. Узнаю – выведу на чистую воду.

– Ладно, пошли ко мне, у меня Варвара с ордой уехала к сестре в район, посидим. – Старый друг не стал напоминать, что Гришу давно уже по-за глаза «Чистой Водой» зовут в селе. Хозяин достал трехлитровую банку браги, ядрёной, отстоявшейся, Варвара у Филиппа мастерица что по дому, что по огороду, что в банки закатать, что в бочоночке ещё бабкином бражку поставить на пшенице.

– Мастерица, слов нет. А помнишь, когда брагу слили последнюю из бочонка, ты пшеницу на ограду высыпал, а куры наклевались...

Было такое. Размокшая пшеница сразу привлекла петуха, он подбежал к корытцу, долбанул носом, потом ещё прострочил в нескольких местах, поднял голову кверху и издал мощный призывный клич. Куры – народ воспитанный, сразу кинулись исполнять команду, и скоро вросшее в землю кормящее корытце опустело. Но и с курами неведомо что стало происходить, они вдруг закудахтали, словно снесли по яичку, потом стали с разбегу подлётывать, а кончилось все небывалой дракой, самый разгар которой захватила открывшая калитку Варвара.

– Я до смертыньки перепужалась: куры в кровь исхлестаны, с ног валятся и кудахчут, а петух лежит поперёк корытца и рот открыт, словно издох. А потом винный дух зачуяла, поняла, что мужики над птицей погалились, – рассказывала она потом соседкам.

Сели за стол, хозяин нарезал солёного сала, пару луковиц очистил и раздавил – так положено, глазунью на большой сковороде поджарил.

– Григорий, я прямо дивлюсь на тебя, дивлюсь и не узнаю. Ты же нормальный мужик, делай свою работу, и пропади оно все пропадом! – воспитывал Филипп от электроплитки. Взглянул на гостя – сидит и ухом не ведет. Выпили по стакану, зажевали.

Григорий Андреевич долго обдумывал, что другу ответить. Ведь не один же он видит безобразия, все видят, но молчат или судачат позауголью. Почему он встаёт и вслух говорит о том, что все знают? Не посчитают ли его дураком после этого или просто чудаком? Нет, вроде слушают и поддакивают.

– Филя, ты почему понять не можешь, что неправильно мы живём? Вот ты плотник, твоей работе цены нет, потому что с бревном – не с бабой, оно не пособит. Для совхоза дома рубишь, базы ремонтируешь. А чего тебе за это платят? И я тебе скажу: ровно столько, сколько прыщавой бухгалтерше в конторе. Разве так справедливо? Я, Филипп, как в партию вступил, стал специальные книжки читать и многое увидел совсем не так, как раньше. К примеру, читаю у товарища Брежнева, как и что должно быть с оплатой трудящегося человека: человек должен жить достойно, для этого и создавали советскую власть. Там, наверху, все понятно, а пока до нас доходит, все утрачено, вычеркнут и генеральную линию перевернут.

Филипп слушал молча, ему такие разговоры казались странными и ненужными, они ничего не меняли. А раз так – зачем говорить?

– Ишь ты! – возмутился Григорий. – Помалкивать, значит, а они будут жировать на нашем молчании. Филя, родной, пойми ты, что образовалась у нас в стране и у нас в совхозе такая (как бы тебе объяснить?), во! прослойка, которая вид состроит, что за народ и за партию, а думает только о своём животе.

– И что ты с ней собрался делать? – вполне серьёзно поинтересовался хозяин.

Григорий вздохнул:

– Ума не дам, как быть, не должно, чтобы кто другой, поразумней меня, этого не понял. Я вот думаю поехать в район к самому первому секретарю, он, когда мне партбилет вручал, сказал, что я рабочий класс, на мне партия держится, ну, не на одном конечно, чего ты лыбишься? Мол, надеюсь, что ты будешь настоящим коммунистом. Правда, он со мной на вы. А что такое настоящий коммунист? Я так понимаю: кто честно работает на благо, кто в семье достойно ведет сам себя, кто не уворует у государства и другому не даст, в случае чего выведет на чистую воду. Вот так вкратце.

Далеко уводят русского человека свободные кухонные разговоры о политике, ещё пара стаканов, и он уже ощущает себя хозяином страны, и все, кто крутятся под ногами, ленятся лишний раз литовкой махнуть, лишнюю копну сена на стог подать, кто вместо пахоты заглушит трактор и проспит смену в кабине, а утром отвернёт какой-нибудь болт и объяснит без зазрения, что из-за поломки простой случился – лоботрясы и умом дети малые. Вместо того, чтобы всем миром... Особо достаётся в таких случаях местному начальству, которое себе отдельные дома стало строить, на совхозных легковушках баб и семейства свои развозят, сенов не косят, а бескормицы не знают, бычков в совхоз на откорм сдают, а мясо со склада, да не по себестоимости, а как на общественное питание. Помаленьку выходят и на самый высокий уровень, начинают разбираться с кремлёвским руководством. Чаще всего ругают, что порядка нет, местные князьки выпряглись, живыми в руки не даются. И управы на них нет. Конечно, сразу вспоминают товарища Сталина.

– Да, суровый был мужик, но – иначе нельзя с нашим братом. И что ему досталось? Разруха, соха да евреи. Это же надо все разгребать. А тут Гитлер. После войны тоже добра мало, полстраны погорельцев.

– А Никита его взял и в грязи измазал за личность. Вот зачем, скажи, пожалуйста? Нет, Никита в вашей партии тоже много чего натворил.

– Филипп, что нагрязил, то правда, но вот уважаю Никиту Сергеича за сельское хозяйство, которое он первым увидал и об нем заботится. В Америку не поленился съездил, нагляделся, теперь вот у себя кой-чего пробуем. Но, скажи на милость, зачем он дедушку из мавзолея выбросил? Ну, нашли культ, обсудили, разобрали, выговор ему не объявишь, и пусть бы лежал. Народишко ходил, глядел, жалел, потому как при Сталине... А он выкинул. Нехорошо.

Друг к этому относился спокойно:

– Себе алтарь готовил, думал, помрёт, его всякой херней натрут и в музей.

– Мавзолей, сельпо!

– Пусть в мавзолей, и будет лежать, медальками придавленный.

Григорий покачал головой:

– Не любишь ты, Филипп, партию и её начальство, а это нехорошо. В своей стране живём.

– Да. – Сказал Филипп и выпил стакан браги.

2

Роман частенько возвращался из района поздновато, но знал, что жена его Маринка уже все управила. Глава сельской власти, хоть и имел приличную зарплату, но от домашнего хозяйства не отказался, держал корову с приплодом, парочку поросят, десяток овец, кур и гусей, гуси были с детства увлечением супруги. Все у неё получалось, посадит трёх гусих ранней весной, под каждую подкатит по одиннадцать яиц, тогда уж в доме запрещено курить, одеколоном пользоваться, в ботинках наваксенных заходить. И выйдут в один день, как в сказке, тридцать три жёлтеньких комочка, забота и забава хозяйки с детишками. Конечно, во дворе управа на мужчине, навоз вывезти, снег из ограды убрать, сена из стога накидать в запасник, чтобы даже десятилетний сын Бориска мог скотине разнести.

С Борисом получилось неловко. Рождение его совпало с двумя событиями, одно государственного масштаба, Ельцина избрали президентом, другое местного, ему, Роману Григорьевичу, бывшему совхозному парторгу, глава района Треплев Ермолай Владимирович предложил возглавить сельскую власть. В полупьяной эйфории от рождения сына и повышения и с поддержкой приехавшего по такому поводу районного начальника Роман записал сына Борисом. Под холостяцкую закуску выпили бутылочку коньяка. Вечером его поджидал у калитки отец:

– И как же ты сына своего первенца, внука моего единственного назвал, сукин ты сын! Именем Бориса, продавшего партию и советскую власть! Как ты мог, мой сын, упасть в угодники!? – И отец хлёстко ударил сына по лицу, тот ойкнул, захватился руками, но кровь пошла и через пальцы. – Забыли отцовское слово, сукины дети! Забыли, как в морду получать, ежели творишь неладное!? Переименуй завтра же, придёшь и доложишь.

Отец широким шагом пошёл к своему дому, сын долго останавливал кровь и дрожь в руках. Утром с постели поднял звонок, Треплев поинтересовался, как спалось одному, спросил, не заметил ли хозяин в доме чужой расчёски: – Неловко без расчёски, надо зайти, купить, да и в чужом доме такую вещь оставлять нельзя. Ничего, Роман, мне кажется, мы с тобой сработаемся. Ты с советами не лезешь, молодец. Есть новости?

Роман поделился:

– Ермолай Владимирович, вы же отца моего знаете, вчера мне выволочку сделал за имя для сына.

Треплев долго соображал:

– Что ему не понравилось? Как мы сына назвали?

Роман напомнил:

– Борисом, в честь президента.

Треплев опять задумался:

– И что тут такого? Борис есть Борис. Он что, не любит президента, он, поди, ещё и против президента голосовал?

Роман старался смягчить разговор:

– Ну, как он голосовал, я не знаю, а вчера крепко сказал: никаких Борисов в нашей породе не будет. Меняй имя.

– А ты что решил? – Треплев икнул.

– Не знаю, – несмело ответил молодой папаша.

– Зато я знаю, – оживился Треплев. – Сменишь имя – ищи работу и с моей стороны не жди внимания. Все. – И положил трубку.

Имя сыну менять не пошёл и к отцу на доклад не явился. Когда привёз Ларису из роддома, пригласил братьев, подошёл к дому отца. Мать вышла, видела, что сын побежал по родне, поняла: – Не заходи, Рома, не пойдём мы, отец сердит, в мастерской что-то колотит.

– Ты бы уговорила его...

– Рома, я в эти дела не лезу, да и он не любит. Отгуляйте, может, отойдёт.

Но Григорий Андреевич с того дня не замечал старшего, мимо пройдёт – как рядом с пустым местом, ни скажет, ни спросит. Зная отца, Роман назло не лез. Замирило их горе, когда вдруг потеряла сознание Лариса, и в районную больницу прилетали на вертолёте врачи из области, сутки с ней возились, только этим и спасли. У постели больной дежурили посменно, отец молча пришёл и бросил сыну:

– Иди, поспи, я сутки пробуду.

С тех пор кое-как восстановились отношения, но что-то все-таки между отцом и сыном было, Роман это чувствовал. Однажды за столом, когда всей большой семьёй отмечали Новый год, Роман подсел к отцу:

– Папка, объясни, ты почему такой стал?

– Какой? – уточнил Григорий Андреевич.

Сын стушевался:

– Чужой какой-то. В чем моя вина, скажи.

– Скажу, коли сам напросился. Мне эта власть не по душе, я секрета не делаю, а ты на моей родине и есть эта власть. Вот как мне людям в глаза глядеть и чего говорить, если вы все изнахратили, обе-

щали золотые горы, про крестьянство наплели, народ вроде кинулся, а там шиш с маслом. Пособия люди месяцами не получают, пенсии тоже. Что это за власть, если она человека не видит?

Роман молчал. Да и что он мог ответить человеку, всю жизнь отдавшему сначала колхозу, потом совхозу в родной деревне, а при ликвидации получившему пять гектаров неизвестно где находящейся земли да «долю» в рублях, а те рубли в технике и скотобазах, которые в несколько дней приватизировали толковые мужики. Правда, среди удачливых оказался брат Никита, работавший в совхозе главным агрономом, его мужики пригласили возглавить крестьянское хозяйство, в которое сволокли все свои паи и доли в конкретной земле и технике. Получилось, что центральное отделение стало самостоятельным кооперативом, а Никиту стали именовать председателем. И над названием не долго думали, раз совхоз был «Кировский», значит, и кооператив таким должен остаться. На этом настоял отец, он член-пайщик, присутствовал на собрании.

Когда стали разбираться со структурой нового хозяйства, Никита вдруг предложил отказаться от животноводства:

– Вы все знаете, что молоко и мясо почти всегда были убыточными, но то государство давало дотации и покрывало убытки, а сейчас ждать нечего, каждый живёт, как может.

Старший Канаков спросил с места:

– И какие у тебя предложения? Коров разобрать по дворам, как после войны? Или на колбасу и завтра же создать изобилие?

– Но другого выхода нет, Григорий Андреевич, – развёл руками сын.

Григорий встал:

– Тебя какой подлец этому научил? Ты же вечно деревенский, деревня всегда на корове выезжала, да корову впору русскому человеку священным животным сделать, как в Индии, а ты под нож! Ты сейчас рассуждаешь, как Гайдар с Чубайсом: это выгодно – наше, это убыточно – в расход. Если бы коммунисты так рассуждали, нам бы никогда из разрухи не вылезти. Ты теперь наш руководитель, должен свою голову на две половинки разделить, пусть одна экономит, а другая следит, чтобы от этой экономии людям польза была. Вопрос о скотине надо снять, он глупый и вредный. Новому председателю объявить внушение, чтобы обдумывал впредь свои предложения.

– Верно сказал, Григорий Андреевич, – встал с места Иван Лаврентьевич, когда-то лучшим механизатором был в совхозе. – Я по части скота поддерживаю. Ликвидируем, а людей чем занять, баб, то

есть женщин? Никак нельзя без скотины. А ещё вношу: ввести в правление Григория Андреевича, для порядку.

Народ зашумел:

– Верно!

– Избрать!

– Тут мы дали маху!

Пришлось вставать, за добрые слова поблагодарил, но сказал:

– Для правления и одного Канакова достаточно, а коли я есть отец и член партии, то контроль обеспечу, в чем и ручаюсь.

А когда первый урожай собрали, приехали перекупщики, молодые ребята на иностранных машинах, правда, изрядно поношенных. Зашли в кабинет, в котором в бытность парторгом сиживал брательник Роман, сели вокруг стола:

– Наше предложение такое: мы прямо у тебя в складах закупаем все товарное зерно, конечно, проверим качество, цена вот такая. – Старший написал на бумажке цифру и показал Никите. Тому цифра не понравилась.

– Нет, мужики, по такой цене отдать зерно – голыми останемся. Что я людям скажу?

Гости засмеялись:

– Ты о себе думай, начальник, а о людях партия и правительство позаботятся. Имей в виду, я пошёл по мизеру, могу накинуть, причём с каждой тонны тебе копейка отдельно. Ладно, если цены будут, а если спроса не окажется, мы же не одни работаем, все связано, не будем брать зерно, и сиди с ним до весны. А людишки требуют, ребятишки голодные, женщины в пустые кастрюли колотят. Тогда как?

У Никиты ладошки вспотели, воткнулись в мозг слова о копейках, которые ему с каждой тонны. Гонит мысль, а она упрямо крутится. Сказал сломавшимся голосом:

– Назовите свою окончательную цену.

Старший опять пишет на листочке:

– Но это вместе с бонусом. Тебе сколько с тонны? Мы можем сейчас выдать, авансом, под расписку, правда, баксами, деревянных не держим. А остальное – как только зерно заберём, сразу фирму закроем, нас нет. Так что никакой проблемы.

Старший открыл дипломат, отсчитал нужную сумму, постучал по столу: расписку! Никита взял лист бумаги.

– Пиши: получено наличными от предъявителя... сколько там? Сумму прописью. Все, хлеб наш, деньги привезём, когда машины пригоним под зерно.

Гости поочерёдно пожали Никите руку и вышли. Он открыл ящик стола и сгрёб туда деньги. Было стыдно и страшно. Выглянул за дверь – никого. Сложил деньги в папку с бумагами, которые всегда возил с собой и вышел.

Так опустился первый раз, позорно, стыдно. Была даже мысль сдать завтра в кассу как аванс от покупателей, но папку открыл, посмотрел на зелёненькие бумажки и сник. Жене ни слова, спрятал в ящике для ружья, она туда не лазит.

3

Самый младший, Прохор, после института остался было в городе, открыли фирму, у отца денег занял для учреждения, сказал, что с первой сделки вернёт. Григорий Андреевич усмехнулся: «На том свете угольками...» Но вышло ещё проще: на первой сделке ребят нагрели, Прошку поставили на счётчик, с чем он и явился в родной дом.

– Ты мне по-человечески можешь объяснить, какой такой счётчик? Что ты такое натворил? Выкладывай, я все равно дознаюсь, – грубо спросил отец.

Сын неумело выкручивался:

– Попали мы, папка, на бандитов, они и товар забрали, и денег не дали, да обложили данью, надо к двадцатому привезти аванс, а к первому числу всю сумму.

– И сколько?

Прохор сказал. Отец ударил в стол кулаком:

– Подлец! А ну подойди сюда поближе. – Прохор сделал шаг вперёд, отец щёлкнул его по щеке: – Это тебе аванец. Щёлкнул по другой: – А вот это – получка! Куда ты с русской мордой полез в коммерсанты, ты посмотри, какой там народ, по телевизору показывают – нет там ни одного русского, кроме тебя, дурака. Вот и проучили. Пошёл вон, будешь у Никиты скотником работать, это тебе самое то, станешь первым скотником с верхним образованием по федерации вашей.

Отец не знал, что Никита дал брату денег и тот съездил в город, погасил долг. Не с руки было Никите родного брата в скотники определять, пошёл к Роману за советом, и тот вспомнил о давнем товарище по партшколе Юрочке Пирожкове, умнице, остряке и гуляке, который вместо партийной работы пошёл в торговлю и вскоре стал заведующим огромной продовольственной базой, занимавшейся снабжением Северов. У Юрочки перед праздниками все друзья машинами закупали деликатесы для себя, знакомых и даже для детских подарков

от профсоюза. Недавно говорил с ним по телефону, все передряги пережил, удержался, Москва базу приватизировать не даёт, частники могут так вздуть цены на продукты, что все нефтяники разбегутся.

– Вези своего брательника, познакомимся, договоримся.

Прохор Юрочке понравился, прошлись по складам, шеф советовал присматриваться, с каких товаров начать, чего в вашей деревне нет.

– У нас село, – поправил Прохор.

Юрочка раскатисто засмеялся.

Пришлось Роману поездить в район, поуговаривать то одного, то другого чиновника, в конце концов, оформили в аренду закрытый год назад сельповский магазин, большой, кирпичный, ещё с купеческих времён лавкой был. Все трое пошли к отцу. Матрена Даниловна, увидев сыновей, поняла, что серьёзное дело пришли обсудить, кивнула: «В горнице он», сама принялась собирать на стол.

– Здравствуй, папка, – почти хором выговорили мужики, отец повернулся от стола, отложил газету. Роман заметил: «Советская Россия», советовал же не выписывать, в органах все подписчики на учёте. Оглядел сыновей, отложил газету, предложил:

– Ну, размещайтесь кто куда, раз пришли. У кого что стряслось?

– Почему обязательно стряслось? – Недоуменно спросил Никита.

– Дак вы же по другому поводу не ходите гуртом, если вместе, стало быть, серьёзное дело, а в наше время серьёзное дело непременно неприятность, так что я готов, излагайте.

Говорить было поручено Роману:

– Мы знаем, папка, как ты переживал, когда Прохор попал в неприятность. Мы это дело закрыли, сейчас у тех ребят к нему претензий нет. Но надо же парню чем-то заниматься, да и не мальчик, жениться пора, а то один в доме, как этот...

– Ромка, я тебя ещё в парторгах учил: отвыкай в речах большой разбег делать, говори суть дела, а то, пока ты последние слова говоришь, я первые уже забыл.

– Хорошо, – кивнул Роман. – Есть возможность открыть продуктовый магазин, помещение арендовали, с торговой базой договорились. Мы предлагаем, чтобы этим делом занялся Прохор.

Григорий Андреевич скинул очки, солнечный зайчик испуганно прыгнул от них на стенку:

– Прошку – в торгаши!? Как вам это только в ум пришло, чтобы Канаковы за прилавком карамельками торговали и деревенских баб обсчитывали? Ловко придумали! А я-то думаю, что Прошка на фер-

му каждое утро уходит, общественно полезным трудом трудится, а он пола в магазине моет, в торгаши готовится! Вот что я вам скажу, ребята: из вашего рая не выйдет ничего.

И тогда Роман вынул туза козырного, специально уговорил девчонок в архиве, чтобы такую справку выдали:

– Папка, а ты напрасно торгашей за людей не считаешь, я вот специально в архив ездил, несколько дней в бумагах рылся, а все-таки нашёл, что прапрадед наш в начале девятнадцатого века числился по купеческой части и имел три лавки в волости. Вот, почитай.

Григорий Андреевич взял бумагу, точно, районный архив, «Канаков Демид сын Иванов в ревизских сказках за ... годы числится по купеческой части, налоги в казну вносит исправно, владеет тремя лавками...» Печать, подписи.

Григорий Андреевич повертел бумажку, посмотрел на сыновей:

– А скажи, Роман, отчего тогда отец мой был крестьянин, а не купец?

– Какой же он крестьянин, если земли имел три сотни десятин, ты же сам говорил, да скота своего сотню и неизвестно, сколько перекупал у киргизов петропавловских? Возможно, просто сменили бизнес.

– Чего сменили? – не понял отец.

– Род занятий, – неумело поправился Роман. – Так что Прохор просто вернётся к тому делу, которым когда-то наши родичи успешно занимались.

Григорий Андреевич ещё раз повертел в руках бумажку, положил её на стол и спросил:

– Какой магазин оформили?

– Каменный, бывший хозяйственный.

– Хорошее место, людное. Но сам за прилавок не лезь, найди девчонок поприличней. Обожди, я про главное-то упустил: а на какие вши ты собрался товар закупать? Теперь ведь фондов нет, по доверенности не получишь, кончился социализм.

Никита подсел поближе к отцу:

– Сейчас, папка, есть такая форма отношений как дача товара на реализацию. Мы же в своём хозяйстве даём хлеб, мясо с последующим расчётом. Так и Прохор будет работать, пока на ноги не встанет. Конечно, мы с Романом на первых порах поможем деньгами. Что ты нам скажешь, папка?

Григорий Андреевич долго молчал, посмотрел на Прохора: вчера был ребёнком, из института приезжал, как будто праздник привозил, и вот в торгаши собрался. Торгаши уже есть в селе, народ иначе

как спекулянтами не называет, потому как цены такие, что дешевле в район съездить и купить. Опять же за куском мыла да кульком сахара не поедешь, вот и давят из бедного крестьянина...

– Не хочу я, чтобы и про нас такие разговоры были на селе, как про Инночку со Светкой. И бумажку, Роман, ты напрасно привёз, не было у нас в роду торгашей, не должно быть. Но, коли дело так повернулось, то я даю согласие, но на условиях. Первое: водкой не торговать. Не дам народ спаивать. Второе: если увижу, что продаёшь дороже, чем кто другой, – лавку прикрою. Позора не потерплю.

Никита вскочил:

– Да сегодня деньги только на водке и делают, папка, как ты не поймёшь!? На карамельках, как ты сказал, прибыли не будет.

Григорий Андреевич тоже резко встал:

– Дак вы о прибыли в первую очередь думаете? А я думал – брата пристроить к делу, чтоб не болтался, и чтобы отец на ферму, в самом деле, не проводил. Моё слово последнее, а кто против, тот свободен, я тоже в ваших спекулянтских делах не большой охотник разбираться. И бумажку вы эту зря выхлопотали, вранье это. Все.

Братья вышли, не попрощавшись, потом Роман вернулся, кивнул маме, что все нормально, а то будет беспокоиться, отец ведь ничего не скажет. Зашли к Роману, сели за стол под развесистой яблоней.

– Итак, что будем делать? – Роман выжидающе посмотрел на Никиту.

– А что ты на меня смотришь. Отец же сказал...

Роман аж привстал, наклонившись к братьям:

– Старик из ума выживает, неужели не видишь? И сколько мы будем на поводке ходить? И когда это кончится: чуть что – в морду. Мне четвёртый десяток, сельский глава, а он в рыло.

Никита хохотнул:

– Да тебя он не тронет, это нам с Прошкой перепадает.

– Не тронет? Да на прошлой неделе у самого носа его кулак поймал! Сказал ему, чтобы он на партсобраниях поменьше выступал, ну остался коммунистом – это твоё дело, но меня же Треплев за его пропаганду предупредил, могу вылететь, вот в очередные выборы наберут большевики треть голосов – пойду с Прошкой торговать.

Прохор оживился:

– Вы все про политику, а как быть с торговлей? Без водки, в самом деле, навар не тот, ну по ценам легко всех обойдём, потому что я переписал на базе – крутить можно половину. Девчонок я присмотрю,

чтоб посимпатичней, не старье же собирать. Никита, ты помоги мне договора составить на оплату и ответственность.

– Помогу. Только ты вот что имей в виду: тебе налоги платить, отчётность и прочее. Я подошлю своего человечка, он тебе объяснит, как и что. И в договорах указывай зарплату в пределах минималки, остальное будешь в конвертах, как говорят, выдавать. И не обещай золотых гор, больничные там, декретные, отпуска.

– А как?

– А так, Проша, ты слышал, папаша сказал: социализм кончился.

4

К Роману Григорьевичу для подготовки к выборам приехал чиновник областной администрации, Парыгин Георгий Иосифович, аккуратный брюнет очаровательной наружности с выраженным желанием всеми руководить. С первой встречи Роману он не понравился, но уполномоченных не выбирают. Беседу за рабочим столом он начал с того, что Роману не надо беспокоиться о выдвижении кандидатов и всю свою деятельность сосредоточить на активной работе по линии своей партии, не давая возможности для пропагандистов и агитаторов других партий и объединений, в то же время делая вид, что перед законом все равны, в том числе и перед избирательным. Роман кивнул, но вспомнил, что в прошлые выборы, то ли президентские, то ли думские, он получил выволочку от Треплева за то, что разрешил коммунистам провести встречу с избирателями в Доме культуры:

– Ты бы для них ещё посиделки организовал с пением революционных песен.

Роман недоуменно пожал плечами:

– Ермолай Владимирович, а как я мог им отказать?

– Просто! Проще пареной репы! Перекрыть отопление накануне – сами откажутся. Назначить на это время репетицию драмкружка. Отключить электричество. Видишь, сколько возможностей, и это я сразу, без подготовки.

Уполномоченный оживился:

– Прав Ермолай Владимирович, он хотя и партработник в прошлом, но суть нынешних перемен схватывает на лету. Видимость, дорогой Роман Григорьевич, чистейшей воды видимость равных прав и возможностей, а на самом деле жёстко перехватить глотку всем, кто рвётся к власти, кроме своих.

Роман хотел уточнить, что Треплев партработником никогда не

был, просто на финишной прямой КПСС, когда уже все было ясно, и ядреные секретари райкомов уже подбирали места понадёжней, на открывшуюся вакансию второго секретаря друзья и двинули Ермолая Владимировича по его просьбе. Потому что колхоз, который ему доверили несколько лет назад, уже стоял на карачках, и перспективы там не было никакой. Через год партию прихлопнули, но Треплев уже обзавёлся связями в области и через несколько лет вернулся в райкомовский кабинет, но уже главой исполнительной власти. Хотел уточнить, но передумал, потому что боялся, откровенно боялся, что несколько лет работы парторгом ему могут припомнить и турнуть с должности. А куда пойдёшь? Не иначе, как к Никитке скотником.

– Вам надо собрать команду молодых людей, чтобы они за скромную плату чистили заборы. Что вы на меня смотрите? А, термин не понятен! Убрать все агитационные материалы наших противников! Ни одного портрета, ни одного призыва! Для встреч с избирателями мест приличных не давать под разными предлогами, а лучше избегать контактов с их представителями: уехал, занят, заболел.

Роман хотел возмутиться, но испугался своей дерзости и только пожал плечами:

– Задачу я понимаю, Георгий Иосифович, вот только встреч с населением боюсь, вопросов уйма, а ответ один: нет денег. Вы только посмотрите: детские не платим, бюджетники по три месяца ни копейки не видят. Трудно с людьми говорить.

Парыгин снисходительно поморщился, встал, закурил сигарету из красивой пачки («Кент», успел прочитать Роман), встал у стола, медленно привставая на носки дорогих ботинок. «Дыбки делает» – не к месту вспомнилось, как в деревне называют это движение ребёнка, который собирается сделать первый шаг в жизни.

– Дорогой Роман Григорьевич, я направлен в ваш район для обеспечения победы наших кандидатов. Вы меня провоцируете на откровенность – что ж, я скажу. Выборы мы выиграем, нам сейчас только этого недоставало, чтобы власть выбирало это быдло, не умеющее работать, умеющее только пить и бузотерить. Ваши селяне или сельчане – как правильно? – свергли бы и вас, и Треплева, потому что им нужна советская власть, аморфная, проедающая национальное достояние, поощряющая бездельников и установившая всем одинаковую зарплату, на которую, извините, можно обновить только фуфайку. Мы же создаём общество, в котором каждый человек свободен, волен делать все, что позволяет закон. К этому стремится все челове-

чество, а наш электорат надо убеждать. Да пропади она, эта агитация и пропаганда! Мы взяли власть, и мы теперь её никому не отдадим!

Роман слушал и боялся возразить, хотя слова ловил уже на вылете. Мелькнула мысль, что в партийные времена не было столь страстных ораторов, просто необходимости не было напрягать голос и рвать сердце, люди и так все понимали. А тут... Георгий-то Иосифович, считай, почти на броневичке. Ему бы чуть прикартавливать – цены бы не было!

– Роман Григорьевич, я только что вернулся из столицы, было довольно узкое совещание в администрации президента, достаточно сказать, что от области я был в единственном числе! – Парыгин многозначительно поднял указательный палец. – Ребята в администрации нацелены так далеко, как вам и не снилось, они видят Россию завтрашнего дня, с заводами–автоматами, с уникальными технологиями в сельском хозяйстве. Мощная банковская система, способная инвестировать в объекты любого масштаба. Мы сравняемся и сроднимся со Штатами, и тогда никто в мире пикнуть не посмеет против России.

Роман тоже встал, достал и прикурил свою «Приму», подошёл к книжному шкафу, нашёл статистический справочник за 1982 год:

– Я с вами спорить не стану, только страной, против которой никто и пикнуть не смел, мы уже были, и, как видите, счастья это нам не принесло. Вот тут, – он показал книгу, – статистика по стране. Я когда-то готовился в аспирантуру, подковывался, но потом все пошло наперекосяк, а книги остались.

Парыгин сел на сильно продавленный диван, оставшийся ещё от парткома, положил ногу на ногу, довольно картинно. Посмотрел на собеседника и засмеялся:

– Дорогой Роман Григорьевич, да вы так и остались большевичком, президента не любите, у вас даже портрета его нет, нынешнее время называете перекосяком, голосовать собираетесь за коммунистов...

Роман бросил на стол книгу:

– Я бы просил не передёргивать, Георгий Иосифович, а если на то пошло, то это моё личное дело, за кого буду голосовать. И портрета президента у меня нет, потому что Треплев не дал, так и сказал, что у Канакова его все равно снимут.

Парыгин устало махнул рукой, опять сел на стул. Роман заметил, что у гостя дёргается веко на правом глазу, тот даже несколько раз прижимал его незаметно платком:

– Действительно, это ваше право и ваше дело, за кого будете голо-

совать. Только я вас на берегу хочу предупредить: мы вас в свою лодку не пустим! Решительно! – Голос его зазвенел и набряк угрозой. – Мы в результатах выборов, в тех протоколах, которые вы привозите и тщательно переписываете для районной комиссии, на цифры будем смотреть, перед тем, как выбросить этот бумажный хлам, только для того, чтобы определить, наш человечек сидит в самом низу вертикали или казачок засланный. Надеюсь, вы меня понимаете? И не вздумайте чудить. Я приеду к вам накануне голосования, уж больно вы меня заинтересовали. Говорят, у вас папаша в компартии состоит?

С трудом удержал себя Роман, кулаки сжал, но голосом не выдал:

– У нас, господин Парыгин, отцов папашами не зовут, за такое и на площади высечь могли в былые времена. И тоже, представьте, его право, мне он партбилета не отдаст.

Парыгин аж вскочил:

– А вы сами, дражайший Роман Григорьевич, к какой партии принадлежите? Нет-нет, про коммунистические убеждения я уже понял. А формально, как представитель власти? Вы в нашей партии состоите?

Роман кивнул.

– Я проверю. И вашу финансовую поддержку партии тоже посмотрю. Проводите меня до машины.

Уже из салона стального цвета «Форда» с нулями на номерных знаках он улыбнулся:

– Вы даже представить себе не можете, как я доволен нашей встречей, самим её фактом. Вы редкое явление для нашей системы управления. Сегодня вечером буду говорить с Анатолием Борисовичем, расскажу, чем Сибирь радует, то-то повеселится мой московский друг.

5

Прохор в торговлю ушёл с головой, взял у брата в хозяйстве грузовичок с тентом и сам ездил на базу к Юрику, который сразу предупредил:

– На людях зови по отечеству, Юрием Алексеевичем, а в кабинете или ещё где просто Юриком, так мне нравится.

В магазине полки сколотили из хорошо строганых досок, прилавок, холодильники и морозилку купил у того же Юрика по сходной цене. Две молоденькие девчонки, сестры-двойняшки, Галя и Валя, только что школу окончили, в институты ехать – нет таких денег, и работы в деревне никакой. А тут услышали, что Канаковы магазин открывают, отправили отца к старшему, Григорию Андреевичу, они хоть и не ровесники, но работали вместе и по сию пору здороваются.

– Будь здоров, Григорий Андреевич. – Гость открыл калитку и остановился, увидев хозяина.

– Ты ругаться пришёл, что ли, в воротах стоишь. Дак я не в том духе сегодня, чтобы чубы рвать. Заходи. Или сразу в дом? Дело какое или просто покурить? Говори, Артюха, не стесняйся.

Прошли под навес, сели на плетёные кресла, любил из прутиков красоту вить старший Канаков. Артём осмелел: – А нам какого рожна сомущаться, мы не воры и не разбойники, честно жили и так бы продолжали, если бы не пятнистый.

– Артём, ты меня избавь от такого разговора, а то я опять ночь спать не буду.

– Понял, молчу. Прослышал я, Григорий, что вы с робятами магазин начинаете.

– Стоп! Это кто тебе такое сказанул, что я в этом магазине участвую?

Артём оробел:

– Не то сказал, не серчай, хотел попросить тебя девок моих пристроить. Надо, чтоб они за зиму какую копейку заработали, чтобы поступать ехать, а там будем как-нинабудь извёртываться. Школу прошли, обе как ударницы, а дальше некуда, средствов нет. Было на книжке, все копил, думал учить их в городе, а оно вишь как, скукарикали денежки... Ну, понял, не будем об этом. А про девок мне с кем дело иметь?

Григорий Андреевич помолчал, соображая, как ему себя повести. С одной стороны, к торговле никоим образом приклеиваться нельзя, с другой – Артёму помочь надо, куда он пойдёт? И Прошка тоже не сообразит, может и отказать:

– Давай так, Артём Сергеич, я вечером с сыном переговорю, а ты утречком забеги. Чай пойдёшь пить?

– В другой раз, спасибо, Григорий Андреевич, на добром слове.

Вечером отец пошёл к Прохору. Не славно, конечно, что мужик уж настоящий, а все один, хозяйки в доме нет, только мать на стол наставлять начинает, Прошка уж тут, без спросу, без приглашения. Раз не утерпел Григорий Андреевич, ложку положил:

– Обожди, Прохор, пусть суп остынет, больно горяч.

Хозяйка сунулась с объяснением:

– Дак с плиты сняла, оттого и горяч.

– Я, кажись, не с тобой. Прохор, я гляжу, тебе такая жизнь глянется, выспался неизвестно с кем и где, натетёшкался, вынежился, у отца в доме без приглашения за стол упал, наелся и вперёд. Ты только что в туалет ко мне не ходишь.

Мать аж всплакнула:

– Отец, да разве объел он тебя?

Григорий стукнул кулаком по столу:

– Ты способен на вопросы отвечать или мать за тебя будет отдуваться? А ты не встревай, не доводи до греха! Или тебе, сынок, подзатыльник вломить, чтобы в сознание вошёл? Я хочу знать, собираешься семью заводить или нет? Если нет – дом продам к чёртовой матери и деньги Зюганову отправлю.

– Отправляй. – Прохор встал со стула.

– Сядь! – рявкнул отец. – Ишь, моду взяли, чуть что – в сторону. Сядь! И слушай меня внимательно, сынок, потому что я дважды повторять не умею. Если к октябрьским праздникам не соберёшься, я так тебя оженю, тогда уж точно век будешь отца помнить.

Прохор улыбнулся:

– Нету, папка, теперь таких праздников.

Матрена Даниловна и охнуть не успела, как Григорий хлёстко ударил сына по шее, встал, зашагал по дому из кухни в горницу, дважды прихватил макушкой верхний косяк, вовсе обозлился:

– Сопляк, в моем доме ест-пьёт, и мне же в оппозицию, праздников таких у него не стало! Утрись, не убил, я пока ещё не Тарас, – повернулся к жене. – Ишь, волю взяли, а кто тебе, дураку, образование дал? Кто матерь твою спасал, когда на эроплане хирурга привезли. Молчишь? Дак я за тебя ответствую: советцка власть. И при мне такие разговоры зажми, куда хошь язык засунь, но помолчи. Все, обед испоганил, засранец. Но слово моё помни. А теперь иди, я отдыхать буду.

В тот же вечер, после разговора с Артёмом, пошёл к Прохору. И не с руки, вроде, в дела сына вмешиваться, но опять же просьбу человека надо уважить, известно ему, каково сегодня содержать двух девок, да у Артюхи, кажись, акромя есть. Прохор или в окно увидел, или сердце подсказало – на крыльцо выскочил:

– Проходи, папка, давно не бывал.

Григорий остановился посреди большого двора – тишина и чистота, корова не замычит, поросёнок не хрюкнет, курочка не скудахчет – ничего нет, по-городски живёт сынок.

– Дело у меня к тебе. Ты Артёма Сергеича знаешь, в МТМ работал раньше, хороший мужик. У него две девчонки, двойняшки, запамятовал, как зовут. Окончили школу, а дальше некуда, финансы не позволяют. Так вот, был у меня сегодня отец, просил, чтобы ты их продавцами взял. Я обещал походатайствовать.

– Ладно, папка, я подумаю и скажу тебе.

– А чего тут думать? Надо помочь человеку, девки они должны быть смышлёные, мать их толковая женщина, Артюша-то поскромней будет. Так берёшь или нет?

Прохор помялся:

– Пусть завтра к девяти в магазин приходят, порешаем.

– У-у-у, мерзкое слово, и откуда ты их нахватался: «Порешаем», стратеги хреновы. И не вздумай отказать! – Повернулся к калитке и краем глаза заметил – колыхнулась шторина. «Губу раскатил: сыновье сердце учуяло! Баба у него в постели, вот и вылетел на крыльцо! Женить надо подлеца, того и гляди истреплется».

6

Дом Прохору рубили всей семьёй, когда он ещё на практику приезжал в совхоз под руководство родного брата. Старший Канаков лично ходил на склад, отбирал нужные плахи, тесины, все аккуратно укладывал в сторонке, звал кладовщика и велел замерить с точностью. Тот в первый раз заотнекивался, мол, забирайте, Григорий Андреевич, а я на ремонт фермы отпишу потом. После первого же такого предложения Канаков ловко поймал его за грудки, подтянул к себе и в самое лицо выдохнул:

– Ты кому такую мерзость предложил, рыло твоё немытое! Ты думал, раз сын мой тут председатель, значит, я могу себе семь тесин на гроб и без счету взять? Ишь, ты, расшиковались! Всех надо выводить на чистую воду! Я тебя чего-то не могу признать, ты не наш деревенский будешь?

Мужик отряхнулся, на всякий случай на шаг отступил:

– С Казахстана я, жена тутошняя была, да не пожилось на новом месте, в прошлом годе убралась.

Канаков сообразил:

– Дак ты Любы Москвички мужик будешь? Помню её молоденькой ещё, все в Москву собиралась, вроде как приглашают её в артистки. Понятно, никуда она не уехала, так Москвичкой и осталась. А потом в Казахстан подалась. Да, слышал про твоё горе. Ну, ты не серчай, я тут погорячился малость, а кубатуру до грамма замерь, я проверю. И ещё ответь мне: отпускаешь без документов, бывает, что начальство велит? Говори, я все едино прознаю, хуже будет.

Мужик огляделся по сторонам и шёпотом почти на ухо:

– Прораб больше велит, он потом и концы сводит.

Григорий Андреевич хохотнул: – А директора ты не выдашь? Он у тебя ангел.

– Зачем буду на человека наговаривать? Новой раз черкнёт гумажку то на брусок, то на плаху человеку. Тогда отдаю, а так – нет.

– Ладно! После обеда подойду, накладную напишешь, я рассчитаюсь и вечером ребят отправлю на своей самоходке, заберут.

– Зачем? У меня вечером машины придут с паклей, загрузим и привезём.

Канаков хотел рявкнуть, но воздержался, только пальцем погрозил:

– Ну, ты меня ещё поучи!

В серванте он безжалостно выбросил из ящика годами хранящиеся вилки, ложки и ложечки, чайные ситечки, бронзовые подстаканники, которые ещё на свадьбу им с Матрёной подбросил кто-то из родственников. Навалил полную коробку и позвал жену. Та со слезами села на стульчик:

– Гриша, и чем оно тебе все помешало?

– Не помешало, а всякая лишняя вещь в доме атмосферу портит. Но это я кстати. Весь этот хлам, будь моя воля, вывез бы на помойку и не ахнул. Но ты же под колеса ляжешь. Потому прошу указать, в какое место поставить коробку, чтобы ты при случае могла выволочь на стол вот эти подстаканники и потосковать. Мотенька, их уж лет тридцать не пользуют, отдай в школу, говорят, там музей собирают.

Матрена брала по одной вещи из коробки и чуть не плакала:

– Гриня, вот эти рюмки нам подарила матушка твоя, вечная ей память! Они старинные, ты посмотри, какое стекло, как хрусталь. А ложки, Гриня, мы с тобой покупали в первый год, в город ездили, я беременная была Никиткой, ты ещё шофёра ругал, что трясёт на кочках. А стаканчики, стаканчики, Гриша, ты же привёз, когда в Москву на выставку ездил. Тогда такие тонкие мало у кого были, мы любили из них морс пить и молоко парное. Неужто тебе не жалко такую память выбрасывать?

Григорий приобнял жену и вдруг подумалось: когда же я её вот так просто обнимал? И стало неловко, стыдно за себя:

– Мотюшка, ты не серчай на меня, я же не со зла. Конечно, надо сохранить, потом будешь внукам и правнукам показывать. Это же только нам с тобой дорого, позови любого из внуков, засмеют нас с этими стекляшками. Ящик мне нужен для документов. Все квитанции на Прошкин дом в папке, уже вываливаются.

– И к чему ты их хранишь?

– Не хочу потом глазами перед народом моргать, когда спросят, на какие шиши дома понакатал, Григорий Андреевич? Вот тогда-то я бумажки эти и выложу, как козырных тузов.

Матрена все любовалась посудой, протирала фартуком залежалое стекло, помутневшие тяжёлые вилки и ложки. Подняла глаза на мужа:

– Кто с тебя спросит, кому это надо? Два дома поставили, и никто ни разичку ни одну бумажку не стребовал.

Григорий даже обрадовался:

– Потому и не вязнут с ревизий, что знают: у Канакова в учёте полный порядок, он сам кого хочешь на чистую воду выведет. Куда приданое твоё поставить? Может, в подпол спустить, там у меня на полках места много.

7

Как-то зимой привёз Никита отцу путёвку в пансионат для пожилых людей. Время послерождественское, морозы завернули настоящие, ночи звёздные, чистые, тихие, днём чуть дымкой подёрнется горизонт, и три солнца образуются на промёрзшем небе. Григорий Андреевич хоть и крещён был, но веры не знал, в церкви ни разу не бывал, а вот такие явления его смущали. Слышал где-то, что сие бывает к худу. Под худом все понималось самое нежеланное, он все вспоминал деда своего Корнилу, как тот рассказывал домашним:

– Сплю я на спине, это привычка детская ещё, потому и храплю столь сильно, что вынужден уйти в избушку. А по-иному не умею, лягу на бок – жмёт, на другой – упеть неловко, на брюхе спать нельзя, из всякого зверья только свинья на брюхе спит. Ну, вот ночесь сплю вроде и не сплю, потому как есть кто-то в избушке, акромя меня. Чуть полежал, вроде курнулся, а он меня за шею ручищами ухватил и душит.

– Кто? – выдохнула молодая сноха, а сама со страху едва на ногах держится.

Дед Корнила перекрестился и говорит тихонько, как бы одной снохе своей:

– Это, дочка, не след вслух произносить, но тебе скажу: дедушка–суседушко приходил.

– Чей, дедо? – спросил младший внук.

– Ну, знамо, наш, нашего дому хозяин. Я, когда дом этот поставил, а до того мы со старухой, ей тогда и осьмнадцати не было, вот в такой же избушке при тятином доме жили. Никто, конечно, не прогонял. Сами изъявили, потому как молодняк, один грех на уме. Вот и поставили мы с тятей дом, он большой хозяин был и дом заказал ру-

бить о двух етажах. Два года только на молитву останавливались плотники да на паужну, потому как с лесом робить, это не из чашки ложкой, а труд шибко трудной. Когда дом готов, освятил его священник, и надо в дом вперёд всех приглашать хозяина, суседушку. Тут и вышла у нас с тятей разногласия: если я поведу дедушку, в отцовском-то дому кто останется? Так не положено. И тогда старики сказали: «Корнила, бери икону, кланяйся в своей избушке во все углы и приглашай суседушку, уж коли вы тутака с женой прожили уж больше года, должон у вас завестись свой хозяин». Я и пал на колени: «Дорогой мой хозяин, выстроил я тебе хоромы великие, не чета этой избушке, приглашаю тебя в тот дом хозяином и буду всякий раз пишчу и питие всякое ставить тебе в подполе». Слышу, где-то скрыпнула плаха, пошёл тихонько к дому, дверь отворил и жду. И что вы скажете? Прошёл мимо меня, даже ветерком охватило, крышкой сбрякал и в подполье. Так с тех пор и живем. А как я в избушку ушёл, да и Лукерьюшку мою схоронили (царство ей небесное!), и стал он ко мне являться. Бывало, рядом сядет, надо, чтобы я чего-то рассказал. Я и сказываю всякие истории из жизни. Новой раз рукой проведу – тут сидит, и мохнатый весь, чисто тулуп вывернул и надел.

А душить он меня принимался не единожды. Подобно тому, гневается, что из дома ушёл. Я ему как-то и присоветовал, мол, коль изба маленькая, так ты направь ко мне внучка своего. В ту ночь он меня и прижал, да так тяжело, что я уж с белым светом прощаюсь. А надобно в это время спросить суседушку, к худу ли к добру?

– Как это спросить? – опять интересуется сноха.

– Дедушка–суседушко за просто так давить не станет. Значит, хочет чего-то сказать. Вот ты и испроси: к худу он к тебе пришёл или к добру? В этот раз я едва выговорил, он сразу отпустил и сказал ятно: «К худу!» Так и вышло. На другой день война началась с Гитлером, отец ваш Андрей Корнильевич ушёл и не вернулся...

...Вечером пошёл к Никите:

– Отдай бумагу доброму человеку, пусть едет, а я останусь дома.

Никита возмутился:

– Папка, я эту путёвку оплатил, она уже и заполнена на тебя. Чего ты заупрямился? Дома работы никакой, маме поможем, будем утро-вечер навещать. Да и срок там – две недели.

– Только две? Вот сволочи, и тут обманывают народ! Мотя, ты пять лет подряд после операции в Кисловодск ездила, на сколько дней?

А сам сыну кивает, дескать, слушай.

– На 24 дня. А у тебя?

– Да не у меня, а у них, у демократов, новых хозяев жизни: две недели! Попробуй, полечись!

Никита засмеялся:

– Ты же только что ехать не хотел, теперь тебе двух недель мало.

– Конечно, мало! День приезда пропал, день отъезда тоже пропал. Итого – двенадцать дней, ровно половина от советской путёвки.

Никита возмутился:

– Папка, да я тебя раненько утром на своей машине отправлю...

– Стоп! На какой это на своей? Мало того, что твоя жёнушка по выходным из неё не вылазит, так ты и отца родного хочешь в этот позор загнать? Машина не твоя, а совхозная, кооперативная, и шофёр совхозный. Зарплату получит и командировочные за то, что папашу начальника на курорт отвезёт? Да я пешком уйду, только избавь меня от этого!

Никита встал:

– Хорошо, я сам увезу тебя на личных «Жигулях» и оформлю этот день как отпуск за свой счёт.

Григорий Андреевич вскочил с места:

– Вот это правильно, молодец, сынок. И другие пусть видят и знают. Тогда я согласен.

В пансионат они приехали рано, автобус из областного центра, где собирались отдыхающие, ещё не пришёл. Никита договорился, что отца поместят в двухместный номер и соседа ему подберут спокойного и не очень старого, чтобы они могли поговорить. «Отец это любит», – добавил Никита и поставил с боку кресла регистраторши пакет с гостинцами. Та понимающе кивнула и велела помощнице проводить гостя.

Комната Григорию понравилась: стекла не застыли, видно двор, все ещё стоящую в центре высокую ёлку, тепло, есть горячая вода, душ, туалет.

– Ладно, Никитка, поезжай, маму успокой, что все в порядке. За Прошкой смотри, а то у него каникулы опять до майских праздников затянутся.

Через час в комнату постучали, вошёл мужчина средних лет, поздравствовался, представился Николаем, познакомились. Разложил свои вещи, вынул из сумки икону, поставил на свою тумбочку.

– Григорий Андреевич, вы не против иконы?

Григорий пожал плечами:

– Да нет, не против.

– Вы, должно быть, крещёный человек, судя по возрасту?

– Говорила бабка, что крестили, но на том все и остановилось.

– В церковь не ходите? Хотя бы просто так, из интереса.

Канаков кашлянул: вот послал бог соседа, пожалуй, из секты, их много теперь развелось, он читал в «Советской России». Сам для себя решил: начнёт дальше гнуть свою линию, вроде как вербовать – попрошусь в другой номер. Искоса поглядывал – нормальный мужик, бородка аккуратная, волосы длинные. «Э-э-э, – подумал Григорий, – дорогой, а не поп ли ты?» Решил выяснить сразу:

– Вы, конечно, извините, если что не так, вы, случаем, не поп?

Николай улыбнулся:

– Вы совершенно правы, любезный Григорий Андреевич, я православный священник, служу в небольшом храме в городе. Надеюсь, что мы подружимся.

Григорий опять кашлянул:

– Сомневаюсь, что мы с вами друзьями сделаемся, но, думаю, две недели друг дружку перетерпим.

Николай сел на свою кровать:

– Меня несколько удивляет ваша уверенность, что не подружимся. А что нам может помешать? Я не буду вас склонять к вере в Бога, ибо это или дано, или нет. Вот вы атеист, то есть не верите в Бога. Это ваше право. Я верю, и это моё право. В остальном, я думаю, мы найдём компромиссы?

– Чего найдём? – не понял Григорий.

Николай опять улыбнулся:

– Давайте так договоримся, Григорий Андреевич, мы здесь просто отдыхающие, будем принимать процедуры, гулять, насколько погода позволит. Вы не боитесь мороза?

У Григория чуть что-то резкое про мороз не сорвалось с языка, но вовремя поймал:

– Я крестьянин, мне морозы пережидать нельзя, каждый день управа со скотом, так что мы привычны.

– Тогда мы сойдёмся. Я перед Рождеством занемог, весь потерялся, едва Крещения дождался. Трижды окунулся во Иордани и, представьте себе, воспрянул.

Григорий вспомнил:

– Обождите, в Крещенье был сильный мороз, я даже скотину не гонял на прорубь, флягами воду возил и в бане грел.

– Стало быть, вы ни разу не купались в Крещение?

– Тонуть зимой доводилось, а чтобы сам – нет, не купался.

8

На второй день Канаков совершил обход пансионата, и уже через несколько минут у него появилось ощущение, что он когда-то тут бывал. Вот эта стайка берёз, одевшаяся в куржак, очень знакома, только почему-то берёзки стали выше и пушистей. И отвесный берег к застывшей под снегом реке тоже показался знакомым. А потом Григорий вышел на задний двор и улыбнулся: точно, бывал, дочка Никиты Лизанька была тут в пионерском лагере, а он за ней приезжал на новеньком «москвиче», только что полученном от ВДНХ за показатели по урожайности.

Пионерский лагерь новые власти прихлопнули, понятное дело: нет пионеров – зачем лагерь, Канаков вздохнул: сколько глупостей наворочали, прикрыли детскую организацию. Что в ней было плохого? Речовки про Ленина – уберите, если у вас аллергия на этого человека, но организацию оставьте! Как красиво ходили ребятишки строем да с песней на первомайском празднике, в День Победы. Любо посмотреть. Глядел каждый и радовался: такая смена растет, умные, красивые, нарядные. Он и тут, в лагере, налюбовался, как прощальную линейку проводили, сколько красивых слов сказали. Лиза всю дорогу дедушке рассказывала, как весело они жили, как вкусно кормили в столовой, какие костры они жгли на огромной поляне и песню пели: «Взвейтесь, кострами, синие ночи...»

В корпусе подошёл в дежурной, женщина немолодая, можно поговорить. Оказывается, она работала в том лагере воспитателем, он в восьмидесятые годы стал круглогодовым, тут ребята и отдыхали, и основные предметы изучали, чтобы не отстать от программы. А потом свернули, оставили только три смены летом, но через два года закрыли совсем, вроде бы купил его прокурор города, начали перестройку, собирались устроить базу отдыха для состоятельных людей. Один корпус даже перекроили на одноместные номера с двуспальными кроватями. Но кто-то вмешался, прокурора быстро перевели в другую область, а всю базу забрало управление социальной защиты. Вот, теперь пенсионеры в основном приезжают, потому что подешевле и лечение есть.

– Скажи, любезная, отчего путёвки такие дорогие? Ведь нельзя сказать, что тут такой комфорт.

Дежурная посмотрела на него внимательно, словно определяя, можно ли говорить, наклонилась через столик:

– Вам скажу, почему-то доверяю, что не продадите меня. База эта

частная, а хозяин – заместитель губернатора, и вроде как государство у него арендует.

Канаков покачал головой:

– И вывести их на чистую воду некому. Ладно, извините за беспокойство, пойду, погуляю перед ужином.

Тяжёлые думы теснились в его изболевшейся голове. Как могло случиться, что сменились люди у власти, и все пошло к смерти? И раньше менялись, умер один генсек, принимает второй, но в стране-то ничего не меняется! Заводы дымят, сев идёт и уборочная. Понятно, что кто-то соболезнует, жалеет, кто-то зубы скалит, такой огромный народ, всякие людишки попадают. А тут что? Откуда они взялись, эти чубайсы, березовские, поди, под тем же прикрытием, как и Бронштейн пробрался в Россию товарищу Ленину помогать революцию делать, только фамилию переправил на Троцкого. Если так, то и добра не следовало ждать. Опять же Ельцин. Был первым секретарём в Свердловске, говорят, ещё тогда талоны на мясо вводил. Нихрена область не работала, а он погуливал. А потом бац! – в ЦК, потом на Москву. Разве не видели, что он за птица? Почему я за день могу определить, будет из парня механизатор, или так, только рычаги дёргать, а они там такой мощной компанией, всем политбюро – не разглядели. А может, не хотели разглядеть, может, знали, что за кот в мешке? Специально поближе к центру перетащили, чтобы в нужный момент вытолкнуть на танковую броню. Нет, не хватает ума, чтобы объять все эти события. Тут бы в своих домашних не запутаться. За Никиткой нужен глаз да глаз, у такого корыта его посадили, все в руках, а хватит ли духу это испытанье пройти? Ромка тоже нарасшарагу стоит, Треплев его сломит, и ляжет под него сынок, будет исполнять барскую волю, а народишко – как хошь, так и живи. Прошкина торговля поперёк горла Григорию Андреевичу, и вся жизнь его вольная. Женить его не удастся, он волю зачуял, теперь при деньгах, больше в городе трётся, да и тут потаскивает каких-то, народ видит. Лишь бы на тюрьму не наскочил с какой-нибудь лярвой, обвинит в насилии, трусики в целлофаном пакете в прокуратуру притащит, и останется Прошка голяком, а то и поедет тайгу допиливать.

9

Вечером заговорил с Николаем:

– Я тут карточку вашу случайно посмотрел, вы, получается, совсем молодой человек, в сыновья мне годитесь. Вот вы про веру говорили, это я понимаю, у меня тоже есть своя вера, я коммунист. Во

что я верю, мне все понятно: все люди равны, все люди братья, надо честно трудиться на благо общества, и общество тебя отблагодарит достойной пенсией, вот этой же путёвкой, только тогда, при социализме, она стоила копейки. Коммунисты хотят счастья для всех людей на земле. Вот моя вера. А твоя? Ты учился в советской школе, наверное, институт закончил. Расскажи свою биографию, и я буду знать, кто ты есть на самом деле.

Николай долго молчал, Григорий подумал даже, что он вообще не хочет эту тему шевелить, но Николай заговорил:

– Да, я окончил среднюю школу, в институт не поступил, потому что сразу призвали в армию. Служил неплохо, был комсомольским активистом, даже предполагалось, что после срочной экстерном сдаю экзамены в Ульяновском среднем политучилище и служу по политчасти. Но случился Чернобыль. Нас подняли ночью и привезли на объект. Никто ничего не знал, даже офицеры. Солдат бросали туда, куда гражданские просто не шли. Мы работали месяц, потом госпиталь, комиссия и домой. Умирать. Я к тому времени уже хорошо понимал, что с моим организмом. Доза, которую мы получили, с жизнью не совместима. Дома мама, отец, они очень умные и грамотные люди, пытались мне помочь, но все понимали, что помочь уже ничем нельзя. И однажды ночью я ушёл из дома. На окраине города был монастырь. Я не знаю, что меня туда привело. До этого я ни разу не был в этом монастыре. Меня приняли, подготовили к исповеди, я все рассказал. Старый монах, который меня исповедовал, сказал, что надо молиться и просить Бога о спасении. Надо думать, он не имел в виду моё физическое состояние, он говорил о спасении души. Меня причастили и увели в келью. Это после монах Тихон сказал, что он попросил поместить меня отдельно от других послушников. Я стал читать молитвы, конечно, до того не знал ни одной. Отец Тихон дал мне Старый и Новый Заветы с параллельным переводом со старославянского на современный русский. Я не спал и почти не ел, скоро стал понимать старославянский, стал ходить на службы, потом и на работы. В это время во мне произошло странное разделение жизни физической, жизни тела, и понимание жизни души. Я не знаю, как это объяснить, но я перестал бояться смерти, потому что уже почувствовал жизнь души, и о ней заботился больше, чем о теле. Так прошёл год. Я обратился к отцу Тихону с просьбой постричь меня в монахи. Он отказался. Он сказал, что я не создан для монастыря, во мне сильно физическое, человеческое начало, он даже допустил такую

фразу: «Насколько я тебя понимаю, ты человек общественный, если ты действительно хочешь служить Богу, тебе надо идти в храм, к людям». И я пошёл. По рекомендации отца Тихона меня взяли в церковь Николая-Угодника псаломщиком, потом рукоположили в дьяконы.

– Прости, что перебиваю, дорогой мой, а болезнь твоя?

– Я о ней не думал. Да, плохо кушал, мало спал, но это освобождало дорогое для меня время молитвы. И я молился до службы, после службы, ночью. Это великое блаженство говорить с Господом на языке молитв, которые он знает. Святой Николай, а вы должны знать, что он был епископом в Мирликии и сильно страдал за веру свою, так вот, он стал моим покровителем, я часто обращался к нему. Ещё год прошёл, приехал к нам владыка, управляющий епархией, захотел со мной встретиться. Долго мы проговорили, и он предложил мне приход, вот эту небольшую церковь, раньше она была при духовном училище. Очень хорошо сохранилась, вот и служу.

– А в Бога-то, в Бога как поверил?

– К Богу много путей, самый верный – когда семья верующая и воспитала ребёнка в вере. Это, скорее, относится к старому, досоветскому времени. Теперь такое редко, разве что в семьях священников.

– Обожди, Николай, какие семьи, вам же нельзя жениться, запрещено.

Николай улыбнулся:

– Монахи, да, они отрекаются от всех благ земных, от богатства, от женщины, от семьи, это слуги Господа, воистину праведные люди. Есть путь через знания, когда великие люди, ученые высокого уровня вдруг все оставляли и уходили в монастыри, либо жизнь и взгляды свои круто меняли. Помните, был такой Дарвин, убеждал, что человечество произошло от обезьяны. С ним даже казус случился. Когда он опубликовал свою работу, мир пошатнулся, Дарвин стал знаменит: ещё бы, ниспровергатель Создателя. На балу к нему подошла красивейшая дама общества и громко спросила: «Мистер Дарвин, неужели вы, глядя на меня, станете утверждать, что я тоже произошла от обезьяны?» Хитрый Чарльз ответил: «Да, мадам, только от очень красивой». Так вот, прошло время, теория уже охватила мир, а сам учёный вдруг понял, какую глупость сморозил, отрёкся от своего учения и остаток жизни молился.

– Тогда остаётся, что Бог слепил человека из глины?

– Я не вдаюсь в детали, я знаю одно: человека создал Господь, а потом понял, что создание несовершенно, наказал вероотступников

и послал на землю сына своего Иисуса, дабы он показал людям пороки их, взял на себя все грехи человеков и взошёл на крест. Он принёс обновлённую веру, и предки наши славяне приняли её, как свою.

– Но Иисус был еврей, и вера его еврейская, как это впарили её славянам? У них же были свои боги?

– Языческие. Но уже тогда были люди, понимающие, что народ должна объединять идея. Христианство – это мощнейшая философия, и грамотные люди, изучив её, приняли, как свою. Иисус предупредил, что в вере нет ни евреев, ни эллинов, никаких других наций, все отменяет вера в Господа, и все люди равны, все имеют одинаковые права.

– Обожди, тут мы с тобой сходимся, что люди братья.

– Дорогой мой Григорий Андреевич, ваш моральный кодекс строителя коммунизма полностью списан с Христовых заповедей.

– Да не может такого быть! Да ты врёшь! Неужто в ЦК бы этого не заметили?

– Не думаю, что не заметили, более того – знали, но нет другой морали, кроме Христовой, ну, перелицевали и сделали коммунистической. Теперь о моем пути. Это путь через физические и нравственные страдания. У меня не было выбора, либо гнить, либо молиться. Это соломинка. И она меня спасла. Как же я после этого могу не верить?

Григорий Андреевич вздохнул:

– Да, дорогой мой человек, перенёс ты много чего. Быть у смерти на краю и увернуться – это не каждому дано. А товарищи твои, с которыми вместе был в Чернобыле, они-то как?

Николай трижды перекрестился:

– Ушли. Все. У меня есть фотография первого дня на объекте, когда мы ещё ничего не знали. Взвод солдат, человек тридцать, всех знаю по именам. Когда прощались, адресами обменялись. Я с родителями связи не теряю, они мне время от времени говорят, за упокой кого молиться. Я крестиком отмечал, все, один остался.

– Семья у тебя большая?

Священник вздохнул:

– Нет семьи, перед рукоположением во священники обвенчались мы, но не прожили и месяца, ушла моя жена. Я не предполагал, что... Чернобыль столь безжалостно встанет между мною и женщиной. А поскольку священник не может быть неженатым, владыка дал согласие на монашеский постриг. Вот, отдышусь тут, и в монастырь.

– Это где?

– Тот самый, куда и в первый раз приходил. Буду служить там.

– Там что, и церковь есть?

– Прекрасный храм, возрождённый из развалин, а освящён был в 1780 году. Намоленное место. Как обустроюсь, обязательно вам напишу, вы мне адресок оставьте. Может, доведётся бывать в наших местах, все-таки областной центр.

– Ладно, обещать не буду, но адрес дам. Мало ли что...

10

На третью ночь Григорию приснилась жена, да не сегодняшняя, а молодая, какой была она, когда ходила первенцем, чуть располневшая, большегрудая, медлительная. Гриша в то время души в ней не чаял, ведра воды принести не давал, все по хозяйству делал, даже корову доил сам. Матрена смеялась, а в сердце такая радость была, такое счастье.

Она долго скрывала от мужа, что понесла, только в постели просила горячего Гришу не мять её, сторонилась крепких объятий, уже и не знала, на боли в каком месте сослаться. Дали Григорию три дня для сенокоса, уехали ещё потемну на колхозной Карюхе на свой родовой покос, Гриша быстро шалаш сделал, ямку под продукты, чтоб не сох хлеб, не скислось молоко, да и мясу солёному тоже надёжней.

Косил Гриша большой литовкой, Матрёне сделал маленькую, ловкую. Гриша один проход сделает, ей надо дважды идти, чтобы такую ширину взять. Матрена старалась не отставать, но и торопиться боялась, живот хоть и прятала под широкими кофтами, но уже выпирал, того и гляди, Гриша заметит.

Поужинали простеньким супчиком, молочко допили, Гриша сказал:

– Ты ложись, Мотюшка, а я пройду, погляжу дальний покос.

Легла она на спину, так легко, и даже забылась чуток, вздремнула, а ребёночек легонько её толкнул, да ещё раз. Слезы покатились от радости, и прошептала:

– Да миленькой ты мой, как же долго я ждала тебя!

– Ты это с кем говоришь? – тихонько спросил муж, так незаметно прошёл в шалаш, что она и не слышала.

– Гришенька, в тягостях я уж четвёртый месяц, вот ребёночек и шевельнулся во мне.

Григорий чуть не вскочил во весь рост, встал на коленки:

– Чего же ты молчала, глупенькая моя? Или я не рад был бы ребёночку? Умница, сладкая ты моя бабочка. Все, откосила, будешь ря-

дышком со мной, а потом в шалаш, перегреваться тебе тоже нельзя.

Полежал Григорий Андреевич, понежился в сладких воспоминаниях. Да, трое парней на радость родителям бегали по большому дому, росли, в школу один за другим, в пионеры, в комсомольцы. Гордился отец сынами, в открытую гордился, а потом случилась революция, сломалось государство, партия, народы разметало по сторонам и странам, люди переменились, и сыновья его тоже, но он этого не заметил. Почему? Разве не было в доме жестокого порядка: не ври, не воруй, не завидуй. Было... Тогда почему почти вдруг ребята его тоже сломались, какая ржа съела их благородный стержень внутри? А может, надо было плюнуть на все, пропади она пропадом и советская власть, и партия вместе с Зюгановым, если за всякое честное слово, за попытку вывести кого-то на чистую воду он платит сыновьим отторжением? Молчал бы, занимался пчёлами, рыбачил, как добрые люди, не влазил в дела детей своих – самостоятельных мужиков – и жизнь была бы спокойней, и дети в порядке, и Матренушка моя пекла бы пироги да щи варила? Что, разве не так? Да так, только это не для него. Откуда эта непримиримость? Может, от того, что сам всегда жил честно и чужой копейки в руки не брал, может, потому и бесило его, что тащат не своё, тащат наше, общее, не спросясь, да ещё бахвалясь.

Оделся, вышел в коридор, постоял у окна. Интересно, могло ли в другой стране такое случиться, что кучка людей объявила себя властью, изобрели правительство, кто-то пытался вякнуть – расстреляла из танков. И все стали миллионерами, этими, холера, трудное слово: олигархами! А народ голый. И после размышлений приходил к выводу: нет, нигде такого быть не могло, только в России, потому что русский человек равнодушен, это Григорий и на партийных собраниях видел. Обсуждается серьёзный вопрос, а зал молчит. Выскочат три–четыре «звоночка», в парткоме написанные речи зачитают и голосуем: «Одобрить». А рядом сидит бригадир, третью лошадь казахам продаёт, и все падежом списывают с ветврачом. Пошёл к директору, тот чуть не выгнал: быть такого не может! А от безразличия до глупости один шаг, и мы его сделали. Да, страна наша такая, что судьба каждого человека невидимой пуповиной связана с судьбой всей страны. Когда-то это было хорошо, когда всей страной работали и на человека, и на страну. «Вот видишь, – подумал Канаков, – если хорошенько порассуждать, к интересным выводам прийти можно. Возможно, где-то тут причина падения моих сыновей».

Утром пошёл на почту, вызвал свой дом. Матрена ответила, как всегда:

– Квартира Канаковых слушает,

– А из Канаковых все ли дома? – нарочито громко спросил Григорий.

– Гриша, родной мой, а я сегодня тебя во сне насмотрелась, истосковалась уже.

– Ну, ты наговоришь, четыре дня не прошли, а ты уж тоскуешь!

– Ладно, больше ничего говорить не стану.

– Обиделась, маленькая моя, Матюша, я сам страшно стосковался, и тоже во сне тебя видел.

– Хорошо хоть там у тебя?

– Все нормально, только вот сегодня заскучал шибко. У тебя все нормально?

– Хорошо, Гриша, ты отдыхай и возвращайся скорее. Я хоть обниму тебя, и мне легче будет.

– Все, время выходит, позвоню через два дня.

Кого обманывал Григорий Андреевич? Какие два дня, на следующее утро позвонил, потом ещё вечером сбегал. После разговора немножко погулял и вдруг понял: да мы же больше чем на день, с Матюшей не расставались, а тут уж целая неделя прошла. И грустно было, и радостно, что вон какую жизнь прожили, больше полвека, а единого плохого слова друг дружке не сказали. Случалось, по молодости и выпивал Григорий с ребятами с получки, но всегда шёл домой, хотя такого мужика заманивали молодухи, тем более, пока детей в семье не было. Он приходил, тихонько раздевался, Мотюшка помогала снять непослушные сапоги, помалкивала, дочиста мыла мужа, кормила горячим супом и укладывала спать. Утром он виновато прятал глаза, а жена, как ни в чем не бывало, подавала чистую рубашку, брюки, вымытые и высушенные сапоги и целовала крепким поцелуем у порога.

11

– Ты не спишь, Николай? Я специально ухожу перед отбоем, чтобы ты молился, при постороннем человеке это, наверно, неловко.

– Да, я заметил ваше понимание и благодарю.

– Вот ты мне скажи про исповедь. Приходит человек, встаёт перед священником и кается в дурных делах. Ну, про чужую бабу может сказать, про мелочи всякие. Но если он преступник, он же не скажет?

– На исповеди ничего нельзя утаить, и дело не в священнике, Богто все равно знает про его грех. Утаил – трижды согрешил, уже не только перед людьми, но перед Богом. Потому надо признавать все прегрешения.

– И ты их отпустишь, освободишь от ответственности. Это по какому праву?

– Я говорю на исповеди от имени Господа, я же не скажу: «Прощаю грех твой», а скажу: «Бог простит», но и назначаю епитимию, наказание, это прежде всего молитва, поклоны, если грех велик – советую паломником пойти в монастырь или даже на святую землю, если, конечно, знаю, что этот прихожанин состоятельный человек.

– Обожди, я чего-то не понял. Вот новый русский, жулик, пришёл к тебе и кается, что обманул компаньона или ещё что-то, может даже – убил! Убил, да! – и что ты скажешь?

– Молиться и каяться, другого нет пути.

Григорий вскочил с кровати:

– Жулик, обманул, убил, надсмеялся – ему место на лесоповале или в урановых рудниках, а ты – молиться и каяться? И куда это приведёт? Да ты просто обязан сдать его органам!

Николай тоже присел на постели:

– Вопрос сложный, но ответ на него простой. Если человек пришёл в церковь, значит, он осознает и думает о спасении души. Я не могу советовать ему идти с повинной и информировать органы тоже не могу, тайна исповеди священна, знают кающийся, священник и Господь. Молитвой и смиренной жизнью оступившийся может заслужить прощение Господа, и на Страшном суде это зачтётся.

– Во! Я понял всю вашу фальшь! Вот где собака зарыта! По вашему получается: греши, грабь, насилуй, а когда пресытишься или, не при тебе будь сказано, ни на что уже желания нету, тогда добирайся до ближайшего попа, он тебе грехи отпустит и душа спасена. Так это или не так? Так, Николай, и тут ты мне ничего не возразишь!

– А я и не стану вам возражать. Я хотел только, чтобы вы поняли: иного спасения души нет, кроме раскаяния и молитвы. Даже если человек забыл о каком-то грехе, есть специальная треба, называется соборование, когда все кающиеся коллективно молятся о невольно забытых грехах, и все отпускается им.

– Но это же предательство интересов народа, я не имею в виду старушек, которые и на самом деле забыли, когда в последний раз грешили, а вот эти жирные рожи, которые по телевизору показывают, сам патриарх с ними, каженный день грехи отпускает.

– Я не в праве обсуждать поступки Святейшего патриарха, но вы, должно быть, слышали притчу о разбойнике Кудеяре? Разбойник был, каких свет не видел, сколько душ невинных погубил, а потом осознал, обратился к Господу и раскаялся. И был прощён.

– Ваша политика прощения всякого подлеца нам не подходит. Мы за то, чтобы каждый ответил за сотворённое здесь, на земле, по нашим советским законам, и мы этого добьёмся. А вашей политики я никак не пойму: прощать преступника без наказания!? Куда это годится, и что это за вера такая? Вам её демократы не подменили, это как раз про них?

– Что вы, Григорий Андреевич, христианство старше демократии, по крайней мере, в нынешнем её виде.

– Да, уж в нынешнем-то она без вашего всепрощения никуда. Ладно, сосед, поговорили, и довольно, надо отдыхать. Спокойной ночи.

12

Григорий сразу обратил внимание, что в магазине замолчали, когда он вошёл. Не надо много ума, чтобы догадаться: либо о нем разговор шёл, либо о ком-то из ребят. Модничать не стал, поздравствовался и попросил:

– Я без стуку, потому смущенье сделал, так вы продолжайте, ежели моей семьи касается, то кому же слышать, если не мне? Верно я говорю? А, Семён Фёдорович?

Семён помялся, но товарищ спрашивает, стало быть, отвечать надо:

– Дак вот, Григорий Андреевич, судили про то, что председатель наш Никита Григорьевич коров собрался продавать или сдавать, не выгодно молоко, один убыток. Вот и судачит народ: а куда дояркам со скотниками податься? На биржу? Это же позорище!

Григорий Андреевич кашлянул, спросил:

– Откуда разговоры? На ферме собранье было или другим путём?

Народишко зашевелился:

– Григорий Андреевич, я дояркой роблю, вчера перед вечерней дойкой приехал Никита Григорьевич, никого собирать не стал, только бригадиру сказал, что через неделю всех коров увезут на мясокомбинат. Мы так ничё и понять не можем, коровы доятся большинство, жалко.

Семён Фёдорович махнул рукой:

– Это раньше мы ходили за скотом, все государству молока мало было, драли за каждый грамм, хоть литру даёт коровёнка, и то чилькали, а теперь экономисты все сделались. Я видал, третьего дня шлялся по ферме с директором какой-то чин, все ботинки в говне замарать боялся, а сам видом, как раздавленный обабок. Он требовал, это я сам слыхал, что нерентальное какое-то животноводство...

– Нерентабельное, – подсказал кто-то.

– Да, вот это надо кончать.

– А чего город жрать будет?

– Ты за город не страдай, их Европа прокормит.

– Ха, а мы на картошке не пропадём!

Канаков одёрнул:

– Сухая картоха глотку дерёт, ты разве забыл, как при Хрущеве без коров остались – обратку на молоканке по талонам давали. Ладно, сильно пока не судите, а я разберусь, кто тут у нас за главного животновода. Фрося, подай-ка мне пачку хорошего чая.

– Ты, поди, на индийский губу раскатил? – засмеялся Семён Фёдорович.

Фрося нырнула под прилавок и подала Григорию большую разрисованную банку.

– Григорий Андреевич, для друга хранила, да он, сволочь, другу неделю нос не кажет.

Канаков улыбнулся:

– Фрося, разговор между нами, но под такой чай я в твоём распоряжении.

От смеха даже чекушки на полке запозвякивали.

В своей ограде закинул пакет с гостинцем Фроси на крыльцо, пошёл к дому Никиты. Сообразил: раз машины нет, значит, и его нету. Внучка выскочила, обняла дедушку:

– А папа в конторе, он только сейчас обедать приезжал.

– Ладно, дочка, ты вечерком прибегай ко мне, дедушку чаем угостили, индийским.

– Его индейцы выращивают с Чингачгуком?

– Не, это красивые девушки, и на лбу у них пятнышко. Для красоты.

– Круто! Я тоже сделаю себе пятнышко во весь лоб.

В конторе пусто, прошёл до кабинета – поздороваться не с кем. А когда-то тут не протолкнуться было, все сюда шли, и с бедой, и с радостью. Он уж как-то размышлял на эту тему, интересная получилась картина. Открыл дверь без стука, Никита удивлённо поднял глаза:

– Что случилось, папка?

Григорий прошёл вперёд и сел за маленький столик, с этого места вёл он когда-то разговоры с бывшими директорами. К сыну старался не ходить, неловко. Но вот пришлось:

– Пока ничего не случилось, но, похоже, готовится провокация серьёзная.

Никита сложил бумаги и убрал в сторону:

– Ты бы поконкретней, папка...

– А я тебе, сынок, сейчас всю конкретику изложу. Ты по какому праву под нож гонишь совхозных коров? Ты с каких пор перестал создавать, а только торгуешь, как жид варёными яйцами: хоть какой-то навар, да остаётся? Свиней продал – я это могу понять, и на собрании людям объяснил, что свинья сожрёт весь совхоз при таких расценках. Ты помнишь? И народ меня понял, только ты, похоже, до сих пор мне не простил, что я общественную комиссию создал на том собрании, и все чушки были учтены, и все рубли тоже. Не перебивай меня! Догадывался я, как ты осенью хлеб продавал, понял, когда вдруг деньги зашевелились, и баба в Турцию, и Прошке долги загасил. Но поздно уже было, ничего не доказать.

– Папка, что ты такое говоришь? Я же приличную зарплату получаю, потому и деньги.

Отец посмотрел укоризненно:

– Никитка, твоя зарплата, что по ведомости, это две моих пенсии. Ну, ладно, чужие деньги считать – только нервы трепать. Ты мне за коров почему молчишь?

– Объясняю. Производство молока убыточно, закупочные цены низкие, себестоимость большая. В итоге на каждой тонне мы теряем... сейчас я найду цифру.

– Почему перед губернатором не ставите такой вопрос о ценах? Как это получается, что в одном государстве тот, кто производит молоко, гол как сокол, а торгаш в магазине пополам водой разведённое за три цены продаёт? Кто-нибудь этим будет руководить или ваши начальники только в лимузинах с ментовским сопровождением да красные ленточки перестригать?

Никита пытался держаться бодро, но не особо хорошо получалось:

– Папка, тебе этого не понять, существуют экономические законы, которые никакая власть отменить не может.

Григорий Андреевич ухмыльнулся:

– До чего же быстро вы научились под плутовство и жульничество теорию подводить?! А уголовные законы уже не действуют? Кто установил такую цену на закуп? Власть?

Никита развёл руками:

– Бизнес. Предприниматели-переработчики.

Старший Канаков опять за своё:

– Почему их власть не поправила?

Тут Никита допустил промашку, позволив себе высказать в упрёк собеседнику:

– Нельзя. У нас свободное ценообразование.

Григорий вскочил со стула, ударил в стол кулаком!

– Забудь при мне языком трепать! Ах ты, сукин сын! – Канаков поймал сына через стол за конец галстука и притянул к себе: – Как ты кучеряво научился? А ты забыл, как с железной кружкой стояли с братовьями, пока мать корову доит, и ждали, когда каждому прямо из титек нацедит, аж шапку пены ветерком сдувает? Это же молоко, продукт! Недобрый человек это затеял, сынок, и ты в изничтожении народа своего участвовать не будешь, не позволю! – И отпустил галстук.

Долго молчали. Старший Канаков сел ближе к столу сына:

– Никита, мы тебя все время учили, и когда председателем ставили на собрании: думай об людях прежде всего. У тебя на коровнике со всей обслугой десятка четыре мужиков и баб. Ты, когда скотину увезёшь, как им в глаза станешь глядеть? Ты же их на погибель пустишь. А как жить?

Никита отошёл в угол, у зеркала поправил одежду, отёр лицо.

– Папка, не мы первые идем по этому пути, и никакой трагедии, будут жить подсобным хозяйством, ведь жили же до колхозов.

Слышал Канаков от друзей-товарищей, как живут сегодня в тех деревнях, где не осталось животноводства. Говорят, чины приезжали, не только убеждали, но и ножками стучали на начальников, что скот держать невыгодно. Вот и увезли на длинных машинах, последний раз коровий плач слышали. Как же деревня без скотин? Если на ранней летней зорьке не щёлкнет длинный кнут пастуха, не заскрыпят воротички в пригонах, не наделают коровы огромных лепёшек по всей улице, не выскочат бабы, прообнимавшиеся на солцевосходе с некстати замиловавшимся мужиком и рысью погнавшие коров вдогонку табуну, – разве это деревня? Так, выселка какая-то...

– Папка, решение принято, завтра придут скотовозы.

Отец промолчал. Где он просмотрел этого ребёнка, которому на роду было написано стать руководителем. И все для того было, и грамота, и понятие, и людское уважение. Да, времена переменились, но человек с твёрдой верой и упругим характером не стал бы вот так болтаться, как говно в проруби. Что упустил, когда не сказал нужного слова или даже не врезал по шеяке? Как получилось, что его сын мыслит не как крестьянин, не как избранный народом руководитель, а совсем по-другому? Вот за работников, которых придется уволить с фермы, директор уже решил, что будут личным хозяйством занимать-

ся, а ведь отец спрашивал, как он, Никита Канаков, жить собирается после того, как бездарно спустит коллективно нажитое добро.

– Ладно. Твое решение я отменяю сразу как глупое и вредное. Не позволю народ смешить. Но, коли властям наплевать, надо собирать общее собрание и там принимать. А ты как думал? Ты не на своём дворе, хотя на твоём дворе кобель со скуки повесился, а скот это совхозный, и только коллектив решит, как быть.

– Папка, да нет давно никакого совхоза, есть кооператив, хотя вчера мы зарегистрировали ООО – общество с ограниченной ответственностью.

Старший Канаков аж привстал:

– С какой ответственностью? И чем она ограничена? И кто это «мы»? Почему об этом никто в деревне не знает? Обожди: значит, вы – не знаю с кем конкретно, но явно с жуликами – решили погреться возле нашего горя и нашей безграмотности? Это называется в акции превратить нажитое, а потом тихонько прибрать к рукам? И кто тебе эту ООО зарегистрировал? Треплев? Он у меня одного сына в грязь втоптал, теперь за второго взялся!

Григорий Андреевич нервно ходил по кабинету:

– Никита, прямо на завтра назначай собранье и готовься все объяснить народу. Сперва про фокус с акциями, кто тебя научил и кто про это знал. Потом со скотом. Имей в виду, я буду в первом ряду и стану смотреть тебе прямо в глаза. Соврёшь – пройду на сцену и прямо с трибуны скину. Ты моё слово знаешь.

Никита разволновался, щеки горели, в горле пересохло. Он понимал, что сегодняшний разговор, первый по существу серьёзный после реформы совхоза, этим не кончится, отец ущупал его промахи и теперь спуску не даст. Он встал, закурил хорошую сигарету, прошёлся по кабинету:

– Григорий Андреевич, давайте по существу, а то толчем воду в ступе. Нет совхоза, нет кооператива. У работников остались паи, но мы возьмем кредиты и их выкупим, ликвидируем убыточные производства, погасим кредиты и будем спокойно работать.

Старший Канаков едва сдерживал себя, но крепился:

– Добре, товарищ Канаков, переходим к официальным разговорам. Скажите, пожалуйста, а работать вы с чем собираетесь? Коров не будет, свиней уже съели. Я слышал, где-то на Волге один придурок страусов разводит. А что? Одно яйцо – и глазунья на всё ООО. Опять же бабам в шляпы будет что воткнуть. А пухом будете подуш-

ки-думки набивать для депутатиков, а то они спят, христовые, как на вокзале. Ты кому лапшу на уши собрался вешать, сопляк? Вот тебе моё последнее слово: общество с ограничением прикрой, чтоб и духу не было, это раз. Второе: готовься к собранию, все чин чином, чтобы доклад по всей сути и предложения. Рекламу сегодня же выбрось, чтоб народ знал. Учти, Никитка, позорить имя своё не позволю, а тебе только соболезную, что живёшь ты на глазах у отца. Компаньонам твоим чубайсам и абрамовичам повезло, их родители в Святых землях окопались, не могут детей своих приструнить. А ты у меня в кулаке, сожму – только сукровица выступит, и более ничего.

Встал, ещё раз глянул на сына, как на чужого глянул, отчего поймал какую-то боль в душе, постучал казанками пальцев по полированной поверхности стола, вздохнул и вышел.

13

Такой славной осени давно не было. Весь август погода стояла как по заказу, ни дождинки, ни росы, только по утрам поднимались тяжёлые туманы, ночами неожившие тёплой влагой нежные груздочки в низинках да весь порядок других лесных грибов, и обабков, и сухих, и даже белых местами. И для хлеба такие ночи в удовольствие: освежит туманчик, даст чуток влаги для жизни, а с первым солнцем уже сухой стоит кормилец, и колос звенит на ветерке, если хорошо прислушаться.

Григорий любил эту пору, и каждый год, если позволяла погода, заводил своего старого «москвича» и уезжал к дальним полям, оставлял машину, заходил в хлеб, старательно разгребая стебли, останавливался и слушал поле. Странные звуки являлись ему: поверх перепелиной переклички и звона дежурившего в небесах жаворонка слышал он глуховатый напевный разговор деда Корнилы про великую радость крестьянина среди многообещающей пашни, и грубый мат однорукого объездчика Никиши Тронутого, хлыстом изгонявшего ребятишек с горохового сладкого поля, и неуклюжий «Интернационал», по прихоти колхозного председателя исполняемый на гармошке и двух балалайках в честь женщин, выжавших серпами за световой день по гектару пшеницы.

А потом садился спиной к одинокой на опушке берёзке и вспоминал. Вот трактора пришли в колхоз и пошли по полю один за другим, пять штук, взламывая схваченную щетиной стерни землю и укладывая пласты один к другому ровно и аккуратно. Вот вдобавок к кол-

хозным пришли в деревню грузовики автороты из района, и шофера тоже схватили плицы и стали помогать бабам, а потом избач Фима прибежал со свёртком красного материала, зацепил один край за столб и развернул. Зубным порошком с клеем навечно было написано: «Хлеп – Родине!» Кто-то засмеялся, но водитель уже нагруженной машины взял из рук избача полотнище и на двух воткнутых в зерно лопатах закрепил проволочными скрутками. И никто не осудил избача, наоборот, изувеченный войной Киприян, прозванный Речистым за неумение говорить после контузии, подошёл к Фиме и что-то очень ласковое промычал.

Вспомнил, что песни тогда люди пели, за столом по большим праздникам – это само собой, но ведь трезвые пели, после работы идёт народ с сенокоса, уже солнце село, темнеет, позади день на жаре, и норма в два раза, и платьишки просолили от пота, а одна вдруг запевает: «Вон кто-то с гороньки спустился, наверно, милый мой идёт. На нем защитна гимнастёрка, она с ума меня сведёт». И уже подтягиваются отставшие, и расслабляются напряжённые, спаленные работой лица, и морщины пропадают, открывая красивые и честные лица: «Его увижу – сердце сразу в моей волнуется груди. Зачем, зачем я повстречала его на жизненном пути!» Григорий Андреевич улыбнулся своим мыслям, он тоже долго не мог понять, почему люди поют, ведь и есть только-только досыта стали, и живем ещё кое-как, избушки под дёрном, работа вся на плечах, в руках вилы, литовка, лопата, верёвочные вожжи от пары гнедых... А потом он понял: люди войну забывать стали, война сделалась прошлым даже для тех, кто не дождался и теперь уже не ждёт. Четыре тех года народ прожил молчком, на работу молчком, на принудиловку за карман колосков, на могилки во след своей тощей коровы, везущей на дровнях маломальский ящик с иссохшим тельцем так и не виденного отцом ребёнка – только молчком, потому что плач вынет последние силы. Это знали все.

А в семидесятые зажили, а дальше ещё лучше. И заработки пошли приличные, и сельпо стало попроворней, и дома начали катать, да не как-нибудь, а крестовые, с маленькой горенкой, с тёплыми сенями. Совхоз миллионером стал, мощнейшая техника пришла в деревню. Канаков тяжело вздохнул. Вот до сих пор все ему было понятно, все по той самой диалектике, которую три вечера подряд втемяшивал ему учитель истории на политзанятиях, а потом что случилось? Отчего это сытый и обеспеченный крестьянин стал отворачиваться от партии, стал коммунистов критиковать? Отчего молодёжь плюнула на деревню, и

хоть на подхвате, но в городе? Почему это рабочий класс вдруг отвернулся от своего вечного союзника, закрыли всякое строительство на селе, а на партсобрании секретарь райкома убеждал, что это временное явление, надо нефть и газ добывать. Вот освоим Севера, потом заживём, а пока про ремень и очередную дырку в нем. Нет, не все так просто, а вот в чем суть – не хватало ума Григорию, чтобы понять.

...Ещё раз прошёл вдоль поля – добрый хлеб, надо подсказать Никитке, что пора молотить. Несколько колосьев сорвал осторожно, положил в карман – сыну для убедительности. «Москвич», поскрипывая, вышел на ровную дорогу и покатил в сторону дома.

14

Канаков-старший готовил двор к зиме, просмотрел рубленый много лет назад пригон, где в холода стояли корова, летошний телёнок, пяток овечек с рогатым бараном. В дальнем углу за высокой перегородкой угол для поросенка, летом за пригоном, подальше, чтоб не воняло, а потом надо перегонять, иначе вес скинет. Тут же седало для курей, несколько ящиков из магазина к стенке приколочены, для несушек. На хороших кормах, да в тепле – и петух будет нестись, не только курица. Просмотрел пазы, где мох выпал либо воробьи повытаскивали – доколачивал купленной на складе паклей, мох нынче не дерут, не умеют, да и моховые озера пообмелели и усохли. Приставил лестницу, залез на крышу, осмотрел шифер, не лопнул ли где, не подняло ли ветром. С лестницы увидел, что к дому подъезжает грузовик, газончик–самосвал, разворачивается и задним ходом к воротам.

«Кого там нелёгкая принесла?» – беззлобно подумал Григорий и пошёл к калитке. Шофёр, молоденький парнишка, его опередил:

– Дядя Гриша, зерно развожу на паи. Стелите полог, я вывалю, у меня список большой на сегодняшний день. – И кинулся открывать ворота.

Канаков остановил:

– Не спеши. Я гляну.

Встал на колесо, подтянулся за борт. Глянул. Отборная пшеница, чистая, хоть сейчас засыпай в жернова. Прямо с колеса спросил:

– И много развёз?

Парнишка беззаботно махнул рукой:

– Не. Троим вот такую, а там многие своим транспортом получают, из другого склада.

Григорий крикнул:

– Матрена, я не скоро, без меня обедай. – И шофёру: – Поехали на склад.

В огромном ангаре несколько человек нагребали мешки. Григорий подошёл, сунул руку в ворох, в ладони размял горсть зерна: пшеница с щуплыми зёрнами подгона, влажная, уже согрелась. Все остановили работу, интересно, по какому случаю здесь отец председателя?

– Иван, – обратился Канаков к ближнему: – Тебе на три пая сколько приходится?

– Если по тонне за пай, как в договоре, то, получается, три тонны.

Канаков показал на старенький мотоцикл с прицепом:

– И ты их собрался на своём «ижаке» увезти?

Иван засмеялся:

– Ты шутишь, Григорий, мне кладовщик велел насыпать шесть центнеров.

Григорий кивнул и пошёл к кладовщику. Тот, заметив нежеланного гостя, водитель ему уже все обсказал, хотел выйти через ближние ворота, но Канаков крикнул:

– Ефим Кириллович, я же тебя все равно найду, так что обожди, и поговорим принародно, потому что один на один я тебя могу нечаянно зашибить. Ты какую труху людям на паи выдаёшь?

Ефим Кириллович, вечный заведующий зерновым складом, щуплый и юркий мужичишка, делал вид, что тщательно охлопывал пиджак, хотя пиджак уже стоял от пыли и грязи:

– Какую–какую?! Что велено, то и даю.

Канаков подождал, пока соберутся люди:

– А кто велел? Говоришь, председатель? У тебя и распоряжение есть, или вы друг у дружки на доверии?

Ефим Кириллович насторожился:

– На словах.

Канаков нажимал, толпа уже начала ухмыляться:

– Как же ты, материально ответственное лицо, мог пойти на раздачу зерна без распоряжения? Ладно. Обожди, Ефим, у тебя с уборки ещё рация должна остаться. Айда, вызови мне председателя.

Вся толпа переместилась к весовой. Через хрипы и свист Канаков услышал знакомый голос.

– Сынок, ты сейчас где? Так вот, сворачивай все дела и крупной рысью на зерновой склад, тут тебя люди желают видеть.

– Какие люди, папка, ты с какой стати оказался на складе? Тебе зерно уже должны привезти.

Канаков подмигнул собравшимся:

– Повторяю: на складе ждём, и чтоб без игрушек.

Бросил трубку и вышел из избушки. Окинул складской ток: сколь-

ко ворохов тут лежало в добрые годы, когда все засевалось и все свозилось сюда. Деревня жить переходила на склад, здесь столовую открывали, комбайнёров возили кормить свежим и горячим, а не болтанкой в термосах. Пока они щи хлебали да пельмени ели, за них на комбайнах где шофера, где механики, а у многих свои сыновья на подножках стояли: «Тятя, дай, я тоже...» Некоторые отцы доверяли, потому что проверены ребятишки, чай пили не торопясь, со вкусом.

– Не боишься, Мишку одного оставил? – спросит мужа супружница, она тоже тут при складе.

– У меня, Феша, об нём дум больше, когда его в три часа ночи дома нет. А с мостика он не упадет, будь спок!

Тысячи тонн зерна пропускали, и все уходило, и людям машинами сваливали на ограду натуральную оплату. Вот как сегодня и мне чуть не свалили.

Новенькая «волга», легонько качнувшись, остановилась у весовой. Никита выскочил, явно обеспокоенный. Отец взял его под локоток – Никита знал, это плохая примета: – Пошли со мной.

Подошли к «газончику», на котором приехал Григорий Андреевич.

– Зачерпни зерна из кузова, – попросил сына.

Никита проворно вскочил на колесо, спустился с горстью зерна, протер в ладонях, взял на зуб:

– Отличное зерно, что тебя не устраивает? Ты, мне сказали, вернул машину?

Отец как будто его не слышал:

– А теперь пойдём туда. – Григорий указал на склад, где у ворот толпились два десятка человек. Трое быстро завели мотоциклы и, далеко объехав начальство, порожняком выскочили мимо весовой.

– Может, в склад зайдёшь, или вон у Ивана в мешках посмотри, что твой кладовщик на паи выдаёт. Это твоё распоряжение?

Никита взял отца за плечи и хотел отвести в сторону:

– Да. Но тут не место его обсуждать, отец.

Канаков стряхнул руку сына и громко сказал:

– Самое подходящее место. Народ присутствует, объясни, почему ты вместо зерна, какое записано в договоре, выдаёшь людям отходы, почему вместо тонны на пай выдаёшь два мешка? Кто тебе позволил так вольно обращаться с совхозной собственностью?!

– У нас не совхоз и уже даже не кооператив, папка, забудь ты про совхоз.

– Нет, не забуду, не забуду, как мы за каждый колосок боролись,

потому что это было наше, советское. И кооператив из совхоза родился, выкидыш, конечно, но должен выжить, если не шельмовать. Ефим, открой вот этот склад.

Ефим засуетился, ждал команды. Старший Канаков подтолкнул:

– Открывай, начальство не возражает.

Склад под самую крышу засыпан отборной пшеницей, видно, отсюда брали зерно для Канакова.

– Это пшеница первого класса, вся пойдёт на реализацию, – предупредил все вопросы Никита.

– Нет, Никита Григорьевич, не вся. Собирай своё правление, мы от общества тоже придём, человека четыре, и так решим, чтобы один пай, стало быть, тонна, был выдан продовольственной пшеницей, а остальное можно и той трухой, скотина съест.

– Спасибо, Григорий Андреевич, за ценные экономические советы, правление я соберу на восемь часов. До свиданья.

Домой Канаков–старший шёл один, и до того паскудно было на душе – хоть волком вой. Что это случилось с Никитой, он, как в председатели избрали, года два, поди, вёл себя вполне прилично, и сам отец бдил, да и народишко на итоговых собраниях недовольств особых не высказывал, соглашались люди с раскладом по всем показателям и со скромной зарплатой соглашались, не первый раз, надо потерпеть – дело привычное. Особо отметил тогда для себя Канаков, что руководитель поддерживает подсобные хозяйства, потому как без собственного продукта крестьянину в таких условиях хана, и зерно дроблёное даёт по норме, а если надо, то и продаст подешевле, и сенов всем поможет накосить кооперативом, и соломы к каждому дому по паре тюков подвезут ребята на тракторах. За магарыч, особенно от пожилых людей, пенсионеров, карал жестоко, однажды тракториста с напарником, которые за привезённую дробленку с бабки бутылку взяли, тут же отправил в магазин, велел водку купить, бабке вернуть и извиниться. А ещё наказал, что повторится такое – будет настаивать на увольнении из кооператива. А потом что изменилось? «Волгу» новую купил, никого не спросясь, цены на продажу зерна, мяса и прочего товара перестал согласовывать с правлением. К отцу редко стал заходить, только по приглашению или по праздникам, и все старался производственных тем избегать, отвечал как-то с неохотой, потом вообще сказал, что хоть тут-то отдохнуть дайте.

– Вот сегодня мы и отдохнём коллективно, – закончил размышления Канаков.

Не успел в ограду зайти, калитка сбрякала, сын явился. Шляпу бросил на кабину «москвича», вытер лоб платком.

– Насмелиться не можешь меня дураком назвать? Не советую. Если пришёл отговорить от обсуждения твоих глупостей, тоже напрасно, я не допущу, чтобы фамилию мою – слышишь, ты, начальник новорусский! – трепали на перекрёстках. Отец мой геройски погиб за народ и за Родину, сам я чуть не полвека спины не разгибал, орден имею, литровую банку значков и полную тумбочку почётных грамот. А ты в кого? Какую ты червоточину мог получить на чистых материных перинах да на моей ограде, выскобленной? Что с тобой случилось, что перестал ты к людям лицом?

– Папка, извини, ты несёшь такую глупость про ордена и грамоты, смешно слушать...

Никита не успел договорить, отец наотмашь ударил его по губам:

– Проглоти эти слова обратно, пока я не прибил тебя на собственном дворе! Если пришёл просить – уходи, я своё решение не отменю, не соберёшь правление – завтра соберу общее собрание, и выпрем тебя, пока ещё не поздно.

Правление собрали. Никита Григорьевич, причмокивая из-за припухшей губы, сказал, что был не прав, дав распоряжение отоварить за земельные паи фуражным зерном, предложил получить на первый пай по пять центнеров продовольственной пшеницы, а к новому году выдать по пять мешков муки заводского помола. С этим все согласились, Григорий Андреевич встал и вышел первым.

15

Хоть и не первые выборы проводил Роман, но всякий раз появлялись новые проблемы. Чуть-чуть подправили закон о выборах, заставили перетрясти все участковые комиссии, чтобы свои люди были, никого лишнего. Когда принесли протоколы по выдвижению в состав комиссий жириновцы и коммунисты, Роман позвонил в районную администрацию управляющей делами: как быть?

– Найди причину отказать. И не вноси на территориальную до последнего дня, а потом откажите, найдите повод. В общем, все в твоих руках, Роман Григорьевич, ты же понимаешь: если в комиссиях будут эти люди, процент тебе не набрать.

Когда с комиссиями кое-как утрясли, никого посторонних не пустили, партийцы написали жалобу в облизбирком, но там им ничего не светило, Роман об этом знал. Перед обедом к нему забежал Прохор:

– Что опять у тебя за шум? Мои девчонки сейчас сказали, что только и разговоров в магазине про то, что вы большевиков и жириновцев отшили.

– Отшили, есть причина.

– Ну, темни. А не думал, что батя придёт разбираться?

Роман вскочил с кресла, нервно закурил.

– Ты же вроде бросал?

– Тут не только закуришь, а запить впору. Вот скажи, что это за положение такое, и рыбку съесть, и на рыбалку не ходить. Выборы ещё когда, а мне уже процент сказали, чтобы не меньше.

Прохор засмеялся:

– Рома, кому они нужны, эти выборы, если все заранее известно? И ты процент дашь, и другой тоже, Треплев душу из вас вынет, а контрольную цифру выдаст. Кстати, отец знает про ваш ход и загадочно молчит. Как думаешь, почему?

Братья помолчали, переглянулись, Прохор опять засмеялся:

– Вот посмотришь, батя привезёт удостоверение наблюдателя от Зюганова.

– Ты думаешь?

– А что тут думать? Уверен. И затребует у тебя протоколы всех участковых. Вот и все, потому он спокоен.

После обеда позвонил из района секретарь парторганизации коммунистов, сурово сказал, что в полном соответствии с законом о выборах администрация должна предоставить партии помещение для встречи с избирателями. Роман спросил, на сколько мест нужен зал, секретарь ответил, что не менее трёхсот.

– Тогда вам надо в райцентре встречу организовывать, у нас таких залов нет.

– А Дом культуры?

– Там двести мест.

– Мы согласны. Встреча завтра в восемь часов. Заявку сейчас сброшу факсом. И вас бы просил присутствовать.

Ближе к вечеру позвонил Треплев:

– Ну, хвались, Роман Григорьевич, что у тебя хорошего в подготовке к выборам? У тебя что за разговор был с Парыгиным, он постоянно интересуется, и с такой ехидной ухмылкой. Что ты ему наговорил?

– Да в целом ничего особенного, поговорили об особенностях политической обстановки.

– Ишь ты, какой стратег! Ты думай об особенностях своего сельсовета. Завтра к тебе большевики? О чем договорились?

– Просят Дом культуры.

– Не давай.

– Так я вроде пообещал...

– Знаешь, Канаков, если бы я все обещания выполнял, давно бы уже на бирже стоял как безработный. Сегодня пообещал, завтра отменил. Скажи клубникам, чтоб все двери закрыли и умерли. И Никите Григорьевичу скажи, чтобы нашёл способ не пустить в зал заседаний. Кстати, на завтра дождь обещают. Пусть они под зонтиками встречу проводят. Так, теперь о деле. Нашёл тебе денег на асфальтирование, у тебя в проекте школьная территория и детский сад, так вот отложи, я уже сказал дорожникам, пусть делают гостевую улицу, со въезда и до администрации, а то приедет добрый человек, и стыдно, хоть провались. Ты контрольную цифру помнишь? Так вот. Рекомендовано главам за каждый процент перевыполнения по сто долларов. Соображай.

Роман зажал голову руками: что делать, как себя вести? Он запутался во лжи, хоть специальный блокнотик заводи, куда записывать, кому что обещал. Некстати вспомнилось: «Не ври, и ничего не надо запоминать». Половина из обещанного сама собой забывалась, бывает, встретишь на улице человека, точно знаешь, что был он с какой-то просьбой, ты что-то пообещал, наврал, скорее всего, потому что Треплев строго-настрого наказал все заявления и жалобы перед выборами обязательно решать положительно, не можешь сделать – тогда обещай. А выборы пройдут, там видно будет.

Вчера вечером Марина завела трудный разговор о его работе, о куче неисполненных просьб населения, о нелестных отзывах односельчан. Роман любил и ценил Марину, она умная женщина, раньше вообще не встревала в его дела, а вчера:

– Роман, ты не сердись, я вижу, как тебе трудно. А трудно потому, что в тебе стержень вашей породы, ты вроде там уступку допустил, в другом месте глаза закрыл: а, ладно, не это главное. И верно, это все мелочи, но они изматывают тебя. Ты же честный и порядочный человек, на тебя дети чуть не молятся: папа справедлив, папа за народ. Вот сейчас с выборами – верхам нужна победа в первом туре, они все уши прожужжали по ящику, а какие брожения в народе, ты знаешь? И в любом случае спрашивать будут с тебя, и власть, и люди. Ты оказался между молотом и наковальней.

– Какие ко мне вопросы, Марина? Я соблюдаю закон о выборах, вот завтра приезжает делегация от компартии, даю им дом культуры,

пусть встречаются. Приедут жириновцы – пожалуйста. Все права соблюдены.

Марина взяла полотенце и начала вытирать обтёкшую посуду.

– Хочешь правду, Роман? Не дашь ты завтра коммунистам Дом культуры, ведь не дашь, и, скорее всего, Треплев уже научил тебя, как сподличать. И ты сделаешь это, потому что границу дозволенного ты уже перешёл. Эта история со членами комиссии. Ты думаешь, я поверю, что это случилось без тебя? Роман, надо остановиться. Треплева можно понять, ему нужно кресло в областной администрации, пусть самое скрипучее, и он вас таких десяток может сложить в кучку, чтобы допрыгнуть. А тебе это зачем? Мы пока уважаемые люди, пока с родителями видимость приличных отношений, но я боюсь, Рома, что эти выборы разрушат все, и доверие человеческое, и семью нашу тоже.

Он подошёл к столу, обнял жену за плечи, она резко повернулась и уткнулась в плечо.

– Успокойся, все будет хорошо, я тебе обещаю.

Это обещание записывать не надо, оно всегда на виду и всегда в памяти. Роман понимал, что нынешние выборы важны не только для страны. Работая в самом низу пресловутой государственной вертикали власти, не имея сколько-нибудь приличного бюджета, на сто процентов зависимый от отношения к тебе главы района, он понимал, что создаваемая такими путями и столькими усилиями система никогда не будет нормально работать на народ, на его село. Он уже выбрал линию поведения: выполнять, насколько это возможно, указания Треплева и в то же время сохранить своё лицо и свою душу. Он не верил в победу Зюганова, даже если он и наберёт голосов больше, эти ребята ни за что не отдадут власть, потому что для них это равносильно смерти. Любая новая власть предъявит обвинения, и они не во многом отличались бы друг от друга, а отвечать пришлось бы на уровне Всенародного суда.

Утром на щите у Дома культуры увидел объявление о встрече с доверенным лицом кандидата в президенты от КПРФ С.И. Романчуком. От неожиданности остановился, перечитал: приедет Романчук, бывший первый секретарь райкома, который направил его, Романа Канакова, секретарём парткома в Кировский совхоз, и три года до запрещения партии они работали бок о бок. В голове все смешалось: «Закрыть Дом культуры не получится, врать Романчуку я не смогу. А если позвонит Треплев? Не буду подходить к телефону, пусть звонит». Незаметно для себя Роман стал искать путь к истине.

С Романчуком встретились, как старые знакомые, после запрета партии Романчук долго не мог найти работу, хотя толковый экономист, опытный организатор, потом пристроился в лесной конторе, так что почти не встречались. Роману показалось, что Романчук встрече искренне рад.

– Рассказывайте, как работа, как настроение, как семья, дети?

– Дома все нормально, работа – сами видите какая, а настроение ни к черту.

Романчук удивился:

– Что так? Вы же все Канаковы из породы оптимистов. Отец здоров?

– Ещё как! Ждите, на встречу придёт, вопросы будет задавать.

– Я помню его, поверьте, если бы все семнадцать миллионов членов партии были настоящими коммунистами, как Григорий Андреевич, никто бы не сумел нас подмять. Вы знаете, что он приезжал ко мне с предложением вооружённого мятежа и установления партийной власти в районе?

– Когда? – испугался Роман.

– Перед запретом партии. И он был не один. Я связался с обкомом, меня успокоили, что ситуация под контролем. А через несколько дней Ельцин подписал указ, причём унизительно, беспардонно, в прямом эфире. Я в конце девяностых заканчивал академию при ЦК, уже тогда очень солидные люди говорили о подобном повороте истории. Так, довольно о прошлом, наши прежние отношения позволяют мне задать вам вопрос прямо, Роман Григорьевич: как проголосует ваш избиратель? Вы же чувствуете обстановку, настроения? Даю слово, это строго между нами. Просто мне хочется знать ваши оценки. Можно?

– Сергей Иванович, честно сказать, и мне это все порядком надоело. Наверное, мы в своё время работали плохо, были и ошибки, и откровенные закидоны, типа неперспективных деревень или содержания всего третьего мира за свой счёт. Было. Но так мы не жили. Если людей не пугать, не угрожать невыплатами зарплаты или пенсий, а дать проголосовать свободно – проголосуют за коммунистов.

Романчук помолчал, заговорил тихо:

– Мне сегодня звонил Геннадий Андреевич, видимо, у него есть координаты всех доверенных лиц. Задал тот же вопрос, что и я вам, и я ответил почти слово в слово, как и вы. Зюганов обеспокоен вознёй неких группировок, видимо, это идеологическая поддержка из Штатов. Очень много провокаций. Сказал, что у Ельцина очередной ин-

фаркт, по крайней мере, сильнейший приступ. И они его затаскали по разным шоу, даже, говорит, жалко старика. Ему стало известно, что на случай нашей победы готовятся крупные акции, не исключены и военные. Усиленно внедряется лозунг «Зюганов – это гражданская война!». Какие изощрённые сволочи! Они знают, на чем сыграть, наш народ уже один раз чуть не захлебнулся в собственной крови, генетически помнит, что такое гражданская война. Ну, вот, пожалуй, и все. Мы будем просить заверенные копии протоколов участковых комиссий, в рамках закона, не думаю, что вы будете возражать?

Из кабинета бухгалтерии позвонил домой, Марина сразу доложила, что несколько раз звонил Треплев и просил связаться с ним, желательно до встречи.

– Уже поздно, встреча начинается. Я просил бы тебя быть там вместе со мной. Придёшь?

– Рома, я уже собираюсь.

Романчук начал встречу ровно в восемь, но народ все подходил, и кто-то крикнул:

– Начальник, тормозни минут на пять, народишко соберётся.

Романчук улыбнулся:

– Хорошо, только я не начальник уже давно, а был первым руководителем района, если помните.

– Помним! – раздались голоса, и Канаков заметил, как заблестели слезой глаза бывшего первого. И вдруг в этом дружном «Помним!» Роман услышал голос отца, здесь, и будет держать речь. Странно, но это даже порадовало его.

– Чтобы не терять время, я приведу вам некоторую статистику. Сегодня район использует только семьдесят процентов посевных площадей. Да, частично заброшены малопродуктивные земли, мы в своё время ими не брезговали, но у нас задачи были другие. Количество скота сократилось на шестьдесят процентов, в том числе коров на половину. Свиней вырезали почти всех. Ликвидирована наша гордость – гусеферма, продававшая почти сто тысяч суточных гусят для населения. Молоко стало дешевле газировки, мясо закупают только наши азиатские братья, картофель перестали закупать совсем. В вашем селе жил Моспанов Яков Лаверович, если мне память не изменяет. Мы поставили ему в огород два «ЗИЛа», и он их полностью загрузил, сдал в заготконтору картошки на двенадцать тысяч...

– И триста двадцать пять рублей семнадцать копеек! – Моспанов встал, и зал приветствовал его аплодисментами.

– Помню, что мы тут же выдали распоряжение продать товарищу Моспанову «Ниву». Купили вы машину, Яков Лаверович?

– Купил, и до сегодняшнего дня езжу и благодарю советскую власть.

Романчук довольно умно построил своё выступление, он находил в зале знакомого человека и спрашивал о семье, о детях, о доходах, и люди выворачивали на всеобщее обозрение свои проблемы и беды.

Через полтора часа задушевного разговора Романчук сказал:

– Вот, дорогие товарищи, и закончилась моя агитация. В день выборов вы все должны прийти на участок и проголосовать. Обязательно все, как было в добрые советские времена. Вы все взрослые и умные люди, вы сумеете сделать правильный выбор. Спасибо.

Зал устроил Романчуку такие аплодисменты, каких не слышали даже приезжие артисты. Гостя проводили до самой машины. Канаков подошёл последним:

– Спасибо, Роман Григорьевич, очень славная получилась встреча, правда?

– Могу вам только позавидовать в умении работать с людьми.

– Да, это наука, но она крепко связана с реальной жизнью. И вы это заметили. И последнее: какие у вас отношения с Треплевым?

– Очень натянутые, и думаю, после выборов будут ещё хуже.

– Остерегайтесь его, я возражал против его перевода в райком, но давление было сильное, пришлось сдаться. Мы проработали вместе чуть больше года, а встречались только на бюро и в коридоре. Очень тяжёлый, злой и крайне жестокий человек. Впрочем... Чуть не забыл. Помню, консультировал вас по кандидатской. Что-то получилось?

– Ничего. Когда началась эта заварушка, я тоже несколько месяцев был не у дел, не до кандидатской.

– Все, прощаюсь.

Они пожали друг другу руки, и старенькая «нива» бывшего первого секретаря покатила в сторону райцентра.

16

Торговля Прохора быстро пошла в гору, взял в банке кредит под гарантию кооператива брата, купил газончика с будкой, каждую неделю ездил в город за товаром. Юрик подписывал все, что просил Канаков, и за дорогу, накинув половину цены на каждый продукт, Прохор мог назвать сумму дохода. Получалось солидно. Конфеты, вафли, печенье, пряники в шоколаде и без, новоявленные изделия типа «сухих завтраков» и печенья «плазма», зефиры и мармелады –

все было для села новым, неожиданным, люди покупали коробками, авторитет магазина рос, Прохора хвалили даже в районной газете.

Девчонки оказались симпатичными и разными, хоть и близнецы, Валентина смугленькая, круглолицая, ростом повыше сестры, на язык остра. Галина беляна, косу растит, телом поплотнее будет и тоже хороша. Прохор встретил с улыбкой:

– Вы в торговом деле хоть что-нибудь соображаете?

Сестры переглянулись:

– Мама всю жизнь в магазине, и мы ей помогали. Так что на весах нас не обойдёшь и по кассе не обсчитаешь, – с вызовом ответила Галина.

– Ну, тогда весь барыш наш. А ведь я вас совсем не помню, учиться уезжал – вы ещё пионерками были, а теперь невесты на выданье. Отец ваш просил моего отца, а мой рассуждать не любит, пришёл и сказал: принять! Медицинские книжки и паспорта при вас? Положите вот сюда, я потом договора напишу, обсудим. По зарплате. Сами понимаете, пока на берегу, как дело пойдёт? Потому сделаем гарантированную и плюс процент от выручки, думаю, месяца через три работы все встанет на свои места. Смены так: одна с восьми, другая с двух, возможно, и вместе придется, если товар ходовой.

– Прохор Григорьевич, а водка будет?

– Сложный вопрос. Пока не будет, отец не разрешает.

– Слава Богу! – В голос выдохнули сестры. – От пьяниц одни неприятности.

Когда девчонки ушли, Прохор почувствовал, как колотится сердце. Такие юные, чистые девушки, и он все время будет с ними рядом. Если и волочится кто-то, надо сразу отшить, найти причину.

Отец не ошибся, в тот день действительно была у Прошки гостья, из соседней деревни приехала на автобусе. Так, ничего серьёзного, встретились в райцентре, понравилась, мимо дома проехал, проводил, пригласил в гости. Она и явилась на другой день. Наслаждались до обеда, а потом Инночка стала наводить порядок в комнатах, всю посуду перемыла, пропылесосила, протёрла мебель. Прохор уж забеспокоился, не навсегда ли остаться собралась подруга. Как бы между прочим спросил:

– У тебя автобус в шесть?

Она засмеялась:

– В шесть, Проша, не боись, я в жены не тороплюсь. Ты скажи, если хорошо со мной, то будем встречаться, надоест – тоже скажешь.

Прохор тоже улыбнулся:

– Даже так? Абсолютно свободные отношения? Только попрошу, пока мы встречаемся, третьего быть не должно. Договорились?

– Само собой, Проша. Ты завтра купи что-нибудь, у тебя в ванной весь фаянс зелёный. А я приеду, заодно и почищу.

Настоящей любовной школой стал институт, Прошка, деревенский парень, сразу влюбился в городскую девушку из соседней группы, а как подступиться – не знал. Страдал, в учёбе отставать начал, и пришёл к ним в комнату разбитной паренёк, тоже городской, но с родителями не в ладах, добился места в общаге. Ему-то и поведал Прохор свою беду.

– Ты мне её завтра покажи, – вскользь бросил Славик и продолжал читать какую-то книгу.

Прохор показал издалека, Славка кивнул, и через пару дней на танцах в клубе общежития Лена его пригласила на дамский вальс. Ну и закружилось. Они сбегали с лекций, когда её родители были на работе, и курдались в квартире до пяти вечера. Потом Леночка все прибирала, и они уходили в кафе или в клуб. Компания у Леночки была большая и дружная, когда на зимних каникулах поехали в загородный пансионат, Леночка предупредила:

– Проша, ты Мадленке очень понравился, так что сегодня она к тебе придёт.

– А ты? – безнадёжно простонал Проша.

– А я у Виталика буду. Да ты не переживай, у нас все просто, ты осмотрись завтра, какая понравится, ту и приглашай. Если она уже забита, она скажет, пойдёшь другую искать.

– Лена, я не хочу, чтобы ты куда-то уходила, я тебя люблю.

Леночка расхохоталась, обвила шею друга, поцеловала в губы:

– Милый мой лопушок, с любовью придется погодить, пока мы молоды и друг другу интересны. А любовь, Проша, на первые три месяца, а потом начинается рутинная семейная жизнь. Вот переспишь сегодня с Мадленкой, завтра скажешь.

Прохор на все махнул рукой, учился кое-как, на зачётах научился вкладывать в зачётку выменянные на отцовское пособие доллары, бурные встречи в компании тоже влетали в копеечку. В очередной приезд домой отец его огорошил:

– Прохор, может, нам для тебя проще будет диплом купить? Вон, по ящику говорят, что в Москве в каждом переходе продают. Я тебе на самолёт денег дам, слетай, это мне дешевле обойдётся. Ты посмот-

ри, вот квитанции на твои переводы. Тут не только моя пенсия, но и весь приработок от пчёл и куриц.

Прохор пробежал глазами квитанции и покраснел: как он раньше не подумал, что отец шлёт ему последнее. Стыдобище! Ладно, если братьям не говорил:

– Все, папка, перехожу на самообслуживание, буду зарабатывать. Переводов больше не шли.

– Ты не кобенься, тарелку супу мы тебе купим, но эти гульбища бросай, такие расходы только с бабами связаны, а эта статья безлимитная, особенно по нонешней молодёжи. Ты Аннушке почему перестал писать? Приезжаешь, даже не спросишь, может, она тоже в гостях? Э-э-э, дурак ты, Прошка, Анюшка девка наша, на глазах выросла, порода работящая, чистая, а ты связался с отрепьем вокзальным. Есть хоть в твоих компаниях порядочные девки?

Прохор пожал плечами:

– Папка, порядочность настолько размытое понятие...

– Вон отсюда! Щенок малограмотный! Я тебе все сказал, а ты думай.

Думать было некогда, в неделю раз ходил на разгрузку вагонов, на другой день заработок вылетал вместе с пробками шампанского в очередном уютном особнячке. Лена уже была в категории всех остальных, и утром после весёлой ночи Прохор сказал:

– Лена, я больше в компании не участвую. Прощай.

– Прощай, Проша, но ты уже хватил свободы, другой жизнью едва ли сможешь жить.

17

В свободные от поездок дни Прохор приходил в магазин и работал в оборудованном рядом с залом небольшом застеклённом кабинете, откладывал бумаги, выключал свет и, сидя в кресле, наблюдал за продавщицами. Он купил им красивые лёгкие костюмы, Галя надела его без стеснения, а Валю смущало глубокое декольте. Она в первый же день надела под жакет белую кофточку.

– Ты почему нарушаешь форму одежды? – нарочито сурово спросил Прохор.

– Мне так удобней.

– Валя, надо думать не о себе, а о клиенте. Клиент заходит не только купить что-то, но и полюбоваться на красивую продавщицу, так ведь?

– Ну, не знаю, только я в таком жакете работать не смогу.

– Валюша, – убеждал хозяин, – ты очень красивая девушка, и твоя скромность снижает нашу выручку.

На другой день Галя сказала Прохору:

– Вы её не убеждайте, бесполезно, она даже при мне старается не раздеваться. А после вашего разговора так и отрезала: «Не хватало мне ещё груди бросить на весы!»

Прохор засмеялся, а потом спросил:

– Галя, а ты этого не боишься? Насчёт весов?

– Нет, Роман Григорьевич, не боюсь, у меня все надёжно схвачено, это Валентина со своим хозяйством пособиться не может.

Эх, как метнулась по организму кровь молодого человека, верно говорят, что одним только словом можно возбудить мужчину, всего одним, которое мгновенно родит в его ждущем сознании образы, от которых невозможно освободиться. Чтобы не выдать себя, он ушёл в кабинет, но Валентина заметила перемену и прикусила губу: не просто с хозяином говоришь, а с молодым мужчиной, к тому же слава за ним тянется не только из города. В деревне заметили дневную визитершу, и уже вечером отец как бы случайно встретил сына на дорожке к дому:

– Проша, сегодняшний день по православным понятиям постный. А ты грешишь, скоромное дозволяешь. У тебя, поди, и суп мясной? Про другие достоинства не спрашиваю, староват, да и не отцовская тема, я про пищу. Она тебе сготовила чего, или к матери пойдешь на ужин?

Прохор оглянулся – вроде никого нет, не хватало ещё, чтобы люди видели, как отец сына воспитывает. А он точно пришёл навести порядок, как бы кулак не поднёс посреди улицы.

– Папка, пойдём в дом, что мы на виду всей деревни?

– Застеснялся? Это хорошо, значит, не до конца ещё совесть потерял. Пошли. Но вот что я пришёл, Прохор. Ты легковушку купил – на какие шиши? Наторговать ещё не успел, в долги залез? Ты с деньгами не играй, это штука опасная, не таких, как ты, до могилы доводила. Братья дали? Я так и понял. Второе. Мы с тобой говорили про женитьбу, но ты, я вижу, не спешишь отца порадовать. Аннушку не собираешься разыскать? Скажу тебе честно: лучшей невестки я бы не желал.

– Папка, но не ты ведь на ней жениться должен, а я, по твоему раскладу. А я не хочу.

– Признайся, с ней тоже спал?

Роман замялся:

– Ну, как тебе сказать?

– Как было, так и говори! – Рявкнул отец. – Значит, испортил девку, а теперь рыло воротишь? Эх, жалко, прошли те времена, я бы

тебя сегодня же оженил. Какая девка! Красавица, умная, светится вся от доброты, а ты, свинья, нос воротишь!

– Папка, на Анне я не буду жениться, у нас все кончено, мы разошлись мирно и дружелюбно.

– Во подлец! Да она тебя, дурака, до сих пор любит, замуж не выходит, по весне матери твоей призналась, что никого, кроме тебя, ей не надо. Во как! Проша, тебе не под три ли десятка? Уже седина прочикнулась! И все орёл! Гляди, скоро линька начнётся, воронье перо попрёт! Значит, так. В столовании я тебе отказываю, это раз. Второе: если до октябрьской не приведёшь невесту показать – гоню из дома, у меня на ограде ладная избушка есть, тебе по холостяцким меркам и того много. Я не тихо говорю, ты меня хорошо слышишь?

Ответа ждать не стал, хлопнул калиткой и вышел. Мотнул седой головой, понимал, что пустые речи, от сына, как от стенки горох, все его слова отлетели.

Какая женитьба, если рядом две такие крали, такие цыпочки! Прохор в окно наглядеться на них не мог, иногда перед открытием проходил за прилавок, вроде товар на витрине поправить, протискивался возле девушек нарочито аккуратно, хотя едва сдерживал себя, чтобы не схватить в охапку.

Вечером Вале сказал:

– У нас разногласия с фирмой «Альянс», возьми последние фактуры, съездим, сверим.

Валя искренне удивилась:

– Роман Григорьевич, так ведь бухгалтер есть?

– Она приболела. Галя день отработает, а потом ты её подменишь. Я к тебе в шесть утра подъеду.

Машина не новая, но все-таки не «жигули», «мерседес» голубой окраски, так и горит на солнце. Не выходя из салона, наклонился, открыл правую дверцу. Валя в весёленьком зелёненьком платье в большую белую горошину, на шее такая же косынка. «Эх, и посыплются белые горошины с зелёного поля», – весело подумал Прохор. Валя села, чуть одёрнула платье, откинулась на спинку: – Если сильно трясти не будет, то я подремлю.

– А ночь ты чем занималась? Ишь, губки-то припухли. Колись!

– Спала, да плохо. Сны дурацкие снятся.

– Расскажешь?

– Не-е-е, нельзя.

– Ладно, после расскажешь.

– С чего это вы взяли? Может, это моя тайна.

– Вот ты и поделишься. Так, Валюша, мы должны заехать в магазин, на пять минут.

Вернулся с полным пакетом, поставил на заднее сиденье. Поехали улицами, на окраину, но не на выезд на трассу.

– Ещё куда-то надо забежать, Прохор Григорьевич?

– Ты очень догадливая, Валюша. Мы сейчас заедем к моему товарищу, я тебя с ним познакомлю.

Подъехали к аккуратному домику, Прохор своим ключом открыл калитку, пропустил вперёд Валю и защёлкнул замок. Валя не подала вида, что слышала. Опять же своим ключом открыл входную дверь, пригласил Валю.

– Так никого же нет, зачем мы идем?

– Друг, наверное, спит, ты проходи в зал, я его подниму.

Из спальни вышел с запиской, прочитал:

– Проша, если меня не будет, значит, я в командировке. Будь, как дома. Игорь». Вот видишь, как хорошо, никто нам не помешает спокойно поговорить. Дуй в ванну, мой руки и готовь завтрак, все нужное в пакете.

– Прохор Григорьевич, а «Альянс»?

– Давай чуть перекусим, там фрукты, шоколад.

Сам достал бутылку коньяка, налил два бокала:

– Давай выпьем, Валюша, за твою красоту, молодость, за жизнь!

Валя неумело взяла бокал, но Прохор подошел, помог поднять, поднести к губам и проследил, чтобы она выпила все.

– Мамочки, я никогда не пила, я буду пьяная.

Прохор сел на широкий диван, похлопал рукой рядом с собой:

– Валюша, сядь сюда, я тебе все объясню. – Он взял её руку, заметил, что она мелко вздрагивает. – Валя, я тебя обманул, и ты это уже поняла. Я хочу побыть с тобой наедине, ты мне очень нравишься, но в деревне наши отношения сразу стали бы заметны. Валя, я хочу сделать тебе подарок. Закрой глаза.

Он достал из портфеля коробочку, вынул цепочку, встал перед девушкой на колени, осторожно накинул цепочку на шею, крепко обнял вздрогнувшую девчонку и поцеловал в губы. Она отшатнулась, тронула цепочку, глянула на медальон.

– Я тебя не обидел, Валюша?

Она с вызовом ответила:

– Таким подарком трудно обидеть.

– Ты имеешь в виду цепочку или поцелуй?

– Наверное, цепочку, Прохор Григорьевич. А поцелуй – это как бы на сдачу?

Оба засмеялись, и опытный Проша понял, что все будет, как он планировал. Опять целовал и тискал девушку, она временами одумывалась, пыталась высвободиться, и тут Прохор сказал заветное:

– Валя, я прошу тебя верить мне, я влюбился в тебя сразу, как увидел. Мы должны быть вместе, я уже схожу с ума. Обними меня, любимая. Ты согласна?

Валя вся горела от поцелуев, от неожиданного предложения, она едва ли понимала, что говорит:

– Я согласна, Прохор Григорьевич.

– Валюша, милая, зови меня Прошей, мне так нравится.

– Проша, я согласна.

Он взял её на руки и понёс в спальню, она не сопротивлялась, когда с его помощью снимала платье, когда он целовал её плечи, щекотал уши.

Они проснулись после обеда, Валя скинула одеяло и обняла Прохора, не веря столь многим переменам, вдруг случившимся в её маленькой жизни. Прохор встал и вернулся с бокалом коньяка, предложил ей, она отмахнулась, он выпил до дна. Валя закрыла лицо руками и слезы потекли между пальчиков. Прохор сел рядом:

– Что ты плачешь, дурёха? Рано или поздно это должно было случиться, ну, не со мной, так с сопливым трактористом. Все будет, как было, мы работаем вместе, встречаемся, уезжаем от разговоров.

– А что дальше?

– Ну, Валюша, мы только начали наши отношения, пусть какое-то время пройдёт...

– Ты меня не обманешь, Проша?

«Дура, я тебя уже обманул», – так и вертелось у него на языке, но в первый день доходить до такого хамства он воздержался.

К вечере они вернулись домой.

18

Никита предложил брату взять пока в аренду, а потом и выкупить за самые малые деньги бывший совхозный магазин, в котором торговать уже было нечем, а закупать и возить продукты в конкуренции с братом – нет смысла. Прохор магазин осмотрел, про ремонт говорить не стал, но Никита опередил:

– Расходы на ремонт документально подтверди, сдадим в бухгалтерию, пройдет как арендная плата. И не скупись, все равно твоё будет.

Трое мужиков за скромную плату привели помещение в порядок, в райцентре у несостоявшегося купца оптом забрал все оборудование, неделя ушла на подготовку. В последний день после смены, когда Галя зашла в кабинет, чтобы сдать выручку, Прохор попросил её присесть:

– Галя, тебе нравится работа?

– Нравится, – скромно ответила она.

Прохор аккуратно искал подход:

– Я хотел предложить тебе поработать в новом магазине. Там будет и второй продавец, но я хочу, чтобы один был свой человек, проверенный, я бы даже сказал – родной.

– А Валентина здесь останется?

– Конечно, и ей найдём пару. Вот так у нас получится хорошо.

– Ничего хорошего я не вижу, Прохор Григорьевич, мы сестры, доверие полное, а в тот магазин проще двух новых взять, это же понятно.

– Ну, это тебе так кажется, а с точки зрения организации бизнеса мой вариант лучше. Подумай, Галиночка–Калиновка.

– Ой, Прохор Григорьевич, что за имечко вы мне подобрали! – засмеялась Галя.

– Какой у тебя смех приятный, век бы слушал. Ты согласна с моим предложением? Да, не сказал главного: ты там будешь за старшую, и зарплату мы тебе сделаем в два раза выше.

– А Валентине?

– Ну, что ты опять о ней? Валя останется здесь, хорошо, если ты просишь, а ты просишь, правда? Давай и ей увеличим жалованье.

– Тогда можно подумать.

– Галя, ты почему меня сторонишься, как бы стесняешься, что ли? Скажи, я тебе совсем не нравлюсь?

– Нравитесь, Прохор Григорьевич, вы хороший начальник, не грубый, в общем, нормальный.

– И это все? Галинка-Калинка, ты совсем не видишь во мне мужчину, а я, между прочим, холостой человек, ищу невесту. Вдруг к тебе посватаюсь?

Галина засмеялась:

– Что вы такое говорите, какая невеста? Мне бы хоть немного заработать, да учиться поступать. Не буду же я век карамельками торговать.

– Ладно, Галя, вопрос о невесте пока отложим, а по первому предложению ты согласна, тем более, что мы решили по зарплате. Товар завезён, завтра и начнём принимать дела. У тебя есть подружка в напарницы?

– Ой, Прохор Григорьевич, а я спросить боюсь, думаю, что вы уже нашли. Я Любашу Зарубину позову, она девочка спокойная, чистюля, и толковая, быстро освоится.

– Пусть она утром ко мне зайдёт. Да, и про зарплату ни слова, это коммерческая тайна.

Развести сестёр по разным магазинам Прохор надумал сразу после поездки с Валей, она слишком неосторожно вела себя при Галине, может быть, ей льстило почти родство с хозяином, может, простота деревенская сказывалась: если у нас любовь, то почему от сестры надо скрывать? Вечерами в машину она запрыгивала чуть не на ходу, целовала Прошу, жалась к нему. Они уезжали в сторону от дороги, Прохор принимал её ухаживания, поцелуи, комплименты, но Валя както заметила:

– Проша, я тебе не интересна?

– Почему ты вдруг так решила?

– Не отвечай вопросом, ты стал другим.

Он обнял Валю, хотел, как прежде, горячо и с придыханием – не вышло, отпустил:

– Не обижайся, я очень устаю, потом у меня проблемы с деньгами, ничто другое на ум не идёт.

Она опять успокоилась и несколько дней не задавала никаких вопросов. Новость о переводе Галины в другой магазин её смутила:

– Проша, ты зачем нас разлучаешь? Галина одна не сможет работать, её любая напарница облапошит. Да и мне чужой человек не нужен.

– Валентина, тут решения принимаю я, Галина будет в новом магазине, проверенный человек, понимающий. Ты же не хочешь, чтобы там торговали какие-то прощелыги? Она сама подобрала себе напарницу, попрошу бухгалтера, чтобы почаще их проверяла, да и ты недалеко, поможешь.

– Ой, не нравится мне все это! – по-бабьи вздохнула Валентина, встала: – Ты сегодня приедешь?

– Буду за поворотом стоять, выскакивай налегке.

Валю так кольнуло это «налегке», но вида не подала, да и сам Прохор понял, что слишком напрямик предложил. Ничего, оба сделали вид, что ничего не случилось.

А ведь случилось, сердце не обманешь, куда подевались страсть и горячность Проши, в дом не приглашает, к другу тоже не ездят, только в машине и обнимет, а она чувствует – нехотя, как одолжение делает. Спрашивать – себя унижать, и без того видно. Нет, рюмкой коньяка она себя не корила, и раньше, почти сразу была у неё мысль завлечь солидного жениха, потому и не стеснялась в нарядах, всегда с улыбкой, и в кабинет заскочит кофе попить, пока в зале никого нет, пострекочет с хозяином. Она видела, что Прохор поглядывает на неё, только не доходило до глупой девчонки, что так кот смотрит на сало, грезился ей интерес и даже, может быть, влюблённость. А когда хозяин предложил поехать в город с фирмой разобраться, понимала дурочка, что весь альянс в ней заключается, что не доедут до города, раньше хвост распустит этот павлин.

Как его удержать? По нынешним временам, даже если и разойдутся, все равно найдёт она себе жениха, но обида точила и жажда отмщения, если только позволит сама себе. Решила так: ещё с месяц повстречаемся, не сделает предложение – скажу, что беременна, а если – на то пошло, то и отцу его скажу. Он мужик правильный и серьёзный, заставит жениться.

Только знала Валентина из своей деревенской жизни, что насильно мил не будешь, гулеван-то под страхом суда или родительской расправы на все согласится, сватов подошлёт, поулыбается на свадьбе, а через год на законных основаниях развод – характерами не сошлись. А щемило ретивое, тянуло к Прохору, завязались в тугой узел девичьи вздыхания, и уже никого не видела за ним, ни на кого смотреть не могла, и неуклюжие мальчишки, которые тискали в школьных коридорах и слюнявили у калитки, стали чужими и противными.

Знала, чувствовала, что он только и ждёт прямого вопроса, чтобы все разом разорвать. Нет, не даст она ему такой возможности, а сам он не вдруг насмелится, хоть и пакостун, но трусоват, и понятно, что деревенской огласки он боится меньше, чем кулака отца. А почему, собственно, все должны знать? Что встречаемся – никто не знает, это точно, иначе Галина бы все равно услышала, а что расстались – никому не жаловаться, так и останется тайной. От таких мыслей чуток повеселело на душе, но вечерняя встреча, почти без разговоров и даже без поцелуев, Валя это впервые заметила, расстроила до слез. Вспомнилось вдруг где-то вычитанное: перестал целовать – первый признак, что любовь прошла. Написал это человек не с чужих слов, сам сердцем выстрадал.

19

Галина молодец, навела в новом магазине порядок, целый отдел выгородили под электронику, компьютер привезли, телевизоры, видеоаппараты. Торговля шла бойко, и Прохор был доволен. Забегая в магазин и дождавшись, когда выйдут покупатели, он ставил локти на прилавок и смотрел прямо в лицо девушки. Конечно, Галя смущалась:

– Прохор Григорьевич, не смотрите так, мне неловко.

– Тебе не нравится, что я на тебя смотрю? А мне очень нравится, потому что я скучаю по тебе, всегда думаю, когда же урву минутку, чтобы взглянуть на свою Галинку–Калинку.

– Что это вы так – на свою. Я пока ничья, и в том числе не ваша.

– Галя, не надо играть словами, я вот попрошу отца, чтобы он сватов к тебе направил – что ты на это ответишь?

Галина окончательно смутилась:

– Бросьте вы шуточки, Прохор Григорьевич, в восемнадцать лет выскочить и всю жизнь пелёнки, кастрюли, стирки? Нет, я хочу учиться, хочу стать химиком, очень мне эта наука нравится.

Прохор даже обрадовался:

– Что же ты раньше не сказала? У меня есть несколько фильмов по химии, я в институте тоже интересовался. Приходи сегодня вечером, посмотришь.

– Нет, Прохор Григорьевич, вы лучше в магазин кассеты принесите, я тут погляжу.

Прохор сделал серьёзное лицо:

– В рабочее время нельзя заниматься побочными делами. Так ты придёшь?

– Конечно, нет. Не прилично девушке ходить к неженатому мужчине, да ещё вечером.

– Ловлю на слове: а если днём? Галя, и помогла бы мне разобраться со шторами, купил новую ткань, а как со вкусом оформить – ума не хватает. Давай завтра после трёх? Если хочешь, я тебя встречу и завезу на машине в гараж, никто и не увидит. Ну, не откажи, Галинка–Калинка!

Галя помолчала, потом сказала:

– Я подумаю.

На том и расстались.

На другой день Галина не вышла, и Прохор напрасно ждал её в переулке. Утром первым вошёл в открытый магазин, с укором посмотрел, спросил:

– Приготовьте заказ на товар, завтра машину отправляю. И повнимательней, не забудьте ничего, а то люди спрашивают, а нам и ответить нечего. Заказ заберу в конце твоей смены.

Галина удивилась: он так искренне обиделся, даже разговор совсем другой, строгий и без обычных шуточек. Шевельнулось где-то в душе, видимо, есть такая струнка, которая на мужское внимание реагирует, поняла, что приятно. Но слава за ним такая, что лучше подальше держаться, на днях, говорят, какая-то девица из соседнего села у него гостевала. Может, врут. Не надо только вида подавать, что за собой какую-то вину чувствую, он живо ухватится. Не вышла, и все тут, не обязана по первому свистку выскакивать. Лишь бы только на работе не отразилось, ведь хозяин ей аванс выдал больше, чем она в том магазине зарплату получала. Валентина как-то осторожно поинтересовалась деньгами, но Прохор просил никому не говорить, и Галя назвала обычную сумму. Она не заметила, как облегчённо вздохнула сестра, подозревавшая своего Прошу в интересе к Галинке, значит, только ей он зарплату повысил, о чем она тоже никому не скажет.

Отец Артём Сергеич за ужином каждый день спрашивал:

– Ну, торгаши, докладывайте, как дела. Прохор не обижает? Глядите, он ещё тот ухарь, коляску подкатит, и глазом не моргнёте...

– Отец, ну что ты такое говоришь девчонкам? Разве можно?

Галя все время смеялась, а в этот вечер серьёзно ответила:

– Тятя, у нас теперь своя голова на плечах, ты нас караулить не набегаешься. Хозяин, конечно, заигрывает легонько, но лишнего не позволяет, правда, сеструха?

– Правда, – выдохнула Валентина и вышла изо стола.

– Чего это она? – Насторожилась мать. – Вроде не в себе?

– Да нет, просто устала. Народ ведь целый день, и каждому того сто грамм, того двести. А коробки по всему магазину вдоль стенки наставлены. Так напрыгаешься за полдня, что и голова, и ноги гудят.

Когда Галина вошла в комнату, сестра уже лежала в постели, отвернувшись к стене.

– Валя, ты не приболела случайно?

– Нет, устала. Ты никуда не пойдешь?

– Не пойду, мне завтра в первую смену, да ещё заявку оформить. Ты хозяина сегодня видела? Он с чего такой сердитый?

– Не видела, не знаю.

– Ладно, отдыхай, я в комнате почитаю.

Один Артём Сергеич уловил что-то недоброе, чужое в сегодняшнем кратком разговоре, не поверил он добродушным заверениям Га-

лины, насторожил и первый тяжёлый вздох Вали. Не ладно сделал, что сунул девчонок в эту толчею, торговля всегда была гиблым местом, и всякие недобрые дела там творились, потому что деньги, потому что выпивка всегда рядом.

– Мать! – толкнул он в бок засыпавшую жену. – Ты не замечала, чтобы девки с работы с винным духом приходили?

– Бог с тобой, Артюша, как только такое на ночь глядя в голову придёт, чтоб родное дите с вином связалось с таких лет. Спи!

20

Роман был рад, что сам Треплев на встречу с избирателями не приедет, будут два заместителя и кто-то из мелких чиновников. Июнь, жара, все в рубашках с галстуками. Роман увидел в зале отца – в пиджаке с орденом Трудового Красного Знамени, который на рубаху не прицепишь. «Точно, будет выступать», – понял Роман и, глянув на часы, открыл встречу.

Заместитель главы по сельскому хозяйству долго мямлил о больших надеждах на урожай, что-то пытался говорить об успехах фермерского движения, но его освистали. Когда скука стала одолевать полусомлевший от жары зал, старший Канаков выкрикнул:

– Прошу слова!

Роман хотел было сказать, что прения ещё не открывали, но, глянув на высоких гостей, уже безразличных, предоставил слово отцу.

Григорий Андреевич вышел вперёд, поправил пиджак, звякнув орденом, кашлянул:

– Вот собрали тут нас власти, чтобы объяснить тупым и убогим, что мы живем хорошо, а не замечаем этого, потому что надо присмотреться. Господин в галстуке пугает Зюгановым и коммунистами, вот я, уважаемые односельчане, вечный коммунист, конечно, теперь уж не красавец, но на страшного не согласен. Так что не надо народишко смешить, господин хороший. Не буду ничего говорить, хотя много накипело и прямо-таки прет выложить, но принесла мне вчера учительница наша уважаемая Вера Алексеевна бумагу, написала в районку, не стали печатать. Говорят, господин Треплев перешёл на полставки в цензоры и сегодня, как в былые времена граф Бенкендорф, просматривает все газеты до печатанья, так вот, он лично запретил, но я прочитаю это письмо Веры Алексеевны:

– Я протестую! – закричал человек в галстуке, и Роман Григорьевич резко повернулся к столу президиума:

– Пришей свой протест к протоколу, чтобы перед Треплевым отчитаться, а мне больше не мешай, я у себя дома, а ты неизвестно откуда взялся.

– Читай, Григорий Андреевич! – гудел зал.

– Читаю:

«После выхода на пенсию я принялась трудиться по хозяйству, читать художественную литературу и смотреть по телевизору многосерийные фильмы о красивой жизни. А ещё по вечерам – информационную программу «Время» смотрю с нарастающим интересом. Это и понятно: что ни день – новые сногсшибательные открытия. Уснула однажды в одном государстве, а проснулась в совершенно другом.

Пошла жизнь прекрасная и удивительная. Ведь раньше-то что было: не страна, а сплошной лагерь (и как это я сама не догадалась, спасибо, девушка по телевизору объяснила). Был сплошной беспросветный тоталитаризм. Теперь же я – свободный человек в свободной стране. Такой свободной, что даже цены в ней нынче, и то свободные. Не прекрасно ли?

Вот показывают каких-то бездомных людей с узлами, с обшарпанными чемоданами, расположившихся прямо на полу вокзала. Что это за люди, кто они? Оказывается, беженцы. Беженцы во время войны – это понятно. Но где и когда было, чтобы тысячи людей оказались беженцами в мирное время?

В телепередачи постоянно вклинивается (новое дело) реклама.

Показывают продуктовый магазин и в его витринах не то пять, не то шесть видов сыра и не меньше десяти сортов колбасы – от докторской до салями. Как хорошо-то! Но следом идёт другая картина: пожилой человек роется в железном мусорном ящике. Что он там ищет? Может, кто по ошибке выбросил туда хорошую вещь? Но он вытащил из ящика полбатона хлеба и положил в свою сумку! Может, он взял для своей собаки? Но вчера показывали набор самой разной еды для собак. Взял бы, да и купил. А то как-то некрасиво. Свободный человек в свободной стране при свободных ценах не хочет, скупердяй, купить для любимой собаки добрый кусок мяса.

Радуюсь изобилию всяких товаров. Но купить их могут лишь пять, ну пусть десять из ста «свободных» жителей: цены такие, что люди в обморок падают. Не изобилие это, а издевательство над людьми: око видит, да зуб неймёт.

Радостно осознаю, что кончилось трижды проклятое застойное время и я, свободный человек, живу в свободной цивилизованной

стране, о чем мне не забывают напоминать по телевизору – и не хочешь, да поверишь. Сегодня показывали автомобили разных марок: лады, тойоты, вольво, мерседесы. И никаких очередей. Выбирай, садись и поезжай. С удовольствием уехала бы, но на мои деньги теперь одно колесо едва ли купишь. А потом показали Канарские острова: зелено-голубое, изумрудное море, пальмы, золотой песок. А на песочке загорают весёлые благоденствующие люди. И телевизионная красавица предлагает совершить путешествие на эти острова, обещая райский комфорт. Да уж какие там Канары, когда не знаешь, как свести концы с концами!

Врачи рекомендуют побольше фруктов, соков, свежий творожок со сметаной, сыр. Да только не говорят, где на это все денег взять, как за ценами угнаться. Забывают, что мы, старики–пенсионеры, теперь не просто бедные, а нищие. Порой в моей голове мелькает мысль: чем жить на старости лет в унижении и нищете, может, лучше уснуть и не просыпаться?»

Вот такое письмо. Автора я назвал, но под ним может подписаться каждый советский человек, это вам, товарищи земляки, бюллетень для скорого голосования!

– Ясно!

– Молодец, Канаков, провёл агитацию!

– Закрывай собранье, Роман Григорьевич, дышать нечем!

– Все понятно, вы только лозунг «Ельцин – наш президент» с собой заберите, нам он без надобности.

Две машины районной администрации с гостями упылили на трассу.

– Ты почему гостей чаем не напоил или пивком холодненьким? – спросил старший Канаков младшего.

– Все, папка, результат выборов виден уже сегодня, и приказ о моем освобождении тоже просматривается.

Отец был благодушен:

– Ты сильно не переживай, освободят – к Никитке пойдешь в помощники, ему крайне нужен свой человек, потому что воровать удобнее с людьми близкими. Вот и будет у вас пара кашемирова.

Подошла Марина:

– Папка, вы сильную речь сказали. Понимаю, что Роману она не очень по душе, но как здорово вы все расставили. Я больше чем уверена, что половина проголосует за Зюганова.

Старший Канаков покашлял:

– Времена наступили, дочка, сын против отца, отец против сына,

пока ещё словесно, но, не дай Бог, дойдёт до кулачков. И мужика твоего запросто могут с работы турнуть за такие выборы, видишь, как оно... Но отступать никак нельзя, дети мои, им ещё один срок дать, и от России ничего не останется.

Марина испугалась:

– Уж больно вы круто, Григорий Андреевич. Такого же не может быть!

Канаков вздохнул:

– Молодёжь, вроде грамотные, не глупые, а простых вещей не понимаете. Я у Маркса читал и себе выписал в тетрадку: если дело сулит капиталисту триста процентов барыша, он не остановится ни перед каким преступлением. Поняла? Ладно, пошёл я, устал сегодня сильно.

21

Так хитрый зверь выслеживает и усыпляет бдительность своей жертвы, то голос подаст, то на ветряную сторону выйдет, чтобы жертва дух его чуяла и заранее умирала от страха. Ходит кругами, ловит единственный момент – и жертва, даже макнуть не успев, оказывается в его мощных лапах. Так обхаживал Прохор Галину, такие перед нею ковры расстилал, такие слова говорил, подарки она уж домой не носила, боялась, что Валентина может увидеть и спросить. И в дом к нему уже заходила свободно, без опаски. Он хорошо помнил её главный аргумент: «учиться надо», потому как-то за чаем, спиртного Галя даже на стол не допускала, вынул из сейфа толстую пачку долларов и сказал, что это квартира в городе, и, если Галя согласится выйти за него, он оставит на магазинах Валентину за старшего, и они будут в городе вместе, он работать, она учиться. Наверное, последней каплей подлости стала бархатная коробка с обручальными кольцами. Прохор сказал, что в воскресенье к обеду с родителями и братьями придут свататься. Вот и потеряла рассудок девчонка, залилась слезами счастья и радости, обняла своего завтрашнего жениха, а тот только этого и ждал. Напрасно шептала Галинка–Калинка слова-отговорки, напрасно слабенькими ручонками упиралась в его давящее тело, он только жестоко целовал её, кусал шею, грудь, бормотал о свадьбе и о любви.

Когда стемнело, она вышла из дома Прохора и на тропинке встретилась с отцом его, Григорием Андреевичем. Он даже не кивнул, не узнал, слава Богу, она пришла домой, ещё раз обмылась в тёплой баньке, оделась и вышла через переулок к озеру. Красивое место, здесь они с Валей пасли гусят, караулили их от коршуна и от кошек, а потом, когда те вырастали, никак не могли выманить их с воды, видно,

осталось где-то в глубинах их памяти, что гусь должен на воде спать. И спали. Никто не тревожил, отец иногда ходил, проведал.

Галя прошла по бережку, ступая во влажный песок, сбросила босоножки, ноги ощутили тепло нагретой воды, ласковую шероховатость песка. И вдруг как высветило: в прошлом году они с Мишей провели тут целую ночь. Вот так же гуси застыли на воде и спали, уткнув свои клювы под мощные крылья, так же лопушки отбрасывали лунный свет, и кувшинки закрылись до поры, почему их называют балаболками – смешное слово, но никто не знал. Мишка уже окончил первый курс института, приехал на каникулы, помогал отцу сено косить, картошку окучивать. Встретились у магазина, улыбнулся:

– Здравствуй, Галя, я тебя едва узнал, ты за этот год такая девушка стала.

Галя смутилась: нравился ей Миша в школе, но у него был свой круг друзей и подруг, а Галя, восьмиклассница, его ничуть не интересовала.

– Какая была, такая и есть.

– Нет, Галя, ты стала красивая, и я тебя даже боюсь.

– Ну-ну, это тебя в городе так научили к деревенским девчонкам подкатывать: ой, боюсь, ой, стесняюсь, пожалейте меня!

Оба весело рассмеялись.

– Галя, если ты свободна, давай вечером погуляем. Согласись, пожалей меня.

Так хорошо стало Галине, так радостно:

– Так и быть, спасу твою душу, приходи на озеро к нашей пристани, как стемнеет.

Едва дождалась темноты, Валя в клуб убежала, кое-как отвязалась от неё, а тут мама:

– Ты куда это, девка, на ночь глядя?

Дочь не стала скрывать:

– Мама, Миша Андреев пригласил погулять. Ты не переживай, спи.

Мать кивнула:

– Мишка парень хороший, и родители у него приятные. С ним погуляй, он плохого не дозволит.

Миша ждал, сидя на старой опрокинутой лодке, увидел Галю, встал, взял её за руку.

– Красиво тут. Я тоскую в городе по деревне, по людям, по обстановке. В городе люди другие.

– Хуже?

– Нет, но другие. Тебе не понять, надо прожить хотя бы с год, тогда разница станет заметной. Расскажи, как твои дела, что в школе?

Галя рассмеялась:

– Миша, какие у меня могут быть дела? Влюбиться бы надо, да не в кого, нынче в десятый пойду, а дальше – тёмный лес. Даже если и поступим с Валей, родителям не под силу будет двоих содержать. Вот ты как живёшь?

Михаил скинул курточку и постелил её на дно опрокинутой лодки. Они сели рядышком.

– Мне легче, Галя, я попал на бюджетное место, даже стипендию получаю. И только за счёт спорта. Если помнишь, мы в футбол здорово играли, я ещё школьником попал в сборную области, потому и заметили. Есть ребята на платном отделении, но тоже разные, короче говоря, деревенских почти нет, так, сынки чьи-то тупые.

Галя повела плечами: от воды потянуло прохладой. Михаил осторожно обнял её за плечо и подвинулся поближе:

– Так теплее?

– Теплее, Миша. Ты знаешь, теперь это уже никакого значения не имеет, потому скажу. Я в восьмом классе за тобой бегала, ну, так говорят. Ты мне очень нравился, но совсем не обращал внимания, не замечал. Я даже плакала. – Она счастливо засмеялась.

Михаил помолчал, потом спросил:

– А сейчас, Галя, сейчас я тебе нравлюсь?

– Зря я тебе это сказала, – посуровела Галина. – Можешь подумать черт знает что. Ты теперь городской, получишь высшее образование, у тебя там выбор – тысячи девушек.

– А если мне не надо тысячи, а только одна, и она сидит рядом со мной и даёт глупые советы. Ты мне очень нравишься, Галя, правда, я сегодняшнего вечера кое-как дождался. И мне очень хорошо с тобой.

Галя прижалась к нему:

– Мне тоже хорошо, Миша.

– Можно, я тебя поцелую? – Он уложил её головку себе на колени и стал нежно целовать мягкие податливые губы, она прижималась к нему, выпрастывала губы и сама принималась целовать – неумело, с причмокиванием. Он чуть отвернул воротничок кофты, прижался к истокам её грудей и, боясь лишних движений, вдыхал удивительно чистый пряный запах милой девушки. Она подняла его лицо, поцеловала в губы и спросила:

– Миша, а если я тебя люблю? Если я сегодня на все согласна, что ты скажешь?

Парень опять обнял её:

– Глупышка, ничего я тебе не скажу. Ты мне очень нравишься, очень, может быть, завтра я скажу, что не просто влюбился, а люблю тебя. И хорошо, что ты призналась. Если у нас будет настоящая любовь, мы будем встречаться, целоваться и, в конце концов, сыграем свадьбу.

– Миша, ты не подумай про меня плохого, я тебя проверить хотела.

– Как я могу думать про тебя плохое, если мы с тобой с сегодняшнего дня самые близкие люди? Ты мне веришь?

– Верю.

– И я тебе очень верю.

Они просидели на берегу до рассвета, и только утренняя прохлада погнала их в деревню. У ограды Миша тихонько поцеловал Галю, и она открыла калитку.

Утром Михаила срочной телеграммой вызвали в город, он уехал, всех парней с их курса, кто не сумел откупиться, призвали в армию, а осенью пришло извещение, что Миша пропал без вести. А ещё через месяц приехал парень без руки и с обожжённым лицом, сказал родителям, чтобы не ждали и не искали: в Чечне Миша подорвался на фугасе, а после такого от солдата остаётся только фамилия. Командиры, чтобы скрыть потери, объявили с десяток ребят пропавшими без вести.

Галя не плакала. У неё не осталось даже письма, даже фотографии. Остались воспоминания об одной ночи, проведённой на берегу старого озера.

22

На открытие избирательного участка собралось много народа, но митинга, как в старые годы, не было. Григорий Андреевич проголосовал одним из первых, пожал руки членам комиссии и положил перед председателем мандат наблюдателя:

– Ты не сомневайся, Игорь Владимирович, закон избирательный я изучил от корки до корки, свои права и обязанности знаю назубок, так что мешать не буду, а буду наблюдать.

Роман Григорьевич отозвал председателя в сторонку:

– Вы с ним в спор не вступайте, если делает замечание – фиксируйте. Если он начнёт возмущаться, нам его всей деревней не остановить.

Люди шли и голосовали, торговли колбасой и пивом, как в старые времена, не было, гундела какая-то музыка, ни песен, ни басен.

– Максим Павлович, ты чего ждёшь? Голос свой отдал, шуруй домой.

Максим, ехиднейший говорун, ответил:

– Нет, я дождусь, на одной ноге такую даль кандыбал, да без стопки обратно? Нет, дождусь.

Мужики знали, кого надо расшевелить:

– А чего ждать? Подавать не будут, это же ясно.

– Как не будут? А горячий обед? Он без стаканчика не обходится.

– Какой горячий обед, о чем ты, Максим Павлович?

– Дак ты погляди кругом, мы же на похоронах. И тихо, и музыка такая, что впору рыдать, и урны с прахом уже опечатаны. И народишко выходит, как из мавзолея, с понурой головой.

– А ты бывал и в мавзолее?

– Да нахер он мне загнулся, чтоб я смотрел на этого лобастого. Потом Никитка был, тоже на причёску богат. Зато у Лёни волос было что на голове, что на бровях – на всю партию хватит.

– Ты, Максим, поаккуратней, здесь Григорий Андреевич, он тебе этого не простит.

– Верно, видел. Жалко мужика, толковый, хозяйственный, а вот спутался с марксизмом, и никуда без него.

– Подожди, дядя Максим, а ты за кого голосовал?

– Поясню для бестолковых. Ну за кого я, фронтовик, калека, мог голосовать? Я спросил: кто из этих красавцев за старую жизню? Мне сказали номер, вот я его и открыжыл, и старухе велел, только она наврёт все, бабахнет за Жириновского, и его сразу изберут.

На хохот вышел Роман Григорьевич:

– Я смотрю, настроение у вас боевое, проголосовали, теперь будем ждать результатов.

– А чего их ждать, Роман Григорьевич, если вам задание довели, сколько процентов должно быть за Ельцина?

Роман смутился, но тут же ответил:

– Это провокационные разговоры, товарищи, голосование продолжается, и мы не имеем права на избирательном участке обсуждать, кто и как голосовал.

Канаков старший только докладывал председателю, с кем он поедет на выездное голосование, садился в машину, вместе с членами комиссии заходил в дома к престарелым и больным людям, никто при нем не отваживался указать избирателю, где ставить птичку. Несколько раз старушки просили:

– Дочка, я ничего не понимаю, мне все время показывают, где выводить крестик.

Канаков пояснял:

– Нельзя, Марфа Петровна, ты сама должна выбрать.

– Ой, Григорий Андреевич, а я ведь тебя не признала. Покажи-ка мне, дочка, где тут коммунист самый главный, за него проголосую.

Председатель комиссии пригласил Канакова в отдельную комнату:

– Григорий Андреевич, я вам запрещаю выезжать с урной на голосование, вы своим присутствием проводите агитацию.

Он, видимо, все-таки плохо был проинструктирован, что с Канаковым так разговаривать нельзя.

– Простите, мил человек, или я вас не понял, или вы нихрена не понимаете, хотя сидите в кресле председателя. Мне теперь что, раствориться? Своим видом я агитирую!? Да это же похвала из ваших уст! Буду ехать туда, куда захочу, но водить руками стариков в пользу одного из кандидатов не позволю. Я все сказал, ты свободен.

И проводил раскрасневшегося председателя на его место.

Когда закончилось голосование, пересчитали оставшиеся бюллетени, завернули их в бумагу и опечатали сургучной печатью. Роман взял пакет и понес его в комнату, у порога его встретил отец:

– Положи на стол, чтобы все видели.

Перед вскрытием урн провели совещание, распределили, кто какие бюллетени считает, сдвинули столы. В центре два члена комиссии с одной стороны, два с другой считали бюллетени Ельцина и Зюганова. Григорий Андреевич не скрывал своей радости: Зюганов на участке выборы выиграл с заметным перевесом. Потом пересчитывали ещё по разу, долго писали протоколы, один экземпляр после сверки цифр старший Канаков забрал и ушёл домой.

На повторном голосовании обстановка была напряжённой, члены комиссии то и дело выскакивали со стульев и давали разъяснения. На крыльце Дома культуры какие-то незнакомые молодые люди на нижних ступеньках встречали людей, до самых дверей провожали.

– Это что за конвой? – строго спросил старший Канаков председателя комиссии.

– Простите, я их не знаю, – ответил тот и убежал в зал.

Григорий Андреевич нашёл Романа:

– Что за агитбригада у тебя орудует возле участка?

Тот пытался отрекаться, но отец наступил ему на туфлю, прижал к земле и прошептал на ухо:

– Если через пять минут они ещё тут будут, я тебе голову отверну прилюдно. Исполняй!

Чужаки исчезли, подъехал на своей «ниве» Романчук, проголосовал, подошёл к Канакову, пожал руку. Тот рассказал о визитёрах.

– Вы их прогнали, они на другой участок переехали. У них технологий много, и они упор на деревню делают, потому что деревня дисциплинированней, активней. Только едва ли так можно спасти положение, я думаю, в случае явного проигрыша они пойдут на откровенную фальсификацию.

– Сергей Иванович, протоколы я у них изыму.

– Эх, Григорий Андреевич, если бы все строилось только на протоколах...

Когда районная газета опубликовала сводную таблицу результатов финального голосования, Григорий Андреевич ничего не мог понять: по его избирательному участку цифры были совсем не те, что значились в его заверенной печатью копии. Он ещё раз нацепил очки и сверил: так и есть, оказывается, большинство не у Зюганова, как было, а у Ельцина, и на двадцать процентов больше. Схватив газету, он побежал в администрацию, с Романом столкнулись в коридоре:

– Это что? Что это, я тебя спрашиваю?! Как нарисовались эти цифры, которых нигде не было и быть не может?!

Роман сгрёб отца в охапку и уволок в кабинет, наглухо закрыл обе двери.

– Папка, не кричи так, вся контора сбежится!

Канаков продолжал кричать:

– Я тебе не папка, а представитель коммунистической партии на выборах, и я тебя, подлеца, спрашиваю, как получилось, что выборы выиграл один, а победа присуждена другому?

Роман побагровел:

– Да успокойся ты, наконец! И говори тише. Это не моя вина, все изменения внесены в районе. А им приказала область, ты это понимаешь? Что я мог сделать? Если ты сейчас поднимешь шум, то результат будет один: меня выпрут с работы. Папка, это система, ничего изменить нельзя.

Канаков выслушал сына до конца, а потом безнадёжно спросил:

– Ты же сам возил документы в район, сопровождал, при тебе пачкали результаты народного голосования, измывались над волей твоих людей, твоих земляков. И ты все это молча проглотил, как кусок дерьма? И кто ты после этого? Вот скажи, ты сам себя уважаешь?

Роман почти плакал:

– Папка, там присутствовал сам Парыгин, это такой хлюст, он с Чубайсом на «ты».

– Брось! Я с этим засранцем тоже на «ты», если бы довелось хоть раз в рожу ему двинуть. Мне надо знать, как ты жить собираешься среди этих людей, которых предал, за портфельчик, за «волгу», за поганое жалованье? Ладно, это тебе решать, а моё слово такое: немедленно подаёшь на увольнение, сдаёшь все дела, а потом думать будем. Завтра утром придёшь и все расскажешь.

Утром Роман к отцу не пришёл, а вечером прибежала Марина:

– Папа, Роман в дым пьяный приехал, сказал, что Треплев его заявление порвал, оставил на работе, просит прощения у вас, сказал, что покончит с собой, если вы не простите. Я ключи от ящика с ружьём спрятала. Я боюсь, папа!

Матрена Даниловна охнула и села у стола. Григорий Андреевич усадил Марину, вытер чистым полотенцем её слезы и улыбнулся:

– Марина, милая моя дочь, с мужиком тебе немыслимо повезло. Он тряпка, если бы физией на меня не нашибал, обвинил бы мать, что пригуляла. В нем моей твёрдости ни грамма нет. Ключ от ружья положи на стол, такие малодушные не стреляются. Если он Треплеву не дал в морду – какое самоубийство? А по существу-то, он давно себя в себе убил, вот как пошёл этой власти служить, так и кончил. Отдохни, попей чайку, мать, сгоноши. С Романом ещё один разговор сделаю, только независимо, Марина – ты и детки твои – моё родное, я вас не брошу и от себя не отпущу.

Утром старый Канаков был первым посетителем у главы сельской власти. Вошёл в кабинет, присел без приглашения, огляделся, новенький портрет Ельцина за спиной сына, новые часы на руке тоже заметил – премия, должно быть.

– Пришёл сказать тебе, Роман Григорьевич, что с сегодняшнего дня не стало у тебя родного отца, пусть тебя эти, – он кивнул на портрет, эти пусть тебя усыновляют. Дорогу ко мне забудь, с матерью видайся где на стороне, но Марину и деток не смей от нас отбивать. Случится, помру – за оградой выноса дождёшься, оттуда проводишь вместе с народом. Все, прощай.

И пошёл к дверям. Роман выскочил изо стола:

– Папка, прости, ведь я твой сын!

Старший Канаков на мгновенье остановился, дрогнуло что-то в душе, но пересилил, переломил, молча хлопнул дверью. Заскочившие в кабинет перепуганные сотрудницы увидели Романа Григорьевича на коленях, уронившим голову в то место, где только что ступала нога его родного отца.

23

Вечером Канаков старший пошёл в Дом культуры, нашёл паренька, которого назвали художником, достал из кармана листок и подал в измазанные краской руки специалиста. Сказал, чтобы к утру щит с текстом висел на рекламной рамке в центре села.

– Аванс, – с трудом выговорил живописец, и Григорий Андреевич взял его за ворот куртки:

– Когда напишешь и вывесишь, тогда и аванс, и зарплату получишь. Даю слово, что не обману, ты меня знаешь.

– Тяжело без аванса.

Но Григорий Андреевич уже не слышал, по его просьбе в библиотеке девчонки писали бумажные объявления. Текст был один: «22 июня с.г. в ДК состоится собрание пайщиков кооператива «Кировский» и всех жителей села. Вопрос: О руководстве кооператива. Отчёт председателя Канакова Н.Г. Начало в 8 часов вечера. Прибыть всем».

Никита, увидев объявление, с утра всех поднял на ноги. Первым позвонил Треплеву, кратко изложил суть. Треплев выругался:

– Я пришлю юриста и начальника сельхозуправления. Акционирование отменять нельзя, я уже почти все вопросы решил по регистрации. И что у вас за отец такой, его детей тянут всеми силами к светлой жизни, а он уперся в марксизм, да хоть бы понимал в нем!

Никита возразил:

– Это вы напрасно, Ермолай Владимирович, он из Маркса главное усвоил – о прибавочной стоимости и безнравственности капитала.

Треплев засмеялся:

– Вот старики пошли! Главе района некогда газету как следует посмотреть, а они Маркса изучают. Я думаю, надо сразу предложить людям график выплат за натуральные паи, тогда они заткнутся. Я могу вложить десять тысяч баксов, да ты столько же найди. Сколько всего дольщиков?

– Около двухсот. Но часть добрых мужиков оставим работать, с ними можно и попозже.

Треплев махнул рукой:

– Выдай всем под роспись, только заголовок оформи правильно, что это аванс за приобретённое имущество бывшего кооператива. И посмелее, все равно будет так, как я сказал. Деньги привезёт водитель.

Собрал своих приближенных, которым тоже пообещали по пять процентов акций, это все конторские.

– Отчёт у меня будет краткий, надо найти по одному–два челове-

ка, чтобы выступили в поддержу акционирования. Это хороший шанс выжить, иначе спустим все и пропадём.

Никто из них энтузиазма не проявил, встал молодой человек, агроном Воронин:

– Никита Григорьевич, от всей этой процедуры бурно пахнет аферой. Я отказываюсь в ней участвовать.

– Вот как? – деланно удивился Канаков. – Кто ещё у нас брезгливый?

– Да все, – с места ответила старый совхозный экономист. – Никита Григорьевич, откажитесь от акционирования, обсудим с людьми, что можно сделать, чтобы устоять, у меня тоже есть расчёты.

– Ладно, свободны.

Никита охватил голову руками. Как хорошо все шло, все бумаги подготовлены, проверены во всех инстанциях, осталось зарегистрироваться и начать выкуп имущества. Никто бы и не пикнул, тем более, что деньги выплачивались неплохие, и за что? За тракторное колесо, которое тебе приходится по паю, или часть стены коровника, которую ты домой никогда не утащишь? И надо же было болтануть отцу! Хотя рано или поздно, он бы все равно об этом узнал и скандал был бы ничуть не меньший. А собственно, что я расстроился? Отчитаюсь, все цифры под руками, от акционирования отрекусь, скажу, что только собирались, но без согласия коллектива... В общем, пойдёт, и никто ни к чему не прикопается. Зашёл к экономисту, извинился, сказал, чтобы готовила свои предложения.

Народу в клубе набилось много, мужики толпились у входа в зал, мест уже не было. Никита приказал снять стол со сцены и поставить в зале, быть ближе к народу. На поданные со сцены стулья сели конторские.

– Будем начинать, товарищи?

– Пора!

– Открывай!

Никита глазами нашёл отца, тот сидел на крайнем месте, значит, будет выступать. А что он имеет сказать? Да ничего, кроме вечного недовольства и сравнивания совхоза с кооперативом.

А Григорий Андреевич много передумал за сегодняшнюю бессонную ночь и день, проведённый в дороге в район и хождениях по старым друзьям-приятелям, у кого дети или близкие люди работали в нужных ему конторах. Возвращаясь вечерним автобусом, он сам себе задал вопрос: а может, не надо вмешиваться в Никиткины дела, ну,

вся страна воровская, выведу сегодня Никитку, сына своего, на чистую воду, а ведь мне одному всех на чистую воду не вывести, руки коротки, да и жизни не хватит. Может, сжаться до величины расхристанного сердца, да пожалеть Никитку и жену его, и детей их, да не доводить до обмороков старую свою жену, она и так сдала в последнее время, или больше меня знает, или сильней переживает. Никита без него собрание проведёт спокойно, он не дурак, говорит точно, кратко, не в пример многословному Ромке. Хороший был бы председатель по тем временам.

А какие были мужики! Грамотёшки мало, но ночей не спали и людям не давали, все старались для колхоза, и труды их не пропали, их усилиями создавались коллективные хозяйства и воспитывались те люди, которые ценою собственного недоедания прокормили воюющую с фашистами армию и рабочий класс у станков. Ценою отрешения от будущего оплачивали государственные займы на восстановление разрушенной промышленности, играли с государством в безвыигрышные лотереи нескольких пятилеток, сдавали все до зёрнышка и при том умудрялись следующей весной сеять. Это они, вынужденные помимо оплаченной «палочками» колхозный работы вести какое-никакое домашнее хозяйство, чтобы не сдохнуть с голода, да ещё сдавать Родине все: мясо, молоко, яйца, и «полторы овчины с овцы» – мера, обязывающая получить приплод, если хочешь сохранить свою шкуру.

А каких высот достигли, грудь в орденах, тот Герой Труда, а тот депутат Верховного Совета. Всех знал и уважал Григорий Андреевич, вместе с ними в партию вступил, рядом жил и вечно учился. А ведь было чему!

Богатый опыт руководства колхозами, тонкое умение провести решение через все рогатки командно–административной системы и выдать-таки колхознику зерно и прочую натуроплату, при этом сохранить благорасположение к себе и, следовательно, к колхозу, вышестоящих товарищей, не уронить собственного достоинства и не навредить хозяйству; знание конкретных условий каждого поля, особенностей климата, повадок каждого бригадира и уловок каждого механизатора, умение взять, что нужно, из рекомендаций заезжего учёного и советов безграмотного, но толкового колхозного старожила; ювелирно лавировать на стыке морального и уголовного кодексов, пройти по лезвию бритвы и не порезаться, быть у воды и не замочить ног, ворочать миллионами и остаться бессреб-

реником – все это вобрало в себя понятие колхозные председатели, руководители.

Мог ли он поставить рядом с ними сына своего родного? Нет, не мог, это значило унизить тех, кто остался в памяти святым и чистым человеком. Повинен сын и будет призван к ответу, а коли дело это общественное, то и казнь его моральная тоже должна быть при обществе.

Он, опустив голову, слушал доклад сына, расчёты экономиста, размеренную речь районного начальника, который задавил цифрами, гектарами, тоннами, а в конце заговорил про успешное акционирование, но в других хозяйствах.

– У вас эту кампанию проводить пока рано, – заключил начальник.

– Будут ли какие вопросы? – спросил Никита Григорьевич.

– Вопросов будет много. – Григорий Андреевич встал. – Первый к районному начальнику: при акционировании рядовые крестьяне что имеют?

Начальник помялся:

– Ну, как вам сказать?

– А ты говори прямо: нихрена они не имеют, сунут им копейки с барского стола, и они уже никто, плаху на гроб покупать придется. Садись. Теперь вопрос к нашему начальнику господину Канакову: так все-таки акционировали вы наш колхоз или нет?

Никита встал:

– Я только что все объяснил, мы работаем в формате кооператива с перспективой акционирования. Другого пути нет.

– Ясно. И ты садись. Теперь последний вопрос к народу: сколько мы будем терпеть эту ложь, это вранье?! Вот бумага, я сегодня день потратил, чтобы её добыть. Это свидетельство о регистрации акционерного общества «Фортуна», а учредители жена главы района Треплева, ещё чья-то жена или блядь, не разбирался, и наш уважаемый председатель Канаков. Вот он, документ! – Григорий Андреевич потряс над залом пачкой бумаг. – Уже все на мазях, осталось только вписать в реестр, но что-то задержались. А теперь решайте по председателю, я предлагаю господина Канакова из правления вывести и с председателей снять.

Жуткая тишина нависла над залом, потом люди заперешёптывались, загудели, но Никита Григорьевич, пролистав все бумаги на столе, встал:

– Уважаемое собрание, в зале присутствует меньше половины чле-

нов-пайщиков кооператива, потому собрание неправомочно решать вопрос о председателе. Повестка дня исчерпана, собрание объявляю закрытым.

Канаков старший вышел вперёд, да и народ остановился, словно ждал чего-то:

– Никита, пока народ не разошёлся, Богом тебя прошу, хоть и не верю, нет веры, но прошу тебя именем матери твоей, святого человека, все скажут: брось все это, до добра не доведет гоньба за златом, не нами замечено. Ты же честным был человеком, сдай дела, а работу найдёшь, ты же парень толковый.

Никита сложил бумаги в шикарную, под крокодила, папку, взглянул на отца с сочувствием:

– Григорий Андреевич, здесь не место для проповедей, что христианских, что коммунистических. Я хозяйственник, у меня бизнес, у меня семья, ваши внуки, кстати, так что последовать вашему совету я не могу.

– Закрой рот! – тихо сказал отец. – Закрой, иначе не постесняюсь добрых людей и заткну его кулаком. Ладно, соглашаюсь, внуки мои, и сноха моя, а ты мне с сей минуты не сын. При всех говорю: отрекаюсь. И видеть больше не хочу!

Григорий Андреевич тяжело шёл домой, сел на лавочку, откинулся на спинку. Эх, Никита-Никита, какой был парень, какая была надежа у отца с матерью, а вот испытания рублём не выдержал. Лариса плачет, он только о деньгах, ничего не читает, даже кино не смотрит, закроется в своём домашнем кабинете и целый вечер с кем-то говорит по телефону. Лариса однажды прислушалась через стенку – продаёт кому-то десять бычков, потом договорился, что завтра же за наличку заберут тридцать тонн семян озимой ржи. Потом неосторожно звякнул ключами от сейфа, наверное, деньги положил, а может, пересчитывал, Лариса однажды застала его за этой увлекательной процедурой, он смутился, потом развёл руками:

– Бизнес, Лариса, должен приносить деньги, иначе день прожит зря.

– У Елизы температура вторые сутки, а ты даже не поинтересуешься.

Никита встал, обнял жену:

– Ты же у меня на хозяйстве, я целиком на тебя полагаюсь. Ну, хорошо, давай завтра свозим её в больницу. Стоп, завтра я не могу. Я пришлю тебе машину, съездите сами.

Это он вспомнил, что утром придут машины за семенами.

Что он мог сказать любимой своей невестке? Муж жулик, и что делать? А сегодня и того тошней: родной отец с работы снимал, да не

получилось. Как дальше жить? Как людям в глаза смотреть? Матери все равно кто-нибудь доложит, опять сляжет.

И о сегодняшней новости ей тоже тихонько скажут.

24

Галя старалась избегать Прохора, но куда денешься, если он приходит в магазин и в упор спрашивает:

– Ты как-то косо на меня смотришь, Галина, может, вечером встретимся?

Галя не поднимала головы от прилавка:

– Нет, не встретимся.

– А на что обида? Такую ночь провели, почти первую брачную, – веселился Прохор.

Галя вскинула взгляд:

– Вот именно, что почти. Уходите, Прохор Григорьевич, если будете досаждать, я уволюсь.

– И куда? – Прохор захохотал. – Где вас ждут, крупный специалист по химии? И девушкой вы оказались довольно слабенькой, за первые же золотые побрякушки на шею кинулись.

Она схватила с прилавка тяжёлый калькулятор и метнула в него, но Прохор увернулся. Галя открыла кассу, отсчитала свою зарплату и бросила хозяину ключи. Переодеваться не стала, так в рабочем костюме и ушла домой.

Валя отработала утреннюю смену и была дома, лежала на своей кровати лицом к стенке. Галина села около сестры:

– Валюша, у тебя болит что-то? Ты последнее время сама не своя. Что болит, сестрица?

– Душа, Галя, болит. И так болит, что хоть в петлю...

Галя вздрогнула:

– Бог с тобой, ты даже не думай такого, не только говорить. Мама услышит или отец – с ума сойдут от одних только дум.

Валентина повернулась на спину:

– Подожди, ты же на смене должна быть, и что случилось, что ты при форме дома?

Галя врать не стала:

– Разругалась с хозяином, калькулятором в него запустила, да жалко, что мимо. Ключи бросила, зарплату забрала и ушла.

Валентина ухватила сестру за шею, прижала к себе. Догадалась, конечно, в чем причина, но говорить ничего не стала, сестре и так тяжело.

Вошла мать:

– Воркуете, сестрицы? Завтра надо картошку прибрать, которая-то поможет, кто дома с утра?

– Я помогу, мама, – успокоила Галина.

– Ну-ну, а к вечеру я лапшу сварю, вашу любимую, из домашних сочней, отец петушка молодого зарубил, добрая будет лапшица.

Галя опять ушла к озеру, бродила вдоль берега, бросала камешки в потемневшую воду. Тут ни о чем не думалось, все земное оставалось где-то там, а тут фантастическая тишина, мёртвая, словно окаменевшая вода, стена камыша с обеих сторон пристани. Лодка, на которой они сидели когда-то, в той ещё жизни, с Мишей Андреевым, догнивала на отступившей от воды мели. Тяжёлую обиду и запоздалую тоску сменила лёгкая грусть, когда и заплакать можно без всхлипов, одними слезами, а со слезами у девушки уходят многие печали, которые только что казались такими тяжёлыми. Надо будет объяснять родителям, почему ушла с работы. Им трудно будет понять, ведь только месяц назад она хвасталась повышением зарплаты и отдала отцу на сохранение такие деньги, каких он давно в руках не держал. Чем объяснить ссору с хозяином, может, сослаться на недостачу? Но Валя – её не обманешь, видно, с сестрой придется поделиться своей бедой.

Дома все ей показалось каким-то странным, неестественно оживлённый отец, мама со своей хвалёной лапшой, какую умеет делать только она во всем свете, Валентина, вдруг оживившаяся, причёсанная, красивая, только лицо бледное. Сели за стол, отец налил себе стопку самогонки, мама рюмку любимой настойки на ягодах, девчонкам не предлагали. Только начали есть, Валентина захватила рот руками и выскочила во двор. Мать вроде кинулась за ней, но Галя остановила. Валентина стояла, наклонившись и опершись о стену сарая. Галя подала ей рукотёрт, помогла умыться из летнего умывальника, вытерла лицо. Обе молчали и, наверное, понимали, о чем они молчат. Вошли в дом, сели за стол. Валентина видела, что родители ждут её слова.

– Тятя и мама, не судите меня строго, я беременна.

Тишина нависла в комнате, густая и грозная. Мать заревела в голос, отец одёрнул:

– Раньше надо было сопли размазывать, раньше! Кто он?

Все притихли.

– Папа кто, я спрашиваю? Хозяин?

Валентина молчала. Отец кивнул:

– Я так и думал. А ты, Галина, с ним разругалась – не по тому ли поводу? Тоже, небось, домогался?

Галина стиснула зубы:

– Нет, тятя, не домогался, он месяц назад меня уговорил, кольца купил и сказал, что завтра сватов направит.

Мать завыла, закрывшись фартуком, запричитала, Артём Сергеич одёрнул её опять, хотя сам словно обмер:

– Да что это такое, за что такой позор на мою голову!? Вы, молодые, умные, неужто не видели, что кобель он беспривязный? Как можно было довериться такому кабану? Побрякушками соблазнил? Я за вашей матерью год ходил, до свадьбы прикоснуться стеснялись, а вы в кого такие, что с похотью своей сладить не могли?

Дочери упали перед ним на колени:

– Прости нас, тятя, и ты, мама, прости. Я про Валю не знала, а он жениться предложил, кольца купил.

– И я, тятя, не от похоти, а нравился он мне, ухаживал, я думала, что тут моё счастье.

Артём встал на колени рядом с дочерьми, обнял обеих, заплакал:

– Простите меня, девчонки, за грубые слова, не со злобы, а с горя. Обманом, не насилием, раздавил меня этот урод. Дочери мои, я всегда говорил, что проще всего обмануть честного простого человека, потому что он сам про обман не имеет никакого понятия. И вы на этом попались. Не думайте, я вас проклинать не буду, я ему отомщу за поруганье наше.

Артём Сергеич подошёл к жене, тронул за плечи:

– Варюша, перестань, девчонкам и без того тяжело. С завтрашнего дня к нему на работу ни ногой. Валентина, если надумаешь родить, решай, если в больницу поедешь, смотри, чтоб аккуратно. Идите к себе, нам с матерью поговорить надо.

– Ну, что, сестрица, ехать мне в больницу? – спросила Валентина. – Ехать, ничего другого не будет. Не хочу я такого ребёнка и чтоб отец таким подлецом был.

Галя обняла сестру, тихонько плакала, шептала:

– Почему мы такие глупые? Ну, ладно я, тюхтя, верю всякому зверю, а ты ведь строгая и серьёзная.

Валентина грустно усмехнулась:

– Казалась, наверное, строгой, а как по головке погладили, сразу ручная стала. Если честно, Галя, он мне давно нравился, может, потому и получилось так.

Гале не совсем удобно было задавать этот вопрос, но насмелилась:

– Вы долго встречались?

Валентина усмехнулась:

– Три месяца. А потом он на тебя переключился, я поняла, только говорить ничего не стала, ты же вообще казалась недоступной. Он, правда, свататься обещал? Вот скотина! Уже до последней черты дошёл.

Галина вытерла слезы:

– Я у него только раз и была, а наутро сразу заметила в его поведении перемену. Какие там кольца, он даже шутить над вчерашним пытался. Потом все время зазывал, видно, не подыскал замену.

Валентина спросила:

– Ты ему про сватовство не напоминала?

Сестра возмутилась:

– Как можно? А сегодня не удержалась, выплеснула все, ключи от всей души в морду кинула.

Валя остановила:

– Подожди, отец про месть говорил – что он хочет сделать, как ты смотришь?

Галя плечами пожала:

– Ума не дам. Не убьёт же он его? Да и как? У тяти и ружья нет.

Валентина злорадно улыбнулась:

– Э-э-э, не скажи, отец наш не столь прост. Только бы не натворил чего.

Наговорившись и успокоившись, сестры уснули, а утром их разбудили громкие разговоры на улице. Валя накинула халат и вышла на кухню. Никого нет. Вышла во двор, рядом стоят с десяток женщин.

– Это же надо – в один миг и дом, и магазин.

– Неужто никто не видел?

– Это конкуренты, точно, товар не поделили.

– Дак ведь как толково подпалили: с ветреной стороны полыхнуло, а когда пожарка пришла, тут и делать уж нечего.

– А Прошка-то выскочил?

– Сказывают, дома не было, тем и спасся.

Валентина бегом убежала в дом, Галя тоже в халате, ждёт. Валентина шёпотом передала уличные разговоры.

– А тятя где?

Обе побежали во двор, мать вернулась с улицы:

– Слыхали, что творится в деревне?

– Тятя где? – в один голос крикнули сестры.

– У себя в мастерской, вроде улей колотил.

Девчонки бросились к мастерской, открыли дверь, отец привычно стоял за высоким верстаком, соединял непослушные дощечки улья.

– Что вы прискакали? Завтракать позвать?

Девчонки в голос: – Тятя, ты разве не знаешь? У Прохора магазин и дом сожгли.

Отец даже не удивился:

– Ну вот, теперь знаю. Дочиста все сгорело?

– Говорят, до фундамента.

Артём Сергеич отложил недоделанный улей, отряхнул рабочую курточку:

– Два пожара враз случайно не бывают. Значит, крепко кому-то досадил Прохор Григорьевич. Ладно, наше дело сторона, пошли завтракать.

Следователи вызывали обеих сестёр, но спрашивали, как продавщиц, даже намёка на то, что у них могут быть личные мотивы. Значит, умолчал Прохор, хотя подозрения на сестёр у него явно были. Через три дня следователи уехали, так ничего и не выяснив. А ещё через неделю калитку старшего Канакова открыл Артём Сергеич. На дворе никого, пришлось крикнуть хозяина. Григорий Андреевич спустился с крыльца, подал руку, поздравствовались.

– В дом не приглашаю, Артюха, жена лежкой лежит, угробят её детки наши. Пошли в избушку, там у меня тепло и тихо, можно поговорить о чем угодно, никто не услышит.

Вошли, сели у стола, напротив друг друга:

– Помнишь, Григорий, я к тебе приходил, просил девчонок моих пристроить, чтоб на учёбу накопили. Пристроил. Сын твой Прохор их обеих совратил.

Канаков встал над столом:

– Врешь! Артюха, скажи, что ты пошутил!

– Какие шутки, Григорий Андреевич, когда столь горя. Валентина беременна, а Галину он с месяц назад обмалахтал, убедил, что завтра сватов пришлёт. Она и губу раскатила, золотое кольцо впервые в жизни примерила. А наутро он её же и высмеял. Короче говоря, вчера я узнал об этом позоре и спалил дом Прошки и магазин. Сжёг бы и второй, но он кирпичный. А теперь сдавай меня милиции, Григорий, только раскаиваться мне не в чем.

Долго молчали два побитых жизнью отца, думали каждый про своё.

Григорий Андреевич понял сейчас, что он растерян, и чувство это пришло к нему давно, должен был появиться Артюха со своим признанием, чтобы оно оформилось в понимание. И этот сын потерян. Хотел спросить Артёма, знал ли он, что Прохора нет дома, но не стал: откуда ему было знать, может, ему даже легче было бы, сгори тот в том огне. А Артём Сергеич ещё раз сам себе признался, что сделал все правильно и к отцу подлеца пришел с признанием – тоже правильно. Сдаст Григорий его в милицию или нет – это его дело, а за поругание он отомстил, как мог.

– Плохо сидим, Артём Сергеич, обожди, у меня тут припас есть.

Открыл шкафчик, достал бутылку самогонки, два стакана, где-то в углу нашёл две крупные помидорины, быстро порезал на тарелку. Разлил по стаканам, поднял свой:

– Артём, горе нас свело, у тебя свое, у меня своё. Хотя оно наше, общее. Про твои действия говорить ничего не буду, я в твоей шкуре не был. Но и обиды не имею, а только прощения у тебя прошу за мерзости выродка моего. Давай выпьем, чтоб меньше горя было в нашей жизни.

Закусили помидором, помолчали.

– Артём Сергеич, я своему слову хозяин. Я тебе обещал, что девчонки заработают на учёбу – так и будет. Я знал, где у Прошки деньги лежат, случайно как-то увидел, что он с ящиком в маленькую комнатку ушёл, меня не заметил. А пожар первым увидел, в окнах зайчики заиграли, побежал, куфайку задом наперёд застегнул, рукавицы зимние надел и в дом. Ладно, что он ящик не перепрятал. Обмотал я его одеялом и домой. Ночью вскрыл, там есть на что посмотреть, ты ко мне вечером приходи, я хорошенько разберусь.

Артём Сергеич встал над столом, грозно спросил:

– Ты что, Григорий, за поруганных моих девчонок хочешь деньгами заплатить?!

– Сядь, Артюха, я же не такой подлец, как мой неудачный сын. Да и есть ли у меня удачные? Сядь, Артём, успокойся. Я же тебе сказал: обещал помочь – выполню. А за девчонок он ещё не раз поплатится, только это не в моей власти. Деньги эти девчонки должны были за год заработать, так что они своё получают, а не подачку. Артюха, я тоже в таких делах чистоплюй, но тут все честно: экспроприация экспроприаторов.

Артём насторожился:

– Гриша, шибко кучеряво, мне не понять.

Григорий Андреевич важно поднял указательный палец:

– Во, а я тебе предлагал в партию вступить, там эта наука изучалась. Иными словами, обидел тебя человек – пусть заплатит. Вот и все. Артюха, я тебя прошу, приходи вечером, после коров, вот тут же и посидим, тут же я все приготовлю. И выбрось из головы, что я этого подлеца откупаю, найдёшь где – бей в рыло, слова не скажу. Приходи.

Полдня мучился Артём Сергеич, с одной стороны – паскудно деньги брать, а с другой – прав Григорий, это его обещание, и он его выполняет. Идти или не ходить? Однако – пошёл и вернулся со свёртком иностранных бумажек. Свёрток аккуратно спрятал в мастерской, на ключ запер. Глубокой ночью при свече развернул бумагу, цифры пересчитал и ужаснулся: многие тысячи долларов. Снова свернул, в железный ящик уложил и под плаху спрятал. Пусть полежат до поры, а девчонкам надо сказать, чтобы в институт готовились.

25

Прохору брат Роман позвонил на квартиру, которую тот снимал для развлечений и ночёвок в случае торговой необходимости, сказал про дом и магазин. Прохор подлетел к дымящимся ещё развалинам, кинулся было туда, но пожарники остановили:

– Нельзя, в любой момент может пламя вспыхнуть.

Прохор отмахнулся:

– Пошёл ты..., у меня там деньги!

Пожарник пожал плечами:

– Ну, коли так – ищи.

Прохор нашёл двухметровый кусок трубы и протыкал ею угли и золу, надеясь услышать металлический звук. Через полчаса бросил трубу, сел в сторонке. Потом опять кинулся к пожарным:

– Ребята, ящик у меня был в комнате, в шкафу. Там деньги, документы. Никто не выносил?

Пожарники сказали, что к их приезду тут так горело, что вынести что-либо было невозможно.

– Может быть, раньше? – предположил пожарник.

Прохор ухватился за эту мысль:

– Раньше? Точно, могли раньше, но кто? Никто же не знал, где он лежит!

Снова схватил трубу, полез в залитые водой грязные кучи. Измученный, весь в грязи, зашёл он в ограду отца, а тот уже стоял посередине.

– Вот такие дела, отец, остался твой сын гол, как сокол, – грустно улыбаясь, развёл он руками.

Старший Канаков дождался, пока Прохор подошёл ближе, почти без замаха хлёстко ударил его в лицо:

– Вон с моего двора! И чтоб духу твоего тут не было. Если бы верующим был – проклял бы паскудника! Ишь, женилка выросла, уму покоя не даёт. Вон со двора и никогда больше близко не подходи, даже если нас с матерью выносить будут вперёд ногами.

Прохор размазал кровь по лицу, она стекала ему под рубашку, он недоуменно смотрел на свои окровавленные руки и ничего не мог понять:

– Папка, за что? Меня сожгли, и ты меня же бьёшь?

Канаков угрюмо молчал, его била крупная дрожь, но повторил снова:

– У меня нет такого сына, как ты, убирайся вон, ты мерзавец, а подлых людей в родстве иметь не желаю. Вон!

Он схватил Прохора за воротник, довёл до калитки и вытолкнул на улицу. Когда вошёл в дом, увидел Матрёну Даниловну, лежащую на полу без чувств. Схватил на руки, перенёс на кровать, нашёл на подносе нашатырный спирт, облил руку вместе с куском ваты, поднёс к лицу. Все бросил, позвонил в медпункт, фельдшер прибежала быстро. Измерила давление, поставила уколы, посмотрела на прибежавшего Романа:

– Надо срочно вызывать скорую и врача, я думаю, у неё инфаркт.

Матрёну Даниловну положили в реанимацию, Григорий Андреевич выпросился у врача сидеть в коридоре рядом с палатой.

– Я бы вам советовал ехать домой, когда жена придёт в чувства, мы вам сообщим, – посоветовал доктор.

Григорий Андреевич посмотрел на него с упрёком:

– Вот ты бы на моем месте – уехал? А мне зачем советуешь? Я буду ждать, сколько надо, столько и буду.

Поздно вечером медсестра позвала его в кабинет:

– Ложитесь на эту кушетку, вот одеяло. В случае чего – я вас позову.

Григорий Андреевич насторожился:

– В случае чего?

Сестра поняла ошибку:

– Я имела в виду, если ваша жена очнётся и ей будет лучше. Хотя едва ли вам можно будет к ней зайти, без доктора я не решусь.

Двое суток прожил Григорий Андреевич в коридоре реанимационного отделения. Ему сказали, что Матрена Даниловна пришла в сознание, но говорить с ней нельзя.

Поздно ночью, когда все успокаивалось, он снимал с вешалки докторский халат и в одних носках пробирался в палату. Каждый боль-

ной освещён слабенькой лампочкой, и Григорий сразу нашёл свою. Матрена Даниловна открыла глаза, и слеза скатилась по её ввалившейся щеке. Григорий приложил палец к губам, мол, говорить нельзя, тихонько прошептал, что он ждёт её, и сколько надо – будет ждать. Она улыбнулась слабой улыбкой.

Он выходил в коридор и долго из полутемного коридора смотрел в бесконечную глубину ночи. Какие картины проходили перед ним! Не успевший повоевать ни с фашистами, ни с японцами, танкист Канаков шесть лет отслужил в Советской Армии, воспитывая молодое поколение. Домой пришёл в пятьдесят втором, сразу в МТС, на трактор. Как-то в город ездил с колхозной машиной, бабы на базаре торговали, а Григорий свои дела устроил и шлялся по рынку. Увидел в очереди молоденькую девчонку, хоть и одета бедненько, но красавица, каких никогда не встречал. Толкался рядом, дождался, когда она из очереди вышла, подошёл, доложил по-армейски:

– Разрешите с вами познакомиться? Григорий Канаков, тракторист, работаю в колхозе имени Кирова, это полста километров от города.

Девушка не испугалась, не смутилась, только спросила:

– И зачем вы все это мне рассказываете?

Григорий стушевался:

– Сейчас поясню. Я вас в очереди увидел...

– Это я знаю. Вы для чего со мной решили познакомиться? Вы и меня совсем не знаете.

– А зачем мне знать? – обрадовался Григорий. – Вот подружимся и все друг про дружку узнаем.

Девушка засмеялась таким смехом, что грубоватый Григорий чуть не заплакал от умиления:

– И как это вы без меня решили, что мы подружимся?

– Но вы ведь не замужем?

– Нет, не замужем.

– Вот, и я холостой. Почему бы нам не подружиться? Я человек надёжный, и слово моё – кремень. Я, конечно, не могу к вам часто приезжать, работа у меня такая, но в следующий раз приеду и непременно вас увезу.

Девушка опять засмеялась:

– Вы даже не знаете, как меня зовут. Меня зовут Мотя, Матрена.

– А живете вы где? С родителями?

– Нет, у добрых людей.

– Тогда тем более надо переезжать ко мне, у меня дом хоть и ста-

рый, но большой, а когда семья возрастёт, отдельный дом поставим. Соглашайся, Матюша.

– Ладно. Пойдём, я покажу, где живу, чтоб ты меня нашёл. Только к хозяевам заходить не будем. Ты, когда приедешь, подойди и пропой соловьём. Умеешь?

– Не, не учился. Петухом могу.

Матрена залилась громким смехом:

– Ладно, подашь голос, я все время дома.

Такая была странная первая встреча. Нескоро Григорию удалось вырваться в город, пошёл к председателю, попросил замену.

– Что тебе приспичило? – рявкнул председатель.

– Жениться хочу, – несмело ответил Григорий.

Председатель подобрел:

– Хорошее дело, Гриша, даю два дня, но чтоб женился.

Матрена так долго хохотала над Гришиным рассказом, что он обиделся:

– Я к тебе всей душой, а ты смешки строишь. Если один приеду, председатель прогулы поставит и премиальных лишит. Так что собирайся, Мотюшка, поедем домой.

И тогда девушка взяла его под руку и увела на край улицы, сели на сломанную берёзку, Матрена стала говорить:

– Вот ты зовёшь меня, Гриша, и хоть не знаю тебя совсем, но мне почему-то радостно на сердце. Значит, мы с тобой должны были встретиться. А ещё слушай. Отец мой был командиром казачьей сотни в 21 году, когда восстание случилось. Он вместе с вашим командиром Атамановым Григорием воевал. Когда их разбили, отец с чужими бумагами убежал в казахские степи и невесту свою увёз. Там жили, скот пасли, детей нарожали, а в тридцать седьмом его нашли. Спасибо, добрый человек предупредил, он всю ораву на телегу сгрузил и отправил, а сам дождался. Мама от верных людей узнала, что его расстреляли в Акмолинске. Мама умерла, братья и сестры разбежались, я младшая, одна осталась. Вот и думай теперь, Гриша, что я дочь врага народа, если это вскроется, то и тебе не избежать.

Григорий обнял Матюшу свою, прижал к колыхающемуся сердцу:

– Теперь я тебя по-любому не оставлю. Беги, собирай пожитки, и на рынок, там наша машина должна быть.

– Приданого у меня, Гриша, одна честь и гордость казачья. Не надо туда ходить, спросят, узнают, могут по глупости на след навести. Если берёшь меня – бери, какая есть.

Вот тогда они в первый раз поцеловались, так, только губ коснулись, а молния обоих прошила, и Григорий решил, что нельзя ему прикасаться к девушке, пока в сельсовете все как положено не запишут и объявят мужем и женой...

Григорий Андреевич вытер слезы, прошёлся по коридору.

26

Прохор после ссоры с отцом пришёл к Роману, отмылся, переоделся в братнину одежду, благо одних габаритов были, сели за стол, Марина подала обед, хозяин открыл бутылку коньяка.

– Найди Никиту, – попросил Прохор.

Роман покрутил телефон, нашёл, попросил срочно приехать. Никита рассказу Проши даже не удивился:

– Братья, между нами говоря, с отцом неладное творится. Этот постоянный мордобой, эти выступления на собраниях – ну, бред сивой кобылы! А пожар? Вы думаете, само загорелось? А кто мог? Кому Прошка плохо сделал? Да батя и поджёг, потому что он нас всех ненавидит, он вообще из ума выжил с этим марксизмом. Обещал он твой дом продать? Обещал?

Прохор кивнул.

– Вот! Не продал, а поджёг. Мне уже в отчий дом входить заказано, близ ворот не пустит. Умри сейчас мама – я даже проститься не смогу, не пустит!

Роман взглянул на брата:

– Зачем ты так о маме? Она поправится.

Никита кивнул:

– Я сегодня говорил с врачом, вызвал и в машине разговаривали, потому что папаша, как коршун, у дверей сидит, не подойти. Так вот, врач сказал, что ей не выжить, слишком обширный инфаркт. И опять же все из-за него, устроил расправу над родным сыном на глазах у матери. Если он зверь, то мама-то добрейший человек, она и не вынесла увиденного. Так что надо готовиться.

Долго молчали. Роман не удержался:

– Проша, все равно у тебя какие-то думки есть, может, в городе с кем поссорился, с девками кому дорогу перешёл?

Прохор словно очнулся:

– Валька с Галькой, я с ними переспал и бросил. Это они! Точно, больше некому!

Братья переглянулись и засмеялись:

– Прошка, если бы каждая брошенная тобой баба по дому сжигала, вся деревня уже выгорела бы. Ну, подумай ты сам, какая из Галинки поджигательница?

Прохор взъярился:

– Да ты ничего не знаешь! Если бы ты видел, какое у неё лицо было, какие молнии в глазах, когда она ключи в меня бросила, ты бы не стал так говорить. Они. Их надо трясти.

– Подожди, Роман, – поднял руку Никита. – А папаша их не мог отомстить?

Никита кивнул:

– Для того, чтобы мстить, надо хотя бы знать, за что. Неужели ты думаешь, что обе дочери одновременно упали перед папой на колени: «Папа, отомсти Прошке, он нас испортил!»? Да и Артём Сергеич бессловесный человек, он муху не обидит. Нет, это исключено.

Роман встал, прошёлся по комнате:

– А, собственно, о чем мы судим? Какая разница, кто это сделал, надо что-то с Прошей решать.

Никита спросил:

– Проша, у тебя же были деньги, сам хвалился, что квартиру можешь купить в городе.

Прохор улыбнулся:

– Говорил и мог, но вовремя не купил, а во время пожара уплыл сейф с деньгами.

– Во как! И что ты молчал?

Прохор взвился:

– А что толку визжать на всю деревню?! Кто-то знал о сейфе и о деньгах, без этого в огне его не найти, он в детской комнате в шкафчике укрыт был. Но кто мог знать – ума не приложу.

Роман бросил в пустоту молчания:

– Нас ты, надеюсь, не подозреваешь?

Прохор махнул рукой:

– О чем ты?

– Так осталось хоть что-то или совсем ничего?

Прохор улыбнулся:

– На сигареты.

Опять помолчали. Наконец, Никита подвёл итог:

– Квартира у тебя в городе снята, живи там, надо с Юрочкой посоветоваться, может, он даст хорошую работу, у них оклады приличные и купоны стригут – дай Бог каждому. Рома, это на тебе. Я

попробую поговорить с Треплевым, надо найти в райцентре помещение для магазина, деньги все там, это самое главное.

Опять вернулись к матери:

– Мужики, случись с мамой – он же нас не пустит в дом, каждому об этом отдельно сказано, он может продублировать и у гроба, – что делать? – спросил Роман.

Никита предложил:

– Надо через тёток на него повлиять, не сейчас, конечно, а – когда случится.

– Он этих тёток наших никогда не почитал, неужели ты думаешь, что сейчас что-то изменилось? – не выдержал Прохор. – Слушай, Роман, может, тебе через главного врача..., ну, договориться... проверить его на вменяемость?

Роман встал:

– Да ты что, охерел совсем со своими бабами и пожарами? Забудь, ты мне этого не говорил.

Прохор громко хлопнул в ладоши:

– Ну, решайте, только я на ещё один мордобой не пойду, уеду в город, после похорон постою у могилы.

– Не то, не то! – Никита мучительно что-то соображал. – Во-первых, мы обязаны проводить и проститься с мамой, во-вторых, ребята, это деревня, да на нас плевать все будут, и, в общем-то, они правы.

– Но все же дело в отце! – Роман посмотрел на братьев. – А если мы вместе встанем перед ним на колени, может, простит, хотя бы с мамой проститься позволит по-человечески? Вот как это будет выглядеть? Мы входим, а он встречает на крыльце и гонит, как собак. И как после этого в деревне жить?

– Да, надо что-то придумать.

– Вот ты и придумай. Давайте ещё по рюмке, и я пошёл, – предложил Никита.

27

Извёлся Григорий за это время, Мотюшку уже перевели в отдельную палату, и он мог все время быть около неё. Говорить она не могла, только грустно улыбалась, видя, как старается ей угодить. Он говорил с нею постоянно, когда она не спала, вспоминал самое доброе из большой жизни, но всегда избегал речей о детях. Ночами уходил в коридор и давал волю слезам. Странно, но в темноте ночи он научился находить её образ и видел всегда такою, какой хотел: и молодень-

кой девчонкой, и на колхозной работе в поле, когда она широкой лопатой разравнивала зерно в кузове грузовика именно от его комбайна. Видел на гулянках, которые устраивали всей семьёй, и Матрена пела никому не известные казачьи песни. А потом привиделась она ему серьёзной, грустной, как будто они прощались, она обнимала его, как всегда обнимала и целовала, когда он уходил на работу, так было до самой пенсии. Григорий стряхнул виденье. Ничего толком не увидел Григорий, одно только ощущение, что Мотюшка была рядом, он даже дыхание её слышал, даже запах волос её терпкий чувствовал. Заглянул в палату – вроде спит, глаза прикрыты и дышит. Успокоился, прилёг на кушетку, задремал.

Выписали Матрёну Даниловну через месяц, за все время дети бывали у матери трижды, в три раза по субботам отец уезжал в баню. Перед выпиской врач позвал Григория в свой кабинет:

– Григорий Андреевич, за это время я убедился, что жена очень дорога вам. Но как врач я должен вас поставить в известность: мы выписываем Матрёну Даниловну не потому, что излечили, а потому что излечить невозможно. Очень обширный инфаркт, к тому же возраст, гипертония, повышенный сахар. Мы снабдим вас всеми необходимыми препаратами, чтобы снимать боль, наш фельдшер будет у вас утром и вечером. К сожалению, другого я вам сказать не могу.

Канаков слушал молча, уронив голову на грудь. Когда врач закончил, он кивнул:

– Значит, мы едем домой помирать. А я думал, вы сумеете поднять её хоть на пару годиков. Выходит, никуда не двинулась наука после революции. Ей-то вы этого не сказали?

– Конечно, нет.

Домой привезли на «скорой», санитары на носилках внесли больную в дом, сестры уже натопили и все прибрали, положили Матрёну Даниловну на супружескую постель, так он велел. Дома ей стало лучше, несколько времени она могла говорить, пусть шёпотом. Поманила мужа глазами, указала на край постели:

– Гриша, видно, скоро я уберусь. Мой наказ: всю одежду раздай родственникам, у меня много чего накопилось. По мне не тоскуй, это плохо. Найдёшь приличную женщину, приводи, одному тяжело. Только какая с тобой уживётся, только я.

Он припал к ней и плакал. А она шептала:

– Гриша, я крещёная и не могу помереть без исповеди. Найди священника. Дня три я ещё подожду.

Когда Григорий вышел из комнаты, захватил голову руками:

– Как же я, черт старый, адрес тому попу дал, а его не взял. Где теперь его брать?

Утром пошёл на почту, наклонился к окошку:

– Милая, ты мне вызови монастырь под городом, там есть, должен быть монах Николай.

Целый час билась девчонка, никак не соединяют городские телефонистки, то связи нет, то линия занята. Ушёл ни с чем. У ворот встретился с Никитой. Сын кивнул и даже поклонился отцу:

– Лариса с Мариной заходили к маме, она про священника говорила. Может, я съезжу?

– Куда? У меня и адреса нет. Не надо ничего делать, сам решу.

Вечером около дома остановилась легковая машина, Григорий глянул в окно: Господи, поп, и весь в чёрном. Выскочил на крыльцо, спустился по крутым ступеням, отворил калитку – Николай!

Обнялись, вошли во двор.

– Ты меня сначала научи, как к тебе обращаться, чтоб по уставу. А потом и о другом.

– По уставу, сын мой, отец Тихон, так именован при постриге в монахи. Чин мой игумен, так и обращайтесь: отец Тихон, ну, можно игумен Тихон.

– Да как же, сынок, я тебя отцом буду называть? А ты меня сыном?

– Так заведено, Григорий Андреевич.

– Ладно. Кто же тебе сказал, что ищу тебя сегодня с самого утра?

– Господь указал путь, понял я в ночной молитве, что вам нужна моя помощь, адрес у меня был. Настоятель благословил, и вот я тут. Какое горе случилось, Григорий Андреевич?

– Жена моя при смерти, просит исповедоваться, я и кинулся на телефонную станцию, только бесполезно. Сразу пройдёшь, отец Тихон?

– Сначала на кухню, согреюсь, приготовлю все. Вы только проведёте меня к больной и уходите. Помните о тайне исповеди?

Матрена Даниловна даже привстала, когда увидела монаха с большим крестом на груди. Григорий запер дверь.

Через час отец Тихон вышел, прикрыв дверь:

– Она исповедовалась и причастилась святых даров, ей полегчало, пусть поспит.

– Отец Тихон, сколько она проживёт?

– Все в руках Божьих, но жизни в ней осталось немного. Лучше, если бы дети и другие родные побывали у неё при жизни.

– Нет у меня детей, а сестры и так придут скоро.

– Как нет детей, Григорий Андреевич? За вами в пансионат сын приезжал, я даже имя помню: Никита. Что случилось?

И Канаков, как на исповеди, все подробнейшим образом рассказал монаху, он слушал молча, кивал, но, когда Григорий Андреевич сказал, что сыновей ко гробу матери не пустит, только за воротами они могут попрощаться, потому что отлучил он их всех троих от семьи, монах возразил:

– Григорий Андреевич, вы использовали родительскую власть до самого предела. Но гнать детей от гроба матери (он трижды перекрестился) нельзя, не по-христиански это, не по-человечески. На эту минуту страшную надо отозвать своё решение, вы сами на эту минуту можете уйти, но проститься дети имеют право. Если не возражаете, я поживу у вас два дня.

– Только я тебя, отец Тихон, в избушку определю. Там светло и чисто, сегодня сестры придут на ночь, так что мы побеседуем.

28

С Матрёной Даниловной все село приходило прощаться, стояли люди у гроба, вздыхали. Сестры Григория все время были в доме, горячий обед готовили в летней кухне, которую пришлось основательно прибирать, потому что давненько не пользовались. Григорий распорядился, что горячий обед будет в своём доме. На ночь хозяин вместе с монахом уходил в избушку, приходили сыновья, почти до утра сидели у гроба матери. Плакали все. Каждый свою вину понимал и чувствовал.

Монах аккуратно спросил хозяина, не будет ли он против отпевания умершей. Григорий Андреевич кивнул, мол, делай, как знаешь. Но отец Тихон предупредил, что после отпевания гроб следует закрыть. Такой порядок.

– Тогда, прости меня, сынок, отпевай на кладбище перед погребением, а теперь не позволю гроб закрыть. Я ещё не насмотрелся на неё, ведь не увижу больше.

– На том свете все встретимся, Григорий Андреевич.

– Возможно, не стану отрицать, только не верю, а коли так, то и закрыть не дам. Решай сам.

Отец Тихон согласился.

– Как дальше жить собираетесь, Григорий Андреевич? С сыновьями в разводе, одному жить не совсем ловко, да вы и не умеете.

Молиться вам надо, в этом утешение. Я вам молитвенник оставлю, посмотрите.

Многолюдно было при выносе, да и на кладбище потянулось много народа. Григорий Андреевич встал на колени и поцеловал жену в губы. Как прощались остальные, он не видел. Пелена затмила глаза и сознание покинуло его, он молча, как посторонний, глядел, как накинули крышку, не слышал, как стучали молотки, бросил три горсти земли на чистую крышку гроба, дождался, когда образовался высокий холмик, когда поставили крест, поклонился новому сооружению и быстрым шагом пошёл к дому.

За общим столом он пригубил рюмку и ушёл в избушку. Отец Тихон собирал свои вещи.

– На столе записка, там адрес и телефон, к которому меня могут пригласить. Я уже записал ваш телефон, так что будем общаться. Ещё раз обнимаю тебя, сын мой, сострадаю твоему горю и заверяю тебя, что раба божия Матрена в означенное время будет в раю. Григорий Андреевич, не должен я такого говорить, но Господь простит, ибо ни корысти, ни злобы в том нет. Жена твоя редкой чистоты женщина, ни один мужчина не прикасался к ней, кроме тебя. И любила она тебя так, как только дозволено женщине любить мужа своего. Не провожайте меня, да благословит вас Бог!

Когда народ разошёлся, он вошёл в пустой дом, сел за убранный уже стол, уронил голову на свои тяжёлые руки и зарыдал. Сестры не смели помешать ему. Выплакавшись, Григорий встал:

– Девчонки, до сорокового дня не шевелите ничего, ночуйте тут, а я в избушке буду. После решим, что и как.

И девять дней провели так же тихо и спокойно, ребята в городе заказали службу, сами увезли цветы на могилу, но в дом не пошли. И в сороковой день собрались люди, посидели за столом, поклонились хозяину и разошлись.

Григорий открыл сундуки и шкафы, велел сёстрам смотреть, что им подойдёт, да и так просто взять на память. Все остальное велел собрать в узлы и унести в сельсовет, там найдут, кому раздать.

Когда все разошлись, он полез в дальний ящик комода, достал документы на строительство этого дома, которые хранились уж сорок лет, нашёл там и справку из совета, что дом этот принадлежит Канакову Григорию Андреевичу на правах личной собственности. Бумаги собрал, положил в хозяйственную сумку, с которой покойница все ходила в магазин за продуктами, и вышел на улицу. Дом

Артёма Сергеича на крайней к озеру улице нашёл сразу, хотя ни разу не бывал. Домик древний, покосился весь. Стукнул калиткой, думал, собака тявкнет – нет, тишина.

Из дома вышла девчонка в накинутом пальтишке, узнала отца бывшего хозяина, спросила не очень ласково:

– Вы к кому?

– А ты Галя или Валя?

– Галина я.

– Вот славно. А Артём Сергеич дома?

– В мастерской он. Позвать?

– Нет, дочка, ты лучше меня проводи.

Артём открыл двери, смутился, даже в лице изменился:

– Проходи, Григорий Андреевич, или лучше в дом?

– Да нет, тут ловчее наши речи вести. Артюха, ты слышал, что я жену свою дорогую схоронил?

– Знаю, Гриша, сам провожал до могилок. Редкая была женщина.

– Детей изогнал из сердца своего, один на белом свете и никому не нужен. Решил я, Артюха, уйти в обитель, в монастырь.

– Григорий, ты же партийный!

– Ну и что? Там всяких принимают. Но не затем пришёл к тебе. Коли я за сына своего век у тебя и девчонок твоих в долгу, принёс я бумаги на дом свой, ты сейчас позовёшь двух соседей, и мы напишем договор, что я продал, а ты у меня купил этот дом со всем барахлом в нем и со всеми постройками.

– Григорий Андреевич, если тебе деньги нужны, я их так верну, без бумаг.

– Артём, ты меня не понял. Я ухожу в монастырь, нахрена мне там деньги? А договор нужен, чтобы ни одна падла к тебе не предъявила, а таковые могут возникнуть. Так вот, пока я тут, ты в дом перейдёшь с семейством. Там все есть, от посуды до постельного белья, ещё не тронутого. Поживёшь так дня три, я в избушке буду, а когда все поймут, что дело сделано, вот тогда я и уберусь. Только ты никому ни слова. Девки твои красавицы, они своё счастье ещё найдут, но одна меня встретила – гордая, могут заартачиться, так ты бери круто: переходим, а эту развалюху бульдозером.

В смущении от неожиданной миссии соседи подписали договор, никак в толк не могли взять, откуда у Артёма такие деньги и куда собрался переезжать Канаков. Когда все было сделано, Григорий пошёл в свою избушку. За воротами его догнали Галина с Валентиной:

– Григорий Андреевич, вы извините меня, что так недружелюбно встретила вас, – выпалила Галина. – Мы на вас зла не держим.

– Спасибо, дочки, и вы мне любы и приятны, дал бы Бог таких дочерей – гордился бы ими. Завтра утром всей семьёй ко мне, жду.

Видно, от простоты душевной, от чистоты принятого решения Григорий смотрел, как радовались девчонки новым комнатам, как осторожно открывала кухонные шкафчики их мать, как растерянно чувствовал себя в новой роли сам Артём Сергеич.

– Валюша с Галюшей, продукты все в холодильнике, там и куры, и свинина, готовьте хороший ужин, давненько я с родными людьми не ужинал.

Ужинали в зале за большим столом, выпили по рюмке, долго говорили о хозяйке этого дома, обо всем другом, избегая речей о сыновьях и будущем самого хозяина.

– Артём, завтра пойдём в сельсовет, ну, в администрацию, домовую книгу на тебя перепишем, заодно и общественность поставим в известность. Заранее говорю: если кто-то посыкнется на дом – вызывай Романа Григорьевича, он человек грамотный и законы должен знать. А не знает – я ему популярно объясню.

Невиданная доселе купля-продажа поставила деревню на дыбы. Каких только разговоров не было, вплоть до того, что и дочери-то у Артюхи – Григорьевны, а пожар устроил сам Канаков, только вот зачем – никто объяснить не смог. Так в сомнениях и догадках тихонько затерялась эта новость в ворохе ежедневных деревенских сплетен. Только старший Канаков был уже далеко.

29

У монастыря под скромной кровлей стояли несколько человек. Согбенный и седой старик подошёл, поздравствовался. Оказывается, родник бьёт из земли, не высоко, а вода чистая и тёплая. Ему подали стаканчик, он отпил – приятная и добрая водичка, поблагодарил, отошёл в сторонку. А люди припивали и удивлялись:

– Какая чистая вода! Божья слеза. Нигде более не найдёте вы столь чистой воды.

Григорий Андреевич стоял в стороне и плакал.

2013 год

КРУТЫЕ ОЗЕРКИ
Повесть

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Перед вами грустная повесть о любви. Грустная не только потому, что ее героя и автора уже нет с нами. Повести о любви, согласитесь со мной, вообще редко бывают веселыми, если речь действительно о чувствах, а не кураж и не ерничанье на эту тему. Любовь по природе своей чувство тонкое и хрупкое, какая уж тут веселость. А тем более случилось это с человеком уже немолодым, в своей бурной, да простится мне так о покойном, сумасбродной жизни влюблявшемся часто и почти всегда имевшем успех, женившемся неоднократно, но так и не создавшем своей настоящей семьи.

Он был неудержим в моменты влюбленности, любил каждую женщину так, будто переживал первое и последнее чувство. Правда, оно скоро проходило, но он уверял, что не лгал, объясняясь в любви, потому что в ту минуту, да, действительно, любил эту женщину. У нас были по этому поводу серьезные разговоры, которые не имели результата. Мой товарищ высказывал мне сочувствия в связи с отсутствием способности влюбляться. Он только что не называл меня человеком ущербным. Себя, следовательно, считал счастливым.

Он действительно был счастлив во время бурных романов с сестрами. Я приезжал к нему, и он находил способ показать мне предметы своего восторга. Скажу честно, что не разделял его оценок, девушки они симпатичные, но не красавицы, и, судя по исповеди друга, одна характер имеет тяжелый, а вторая поражена пороком, как бы попроще сказать, легкого поведения. Но любил и писал он, а не я, потому все осталось в повести, как было в тексте на переданной мне компьютерной дискете.

Его внезапную гибель никто не склонен связывать с романтикой и драмой последней любви, хотя я уверен, что ему дорого обошлись эти полгода напряжения души.

У нас давно не было напечатано ничего похожего. Нежность и благо-

родство его ухаживаний за девушками, а я вынужден это признать, плохо вписываются в современную расхристанную жизнь, повязанную расчетом и пошлым прагматизмом. Я искренне уверен, что повесть эта будет прочтена и понята. Ее издание посвящаю памяти талантливого писателя и влюбчивого мужчины, моего товарища по судьбе.

* * *

В обширном и ухоженном дворе стандартного домика густо стояли простые деревенские запахи. Пахло свежим коровьим навозом, соляркой из проржавевшей канистры, дегтем от недавно смазанных колес поношенного ходка. Хозяин, молодой мужик, вышел из открытых сеней, поправляя только, что надетую рубаху. Был он невысок ростом, коренаст, вроде как заспан или с похмелья. Меня узнал, когда-то, при социализме, работал по профсоюзной линии, и мы, видимо, встречались, назвал по имени–отчеству. Я похвалил себя, что предварительно спросил у проходящего мужика его имя, и тоже обратился по отчеству. Собственно, повод для встречи не требовал особой официальности, моя подружка, женщина незамужняя и крайне капризная, вдруг пожелала шашлыков, да не с придорожного мангала, а сделанных собственными руками. Я заехал в ближайшее к райцентру село и узнал, что Сергей Иванович может не только продать овечку, но и заколоть, обработать, как полагается.

– Здравствуйте. – Хозяин был рад гостю. Я тоже поздоровался, пожав потную, но крепкую руку Сергея. – Какие проблемы? Давно мы с вами не виделись.

– Давненько. – Честно говоря, я не помнил ни одной встречи, хотя симпатичное лицо этого сорокалетнего крепыша казалось знакомым. То, что он на вы, это немножко от прошлого, от моего раикомовского положения, немножко от разницы в возрасте, мне на десяток побольше. – А проблема одна, нужен барашек.

– Живьем? – переспросил Сергей.

– На шашлык, зачем мне живьем?

– Сделаем, но только вечером, когда табун придет. Овечки-то в табуне.

– Это когда?

– Часов в девять. Да час на работу.

Меня устраивал такой расклад, потому что теплое мясо быстро принимает специи и приправы, к утру можно нажигать угли для мангала. Договорились, что я приеду к десяти часам. Чуть было не забыл о цене.

– Как везде, две сотни. Не смутит?

Вечером я приехал чуть раньше, барашек еще висел на перекладине сарая, и Сергей с соседом, у которого я уточнял его имя, сосредоточенно снимали шкуру.

– Ты, кум, аккуратней, чтобы ворсинки не попали на мясо, весь вкус испортят, – не выпуская изо рта сигареты, подучивал Сергей. Рядом стояла молодая пышнотелая женщина, видимо, его жена, ее фигура была вызывающе красива для столь скромного двора, только сама она, впрочем, едва ли понимала, насколько она красива, и едва ли помнила о своих прелестях. Но более всего меня поразила девочка лет пятнадцати, которая стояла, прижавшись к матери, и была очень ранней ее копией. Простенькое платьишко не скрывало отсутствие каких-либо других одежд, что вполне нормально для такого возраста и теплого летнего вечера. Скорее всего, появление здесь постороннего мужчины было более неестественным, чем остренькие грудки, бесцеремонно выпирающие из ситца, и платье, при каждом движении заползающее наверх по крутым возвышениям сзади. Я понимал бестактность быстрых и вроде незаметных взглядов, но не мог запретить себе время от времени смотреть на нее. Девочка, как завороженная, наблюдала за действиями отца, превратившего в куски мяса барашка, которого она, возможно, кормила из соски или пасла на соседней полянке. Она совсем не замечала меня, первопричину этого трагического для нее события.

Сергей аккуратно сложил разделанные куски на скамейке, я принес из машины большой пакет, взял только задние ляжки, рассчитался с хозяином, и под безразличными взглядами красавицы и ее дочери вышел со двора.

Темнело. Небо над деревенским озером набрякло влагой, и оттуда несло тихую прохладу. Сергей проводил меня до машины.

– Надо было все забрать, нехорошо получается: рассчитался за барана, а взял половину.

– Перестань, сочтемся, не в последний раз. Это жена твоя?

– Жена, кто же еще?

– Красивая она у тебя.

– Ну, ты наговоришь. Красивые на телевизоре, а у нас бабы.

– Нет, правда, Сергей Иванович, жена твоя редкой красоты, и дочка будет такая же, когда подрастет.

– Эта-то? Симпатюля, я и сам ее люблю, да их пятеро у меня.

– И все дочери?

– Нет, два парня.

Мы пожали друг другу руки, я сел в машину, и тихонько, чтобы не поднимать пыль, выехал из деревни.

Шашлык получился отменный. Я не беру уксус, который сушит мясо и крадет вкус, а пользуюсь яблочным соком и избыточным количеством крупного репчатого лука. В эту пору он как раз в соку, так что мясо дышало ароматами лета, возбуждающей силы и смотрелось, как салат из помидоров. Моя подруга осталась очень довольна тем вечером на берегу озера с сухим вином и шашлыками, но я ей не стал говорить о поразившей меня девочке, зная ее ревнивую и несколько злобную натуру.

* * *

Прошли шесть лет. Перемены, случившиеся в стране, крепко потрепали меня, выбросили из колеи привычной жизни, заставили торить новую тропу, а это непросто в таком возрасте. Да еще стал замечать недостаток того, что раньше ничем о себе не напоминало. Здоровье, которое в прежние годы разбрасывал горстями, пришлось собирать и сохранять ампулами и таблетками. В голове моей постоянно стоял шум, как от кузнечного горна, каким я заслушивался ребенком в деревенской кузнице хромого Остапа. Со временем горн стал все больше раздувать угли, и были моменты, когда я не находил покоя. Штатную работу пришлось оставить, но появились люди, достигшие в жизни почти всего, по крайней мере, им так казалось, потому что работа или, как теперь говорят, бизнес, приносит им хорошие деньги. Человек в таком состоянии становится капризным, ему кажется, что его персона незаслуженно обойдена общественным вниманием. Ему очень хочется себя увековечить. И вот тут появляюсь я. За скромную плату пишу жизненный путь героя, тщательно обходя колеи и непролазную грязь биографии, а потом издаю скромным тиражом книжечки почти для личного пользования. Поскольку работаю добротно, очерки эти читаются легко и с интересом, коллеги по бизнесу говорят герою комплименты, а я получаю на жизнь.

За это время вошел в большие года, когда всякое упоминание об увлечении женщиной воспринимается знакомыми как бахвальство или шутка. Но или сказывается природа, или постоянная литературная работа требует творческой подзарядки – не знаю, только я увлекаюсь очень часто, порой отчаянно. Это становится иногда достоянием общественности, и относительный покой в моей семенной жизни обеспечивает только демонстрация моей последней женой пол-

ного безразличия к слухам и сплетням, основанная на не очень уважительном отношении ко мне самому. Подтверждением этого будет очень скорый отъезд ее к мамаше в областную столицу, что можно расценивать как развод, ибо мы жили гражданским браком.

У меня в то время еще не было компьютера, а я давно оценил своеобразную красоту и классическое совершенство листа, исписанного черной гелевой пастой, страницы получались красивые, старомодные, с оттенком архивности и документа. Но гель заканчивался быстро, и я довольно часто ходил в ближайший магазин, в котором стержни и ручки такие были всегда. Выкладывал на прилавок несколько десяток, продавщица отсчитывала товар, и сделка заканчивалась. Я никогда не говорил с продавщицей, потому что чаще всего прибегал, прервав работу на самом, казалось, интересном месте, да она и не вызывала у меня никакого интереса.

Все началось, помнится, в тот день, когда я в перерывах между работой пытался растопить печку в своем старом крестьянском доме. Наступала осенняя сырость, а печь никак не хотела выпускать дым наружу, стремясь загнать его в тесное пространство избы. Жена ворчала, я бросал работу и шел разбираться. Только что я мог? Распсиховавшись, выбросил шипящие головешки на улицу, кое-как умылся и пошел в магазин, потому что последний стержень заканчивался, а работы было на весь вечер.

Около отдела письменных принадлежностей, как всегда, никого не было, попросил десяток стержней или ручек, продавщица оторвала от рулона закатанные в пластик изделия, подала мне и улыбнулась:

– У вас сажа на щеке.

Я не смутился, вынул платок и попросил ее убрать пятно. Она с улыбкой легонько вытерла мне щеку, а я, чувствуя ее случайные и беззастенчивые прикосновения, наверное, впервые смотрел в ее лицо, еще ничего не понимая, но, лихорадочно соображая, где мог его видеть раньше, не сейчас, а давно, как будто в другой жизни.

– Тебя как зовут?

– Варя.

– Редкое имя по нынешним временам, сейчас все больше Жанны да Виктории...

Она засмеялась удивительно детским беззаботным смехом:

– У меня младшая сестра как раз Вика, а мое имя в честь бабушки Варюши.

– Варюша? Можно, я так буду тебя называть? Нет, лучше Варень-

ка. Согласна?

– Чудно! Так меня никто не зовет. Конечно, можно, только не при хозяйке, она нас ревнует к каждому мужчине.

– Ко мне нельзя ревновать, я очень старый.

– Я бы не сказала. Какой же вы старый? А теперь девушки предпочитают самостоятельных мужчин, потому что молодежь спилась и колется. Вы по совместительству с писательством еще и печи ложите? – со смехом спросила она.

Я тоже рассмеялся и рассказал о своих злоключениях. Мы говорили, а в душе у меня возникало смутное и радостное предчувствие встречи с приятным прошлым, знакомое чувство, но я терялся в догадках, к чему оно тут.

– У нас в деревне есть хороший печкур, дядя Миша, наш сосед. Вы его попросите, он сделает.

– В какой деревне? – спросил я, чувствуя, что уже не могу сдержать волнение, что есть объяснение моему предчувствию, и предположение мое правильное. Много позже вернулся к этому разговору и выделил из него новое слово «печкур», на которое должен был обратить внимание сразу как пишущий человек. Только огромным волнением, вдруг охватившим меня, смог объяснить себе этот профессиональный промах.

– В Крутых Озерках. Хотите, вечером подъезжайте, заодно и меня довезете, чтоб не ждать автобуса, а я дом его покажу.

Сердце мое колотилось. Неужели это та самая девочка, что стояла тогда во дворе и наблюдала за работой отца, та маленькая точеная фигурка, закинутая бесцветным платьишком? Сколько времени тогда она преследовала меня, и только разум взрослого человека и, конечно, увлеченность очередной дамой удерживали от как будто случайной поездки в деревню к Сергею.

Дурацкие масхалаты, в которые частные предприниматели одели своих продавцов, сделали их безликими работниками прилавка, в них потерялись женщины. Девушка вообще была ни на что не похожа, мешкообразное платье–халат прятало тело, и только высокая грудь выдавала упругую силу молодости и мамину наследственность. Лицо – да, та же скуластость, тот же упрямый подбородок, острые глаза. Неужели это она?

Вечерняя встреча ничего не добавила к моим наблюдениям, девушка вышла из магазина в просторной куртке, потому что моросил дождь. Она села в машину, привычно откинувшись и притянув двер-

цу. Она молчала, я тоже не знал, о чем говорить. Печная тема исчерпана еще днем, какую-либо другую я боялся шевелить. Да и она ли это? А если даже и она, что это меняет? Я все еще сомневался и боялся, что, окажись эта девушка не из тех воспоминаний, у меня пропадет к ней всякий интерес.

– Вот тут тормозните, – попросила она, собирая пакеты с продуктами. – А дядя Миша напротив живет.

Все сомнения кончились. Мы стояли у дома Сергея Ивановича, когда-то готовившего по моей просьбе барашка для шашлыка.

* * *

Печь и связанные с ней проблемы стали заботить меня гораздо больше, чем недописанная документальная повесть о большом человеке, за которую должен был получить приличный гонорар. Обговаривал с Мишей варианты ремонта печи без капитальной разборки, вечерами он работал, потом я увозил его, чтобы следом перехватить Варю. Уже на следующий день догнал ее на полдороге в деревню, и все это выглядело вполне пристойно, Мы болтали о пустяках, среди которых выпадали зерна довольно значительные.

– Все мужчины подлецы, – заметила девушка, и я немедленно уточнил:

– У тебя была возможность в этом убедиться?

– Да, – ничуть не смутившись, ответила она.

В другой раз Варенька поинтересовалась, чем я оправдываю свои вечерние поездки перед женой, ведь печка отремонтирована, о чем полупьяный печкур Миша доложил ей по дороге накануне. Я уклончиво ответил, что это мои проблемы, хотя большее значение все-таки имела ее забота о таких деталях.

Когда в очередной раз остановился рядом с только что закрытым магазином, девушка запрыгнула в машину, я вынужден был сказать, что поездку в Крутые Озерки попутной назвать у меня уже нет оснований, значит, признаю, что ехал специально за ней.

– Варя, у меня к тебе есть один очень серьезный вопрос. Можно?

– Конечно.

– Тебя не смущает мое появление каждый вечер? Уже нельзя делать вид, что это случайности. Говоря современным молодежным языком, я к тебе клеюсь.

– Похоже, – согласилась она.

– И тебя это не смущает? Ты же понимаешь, что я имею в виду

разницу в возрасте. Узнают, будут над тобой подтрунивать...

– Почему вы решили, что кто-то может узнать? Я в машину сажусь в стороне от магазина, каждый раз там проходят разные люди. Никто ничего не узнает.

В тот раз разговор на этом и закончился, но меня не устраивала отведенная мне видимая роль ежедневного доставщика этой девушки с работы домой. Я чувствовал, что Варюша все опаснее входит в мою душу, хотя фактическую невозможность серьезных отношений с ровесницей своей старшей дочери отчетливо понимал.

Неожиданно и очень кстати жена собралась в гости к своей мамочке, и я охотно ее проводил. В тот же вечер предложил Варе поехать ко мне домой. Мне откровенно надоело пытаться проникнуть к ней через шубку, в которую одели ее наступившие холода, хотелось спокойного и более тесного общения.

– Не сегодня, – уклончиво ответила она.

– Когда же?

– Я подумаю.

Меня бесила и одновременно умиляла ее рассудительность. Такая девушка не может попасть в глупое положение, ее вывод о подлецах–мужчинах, скорее всего, родился в результате доверчивости от большого первого чувства. Я, наверное, не был красивым, но молодым точно, был, и хорошо помню девчонок, которых мне удалось увлечь, и только боязнь ответственности и не израсходованная совесть сдерживали в тех случаях, когда мои подружки уже теряли контроль над собой. Варенька моя влюбилась, видимо, в менее деликатного человечка...

– К вам в дом я не пойду ни за что.

Это было сказано уже следующим вечером. Быстро сообразил, что она не исключает встречи наедине, но только не у меня дома. Осторожно намекнул на возможность снятия квартиры.

– Вы же понимаете, что нельзя снимать квартиру здесь, где вас каждый знает, – ответила мне Варенька. Я был готов к подобному ответу и предложил найти квартиру в соседнем райцентре.

– Смотрите, поосторожней, у нас там родни много, чтобы мне к какой-нибудь двоюродной тетушке в гости не приехать.

Годы не изменили меня, хотя многому научили. Я искренне поверил; что этот вариант ею будет принят, и к концу следующего дня вернулся домой с ключами от уютной однокомнатной квартирки, вернулся поздно, магазин был уже закрыт, я поехал в сторону Крутых Озерков и догнал Варю на выходе из райцентра. Рядом с ней шел

молодой человек. У меня упало сердце. Она никак не прореагировала на появление моей машины, хотя не узнать ее не могла. Сделав еще круг, я уехал домой. Ничего не клеилось, и работа валилась из рук. Умом все понимал, а сердце протестовало. Ревность это была элементарная или жалость к самому себе – не знаю. Ни на следующий вечер, ни потом не искал с ней встречи.

Надо сказать, что постоянное обращение к письменному слову несколько разучило меня толковой и грамотной устной речи после того, как ушел из властных структур, и необходимость излагать мысли вслух возникала все реже. К тому же я стеснялся Варюши, боялся обидеть неуместным словом, потому обращение к письму показалось мне единственно возможным способом сказать все.

«Догадываюсь, что эта моя записка будет для тебя неожиданной и странной, но мне проще изъясняться вот так, на бумаге, потому что возможности сказать тебе хотя бы часть того, что я хотел и готов был сказать, у меня просто не было. Я приглашал тебя поехать со мной в командировку, и уверяю, что там было много интересного, ты напрасно не поехала, если, конечно, не иметь в виду, что ты вообще никогда и никуда не собиралась со мной ехать. Ты не вышла и в то воскресенье, когда мы вечером вроде договорились поехать «в лес по ноябрьские грибы». Странно, но я не мог попросить у тебя каких-либо объяснений, потому что отношения наши настолько слабы и неустойчивы, что я боялся спугнуть их резкими вопросами и получить еще более резкие ответы.

Все равно благодарен тебе за несколько часов ожиданий, когда отвыкшее от эмоций сердце стучало чуть волнительнее, чем обычно, за несколько минут общения в машине, пусть самого пионерского, но для меня приятного и, думаю, полезного. Я не буду больше путаться под ногами, потому что у меня есть собственное самолюбие, которое не позволяет вытирать о мою душу ноги пусть даже очень красивой девушки. Я передам тебе эту записку лично, после прочтения, если, конечно, захочешь ее прочесть, записку уничтожь, ни тебе, ни мне не нужны пересуды на эту тему.

Будь счастлива».

Я был первым в это утро посетителем магазина, но ничего не купил, а положил на прилавок свернутый втрое листок и вышел. Вечером не вытерпел, догнал Варю и максимально независимо, насколько позволяло самообладание, спросил:

– Почему сегодня одна?

– А с кем я должна быть?

Меня выбивают из колеи эти еврейские приемы отвечать вопросом на вопрос.

– Где же тот молодой человек, который вас провожал?

– Это мой одноклассник, он живет в конце улицы, дошел до дома и простился.

– И ты степью одна шла?

– А вы в это время в машине злились?

Нет, все-таки влюбленный мужчина глуповат, достаточно нескольких слов девушки, и он отринул все опасения и подозрения, облегченно вздохнул и уже готов нести всякую чушь, лишь бы загладить вину, хотя еще вилами по воде писано, что она сказала правду.

Я заходил иногда днем в магазин, чтобы получше ее рассмотреть, но мешали покупатели и эта ужасная униформа. Раза два застал у ее прилавка местного коммерсанта по кличке Чукча, сожителя Вариной хозяйки. Мне говорили, что он и к ней давно ищет подходы.

Вечером, в машине, освещенная отраженным светом приборной доски, одетая в модную шубку и хорошенькую шапочку, сидевшая гордо и независимо, ни разу не повернувшая лица в мою сторону, она казалась таинственной незнакомкой. В нем действительно было что-то от знаменитой героини картины Крамского. Я все более разжигал себя. Мне казалось, что внимание молодой и красивой девушки всколыхнет мою стареющую душу, обновит чувства, как обновляла в старые годы бурной весной застоявшиеся воды наших тихих омутов «большая вода», приходившая в наши низинные края с огромными глыбами льда, с обломками мостов, с подвижными зарослями кустарников и камышей.

Мне дорого даже то, что, подъехав к дому, она не спешила открывать дверь, мы говорили несколько минут, я пытался взять ее руку, она не была против, но я ни разу не почувствовал какого-либо движения, рука была теплой и неживой. Попытки тихонько обнять ее и привлечь к себе сводились на нет не столько объемной шубкой, сколько ее осторожными, но в то же время убедительными уклонениями.

Она всегда выходила из машины, сразу забирая пакеты, а в этот раз оставила их на полу и, выйдя, наклонилась в машину, чтобы забрать вещи. Ее лицо было впервые так близко к моему, я осторожно придержал ее головку и поцеловал в щеку. Меня больше всего поразило, что не было никакой реакции. Варя взяла пакеты и прикрыла дверь.

На следующий вечер к теме невинного поцелуя мы не возвращались.

Повторить его мне не удалось. Неопределенность терзала меня.

– Ответь на простой вопрос, Варюша: я в качестве кого нахожусь рядом с тобой? Ты ведь знаешь, что очень нравишься мне.

– Не одному вам.

– И это правильно. Но я боюсь, что мое увлечение перерастает в чувство, хотя уже смирился, что такое со мной больше не случится. Кажется, ошибался. Поэтому я хочу знать, на что рассчитывать. Ты же не отвергаешь меня, правда?

– Вам этого мало?

– Варюша, я мужчина, хотя, конечно, справедливости ради следовало бы добавить: пожилой мужчина. И ты садишься ко мне в машину каждый вечер, хочу верить, тоже не просто так.

– Мне интересно с вами.

– И все?

– А что бы вы еще хотели?

– Я хочу нормальных отношений... Варя, квартиру я снял, небольшая, благоустроенная, чистенькая. Поедем, посмотрим.

– Никуда я не поеду. И квартиру вы сняли напрасно.

– Значит, завтра мне не приезжать?

– Как хотите.

– А ты как хочешь?

Более жуткой тишины не слышал, кажется, в своей жизни. Она вышла, как всегда, не сказав ни слова на прощание. Я развернул машину и рывком бросил ее на обледеневший и скользкий большак. Скорость была уже приличной, когда машину вдруг повело влево, я не сразу сообразил, в чем дело, находясь все еще во власти горьких эмоций, резко повернул руль и, кажется, тормознул. Машину круто развернуло и закружило по дороге, впрочем, не очень широкой. Помню пару полных разворотов, потом несильный боковой удар и – тишина. Открываю дверь, машина вошла в кювет правой стороной, ничего не помяв. Потихоньку прихожу в себя и благодарю Бога за счастливый исход бездумного отношения к дороге. Самому выехать не удастся, придется ждать помощи.

Через полчаса остановилась легковушка, полная веселой молодежи. Я, с трудом держась на льду, подошел к водителю.

– Что же вы так неосторожно, только что прошел дождь.

– Я его не заметил.

– Чем я помогу?

– А вы не ушиблись, нет? Вы Варю привезли? – Матовый свет

салонного плафона высвечивал девичье лицо. Я не считал нужным говорить о Варе и ответил, что был в деревне по своим делам. Девушка, тем не менее, оказалась сообразительнее парней: – Поедем в деревню, я дядюшку попрошу, он заведет грузовик.

Через час моя старенькая «восьмерка» стояла на средине дороги, я заплатил обоим водителям, девушка опять проявила обо мне заботу:

– Вы тихонько поезжайте, осторожней. Если вы Варю не привезли, то где она может быть, мы так и не нашли.

– Что-то случилось?

– Ничего. Хотели ее с работы забрать. Она сестра моя. А я Лена. А это двоюродный брат, из города приехал. Ну, счастливо.

Дома я ощутил какое-то странное чувство удивления, может быть, недоумения: родная сестра Варюши, моей недотроги и красивой льдинки, безразличной и безучастной к моим делам и проблемам, но необъяснимо притягательной, не допускающей, но и не отпускающей меня. Понял, что дошел до края, надо принимать решение, а я не готов. Завтра снова поеду к ее магазину, хотя знаю, что наше общение ограничится коротким «здравствуйте» и, возможно, «до свидания». Не смогу не поехать.

А сестра ее совсем другая, интересуется, не ушибся ли... Странно. Я слышал о ней разное, но кто из молодых не погуливает, не пьет пиво и не трясется на дискотеках? В деревне молодежь предоставлена сама себе, и Лена – только часть потерянного поколения. Впрочем, многие сумеют выкрутиться, найти себя, устроить личную жизнь, но беда, если вино возьмет верх.

Прошло несколько дней. Каждый вечер, как приговоренный, я выезжал на знакомую улицу и каждый вечер видел девушку, деловито идущую в сторону дома. Ни разу она ничем не проявила интереса к проходящей мимо машине, а у меня не хватало смелости нажать на тормоза и открыть дверь. В очередной раз, вернувшись домой, написал Варе еще одно послание.

* * *

Когда Варюша на следующий вечер села в машину, я ждал вопроса о недавнем происшествии и уже приготовил рассказ с тонким намеком и на ее вину в случившемся. Ждал я напрасно. Она ни о чем не спросила. Ни одного слова не было сказано о письме, как будто она его не читала. Несколько вечеров мы ездили почти молча, нервная дрожь колотила меня, и сердце выпрыгивало.

Никогда до этого не видел многосерийных снов, хотя сновидения мучили меня еженощно. Теперь привиделась Варя, страстно влюбленная в меня, мы целовались принародно, и никто не обращал на нас внимания. После первого сна очнулся с головной болью, видимо, сознание не очень соглашалось с правдоподобием моих грез. Велико же было мое изумление, когда сон продолжился, мы с Варенькой катались на машине, собирали цветы в лугах моего детства, хотя она там ни разу не была, к тому же на дворе декабрь, и цветочные сны вообще в диво.

Потом это стало происходить каждую ночь. Я уже подумывал было поехать к знакомому невропатологу, понимая, что сны эти – не от хорошей жизни и добром не кончатся, но победило желание видеть ее в таких ситуациях, какие в жизни уже никогда не случатся. Странно, но мы не говорили во сне, просто она знала, что я хочу сказать, а я буквально слышал ее мысли. Обнимал ее и ласкал, как только умел, как научился за тридцать лет практики, она была послушна и гибка, порой загадочна, иногда игрива. Она была, наверное, такой, какой хотел ее видеть.

В очередной раз она явилась мне с животом, расстегнула халатик, точно так, как это сделала моя первая жена, показывая будущего первенца. Я осторожно обнял ее за располневшую талию и прислонил ухо к животу. От услышанного членораздельного «Папа, это я» мне стало весело, я поцеловал ее в пупок, отчего она радостно взвизгнула. Любопытно, что и во сне остался верен своей подозрительности. Вдруг отчетливо вспомнил, что дальше снятия лифчика дело у нас не доходило, откуда мог взяться ребенок, так круто определивший меня как отца?

Чудеса стали происходить каждую ночь на фоне все усиливающейся головной боли. Я понимал, что воспаленный мозг дает сбои и выдает фантазии в угоду подсознательным желаниям своего хозяина. Сны уже раздражали и утомляли меня, потому что не имели ничего общего с действительностью.

Ребенок появился как-то вдруг. В какой-то квартире, очень напоминающей снятую мною для встреч с Варюшей, оказались ее родители, сестры и братья, и я тут же, но только чужой и никому не нужный. Когда родственники исчезли, она сказала мне, что будет жить здесь, а я останусь у себя дома, потому что, видите ли, нельзя разрушать семью. Речь явно шла о моей семье, хотя в реальности я опять был свободен. Ребенка мне так и не показали, но я украдкой заглянул в кроватку и увидел в ней маленького голого коммерсанта Чукчу, который ехидно улыбался мне, обнажая желтые гнилые зубы.

Потом начались сцены ревности, в которых Варя гневно обвиняла меня в связях с женщинами, происходившими еще до ее появления на свет. Сцены были очень реалистичные, потому что в архивах мозга остались сотни семейных ссор, и по эпизоду из каждой могли обеспечить меня повторной нервотрепкой на несколько ночей кряду. Я решил все это прекратить, и поехал в больницу.

– Ты все чудишь? – спросил мой давнишний друг–доктор. –Дорогой мой, пора перестать прыгать козликом, тебе шестой десяток.

– Что ты мне посоветуешь как врач, а не как брюзга? Что хорошего в том, что ты оброс внуками и лопухами на даче? Я живу, как могу, как требует моя душа. Мы с ней не хотим стариться.

– С этой молодухой у тебя действительно далеко зашло? –выслушав изложение моих ночных кошмаров, спросил доктор.

– В том смысле, который ты имеешь в виду, не зашло, я даже не могу поцеловать ее, как следует. А вообще – очень далеко, я от нее полностью зависим, не могу без нее жить, жду вечера, чтобы получить свою дозу наркотика. Теперь вижу, что все это мешает мне работать, лишает рассудка, но сделать ничего не могу.

– Тебе нужен мой совет? Давай недельки две прокапаемся, почистим мозги, может, какая дурь и вымоется. Отдохнешь. А напоследок скажу вот что: заведи какую-то бабенку, чтобы твоя краля знала. Не всерьез, конечно, но ты же опять холостяк, так что никто не мешает. И напечатай в местной газете что-нибудь громкое, в депутаты изберись, короче, прославься. Помнишь, Пушкин сказал: «Чтоб именем моим твой слух был покорен всечасно». Поверь мне, она с ума сойдет от ревности, хотя, как ты считаешь, не любит тебя. Но такова женщина!

Мой доктор с литературным уклоном нагрузил меня процедурами, милые медсестры меняли одна другую с капельницами, шприцами, таблетками. Неделю я выдержал, потом попросил свои одежды, поблагодарил друга и поехал домой.

* * *

Из всего арсенала лечебных и профилактических средств, высказанного доктором, я твердо усвоил про альтернативную любовницу. Вся беда в том, что не было достойной фигуры. Все знакомые мне симпатии в тени Вареньки бледнели и терялись. С этими грустными мыслями я и явился к местам своих терзаний.

Хорошо попарившись в бане и побрившись, вошел в магазин с неисправимо виноватым видом. Варя не проявила ко мне никакого интереса. Выждав покупателей и оставшись один на один, спросил:

– Можно, я вечером встречу тебя?

– Можно, – односложно и бесстрастно ответила она. Дома долго обдумывал будущий разговор, но так ни до чего и не додумался, опять сел за компьютер и быстро изложил все, что меня волновало.

В машине она осталась верна своей манере поведения: тихое приветствие и молчание, лицо повернуто к стеклу дверцы, за которым ничего не видно.

– Ты ждешь кого-то?

– С чего вы взяли? Просто смотрю.

– Мы не виделись много дней. Тебе нечего мне сказать?

– Нечего.

Тогда я остановил машину, включил большой свет в салоне и положил перед ней свернутый лист. Она молча развернула его и стала читать. Это было еще одно письмо, выстраданное ночью и способное, по моему разумению, внести ясность в наши отношения. Варенька читала без видимого интереса, так читают сводку погоды или объявления о продаже, когда денег нет, а время девать некуда.

* * *

– Варя, готов тысячу раз повторить, как ты дорога мне, как важны эти минутки рядом с тобой. Но ты сама-то определись, наконец. Я не прошу любви, ее не будет, если не случилась сразу, да и грех мне рассчитывать на взаимность. Но ты можешь сказать, что будет завтра? Ты не говоришь «нет», тогда скажи решительно «да». Ты можешь?

– Не могу, – ответила она и вышла, не попрощавшись.

Я редко бываю в таком диком состоянии. Всю ночь просидел за столом, сочиняя ей грубые письма, но они всегда заканчивались признанием в любви и ожиданием примирения и взаимности. Под утро понял, что писать нет смысла, бумага никогда не была лучше прямого общения. Да и чего я хочу? Заставить молодую девушку хорошо относиться к мужчине, который старше ее отца? Глупости, невозможно добиться этого убеждением, но цепляюсь за соломинку, придаю слишком большое значение тому, что она не гонит меня, позволяет взять за руку и даже поцеловать щечку.

Вчера произошел интересный разговор. Я остановил машину, и прямо перед нами на чернильном небе оказался нарождающийся яркий серп.

– Посмотри, какая красивая луна.

– Это не луна.

– А что?

– Луна – когда круглая, а сейчас месяц. Мне бабушка Варюша говорила. В детстве.

Я был удивлен. Бабушка учила точности русского языка. Весь день писал на компьютере очередное повествование о передовом крестьянском хозяйстве и его руководителе, чтобы заработать тысячу долларов, привезя заказчику готовую книжечку из издательства. Вечером встретил Варю, она привычно и буднично поставила пакеты на пол и сдержанно поздоровалась. Варенька моя сильно изменилась, в начале она была проще, открытая вся, с улыбкой и дробненьким, почти детским смехом. Теперь в ней появилась грустинка, даже тоска в глазах, в голосе, в отрешенном виде. Я тоже молчал, выбирая момент для начала последнего, как решил, разговора. Молчание тяготило, о пустяках говорить не хотелось, о главном не мог насмелиться. Подъехали к дому. Сердце мое колотилось.

– Варюша, я хочу ясности. Когда же ты, наконец...

Она повернула ко мне свое лицо и спросила тихо и назидательно:

– Вам не надоело задавать один и тот же вопрос?

Да, давненько меня так сильно не били по физиономии. Не могу сказать, что в большой и неловкой жизни не получал от ворот поворот, что не бросали меня женщины мордой в грязь, что не рвал на себе волосы и не пил от досады водку. Было. И отказ такой девочки в другое время пережил бы легко. Но почему сейчас слезы обиды душат меня, и в голове злые мерзавчики опять разжигают горны, поджаривая мозги и лишая сознания? Кто она такая, эта простенькая, в общем-то, девчонка, что трепещу при ней и не могу внятно выразить надуманные за день мысли? Или удел всех мужчин, живущих эмоциями, заканчивать вот так бесславно? Что нашел в ней такого, от чего невозможно отказаться? Может, действительно придумал ее такою, какую мечтал встретить в жизни, да так и не встретил? И вот на излете реализовал свой идеал в деревенской девчонке, ставшей в моих глазах олицетворением чистоты и красоты, хотя определенно понимал, что ни того, ни другого у нее не богато...

Не считаю себя всерьез просвещенным человеком, но когда-то увлекался философами и перечитал многое из того, что было доступно провинциалу, включая книги из областной библиотеки. Многие авторы рассуждали о любви, и все по-разному ее трактовали. В конце концов, пришел к выводу, что наука не может объяснить природу этого удивительного состояния человека, когда чувство влияет буквально на

все – от аппетита до тяги к стихотворному творчеству напрочь лишенного таланта человека. Ученые мужи толкуют любовь в меру своего понимания и своего опыта, который, как мне казалось, был слабоват, и давал мало оснований для универсальных выводов и советов.

Зачем человеку дается любовь, которая приносит только страдания? Никто не знает ответа на этот вопрос...

Как часто мы ошибаемся в пустяках, неправильно выбрав время для разговора, не подумав о месте. Пока сочинял это назидательное поучение потертого поклонника молодой девушке, отказавшей ему в любезностях, Вареньку мою скорая помощь привезла в районную больницу. Ее младшая сестренка Вика додожила мне по телефону, что Варя «лежит в гинекологическом отделении под капельницами». Потому мой посланник не нашел ее, и на другой день к вечеру вернул затасканный конверт.

Перед самым больничным отбоем, когда еще разрешены телефонные разговоры, все-таки позвонил в отделение, опасаясь быть узнанным медсестрами, и попросил пригласить к телефону ее. Очень скоро она взяла трубку.

– Я не спрашиваю, что случилось, но, может быть, нужна помощь, лекарства, которых здесь нет?

– Ничего не нужно, спасибо,– неожиданно миролюбиво сказала она.

– Ты нашла не лучший способ отметить день рождения.

– Откуда вы знаете про мое день рождения?

Хотел поправить ее речь и сказать, что все про нее знаю, но воздержался. Приятно было, что ее хоть что-то заинтересовало.

– Варюша, не буду тебе звонить, но завтра в семь часов вечера выйди из отделения в коридор. Очень тебя прошу. Ровно в семь часов. Обещаешь?

– Я подумаю.

Господи, у нее поговорка такая или она действительно тщательно обдумывает все свои шаги, чтобы не сделать ошибки? Предполагать за простой деревенской девчонкой такой махровый прагматизм не хотелось, но другого объяснения не было.

Окрыленный, я хорошо поработал ночью и утром следующего дня, ближе к вечеру проехал все магазины и набрал большой пакет фруктов и сладостей. Отдельно в пакетиках положил самые крупные груши и кисти спелых бананов, которые она любит.

Без пяти семь был у корпуса больницы, осторожно поднялся на второй этаж и встал у дверей. Ждал минут десять, и только потом дверь

скрипнула, выпустив Варю и ее спутницу. Обе были в затрапезных больничных халатах, Варюша не причесана, копна рыжих волос явно не украшала ее.

– Зачем вы пришли? – неожиданно спросила она. Увиденное, да и услышанное ошарашили меня, я не узнавал в этой чернавке моей красавицы, мой идеал. Только вчера она дала мне надежду не словами, нет, а тем, как произнесла эти слова. Я уже научился различать оттенки ее настроения. Сегодня все надежды были обвалены одним вопросом.

– Пришел поздравить тебя. А это – подарок.

– Мне ничего не нужно.

– От подарков нехорошо отказываться, тем более, в день рождения.

Она нехотя взяла пакет, и под любопытным взглядом ее сопровождения я пошел вниз.

Кажется, наступило отрезвление. Образ загадочной и недосягаемой красавицы, созданный моим воображением, безжалостно разрушен появлением на лестничной площадке серенькой болезненной девчонки с манерами той, которую так безнадежно любил. Я почти реально ощущал утрату своих иллюзий, душа металась, самое разумное – сесть и писать. Я записал все, что чувствовал в тот момент, и воспроизвожу это письмо, адресованное Варе, но так ею и не прочитанное, потому что по трезвому осмыслению оно показалось мне очень резким. Вместе с предыдущим посланием оно лежит сейчас в папке, забытое и никому не нужное.

* * *

Сейчас, по прошествии времени, понимаю, что письмо это никак не отражает моих истинных чувств, оно только слепок с тогдашнего состояния, и лишь этим интересно.

Впрочем, прощания не получилось. В больнице узнал, что Варюша выписана, а моя новая знакомая Вика объяснила по телефону, что Варя на работе. Был последний день декабря, канун Нового года. Уже к обеду поднялся сильный мороз с северным ветром. Конечно, она пойдет домой пешком, промерзнет, может снова застудить свой недуг. Не будет ничего унизительного для меня, если в такой ситуации помогу девушке, хотя дал себе слово больше к ней не подходить. Зашел в магазин, сдержанно поздоровался и попросил подать самый красивый набор женской парфюмерии. Не знаю, зачем. Возможно, чтобы Варя подумала, что это для нее. Подала солидную коробку, я

заплатил и ушел, так и не насмелившись спросить о вечерней встрече. Часа через два пришел снова и попросил еще одну такую же коробку. Варюша была явно заинтригована. Заметив искорку ее интереса, я спросил, есть ли у нее возможность уехать после работы домой. Она ответила, что нет.

– Тогда я могу довезти.

Она только кивнула.

В соседнем магазине закупил большую сумку фруктов, конфет, тортов. Варенька привычно села на переднее сиденье, демонстративно быстро и без разговоров домчал ее до дома. С заднего сиденья достал пакет:

– Ты не имеешь права не взять, это не тебе, это твоей младшей сестренке, скажи, что дедушка Мороз, который часто говорит с ней по телефону, прислал. Она верит в сказки?

– Наверное.

– В отличие от сестры, которая ни во что не верит, – я с удовольствием воспользовался возможностью хоть чуточку отомстить. – С Новым годом тебя.

– И вас тоже с Новым годом.

– Спасибо. И будь счастлива.

Включил скорость и поехал домой, где никто не ждал и не было ничего новогоднего. Никого не хотелось видеть. Сидел в кресле, нажимая кнопки пульта, меняющие телевизионные каналы, но не надоевших исполнителей, вот уж десятилетие пичкающих простодырых русичей откровенной туфтой. Плюнул и выключил аппарат. Телефон позвал тихим гудением, я снял трубку.

– Это Лена, здравствуйте, с наступающим вас. И спасибо за подарок для Вики от деда Мороза. Чем вы занимаетесь?

– Ничем. Совершенно ничем.

– Ну, есть же кампания, где вы Новый год будете встречать?

– Нет такой кампании.

– Что-то я в это не верю, такой мужчина, и один в такую ночь...

– Но это так. Вы же не пожертвуете новогодним вечером ради меня.

– Пожертвую. Вы пригласите.

Я даже испугался такой откровенности, но отступать было некуда.

– Приглашаю.

– Тогда я буду ждать около дома. Постойте, а Варя?

– Не надо о ней, – многозначительно закрыл тему. – Выезжаю.

Честно признаюсь, что злорадствовал. Наступал тот момент, о ко-

тором говорил мой доктор: Варя узнает о нашей встрече, и едва ли это ее обрадует. Лена села в машину со смехом и необъяснимой пока радостью, вопреки моим опасениям, она была трезва, запаха спиртного не чувствовалось. Я опасался этого, потому что с молодых лет не воспринимаю пьяных женщин. Когда выпивал сам, проблем не было, когда отказался от вина, все мои женщины были трезвы, чему многие из них сами удивлялись: впервые первый раз с мужчиной без вина. Мы постояли немного на обочине дороги, машин почти не было, и нам никто не мешал. Она не переставая щебетала, сняла шапку и шубку, в неярком свете салонного фонарика я видел ее лицо, очень похожее на Варино, но живое, эмоциональное. Ее полные губки откровенно манили, и я осторожно приблизился к ней, коснувшись сначала щеки, а потом губ. Она жадно отдалась поцелую, прижалась ко мне, и я чувствовал трепет ее плотного тела.

– Ты не поверишь, но я ждала тебя, – сказала она, глядя на меня полными слез глазами. – Ты не веришь?

– Какое это имеет значение, верю или нет. Мы с тобой свободные люди, решили провести вместе новогодний вечер, но думаю, что это будет новогодняя ночь. Ты не против?

– Нет, мне нравится с тобой, ты классно целуешься. А почему ты язык мой не пускаешь?

– Не привык. Раньше так не целовались. Хочешь, покажу тебе классический советский поцелуй?

Она засмеялась, почти как Варя. Лишь несколько часов назад я слышал ее смех, когда она отбирала подарки для Чукчи. Как раз в это время я вошел в магазин за вторым набором парфюмерии. Когда покупатель вышел, сухо заметил Варе, что очень ему признателен за возможность услышать ее смех. Она даже не стала возражать.

Я крепко обнял Лену, и так долго нежно и мягко терзал ее пухленькие губы, что она стала вырываться.

– Ну, ты, блин, даешь! Так за один поцелуй можно созреть. А почему советский?

Мы оба громко расхохотались.

Заехали в магазин на окраине поселка, я закупил все, что в нем было вкусного, попросил бутылку шампанского. В доме включил свет, помог Лене раздеться и был приятно удивлен, как хорошо она сложена. Невысокого роста, с крепкой фигурой, высокая грудь чуть великовата, но соблазнительна, полные ножки в моих тапочках казались смешными. Она подошла ко мне, обвила шею руками и стала цело-

вать осторожно и нежно. Хотел было взять ее на руки, как это и должно быть, но вовремя одумался, медленно переступая, мы продвигались к кровати. Она заметила это и засмеялась.

– Не так сразу. Ишь ты, какой! В первый вечер я в постель не ложусь, что бы тебе про меня ни говорили.

– А я про тебя ничего и не знаю, кроме того, что ты – сестра Варвары.

– Сильно ты на нее обиделся, раньше Варюшей да Варенькой звал. Я письма твои читала. Не удивляйся, не я одна, Варя их всем давала читать. Зря, конечно, если бы мне такие письма писали, целовала бы их и хранила на божничке.

– Хватит о ней. Поцелуй меня еще. У тебя это так мило получается.

– Потому что ты хороший, я это по письмам поняла. – Она вновь стала целовать меня в губы, в щеки, в шею. Мы сели на кровать, продолжая поцелуи, я расстегнул ее блузку, она быстро скинула ее с плеч, груди легко выпали из весьма условных чашечек и окончательно свели меня с ума. Когда под моими неловкими руками с юбки слетел первый крючок, она остановила меня, выключила свет и шепнула:

– А ты разве не будешь раздеваться?

Я давно не испытывал такой страсти. Молодое упругое тело дразнило и звало, жалобные и призывные стоны девушки увлекали в бешеный и благостный ритм страсти, пока она не выгнулась и не остановила меня, охватив руками. Я послушно затих. Она еще минуту лежала с закрытыми глазами, потом улыбнулась, засмеялась и сказала, что готова продолжить, чтобы и я получил столько же счастья.

– Ты плохо про меня думаешь? – спросила Лена.

– Я думаю про тебя хорошо.

– Ты не считаешь меня шлюхой за то, что в первый вечер легла с тобой?

– Заметь, со мной – в этом нет ничего плохого.

– А других у меня нет, и теперь не будет, – беззаботно пообещала она.

Хотя я всякий раз одергивал Лену, что разговоры о Варюше неуместны, все, что она успевала сказать, было мне интересно. Представлял с ее рассказов, как Варя по утрам долго сидит на кровати, медленно просыпаясь, потом лениво умывается, приводит себя в порядок и бодро идет на работу. Она не любит готовить и вообще кухню. Засыпает сразу, но спит беспокойно, иногда что-то бормочет во сне, но Лена ни разу не разобрала, что. У Вари, оказывается, было два романа с женатыми мужчинами и, соответственно, два объяснения с их женами, которые она выдержала мужественно и проводила незадачливых жен чуть не с позором.

– Варю направляют в городскую больницу, автобусом ей за день не успеть, – сообщила поздним вечером Лена, уже собираясь домой.

– Я свожу ее.

– Правда? Ты знаешь, я ей предложила тебя попросить, она запретила, говорит, так жестоко с ним поступила, он не простит. Я бы, говорит, на его месте не простила.

– Глупости все это. Уточни, когда ей нужно ехать, чтобы я мог спланировать.

– Да хоть завтра, ей в любой день.

Всю дорогу, и туда, и обратно, я молчал, сестры, сидя на заднем сидении, тихо переговаривались. Судя по их невеселому виду на обратном пути, диагностика ничего хорошего Варюше не пообещала. Украдкой смотрел на них в зеркало, они сильно похожи и очень разные. Варя серьезна и сосредоточена, она как бы всегда готова к защите, не замкнута, но и открытой не назовешь. Лена легкомысленна, и по жизни идет тоже легко, не глупа и остра на язык.

Когда приехали к дому, Варя вышла, а Лена осталась в машине, отчего мне стало не по себе. Она перескочила на переднее сиденье, обняла и поцеловала советским поцелуем, который неплохо освоила.

– Мы едем к тебе? – как бы вскользь спросила она.

– Сегодня нет, я очень устал. – Мне не хотелось говорить. – Тебя Варя опять разбередила? Понятно!

– Перестань. Работал ночью и недоспал.

Она нехотя открыла дверцу.

– Завтра мне позвонишь?

– Позвоню.

Я тронул машину.

Лена была права в своем предположении, что на мое настроение повлияло присутствие Вари. Мы не виделись двадцать дней, все это время Лена уводила от дурных мыслей, затушевывала терзавший меня образ. Но я плохой психолог, если не видел, что в Ленке мне нравилась частичка ее родной сестры, все то, что едва уловимыми намеками напоминало о ней. Понимал, что не получится заменить одну другой. Ко всем прежним чувствам прибавилась жалость. Меня не посвящали в тонкости, но я видел, что Варюша очень боится повторной проверки. Стояли сильные морозы, а Варя ходит с работы пешком, потому что последний автобус отправляется за час до закрытия магазина. Решил вечерами увозить ее, ничего с моим самолюбием не случится.

Перед обедом позвонил Лене, но младшая сестренка ответила, что ее нет дома.

– А вы Вика?

– Да, – важно ответила она. Девчонке двенадцать лет, хочется быть солидной, к тому же Лена говорила, что сестричка узнает меня по голосу.

– Как же мне найти Лену?

– А вам ее не найти, она вчера еще уехала с друзьями.

– Куда?

– Не знаю, она мне не докладывается. Гулять, наверно.

Такого я не ожидал. Зная о ее залихватском образе жизни и страстной, неудержимой натуре, в первый вечер попросил ее не пить и не встречаться со своими вчерашними дружками, если она хочет быть со мной. Помню, что она прореагировала так, как я этого хотел.

– Мне никто не нужен, кроме тебя. Мне с тобой классно!

– Не надо преувеличивать. Но просьба моя очень серьезна.

– Да я не преувеличиваю! – Она обняла и обдала серией ничего не значащих поцелуйчиков. – Прикинь, у меня оргазма никогда не было, а с тобой я млею.

Было неловко от очевидной неправды и явной лести, хотя в постели она всегда выглядела удовлетворенной, а, может, просто делала вид.

Вечером выехал навстречу идущей домой Варюше, остановился и приоткрыл дверь. Она села и тихо поздоровалась.

– Что нового в вашей молодой и цветущей жизни? – спросил нарочито бодренько.

– Ничего, – так же тихо ответила она.

– Лена сегодня не ночевала дома?

– Откуда вы знаете? Она меня обвинит, что ее сдала.

– Разве дело в том, кто сказал? Она часто так теряется?

– Постоянно. Когда с вами стала встречаться, пить перестала, все время дома. Мама ее разговорила, она все рассказала про вас, даже что вы..., ну, спите. Мама сказала, что это ее дело, а хорошо хоть то, что она не бичует.

Мне стоило большого труда сдержаться от удивления, насколько я стал своим в этой семье.

– Ты правда не знаешь, куда она уехала?

– К подружке в город, она за ней и приезжала со своим кавалером.

– Я завтра там буду. У тебя есть какие-нибудь координаты этой подруги?

– Больно мне надо.

– Ладно. Даже если я уеду, к вечеру вернусь, заберу тебя. Ты не возражаешь?

– Да нет, не возражаю.

И так она сказала это – со значением, что ли, или показалось мне, но около дома спросила:

– Если Лена дома, сказать ей, чтоб позвонила?

Я кивнул.

Звонок прозвучал через час. Варя сказала, что звонила Лена из города, спрашивала, не искал ли я, и попросила убедить меня, что она у больной тети в соседнем районе.

– Я сказала, что не видела вас, и что вы не звонили, но по определителю записала городской телефон. Вам надо?

В городе по телефону нашел Лену, предложил выйти, если хочет поехать домой. Она села в машину припухшая и нетрезвая, несказанно обрадовалась моему появлению, пыталась поцеловать. Я знаю истинную цену полупьяных ласк и попросил ее сидеть спокойно. Лена плакалась, что она несчастна, что я ее не люблю, уже две недели не приглашал.

По жизни мне крайне неприятны две вещи: бродячие собаки и пьяные женщины, никогда не знаешь, что они выкинут. Пьяную Лену я не воспринимал. Она нравилась мне и умела создавать хорошее настроение, когда мы оставались вдвоем. Никогда не ставлю своим женщинам условий, потому что они всегда найдут способ объяснить или скрыть их нарушения. Вот и с Леной вел себя, как всегда, попросив ее не пить, пьянство может быть причиной прекращения наших отношений. Не стал напоминать поговорку, что у пьяной бабы все чужое, она это знала получше меня.

– Мы едем к тебе?

– Ты едешь домой.

– А, ты меня уже не любишь, ты опять за Варюшей своей ухаживаешь. Давай, давай... Сестричка тебя еще обует. Значит, ты меня бросаешь?

Машину остановил перед самой деревней. Подумалось, что здесь надо памятный знак поставить, и с Варей, и с Леной всякий раз, подвозя их домой, притормаживаю тут.

– Лена, я умею прощать, тем более, что ты свободная девушка, никто не вправе от тебя требовать верности. Но мы не будем встречаться, пока ты пьешь.

– Хочешь, завтра же брошу, лечиться поеду, хочешь? Я же могу не пить.

– Пока вижу только, что можешь пить, у тебя сил нет бросить. Как жить дальше – сама решай. Лена, ты же красивая, здоровая девка, тебе замуж надо, детей рожать, работать, а ты... ты же на шее у родителей сидишь, на сигареты стреляешь. Успокойся, я не упрекаю... Ты нравишься мне, ты помогла пережить..., ну, понимаешь, что. Я тебе очень признателен, и никогда бы не отказался от тебя...

Чуть было не сказал, что она со мной женщина, а не чопорная девица, как сестра, которую, не знаю, почему, боготворю, хотя надежд никаких и ни на что...

– Потому давай договоримся: приходи в себя и определяйся, в нетрезвом виде не звони и встреч не ищи. И последнее: Варю оставь в покое, она тебе дорогу не перебегала.

Лена пыталась было обнять, я осторожно отвел ее руки. Грустное расставание...

Варю догнал уже на полдороге к дому, включил свет в салоне. Она разместила свои пакеты и облегченно вздохнула, откинувшись в кресле. Морозец разукрасил ее лицо, легким куржаком окаймил его, отбелив ворсинки шапки и воротника. Я смотрел на нее, как смотрю на картины и скульптуры в редких теперь музейных бываниях. Она заметила мой взгляд, но не смутилась, достойно отвела глаза. Едва ли она избалована подобным вниманием, но откуда эти гордые повадки, эта независимость и недоступность?

– Вы помните, говорили, что свозите меня на повторное обследование? В конце недели мне надо ехать.

– Надо – значит, поедем.

– А Лена? Она ведь тоже хотела...

– Лена не поедет. Я не хочу.

Рано утром Варя ждала меня одна, мы выбрались на трассу в сторону города. Асфальт покрыт тонким слоем мягкого снега, местами прикатанного в лед, я ехал тихо и осторожно.

– Вы больше не гоняете так, как тогда? – спросила Варя.

– Когда? – Конечно, мне не удалось разыграть забывчивость, и это развеселило мою спутницу. Она заметно изменилась за последнее время, особенно после крутого моего разговора с Леной, который та, конечно, пересказала. Наверное, Вареньку успокоило мое нейтральное поведение, я не говорил о своих чувствах, не лез с претензиями, ни о чем не просил. Она стала свободнее в обращении, рассказывала о событиях на работе, о ревностях хозяйки, в которых фигурировало и мое имя.

– И как только она догадалась? – искренне возмутилась Варя. Ах, молодость, нельзя же так подставляться! Конечно, я воспользовался ее оплошностью:

– О чем догадалась?

Варя заметила промах, но было уже поздно. Она достойно вышла из замешательства:

– Что мы с вами встречаемся. Она так и сказала.

– Вот видишь, про нас уже легенды слагают, а мы все еще на «вы».

Как всегда, Варя мудро промолчала.

Повторное обследование она прошла быстро и прибежала из клиники возбужденная и счастливая. Я сидел в машине, мелкий нервный озноб усиливался с каждым часом, после разговора с нашим гинекологом я слишком хорошо знал, чем может обернуться безобидное новообразование на внутреннем органе. К счастью, ничего не подтвердилось. Предложил ей поехать в соседний район, где у меня было дело на полчаса. Она с готовностью согласилась, сняла шубку и осталась в тоненьком свитере, так откровенно облегавшем фигуру, что я боялся смотреть в ее сторону. Несколько раз она перехватывала мои робкие взгляды, и мне почудилось удовлетворение в ее улыбке.

– Варюша, я должен в ближайшие дни съездить на родину, на могилы родителей моих, давно не был, душа требует. Поедешь ли со мной?

– Поеду. У меня выходной послезавтра. Подходит? Только отоспаться должна, а потом еще от Ленки .уйти, она ведь не отстанет, если узнает.

– Об этом мы завтра договоримся, хорошо?

Перед будущим знаком у деревни остановил машину. Варя устало откинулась в кресле и с улыбкой смотрела на меня. Темнело. Мне не хотелось ее отпускать, но утром ей на работу. Я боялся пошевелиться, потому что за весь последний месяц даже руки не касался, а сейчас мучительно сдерживал желание поцеловать тоненькие нервные губки. Понял, что просто так не отпущу ее, да и она, я чувствовал, ждала чего-то.

– Варюша, можно, я поцелую тебя за праздничный сегодняшний день?

– Можно, если вам от этого легче станет.

Господи, зачем она это сказала?! Что за язык такой, способный в самое неподходящее время все испортить?! Я мгновенно отрезвел, решительность улетучилась, осталась горечь. Мужчины, действительно, не плачут, они огорчаются.

– Я, Варя, не милостыню прошу.

– Ну вот, опять вы себя загружаете.

Это точно было приглашение к продолжению темы, и надо было говорить, говорить и целовать ее, она готова, я определенно знал, видел, чувствовал. Но уже заклинило, разыгрались больные фантазии, и я рванул машину, шипованные колеса резали прикатанный снег, в этот яростный рев двигателя и стремительный бросок вложил свой протест, свое возмущение, и она уже знала, почему так делаю.

Когда подъехали к дому, она задержалась на мгновение, и я неуклюже попытался привлечь ее к себе, но дверь была уже открыта, и Варя вышла, не попрощавшись.

Как же противен я себе был в этот вечер! Тоже мне, Дон Жуан перезрелый, ослеплен девчонкой, и даже не в состоянии понять, что неприятен ей. Этот вывод крепко засел в сознании и сверлил мозг до тупой боли в затылке.

Ночь была страшной. Я опять боялся умереть, впервые после периода системных пьянок, когда возвращение в жизнь всякий раз по трудности было сродни новому рождению, и еще не известно, будет ли оно успешным. Мне снились мои родители. Как в кинохронике, еще раз просмотрел их похороны, незатейливые и грустные. Эти картины приходили ко мне регулярно, уже знал, что в конце кто-то из моих стариков позовет меня. Говорят, это плохая примета, но я жил с этими видениями уже два десятка лет.

Неожиданно поймал себя на том, что со стороны смотрю уже на собственные похороны, с горечью отмечая, что плачущих по мне совсем нет. Само собой сложилось четверостишье: схороните легко и просто, без оркестров и без речей, только тихой печали простынь, только несколько тонких свечей... С трудом отвлекся от невеселых мыслей и попытался подремать.

Очнувшись после очередного кошмара, понял, что больше не уснуть, выпил кофе и сел за стол. Прямо с экрана монитора прочел все, что написал за время странных отношений с моими девочками. В ноющее мое сердце вошла теплота, увидел себя счастливым, потому что с первой до последней встречи с Варюшей был другим человеком. Не тем биологическим существом, которое до этого много лет бесстрастно переносило на бумагу чьи-то рассказы о трудовых победах, жевало вареную колбасу и глотало снотворное, чтобы хоть сколько-нибудь отдохнуть. Я опять стал мужчиной, у которого появилась цель, который началом дня считал не подъем и восход солнца, а время закрытия магазина, когда из него выходит маленькая девочка в

короткой шубке и маномаховской шапке. Сердце мое замирало, как в былые годы, я не признавал себя пятидесятилетним и не стыдился своего чувства.

Да, ни разу не проявил настойчивости и активности, и она могла расценить это как инфантильность. Но я рассказал ей, как один мой знакомый стучался к женщине в квартиру и убеждал, что он ее не тронет. Та резонно ответила, что в таком разе ему и открывать незачем. Она смеялась, но не могла не запомнить моих слов, что я таких обещаний не даю, хотя ничего не сделаю без ее согласия.

Вечером мы медленно и долго ехали в Крутые Озерки молча, потом Варя, вопреки обыкновению, заговорила первой:

– Выходной у меня отменили, буду работать, так что поездка наша в это воскресенье не состоится... Почему вы молчите?

– Довольно того, что вчера наговорил много лишнего.

– Я не помню ничего лишнего.

– Очень хотелось бы верить, но поцелуй так и не состоялся.

– Вы ждали, что я от первого предложения на шею брошусь?

– Надо было предложить еще раз?

– Нет, просто время еще не подошло.

– Варюша, время проходит, мое время, а ты полгода держишь меня на поводке. Прости, но вчера у меня появилось опасение, что я тебе... ну, неприятен, что ли.

– Господи, что вы себе нагоняете! Будь так, я бы ни минуты с вами не осталась, а я жалею, что в воскресенье не встретимся.

– Хорошо. Тогда давай встретимся в субботу. Все равно в машине сидим по часу, лучше это время провести в тепле. Ты очень устала, мне просто жалко тебя. Я приготовлю стол, вина хорошего. Отдохнешь, расслабишься, выпьешь рюмку хорошего вина.

Она засмеялась дробненько, отчего сердце мое заныло редкой и счастливой болью.

– Только рюмку, не больше.

– Неужели ты согласна?

– Но я же сказала.

Ни я, ни она не уточняли, но оба понимали, что именно мой дом подразумевается местом субботней встречи.

Договорились, что в половине седьмого она позвонит мне, чтобы убедиться, что вернулся из командировки. Уже не раз пострадавший от несостоявшихся телефонных звонков, вновь опрометчиво доверил себя случаю, и был наказан.

Утром в пятницу поехал в город, это и была моя командировка, в лучшем магазине закупил фрукты, торт, коробку конфет, бутылку дорогого вина. Не думалось о деньгах (правда, они у меня оказались), хотелось сделать вечер необычным и приятным для нее. Дома разложил все на столе, натюрморт получился заманчивый, она будет удивлена.

Вечером не дождался оговоренного накануне звонка, поехал к магазину ровно в семь, свет в окнах уже не горел. Проехал до ее дома, опять вернулся, – Вари нигде не было. Дома напрасно ждал от нее звонка.

* * *

Лена говорила мне, что все рассказывает Варе, даже подробности наших вечерних игр. Скрытная Варя ни разу не намекнула о своей осведомленности. Сестре она никаких суждений обо мне не высказывала, в связи со мной не упрекала. Лена время от времени возмущалась, что я подолгу задерживаюсь с Варей по дороге домой, ей приходится ждать на морозе. Странно, что я не придавал значения мирному сосуществованию сестер, встречающихся со мной почти посменно, правда, уровень встреч разный, но все равно...

Я отчетливо понимал, что Лена не заменит мне Вареньку никогда, что только тяну время, наслаждаясь почти забытыми ласками молодой и здоровой девушки. Это не благородно, но мужское существо не могло отказаться от радости таких встреч.

Сегодня надо уладить наши с Варюшей отношения после случившегося недоразумения. Двух моих вечерних неявок ей достаточно, чтобы вспомнить о моем существовании. Так мне казалось. Или хотелось...

С первого взгляда понял, что Варя не чувствует никакой вины в случившемся и не жалеет о несостоявшейся встрече. Удивительная похожесть сестер: после событий чрезвычайных, на мой взгляд, делать вид, что ничего не случилось. Она была даже веселее, чем обычно по вечерам после трудного дня за прилавком.

– Варя, ты помнишь, в городской поездке я сказал о своем ощущении, что это наша последняя встреча?

– Я слышала.

– Но не придала значения? Напрасно, это была не мистика. Есть такое наблюдение: раз, два произошло нечто – могут быть случайности, но когда три и четыре – система. У нас с тобой, как только улучшаются отношения, и дело идет к совместной поездке или даже встрече наедине, что-нибудь вмешивается. Помнишь, один раз телефон как будто не работал, ты не могла до меня дозвониться. Потом у тебя

дома возникли проблемы, Лена пригрозила, что, если поедешь со мной, она скандал устроит. В этот раз хозяйка магазина позаботилась некстати, решила тебя до дома довезти, потому что мороз, и ты не нашла возможности отказаться от ее несвоевременных услуг.

– Все так и было! Она не отпустила меня к телефону!

– Но ты из дома могла позвонить мне, сказать, что все нормально, завтрашняя встреча не отменяется?

– Могла. Но я не додумалась...

– Потому что не думала. Тебе в голову не пришло, что я могу потерять тебя, искать. Я звонил в больницу, домой тебе, но после первого сигнала нажимал на рычаг. Что я мог спросить, если не ты снимешь трубку? Я не спал всю ночь, утром подключил машину к обогреву, мороз за тридцать, в половине седьмого был у твоего дома. В семь ты вышла, живая, здоровая. Развернул машину и поехал домой.

– Я видела машину, но не подумала, что это вы.

– У тебя на примете есть еще один такой сумасшедший?

Она засмеялась, и смех этот звучал признанием, обещанием и радостью. Или мне хотелось его таким слышать? Я почему-то подумал, что самое время поговорить о наших отношениях, она опять была открытой, доступной и какой-то домашней. Чего еще ждать?

– Варюша, в прошлый раз, когда я пролетел с поцелуем, у меня появилось опасение, что я тебе не только не симпатичен, но даже неприятен. Мы уже говорили об этом, и ты отвергла мои предположения, сказала, что все иначе, по-другому. Правда, не уточнила, как по-другому, а я постеснялся спросить. Если это так, тогда есть предложение: Варенька, посмотри на нас со стороны, любопытную увидишь картину. Мы полгода в одной машине, и ничего не происходит! Что нас объединяет? Со мной все ясно, я люблю тебя. А ты почему садишься в мою машину? Неужели только потому, что другая не ездит в твою деревню? Если все по-другому, как ты утверждаешь, то почему я до сих пор не могу даже поцеловать тебя, хотя боготворю, обожаю, люблю до сумасшествия?

Она слушала напряженно и молча. Я ожидал подобной реакции, потому спросил:

– Такой трудный вопрос?

– Да, я не знаю ответа.

– Это неправда. Тогда задам наводящий, как в школе на уроке. Что у нас будет дальше? Вот так и будем сидеть в салоне на разных креслах, слегка соприкоснувшись рукавами?’

– А как вы хотите?

– Варя, ты ведь взрослая девушка, а ведешь себя, как ребенок. Я хочу, чтобы рядом была любимая женщина, а не пассажирка случайная. Обнимать, целовать тебя хочу.

Она сказала сухо:

– Поцелуев не будет.

– Это твое последнее слово?

– Да.

На душе моей стало вдруг удивительно спокойно.

– Варюша, мне трудно продолжать общение с тобой таким платоническим образом, не дорос я до высокого совершенства личности. Видеть рядом красивую девушку и не иметь права обнять ее? Это кара, наказание, я не могу так. Мы больше не будем встречаться. Ты меня понимаешь?

– Понимаю.

– Скажи, ты заметишь мое отсутствие?

– Не знаю.

– Значит, завтра я не подъезжаю?

– Как хотите.

– Я так и знал! Нет ничего проще переложить на другого принятие решения, потом можно оправдаться, что ты не сказала «да» или «нет».

Она сидела молча и безучастно, происходящее не очень ее интересовало. Я тронул машину, время от времени поглядывая на высвеченный уличными фонарями ее четкий профиль. Едва ли она заметила, что прощаюсь с ней. Остановившись рядом с домом, включил фонарь в салоне. Она не спешила уходить. Обида, досада и полнейшая безнадеrа овладели мною. Не хотел ничего говорить, но против воли своей выдохнул:

– Господи, как же я люблю тебя!

Варя вышла из машины и оставила дверь открытой. Поехал тихо, чтобы не наломать дров, дверца, покачиваясь, захлопнулась, оставив по ту сторону мои мечты и надежды.

* * *

Удар случился со мной ночью. Я дополз до телефона и позвонил в «скорую помощь». Знакомая фельдшерица крикнула в трубку, что сейчас приедет. Больше ничего не помню. Говорят, вызывали по рации милицию и застрелили моего бедного пса. Он никого не пускал во двор. Двери я никогда не закрываю на запоры. А то бы еще сколь-

ко времени потеряли. Лечили меня больше месяца. Приезжали доктора из области. Сказали, что буду жить. Но я знаю, что не буду. Соображаю тяжело. Девочки у меня не были. Вся эта история мне приснилась в бреду. Не могу писать.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Я застал его довольно слабым и безразличным. Передвигался он с трудом, говорил медленно и несвязно, от былой удали ничего не осталось. Попросил меня прочитать ему с компьютера весь текст записок, связанных с его увлечением девушками. В нескольких местах тихонько сжимал мою руку, и я замолкал. Слезы текли по его лицу. Понимая, что слова мои бесполезны, я молчал. Он кивал, и я продолжал чтение.

Последний абзац он набрал сам, попросил сбросить текст на дискету и забрать с собой. Предисловие, напечатанное в начале, оказывается, им написано еще до болезни. Судя по стилю последнего текста, мозг ему отказал в услугах.

После его смерти нашел в столе и на полках несколько машинописных текстов и рукописей, о которых слышал от него, но не читал. Мы хотя и считались товарищами, но крепко спорили. Покойный не любил партию и советскую власть, они ему платили той же монетой, но больнее: его не издавали. В пьяном застолье он говорил: «Я пишу только то, что чувствую, а вы то, что видите. Издают вас, а читать будут меня».

Работаю с этими записками и понимаю, что где-то он был прав.

ЧЕРЙМУХИ ЦВЕТ
Рассказ

Мне рассказал эту незатейливую на первый взгляд историю, но полную загадочных совпадений и немыслимых поворотов сюжета, пожилой уже журналист, с которым мы оказались в одном доме отдыха в сезон, надо сказать, не самый лучший. Была зима, сильные февральские морозы со свойственными такой поре ветрами, не выпускали отдыхающих в сосновый бор, который был единственной достопримечательностью этих мест. Мы заехали в один день, сразу сошлись, разница в возрасте как-то сама собой потерялась, потому что сосед мой оказался человеком довольно общительным и эмоциональным. Когда я узнал его профессию, все стало понятно: нельзя людям его дела быть равнодушными и флегматичными, такие не могут заинтересовать меня своим скучным изложением увиденного, а переживаний у них не бывает по определению.

Он назвался Петром Петровичем, был среднего роста и средней же полноты, черты лица приятные, чуть поредевшие волосы зачесаны на косой пробор и всегда в полном порядке, чистые и спокойные. Выпить мой сосед в первый же день отказался, без затей объяснив, что «ему пая нет», чем ввел меня в крайнее смущение: я подумал, что он говорит о неучастии в приобретении бутылки коньяка. Заметив мое замешательство, Петр Петрович заливисто засмеялся, несколько раз сильно хлопнув в ладоши. Смеялся он примечательно, громко и от души, в самые пиковые моменты переходя даже на свист, у нас еще будет много поводов для этого. Мне же он объяснил, что имеет в виду отведенную ему норму, «свой пай выпил давно», но против ничего не имеет, если я развлекусь коньячком.

Раскрыв свою большую сумку, он вынул портативный компьютер и большой фотоаппарат, улыбнулся, развел руками:

– Думаю тут поработать, надо написать одну вещицу. Я ведь, брат, балуюсь письмом, не могу не писать. Правда, не предполагал, что окажусь с соседом, это меняет условия, придется выходить в холл.

– Нет-нет, вы работайте, я буду уходить.

– Куда? – весело спросил Петр Петрович. – Вы не сумеете мне угодить, вот уйдете, будете где-то маяться, а я ни строки не напишу, потому что настроения нет. И напротив, вы в комнате, а меня подперло, дрожь в руках. Уж лучше я застолблю место в холле, там замечательно, в углу за фикусом, уже присмотрел.

Он вставал удивительно рано, забирал свой компьютер и уходил, оставив меня досыпать, возвращался перед завтраком, хмурый, недовольный собой, ел без аппетита, потом снова прятался за своим фикусом. Только после ужина оставался в комнате, ложился на кровать и молча смотрел в потолок. Я не знал, как себя вести. Перемена с моим соседом случилась быстро и столь неожиданно, что подумалось, не заболел ли.

– Вы не спите, Петр Петрович?

– Нет. Слушаю вас.

– Не сочтите за любопытство: как сосед, я просто обязан спросить, что случилось? Вы сильно изменились, как только стали уходить работать.

Он помолчал.

– Видите ли, я пишу сложную для себя исповедь, чтобы в письме хоть сколько-нибудь соответствовать внутреннему состоянию, должен всякий раз вживаться, пытаться разум приблизить к душе. Надеюсь, вы согласитесь, это довольно непросто, и вся писательская сложность как раз в том и состоит, чтобы научиться мыслью познавать чувство, перенести его на бумагу. Конечно, я опускаю разговор о том, что душу и переживания нравственные, как минимум, надо иметь, без них ничего не бывает в литературе. Вы меня извините, я вынужден уходить в себя, чтобы сохранить это состояние, не растрясти, не утратить в праздных разговорах, понимаю, что со мной скучно, потому и просил отдельную комнату.

Я тут же перебил собеседника страстными заверениями, что у меня нет никаких претензий, что крайне неловко себя чувствую оттого, что не могу создать своему товарищу приличные условия для работы.

Он никак не отреагировал на мою тираду и продолжал смотреть в потолок, хотя заметно было, что весь он со своими мыслями очень далеко от нашей комнаты. Я выключил прикроватную лампу и затих. Петр Петрович еще с полчаса лежал неподвижно, потом сел, посмотрел в мою сторону, глаза наши встретились.

– Вы тоже не спите? Знаете, я должен кому-то рассказать свою историю, которую пытаюсь писать. Есть несколько моментов, они смущают, не могу найти им места.

Я поднялся, потянулся было за сигаретой, но вовремя одумался.

– Ничего, закурите, люблю, когда пахнет хорошим табаком, а у вас, заметил, табак приличный. Потом комнату проветрим.

Я закурил.

Метель в этот вечер была какая-то бешеная, порывы плотного, упругого воздуха срывали верхушки сугробов, с размаху бросали сухую белую массу в стену нашего корпуса, а потом кружили снег по двору, беспорядочно распределяя между чахлыми кустиками аллеек, забором и подсобными строениями. После ужина я пытался пойти погулять, но вернулся, не пройдя и ста метров, так силен был ветер и так много снега швырял он в лицо насмелившемуся человеку. Несколько времени постоял на веранде, через стекло наблюдая буйство стихии, и ушел в комнату.

Петр Петрович словно забыл о своем намерении рассказать мучившую его историю и забыл о моем присутствии, он все так же сидел на кровати, лицо чуть покраснело, глаза наполнились слезами. Мне стало не по себе. Наконец, он встал, включил чайник, приготовил добрую порцию настоящего индийского чая, залил кипятком и сел, держа в руках горячую фарфоровую чашку.

– Не знаю, друг мой, с чего начать свой рассказ, чтобы вам было все понятно. Я журналист, как вам известно, но уже лет пятнадцать пишу прозу, издаю книги, писатель, так сказать. Догадываюсь, что имя мое вам не знакомо, и не только потому, что вы из другой области. Тиражи книг по финансовым причинам ничтожно малы, и не только моих. Эти сволочи сделали все, чтобы народ довольствовался мерзкими детективами и откровенной пошлятиной. Впрочем, не об этом речь, информация о писательстве вам совершенно необходима. Итак, год назад я по договоренности с одним журнальчиком готовил материал о большом сельскохозяйственном предприятии, жил там несколько дней, с руководителем и раньше были хорошо знакомы, а за это время и вовсе подружились. Его Иваном Егоровичем зовут. Он сам возил меня на производство, сам комментировал, замечательно проводили время. И вот приехали мы в маленькую деревню на вечернюю дойку, надо было заснять лучших доярок, посидели в комнате отдыха, в урочный час пошли в коровник. Вы не бывали в коровниках? Поразительные перемены, скажу вам, я захватил еще ручное доение, когда доярки с бидончиком ходили. Труженицы! Пришлось мне сопровождать делегацию животноводов района, в котором тогда работал, на областное совещание передовиков. Моя задача состояла

в том, чтобы у них никаких житейских проблем не было. Уложил всех спать, тогда в Тюмени одна гостиница была, «Заря», номера на семь коек, как раз для всей женской делегации. Просыпаюсь: кто-то ходит по коридору. Выхожу, доярочка наша передовая, Балясина, ходит и руки сомкнутые, как малое дитя, качает. Спрашиваю: «Вы почему не спите?». И знаете, что она ответила? «Рученьки мои не спят, так их ломает, время пять, утренняя дойка начинается, им работать надо». Вот так. На этом предприятии ферма современная, чистота, как в приличной столовой, запаха совсем нет, хороших денег стоит это удовольствие, но не о том речь... Снял я доярок, их теперь операторами зовут, а они молодежь, старых сейчас не держат, и вдвоем встанут, и втроем: сделай милость, увековечь! Нащелкал их, дела все закончил, вернулся домой. Да, следует вам знать, что мужчина я одинокий и уже давно, жена моя от меня ушла, правда, развод не оформляли, она не настаивала, да и у меня не было намерения жениться. Уже тогда начал много писать, а дело это, брат ты мой, одиночества требует, потому, если женщина у меня появлялась, то лишь на вечер. Дома скачал все отснятое в компьютер и стал отбирать снимки для обработки. И вдруг увидел ее.

Он задохнулся, отхлебнул чаю, я во все глаза наблюдал за рассказчиком. Его волнение передалось мне, мы оба молчали.

– Снимок, – он тихонько откашлялся, – снимок был групповой, три девушки, она в центре. Я крупно взял ее лицо, и она прямо в душу мне заглянула. Наверно, преувеличиваю, но глаза ее выразительны, в тот момент был поражен. А лицо! Поверьте, друг мой, я видел тысячи лиц на фото, мне хорошо известно, что может фотография. Она одного не может, даже современная цифровая, из обыденного сделать благородство. Деревенская девчонка, самая простая, как медный пятак, а лицо... пушкинского времени, барышня светлая. Продолжаю работать, и время от времени открываю файл, любуюсь портретом. Да... Понимаете, я никогда не был аскетом, и вино пил, и женщин любил, но чувства большого не испытывал, а тут вдруг затосковал. Гоню от себя мысли о ней, а они приходят, даже во сне. Кажется, чего бы проще, садись в машину и к ней, знакомься, наводи мосты. Но, надеюсь, вы понимаете мое смятение: девочка, девчонка совсем, а я сед, в два раза старше. Подумаю так, и вроде устыжусь, охлыну, только не надолго, к тому времени в городской лаборатории большой портрет ее сделал, положил в стол. Ничего не скажу, стыдился ее, изредка достану, полюбуюсь и спрячу. Чего, кажется,

прятаться, поставь на стол и смотри, ко мне в кабинет вообще никто не входит, ан, нет, стеснялся, ее стеснялся. Журнал материал напечатал, Иван Егорович приглашает в гости, машину за мной прислал. Посидели за чаем, он тоже не пьет спиртного, а я никак не могу найти подхода, чтобы заговорить о той ферме и о той девушке, ведь даже имени ее не знаю. Вы не поверите, это мистика какая-то, но ближе к вечеру хозяин предлагает съездить в ту самую деревеньку, мол, есть у него разговор к животноводам, да и автору, дескать, полезно пообщаться с героями своего очерка. Можете себе представить, что со мной творилось, хозяин даже поинтересовался, как себя чувствую. Приехали рановато, девушки только собираться начали, а я все на дверь посматриваю, и вдруг входит она. С морозца румяная, шаль сбросила, пальтишко повесила, прошла вперед, села. Я себя не помню, смотрю на нее: она – и уже вроде другая, голос звонкий, улыбка открытая, головку повернет – волосы скатятся на сторону. Я ведь ее совсем тогда, при съемках, не заметил, по фотографии одну представлял, а тут она другая, живая, неожиданная. И вдруг моя героиня говорит, обращаясь к руководителю, что корреспондент снимал, а фотографий-то они пока не видят. Иван Егорович засмеялся и пообещал, что Петр Петрович непременно сделает фотографии и передаст их лично Марине Николаевне для всего коллектива. Конечно, он не мог знать о моих сердечных муках, потому что я даже сам себе в них боялся признаться, но, видно, был чей-то промысел, чтобы свести меня с этой девушкой хотя бы раз.

– Очень приличный повод! – обрадовался я.

– Верно, – мой рассказчик оживился. – Фотографии мне напечатали, они со мной в машине катались все время, и как-то в Тюмени в одной конторе встречаю Ивана Егоровича, напоминаю, что с его подачи я должником оказался и осторожно намекаю про Маришку: мол, поручили лично ей передать, а кто она такая – не знаю. Он хоть и крутой бизнесмен, но душу еще не заложил, трогательно о ней говорил, что осталась она круглой сиротой с братиком на руках, бабушка помогла им вырасти. Девчонка техникум окончила, зоотехником стала, в институт заочный поступила, теперь брата доучивает в школе. Редкая по нынешним временам самостоятельность. Сказал, что домик у нее с голубыми наличниками, не ошибешься, я на всякий случай предложил ему взять фотографии, а он смеется: «Вы обещали, вы и вручайте». Никаких намеков, так все простодушно. И я поехал. Был конец мая, кругом зелено, улочка ее с одной стороны застроена, а

напротив болотце, по весне наполнилось водой, что твой пруд, по бережку черемуха растет. Столь много ее, что белый от цвету весь берег, словно в снегу кусты. Подъехал к домику, из машины вышел, потерялся совсем, такая робость напала, как в юности, только и спасло, что она сама вышла. Улыбается беззаботной улыбкой, светится вся. Поздоровались, на скамейку сели, я фотографии достаю. Она недовольно губку вздернула: «Какая-то я тут непохожая, а тут смеюсь, будто пьяная». И говорит, говорит, что снимки на ферму унесет, что доярки над ней подшучивать будут, а я глаз от нее не отвожу, такая во мне жаль, такая боль загорелась. «Что же вы молчите? Я не люблю, когда молчат. Говорите!». А что говорить? Что одурел от девичьей свежести и простоты, что видеть ее для меня уже радость и счастье? «Можно, я к вам еще приеду?». «Приезжайте, – улыбается, – в любое время». Много ли мужчине надо? Только всего и сказала, а у меня сердце петухом поет. Глупость, конечно, но случается. Еще одна странность: действительно, не похожа Маринка на свою фотографию, это она правильно заметила, но я-то позднее объяснение получил от нее. «Вы, – говорит, – придумали меня, а я такая, какая есть». Вот как точно! Встаю со скамейки, прощаться пора. Про телефон спросил, опять разрешения спрашиваю, Маринка смеется: «Звоните, только меня трудно дома застать». «Можно, я веточку черемухи на память возьму?». Побежала, надломила бутончик, быстрым шагом идет через улицу – легкая, словно плывет, а улыбка открытая, как будто рада она мне до невозможности. Как мне хотелось в тот миг обнять ее с разбегу и зажать, затискать в осторожных руках! «Завянет, пока везете, черемухи цвет – на одно мгновение». «Память о нашей встрече буду хранить». «Глупости это». «Так я приеду еще?». «Приезжайте».

Рассказчик мой опять замолчал, долго сидел почти неподвижно, слегка потирая виски. Увлеченный этой историей, я ждал продолжения, ничем не мешая воспоминаниям. Наконец, Петр Петрович встал, прошелся по комнате. Вьюга за окном стала стихать, фонарь на соседнем столбе перестал раскачиваться и бросать желтые блики на шторы.

– Вы еще слишком молоды, чтобы понять состояние человека, впервые осознавшего свой возраст, не старость, а просто возникновение для него возрастного ценза. Наступает такое время, когда о любви вообще говорить неприлично, а о чувствах к молодой девушке..., если она тебе в дочери годится... Но я себя знаю, столько в себе копался, что всякие движения души понимаю, к чему они ведут – догадываюсь. Должен признаться, что при всей своей эмоциональ-

ности влюблялся редко, обошел меня создатель таким талантом. Или наказанием, не знаю, что лучше. А тут точно определил, что влюбился в эту девочку так страстно, как никогда до этого не случалось. Я же не юноша, отдавал себе отчет, что неладное творю. И затих, стиснул сердце и молчу, не звоню, не еду. Доложу вам, что самое тяжелое в жизни – собственное сердце в руках держать. Только недолго это продолжалось, набрал ее телефон, голос услышал и не нашел ничего другого, как попросить десять минут для встречи. Десять! А до нее ехать два часа. Стою на трассе у дорожки, что с фермы ведет, одна женщина прошла, другая, я включу фары – нет, не Маришка. Долго стоял, потом набрал ее телефон с мобильника, брат отвечает, что она на работе, что-то сломалось у них на ферме. Уже ближе к полночи с фермы к ее домику подкатила машина, видимо, управляющий подвез. Конечно, не стал беспокоить, на второй день звоню, повторяю просьбу, она беззаботно соглашается. «Только, – говорит, – не знаю, когда освобожусь». И опять стою на том же месте, всех встречаю и провожаю, опять не могу дождаться, к тому же телефон домашний не отвечает. Так огорчился, что на повороте скорость не рассчитал, за малым в кювет не слетел. Разжигаю себя, что и с фермы по другой дорожке ушла, и телефон выключила специально, два дня молчу, потом звоню, с ужасом жду ответа. А она, как ни в чем не бывало, поясняет, что уезжала в офис с отчетом, на ферме не была, а телефон не работает – так это часто бывает. Опять еду! Садится она в машину и смеется радостно: по деревне слух прошел, что появился какой-то маньяк на легковушке, который женщин с фермы выслеживает. А управляющий ей понимающе подмигивает: «В ночь поломки ты одна из женщин на ферме была, машина весь вечер крутилась, я же видел, сколько он кругов по снегу нарезал, выходит, тебя и ждал». Ребенок, чистый ребенок, ей интересно, что все боятся, и только она одна знает истину. Понимаете, она сказала: «Я же знаю, чей это ухажер!». Стыдно сказать, но я принял было случайную реплику на свой счет. Конечно, сгоряча.

Петр Петрович тяжело вздохнул, опять походил по комнате. Воспоминания, как мне казалось, были ему приятны, он с болью и удовольствием переживал еще раз уже бывшие свои чувства, возможно, тут же примерял устный свой рассказ к тому, что писал в углу за фикусом. Он включил чайник и опять заварил крепкий чай. Я молча наблюдал со своего места за этим немолодым уже человеком и невольно поражался огромной внутренней силе и красоте. Мы отвыкли от откровенных проявлений возвышенного, от чистых чувств, вре-

менами его рассказ казался мне повестью тургеневских времен, не будь в нем автомобилей, телефонов и прочего.

– На чем мы остановились? – отхлебнув чай, спросил сам себя Петр Петрович. – Да, не стоит и говорить, с каким настроением ездил на эти свидания, состояние мое было столь высоко, что писал по десяти страниц в сутки легко, без напряжения, сейчас перечитываю эти тексты и нахожу их вполне приличными. Только ничего не менялось в наших отношениях, я, честное слово, даже затрудняюсь определить, в качестве кого я при сем присутствовал, а уж точно не любовник. Совершенно! Говорили о пустяках, хотя заранее готовился к более серьезному разговору, но при ней все забывал или боялся, могу признать. Даже за руку ее ни разу не взял.

– А она? Она же приходила на ваши встречи, в машину садилась. Ну, не просто же так?

– Вот на это не могу ответить, не знаю! Предполагать можно что угодно, в повести обязан буду найти объяснение, но в реальности не могу ничего сказать за нее, за Маринку. Одно только ясно, что корысти с ее стороны никакой и быть не могло, она с первого разговора категорически отказалась от какой-либо материальной поддержки, даже подарки принимала с оговоркой, вполне достойно. И вот в ноябре она уезжает на сессию, мы встретились за два дня до отъезда, очень недолго поговорили, она махнула ручкой «До свидания» и ушла. Учеба на полтора месяца, предлагал купить ей мобильник, она отказалась, спросил разрешения приехать – «Не надо, очень много занятий».

Он опять надолго умолк, бессмысленно держа в руках чашку с остывшим чаем, я тоже молчал, понимая, что не имею права вмешиваться.

Ветер продолжал буйствовать, и тепло в нашей комнате спасало только расположение ее с подветренной стороны, но плотные шторы беспокойно покачивались, вползая на подоконник и плавно скатываясь с него.

– Не утомил я вас рассказом? – неожиданно спросил Петр Петрович.

– Конечно, нет, но, если вам трудно вспоминать – не нужно, не тревожьте душу.

– Это вы напрасно, моей душе сейчас как раз и нужно это выплеснуть, слишком много на ней скопилось всего. Да... Когда началась реформаторская чехарда, я оказался без работы, русский человек доверчив, как ребенок, и раб ваш покорный за чистую монету принял болтовню о свободе, один материал опубликовал «не к месту», вто-

рой. Там и критики особой не было, я сельские районы хорошо знал, видел, куда их заводят перемены, вот и излил душу в нескольких очерках. Два напечатал, остальные вернули вместе с трудовой книжкой. Сильно обидно было, уехал в деревню, купил домик, два магазина арендовал и начал торговать. Противное, мерзкое это дело, но у меня много знакомых на оптовых базах, я уже при капитализме продукты закупал по социалистическим ценам, была такая ситуация года полтора. Дела мои круто пошли, цены низкие, а доход приличный, потому что закупал удачно. И вот однажды километров сто преследовала меня паршивая иномарка, я на «девятке» ухожу, они пытаются обойти, знаки подают. Останавливаться нельзя, у меня полный дипломат денег, расчет везу на фирму. В общем, ушел, но страх появился, обратился к начальнику милиции, у нас хорошие были отношения, он мне «Макарова» организовал. Я у него в тире пострелял, до этого пистолета в руках не держал, конечно, сплошное «молоко» на мишенях, а он меня успокаивает: «Ничего, когда бандиты прижмут, не промажешь». Не стал ему говорить, что в живого человека не смогу выстрелить, я и курицы в жизни не зарубил. Торговлю скоро бросил, но пистолет остался, начальник тот большим человеком в органах стал, всякий раз мне разрешение продлевал.

Вот пистолет этот и сыграл роковую роль. Я с возрастом хандрить научился, такая тоска порой накатит – хоть в петлю. Обратился к докторам, депрессия, говорят, надо лечить нормальным образом жизни. Работал много, писал по ночам, даже засыпал за компьютером. В ноябре издал большую книгу, ее не поняли, не приняли, в писательской организации обхамили, почти ничего не продал. Такая дичь! Зол был на весь белый свет, в тоску впал. И Маринки нет, звоню – тишина.

– А брат? Он же оставался дома.

– Конечно, но – тишина, как будто нет никого. Знаете, как бывает, пришла беда – открывай ворота, одно к одному. Две недели из дома не выходил, ко мне никто не ходит и не звонит. И тут я про пистолет вспомнил. Вынул его из сейфа, смазку протер, чакнул вхолостую, положил на стол. Вам может показаться странным, друг мой, да и я немало тому удивился: совершенно спокоен! Даже руки не дрожат. Тут же обоймы с патронами, а мне и надо всего один. Вот решение, вот выход! Как говорил мой покойный отец, «плакущих по мне немного», родных никого, а кто и есть, так не роднимся по разным причинам, возможно, и я виноват. Представьте себе, внутренне готов. И тут она.

– Приехала! – вырвалось у меня.

– Нет. Портретик тот в открытом ящике стола. Зачем полез – не помню, а взгляд у нее острый, осуждающий, прямо материнский взгляд, и улыбка лукавая на губах. Сгрохотал ящиком, избежал взгляда, а сам уже другой, куда решимость подевалась, убрал оружие, охватил голову, плачу. Над чем плачу? Да над собой, над жизнью своей никудышней, над скорой расправой. Жалко, видите ли, себя стало. Нажал две цифры на телефоне, электронная барышня сообщает, что сегодня 31 декабря. Год кончается, а я и не знаю, счет потерял. И вмиг у меня все перевернулось. В новогоднюю ночь всякие чудеса случаются, будь что будет, но Марину Николаевну, Маришку, как звал ее для себя, увижу.

Без предупреждения, без телефонного звонка еду в деревню, пробираюсь по сугробам к домику заветному, свет во всех окнах, выхожу из машины, набираю на мобильнике номер, отвечает женский голос, но не ее. Успел подумать, что кто-то из подруг праздновать пришел, поздравляю с наступающим, прошу пригласить Марину Николаевну. И слышу: «Она тут больше не живет». «А где она живет?». «Не знаю». «Простите, но вы ее квартиру занимали, неужели не знаете, куда она уехала и почему?!». «Не знаю, потому что нам квартиру от производства дали, я на ее месте зоотехником, мы из Казахстана приехали». Вот и все.

– Но вы ее нашли?

– Зачем? Мне кажется, судьба специально так нас развела, чтобы меня не загонять в угол, не было у нее другого выхода. Смотрите, как славно все разрешилось, никаких разочаровывающих объяснений, никаких трагедий. Незавершенность, незаконченность развития сюжета всегда была одним из ловких приемов в литературе, почему бы ей ни быть таковой в жизни?

11–17 января 2007 года

БУКЕТ
Рассказ

Дмитрий Борисович Витюков был редактором маленькой районной газеты в маленьком и не очень перспективном районе, дело свое не любил, но знал хорошо, мог четко поставить задачи сотрудникам, сам писал передовицы, обзорные статьи и даже очерки о хороших людях. Все в районе его знали, относились почтительно, все привыкли к его членству в руководящих органах и мягкому, ровному голосу при выступлениях, он считался человеком без будущего, но успешным и состоявшимся. Как-то ему даже вручили медаль «За трудовую доблесть», что вообще для газетчиков было редкостью.

Дмитрий Борисович и сам уже верил, что жизнь прошла, вялотекущая действительность его мало волновала, как, впрочем, и дом, и жена. Все стало привычным, ровным, скучным. Он заметно отяжелел и в свои почти пятьдесят выглядел старше и даже запущеннее. Очень любил читать, выписывал несколько журналов, покупал книги, в библиотеке ему всегда оставляли новинки. Он молча брал и молча приносил. Как-то заведующая попросила его высказаться о новом романе известного писателя на читательской конференции, на что редактор пожал плечами, но промолчал.

Дмитрий Борисович и сам забыл, что когда-то был немножко другим, чуть энергичнее, чуть эмоциональнее, в Уральском университете, где он учился на журфаке, в самодеятельности читал со сцены, имел успех, особенно по патриотической тематике. Маяковский в его исполнении был неповторим, голос и чувство завоевывали внимание слушателей, и зал обычно взрывался аплодисментами. На одном из студенческих концертов он увидел белокурую девушку, которая в паре с молодым человеком танцевала какой-то остроумный сюжетный танец. Стоя в кулисах, Дмитрий наблюдал за ней и восхищался, так она была грациозна и легка, мила и шаловлива. У стоявшей рядом однокурсницы спросил, кто та, что танцует, узнал, что с филологического, кажется, Середина. Дмитрий так и не уточнил ударение, Середин*а* или Середи*н*а. Впрочем, какая разница, все равно он не

подойдет и не будет говорить ей комплименты, и потому что не умеет, и потому, что сейчас его выход, «Стихи о советском паспорте». Громовым голосом он выдал знаменитую завершающую фразу, поклонился и ушел под грохот аплодисментов, в кулисах остановился, вытер платком лоб. Нервная дрожь легонько колотила его, но это было приятно, радовал успех, завтра декан непременно поблагодарит его перед лекцией, потому что декан в парткоме университета отвечает за идеологию, а Дмитрий и Маяковский очень даже этому способствуют. Он не сразу осознал, что есть еще одна причина для радостного настроения, эта маленькая светлая девушка со странной фамилией, надо бы найти ее, познакомиться. Он сам испугался этой мысли.

– Вот вы где, а я на выходе жду.

Она смотрела на него с обезоруживающей улыбкой, в короткой юбочке и белой кофте, в черных туфлях-лодочках. Лицо круглое в обрамлении волнистых светленьких волос, глаза голубые, губки чуть вздернуты, наверно, потому и нос тоже немножко вверх... Красивая!

– Я должна вам сказать, что вы очень здорово читаете Маяковского. Я бы тоже хотела, но у него стихи мужские, те, что можно со сцены. А вообще поэт – лирик, вы любите его лирику?

Никакой лирики Маяковского Дмитрий не читал и не знал, но молча кивнул, что любит.

– Это хорошо, – довольно сказала девушка. – Меня зовут Лиля, а вас?

– Дмитрий, Дима.

– Вы на каком?

– Журфак.

– А я литфак, филология. Третий курс. А вы?

– Тоже третий.

– Здорово! Пойдемте, или вы еще читаете?

– Нет, могу уйти.

Они вышли из дома культуры, где проходил праздничный концерт в честь годовщины Великого Октября, на город медленно падал снежок, закрывая вчерашнюю грязь, мутные лужи и черный тротуар. Лиля туфли несла в сумке, смело шагая в поношенных сапожках, Дмитрий в туфлях вынужден был прыгать через лужи, разметав полы широкого плаща, под задорный смех своей красивой спутницы.

За двадцать минут пути до общежития Лиля рассказала о себе почти все: она из маленького уральского городка, родители учителя в

третьем колене, ее так же воспитали, в семье еще брат и сестра, но брат в Армии, а сестренка в следующем году тоже приедет поступать на филологический.

– Дима, вы почему молчите? Куда подевалась ваша сценическая мужественность и громогласность?

Дмитрий остановился:

– Вы меня извините, но я привык больше слушать, сцена – это совсем другое, а в жизни я..., наверное, стеснительный.

Лиля подошла к нему, приподняла кепку, надвинутую на самые брови:

– Давай перейдем на ты, что мы, в самом деле, как на балу?! Ты деревенский?

– Да, – обреченно признался Дмитрий и подумал: «Ну, все, это конец, сейчас она уйдет».

– Ой, как здорово! Я люблю деревню, каждое лето мы на месяц уезжали к теткам, у нас их много на Урале и в Курганской области, это сестры родителей. Чудные места и народ добрый. Ведь в деревне народ чище, чем в городе, согласен?

– Да, – кивнул Дмитрий.

– Расскажи о своей деревне.

– У нас село...

Дмитрий вспомнил о большом изгибе бывшего берега древнего моря или реки, ставшего местной горой, о своем старом селе Афонино, об одноименном озере, точнее – старице, в которой он дважды тонул в детстве, о таинственном и хмуром сельском кладбище, которое в начале века обосновал местный священник и на котором покоится прах его мамы. Он опасался, что Лиле это будет не интересно, но она слушала, сочувственно жала ему руку, когда он говорил о маме, смеялась, когда рассказывал о приключениях на рыбалке или в лесу.

У общежития Лиля сказала, что ей приятно было познакомиться с Димой, Дима буркнул в ответ, что ему тоже, и замолчал. Девушка улыбнулась:

– Дима, я жду, что ты назначишь мне свиданье хотя бы через день, завтра у нас семинар, я не смогу. Давай встретимся послезавтра?

– Да, – кивнул Дима.

– В семь часов вечера здесь же. Не забудешь?

– Не забуду.

Он был взволнован, очень рад знакомству и злился на свою беспомощность. Конечно, надо было еще в школе научиться танцевать,

приглашать девушек, дружить, попробовать целоваться. А он влюбился сразу и безнадежно в самую красивую девушку класса и школы, мог только украдкой на нее смотреть, все знали о его влюбленности и все потешались над ним. Он очень страдал, когда она на школьных вечерах в тесном коридорчике танцевала под радиолу с ловкими и улыбчивыми парнями, когда на переменах смеялась в кругу одноклассников, в который он почему-то не мог войти. Он вообще казался чужим, не ходил в кино, всем прочим занятиям предпочитал книги, и только несколько раз в году становился героем школы, когда под давлением учительницы литературы Веры Алексеевны участвовал в концертах и конкурсах чтецов, занимая первое место.

В год окончания школы Дмитрий Витюков стал печататься в районной газете, его пригласили на районное совещание внештатных корреспондентов, и он там толково выступил, тогдашний редактор назвал его очень перспективным журналистом. С тех пор Дмитрий окончательно потерял покой, много занимался, готовился к вступительным экзаменам в университет. На выпускном вечере та красавица призналась ему, что ей приятны его чувства и что он тоже ей нравится, но Дмитрий к тому времени уже остыл, и этот разговор остался без продолжения.

Как он был благодарен и признателен Лиле, она не ждала его инициативы, не рассчитывала на его сообразительность, сама покупала билеты в кино и театр, сама подводила его к кафе и, смеясь, приглашала. Он смущался, что-то лепетал, но все проходило вполне пристойно. К Новому году Дмитрий с ребятами заработал хорошие деньги на разгрузке вагонов, они устроили вечер с шампанским и богатыми закусками. Лиля была рядом с ним, они танцевали, Димка после шампанского осмелел, приглашал ее снова и снова, Лиля беззаботно смеялась и тихонько ойкала, когда партнер в очередной раз наступал ей на ногу.

Погода была морозная и ветряная, окно комнаты затянуло развесистыми узорами, от прогулки по улицам сразу отказались. Теснились, танцевали, задвинув в угол стол. Пока меняли пластинку, Лиля шепнула Димке на ухо:

– Давай уйдем.

– Куда? – не понял он.

– В коридор выйдем?

Они незаметно вышли, Лиля потянула его за руку подальше от шумной кампании.

– Димка, мне скучно, – нежно глядя ему в глаза, сказала Лиля.

– Что я могу сделать, чтобы тебя развеселить? – несмело спросил он.

– Пойдем в нашу комнату, девчонки разбежались, мы будем одни.

В комнате было непривычно тихо, все аккуратно прибрано, Лиля сказала, что не будет включать свет, от уличных фонарей все видно. Она подошла к Димке, положила руки ему на плечи:

– Дима, поцелуй меня.

Димка понимал, что так и будет, уже был готов, осторожно взял ее головку в руки и неожиданно крепко поцеловал. Она с облегчением вздохнула, уткнулась в его грудь и прошептала:

– Господи, я уж боялась, что ты на это никогда не насмелишься.

Димка тяжело дышал и сердце его колотилось.

– Лиля, да, я трус, я боюсь сделать что-то не так, обидеть тебя и отпугнуть. А сегодня осмелел, теперь все время буду тебя целовать.

Они долго сидели на кровати, обнимаясь и целуясь, Димка ощущал трепетное тело девушки, упругую грудь, ее прерывистое дыхание. Она была так близко, только одно движение, и кнопочки блузки распахнутся, а юбочка и без того сбилась, но он вздрагивал и одумывался.

Когда постучались Лилины подруги, оба они были измотаны и обессилены, Лиля открыла дверь и включила свет. Димка смущенно жался к пустому столу.

– С Новым Годом, Дима!

– С Новым Годом, девчата! Лиля, я пойду.

Она вышла его проводить, он хотел обнять ее, но Лиля убрала руки:

– Иди, уже поздно.

– До встречи, Лиля.

– До свиданья.

– С Новым Годом!

– С Новым Годом!

Дмитрий Борисович и теперь, в зрелом возрасте и приличном уме, не нашел бы ответа на вопрос, что же именно изменилось в их отношениях с Нового Года, но точно Лиля переменилась, стала сдержанней, сромнее, что ли, при избытке его скромности их прогулки и беседы были просто товарищескими и очень краткими. Димка не обращал на это внимания, предполагая, что Лиля усиленно готовится к экзаменационной сессии, даже пытался поцеловать девушку при прощании, и иногда это ему удавалось.

Сессия и его закружила, он все сдал успешно и проводил Лилю на поезд.

– Я буду очень скучать без тебя, – сказал он.

Лиля улыбнулась:

– Наверное, нет, ты будешь читать книги и писать курсовую, помнишь, ты говорил?

Да, он говорил, и будет писать, но и скучать тоже будет.

– Дима, скажи, ты действительно любишь меня или ты привык ко мне и считаешь, что вот так и будет всегда?

Он растерялся, не зная, как ответить, что он действительно не представляет свою жизнь без нее, что да, он привык, и что это и есть любовь, наверное... Но он промолчал, потому что вышла проводница и попросила пассажиров пройти в вагон.

– Дима, ты подумай об этом, подумай, а встретимся, ты мне все скажешь.

За две недели каникул он ничего не прочел и ничего не написал, проклинал, что не взял Лилин адрес, чтобы вызвать ее на телефонные переговоры, приехал в Свердловск на два дня раньше, вечером перед началом занятий на стук в дверь комнаты она, наконец, вышла.

– Лиля, здравствуй, как я рад, что ты приехала! – Он обнял ее, она не противилась, но никак не отреагировала, при всей своей неопытности даже Димка это заметил. – Что с тобой, Лиля, ты нездорова?

Она грустно улыбнулась:

– Лучше бы я заболела, может, не было бы этих дурацких мыслей. Ладно, Дима, иди к себе, я буду разбирать вещи и готовиться к занятиям.

– Мы завтра встретимся? – тревожно спросил он.

– Наверное. Приходи, как всегда, в семь.

Какие-то странные были эти свиданья, они больше молчали или говорили о ничего не значащих пустяках, уже не ходили в кино с билетами в последний ряд, чтобы никто не мешал обниматься. Лиля не отказывалась от встреч и была им совсем не рада, через полчаса ссылалась на неотложные дела и уходила, холодно попрощавшись.

Димка не знал, что делать, он видел, что теряет ее, что это страшная для него потеря, но что можно изменить, никто не скажет, и она тоже молчит. С ребятами он эту тему не обсуждал, хотя они интересовались: «Что у вас там произошло?».

В мае, после большого концерта в честь дня Победы, Лиля при прощании сказала:

– Дима, у меня день рождения завтра, я тебя приглашаю.

Он обрадовался, весь вечер думал, что ей подарить, но с деньгами было туговато, потому товарищи посоветовали остановиться на цветах. Ближе к вечеру он поехал в цветочный магазин, но там было закрыто, он кинулся на площадь, потом на вокзал, на перроне с явной переплатой купил мимозы, большой букет.

Он эти цветы с тех пор терпеть не может, даже на открытках, и букет этот запомнил на всю жизнь. Когда он вошел, в комнате было несколько девушек, все уже знакомы, он подошел к празднично одетой имениннице и с поклоном протянул букет.

– Спасибо, Дима. – Она привстала на цыпочки и почти как брата поцеловала его в щеку. Девчонки засмеялись, все хвалили букет.

Вдруг пошел дождь, с сильными порывами ветра, окно пришлось закрыть, тем более, что началась гроза, молнии рвали небо, а гром ударялся прямо в крышу общежития.

За столом Дима сидел напротив Лили, ухаживал за соседками, поддакивал тостам и даже сам сказал, что сегодня все тосты за именинницу, что незамедлительно было одобрено застольем. Димка напрасно ловил ее взгляды, она старательно избегала встречи и наигранно смеялась всякой шутке. Вдруг дверь отворилась и в комнату – не вошел – влетел молодой человек в мокрой рубашке, сам весь мокрый от дождя, но впереди себя он нес беремя распустившейся сирени.

Димка знал этого парня, он с юридического, большая умница, папа у него где-то в верхах, парень был модным и пользовался успехом у девушек, так все говорили. Димка пытался сообразить, как тот здесь оказался, ведь не могла же Лиля его пригласить?

– Мне сказали, что в этой комнате празднуется день рождения красивой девушки. Нет-нет, не надо подсказок, я никогда не пользуюсь шпаргалками, дайте мне определить, кто она.

И парень безошибочно потянулся со цветами к Лиле, да и невозможно было ошибиться относительно той, что сидит во главе стола. Лиля была до неприличия счастлива, она охватила букет обеими руками, бутоны выпадали на стол, прямо в тарелки с салатом, все разом заговорили, возле именинницы совсем некстати образовалось свободное место, и парень перелез к нему чуть не через весь стол. Лиля все еще стояла со цветами в руках и вдруг громко сказала:

– Хочу, чтобы все знали: нет для девушки более чудного подарка, чем мокрая от весеннего дождя сирень, это самые красивые цветы на свете.

Димка вдруг ощутил такую пустоту вокруг себя и такую тоску, что едва не заплакал, тихонько вылез изо стола и вышел. Больше он к Лиле не подходил.

На четвертом курсе он заметил, что девушка на раздаче в студенческой столовой очень заинтересованно на него смотрит, и порции у него намного солиднее, чем у товарищей. Однажды вечером Димка встретил ее у выхода с кухни, они познакомились, в первый же вечер на лестничной площадке ее дома до полуночи целовались, а через месяц сыграли свадьбу. Тамара родила ему троих детей, кормила борщами и котлетами, похожими на студенческие, и изредка ворчала, что поторопилась замуж за деревенского и уехала из города. Дмитрий Борисович не обращал на ее слова никакого внимания, брал книгу и уходил на диван в дальней комнате. В книгах часто описывали счастье, о котором он так немного знал.

14-16 марта 2009 г.

ВСТРЕЧА
Рассказ

Условия тендера на строительство спортивного комплекса в своём родном городке Владимир Порфирьевич увидел в Интернете случайно, и хоть давно оттуда уехал, а после перевез и родителей, так что никого на родине не осталось, но неожиданная находка как-то встревожила, даже взволновала, ночами вдруг стали приходить картины, которые никогда до этого не вспоминал. Он окончил строительный институт, дослужился до главного инженера строительного треста, перспективы открывались необозримые, но всё пошло кувырком, у треста не оказалось заказов, потом финансирования, начальник как-то утром сухо с ним попрощался и уехал в Москву, насовсем. Правда, после выяснилось, что он успел продать все запасы стройматериалов, но тогда это никого не взволновало. Владимира Порфирьевича пригласил крупный чин из администрации области и предложил без тени смущения: отдай мне базу комплектации, а всё остальное забирай себе. Как забирать – он не знал, но юристы администрации в несколько дней оформили нужные документы, и три городских организации стали его собственностью.

Скоро «Стройсервис» Венгеровского стал ведущей кампанией в городе, он без труда выигрывал конкурсы на самые выгодные объекты, научился давать на лапу и даже сам устанавливал проценты отката. Новый мэр города попытался приручить бизнесмена званием депутата законодательного собрания, но на встрече в его кабинете поздним вечером Владимир Порфирьевич после рюмки коньяка сказал, что его совершенно не интересует общественное положение, что его задача строить и строить. Мэр вежливо согласился, но тут же возразил: строить Венгеровский будет только тогда, когда этого захочет он. Владимир Порфирьевич быстро сообразил, что тональность надо снижать и напрямую спросил, сколько надо мэру, в месяц. После минутных торгов сошлись на сумме, и через пару месяцев главный строитель стал депутатом.

Когда коммунистическая газета опубликовала большую статью о

мутных делах в «Стройсервисе» с указанием заработной платы каменщиков, монтажников, отделочников и годового дохода хозяина, его отец, фронтовик и партиец, всю жизнь проработавший слесарем в железнодорожном депо, весь вечер крыл сына матом и называл жуликом. Дело кончилось полным разрывом, Владимир Порфирьевич вызвал из деревни сестру, купил ей большую квартиру и перевез туда отца, назначив хорошее содержание.

Дети выросли и проучились в Европе, но Владимир Порфирьевич не увидел в них помощников и обоих сыновей отправил в столицу, хорошо проплатив их теплые места. Домик себе он построил на первые серьёзные доходы в пяти километрах от города и жил там с женой, тайно от неё имея скромный коттедж в центре для гостей и женщин, с которыми время от времени уединялся, предупредив всех, что уехал по делам. Он никак не вмешивался в политику, не давал интервью и даже издевался над коллегами–депутатами, которые не упускали возможности полепетать с экрана телевизора. У него не было друзей и врагов, ничто за пределами строительного бизнеса его не интересовало, и такую жизнь он считал единственно возможной и интересной.

Известие о строительстве стадиона в родном городке стало всё незаметно менять. Вспоминались школьные товарищи и друзья юности, уютный городок, с которым простился, уходя на службу в армию, и бывал там пару раз, пока учился в институте. Всё давно забылось, ан нет – вдруг всплыл в памяти одноклассник Толя Синилов, постоянный конкурент на спортивных соревнованиях, в одиннадцатом классе вырвавший у него победу в кроссе на последних метрах, чем вызвал стойкое неприятие и злобу. Ещё невзрачный Витя Кизеров вспомнился, вдруг оказался соперником в симпатиях к Настеньке, милой и скромной девушке, дружбы с ней искали все парни, но только с Володей она гуляла после школьных вечеров отдыха. Витя совсем было выпал из его интересов, но Настенька стала избегать Володи, а на выпускном вечере открыто призналась в чувствах к этому веснусчатому и не особо броскому пареньку. Володя был тогда сильно обижен, напился портвейна и наговорил гадостей Настеньке. Впрочем, с Витей у неё ничего не получилось, ему писал кто-то, что Настенька вышла замуж за своего однокурсника в пединституте.

Понимая, что просто так ничего не бывает, Венгеровский справедливо отнес свое внезапное беспокойство к проискам наступаю-

щей старости, всё-таки далеко за пятьдесят, и хоть плоть ещё крепка, два отпуска на заморских пляжах и постоянная забота личного доктора дают результат, но есть ещё нечто, способное перевернуть устоявшуюся жизнь и разбудить чувства, о которых и не подозревал. Скоро стало ясно, что в родной городок придётся ехать и купить право на строительство стадиона. Его не интересовала материальная сторона, пусть даже фифти-фифти сработает на этом объекте, но он его построит, пусть наездами, но побывает в городке, возможно, встретит знакомых, встряхнётся, успокоит душу.

Предварительно договорившись о встрече с главой городка, Владимир Порфирьевич выехал рано утром, чтобы к обозначенным пятнадцати часам быть на месте. Водитель Роман, молодой, но за отдельную плату прошедший подготовку в учебном центре спецслужбы, уверенно вёл джип по истерзанной большегрузами дороге. Венгеровский не дремал, вопреки обыкновению, с удовольствием смотрел на выходящие из-под снега поля, потемневший от набрякших почек лес, радовался чему-то, как будто впервые видел. До родных мест ещё далеко, но волнение уже охватывало его, в таких вот лесках, прострельных берёзовых, мальчишки почти деревенских пригородов пропадали целыми днями не просто убивая время, а добывая кой-какое пропитание к скромным семейным достаткам. На берегу вот такой же речушки загорали после купания, тут же ловили окуней и раков. Венгеровский вовремя ощутил слезу, скатившуюся по щеке, подобрал её платком и отвернулся от водителя, чтобы, не дай Бог, не заметил.

Главе города он сказал, что готов на любые условия получения подряда, тот ответил, что наслышан о мощной строительной кампании и будет очень рад, если она возьмётся за комплекс, но его смущает выраженное желание господина Венгеровского, ведь объект в пятистах километрах от «Стройсервиса», это такие затраты и сложности управления. Тогда Владимир Порфирьевич открылся: это мой город, и я хотел бы поучаствовать в его обновлении, тут же предупредил, что вынужденное откровение должно остаться в кабинете.

Глава пригласил специалистов, на широком полированном столе разложили проект, Владимир Порфирьевич быстро оценил степень его сложности, глянул на итоговую цифру сметной стоимости. Когда ушли специалисты, Венгеровский написал на листке и сказал, что даст в заявке эту цену, она значительно меньше сметы, так что соперников не будет. Он тут же добавил, что готов вознаградить хозяев,

если его просьба будет удовлетворена. Глава смутился, попросил на эту тему больше разговора не заводить и предложил зайти в конце рабочего дня, к этому времени он постарается решить все вопросы, чтобы дать земляку положительный ответ.

У ресторана он отпустил водителя, потому что хотел побыть один, заказал обед, выпил рюмку коньяка. Обслуга, знавшая своих постоянных клиентов и видевшая шикарный автомобиль гостя, старалась угодить и мешала думать. Он только что ездил к своей школе, её нет, стоят два уродливых коттеджа, но густые заросли черемухи и сирени сохранились в дальнем углу, вот тут пятиклассниками играли в чику, а в девятом классе он целовался с девочкой из восьмого, она потом до последнего звонка за ним бегала, но чувства не было, а по другому юность не может. Как её звали? Валя..., Галя..., Катя..., кажется, Катя. А она любовно звала его Вольдиком, откуда взяла такую форму имени, скорее всего, сама придумала. Венгеровский улыбнулся: какой замечательный пласт своей жизни он упустил, совсем забыл, хорошо, что случай выпал и свёл с дорогим прошлым. Надо поручить юристам, чтобы нашли одноклассников, а потом устроить встречу, учителей найти, кто ещё жив, расходы он возьмёт на себя.

Владимир Порфирьевич погулял по центральной улице, она не очень изменилась, мало новоделов, старые дома кое-как приведены в порядок, но зелени, как и в те годы, с избытком. Вглядывался в лица, порой попадались напоминавшие кого-то, но он знал, что такое бывает, потому не придавал значения. Да и встречаться с кем-то сейчас не очень хотелось.

Из кабинета главы городка он спускался по широкой мраморной лестнице чуть усталый, но довольный положительным решением своего странного вопроса, глава заверил, что вопрос согласован с губернатором и подряд будет передан «Стройсервису». Рабочий день окончен, уборщица в синем халате уже трет пол вестибюля, но яркий свет ещё заливает парадный марш. Венгеровский осторожно ступил на влажный мрамор, боясь поскользнуться.

– Вольдик!

Он вздрогнул и остановился, в тот же миг пронеслось в голове издевательское: до глюков довели воспоминания.

– Вольдик, это ведь ты, не исчезай!

Венгеровский оглянулся: уборщица в синем халате с улыбкой далёкой восьмиклассницы смотрела на него. Он кивнул:

– Да, я Венгеровский. А вы – Катя, Екатерина?

Она обрадовалась:

– Да, Катя, а почему ты со мной на вы?

Он смутился:

– От неожиданности. Извини.

– Ты откуда приехал? На приёме был? Не переживай, если отказали, они теперь нашего брата не понимают. Говорят, капитализм.

Он согласно кивнул.

– Ты спешишь? Я столько лет тебя не видела! Давай выйдем в сквер, посидим на скамейке. Фрося, я потом домою, ладно?

Они вышли. У Кати только улыбка осталась от прошлого, глаза потухли, лицо посерело, она ссутулилась. И голос тоже остался прежний.

– Как живешь, Катя? – спросил Венгеровский, чтобы хоть как-то поддержать разговор.

– Живу, Вольдик, как все. Пенсия плохонькая, но и за то спасибо. Работаю вот. Муж у меня больной и сын в тюрьме сидит, после Чечни на рынке торгашей погонял. Я после того совсем не своя стала. А ты как?

– Да живу..., – неопределённо буркнул Владимир Порфирьевич и добавил нелепо: – Как все.

– Тоже тяжело, выходит. Сам выкручивайся, Вольдик, сюда не ходи, им не до нас. Я вот бычью голову сегодня купила, у частника, так что и язык целый. А то брала у хачиков, всё, язык выдран, а это же деликатес. Я тебе подскажу, Вольдик, как голову обрабатывать надо, ты свою жену научишь. Первое – проси, чтобы глаза сразу убрали, я не могу, когда она на меня смотрит, жутко. Потом с челюстей мясо ножом срежь, а челюсти выбрось, зубы варить тоже неприятно. Пипку сразу отруби, ни к чему она. Дальше топором разделай коробку и водой залей, вымочи хорошо, в нескольких водах. Мясо тогда красивое делается, белое. Потом варить на тихом огне, часа два-три, только кроме соли ничего не клади. Пусть остынет, и в таз, кости выберешь, а мясо, мозги, всё, что там есть, через мясорубку пропусти и в банки. Потом хоть суп варить, хоть в кашу добавить, вкусно. Язык я отвариваю и, как картошку от мундира, освобождаю от кожи. А потом в салат вместо колбасы хорошо, колбаса-то сейчас – не пойми, что, зато деньжищи... А это натуральное и своё. Запомнил?

Венгеровский тупо кивнул.

– Тебя ждут, наверно. Ты иди. Вольдик, я тебя всю жизнь помню, всё помню до ниточки. Хорошо, что ты со мной не связался, а то му-

чился бы сейчас. Я, видно, проклята при рождении. Ты иди, мне ещё мыть надо гектар.

Он встал. Как уходить? Попрощаться или сказать до свидания? Пообещать, что ещё увидимся? Соврать?

– Прощай, Вольдик, ты мне, как в награду, привиделся. Прощай.

Она не стала дожидаться ответа, медленно пошла к освещённому крыльцу.

В машине он долго крепился, потом охватил голову руками и завыл. Водитель с испуга резко затормозил, выскочил из машины, открыл дверь со стороны шефа. Владимир Порфирьевич низко опустил голову и рыдал. Роман предусмотрительно отошел в сторону. Через несколько минут шеф окликнул его знакомым командным голосом и приказал забыть всё, что тот сегодня видел.

7-8 марта 2010 г.

ЖЕНИТЬБА ЗОЛОТУХИНА
Рассказ

Нет, не напрасно грозился партийный секретарь, что за аморальное поведение передаст дело, он так и сказал, что дело, – передаст в райком, и пусть там с ним разбираются. Семену Золотухину противно было, что в его жизнь вмешиваются посторонние, терпимо, когда это касаемо работы, тут никуда не попрешь, заместитель председателя по животноводству кругом подотчетен, но с бабами-то позвольте самому разобраться. Ничего подобного, в последний раз парторг пригрозил: молва идет, потому собирайся, член партии, в райком и объясняйся, почему ты на старости лет с ума стал сходить, забросил дом, жену свою, с которой прожил без малого сорок лет, и почти перешел к одинокой Анне Бородиной.

Конечно, со стороны это невозможно понять, потому что и года уже подпирают, и семья у Семена Федоровича была немалая, два сына и дочь, теперь в чужих краях живут, давно на своих ногах. Жена бессловесная, никогда поперек слова не скажет, со всем согласна. Дом приличный, хозяйство, мотоцикл «Урал» ему через райком выделили, считай, первому в колхозе. Со стороны посмотреть: что не жить? А он зачастил к чужой бабе, да и не особо скрывался, а когда в колхозной бухгалтерии женщин за обсуждением непутевой Анны застукал, спокойно сказал враз онемевшим, что Анна теперь жена ему, фактически жена, и что формальности все для людей они на днях оформят.

Вскоре после этого в райком поехал, на всякий случай партийный билет с собой взял, Анну успокоил: никакого значения для них этот разговор не возымеет, разве что ускорит события да кровь немного попортит.

Первого секретаря Рыбакова Семен хорошо знал, тот в колхозе бывал частенько, заместителя уважал, советовался по хозяйственным делам, но была за первым нетерпимость к вольным проявлениям, например, пристрастия к спиртному он не прощал, а еще любовных приключений. Поговаривали, что в молодые годы Рыбаков сам был ходок еще тот, но со временем образумился, да и должность уже не позволяла

вольничать, все-таки деревня, не спрячешься, люди все видят. В душе Семен заранее смирился с любым решением райкома, но как-то занозило, партбилет он на фронте получал, правда, тот давно отняли и выдали в порядке обмена новый, но год-то вступления обозначен, 1943-й. Знатное было время, по всем фронтам наступали, Семен в роте автоматчиков один остался от первого призыва, всех друзей схоронил или по госпиталям растерял. Отдашь билет – как часть памяти выбросишь.

Перед самым обедом секретарша позвала его из коридора, он вошел в кабинет, в котором не раз бывал на совещаниях. Рыбаков кивнул, не вставая, и руки не протянул, это Золотухин отметил и заодно утвердился, что добра ждать не приходится.

– Садись, – сказал хозяин кабинета. Гость примостился на крайний стульчик. – Рассказывай, Семен Федорович, как дошел до такой жизни.

– Вы про работу или про что, Василий Петрович? – неожиданно для себя переспросил Семен.

– Ты дурака-то не валяй, мы с тобой не тридцать ли годов знакомы, так что давай начистоту, что там у тебя с семьей?

Золотухин хотел было сказать, что семьи у него давно нет, как детей проводили, так и нарушилось все, будто они развезли с собой все благополучие и благопристойность этого завидного дома. Куда-то в пустоту провалились беззаботные дни семейной радости, когда после долгого дня на работе он приходил домой, мылся в баньке, заботливо протопленной хозяйкой, говорил с ребятишками об учебе, об играх, о книжках прочитанных. Не было для него другой жизни, работа и семья, жена и дети. Конечно, не насильно его женили, к тому времени такая мода прошла, сам выбрал свою деревенскую, сразу после демобилизации. Он пытался после определить границу между нормальной жизнью и ее утратой, и находил эту грань как раз на прощании с дочкой, которая после техникума вышла замуж и без свадьбы уехала на Север. Родители остались вдвоем, и сразу стало заметно, насколько они чужие без детей. Семен испугался своего открытия, но каждый день подтверждал, что это правда. Нет, он не ругался с женой, не устраивали они скандалы на всю улицу, как это бывало кое у кого, и сковородками друг в друга не швырялись. Опустела вдруг душа, жену ни в чем не винил, да и сам долго не мог разобраться, почему пироги стали невкусными, почему незаметно стал ночевать на диванчике, сначала как бы случайно засыпал под телевизор, потом и вовсе перебрался.

– Что там у тебя с семьей?

– С женой разводиться буду, Василий Петрович, так получается.

– Ты к женщине этой совсем перешел, с вещами?

– Пока нет, иногда дома ночую, хозяйство все-таки, надо поддерживать.

Секретарь встал из-за стола, прошелся по кабинету:

– Нехорошая картина вырисовывается, Семен Федорович, для руководителя, для члена партии, что люди говорят, ты знаешь? А говорят, что коммунист не может вести аморальный образ жизни. Ты согласен?

Семен напрягся:

– Не согласен, Василий Петрович, потому что коммунист тоже человек, а у человека чувства есть, как тут быть? В уставе нигде не написано, что я должен жить с нелюбимой женщиной.

– Ишь ты, какой теоретик, под свое многоженство уже марксизм подвел. Ладно, не пузырись. Ты кругом не прав, потому слушай. Выговор по партийной линии ты получишь, на работе оставим, тебе сколько до пенсии?

– Два года.

– Доработаешь, там посмотрим. Имей в виду, поблажка тебе только за счет твоих заслуг, а что касается женщин, ну, подумай сам, Семен Федорович, дай сегодня волю – половина мужиков своих баб бросит, ведь так?

Золотухин опять хотел сказать, что партийной дисциплиной семью не удержишь, но перечить не стал.

Анна увидела его в окно и выскочила в ограду, встретила у калитки. Семен обнял ее, пригладил выбившиеся из-под платка волосы, вытер набежавшие слезы. Ему стало легко и просто, так всегда было, когда он приходил к ней. Он давно заметил эту работящую женщину, громкоголосую, но безвредную, она не жаловалась никогда, а прямо высказывала все претензии телятницы к руководству, Семен Федорович старался поправить дела, чтобы в следующий раз вопросов было меньше. Он и сам не заметил, что зачастил в телятник, заботиться о подрастающем молодняке входило в его обязанности, но многие животноводы видели, что не все так просто.

Тогда же устроили на ферме встречу Нового года, голубой огонек назвали, посидели за столом в красном уголке, выпили, песен попели, даже потанцевали под гармошку, скотник Пантелей Шубин съездил домой, привез хромку. Расходились уже под утро, да так вышло, что мимо дома Семен утянулся вслед за Анной, догнал ее в калитке, придержал за рукав:

– Что же ты от меня бежишь, Анна, брезгуешь моими годами?

– Разговоров боюсь, Семен Федорович, жена у тебя и работа ответственная.

– В избу-то пустишь?

Она молча прошла в ограду, открыла дверь, в избе включила свет, задернула занавески на окнах, присела к печке и подпалила приготовленные заранее дрова. Не снимая полушубка, он привалился к столу, положил шапку на подоконник.

– Закурить разрешишь?

– Кури, вот блюдечко под пепел.

– Анна, я есть хочу, салаты-винегреты не по мне. Не дай с голоду помереть.

Она пихнула на элетроплитку кастрюльку с водой, сунула в нее кипятильник и принесла с мороза мешочек с пельменями. Порезала булку подового домашнего хлеба, из подполья достала грузди, огурцы и капусту, открыла банку помидоров, поставила бутылку водки. Готовые пельмени выложила в глубокую тарелку и залила бульоном:

– Угощайся, Семен Федорович.

– А себе рюмку?

– Не пью я совсем.

– Со мной. Прошу, Анна.

– Ради тебя только. С Новым годом, Семен Федорович!

Она пригубила рюмку, сморщилась и закусила грибочком. Семен густо обсыпал пельмени перцем, полил уксусом и хлебал деревянной ложкой вместе с бульоном.

– Анна, отчего замуж не выходишь? Женщина ты видная, все при всем, есть на что посмотреть, на работе молодец, в доме у тебя порядочек.

Анна смахнула слезу:

– В молодости не повезло на доброго мужика, а потом где его взять, толковые все прибраны, а бросовые мне не нужны, лучше одной мучиться.

– Меня не прогонишь сегодня?

– Не прогоню. Только до света домой уйдешь, чтоб не видел никто...

Давненько это было, с той поры жизнь Семена стала другой, с тайным неведомым смыслом, он в свою ограду заходил как в чужую, свою скотину управлял, как соседскую, когда хозяева уезжали дня на три в гости к детям, зато обрел Анну, в ее избе с отгороженной маленькой горенкой было тепло и уютно, и он не задумывался о причинах этих перемен, только удивлялся уже почти забытому чувству влюбленности. Гнал, конечно, от себя такие мысли, но никуда не денешься, с Анной не просто баловство, как иногда случается, а душевное и сердечное, и это его радовало.

С женой объяснился спокойно, хотя тянул до последнего, она сама и попросила уйти.

– Переходи к ней совсем, Семен, не позорь сам себя, да и детям надо сообщить, а то в каждом письме спрашивают.

– Ты не переживай, я кроме своего барахла ничего не возьму, да мотоцикл еще. Деньги с книжки на твою переведу, половину. Детям напиши, как есть, пусть потерпят с выводами, потом поймут, с годами. Не суди меня строго. Прощай.

Утром на двери колхозного правления Семен увидел объявление о партийном собрании с повесткой «Персональное дело члена КПСС Золотухина С. Ф.», не заходя к себе, прошел в кабинет парторга.

– Собрание ты назначил?

– Не я, а партком по согласованию с райкомом. Твое поведение надо обсудить.

Семен чувствовал, что кровь закипает, но взял себя в руки:

– Убери объявление, не смеши людей. Что же вы, как вампиры, любите в чужих жизнях копаться и кровь пить? Есть у тебя пара подручных ораторов, они сами уже ничего не могут, ни бабу обнять, ни ста грамм выпить, потому готовы растерзать любого, кто выпьет и обнимет. До чего же вы мне надоели со своей дурью! Сними объявление, а я сейчас вернусь.

Он прошел в свой кабинет, открыл сейф, взял партийный билет, аккуратно отделил фотографию от бумаги и вернулся в партком. Секретарь говорил по телефону, увидев вошедшего, крикнул в трубку:

– А вот и он сам! Хорошо, передаю.

И протянул трубку Золотухину.

– Слушаю, – сказал Семен.

– Здравствуй, Рыбаков. Ты чего там вольничаешь? Говорят, совсем перешел к своей любовнице? Зачем требуешь объявление снимать?

– По мне, пусть висит, Василий Петрович, только я на собрание уже не пойду.

– Как не пойдешь, ты что задумал, Семен?

– Уже решил. Чтобы партию не позорить, сдаю партбилет.

– Обожди, не дури, я приеду на собрание.

Золотухин устало улыбнулся:

– Не надо ничего предпринимать, я все решил. И за должность не держусь, раз беспартийный – на рядовую работу пойду, ты же знаешь, Василий Петрович, что я мужик работящий.

И положил трубку.

29 марта – 11 апреля 2009 г.

НЮХАЧ
Рассказ

– Ленка-то Безбородихина опять аборт сделала. – Михаил Прохорович бросил на стол пучок свежего зеленого лука, только что с грядки, ходил по заданию супруги Галины Ивановны, ей надо для заправки супчика на завтрак.

– С чего ты взял? Доболташь вот языком, привяжут, присудят моральный убыток, дак будешь знать. – Галина Ивановна толкнула на газовую плиту сковородку с добрым куском топленого сала и принялась крошить лук.

– Я что, слепой, что ли? Глянь в окошко, вон сидит на бревнышке, нахохлилась. – Михаил Прохорович протиснулся за стол, пожевал перышко лука.

– С чегой-то она нахохлилась бы? – Галина Ивановна все-таки откинула занавеску. – Ну, сидит и сидит. Да и не хаживал к ней никто будто. Болташь, что и сам не знашь.

Михаил Прохорович спорить не стал, ему все равно, что там творится с соседкой Ленкой. Девка она молодая, в прошлом годе школу окончила, да не всю, а только сколько-то классов, последний звонок отпраздновали, и пропала Ленка, не появилась дома. Мать ее Евдинья Безбородихина не хлопотала и в милицию не ездила, потому что какая-то Ленкина подружка приезжала из райцентра и сказала ей, что Ленка по большой любви уехала с дальнебойщиком, познакомилась, пока автобус у поста ГАИ ждали в свою маленькую деревеньку Чесночки. С месяц, наверно, путешествовала Ленка, вернулась ночью, сильный скандал был в домишке, только Безбородиха ничего не могла сделать, Ленка так ей и сказала: «Не твое, мамаша, дело...». Никто, конечно, таких слов не слышал, это Михаил Прохорович потом так емко выразился, но сплетки по деревне гуляли не славные, к тому же ближе к осени слегла Ленка в больницу на одну ночь. Это потом дочь Татьяна сказала, она на «скорой» ездит медсестрой, два раза в неделю посещает родителей с мужем на «москвиче» за какимнибудь пропитанием. Михаил Прохорович вроде никому не сказы-

вал про новость, но деревня все равно узнала, зашептались и захихикали. Евдинья тогда крепко возмутилась, стращала, что в суд подаст, если кто про ее Ленку нехорошее брякнет, так и расценила, что самоходную косилку купит на высуженные деньги да прицепные грабли к ней, ей как раз в хозяйстве только граблей и не хватало. Михаил Прохорович даже смеяться не стал над ее глупостью, сказал только, что он человек довольно подержанный, но, как мужик все-таки, за потасканное Ленкино достоинство и простых деревянных грабельцев не дал бы. Евдинье эти слова передали, и она не раз кричала через дорогу, что выведет этого пустобреха на чистую воду.

И с супругой своей Михаил Прохорович вчера рассорился основательно. Он в прошлой жизни, то есть, при социализме, когда в совхозе работал, плотником был, даже столяром, в мастерской оконные рамы вязал и филенчатые двери сколачивал, инструмент разный заставлял прораба выписывать, специалистом был знатным, для районных начальников заказы исполнял.

Званием плотника и столяра Михаил Прохорович дорожил, над людьми, считающими это рукомесло простым и пустячным, откровенно издевался, часто повторял нехитрую притчу: «Пришли к хозяину два мужика плотницкое дело исполнять наниматься, тот и спрашивает: «А что вы, ребята, можете?» «Да все!» – отвечают. «А конкретно – что?», – не унимался хозяин. «Можем жерди хомячить и столбы хорохорить». «Добре. А лестницу, к примеру, можете сколотить?». Тут мужики и упали духом: «Вот что не могём, то не могём!». Немудреная история, но помогала Михаилу Прохоровичу отстаивать высоту профессии.

А как на пенсию вышел, в избушке на ограде верстачок организовал, пилил и строгал, но все впустую, так заготовки годами и лежали на стеллажах. Супруга его не выносила эти занятия, ворчала и грозилась подпалить всю мастерскую, от которой никакого толку нет. Михаил Прохорович понимал бесполезность своих занятий, но душа не лежала работать на заказ, вот попилил-построгал – на душе полегчало, он и доволен, а баба поскрипит и тут же сядет, он на это внимания не обращал. Но вчера она его вывела из терпения.

Михаил Прохорович у верстачка прикидывал, как ему красиво обстрогать брусок и превратить его в восьмигранник, больно хотелось увидеть такую вещицу, примерить, как она смотрелась бы ножкой стула или стоячком в серванте. Хорошо бы смотрелась, если пустить по ребрам граней неглубокие насечки да густо проолифить де-

рево, предварительно отшлифовав и высушив. Он вздрогнул даже от неожиданного резкого голоса жены.

– Вот скажи мне, Михаил, и сколько это будет продолжаться, и когда ты перестанешь прятаться в свою забегаловку? Ну, чисто ребенок, ей богу, крутит и вертит свои деревяшки! Вот выйди, посмотри, что добрые люди делают, пока ты в игрушки играшь! Иди, погляди!

Михаил Прохорович отложил брусок, нехотя вышел во двор. Галина Ивановна уже стояла у высокого тына, разделявшего их и соседский огороды, и кивала ему на огуречник Якова Андреевича. С Яшкой Кауцом они выросли вместе, его в первый год войны родители привезли с Волги, Яшка – немец, и война с немцами, потому его не любили и частенько бивали ровесники, а Мишкина мама, всякий раз отмывая Яшкины ссадины и примачивая синяки, плакала: «Мишка, пусть рука у тебя отсохнет, если поднимешь ее на немчиков. За что же вы их так, они ведь ни в чем не виноваты!». «Мама, дак не я бью, а ребятишки». Потом их стали бить вместе.

Михаил Прохорович глянул через тын, оценил объект и повернулся уходить, Галина Ивановна догнала его вопросом:

– Ты видел?

– Видел, ну и что?

– А то, что теплицу изладил Кауц.

– И что из того?

– Вот бестолковый! А то, что среди лета будут красные помидоры вкушать. Это же теплица!

Михаил Прохорович терпеливо выслушал и лениво спросил:

– Ты меня-то зачем от дела оторвала?

Галина Ивановна возмутилась:

– Подумать только! От дела я его оторвала! Он на дощечку любовался, а я его оторвала. Позвала тебя, чтобы ты такую же теплицу изладил, как и Кауц.

Михаил Прохорович помолчал, потом ответил:

– На вас с Яшкой удержу нет. Ему завтра в голову взбредет Байконур в огороде организовать, ты и меня обяжешь ракеты выстругивать? А насчет красных помидоров вы оба с Яшкой ошиблись. Запомни: ты живешь в стране вечно зеленых помидор, и что бы там Яшка не строил, помидоры наши будут вызревать в старых пимах на полатях. Все, про Байконур больше ни слова.

Галина Ивановна сильно на него обиделась и весь вечер не разговаривала, утром подняла с постели и отправила на огород за луком.

В дочке своей единственной Михаил Прохорович души не чаял, никого у него не было больше, потому сильно за нее переживал. Замуж вышла она по глупости, так считал, привезла еще из медучилища прыщеватого верзилу, сына с ним нажили, муженек ни с того, ни с сего силу стал набирать, власти потребовал, до того дошел, что однажды заявил тестю, что тот плохо о дочери заботится. Так и сказал, что вы теперь уже старые и вам ничего не надо, стало быть, всю пенсию надо отдавать дочери, ну, ему, стало быть, так надо понимать. Михаил Прохорович не сильно удивился наглости, к тому все шло последнее время, он встал над столом (в застолье дело было) и поднес к самому носу зятя здоровенную фигу. Тем она была убедительна, что еще в молодые неосторожные годы рассек начинающий плотник большой палец, тот расшаперился, заматерел, и теперь, просунутый между своими собратьями, был вызывающе безобразен.

Танюха была девчонка толковая, в школе на пятерки училась, все детство кукол лечила, потом вечерами в райцентр ездила, санитаркой работала в больнице. Зарплату ей не платили, но домой привозили на машине «скорой помощи», она гордилась. Михаил Прохорович губу раскатил, что дочка врачом станет, их с матерью в старости поддерживать будет, но времена изменились, в институт поступить невозможно, дали на район три места – сынок главного врача и еще кто-то из деток при руководстве возжелали, им дали бумаги, а с Танькой и разговаривать не захотели. Так она оказалась в училище, теперь вот ездит на «скорой», уколы ставит да упреки выслушивает, что нужных ампул нету.

Крадчи от супруги Михаил Прохорович предлагал дочери отправить обратно в город своего долговязого, видел он, что Артур, сын Якова Андреевича, всегда у забора торчит, когда Татьяна приезжает, раз даже намекнул ему насчет этого, и парень признался, что жалеет, не сразу заметил соседку, все мелкой считал. «А как бы она свободной была?». «Сразу бы в ноги пал». «А дите?». «Ребенка я уж сейчас люблю». Вот и подивись на жизнь, а парень он славный, трезвый и работящий, на «камазе» арендованном грузы по России возит, при деньгах. И аккуратный, всегда чистенький, одно слово – немец. Сказал ей об этом и открылся так же, что давно заметил: не особо дочь чтит своего муженька. Татьяна от такого предложения всплакнула только, да еще сказала, что нюхач папаня, ничего от него не скроется. На том и остановились.

К вечеру того же дня приехала Татьяна, муженек так и остался в машине, внук к деду в мастерскую забрался. И тут слышно было, что супруга призвала дочь в союзники:

– Танька, внуши отцу, чтобы он языком не блавостил, ей богу, доведет до беды! Про Ленку утрось сказанул, что опять аборт сделала. Дак ладно – дома, он и на людях может брякнуть, вот пойдет корову встречать и не вернется, на суд выловят.

Татьяна хохотнула:

– Ну, папаня, нюхач старый! Мама, только ты никому не говори, Ленка в самом деле вчера в больнице ночевала. Только ты никому не говори. Нехорошо это...

24–25 июня 2009 г.

ПОДАРОК СУДЬБЫ

Рассказ об уголовном любовном деле, писаный капитаном милиции Шешуновым.

Гражданин редактор!

При сём препровождаю к Вам текстовой материал на 103 страницах, прозаический рассказ с дополнениями в виде вставок из обнаруженных мною в компьютере воспоминаний, а точнее сказать, размышлений жертвы перед принятием трагического решения, в результате которого я был втянут в совершенно неожиданную историю, ставшую завершающей в моей следственной карьере, а так же копий с диктофонных записей опросов по этому делу, учинённых мною в ходе следствия, и расшифрованных потом моею женою Клавдией Андреевной. А разговоры эти, слишком вольные для уголовного дела, чуть не довели супругу мою до полной моей отставки ещё до озлобления начальства и полученной отставки по месту службы.

Находясь не при делах и всё время пытаясь разобраться в этом ужасно запутанном смертельном исходе, я дошел до мысли произвести запись всего мне известного и донести потом до людей читающих и понимающих всю эту сложность, чтобы каждый по мере отпущенного соображения и полученного воспитания сделал своё толкование происшедших происшествий.

Чтобы дать Вам представление, что имеете дело с человеком серьёзным и обстоятельным, спешу сообщить, что после службы в Советской Армии направлен был в Высшую школу милиции, которую успешно окончил и получил назначение по месту рождения и жительства в свой районный отдел милиции, где и служил следователем. За это время такие случались преступления, про которые можно было писать целые тома не только следственных дел, но и детективных книг, каких огромное количество печатают сейчас и распродают, а я покупаю и читаю, потому что очень люблю свою работу и со школьной скамьи собирался быть писателем, но не выходило всё, одно за другим. Сначала в армию угодил, отпахал в Афганистане це-

лый год, потом учеба в Вышке, тоже сильно не попишешь, нас тогда гоняли и по учебникам, и по практикам. А когда самостоятельная работа началась, тут уж совсем не до писания, за день столько сочинишь протоколов и прочих разных документов, что вечером ни на бумагу, ни на что другое смотреть не хочется.

А ведь были события прелюбопытные, такие закрученные преступления, что неделями не бывал дома, а всё изучал обстоятельства и собирал улики, десятки людей опрашивал, чтобы выйти на преступника. К примеру, убийство было в районном центре, так аккуратно замаскировано, что и носа не подточишь. А внешне всё прозаично. Приходит мужик на обед домой, кочегаром в котельной работал, а дом рядом, многоквартирник. Только он дверь открыл своим ключом, на него человек кинулся с ножиком, это он потом так пояснял, а поначалу всё по-другому смотрелось. Когда меня вызвали, и прибыл я к месту происшествия своим ходом, потому что от милиции до того дома триста метров, то обнаружил следующую картину: лежит мужчина на вид лет тридцати пяти, вниз ничком, под ним лужа крови. «Скорая» тут же подскочила, фельдшер Чагочкина констатировала смерть от ножового проникновения во внутренние органы и прямое поражение сердца, это уж потом вскрытие установило. Здесь же присутствует убийца, нож я сразу изъял и приобщил, мужчина сильно психически пострадавший, но говорить может. При понятых начинаю опрос. Говорит, дверь открыл, тот кинулся, а кочегар шустрый оказался, от удара увернулся и ножик выбил, подхватил, да и пырнул. Всё, говорит, в секунды произошло, сразу и милицию вызвал. Прямо детектив американский, а не уголовное преступление.

Надо Вам сказать, что районный центр наш – что ни на есть деревня, все друг друга знают, но я в убитом не нашел знакомого, может, где и встречал, но личность мне не известная. Кочегар тоже сомневается, что когда-то видел этого человека, и как он попал в его закрытую квартиру – ничего пояснить не может. В это время прибежала его супруга, ещё во дворе голосит, что мужа её драгоценного зарезали, а как в подъезд вошла, так и сомлела: муж живехонек стоит, хоть и трясется от нервного переживания, а трупом лежит совсем другой. Тут с ней обморок сделался, повалилась на пол, я веко легонько приподнял, а глаз-то живой, прямо мне в лицо смотрит. Значит, не потеря это сознания, а, напротив, одна видимость, и видимость эта должна иметь причину, которая укажет мне путь к раскрытию убийства. Передаю кочегара, мужа её, своему напарнику, а жену любящую

в комнаты завожу и напрямик спрашиваю, где у ней ключи от квартиры и кто есть убитый мужчина. Ключи она по карманам искать не стала, а с тумбочки их спохватила и показывает. А как же, говорю, ты собиралась в квартиру попасть, и как в ней оказался этот мужчина, и почему кинулся он на мужа твоего с ножом, от которого и пострадал? Деваться ей некуда, завыла в голос и всё рассказала. Оказывается, на курорте она была прошедшим летом, и, как водится, завела там роман санаторный, да, видно, далеко дело зашло, коли он к ней через полгода приехал, тайно встречались у подружки одной, там и порешили мужа убить. А коли он приезжий и нигде в селе не показывался, никто на него и не подумает, так, видно, рассуждали.

При понятых я её показания записал, труп на вскрытие отправил, мужа неубитого с собой забрал, чтобы не натворил чего лишнего, хотя, на мой характер, супругу ту надо было на месте отвалтузить, хотя бы затрещину вломить, даже я, как представитель власти, на первых порах сделал бы вид, что ничего не произошло. Удивительные люди эти русские мужики, он не только её не прибил, он худого слова ей не сказал, а потом , всё-таки дело на него в суд передали, а вот по факту заказа, как теперь говорят, на убийство мужа со стороны жены прокурор в возбуждении отказал, и проходила она в суде как свидетель. Кочегара того оправдали, всё в пределах необходимой обороны, это я обстоятельно доказывал, даже специальную литературу читал, а из суда они вместе с супругой домой пошли. Всё это на виду в селе, поначалу дивились люди, мужики гневались на его упрощенческую позицию, но жизнь – сложная штука, как говорил один знакомый доктор, у той пары потом еще двое ребятишек народились, а теперь и не помнит никто про то убийство.

Вот чем не предмет для исследования? За это раскрытие получил я звездочку старшего лейтенанта, а ещё после суда, вечером, как спать уложиться, супруга моя Клавдия Андреевна крепко меня обняла и шепнула вгорячах, что никогда бы такого не позволила, как эта (она назвала заказчицу нехорошим словом), а с женой моей такого сроду не было, чтобы она вдруг слово в постели сказала после отбоя.

Я почему Вам так просторно рассказываю о своей персоне, вовсе недостойной такого с Вашей стороны внимания, если бы не особые обстоятельства. Два года назад дежурю я в опергруппе, это такая команда на всякий случай, чаще всего так и проспим в дежурке, потому что район сельский, спокойный, не сравнить с городом, где про-

блемы каждую минуту. А тут ночью, точнее, уже на рассвете, будит меня дежурный:

– ЧП на трассе, легковушка заскочила под фуру, сейчас с мобильника позвонил водитель. Собирайтесь.

Садимся в машину, дежурный на «скорую» сообщил, столкновение на десятом километре, едем.

– Вы заметили, мужики, как границу с Казахстаном закрыли и весь поток пошел через наш район, сколько трупов по дороге собираем?

У нашего медэксперта только и разговоров, что про трупы, толи ему интересно, толи нас дразнит. Я не любитель на дорожные аварии выезжать, такого в другой раз наглядишься – жить не хочется. И что интересно: после такого наглядного пособия тоненько чувствуешь, что жизнь твоя ничего не стоит и на волоске висит, и волосок этот в любой момент может лопнуть, даже вроде к людям начинаешь душевнее относиться, и дома с женой и ребятнёй тоже.

Я как-то подумал, что надо бы людям почаще напоминать, что есть конец всему, вот ты есть, и вот уже везут тебя вперед ногами в кузове грузовика, и толпа идет с веночками и так просто, из любопытства. Я замечал, что умрёт человек или нелепой смертью погибнет, вроде всколыхнутся люди, жалеют, а через неделю уже и не вспомнят. Мне дружок рассказывал, он в Кузбассе на шахте работал, говорит, инженер у них был несносный, и вот сидят они в выходной во дворе, в домино стучат, пиво пьют, и про инженера того разговор зашел. Как только его не гадили, у каждого нашелся пример ему вставить пистон, и подходит к ним мужик из соседнего дома, говорит, что инженер только что скоропостижно скончался от сердечного недомогания. И все тут же начали его хвалить, и у каждого нашлось доброе слово. Неужто надо человеку нечаянно помереть, чтобы о нём сказали приличное?

А насчет аварий с нехорошим исходом эксперт наш прав, гаишники как-то говорили, что в иные дни до тысячи машин проходит за сутки туда-сюда, в основном большегрузы, иномарки, скорости сумасшедшие, порядка никакого. А легковушки между ними снуют, как проморгал, так и смертельный исход. К тому же выпивши многие ездят, особенно кто с деньгами, я сам в рейде был, остановили одного в поддатии, девица полуголая рядом, достает он пачку тысячных, не меньше двадцати, я сразу отошёл, порядков не знаю, а старший взял, мне тоже три тысячи достались. Но это между нами.

Так вот, об этой аварии. Стоит на своей стороне большая машина, «вольво», кузов крытый, груженая. В стороне кверху колёсами лежит

легковая, черным цветом, вся измятая, как будто кто её пожевал и выплюнул, марки «мерседес». Рядом человек лежит, мужчина, явно неживой. С фуры двое подбегают, начинают что-то объяснять, но наше дело сначала с человеком разобраться. Эксперт наклонился над ним и кричит:

– Ребята, так это же наш, композитор, как его фамилия..., черт, не вспомню, ну, в общем был наш, теперь всё, готов.

Как и положено, осмотрел машину изнутри, документы изъял, из карманов достал платок, бумажник, деньги тут же пересчитал, да ещё мобильный телефон, откинул крышку, а на экране женщина улыбается. Я эту улыбку всю жизнь помнить буду, потому что пришлось очень близко с этой дамой познакомиться и провести несколько часов в непростых разговорах. Подошла «скорая», труп загрузили, я не хотел, но не утерпел посмотреть. Мужчину этого я знал, он приехал к нам в район как раз в тот год, когда я капитана получил, да так на этом и остановился, а приезжий не очень общался с обществом, был холостяком или разведенным, я справок не наводил в то время, хотя впоследствии пришлось и в его прошлом порыться. Фамилия его скромная, Попеляев, но он о себе громко заявлял, какие-то его симфонии играли в области и даже в Москве, по телевизору показывали, районная газетка об этом писала, а сам он нигде не появлялся, в пьянстве замечен не был, так что для меня никакого интереса при жизни не представлял.

Композитора увезли, и мы взялись за тех ребят, что в «вольво» сидели. Установили водителя и его сопровождающего, у которого обнаружили короткоствольный автомат с липовыми документами, водитель утверждал, что легковушка круто повернула в его сторону буквально в полусотне метров, так что он уже ничего не мог сделать, только принял вправо, сколько можно, но столкновение случилось ещё на проезжей части трассы, на обочину грузовик ушел уже после удара. Гаишники схемы стали чертить, я прошел по трассе: всё видно, как на рисунке, даже асфальт взрыт, где он вираж заложил. Как водится, повезли шофера на экспертизу, крутили его там чуть не до обеда, я в то время допрашивал сопровождающего. Молодой человек, отслужил срочную, теперь в охранном предприятии при фирме в Новосибирске, почему документы на оружие не соответствуют – ничего показать не может. Да меня это интересует в самую последнюю очередь, мне важно узнать, что он видел до столкновения.

– Я уже не спал, мы за час до этого остановились, умылись, чай вскипятили, попили крепенького, и снова в путь, рассчитывали но-

чевать уже в теплых постельках. Шли хорошо, может, больше сотни, хотя Андрюха всегда держит предел, то есть, девяносто, а тут машин совсем нет, дорога хорошая, катимся. Легковая та стояла на обочине, так мне кажется, потом фонарик поворотный загорелся, пошла нам навстречу. Свет ближний, потому что не слепил, но скорость, видно было, растёт быстро. Ну, кому какая забота, гони, ментов, извините, нет. Я уж на него и внимания обращать перестал, почти поравнялись, только вижу – метнулся он в нашу сторону, круто, по-моему, даже с визгом, передние шины уперлись в асфальт, а потом удар, несильный, всё-таки в нас тонн сорок, но Андрюха сразу по тормозам и вправо. Только ни к чему всё это, остановились, выскочили, а у него в кювете колеса крутятся. Выволокли водителя из машины в разбитое лобовое, посмотрели – никого больше нет, а он недвижим. Сразу стали звонить.

– Аккумулятор отключили?

– Андрюха сразу клемму сорвал.

Вот такой случай. Меня начальник вызвал и говорит:

– Ты, Шешунов, антимонии не разводи, в деле этом всё ясно, сейчас эксперты машину осмотрят, останется один из двух вариантов: либо неисправность в рулевом, либо он того, сознательно. Неисправность практически исключается, машина новая, второй год в эксплуатации, так что остаётся самоубийство. Так и оформишь. Понял?

Понять-то я понял, что самоубийство, тогда возникают вторые вопросы: а почему он решил свести, так сказать, счеты? Финансовые затруднения? С музыкой не пошло? Любовь случилась неудачная? А, может, кто-то довёл до такого решения? Ну, ума-то нет, я и выпалил начальнику все эти версии. Начальник у нас строгий. Он уже в пенсионном возрасте, но за кресло крепко вцепился, ему лишние проблемы не нужны, потому он мне внятно пояснил, что никто меня не спрашивает о причинах, пусть они уйдут вместе с композитором, а дело надо закрыть именно с такой формулировкой: самоубийство. Начальник ещё раз переспросил:

– Понял? И ничего не перепутай, мне дополнительные проблемы не нужны.

После обеда поехали с прокурором на квартиру погибшего, взяли понятых, ключами, которые в машине были, открыли калитку, и тут пес выскочил, кавказская овчарка, прокурор чуть меня не сбил в калитке, так метнулся спасаться. Стоим, в себя приходим, а кобель с той стороны ворчит, интересуется, будем ли ещё пробовать. Понятые

из соседей, говорят, что собака эта никому, кроме хозяина, не подчинится, потому прокурор приказывает:

– Вот что, Шешунов, убивать придётся пса.

– Жалко, – говорю, – собака породистая и умная, может, нашего кинолога привезти?

– Ваш кинолог, – говорит прокурор, – со своей женой пособиться не может, когда она пьёт, а тут самостоятельная собака умной породы. Приказываю: стреляй, у меня времени нет тут с тобой время терять.

Пришлось стрелять, да первой пулей только ранил, потом добивал, жалко. В дом вошли тоже с ключами, давай досмотр делать. Вот вроде состоятельный человек, такие денжищи, а жил скромно. В доме только кухня отгорожена и ванная комната, в большой зале стол обеденный и для работы, как письменный, два кресла с диваном, закинуты пледом, кровать большая, не заправлена, цветастое бельё, наверно, модное, у нас с Клавдией Андреевной такого нет, а в углу стоит белый рояль. Я роялей сроду не видал, подошел, стукнул по клавише, и такой она жалостливый звук издала, что понятая моя заплакала:

– Какого человека сгубила сучка, а не бабочка, он все на музыке играл, летом хорошо слыхать, бывало, копаюсь в огороде, а он плачет, страдает, это прямо как наяву понятно.

– Так громко плакал? – спросил прокурор.

Женщина обиделась:

– Да в музыке это, такая боль, такая боль!

А я к ней про бабочку:

– Почему вы решили, что бабочка какая-то виновата?

– А кто же ещё? И возил он её, и сама приходила, она ведь тоже свободная, они и не скрывались.

– А кто, фамилия какая?

Женщина плечами пожала:

– На лицо знаю, но приезжие они, не наши, а зовут Нина, она в комхозе на кассе сидит.

Я достал из сумки композиторский мобильник и открыл фотографию. Женщина кивнула: она.

В книжном шкафу, забитом книгами и большими тетрадями с нотной грамотой, в деревянной шкатулке я нашёл паспорт на имя Попеляева Ильи Данииловича, 1968 года рождения, женатого на Луизе Альфредовне Вандельберг, вписан сын Альфред, бывшая прописка в областном центре, и в нашей местности тоже зарегистрирован.

Прокурор включил компьютер, обозрел вспыхнувший экран и ни-

чего интересного не нашел, я же обратил внимание на папку с названием «Нина», тут же на столе нашел флэшку и скачал на неё папочку. Как потом оказалось, правильно сделал, хотя к добру это не привело.

Оформил запрос на расшифровку телефонных разговоров с композиторского мобильника за последние пять суток, собрал к вечеру до кучи все материалы по делу: заключения технической экспертизы, службы ГИБДД, показания водителя и сопровождающего с «вольво». Никаких неисправностей в автомобиле не обнаружено, рулевое управление и тормоза в порядке, но вот медицинское заключение прямо удивило: ни следов алкоголя, никаких наркотических опьянений. Что же получается? А получается, что в полном осознании своих действий метнулся наш композитор под грузовик с целью покончить с жизнью.

В конце дня еще раз выехал на место, нашел стоянку его последнюю, по окуркам обнаружил, в его рубашке, в нагрудном кармане пачка сигарет была под названием «Кент», вот такие окурки, пять штук, нашел я на придорожной стоянке. Выходит, долго стоял, размышлял, принимал решение, надо бы отметить, что не самый лучший вариант выбрал, все-таки водителя фуры в неловкое положение поставил, так и будет мужик всю жизнь мучиться, что под его машиной человек погиб. А, может, выбирал машину встречную понадёжней, чтоб сразу... И почему всё это случилось ранним утром? Он, выходит, всю ночь мучился, пока придумал себе погибель? В общем, вопросов у меня получилось так много, что я решил оставить до утра, и уж потом писать отказную по факту несчастного случая.

Прихожу домой, жена ко мне с новостями:

– Ты слышал, Толя, что мужчина под машину встречную бросился? Вот до чего любовь доводит человека, если он любит. Все женщины об этом говорят. Чего ты молчишь? Вам теперь, олухам, и сказать нечего, про такую любовь только песни складывать.

О том, что дело это у меня, помалкиваю, только спросил:

– А с чего это вы взяли за любовь? Может, он от долгов прятался или от музыкальных своих проблем?

Клава с жалостью на меня посмотрела:

– Да все женщины в восхищении, и жалеют его, воспитанный человек высоких чувств, таких уж и не бывает совсем. Какие долги? Он за свои симфонии большие деньги получал, банковские говорили.

(Тут надо отметить, что по этой подсказке жены я утром запрос оформил в банк и получил справку, что на счете композитора Попе-

ляева 365 тысяч 182 рубля и 48 копеек, так что версия о финансовых проблемах отпадает, я к ней больше и не возвращался).

А что касается любовной линии, то Клава мне пояснила, что холостой композитор имел связь с женщиной местной, несколько лет, а потом что-то случилось, вроде как сперва он от неё отшатнулся, а потом она ему отказала, вот он и переживал. Новость эта мне показалась важной, потому что обнажилась первопричина самоубийства, и я обязан проверить, есть ли связь между конфликтом с этой женщиной и трагической гибелью отвергнутого мужчины. Напрямую спрашивать Клаву об этой женщине небезопасно, она у меня страшно как ревнивая, хотя, признаюсь честно, никаких улик против меня у неё никогда нет. Может, и случались кой-какие грешки по нетрезвому делу в командировках, но я и сам через неделю про них забывал, а так, чтобы серьёзно – не было у неё на меня никакого компромата. Но – ревновала, потому пришлось сказать:

– Я, Клава, про этот случай больше всех знаю, потому что с пяти утра им занимаюсь. А вот про бабочку эту ты мне скажи, что она за птица?

– Во! – обрадовалась Клава. – У полюбовника ещё ноги остыть не успели, а у тебя уже и уши навострились! Заинтересовался!

Я испугался:

– Клава, это у меня профессиональный интерес, не просто так!

– Конечно, не любительский! – охотно согласилась Клава.

Всё, опрос надо прекращать, иначе опять придётся спать на диване. Отложил до утра, в рабочем порядке буду этой женщиной заниматься. Судя по всему, тут ключ к трагедии.

И надо Вам заметить, что я не ошибся.

Утром прежде всего пошел в коммунальное хозяйство, на первом этаже сидит его бухгалтерия и расчетная касса. Подхожу к окошечку, вижу, за столом женщина не очень молодая и не очень красивая, явно не та, о которой речь. Спрашиваю, где постоянный кассир, отвечает, что приболела, вот, замещает. Да, знакомство не состоялось. Зато к обеду пришел ко мне Альфред Попеляев-Вандельберг, сын погибшего, пришел, потому что ключи от дома к делу приобщены и находятся у меня в сейфе, а дом опечатан. Предъявил он паспорт, спросил подробности несчастного случая, я сказал, что произошло столкновение со смертельным исходом, больше никаких подробностей.

– Этого следовало ожидать. – Сын сказал фразу как-то безразлично, как о постороннем. – Я могу забрать... отца, мы хотим похоронить его в городе?

Надлежащую бумагу для больничной анатомки я ему выправил и сказал:

– Ключи я вам дам, только из дома ничего пока не выносите, в наследство вступите в установленном порядке, я вообще-то должен проследить, но доверяю, возьмите какую нужно одежду. Гроб вы привезли?

– Да, от союза композиторов идет машина.

– Значит, сегодня и увезете?

– Конечно.

– Прощание устраивать не будете?

– С кем ему тут прощаться? Не думаю, что кто-то придёт. Хотя, если ваш обычай того требует, постоим у дома, всё-таки жил здесь пять лет, знакомые, очевидно, есть.

Это уж потом меня посетило: а почему сынок родной ничего о причинах не спрашивает? Не мог же он поверить вот так сразу, что столкновение случайное. Вовсе не интересует его это? Вот семейка, хоть и распавшаяся, видно, не от добра он подался в деревню. Ну, ладно. Договорились, что в четырнадцать часов машина с покойным будет около дома. Я пошел провожать. Может, не столько провожать, сколько посмотреть на провожающих, и больше всего меня интересовала кассирша Нина, внезапно приболевшая. Придёт или не придёт? Мне бы к тому времени папочку компьютерную посмотреть, точнее бы свои намерения формулировал, но и так чуял: придёт, и по поведению её смогу определить, насколько она причастна.

К двум часам народу собралось много, подошла «газель», открыли задние двери, кто-то принес табуретки, гроб вынули и водрузили на постамент, открыли крышку. Должен Вам сказать, что я был поражен, как красив человек по смерти, если он перед тем испил всю чашу горя и страданий и сознательно перешел границу недозволенного. Лицо гладко выбрито, волосы причесаны чуть набочок, кожа чистая и сухая, и как будто усмешка в губах. Ну, это мне могло и показаться, хотя действительно, покойный был очень красив. Среди народа больше соседи по улице, есть и от властей, но опричь всех я отметил крепкую молодую женщину в черной косынке, закрывшей половину лица, она стояла поодаль, одна, стояла и смотрела на покойного. Я только глаза её видел, она не плакала, но в глазах была разлита вина, я даже опасался, что она может кинуться и просить прощения. Но она ушла первой, не останавливаясь и не оглядываясь. Я отметил, что многие соседи осуждающе на неё смотрели и переглянулись, когда ушла. Гроб скоро закрыли, и машина тронулась, я пошел в отдел.

Тут и зарядил в компьютер содержимое флэшки. Конечно, по человеческим понятиям смотреть сугубо личные записи или фотографии без соизволения хозяина неприлично, но у меня профессия такая, я личными, даже интимными подробностями интересуюсь не из любопытства, а по служебной надобности, чаще для пользы самого потерпевшего. Правда, в нашем случае композитору уже легче не станет, а вот душа его непременно воспользуется оправдательными мотивами, если я таковые обнаружу, тем более, а я это знаю, душе самоубийцы особенно тяжело на Божьем суде, и смягчающие обстоятельства очень даже кстати могут оказаться.

Знаком я был когда-то с одним стариком, странненький такой дедок, очень верующий, в деревне Полудёнка жил. Обокрали там магазин, я приехал, всё осмотрел, надо вора искать. По всему видно, что кто-то из своих, глубокой ночью чуток не хватило до полного удовлетворения потребности, вот и стряхнули замок, несколько бутылок водки взято да килька в томатном соусе. Стал я деревню обходить и с каждым жителем беседовать, разговариваю обходительно, а сам принюхиваюсь, не знатко, конечно, воздух втягиваю, чтобы обиды не нанести, но винный дух ищу. Как только уловлю, сам себе думаю, так и дело в кармане. Подошел к очередному домику, старик этот выходит. Здороваюсь.

– Неправильно ты здравствуешься, от Пасхи до Троицына Дня следно говорить «Христос Воскресе», а я тебе ответствую «Воистину Воскресе!».

– Я, дедушка, неверующий, и вообще милиционерам запрещены политические взгляды. Мы государевы люди.

– Добром хвалишься, сынок! Что безбожником возрос – не твоя вина, а власти безбожной, а насчет политики ты ошибся, туман всё это, в обществе от политики ни в какой милиции не укрыться. Ты государству служишь, а не Государю, потому в политике как в репье, только тебе это понимать запретили. Ну, ладно. Обнаружил грабителя?

– Это, дедушка, вор, а не грабитель, кража со взломом.

– Да взлом-то невелик, скибочка там была шутейная, соплёй перешибёшь, да и унесли самую малость.

– Всё равно, дедушка, преступление, грех по-вашему.

– Грех, – согласился дед. – Вор грешен раз, за то, что украл, а ты десять раз.

Я возмутился:

– А я-то почему?

Дед спокойно подводит:

– Потому что на десятерых уже подумал. И душе твоей придётся за всё ответ держать на Божьем суде.

– Дедушка, а суд там такой же, как у нас?

– Нет, там суд справедливый. Нет ни прокуроров, ни защитников, Господь сам всё знает, и положит на чаши твои добрые дела и недобрые, какие перетянут.

– У вас на центральной усадьбе девчонка с молоканки повесилась от недостачи сливок, а потом документ нашли и недостачу восстановили. Я сам её из петли доставал, молоденькая совсем, лет восемнадцать. Вот ей какой суд?

– Что сама себя жизни лишила – грех, на ней вина, а поскольку пошла на смерть от чистоты совести перед Богом и людьми, верю, что будет ей снисхождение и прощение, я уж молюсь за неё, хотя по всем правилам запрещено это.

Мы с тем дедом потом частенько встречались, любопытный старик и говорун, всё про Бога и Православие, наш начальник, когда времена переменились, даже приглашал его для беседы с личным составом. Я кое-что через него усвоил, правда, верующим не стал, но поселилось опасение, что за все дела свои отвечать всё-таки придётся, так что оглядываюсь, хоть и не всегда. А вот слова его о прощении греха самоубийственного вдруг во мне всплыли и стали толкать к действию, чтоб найти оправдание композитору. Через это пришёл я к интересным наблюдениям и выводам, о которых потом расскажу.

Вот тут уместно привести свидетельство самого пострадавшего композитора, что я и сделаю, и ещё заранее хочу Вас предупредить, что буду и дальше, где уместно, вставлять выдержки из дневника Попеляева. А к письмам, написанным для дамы сердца во дни сильных душевных волнений и даже терзаний, мы вернёмся в тех местах нашей с нею беседы под диктофон, где потребуется подтвердить или же, напротив, опровергнуть её показания.

Это самая первая запись, от 2000 года, января месяца.

«Постоянно корю себя за неумение фиксировать факты жизни, размышления и прочее, эти самоупрёки возникали в связи с дневником, а точнее сказать – с его отсутствием, потому что изначальное желание делать систематические записи до сего дня не реализовано. Еще в консерватории читал по настоянию профессора Вандельберга

письма и дневники великих – композиторов, писателей, художников. Поразительно хорошо они писали, в девятнадцатом веке сама жизнь учила излагать свои мысли на бумаге, потому что нельзя было позвонить и ограничиться рублеными фразами при постоянном упоминании телефонистки, что до конца разговора осталось столько-то минут, сложно было приехать, например, из Свердловска в Омск. Потому писали письма, подробно и очень живописно рисуя свою жизнь, встречи, прочитанные книги, даже погоду. И вели дневники, наверное, это было хорошим тоном, дневникам доверяли самые сокровенные мысли и дела, ни мало не заботясь о том, что кто-то из домашних отыщет сердечное, и будет доводить секретами до отчаяния. Для дневника я прикупил в канцтоварах толстую общую тетрадь в клеточку, потому что кроме нотного стана признаю только такую бумагу, и начал записывать впечатления каждого дня.

Жидковатые были записи, на глубину и осмысление не хватало ума и времени, после учебы попал в драматический театр и несколько лет писал музыку для спектаклей, спектакли были плохие, музыка тоже, а о дневнике забыл напрочь. Далее женитьба на дочери профессора Вандельберга Луизе, переход в консерваторию, успешная работа на кафедре и череда премьер моих музыкальных опусов, которые общественность дружно называла талантливыми, а пресса регулярно сообщала о новых концертах. Цветы, аплодисменты, деньги – всё свалилось на меня вдруг, я был безмерно счастлив. Родился сын, назвали в честь деда Альфредом, хотя я тихо протестовал. Жизненный триумф продолжался, тесть несколько раз вывозил меня за рубеж, где тоже организовал неплохие отзывы. Как-то после третьего, кажется, исполнения в Голубом зале консерватории моей новой симфонии ко мне подошел очень пожилой человек, я бы сейчас даже назвал его стариком. Он был седа, хотя борода и усы не старили его, чуть сгорблен, но довольно свеж лицом и с хорошим голосом.

– Молодой человек! – сказал он. – Понимаю, сейчас у вас нет времени, но я оставлю свой гостиничный телефон, вы постарайтесь связаться со мной не позднее завтрашнего вечера, мы должны встретиться, и я вам расскажу кое-что о вашей музыке. Вам интересно? Поверьте, это нужная встреча, жду звонка.

Странный разговор, но почему-то мне он таким не показался, сразу после обеда я был свободен, позвонил, хозяин встретил меня в коридоре, проводил в номер, указал на кресло.

– Спасибо, что не сочли меня чудаком, моё имя Прохор Парфё-

нович, я из староверов, профессиональный музыкант, долгое время служил в Московской консерватории, работал с молодыми, пока мои представления о сущности русской музыки, будучи продекларированными на одном из собраний, не разошлись с мнением подавляющего большинства. Теперь свободный художник, пригрел меня при своём дворце культуры один крупный руководитель, из русских, платит какие-то деньги, а я в областных городах ищу остатки нашей музыкальности. Вашу симфонию прослушал дважды, не протестуйте, а примите, как есть. Вы, безусловно, талантливы, но... куда вы идёте, самому вам понятно? Техника неплохая, сколочено добротно, и звучит вроде складно (помните, было такое слово в русском языке, лад, складно?), а за душу, простите, не берёт. Вы здоровый красивый русский человек, умный, надо думать, почему же не видите, что происходит в мире, что творится с нашей страной, с народом?

– Простите и вы, – я остановил его не очень тактично. – Мы говорим о музыке или о политике?

– А вы умеете находить разницу? То, что я вчера слышал, не несет никакой человеческой информации, там нет страстей и страданий, чувств нет, хотя есть музыка, мелодия, и вам этого достаточно?

– Вам не понравилась симфония? В этом нет ничего неожиданного, да и трагедии никакой нет, как говорят, кто любит попа, а кто и попадью.

Прохор Парфёнович поморщился:

– Зачем вы так о священстве? Не богохульствуйте, допускаю, что атеист, но церковь и вера – часть нашей культуры, надо бы поаккуратнее. Хотя – это мелочи. Вернёмся к симфонии. Я уже говорил о достоинствах, а теперь скажу суть. Ваша симфония – это «Черный квадрат» Малевича, можно пройти мимо и не заметить, а можно с умным видом стоять часами и глубокомысленно напрягать остатки мозга. Музыка не просто сумма звуков, это и нервы, и боль, если человек не вздрогнул, не уронил слезу, кулаки не сжал – разве это музыка? Я не буду обращаться к нашей классике, вы её должны знать не менее моего, прислушайтесь, присмотритесь, в ней жизнь во всех её проявлениях, и в прекрасных тоже. – Он помолчал. – Вы можете рассказать о себе?

Вспоминаю теперь, что не очень приятным был этот разговор, но биографию свою рассказал, и про деревенское детство, и про учителя пения, который впервые показал мне ноты, и про учебу в музыкальном училище, потом в консерватории. Упомянул и профессора Вандельберга.

– Это ваш тесть?

Меня это задело:

– Разве тесть имеет отношение к моему творчеству?

– Не имеет, если вы так считаете. Не сердитесь на меня, я вас не перевоспитываю и не перевербовываю, просто хочу, чтобы талантливый человек раскрылся во всю силу отведённого Богом таланта, а не растратился по глянцевым афишам. Попробуйте уехать в родные края, в детство своё, не может такого быть, чтобы душа не отозвалась, ёкнет сердце. Поживите, не спешите писать, просто подышите тем воздухом. Я оставлю вам свои координаты, это вас ни к чему не обязывает, но если вдруг... Можете меня найти, всегда к вашим услугам. Если нет – эта наша встреча последняя, и за нее благодарю.

Мы расстались совсем не дружелюбно, но этот старик внес сумятицу в мою жизнь. Я стал думать, а занятие это, должен признаться, довольно затратное, оно приводит к выводам. Вот и получилось, в конце концов, что музыка, еще вчера казавшаяся мне совершенством, вдруг слышалась какофонией, несуразицей, бредом. Я с ужасом поймал себя на том, что ни разу не работал с вариациями на русские темы, хотя были венгерские, персидские и цыганские мотивы. В одной ученической ещё пьесе упражнялся с еврейской народной песней. Но с русскими никогда. Как так получилось – не могу понять. Упущение? Конечно, и сигнал мне показался значительным».

А это уже февраль месяц.

«Через год я высказал на семейном совете желание пожить в деревне, что сразу вызвало энергичный протест Луизы и её отца: что тебе там делать? Деревня уже давно не та, что вдохновляла композиторов прошлого, народ выродился, песен старых там не услышишь, а только пьянство и грязнословие в этой глухомани. Я проявил неожиданную твёрдость и объявил о скором отъезде. Жена, конечно, сопровождать меня отказалась, у неё выступления каждый день, она концертмейстер в филармонии, да и сына надо воспитывать не вблизи скотных дворов, как она выразилась.

А я поехал к «скотным дворам», выбрал райцентр, в котором никогда не бывал, а он всего в полусотне километров от родной деревни, снял комнату у хозяйки, ходил на рыбалку и в лес просто так, без всяких целей. Иногда выезжал на родину. Странные чувства возникали во мне. Я заходил на кладбище, которое называли у нас могил-

ками, стоял у заросших травой и кустарниками бугорков, помня, что здесь покоятся отец и мать. Сколько лет не бывал тут, а ведь никого нет, кто бы мог успокоить эти холмики, приласкать, окропить слезой. В местной мастерской заказал памятники, установил с помощью мужиков, которые так и не могли меня вспомнить. В деревне нашел место, где мы жили, там теперь пустырь, прореха. Было очень грустно. Возникали незнакомые ранее звуки, они пытались выстроиться в порядок, зазвучать стройно, но я гасил их, говоря себе, что не время, ещё рано, пусть всё бродит и ищет места.

Через месяц вернулся домой, жена встретила без радости, сын не вышел для объятий, а прислуга Василиса со слезами выговорила мне, что уехал и оставил жену, а тут не всё ладно. Ничего более добиться от неё не мог, за слезами сохранила потревоженную тайну. Вечером после застолья Луиза с горькой усмешкой призналась, что встретила мужчину и имеет к нему серьёзный интерес. Я не стал домогаться гнусных подробностей, уехал к товарищу, утром попросил бывшую жену собрать мои вещи и прислать их по адресу. В тот же день уехал в деревню, которую только что покинул, нашел приличный домик, купил, оборудовал всеми доступными благами сельской цивилизации, привез рояль. Инструмент пришлось разбирать, потому что в двери он не входил, народ сбежался смотреть на диковинку. С первых дней положил за правило ни с кем не общаться, чтобы не растрачивать время, только прежняя моя хозяйка приходила три раза в неделю что-то приготовить и прибраться.

Здесь самое время обозначить, почему я вдруг вспомнил о дневниках. Признаться, жизнь моя при втором деревенском пришествии складывалась не очень хорошо. Грех говорить, но не было у меня к Луизе того, что называется любовью, ко времени расставания уже нет, хотя женили нас не насильно. Наверное, были чувства, но то не любовь, а увлечение, страсть молодая, и даже перспектива породниться с влиятельным профессором в том числе. И всё равно места себе не находил, глодала обида, сознание обманутости, измены.

Мне показалось, что будет лучше, если сниму с себя напряжение сбросом информации на другие носители, читал где-то у психологов. Потому вернулся к дневнику, правда, в компьютерном варианте».

Март, 2000 год.

«Получил по почте извещение на оплату коммунальных услуг, узнал у Ефросиньи Михайловны, где нужно платить, пошел в комму-

нальную контору, нашел окошко кассы. Молодая женщина шваброй, обтянутой влажной тряпкой, протирала в комнате пол. Увидев меня, она улыбнулась и сказала:

– Обождите минуточку, я прошоркаю пол, а то пыль и жарко, котельная рядом и топят сильно.

Она медленно и тщательно двигала швабру, раскачиваясь и немножко клонясь, поневоле демонстрируя своё крепкое и сильное тело. Я был скрыт амбразурой окошка и мог безнаказанно её наблюдать. Лицо очень приятное, чистое и открытое, волосы гладкие и собраны на затылке, улыбка светлая, лучистая, прямо с картины, и голос мне показался грудным и немножко детским. Мне очень хотелось, чтобы она заговорила, и я спросил:

– Может, мне попозже подойти?

Она подняла на меня глаза и улыбнулась:

– Какой вы нетерпеливый, – сказала она одобрительно. – Обождите, я только руки обтеру.

Неправильная, но милая и непосредственная речь её показалась мне музыкой, даже поправить её не следовало. Она приняла деньги, квитанции вместе со сдачей положила прямо в ладонь, коснувшись моей руки. Я смотрел в её глаза, она смутилась, чуть покраснела и принялась перебирать бумаги. Оставаться более неприлично, я вышел на крыльцо.

Это теперь я понимаю, что влюбился, как мальчишка, с первого взгляда, а тогда стоял и чувствовал, что вливается в моё сердце незнакомая раньше сила, душа поет. Я тысячу раз слышал это выражение и сотню раз сам говорил, но всё это было неправдой, хотелось, но душа не пела тогда, а вот теперь в ней разрозненные звуки соединяются в тонкую светлую мелодию. Я медленно пошел к своему дому, медленно, стараясь не отвлекаться, чтобы не расплескать мелодию, дома сел к роялю и стал играть. Никогда до этого музыка не рождалась так легко и просто, я оставил клавиши и стал бросать ноты на бумагу. Я не помню времени, сколько прошло часов, но листы уже покрыли пол, а музыка всё звучала... Мне потребовались сутки, чтобы привести в относительный порядок эти наброски, отдельные куски проигрывал и находил их очень неожиданными, такого я никогда не писал.

С этого дня жизнь моя переменилась, в ней образовался смысл, каждое утро я приходил к её кассовому окошку и оставлял записку с просьбой о встрече. Несколько вечеров кряду не мог её перехватить, она исчезала из конторы и пропадала. Конечно, неловко вылавли-

вать женщину на улице, разговоров я не опасался, но боялся резкого её отказа. В окошке она меня воспринимала стеснительно и вроде радушно, а среди людей? И вот, кажется, это была пятница, я со стороны увидел, что она выходит из конторы, чуть помедлил, тихонько подъехал, открыл дверь:

– Садитесь, до дома вас довезу.

Она села. До чего загадочна человеческая натура, совсем не знаком с женщиной, несколько раз видел только лицо, а вот сидит она рядом, и словно родное и до крайности близкое мне существо. Когда дверца захлопнулась, понял, что не упущу возможности, всё скажу, другой такой случай может не представиться. Перед собой скрывать не станешь, не красавец я, да и других отличительных особенностей не имею, как-то классической фигуры и играющих мускулов, потому с девушками отношения чаще всего возникали по их инициативе или с явного намёка. Луиза не в счёт, тут особую роль сыграл папа, теперь я это отчётливо вижу. Так что имею дело по существу с первой настоящей влюблённостью, потому страх быть отвергнутым глушит волю и вяжет язык.

Честно сказать, плохо помню тот вечер, мы выехали на трассу, где есть карманы для стоянки, я рассказывал какие-то смешные истории, она чуть оттаяла от смущения, поделилась, как в эти дни пряталась от меня, потому что стеснялась. Мне достаточно было только убедиться, что у неё нет сколько-нибудь серьёзных оснований отказать мне во встречах, и я в этом убедился, потому что она косвенно, не думаю, что специально, не столь искушённая натура, призналась, что в последнее время вечерами сидит дома.

– Наверно, от женихов отбоя нет? – спросил я.

– Не буду жаловаться, подкатывают, но это всё несерьёзно, а так, чтобы для жизни – теперича таких мужчин нет.

Я закрыл тему, потому что было бы крайне опрометчиво заявить, что я серьёзный мужчина и с большими намерениями. Подвез её к домику на окраине села, она согласилась завтра вечером выйти по моему звонку, и с улыбкой хлопнула дверью. По силе удара я понял, что прежде ей не доводилось иметь дело с приличными автомобилями....

На днях заходил в библиотеку полистать областные газеты, да их совсем нет, только официальная правительственная с множеством портретов губернатора, но на столике увидел скромную книжечку «Гриша Атаманов». Полистал, оказалась повесть о крестьянском восстании 1921 года «против жидов и коммунистов», а Гриша – личность историческая, командовал повстанческой армией в этих краях, молодой че-

ловек двадцати трёх лет, после трёх месяцев сопротивления своими же был обвинён в измене и расстрелян. Попросил книжечку, читал всю ночь, картины яркие, краски густые, звуков много: и крестьянского труда, и метелей с ливнями, и боёв неравных. Несколько образов так и просятся: посмотри, как мы хороши, сколь колоритны и у каждого свой голос. Узнал про автора, житель здешних мест, даже телефон нашли.

Высказал писателю свои соображения насчет Атаманова, а он о либретто представления не имеет, хотя к идее написания оперы отнёсся спокойно, сказал, что на всё согласен, только главную мысль повести искажать не позволит. Пришлось созвониться со старым приятелем из Екатеринбурга, он там во все дырки ходок, выслал ему книгу, через месяц получил либретто. Поехал к автору, тот прочитал и заплакал: ни в коем случае нельзя такими показывать русских мужиков. Пообещал через пару недель привезти свой вариант.

Удивительное дело, либретто никогда не писал, оперу живьём слушал ещё в студенческие годы, а материал выдал очень подходящий, много природы, героические картины сопротивления, душевная любовная линия, причем, в трёх вариантах – полный простор для композитора. Я начал работать. Чтобы не ходить проторёнными тропами, попросил Ефросинью Михайловну собрать старушек и попеть старые проголосные песни. Долго ничего не получалось, пока гости не осмелели и не приняли по стаканчику настоящего итальянского вина.

Несколько недель безоглядно сочинял новую музыку. Ни один из наработанных, отточенных и довольно верных приёмов тут не действовал, да и не мог быть допущен, не его это стихия, зато призваны были новые звуки, впервые попробовал хор мятежников на фоне колокольного звона – получилось, даже мурашки по коже, когда представлю его в исполнении филармонического хора. Складывается любовная линия Григория и Глаши, интересен будет дед Ероха со своим пронзительной арией о так и несостоявшейся любви к девушке, имени которой теперь уже и не помнит. А ещё раньше надо широко показать становление нового сибиряка беглого из Расеи преступника и воспылавшую в нем страсть к Вере Тагильцевой, будущей матери Григория.

Мне страшно интересно работать, вечерами Нина приходит, что-то готовит, я в это время переписываю ноты или другую работу делаю, которая не боится остановок. Сегодня бросил всё и на кухне рассказывал Нине о будущей опере, даже спел несколько арий. На неё это не произвело впечатления, но она улыбнулась и чмокнула меня в щёку».

Чтобы не возбуждать повышенного интереса общества к происшествию и к даме, виновнице, как я понимал, трагедии, я не стал вызывать повесткой, а на второй день подошел к окошку кассы и тихонько сказал, что жду её после пяти часов в четырнадцатом кабинете. Мне важно было заметить реакцию, но ничего нового не увидел, она согласно кивнула и забыла про меня, уткнувшись в бумаги. Такое поведение не совпадало с моим предположением: если она чувствует себя виноватой, а она не может этого не чувствовать, потому что всё село так считает, и даже вслух люди говорят, то почему так спокойно восприняла вызов в милицию? Не понимает ответственности или не боится, потому что прямо-то не виновата? Сама дошла до такого поведения или кто-то научил? Представьте, как я был ошарашен, ждал испуга, а потом в кабинете истерики, раскаяния и пр., а столкнулся с безразличием, каким-то даже скучным. Она пришла вовремя, остановилась напротив стола и потупила глаза.

Тут я должен её описать, потому что раньше сделанные заметки больше возникали под влиянием из ряда вон ситуаций, например, при гробе. Конечно, это влияло и на её состояние и на моё восприятие, а когда она вошла в кабинет и остановилась у дверей, вот тут я мог её разглядеть и составить представление. Итак, роста она высокого, конечно, не сказать, что в небо дыра, но росленькая и на ногах стройная, только в нижней части широковата как раз настолько, чтобы дразнить и неловкость у мужчин вызывать. И талию сохранила, а в тридцать пять это не каждой дано, хоть и говорят, что баба ягодка опять. Я по своей погонюсь, какая там ягода... А вот грудь слабовата, конечно, в руки есть чего взять, но не то, что у моей Клавдии Андреевны. Бровки подчищены и в ниточку сведены, только не вульгарно, а с любовью и никак не злобно, больше с вызовом и надменностью, может быть, и не осознанной. И ротик примечательный, небольшой, даже маленький, губы чуть вздернуты, самую малость, опять же чтобы дразнить и звать. Такие целовать очень даже приятно.

Вот такая она передо мной нарисовалась, и должен был я вести дознание. Заполнил все анкетные данные и спросил:

– Вы догадываетесь, по какому вопросу я вас пригласил?

– Догадываюсь. У меня позавчера по кассе не хватило полторы тысячи.

Я оторопел:

– И что?

Она пожала плечами:

– Просчиталась, наверно, но сейчас вернуть – у меня нет, только через неделю отец пенсию получит. Я же сказала, а главбух, видно, ждать не захотела.

Да, неловкое положение, но надо всё разводить по своим местам, напомнить ей о более сложной проблеме, чем кассовая недостача.

– Я пригласил вас совсем по другой причине. Меня интересует всё, что вы можете сказать о погибшем Попеляевае в автомобильной катастрофе и про ваши с ним отношения.

Она вздрогнула, лицо помрачнело, и глаза стали такими, какие я видел при прощании у гроба – глубокими и темными.

– Спрашивайте, я скажу, а так – не знаю, что вам надо.

– При каких обстоятельствах вы познакомились?

– Никаких таких обстоятельств, ровно пять лет назад, когда он здесь жить стал, подъехал на машине вечером к работе, довез до дому, а на другой день выходной, суббота, пригласил в гости.

– И вы согласились?

Она улыбнулась, видно, эти неожиданные воспоминания напомнили то далекое время, тогда ещё приятное для неё.

– Не согласилась я, хоть и пообещала, а вечером не вышла, потом еще целую неделю скрывалась от него.

– Он что, преследовал?

– Нет, он меня не преследовал, просто приходил и оставлял на кассе записку с просьбой, он культурный и обходительный... был. Я его стеснялась, ведь старше намного, мне тогда тридцать было, да и совсем другой человек, композитор, про него тогда разное болтали, что богатую семью в городе оставил, что вроде как больной по мужской части.

– И всё-таки как вы встретились?

– Это тоже надо?

– Без интимных подробностей, но надо.

– Вот так же в пятницу он меня у работы посадил в машину, отъехали в сторону, он и говорит, что глупо я от него прячусь, что нравлюсь ему и всё такое. Я тогда ни с кем не встречалась, приняла одного, все надеялась наладить жизнь, да и тот пьяница оказался, хотя знакомые уверяли, что порядочный. Выгнала, с месяц назад, и вот Илья Данилович появился. Я в тот вечер вышла, как обещала, он меня не упрекал, что избегала, только рад был до крайности... Вам это тоже говорить?

– Да, если можно.

– Отчего нельзя, теперь всё можно. Он такой радый был, что я

пришла, веселый, всё какие-то забавные истории рассказывал, смеялся, прямо ребёнок радостный. У меня стеснение пропало, и хорошо мне. Потом Илья предложил к нему поехать, так и сказал: посидим, поговорим, я тебя ничем не обижу, без твоего разрешения даже за руку не возьму. Да мне чего терять? Приехали, у него стол накрыт, вино дорогое, свечи, фрукты и еда всякая, я такой и не видела. Когда он свечи зажег, я спросила: а если бы я не вышла, куда это всё? Он улыбнулся, говорит, что каждый вечер вот так готовился, когда меня ждал. Мне даже неловко стало.

Она помолчала.

– А вам не показалось странным, что он вас в первый же вечер стал к себе зазывать?

Она помолчала, будто вспоминая:

– Он же по человечески всё объяснил, не лапал, как наши. Он сказал, что мы оба люди взрослые, самостоятельные, понимаем, зачем нам эти встречи, поэтому и время не надо терять. Сказал, что нет у него времени на ухаживания, а цветы полагающиеся он мне за оставшуюся жизнь подарит, так и сказал: все цветы к твоим ногам!

Интересное дело, вот разбежались, и его уже нет, а цветами она гордится. Для женщины, выходит, цветы на особенном месте. Я как-то Клавдии Андреевне букет на восьмое марта принёс, она оговорила, что лучше бы вазу купил или сахарницу. В приведённом кусочке из дневника, писанном, видно, сразу после встречи, Попеляев подтверждает слова подозреваемой.

12 апреля 2000 года.

«Мне несколько странно в этом признаваться, но самому себе можно, ведь я не думаю, что когда-нибудь мои записки будет читать посторонний, возможно, только Нине потом покажу. Итак, сегодняшний вечер можно считать самым счастливым в моей уже довольно продолжительной жизни. Нина была у меня, и мы чудно провели время. Но обо всём по порядку.

Как и договорились, к двадцати часам я был в условленном месте, это её просьба, чтобы никто не видел. Она подбежала к машине и нырнула в салон, облегчённо вздохнув и демонстрируя удовольствие оттого, что кого-то обманула, как потом выяснилось, дочь была против её ухода.

Мой дом ей очень понравился, она босиком прошла по комнате, потрогала рояль, книги, с интересом смотрела на исписанные нотные

листы. В кресло села смущенно, я подкатил столик с закусками и сладким, открыл вино. Рассказывал какие-то смешные истории, очень волновался, чувствовал, что раскраснелся, лицо потрогал – горю! Да и вино сыграло, я чуть осмелел, отпихнул столик и встал перед нею на колени, целовал руки, шею, наконец, губы, она жадно впитывала мои чувства и горела тоже, даже мелкую дрожь в руках её помню.

– Нина, мы будем спать? – спросил я чужим голосом.

– Можно, – сказала она тихо, и я повел её к кровати.

Повторю ещё раз: так счастлив я никогда не был, она потрясающая женщина, чуткая, внимательная, заботливая. Все эти качества её натуры успели проявиться за первые шесть часов нашей совместной жизни. И как женщина она выше всех похвал, Луиза была скучна, девчонки из консерватории, которые ловят всякое дыхание преподавателя, угодливы и неинтересны. А тут такая полифония чувств и страстей! Господи, за что мне такое счастье?! Я начинаю новую жизнь.

Да, сегодня получил письмо от Прохора Парфёновича, которому два месяца назад отправил окончательный вариант оперы «Гриша Атаманов». Сначала хотел поставить название «Буча», есть такое слово в тексте повести, означает свару, драку, но отказался, Гриша – это как-то по-человечески, любовно и в то же время жалостливо (не жалость, а жаль) – это точнее и глубже.

Прохор Парфёнович сразу мне позвонил, сказал, что очень обрадовался случившимся во мне переменам, музыку назвал настоящей, а оперу – способной сделаться событием не только в музыке, но и в культурной жизни вообще. Это он так сказал. Пообещал, что более полную информацию сообщит письмом, надо решить несколько вопросов.

И вот письмо. Прохор Парфёнович подключил к прочтению нескольких крупных специалистов, в перечне я нашел знакомые фамилии, и оперу взялся поставить только что образованный частный оперный театр «Русская опера». Петр Прохорович подчеркнул, что работа уже началась, и мне надо бы поприсутствовать на репетициях. Из названных исполнителей никого не знаю, это и неудивительно, потому что собрали молодёжь со всей страны. ещё новость: театр готовит Чайковского и Бородина, и моя опера будет в афишах, моя скромная фамилия среди великих.

Продолжаю опрос:

– Он простой в обращении был?

– Хороший. Никогда своей образованностью не козырял, меня

наставлял правильно говорить, я же мало училась и не читала совсем, а он поправлял. И читать давал книжки хорошие, серьёзные. А ещё музыку играл.

– Свою?

– Разную. И свою тоже. Говорит, прислушайся, что тебе покажется при этой музыке. И начнет. Я глаза закрою, и вроде лес мне привидится, солнечный, прострельный, где мы с ним грибы собирали, увижу гриб и кричу ему: «Илюша, глянь, какой красавец!». А потом раскинет одеяло из багажника посреди поляны, так и волехнёмся. Скажу ему потом, что думалось под музыку, а он улыбается: правильно всё понимаешь!

– Любопытно бы такую деталь уточнить: он грамотный, учёный человек, ваши восемь классов никак не к месту, дальше: возраст его солидней на много лет, да и другие разницы. А почему, собственно, у вас отношения складывались?

(Должен заметить, что Клавдия Андреевна при расшифровке на глупость вопроса мне указала, но я тогда не осознавал).

Женщина посмотрела на меня и улыбнулась:

– Значит, не только образование для мужчины имеет значение. Я вам так скажу, товарищ следователь: не было у меня до него такого мужчины, чтобы так любил, я сознания лишалась от обуявших чувств, он меня одними поцелуями доводил до крика, извините за прямоту, но вы сами хотели.

– А материальной корысти не было в ваших отношениях, деньгами или как-то он вам помогал?

Она кивнула:

– Деньгами помогал и так, дочка у меня несколько раз приболела, так он и в город возил, и врачей нужных находил. Но я никогда не просила, он сам, бывало, положит в сумочку: я там тебе гостинцы от зайки...

– Вы жили в его доме?

– Нет, даже не ночевала ни разу.

– А что он вам говорил об отношениях с семьёй? Вы знаете, что он до сих пор не разведён?

– Не скрывал, только сказал один раз, что с женой не общается, даже когда ездит в город. Да я и не ревновала к ней, хотя к другим страшно ревновала.

– И были основания?

– Ревновать-то? Да сколько угодно! Он влюбчивый, как юнец, и

что интересно – никогда от меня не скрывал. Вот, говорит, красивая женщина, правда, Нина? А я уже горю вся, ревную. Или напечатали его симфонию, а на страничке приписка: «Посвящаю Анастасии». Я так и не могла добиться, кто эта Анастасия, долго из-за этого сердилась, а он всё в шутку превращал, говорит, так надо, это муза какая-то, а мне откуда знать?

– Он не предлагал вам пожениться?

Она вспыхнула вся, я даже испугался, что плохо ей станет, но ничего, успокоилась.

– Не предлагал. Года полтора назад уборку делали в доме, побелка и всё такое, до поздней ночи. В бане помылись, я кушать приготовила, он любил вкусно поесть, и моя готовка нравилась, потом лежим в постели, так мирно, тихо, я и скажи: вот никуда бы не уходила от тебя, так бы и ноги твои мыла, и колыбельные пела. Он смутился, а потом сказал резко: не могу себе позволить такого счастья, потому что разница в возрасте только сейчас не очень заметна, состарюсь на пятнадцать лет раньше тебя, и буду стыдиться твоей молодости. Я тогда припала к его ногам, заплакала: да мне быть рядом с тобой уже всё счастье бабье, Илюша! А он засмеялся как-то нехорошо и увел в сторону: вот давай этим счастьем пользоваться, пока оно у нас есть. Тогда я поняла, что так всё и будет, что судьбы у нас нет.

– Но ведь он был прав, если такая разница в годах. Тоже мало хорошего глядеть, как молодая жена на чужих мужиков заглядывает.

– Не знаю. Только тем разговором он мне всю душу перевернул, я с оглядкой жить стала, прихожу к нему не как в наше гнёздышко, а как на свиданку короткую, получу свою долю радости, и домой. А дома что? Диван обнимать? Я ему ничего не говорила, а он не замечал, но надломилось во мне, одумаюсь: люблю его до безумия, а гляну вперед – пустота. С тем и жила.

Дневник, август 2003 года.

«Время от времени я задумываюсь о наших отношениях, если всё привести к нормальному и холодному расчёту, то получается, что Нина именно такая женщина, которая нужна была мне всегда, ещё в студенчестве, ещё в первые годы жизни с Луизой, точнее сказать, в первые годы семейной самостоятельной жизни. Нина именно такая. Она умеет не мешать и умеет увести от депрессии, она внимательно следит за моим самочувствием, и даже было несколько случаев, когда очень деликатно отказалась лечь в постель только потому, что я

был слишком усталым и не очень хорошо себя чувствовал. Она научила меня следить за давлением, научилась делать массаж спины и шеи, она незаметно подвела к тому, что я уже не очень молодой человек и с этим надо считаться.

Кажется, ничто не мешало нам сойтись и жить вместе, даже не регистрируя брака, теперь это сплошь и рядом. Но моя врождённая мнительность удерживала от резких решений. Нина несколько раз выходила замуж, по-моему, трижды, это не считая межбрачных встреч, мне о них пыталась говорить моя заботливая Ефросинья Михайловна. Я оказался очень ревнивым мужиком, к собственному удивлению, однажды резко остановил Нину, когда она хотела рассказать об одном своём увлечении. Причём, сделал это в лучших традициях домостроя, только без рукоприкладства. Но это можно пережить. Далее, у ней дочь, не очень организованная, не очень здоровая и к тому же довольно современная девушка, то есть, с преобладанием запросов над возможностями правильно распорядиться полученным. Дочь – это проблема. Но более сдерживающим был всё-таки возраст, разница почти в пятнадцать лет. Сегодня это не имеет значения, а завтра? При моём самолюбии и при моей мнительности?

Один к одному складывая аргументы против брака, я получал результат, который меня вполне устраивал, мне казалось, что Нина с таким раскладом вполне согласна».

Дневник, август 2003 года.

«Едва ли сейчас вспомню, как появилось в моём сознании убеждение, что жизнь свою я должен прожить без семьи, Луиза и Альфред – в прошлом, и так далеко, что даже в мыслях не являются ни она, ни он. Полгода до появления Нины входил в новый образ жизни, непритязательный и свободный, много сочинял вещиц не очень серьёзных, но зарисовки неплохие, а я даже своё умею отличать качественно.

Сегодня же впервые наклюнулся у нас разговор о будущем, пока не могу определённо сказать, готовила она этот сюжет или он спонтанно возник, скорее, случайно, грех подозревать за простой женщиной такую тонкую изощрённость, это не Луиза. Мне как-то и в голову не приходило, что Нина рассчитывает на совместную жизнь, мужчина в таких случаях руководствуется своим пониманием: пришла, приласкала, приготовила ужин, помыла посуду. И – ушла, нет никого, кто попытался бы претендовать на внимание, требовал заботы, предъявлял права. Сегодня её желание было высказано с не-

скрываемой ясностью, я не лучшим образом отреагировал, скорее, пытался защищаться, и тем обидел милую женщину. Она как-то сникла, погасла, былая беззаботность пропала, я не мог ничего сказать и сделать, возвращаться к теме глупо, делать вид, что ничего не произошло – еще глупее. Впервые за три года мы расстались сухо, её традиционный прощальный поцелуй отдавал грустью.

Вот сижу и думаю: что же делать? Не свободу боюсь я потерять, в пределах необходимого для работы с Ниной я буду иметь всегда, даже и дочь её помехой не стала бы, только к дому пристроить пару комнат. Но мне полсотни, состарюсь на пятнадцать лет раньше жены. Как потом жить? Надо завтра сделать Нине сюрприз, например, купить большой арбуз, она так любит арбузы и ест их, как ребёнок, я никогда не забуду, как снимал с её носа арбузное семечко...».

– По всем данным, которыми следствие располагает, разрыв наступил в ваших отношениях. Как это получилось?

Она долго молчала, я даже засомневался, что вообще будет говорить, но ничего, оправилась:

– У нас часто размолвки были, вроде и причин нет для ссоры, а вспыхнет обида, то у меня, то у него, к дому меня подвезет, хлопну дверью и дня три не звоню. А потом сойдёмся, только никогда к разлуке не возвращались, не обсуждали. Я как-то попыталась сказать, что он был не прав, а Илья одернул: всё, проехали. Вот и тут так же. Три дня не звонил, а в эти дни годовщина нашей первой встречи. Я ждала, даже загадала, что если позвонит, то всё будет хорошо, у меня уже тогда смутно другие думки были.

– Он что, забыл?

– Нет, он этот день помнил, даже подшучивал, что мы начали совместную жизнь тринадцатого числа, мол, чертова дюжина. А на самом деле это двенадцатого было. Я ещё один раз сказала, что это был ему подарок судьбы. А он шутник, когда в хорошем настроении, смеётся: судьбы – возможно, но – злодейки.

– Вы обиделись?

– Нет. Посмеялись. Только напрасно, потому что он прав оказался, видите, как получилось.

– Вот говорите, что три дня не звонил, и вы не звонили. А как потом, встретились?

– Он подъехал, я села в машину, молчу, у него или предчувствия какие были или просто не хотел говорить о размолвке. А потом вдруг спросил, что случилось в эти дни. А ведь действительно случилось,

приехал к моему брату друг из города, он уж не первый раз приезжает, с братом пообщаются и всё на том, а тут к нам в гости пришли. Мы с дочкой у родителей живём. Конечно, он меня и раньше видел, а тут за столом всё смотрит, улыбается, вина не пьёт. Когда уходить стали, брат шепнул мне, что больно я ему нравлюсь, что он готов семью бросить и сойтись со мной. А мама сразу меня в оборот: такой мужчина, молодой, непьющий, не крути головой, брось своего композитора, да выходи за Федю, его Федей зовут.

Она замолчала. Я осторожно спросил:

– А дальше? Вы Попеляеву сказали про этого Федю?

– Сказала. Ну, как – сказала? У нас с Илюшей была такая договорённость, что если вдруг кто-то разлюбит, то не должен обманывать, а должен честно сказать. Илюша часто надо мной подшучивал, что вот найдёт мне молодого хорошего человека и выдаст замуж, даже приданое обещал. Я отмахивалась, мол, буду с тобой всегда и никого мне не надо. Гражданин следователь, вот теперь уж и врать ни к чему, хотя и могла бы, чтобы разговоров в деревне меньше было, да мне уж всё равно. Только я истинную правду говорила ему, я так его любила, что хоть плачь. Я тогда не врала ему, и он это видел. А теперь такая сложность, и не говорить нельзя, потому что он может через людей узнать, а мне зачем стыд, и сказать не знаю как. Ведь и нет ещё ничего, и Федор только предложил сойтись, как разведётся, и дальше всё неясно: ни квартиры, ни работы, а ведь город. И тогда я сказала, что появился человек, с которым у меня может быть будущее.

Она опять замолчала.

– И как Попеляев на это отреагировал?

– Страшно. Я никогда его не видела таким, лицо сделалось страшное, глаза кровяные, язык заплетается. Он спросил только один вопрос, и сразу поехал, меня у работы высадил.

– Какой же вопрос он спросил?

Напряжение повисло в комнате и слышно, как за стенкой похрапывает следователь после ночного дежурства.

– Он прямо мне в глаза глядел, жутко было и сказал чужим голосом, вот не знай я, что это Илья, ни за что бы не поверила. Спросил: ты спала с ним? Я быстро ответила, что нет, и правда, ничего ещё тогда не было. Он застонал, включил скорость и погнал.

Дневник, 12 апреля.

«Третий день после разлуки, Нина не звонит, а ведь сегодня годов-

щина, ровно пять лет назад она осталась в моём доме и мы провели первую ночь. Ждал звонка, но его не было, и утром решил встретить около дома. За пять лет можно до тонкостей изучить человека, тем более столь несложного, как Нина, я мог по первым шагам, ещё и не видя лица, определить её настроение, а тут она открыла дверь машины неохотно, села неловко, сухо поздоровалась. Я ещё мог бы отнести это к остаткам обиды на своё длительное молчание, но что-то шевельнулось внутри: не всё так просто. Сердце моё заколотилось. Она заговорила вдруг о переменах в моём к ней отношении, со слезами стала приводить примеры, и я с ужасом понял, что эта атака продумана заранее. Оставалось ждать, когда она нанесет первый серьёзный удар. Наконец, Нина остановилась, улыбнулась и сказала, что мы договаривались не скрывать друг от друга, если появится кто-то третий. Я похолодел. Она опять улыбнулась: ты помнишь? Я согласился и разрядил обстановку вопросом: у тебя появился? Она не скрывала удовольствия, или мне так показалось: да, пока ещё не появился, но есть мужчина, которому я нравлюсь, и он имеет серьёзные намерения. «Серьёзные намерения» – это упрек мне.

Я плохо владел собой, кровь прилила к голове и лишила рассудка, язык не слушался меня, и речь казалась бессвязной. Нина испугалась моего вида и попросила увезти её на работу. Когда подъехали к конторе, я спросил, сможем ли поговорить. Она пообещала, но после работы я её не нашёл, телефон был отключен.

Я схожу с ума».

Тут в диктофонной записи несколько минут нет слов, но и тишины нет. Нина впервые заплакала в моём присутствии, но не думаю, что в одиночестве море слёз пролила, может, характер такой, а может новая любовь застила все прошлое. Вот смотрю на неё в эту минуту, и прибил бы, так в этой бабочке вся подлость женская выразилась. Но – волю моим чувствам давать нельзя. Она тоже успокоилась, пошмыгала носом. Продолжаю задавать вопросы:

– При следующей встрече он не грозил, что может покончить самоубийством?

– Нет, я несколько дней скрывалась от него, с конторского двора на автобусе уезжала, у знакомых оставалась до темноты.

– А телефон? Он вам звонил, искал?

– Телефон я отключала, а если заставал звонок, сбрасывала. Не говорили мы. Но он писал письма и оставлял на кассе. Он как-то го-

ворил, что с людьми неприятными переходит на Вы, он и мне писал на Вы, это очень обидно, лучше бы обругал.

– И вообще больше не встречались?

– Он меня опять утром около дома перехватил, видно, что ночь не спал, похудел, осунулся. Он у меня справным стал, кушал хорошо, продукты лучшие покупал, а я готовила. А тут даже небритый. Я села в машину, ведь не побежишь вдоль улицы. Он выехал за село, говорит, полчаса у нас есть времени. Молчим. Я не вытерпела, заплакала: Илюша, отпусти ты меня, всё равно теперь у нас ничего уже не будет. А он своё: я только теперь понял, как тебя люблю, никому тебя не отдам. Поздно, говорю, Илюша, я сегодняшней ночью была с ним. А он как застонет: неправда, ты же любишь меня, ты сама говорила. Видит Бог, как я его любила, но он сам отвергнул мою любовь. Вы знаете, что он сказал потом? Я, говорит, был уверен, что ты моя навсегда, потому и жил с тем, что ты никуда не денешься. Вот где правда! А любовь – она живая, её поддерживать надо.

Она опять долго молчала, потом призналась:

– Мы ведь ещё один вечер провели вместе, ещё встрепенулось во мне всё, согласилась. Он такой горячий был, пылкий, не знаю какой. А когда прощались, вдруг поняла, что в последний раз. Замаячила семейная жизнь с Федей, а Илюша опять ничего не пообещал.

Это я сам для себя, товарищ редактор, определяю как подлую измену. Жена или не жена, по-нашему полюбовница, не тем определяется, есть ли в паспорте штамп о браке, а тем, есть ли отметка в сердце о любви. Конечно, это я высоко взял, но никуда не попрешь. Мы с Клавдией Андреевной прожили уже дивно, конечно, в семейном деле всякое бывает, но что она жена мне – это я в паспорте не подглядываю, сам вижу и знаю. Ей бы, дурёхе, смириться с тем, что не в его доме ночует, хотя в записях дневника есть прямое указание на то, что ночевала всё таки эта бабочка, и не раз, так что нечего понапрасну обижаться. В одном месте композитор пишет: пришлось рано вставать, хотя, уложив Нину, долго работал над новой темой. Она была вчера очаровательна в белоснежной блузке и красной шали... Ну, и так дальше.

Допрос длился без малого три часа, но после вот этого заявления ничего интересного подозреваемая не сообщила, только уточнила, что до прощальной встречи с Попеляевым у них с Федей ничего не было, хотя меня это уже не интересовало. Когда выключил дикто-

фон, сказал гражданке, что буду предъявлять ей обвинение по факту доведения до самоубийства. Не каждый день такие слова говорят, но она даже не вздрогнула, а кивнула: всё так и есть, я довела. На том и простились, сказал, что, если потребуется, повесткой вызову.

Но вызывать её не пришлось. Утром пошел к начальнику, только заикнулся о вчерашней беседе, он как заорёт на меня:

– Ты какого хрена развел здесь психологию с любовью? Тебе сказано, что самоубийство, так и оформи. И вообще, Богомолов, пиши рапорт на увольнение, достал ты меня своими глупостями.

Так закончилась моя следовательская карьера и наступила новая жизнь, вот, писать начал.

Но надо Вам, господин редактор, дать полное представление об этом деле. Как Вы помните, в моём распоряжении имеются дневник и письма Попеляева к этой даме. Трагедия на трассе случилась в ночь на 6 мая 2010 года. Размолвка нашего героя со своей любимой началась 12 апреля. Я выберу самые трогающие за сердце выписки, а Вы уж там поглядите, что убрать, а что оставить. Но без слёз читать это невозможно, я в последнее время такой трогательный стал, что просто беда, Клавдия Андреевна уже всерьёз беспокоится, говорит, что писательское дело опасней для здоровья, чем следовательское. Так вот по дням и выберу для Вас кусочки.

Дневник, 14 апреля.

«Нина, дорогая мне, если бы я мог вернуть время хотя бы на два дня, конечно, это невозможно, но хотя бы остановить его в наших силах, если и ты и я этого захотим. Надвигается нечто ужасное, черное, грохочущее, и я не знаю, что, оттого мой страх и ужас перед неизвестным фанатичнее и суеверней. Ты так ловко избегаешь встреч и разговоров, что у меня нет сомнений: ты всё для себя уже решила и тебе нечего мне сказать».

Дневник, 15 апреля.

«Если бы ты знала, Нина, какое удивительное открытие сделал я после твоего исчезновения. Вот вроде понимаю, что ты сильно мне нужна, всё в тебе мне дорого и необходимо, но обнаружилась фраза, точнее, картинка со словами, в которых всё это самое дорогое и заключено. Сижу я у инструмента, что-то не получается, ты у плиты ворожишь, совсем не вижу и не слышу, но – споласкиваешь руки, тщательно фартучком их обшаркиваешь, как ты мило говорила когда-

то, и тихонько подходишь сзади, обнимаешь легонько, так, что едва заметно, и прижимаешься грудью, я чувствую твои мягкие груди без лифчика, и говоришь тихонько мне на ушко, так, что и мысли не потревожишь, если она в это время появится: «Ну, что ты, мой родной, приутих совсем». Так было много раз, много десятков раз, и всегда заканчивалось веселым смехом и обильным застольем. Сегодня впервые я горько плакал над этими словами, значит, такое уже никогда не повторится».

А это из письма от 15 апреля:

«Не надо так низко падать, ты не меня кинула, ты себя обнаружила как не очень порядочную женщину. Ведь с момента наших объятий и поцелуев в машине прошло только двенадцать часов, любимая и родная, только двенадцать. Я насильно тебя целовал? А разве не ты прикусила мне губу при прощании? Ты обещала мне встречу. Я эти часы переждал, готовил баньку, к чаю всё на столе, шоколадка твоя любимая. Было сомнение, что ты устанешь, откажешься ехать даже просто в баню, но откажешься, объяснишь, а не спрячешься и не отключишь телефон.

Конечно, так продолжаться не может. Я эту записку передам тебе в том случае, если не будешь говорить со мной по телефону. Что происходит, одумайся! Ты делаешь очередную ошибку. Не буду ничего повторять из того, что говорил сегодня в машине. Это всё правда. Я буду ей верен, если ты захочешь.

Обнимаю, целую тебя тысячу раз, люблю, даже не могу сказать, как сильно.

Это я написал сразу по приезде домой, не буду перечитывать, потому что начну поправлять и пропадет искренность. Я же ничем не хочу тебя обидеть, только не потерять. Как бы то ни было, знай, что я в любую минуту жду твоего звонка, помни об этом, мне дорого всё, что с тобой связано. Не унижаюсь, но прошу знать это».

Из письма от 16 апреля.

«Во вчерашнем разговоре Вы дважды или даже трижды употребили слово «любовь» применительно к нашим отношениям, уже де-факто окончившимся. Я ничего не смог сказать в тот момент, потому что всякому ощущению должно пройти ещё и осознание, и вот теперь, несколько часов после, я понял, наконец, что меня смутило. Вы не можете, не имеете права говорить это слово, Вы его оскорбляете, сталки-

вая со своего грязного языка, ни один звук этого высокого слова не может исходить от Вас, уж вы это, пожалуйста, запомните. Вам предстоит, видимо, длинная жизнь, женщина Вы горячая, возбудимая, контроль над собой теряете достаточно скоро, я никогда раньше об этом не думал, а теперь вынужден признать хотя бы для себя, что и раннее замужество, и ранний ребенок есть продукт девичьей слабости. Так вот, когда у Вас будет охота пошептать очередному партнеру о чувствах – ради Бога, несите чушь какую угодно, только любовь оставьте в покое, не дергайте без права на то великое и святое чувство, которое в Вас никогда не жило и даже на время не останавливалось».

Дневник, 20 апреля. Красиво, но я не понял.

«Я представил нашу любовь как огромную амфору древнего сладкого вина, которое льётся при любом нашем желании и льётся так мирно, что ни у неё, ни у меня никогда не возникало опасения, что это благо не бесконечно. И вдруг струя истончилась, и последние капли упали на наши души. Когда всё кончилось, оказалось, что остальное уже не имеет никакого значения».

Дневник, 22 апреля.

«Сегодня меня сильно испугала нечаянно возникшая мысль, что страдания мои и мучения могли быть внятными и конечными, если бы Нина умерла. Я никогда не хоронил любимых женщин, но почему-то уверен, что это легче пережить, чем вот такой её уход. Её уже нет и никогда не будет, и в то же время я всякое мгновение осознаю, что она есть, что вот сейчас, в эту минуту, целует и ласкает другого, как совсем недавно ласкала и целовала меня. Эта мука горше всякой утраты».

Письмо от 25 апреля.

«Ну что ж, дорогая, пора подводить итоги. Для тебя эта процедура крайне неприятна, ты хоть и пыжишься, но вину свою понимаешь, ведь не я тебе изменил, а ты, причём подленько, воспользовавшись моим трехдневным отсутствием. Поэтому и от личной встречи так упорно ускользаешь, телефон выключаешь. Мелко и гадко это всё, а я прошу, настаиваю, думаю, что говорю с женщиной, которая ещё любит или, по крайней мере, совсем недавно любила, ведь не могло быть у нас последней ночи, потрясающей ночи, если бы не было чувств, они были, с обеих сторон, о себе знаю, а тебя за пять лет изучил. Ты можешь всякое теперь говорить, но меня не обманешь, я бо-

ялся, что ты сознание потеряешь в постели, ты была любимой и любящей женщиной. Если не так, то я имел дело в ту ночь с профессионалкой, которая знает, как и чем удовлетворить партнера, имитируя собственное удовлетворение. Перед кем унижался и бисер метал?

Я уже говорил, что понимаю твоё решение и твои виды на молодого человека понимаю, хотя почти уверен, что ничего не получится. Получится – ради Бога, но теперь не об этом. Не думаю, что воспоминания обо мне будут тебе неприятны, я всегда старался помогать тебе даже на бытовом уровне, а что до нашей жизни в эти пять лет – золотое время, я благодарен тебе.

Ты хотела, чтобы я исчез из твоей жизни сразу, вдруг освободил место, да и тебе, судя по всему, не терпится, все же «такой же веселый, как и ты, ну и, конечно, помоложе», это я тебя цитирую. Почему я должен уйти ради веселого и молодого? Почему ты забыла о всяких человеческих приличиях и всеми способами доводила меня до невменяемости? Я не знаю, почему так переживал, ну, любил, хорошо было, наверное, чуть обидно, но после твоих систематических обманов я приходил в бешенство. Ты подло вытирала об меня ноги, а я всякий раз норовил подставить чистое место. Вчера поздно вечером после моего письма позвонила, какой милый был разговор, я поверил в твою чистоту, называл тебя самыми ласковыми словами, а потом плакал перед Богородицей и благодарил. Дурак! Кому я поверил? На кого надеялся? В тебе было много прекрасного, а осталась только жестокость и подлость. И я хорош! Надо ж было дождаться, когда от охватившего ужаса остановится сердце и машина свалится в кювет, надо было сегодняшнюю ночь пролежать под капельницей, чтобы дошло: Попеляев, ты чего душу рвешь? Она того стоит? Пусть попробует без тебя. На фоне ожидаемых перспектив, не очень, на мой взгляд, радужных, и ты можешь потом показаться вполне приличным мужиком и человеком. Знаю: ценят только то, чего уже нет.

После твоего бульдозера по моим чувствам и самолюбию мне потребуется серьёзная реабилитация. А ещё думаю мстить тебе постоянным напоминанием о своём существовании, буду много работать и писать музыку, уверен, её примут, музыка на страданиях лучше понимается людьми».

Письмо от 28 апреля.

«Сложнее всего чувства переносить на бумагу, а ещё трудней, когда это твои чувства и твои переживания. Попробую сделать это макси-

мально честно, ведь перед бумагой, как перед собой, кривить душой не получится. Наверное, кое-что из этого сумею сказать лично, если увидимся, но такой уверенности у меня нет, да и сомневаюсь в целесообразности этого общения. Ведь и без того всё ясно. Это я в машине был вне сознания, под напором эмоций, даже какую-то пошлую уверенность в продолжение наших отношений высказывал. Бред! Ты легла под него, ещё не закончив нашей жизни, и этим всё сказано. С сегодняшнего дня ты умерла для меня, та, которая одаривала стонами и ласками другого, когда я ещё ждал, да и ты подавала надежду.

Во мне навсегда останется та женщина, по душе ещё девчонка, почти ребёнок, которая, что-то говоря, вытирала пол в своём кабинете, которая робко села в машину, а потом пряталась от меня, совсем не так, как сегодня, а скрывалась и была уверена, что всё равно придёшь. И ты пришла, я стоял перед тобой на коленях и целовал неловко твои руки, потом губы, ты жалась и дрожала, а я не знал, как предложить, потому что страшно было, боялся. Это я с виду такой храбрый и независимый, а на самом деле стеснительный и неловкий. Твое «можно» звучит в моих ушах, и это как награда, как гарантия счастья на долгие годы, которые заменены пятью годами, и всё. А потом были дни и ночи, каждую минуту ожидание встречи, твоё свечение от счастья рядом со мной. По мгновениям можно восстановить нашу жизнь, по сладким минутам в постели, в машине, в холодной избе в деревне и на дорожном морозе, нам всё было в радость, и это правда.

Я часто сомневался, хорошо ли тебе со мной, ты сейчас можешь оспорить, мол, не то! не то! и это будет ложь в угоду сегодняшнему твоему увлечению. Я напрасно сказал, что не ревную, напрасно, успокоить тебя хотел, ревную, страшно ревную и ненавижу, это его появление лишило меня жизни, потому не могу желать ему ничего хорошего. Ты всегда уверяла, что тебе хорошо со мной, но я и без того знал, видел, никогда не испытывал такого чувства с женщиной, и гордился, что женщина вскрикивает, закрывает глаза и на грани сознания. Вот что есть жизнь. По километрам можно пройти все наши дороги, где останавливались, чтобы захлебнуться в объятиях друг друга, где кушали твои изобретения в горшочках, где арбуз резали и смеялись. Это было счастье, и ты не можешь говорить другое, если есть в тебе хоть капля памяти.

Виноват ли я перед тобой? Наверное, виноват, потому что ты так считаешь, поводы обижаться у тебя действительно были, но причины не было. Все твои обвинения безосновательны. Нет этого, а ты

придумала. А вот что есть, точнее, было – безмятежность, беззаботность оттого, что ты со мной и всегда будешь, может, потому и допускал иногда недопустимое. Ты окончательно убедила меня в нескончаемости наших чувств во время моей болезни. А ты, вместо того, чтобы сразу поправить, уточнить, попытать – копила всё до последнего часа, а потом вывалила на меня обвинения как оправдание собственной измены.

Та женщина пятилетней давности, робкая, скромная, благодарная, навсегда останется со мной, она дорога мне и всегда будет, а у тебя теперь другая жизнь, и не думай, что она получится лучше. Ты в эти дни передо мной агрессивна и напориста, ну, почти безвинно пострадавшая и теперь жаждущая отмщения, мстящая даже ненужными мне подробностями типа телефонных часовых разговоров и веселых шуток очередного увлечения, которое, как и все до меня, не будет долгим. Ты взяла неверный тон расставания со мной, ты сначала изменила, а потом призналась со смехом. Да, я обещал, что не буду мешать твоему будущему, но никак не предполагал, что окажусь в таком неприглядном виде. Ты помнишь, я спросил, где ты встречалась с предыдущими, ты увернулась от ответа, да я и не настаивал, оказывается, проблем нет, у вас в порядке вещей делать это в родительском доме в их присутствии, по соседству с комнатой юной дочери. Это уже не диагноз, это чёрт знает, что такое.

А мне очень жалко, что так расстались, ведь я сильно любил тебя, даже сам не знал, как сильно. Ты многое из моих мыслей знаешь, помнишь, что я всегда вопрошал: любовь – это дар или наказание? Ты утверждала, что ты – это дар, подарок судьбы. Мы ещё шутили по этому поводу: да, судьбы, но злодейки. Душа моя пережила сильнейшую встряску, что-то начало работать в сердце и в голове, сочиняю серьёзную вещь. И жить буду долго тебе назло, и ты будешь знать, слышать обо мне и вспоминать, что это тот самый, который столько лет был любимым и самым близким, который находил самые сокровенные места для ласки, и мы оба теряли контроль над происходящим, которого ты ласкала так, как и не можно придумать, вспомни, тогда, в городской стороне. И после всего этого ты меня бросила. Это печально. Ты сильно пожалеешь, что так поступила.

Прости меня за прямоту, за всё прости, да и мне откровения дорого обходятся. Я напишу об этом музыку, и ты услышишь мою боль и узнаешь мою любовь. И вспомнишь. Память ведь тоже мстит.

2 часа ночи на 28 апреля.

Читать не буду утром, чтобы что-то исправить, пусть будет так, как чувствую сейчас».

Дневник, дата не указана.

«Господи, что происходит?! Я схожу с ума. Ненавижу! И не могу без неё. Во мне два человека, и они никогда не поймут друг друга. Как жить дальше?».

Из письма от 1 мая.

«Вы получили моё письмо и прочли его, потому что последовал телефонный звонок. Из моего страстного и многостраничного плача и гнева Вы обратили внимание только на один пассаж, где я возмущаюсь глубиной Вашего нравственного падения, коли первую ночь с новым мужчиной провели в родительском доме по соседству с комнатой юной дочери. Вы пытались объяснить, что было как-то по-другому, на что я ответил, что не хочу говорить, и выключил аппарат. И напрасно, между прочим, отказал себе в удовольствии донести до Вашего сознания, что с некоторых пор мне совершенно всё равно, где Вас, извините, мнут: под забором, на куче мусора, в кузове «камаза» или в салоне его «серебристой машины». Вам это покажется неправдой, слишком долго я убеждал, что не отпущу тебя, никому не отдам, никто не имеет на тебя права, потому что ты моя, и ты уверовала, что я раб навеки и что даже из своего нового положения можешь управлять моим сознанием. Это заблуждение. Я теперь свободен от предрассудка зависимости, музыка заменила мне всё и всех, я много пишу и очень редко отвлекаюсь на телесные и душевные порывы.

И ты исчезнешь навсегда, твоё ненавистное мне выражение не затмит, а высветит светлый образ той женщины, чувства которой были направлены только ко мне, и я буду опутан этими чувствами и опьянён ими. Всё прочее материальное сгинет – твои плечи, которые я любил гладить и целовать, твои груди, в которые зарывался и задыхался от нахлынувших страстей, твои бёдра, оголённые и молочные, сбивавшие с толку, когда ты входила, чтобы вынуть меня из-за рояля и повести на кухню, где всё шкварчало и шипело, а дух стоял такой, что желудку становилось грустно и он страдал».

Эти записи последние, дата не указана:

«Теперь твоё редкое явление на улице, когда я иду по своим надобностям в магазин или на почту, а ты возвращаешься с работы и

появляешься на тротуаре с противоположной стороны, я воспринимаю как назойливую попытку прошлого напомнить, я не смотрю на тебя, чтобы не вернуть тебя в гаснущую память. Так что и в мыслях тебя нет, лишь изредка, когда мозг освобождается от серьёзной работы, вдруг вспыхнет какой-то момент нашей совместной жизни, неловкая твоя фраза, которых было в избытке на первом году наших встреч, вспыхнет, чтобы тут же погаснуть под напором моей воли: забудь!»

«Ты разрушила мой мир, который был создан тобой и с тобой, и без тебя немыслим, не способен жить, он мертв. Мысль о смерти всё чаще возникает в моем горящем мозгу. Сегодня я записал траурный марш, впервые, никогда не думал, что притронусь к этой теме. Гордиться нечем, но музыка получилась, я писал её, стоя над своим гробом, оплакивая себя и благословляя нашу любовь, поднимая над своим горем твой образ, который теперь уже ненавижу».

«Кто он, этот третий, ворвавшийся в нашу жизнь, я не хочу его знать, даже имя не хочу, но как он посмел, по какому праву? Если мы любили друг друга так, как я понимаю нашу любовь, никто не мог втиснуться в наши чувства и развести их. Значит, это ты допустила возможность сосуществования с третьим, в этом только твоя вина, и ты за неё ответишь – не передо мной, я не очень соответствую, ты ответишь своей судьбой, которая не может состояться без меня. У тебя всё рухнет, но меня уже не будет рядом, и тебе останется горько вспоминать наши минуты и годы».

«Я ещё не полной мерой осознал, что станет после твоего ухода из моей жизни, судя по тому, что ты значила для меня всегда, твоё исчезновение будет равно утрате музыки, звуков и даже не в том смысле, что перестану их слышать, нет, всё много сложнее. Бетховен утратил слух в конце жизни, но он не утратил способность слышать и воспроизводить музыку. Я потеряю не звуки, я лишусь самой способности слышать их».

«Ты предложила мне страшный выбор и только теперь я понимаю, что если смогу преодолеть твоё предательство, то вечное страдание будет питать живою кровью мою музыку, а коли не одолею и сломаюсь, в любом виде – значит, слаб духовно и недостоин большой музыки и таланта».

«Сегодняшней ночью мне был сон, он весь состоял из видений и звуков. Я часто вижу сны, но они почти никогда не бывают интересными, напротив, часто приносят дурное состояние души и смутные ожидания, к тому же я всегда забываю содержание, от сна остаётся только настроение, чаще всего скверное. Нынешний сон необычен тем, что он вторгся в мою реальную жизнь и коснулся самого больного и даже запретного. Мне приснилось, что Нина вернулась, не могу сказать, как это произошло, помню уже с того момента, когда мы вместе, она лежит в моей постели, как это часто бывало, совершенно нагая и улыбающаяся, а я стою перед нею на коленях и любуюсь её красотой. Во сне мне вспомнилась поэтическая строчка «...как рыба линия бедра», и это было правдой, но что-то сильное, сильнее страстного желания, удерживало меня коснуться зовущего тела. Она улыбалась, и игривая зазывная мелодия безобразно вязла в ушах, а я всё искал в себе причину собственного сопротивления. Потом она приподнялась и взяла меня за руку. Мелодия оборвалась, я отбросил её холодную ладонь, и всё вокруг наполнилось тревожными и грустными звуками. В то мгновение я понял, что не смогу простить измену и никогда не прикоснусь к женщине, которую очень люблю. А жить как?».

Эта СМСка была отправлена на её номер 6 мая в 04.16 утра. Столкновение легкового «мерседеса» и грузовой «вольво», как записано в протоколе осмотра места происшествия, произошло через четыре минуты.

«Дорогая и любимая, решение я принял, ты сейчас спишь, спи до утра, утром тебе всё скажут. Потеряв любовь, я теряю жизнь. Прощай».

Господин редактор, поручаю Вам эту историю, опубликуйте и прославьте любовь хорошего человека, а женщинам пусть будет грустно от таких последствий.

Остаюсь с надеждой –
Анатолий Шешунов,
капитан милиции в отставке.

БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ
Россаказ

Ах, какое белое платье, такое белое, что глазам больно, и не бывает в нашем клубе таких белых платьев, и как оно кружится в такт своенравной музыке нашего баяниста Вити Бодри, Бодренького, таких баянистов больше нет, хоть весь сельсовет объехай или даже весь район. Витина музыка сговорилась с белым платьем, и уже все другие поуселись по угольям, беззлобно шепчась, и только это платье, за которым Никита только теперь заметил тщедушную фигурку Лени Ермохина, лучшего из танцоров деревни, но тут он оказался на подхвате и только легонько придерживал крепкую фигуру девушки, наслаждавшуюся танцем и заставляющую любоваться ею. Танец окончился, все шумно вздохнули, девушка в белом села на стульчик и белым же платком аккуратно вытерла лоб. Никита смотрел и глазам своим не верил: это же Валя, Валя Андреева, лет семь назад они уехали в город, и Валя в деревне больше не появлялась, хотя старшая сестра Галина живет здесь всегда.

Вот это место он очень хорошо помнит: она на стуле, парни вокруг, но никто не подходит, оттанцевавший Ермохин не в счет, надо что-то такое придумать, чтобы обратить на себя внимание, Валя может и не помнить его, так что и не перебрать бы.

– Третий – лишний! – дерзко крикнул Никита и пары стали образовываться, становясь в круг, он быстро подошел к Вале:

– Вставайте впереди меня, во всяком случае, мне первому перепадет. Вы знаете эту игру?

– Конечно, помню, я же афонская. – Она пыталась обернуться, чтобы лучше рассмотреть партнера, но Никита остановил:

– Не вертись, сейчас начнутся гонки, даю слово, что к тебе первой встанут.

– Почему ты так уверен?

– Потому что знаю. Если бы я бежал, разве отказал бы себе в удо-

вольствии постоять рядом с красивой девушкой, да еще знать, что напарник ее уже получил доброго ремня.

– А что, сильно бьют?

– Кто как. Вот он!

Убегавший от догонявшего с ремнем Миша Пожарник, он в детстве избушку свою поджог, проскочил было мимо, а потом резко вернулся и встал впереди Вали. Генка Зубцов этот приёмчик знал и хорошо подготовился, ремень опоясал спину Никиты, он его перехватил и кинулся за Генкой. Тот расплаты ждать не стал, быстро примкнул к кому-то и вышел из активной игры. Гонка усиливалась, он снова увидел Валю на стульчике, бросил свою пару и подошел.

– Сильно тебя ударили? – спросила она.

– Сойдет, как всегда.

– Дурацкая игра. Со злостью.

– Это из-за тебя.

– А я тут при чем?

– Есть в этом что-то.

– Тогда давай уйдем? – она смело вскинула бровки.

Они вышли вместе под взгляды притихшего зала

Было начало августа, прошли сильные дожди, потому все деревенские работы остановились. Небо вызвездилось, и звезды висели прямо на тополях. Лужи приходилось обходить, потому что Валины туфельки были явно не по погоде.

– Как ты меня узнал? Ведь мы не виделись столько лет. Я училась во втором, а ты?

– В четвертом. Я тогда был в тебя влюблен.

Валя засмеялась:

– Во второклассницу? И ты это помнишь?

Он тогда наговорил ей много красивых слов. Например, что он знал, эта второклассница когда-то приедет сюда самой красивой девушкой и всех сведет с ума, особенно студента первого курса университета, она смеялась и не хотела верить, что Никита уже в то время был влюблен. Тогда он остановился, обнял ее за округлые крепкие плечи и сказал:

– Понимаешь, я мог бы потерять эти события во времени, но есть точная временная фиксация. В марте, в тот год, как вы уехали, умерла моя мама, и ты вместе с Люсей и Катей приходила к нашей избе, когда начались похороны. Я как сейчас вижу тебя на вершине снежной кучи, наваленной у расчищенных ворот.

Она поежилась и попросила больше не вспоминать о грустном.

– Я говорю тебе истинную правду, Валюша, мне всегда в эти годы казалось, что мы встретимся.

– Ладно, поверю, хотя ты определенно врешь, ты ведь не сразу узнал меня.

– Не сразу, – согласился Никита. – Ты стала такая взрослая, не скажешь, что шестнадцать лет. Знаешь что, пойдем, переоденься, погуляем по деревне...

– Ты меня на озеро своди, где мы купались. Сводишь? А платье, туфли – высохнут, постираю, почищу. Пошли.

Озеро – это слишком громко сказано о старице, но она была в те годы широка и чиста, делилась с народом рыбой, и расходилась в обе стороны узким и широким рукавами, которые соответственно и прозваны были Большим и Малым омутами. Они спустились по песчаному склону, вода была тиха и парила, легкое марево плыло над водой волшебной пеленой. Табун гусей спал прямо на воде, спрятав головы под крыло. Гуси были белыми и нежными. Валя схватила Никиту за руку и прошептала:

– Только тихо, не спугни.

Они сели на прохладное дно перевернутой лодки и молча смотрели на воду. Никита чувствовал, что сейчас ничего нельзя говорить, она не даст, еще обидится. Он подвинулся ближе и приголубил ее, набросив пиджак. Девушка уткнулась лицом в его плечо.

– Никита, мне стало грустно тут, вспомнилось детство, как мы загорали вон там, за камышами, чтобы ребятишки не видели. Скажи, ведь хорошо тогда было?

– А мне сейчас еще лучше. Валя, я хочу поцеловать тебя.

– Я тоже. Поцелуй, мне так славно здесь.

Она стряхнула никиткин пиджак и тихонько легла на дно лодки. Никита стал перед ней на колени и легонько прикоснулся к девичьим губам. Валя улыбнулась, Никита хотел что-то спросить, но она опередила:

– Целуй, Никитушка, очень хочу целоваться.

Она сама ухватила его губы и чмокнула громко, как будто специально. Осмелев, он расстегнул ворот платья и со страхом коснулся ее грудей, беззащитных и желанных. Валя на мгновение прижалась к нему всем телом, вздрогнула, а потом приподняла его голову:

– Не надо больше, ладно?

– Валя, милая, я же люблю тебя.

Она осторожно подвинула его и села.

– Глупые мы, что ли? Или ты юноша многоопытный, заманил девчонку в тихий угол, любовью дорожку выстелил?

Никита испугался, вот это он точно помнит, что испугался, действительно, Валя могла про него подумать. А он не такой, он же любил.

– Смешные мы, правда, Никита? Ты говоришь, что с четвертого класса меня любишь, это уже шесть лет, солидно. Я почему-то тоже тебя помнила. Когда мы вместе из школы шли, и у Поповых собака на меня кинулась, а ты навстречу побежал, и она тебе ноги покусала. Моя мама йодом смазывала и забинтовала. Помнишь?

– Да. И ты это запомнила? А еще что? Как я тебе открытки присылал по почте, как ваша учительница меня от окошек вашего класса гнала, я сбегал с уроков, чтобы на тебя смотреть.

Валя уткнулась ему в грудь и смеялась:

– И тебе влетело?

– На педсовет вызывали, но быстро отпустили, директором у нас Иван Степанович был, он понял, в чем дело и отпустил. Это он мне потом сказал, когда я в среднюю школу пришел, а он там историю вел.

От воды потянуло прохладой и запахло дождем. В ночное время дождь всегда чувствуется.

– Валя, надо ближе к дому, дождь будет.

Она не хотела уходить.

– Ты знаешь, как мне хорошо здесь, так бы и жила на берегу.

– Пойдем, дождь будет. Ты не можешь идти? Тогда я тебя понесу на руках.

Да, напрасно тогда Никитка так опрометчиво вызвался в носильщики, но слово не воробей.

– Согласна. Меня еще никто на руках не носил.

Никита осторожно просунул руку под ее колени, другой рукой прижал к себе за талию и велел держаться за шею. Подъем в гору, всегда плоский и невысокий, оказался бесконечным. Валя мурлыкала под ухо какую-то мелодию, а сердце Никиты готово было выпрыгнуть и убежать вперед. Осторожно поставив Валю на землю, он с трудом успокоил дыхание. Валя обняла его нежно и сказала:

– Никита, прости, ты так свел меня с ума, что я забылась. Меня нельзя носить, я тяжелая.

Они успели дойти до Галининого дома, когда начался дождь, Валя наотрез отказалась идти домой, хотя укрыться было негде: дом достраивался, ни одного крытого навеса. Прямо посреди ограды стоял трактор Гриши, мужа Галины.

– Никитка, давай в трактор.

– Ты с ума сошла, в белом платье в трактор, Валя!

– Да, я сошла с ума, и ничто мне не помешает целоваться с любимым парнем хоть в тракторе, хоть где.

Да, трактор тот надо было сохранить и выставить в музее, Никита за всю свою долгую жизнь ничего похожего не слышал. Просто так в тракторе – сколько угодно, но в белом платье в шестнадцать лет...

Они просидели в тракторе до рассвета, она спала на его коленях, запрокинув головку, он бережно целовал ее вздрагивающие губы, шею, она что-то сонно ворчала, потом поднималась, и целовала его лицо, голову, руки:

– Никита, со мной правда что-то неладное, я не могу от тебя уйти. Смотри, уже совсем светло.

Стукнула дверь, заспанная Галина с подойником пошла к корове. Увидев гостей в кабине, она остановилась:

– Ребятишки, вы не с ума ли сошли? Валька, в новом платье, теперь до него не достираться. Шли бы в дом, там целая комната свободная.

Они опять целовались у крыльца, на крыльце, в дверях. Они и думать не могли, что все это в последний раз.

Утром Никите принесли телеграмму из университета, что какие-то неувязки в документах и надо приехать в приемную комиссию. Он забежал к Галине, но та ответила, что Валя спит, и она сама ей все передаст. Разборки в университете затянулись, потом пригласили на ремонт общежития, если хочешь место получить. В деревню Никита вернулся в конце августа, Валя уже уехала в город, Галя проворчала, что надо было меньше по тракторам лазить. Вечером подошел Генка Зубцов:

– Ну, проездил свою кралю? Она тут без тебя оторвала куцему хвост, со всеми крутила.

– Врешь ты, Генка, – спокойно сказал Никита.

– Да мне-то хоть бы хны, только мы животы надсадили, хохотали, как ты ее на бугор волок.

– Откуда ты знаешь? – Никита схватил Генку за ворот.

– Отвянь! – Генка лениво отмахнулся. – Толи сама рассказала, толи видел кто.

Никита места себе не мог изобрать, такие подробности их разговоров по деревне гуляли, что только сама Валя могла сказать. Было до слез обидно, что такое чистое, светлое втоптали в грязь. Пойти к Галине и взять у нее адрес, пусть сама объяснит. А если действитель-

но все было просто игрой, и она поделилась результатами с подругами? Он собрал вещи и уехал в Свердловск на три дня раньше срока.

Много лет позже он случайно узнал, что все видел и слышал Гоша Эстремский, пожилой мужичок, живущий на берегу, который вышел попроведать гусей и услышал шепотки у воды. Присел у прясла, да так и стал свидетелем. Никитка, говорит, чуть меня не стоптал, когда девицу волок. Кому-то очень удачно рассказал увиденное Гоша, раз через пару дней знала вся деревня.

Тогда же Никита зашел к Галине. Гриша был на работе, Галя поставила чай, Никита прошел в горницу, смотрел фотокарточки в рамках на стене. Сердце екнуло: в полный рост снята красивая молодая женщина в белом платье. Годы не изменили ни лица, ни прически, и даже платье казалось знакомым.

– Любуешься? Надо было меньше по тракторам лазить, а брать девку, пока в руки дается. Она ведь потом все мне рассказала. И про сплетки знаю, и она знала. Ты зачем поверил-то? Я ей пишу, что ты извелся весь, а она свое: приедет, если вправду любит. А если так, что только белое платье измять, то оно и к лучшему. Вот какая натура!

– Где она теперь?

– Обожди, я письмо найду, мне не высказать.

«Живем мы хорошо, я недавно повышение получила, теперь помощник прокурора города, а это все-таки столица республики. Я тут снов насмотрелась, и папу, и деревню, и как мы с тем парнем на озере были. Проснулась, вспомнила весь этот август проклятый, и до того мне жалко стало белого мазутного платья, которое ты выбросила на тряпки, что я поехала в мастерскую и заказала точно такое. Закройщица говорит, что сейчас такие не носят, а я ответила, что хочу вспомнить себя шестнадцатилетней. Вот, высылаю фотографию».

Никита в ту ночь тоже видел сны, один сплошной сон танца белого платья под музыку Вити Бодри. Он силился рассмотреть лицо, но платье удачно прикрывалось рукавом, и ничего он не увидел. Проснулся, когда жена больно ткнула в плечо:

– Повернись на бок, ты вроде плачешь.

Никита повернулся и вытер мокрое лицо висевшим на стуле полотенцем.

2.12.11, 2 часа ночи – 3.12 .11, 4 часа дня.

ЛИДА
Рассказ

Поздней осенью ему сообщили по телефону, что на родине умер давний его товарищ, с которым куролесили в комсомольскую молодость, да и в зрелые годы частенько встречались, отмечая радостные воспоминания полуночными застольями. Он долго болел, умирал тяжело, но, бывая в селе, Михаил не заходил в его дом: какая-то вина появилась перед человеком, вот он лежит, а ты здоровый. Но на похороны приехал, проводил до исхудавшего деревенского кладбища на родине друга, да и деревни почти совсем нет, так, несколько домов. Но такова была его воля. С кладбища все заторопились в райцентровскую столовую, где уже стыл горячий обед, Михаил отстал от колонны машин и оглядывал окрестности. Вот тут хорошие были сенокосы – все позаросло кустарником и камышом, на тех увалах добрый хлеб молотили, теперь, похоже, не пашут. Чуть в стороне остается деревня Паленка, она вся вымерла, едва теплятся несколько усадеб. А ведь было отделение совхоза, вот тут клуб был, кино крутили... Клуб...

Молодым парнем работал он в райкоме комсомола, жил у сестры на вольных хлебах, домой приезжал редко. А уборка та, это конец шестидесятых, замечательная была, за всю осень ни одного дождя, урожай хоть и не очень богатый, но зерно сухое. Настроение у начальства отличное, вот и отпустил первый секретарь своего инструктора в родную деревню отдохнуть дня на три.

...Михаил вышел из машины и прошел пешком сотню метров. Вот тут был мостик, грязь болотную заваливали бревнами, а потом присыпали сухой землей. Большак проложили чуть в стороне, но к мостику Михаил подошел. Густой травой заросла дорога, если бы не бдительная память, ни за что не узнать.

У хлебоуборки выделялись два промежуточных финиша: обмолот хлебов и отправка зерна в госпоставки. Когда комбайнеры уже бражничали, на складах шла круглосуточная работа, зерно отвевали, грузили в машины и отправляли на элеватор. Каждый год помогать крестьянам приезжали тысячи горожан, в основном студенты и молодой рабочий класс с фабрик местной промышленности.

После бани Михаил вытащил из сарая велосипед, подкачал колеса и поехал в сторону центра. Коров уже прибрали, деревня успокаивалась и готовилась ко сну. Не встретив никого из парней, Михаил остановил пацана:

– Где ребятишки собираются?

– Как – где? В Паленке.

– А чо в Паленке-то?

– Дак там студентки уборочницы живут.

Через десять минут Михаил был уже у маленького сельского клуба, половину которого, отгороженную висящими на веревках суконными одеялами, занимали студентки. Ребята нехотя здоровались, лишний конкурент никого не радовал.

– Ты пойми, Миша, – Славка горячо дышал ему в лицо. – Девчонки уже две недели тут, всех поделили.

– Ладно. Откуда они?

– С Ишима. Со швейной фабрики. Студентки.

Студентами тогда называли всю молодежь, приезжающую на уборку, так повелось, и всем было понятно.

Темнело, несколько девушек стали собираться в ночную смену, Михаил со Славкой протянули от розетки провод и над умывальником подвесили лампочку. Три девчонки пришли со склада, под фонарем размотали платки и стали разными: русая, рыжая, темненькая.

– Кто же догадался фонарь повесить? Не тот ли хлыщ? – безразлично спросила рыжая.

– Да, новенький кавалер подъехал, расстарался.

Рыжая уже забыла про фонарь и про хлыща. Славка толкнул в бок:

– Вот она свободна, но никого до себя не допускает. Попробуй.

– Ты объясни, она психованная или через чур гордая? Тоже мне: хлыщ!

– А хрен ее знает, несколько парней подклинивали, отшила, даже на смех подняла.

– Ладно, не буду на рожон лезть.

Вторую половину зала стали готовить для танцев, хотели подмести веником, поднялась пыль, Михаил взял ведро воды, большую тряпку и смачно протер пол. Девчонкам понравилось, они стояли полукругом и устроили аплодисменты. Рыжеволосая в свеженьком халате и тюрбаном банного полотенца на голове выглянула из-за одеяла. Михаил удивился, что она умудрилась где-то помыться.

– В чью честь овации? – заинтересованно спросила она.

Михаил отжал тряпку и бросил ее в пустое ведро:

– Представьте, какая несправедливость: когда вы, усталые и за-

пыленные, пришли со смены, толпа встретила вас почти молчанием. И это настоящих героев! А тут какой-то хлыщ элементарно драит загаженный танцевальный пол, и ему бьют в ладоши!

– Странно, но я с вами согласна, – и она скрылась за одеялом. Радиола скрипела невнятно, да никто и не слушал, рассосались по углам, шушукались, несколько пар удалились на улицу. Михаил остановил маленькую говорливую девчонку:

– Рыжую вашу как зовут?

– А ты пойди, познакомься.

– Неудобно, в ночное время в дамские апартаменты. Пойди, позови ее.

– Не пойдет, – убежденно сказала Маленькая.

– Может, она нездорова? Так скажи, что я в армии служил по медицинской части, могу помочь.

– Сходи, что тебе стоит? – поддержал Сашка Связин, ее кавалер.

Маленькая нырнула, и долго по ту сторону одеял шуршали девичьи шепотки. Михаил стоял у холодной круглой печи и прикидывал: бросить все и уехать в село, или дождаться, чем кончится эта рыжеватая история.

Девушка вышла неожиданно эффектно. Тонкое шелковое платье облегало ее фигуру, высокая прическа делала еще стройней. Михаил сделал шаг навстречу и неожиданно поклонился.

– У нас с вами как при королевских дворах. Вы пригласили погулять, так пойдемте, а то мне утром в смену, спать уже не остается.

Деревня была тускло освещена, но лунный свет желанней и романтичней, Михаил предложил пойти по дороге в сторону села. Молчали.

– Куда делся ваш порыв красноречия?

– Не знаю, с чего начать. Меня зовут Михаил, лучше Миша.

– А я Лида.

– Редкое имя.

– Все молодые люди всегда так говорят.

– У вас большой опыт общения с молодыми людьми?

– Если вы, Миша, хотели меня обидеть, вам это не удалось. Я люблю читать, и об этом пишут в книгах.

– Вы окончили школу?

– Нет.

– А как попали на швейную фабрику?

Лида промолчала.

– Мне сказали, что вы работаете в райкоме комсомола?

– Да, но надо поступать учиться.

– Я тоже очень хотела учиться

– Лида, почему вы не приняли ухаживания наших парней?

– Согласитесь, вы задаете странный вопрос, ведь задружи я с вашими парнями, вы сегодня остались бы без пары. Или вам это все равно?

– Нет. Мне нравится, что вы согласились прогуляться со мной.

– Не надо меня обманывать, вам нравится, что я до того ни с кем не гуляла, а с вами согласилась. Ведь правда?

– Лида, вы меня запутали. Да, мне нравится, что вы пошли со мной, ну, и что здесь неприличного? Если вы думаете, что завтра я буду этим гордиться и ставить себя выше моих друзей, то ошибаетесь.

– Тогда скажите, почему вы так настойчиво добивались моего внимания?

– Честно?

– Да!

– Потому что ты мне очень понравилась, сразу, еще как платочек сбросила. Я даже про хлыща не сразу заметил. Лидочка! – Он осторожно повернул ее за плечи, ощутив некстати подвернувшуюся под руку лямочку, и смело поцеловал в полураскрытые губы. Она взяла в ладони его лицо и посмотрела в глаза. Он еще раз крепко поцеловал ее. Лида заплакала.

Михаил хорошо помнил тот момент, и было это именно тут, на мостике. Он уже тогда заметил, что Лида плакала не от радости и счастья, а горько, страдальчески.

– Лидочка, я обидел тебя? Прости, родная, ты очень мне нравишься, я не мог удержаться.

– Мишенька, мне так счастливо никогда не будет больше. Твой поцелуй такой верный и любящий. Так не поцелует парень от нечего делать.

Да, так оно и было. Странно, но вдруг вспомнились такие слова и детали, которые лежали в дальнем углу памяти, а сейчас всплывали, желанные и родные. Они долго еще гуляли по пустынной дороге, пока Михаил вспомнил, что Лиде завтра на смену. Она сказала:

– Давай у клуба простимся просто так, чтобы никто не видел, что мы целуемся, ладно?

На другой день он приехал на Паленский склад к обеду, девчонки встретили его радостным визгом, он поочередно отстранял их от вороха пшеницы, давая отдохнуть, а сам широкими взмахами загонял под транспортер зерно, и кузов быстро наполнялся поверх бортов. Лида ничем не показала особого к нему отношения, а ему так хотелось, чтобы и девчонки, и бабы их деревни, и шофера автоколонны знали, что вот эту красивую девушку он вчера всю ночь целовал вон на том деревенском проселке. За час до пересмены он уехал, ничего не сказав, поставил па-

ленской знакомой бабушке Фросе бутылку водки, она разрешила вымыть студенток в бане. Михаил сам натаскал воды, разжег котел, наломал свежих, хотя и запоздалых, веников, вымыл полок и пол. На складе посадил Маленькую на багажник велосипеда и привез в клуб:

– Возьми для каждой только по плавочкам и халатику чистому, в баню вас поведу.

Вечером приехал, когда уже стемнело, пришлось с отцом править нарушенную скотиной изгородь. Лида встретила его вот на этом мостике, прижалась всем тельцем, сердечко прыгает.

– Миша, ничего не говори, я полюбила тебя насовсем, я так боялась, что может случиться, и оно так вышло. Мне говорила мама, но когда мы слушаем маму? – Она плакала и не убирала слез.

– Лидочка, радоваться надо, а не плакать, я тоже люблю тебя, ты мне такая родная, что слов нет. Лида, выходи за меня замуж, я живу у сестры, она примет нас, а потом квартиру дадут. И работа. В бытовом обслуживании швейный цех есть. Поедем после уборки к твоим родителям, а к моим хоть завтра, они в этом селе.

Лида опять взяла в руки его лицо и глубоко посмотрела в глаза.

– Миша, ты правду говоришь, и это особенно горько. Мы никогда не можем быть мужем и женой.

– Почему?

– Мы очень разные. Я немка, лютеранка, ты православный русский. Мои родители никогда не согласятся на такой брак.

Михаил засмеялся:

– Лидочка, милая, двадцатый век на дворе, причем здесь твой Лютер и мой Христос? Они будут против нашей любви? Да я любого ортодокса сумею убедить, что любовь угодна всякой вере!

– И все равно мы разные. Ты умный парень, будешь учиться, станешь большим человеком, а я простая швея.

– И что? Вот скажи, у министра обороны жена кто? Генерал? Простая женщина. И ты у меня будешь хорошей хозяйкой в доме.

Лида отошла от него на полшага и тихо сказала:

– Миша, я не девушка от Володьки, это мой парень, он сейчас плавает по Иртышу от Омского пароходства.

– Лида!

– Ты должен жениться на девушке, чтобы никто, кроме тебя, не прикасался к ней. Я уже не могу быть твоей женой.

– Лида, это такой бред, средневековье!

– Совсем нет. Я всю жизнь прожила в такой семье, мама не девушкой досталась отцу. Они родили троих детей, но отец постоянно

упрекал и даже бил маму. Это я его слова повторила, что никто не должен прикасаться к жене, кроме тебя.

Лида уже взяла себя в руки и говорила спокойно и убежденно, зато Михаила било, как в лихорадке, он не мог ни чего возразить на несложные, но такие непреодолимые аргументы девушки...

...Михаил вернулся к машине. Что же было потом? Два вечера он не приезжал. Потом ему сказали, что все девчонки уговаривали ее согласиться, она плакала, но отказывалась. Потом им дали расчет, и сказали, что утренним автобусом отправят в Ишим. Они с ребятами решили устроить прощальный ужин. Он объехал все магазины райцентра и в одном увидел вино «Лидия». Купил целый портфель и привез в деревню. Когда стол был уже накрыт, выставил бутылки «Лидия». Все были поражены. Лида отнеслась к этому спокойно и почти равнодушно.

Видно, так было задумано, что через пару часов они остались в клубе одни, молодежь шумела где-то далеко в улице.

– Спасибо тебе за вино, милый, это так приятно. Никогда больше я этого не почувствую.

Михаил обнял ее и тихонько положил на кровать, целуя и пытаясь расстегнуть блузку.

– Мишенька, блузка на кнопках, а не на пуговичках. Я тоже очень хочу быть с тобой, но это не случится. Понимаешь, я слишком сильно тебя люблю.

Они вышли на улицу, сошлись с основной кампанией, и никто не верил, что ничего не произошло.

Михаил вдруг вспомнил: он же потом ездил к Лиде в Ишим! Та самая Маленькая дала ему адрес: сразу за автовокзалом, четвертый домик справа, а фамилия Брэм. Знакомая фамилия, какой-то ученый справочник животного мира составил, кажется. Он быстро нашел маленький беленый домик с плетеным заборчиком, на лай собачки вышла женщина, очень похожая на дочь. Михаил поздоровался и спросил Лиду. Женщина ответила, что она уехала в Омск.

– Простите, а вы Миша?

– Да.

– Лида просила передать, что все правда, вы понимаете, о чем. И еще просила ее не искать.

Михаил выехал на большак и на тихой скорости проехал по тому месту, где они гуляли с Лидой. Какая умная и проницательная девчонка! Какая красавица! И как во многом она оказалась права.

16 ноября 2011 года. 1 час 54 мин.

ЕЛЕНА ИЗ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ
Рассказ

День выдался сумасшедшим, пять часов мы гоняли лося, пересекая взрыхленные поля, мелколесья, несколько раз стреляли, но толи расстояние большое, толи выстрелы были откровенно неудачными, зверь уходил. Тем не менее, кровь по следу появилась, а стоявший на выходе из леса водитель хозяина сообщил по телефону, что лось только что прошел в полукилометре от него и припадает в правую сторону.

– Ранен в обе ноги, это точно, надо гнать, – скомандовал егерь.

Снег был не очень глубокий, но отсутствие тренировок троих бойцов скоро вывело из строя. Геннадий остановился, достал из-за пазухи мобильник:

– Все, командир, мы втроем, я, Иван и Андрей, уходим на базу.

Тот, видимо, сказал что-то о праве на пайку.

– Да пошел ты со своим мясом!

Едва уставшие неудачники дошли до фазенды, в глубине леса прогремели выстрелы и шеф скомандовал водителям, чтобы гнали пару снегоходов. Японские моторы взревели в морозном воздухе, и через час снегоходы приволокли тушу лося и взмокших охотников на длинном фале.

Пока рабочие разделывали тушу, мужики парились в горячей бане, то и дело выскакивая на снег и купаясь в нем, протирая друг другу спины. В белоснежных байковых простынях, похожие на римских патрициев, охотники упали на низенькие диваны в огромном зале с большим круглым и очень низким столом. Двое молодых людей в белых костюмах и колпаках внесли серебряный поднос, на котором красовалась целиком зажаренная косуля, оставшаяся от вчерашней охоты. Еще на одном подносе в глубоких тарелках нежились груздочки, торчали соленые огурцы и помидоры, крупными кусками вершились несколько посудин с нельмой, осетриной, лососем и местным сырком. Горячая картошка аккуратно сложена горкой и дышала как вулкан.

На столе появились бутылки с коньяками, водкой, бренди и виски, настойками, пивом и даже бражкой. Каждый наливает себе сам – такой порядок. После первого стакана заговорили о сегодняшней гоньбе, кого-то беззлобно ругали, кто-то пытался сердиться. Но все были давнишними друзьями, только Андрей, немолодой уже человек, появился недавно, как друг детства Ивана, и обид никаких не принималось. Когда обсудили все детали охоты, официант доложил, что туша разделана.

– Сегодня делим только ляжки, все остальное ребятам, они славно поработали. Кому заднее бедро?

Кто-то поднял руку.

– Еще одно?

Все молчали. Владимир решительно скомандовал:

– Андрей, ты не стесняйся. Заберешь задок.

– Я даже до конца охоты не выдержал, не имею права.

– По правам здесь я уполномоченный! – Хозяин засмеялся своей шутке. – Ладно, взамен расскажешь какую-нибудь историю.

Выпили еще, рассказали пару анекдотов, и Григорий вспомнил:

– Андрей, с тебя история интересная. Ты столько путался по свету, расскажи.

Андрей сменил позу на низком диване, просто присел на корточки.

– О чем? Белый медведь чуть не задрал, лапой сорвал сзади меховую фуфайку. Падал в пролом в горах, трое суток искали, двое доставали. В Лувре довелось побывать, встречался с Фиделем.

– К черту Фиделя и фуфайку, расскажи про баб. Ты в загранке столько баб видел! – азартно крикнул Григорий.

– Не больше, чем ты по телевизору, а в остальном разницы никакой. – Было заметно, что он никак не может решиться на что-то. – Впрочем, подождите, есть у меня одна история, я ее никому не рассказывал, но она, на мой взгляд, многозначна. По крайней мере, у меня есть основания ее вспоминать и размышлять, все ли я сделал так, как надо было бы. Можно?

– Секс будет?

– Скорее, нет.

– Ладно, валяй.

– Хорошо. Было это в начале моей карьеры, то есть, я был еще на партийной работе, на скромной должности районного уровня. У меня семья, два сына, жена, квартира и перспектива. Но – на одном мероприятии вижу женщину, и все, мне под тридцать, ей чуть за двад-

цать, замужем, дочь годовалая. Мучился недолго, поехал в обком, все рассказал, первый связался с Краснодаром, там был еще Медунов, и после нескольких неприятных процедур я с новой семьей лечу в Краснодар. Было принято решение до урегулирования всех формальностей с разводами и прочим подержать меня в районном городке при райкоме. Но квартиры нет, живу во флигеле, так там зовут наши избушки на ограде. Однажды первый секретарь райкома присылает машину, и меня подвозят к шикарному особняку.

Да, ребенка пришел оформлять в детский сад, а документы на отцову фамилию. Надо сказать, что мне было запрещено придавать огласке развод и новую женитьбу. Но есть бумаги! Я все предельно кратко объяснил заведующей детским садом, и она записала дочь на мою фамилию. Так вот, хозяйка особняка, видимо, предупрежденная, вышла встречать. Бог ты мой, это же наша заведующая Елена Николаевна. Сопровождающий работник райкома говорит, что эта квартира главного инженера-строителя сельхозуправления, но его перевели в область, на днях там решится вопрос с жильем, и мы сможем занять этот домик. Хозяйка встретила радушно, но я этому радушию не поверил. Она пригласила во двор, показала гараж, баню, подвал, что-то еще. Потом пошли в дом, огромные комнаты, по тем временам просто шикарная обстановка. Я отказался заглядывать в комнаты и, чтобы хоть что-то сказать, попросил Елену Николаевну предупредить меня о возможном переезде.

Месяца три мы жили в избушке, хотя никаких проблем, начиналась весна, было тепло, как в Сибири в мае. При встрече Елена Николаевна краснела и отводила глаза, мне тоже было неловко за тот бесцеремонный осмотр. Но у нее-то, оказывается, были другие причины. Наконец, меня пригласили в Краснодар, и я получил назначение в одну из союзных республик. Жену с ребенком отправил к ее родителям, сам остался на один день улаживать дела в райкоме и военкомате. Накануне утром пришел в детский сад и попросил Елену Николаевну подготовить необходимые документы. Она закрыла лицо руками и убежала, но к вечеру бумаги были готовы. Я поручил товарищам отправить по указанному адресу некоторые наши вещи, упаковал чемодан и собрался ложиться спать: моя машина подойдет в пять утра.

Неожиданно в дверь постучали.

– Входите, – довольно громко сказал я.

Вошла Елена Николаевна. Она была очень красиво одета, ее при-

ческа доставляла ей, должно быть, много хлопот, потому что густые вьющиеся волосы казачки непросто было собрать воедино. Но лицо спокойное, я бы даже сказал – решительное. Я так растерялся, что даже не пригласил ее присесть. Она сама спросила:

– Можно присесть?

Я извинился и поставил стул.

– Андрей Иванович, я скажу все коротко и ясно. Я вас заметила сразу, как вы пришли в детсад, отметила, как приятного мужчину. Потом эта неувязка с документами дочки, я узнаю, что это не ваша жена и не ваша дочь. Вы прожили здесь меньше полгода, значит, и с новой семьей столько же, основательно привыкнуть еще не успели. Мою историю вы, наверное, знаете, муж получил квартиру и меня с сыном брать отказался, у него там тоже семья. Итак, я свободная женщина, и вы не станете утверждать, что я не хороша собой. Мне только двадцать пять, сын не будет нам помехой, я рожу вам еще пятерых. Я очень люблю детей. У меня хороший дом, вы видели, есть автомобиль, несколько сберкнижек, короче говоря, в деньгах проблем нет. Я вам предлагаю: не уезжайте! Мы вышлем вашей не совсем законной жене много денег, достаточно, чтобы она не искала управы на вас. Андрей Иванович, соглашайтесь, я сделаю все, чтобы вы были счастливым мужчиной.

Она замолчала, вынула платок и приложила его к глазам, хотя слез я не заметил. Руки ее заметно дрожали. Я лихорадочно соображал, что мне сказать. Согласитесь, господа, сложнейшее положение. С одной стороны, обидеть нельзя, женщина говорит совершенно искренне. С другой – остается только соглашаться, хотя этот вариант я не рассматривал. Мне было ужасно неловко перед нею:

– Лена, простите меня, вы задаете неразрешимую задачу. Вы очень симпатичная женщина, я это сразу отметил, и даже жене сказал, что буду с удовольствием водить ребенка в садик. Ваши предложения заманчивы для свободного человека. Но я женат.

Она быстро перебила меня:

– Вы свободны, по закону вы свободны. Я знаю, вы расторгли тот брак, но не зарегистрировали этот. И если вы остаетесь, и у меня, и у нынешней вашей жены одинаковые права на вас. Извините, я говорю жестокие вещи, но я борюсь за свое счастье, за своего мужчину.

– Леночка, я искренне вам сочувствую и уверен, что вы недолго будете одиноки, мужчины таких женщин не пропускают.

– Но вы же пропускаете! Я боюсь быть навязчивой, но не может

быть, чтобы я не нравилась вам, мы проживем несколько месяцев, и вы все забудете, уверяю вас, Андрей. Если хотите – уедем в Краснодар, в Москву – куда хотите. Я открою вам последнюю тайну: мой муж участвовал в частных раскопках древних курганов, однажды приехал сильно пьяный, выставил на стол пакет со слитками и драгоценными камнями, хвалился, что теперь все купить может. Я напоила его снотворным и спрятала пакет в подвале. Наутро он чуть с ума не сошел, но я твердила, что он перевалился через порог и уснул. Я уже тогда знала о его связях в городе и не очень стыдилась своего поступка. Андрей, это все будет ваше, ну что же вы медлите? Бросьте эту лачугу и пойдем ко мне, Андрюша, я умоляю вас.

Заметьте, это не была истерика, это было убеждение. Сказано в писании, что человек слаб, и у меня мелькнула мыслишка: а что, если...? Конечно, на мгновение, но такая мысль была, отрицать не стану.

– И чем все закончилось? – деловито спросил Владимир.

– Я решительно отказался, она извинилась, я проводил ее до дома. Примечательно, что она уже не приглашала войти и прочее, только поцеловала меня в щеку и сказала, чтобы я внимательно проверил газеты на столе. Когда вернулся, под газетой нашел пачку сотенных в банковской упаковке, это десять тысяч. Собрался было унести их обратно, но понял, что от чистого сердца, да и продолжать разговор не было сил. Деньги, кстати, очень пригодились.

Владимир поднялся, помешал угли в камине.

– Ну, лишними они никогда не были, даже при социализме. Зря ты не остался, Андрей. Это когда было? Тридцать лет назад. Ты все эти годы мотался по белому свету, не буду вдаваться в детали, но, похоже, развозил семена коммунизма. Со всходами получилось хреново, и тут готовый урожай упустил. Считаю, совершил большую ошибку.

Иван налил себе полный стакан водки и махом выпил:

– Ты не прав, Володя. Андрей проявил истинное благородство, да, господа, раньше было такое понятие. Вот что бы ты сделал, по крайней мере, сейчас: завалился бы к этой Елене, купил яхту и замок над заливом, пил и кутил, пока Елена не напоила бы снотворным и не выкинула за борт.

Геннадий, совсем не пьющий из-за желудка, деликатно поинтересовался:

– Извини, Андрюша, ты сейчас живешь с той женщиной, ради которой не поддался искусу?

– Теперь уже нет, так получилось.

– И что? Ни разу не приходило сожаление? Ну, хоть раз ударил в стол кулаком: «Твою мать, что же ты, Елена Ивановна, не настояла!».

– Елена Николаевна. Могу и соврать, но смысла не вижу: были такие моменты. Конечно, не о деньгах вспоминал, а о женщине сильной, страстной и любящей. Объяснить не могу, но сердцем чувствовал тогда, что она действительно любит и говорит от чистого сердца.

Григорий кое-как прожевал мясо:

– А денежки, между прочим, взял. Совесть не мучила?

– Гриша, не копай глубже, там обида может быть. Деньги я потратил сразу на новом месте, дом и обстановку дали, машину пришлось купить, хотя была закрепленная. И часть отправил с надежным человеком первой семье, детям. Совесть не мучила, знал, что не последнее Елена отдала, но определенный дискомфорт был, временами чувствовал себя сволочно.

– Не понял! С надежным человеком! А телеграф? – поинтересовался Геннадий.

– Представь, в поселок приходит перевод на двадцать пять тысяч. Обязательное расследование, объяснения, опасность ограбления. А так все тихо и мирно. Правда, им тоже посоветовал переехать в другое место, что они и сделали.

Федор, профессор местного института и вообще очень начитанный человек, икнув, заметил:

– Любопытная история. Если бы ты тогда спросил моего совета, я бы рекомендовал остаться. Да, некоторые издержки порядочности есть, но и жена твоя тогдашняя должна была понять простую вещь: как пришло, так и ушло. Она увела тебя от одной женщины, другая увела от нее. Что тут несправедливого? С точки зрения чистой науки борьба за выживание, естественный отбор. Конечно, тебе пришлось бы сменить профессию, расстаться с этими ребятами в темных пиджаках, которые в результате просрали всю страну, она тебе, эта профессия, тоже всенародного признания не принесла. А так сидел бы в тени грушевого дерева или в уютной беседке, думаю, инженер-строитель догадался соорудить такую, сидел и сочинял романы о счастливой жизни, когда есть бабки, крепкая казачка приходила бы и садилась на колени, вы пили изумительной чистоты вино и уходили делать очередного казачонка.

– Ты о чем, Андрей же не казак!

Геннадий поднял руку:

– Ты, Ваня, не знаешь обычаев тех мест. Если человек прибыл на

постоянное жительство и он не казак, товарищи займутся его воспитанием, и после определенного срока торжественно посвятят в казаки.

– Ой, заливать! Откуда ты знаешь? Ты же кроме Германии со Швецией нигде не был, в Москве, и то проездом.

– Глупое замечание. Я читал в каком-то журнале.

– Хватит вам, если наш Гога купил себе титул князя, то о казачьем не стоит и говорить.

Владимир всех остановил:

– Стоп, ребята, мы ушли от темы. Вопрос состоит в том, правильно ли поступил Андрей, отказавшись от нелюбимой женщины даже при огромных деньгах?

– Поступил глупо. Оставил женщину неудовлетворенную, мог бы, в конце концов, предложить ей компромисс – навсегда не могу, но на пару дней останусь, – подытожил Григорий.

– Ты думаешь, она приняла бы такой вариант? – зло спросил Геннадий.

– Вах-вах, да с радостью. Тем более, в этой головке уже созрела бы мысль, что, вкусив от ее любви, мужик возьмется, наконец, за ум, а не за партийный билет, и останется, – не уступал Григорий.

– А мне сдается, что нет, не приняла бы, больше того, она плюнула бы Андрею в лицо. Такова логика женской гордости, – заметил ученый.

– Слушай, а что осталось от той гордости после шести месяцев жизни без мужчины? – словно сам себя спросил Григорий.

– Ты думаешь, у нее за это время не было мужчины? – улыбнулся Владимир.

– Я уверен, – воскликнул Иван. – Ты посмотри, какая женщина, гордая, самостоятельная, детей любит. Если бы приняла, то вот так, как Андрея, с любовью.

– Можно подумать, что наш Андрей был красавцем на весь курортный край. Неужели в той станице не было красивых мужчин?

Геннадий возмутился:

– Что ты понимаешь в мужской красоте! Ты и в женской-то не особенно разбираешься. Все, не спорь. Не твои ли слова: чем больше водки, тем красивее женщины. А тост твой знаменитый: «За подруг за наших верных, хоть не у каждого, но есть!».

Иван хорошо захмелел, и его потянуло на лирику:

– Очевидно, у женщин те же странности, как и у нас. Вроде бы ничего в ней нет, а тянет. Какая-то одна черточка, то улыбка, то взгляд, то жест какой-нибудь, голос, походка...

– Ваня, не трави душу.

– Все, я заткнулся.

– Андрей, а когда ты со второй женой расстался?

– Пять лет назад.

– А та, что привозил на праздник? Так, подружка? – улыбнулся Григорий.

– Пока да, там видно будет. Но я не сказал вам финала всей этой истории. Когда мы развелись со второй супругой, я взял путевку в Сочи и в аэропорту вдруг вспомнил о Елене. Дай, думаю, нагряну в гости на правах старого знакомого. Взял машину, добрался до городка, нахожу улицу, дом. У калитки стоит старушка. Спрашиваю:

– Скажите, Елена Николаевна здесь живет?

– Здесь.

– Могу я ее увидеть?

– Можешь. Смотри.

Он замолчал и впервые резко встал с дивана. Все за столом остановились: Иван поднял бутылку над бокалом и замер; Владимир уронил на пол каминную клюку; Геннадий трезвым взглядом внимательно смотрел на Андрея; Григорий в предчувствии чуда перестал жевать окорок; Федор снисходительно ждал продолжения.

Андрей нервно прошелся по комнате, закурил сигару у камина:

– И только тут я понял, что это она. Ничего не осталось от той Лены, все пропито. Не простившись, я пошел к машине.

– Мужчина, а вы кто будете? – спросила она. Пришлось отвечать:

– Двадцать пять лет назад я знал Елену Николаевну, заведующую детским садом.

Она прищурившись смотрела на меня, конечно, не узнавая. И вдруг мне стало очень жаль эту женщину, ту, что когда-то была Еленой Николаевной, отважной красавицей.

– Елена Николаевна, я пришлю вам хорошего врача, вам помогут стать человеком, надо только ваше согласие.

– Ничего не хочу. У меня не получилась жизнь, вам этого не понять. У меня была счастливая жизнь, пока муж не изменил и не бросил. Потом я полюбила, но он от меня отказался. Я знала его фамилию, искала по всей стране, но мне отвечали, что такой не значится. Он просто скрывался от меня. Я понимала: он порядочный человек, он полюбил меня, сердце не обманешь, но он был связан с другой. Он боялся поддаться чувствам и скрылся от меня навсегда.

Андрей впервые за все время разговора налил бокал вина и выпил:

– В то время я был засекречен, конечно, никто ничего сообщить ей не мог. Сейчас не время в этом признаться, но мне порой кажется, что второй вот такой атаки с ее стороны я не выдержал бы. Она очень мне нравилась, несколько раз мы сидели в ее кабинете и якобы обсуждали проблемы воспитания дочери. Я видел ее и в служебном халате, и цветных платьях, какие любят тамошние женщины. Она просто прекрасна, такое сильное, красивое тело...А лицо! Должно быть, в ней намешано всех южных кровей. Она долго еще жила в моих глазах. Конечно, я понимал свою косвенную вину, ведь в том числе из-за меня она спилась.

Владимир жестом остановил его рассуждения:

– Выкинь из головы. Так получилось, но все остальное – ее проблемы. Если бы я после каждой неудачной попытки убедить женщину впадал в запой, пропал бы давно.

– Вина Андрея, безусловно, есть, – Иван встал с бокалом в руках. – Но он ни в чем не виноват. Леночка сама выбрала такой путь. Ты что-нибудь сделал для нее?

Явно смущенный Андрей кивнул:

– Пытался сделать. Из санатория я направил доктора с медсестрой, снабдил деньгами, адресом, смысл был в том, чтобы привезти ее в санаторий, где можно было бы организовать усиленное лечение. Врач позвонил мне через три дня, Лена умерла, остановилось сердце.

На похороны я опоздал, положил на могилу цветы, постоял перед портретом, на котором она была еще молода и красива. Признаюсь, я плакал.

Кампания молчала. Вошедший повар доложил, что чай готов.

ТУФЛИ НА БЕЧЕВОЧКЕ
Рассказ

Хоронили главу района. Светлый день поздней осени, словно уговорившей лето уступить хотя бы еще недельку. Уборка закончена. По всему району объявили выходной день, закрыли магазины, в райцентр потянулись автобусы с народом, легковые машины, во всех окнах венки. Гроб установили в доме культуры, звучала траурная музыка, большие и малые начальники становились в почетный караул.

Глава был родом местный, все его знали, за десять лет привыкли к тому, что то промкомбинат закрыли и разобрали по бревнышку, то ремонтное предприятие кому-то продали, он вывез станки и цеха разобрал, потому что на панели и перекрытия спрос вырос, в городе начали возводить большие дома и назвали их коттеджами. Только эта волна прошла, в соседние районы стали передавать милицию, больницу, сбербанк, налоговую инспекцию. Морока для народа, за паршивой бумажкой надо ехать за сто километров, да еще не сразу выхлопочешь, либо ехай домой, либо к знакомым на ночлег. Раньше сходы собирали, народ жалобы высказывал, потом это дело прекратили, потому что жалобы одни и те же, а средств нет. Правда, перед выборами приезжало начальство, все свои грехи признавало и обещало, что завтра будет лучше. Народ хмурился и соглашался.

Нехорошие разговоры пошли, когда глава за два месяца построил шикарный по нашим понятиям дворец. Один шустрый из жириновцев прознал, что построено на казенные деньги и даже сумму назвал, сколько-то миллионов. А глава в газете написал, что построил на кредиты, и до конца жизни будет рассчитываться. Никто, конечно, не поверил, да и что толку разбираться, тебе в том дому все равно не живать. Возмущала и то, что дети у главы школу окончили и в академии поступили, все трое на бюджетные места, на специальности, связанные с муниципальной службой, то есть, без работы не останутся. Значит, остались они с женой в двухэтажном особняке вдвоем, а в районе очередь на жилье со времен социализма не сдвинулась. Семь нонешних коммунистов ходили к администрации с

красным флагом, называется пикет, часа три стояли – никто не вышел. Разве они не знали, что в администрации черный ход есть? Начальство на обед поехало, а пикет остался, со всех магазинов народ подходил посмотреть, милиция подъезжала, даже дверцы не открывали, назад развернулись.

А потом случилась беда. Глава сразу первому студенту купил трехкомнатную квартиру, а дети у них погодки, второй переехал, потом и младший. Из района не они одни учатся, все было известно. Потом слух прошел, что младший наркотиками заинтересовался, стал уроки пропускать, деньги со старшего требовать. Поссорились. Младший ушел в общежитие, где воля вольная, под его авторитет и наркотики ссужали, и деньги в долг. А потом, видно, пришла пора собирать камни. Ну, и вылетел он из окошка пятого этажа. Никто толком ничего не знает, то ли сам сдуру, то ли подсобили. Родители хоронили парнишку в области, побоялся, видно, глава лишних разговоров в своем районе. А разговоров было, и дивно. Самый жестокий вывод: Бог шельму метит, это ему наши слезы отлились. И пугающее: а то ли еще будет?!

Когда колхозы и совхозы распустили, сильно много у нас организовалось крестьянских фермерских хозяйств, но только один год и прожили. Делили же хитромудро: один трактор на три семьи. И все. А комбайны на четыре, а если новый, то и на пять. Другим семьям по сеялке, кому сцеп борон, склад с механизированным зерновым током и сушилкой директор себе отписал. Три года курдались, глава приезжал, толковые мужики просили поддержки, чтобы объединить умирающие хозяйства, глава кивнул, но денег не дал.

Как снег на голову – пошли по деревням сходы. Вместе с главой ездили сальный, упитанный мужик и целая команда. Речь о земле. Сами обрабатывать не можем, чтобы не пустовала, глава предлагает отдать ее в аренду на хороших условиях крупнейшей птицефабрике. Несколько мужиков возмутились: как это не можем? Можем, но вы не даете. Еще не поздно вернуться к коллективному труду на общий интерес, не все еще спились, дети выросли, их учить надо.

– А что это за выгодные условия? – поинтересовались из зала. И ахнули: за пай в пятнадцать гектаров семь центнеров зерна. Месяц мотали мужиков, в последний раз до собрания столы в фойе дома культуры поставили, закуски нарезали, водку открыли: подходи, наливай. Только метнулись к халявной выпивке энтузиасты, Аркаша Сурин одернул:

– Не сметь! У них и расчет на то, что после стакана водки из русского мужика можно веревки вить.

Отшатнулись, да разве за всеми уследишь? Многие приложились к дармовщинке, и молчали, когда читали кабальный договор, когда считали голоса, по два раза одни и те же, иными словами, вся пахотная земля отошла к птицефабрике на сорок девять лет. В районе только три бывших колхоза устояли, их хоть и потрепали в свое время, но коллектив остался, скотину держат, хлеб сеют. Конечно, и тут свои же руководители новыми начальниками стали, дома не дома, машины не машины, а колхозник получает скромненько и живет в основном своим хозяйством.

Ушедшие в аренду уже после уборки заревели: техника у фабрики мощная, иностранная, на работу приняли три десятка человек, а после уборки комбайны под навес и заявление на отпуск без содержания вплоть до апреля.

– Не буду писать! Не имеют права! – шумел Миша Соловьев, а утром ему привезли расчет и трудовую книжку.

– Фирма, – говорит дама, – в ваших услугах больше не нуждается.

Стали искать листочки и авторучки и корявым почерком подписывать себе безработицу. Собрали делегацию, пошли к главе, а тот руками разводит:

– Ребята, вы же сами за договор голосовали, а там все это прописано.

Про все это вспоминали мужики, стоя на широкой площади дома культуры и ожидая похорон. В который уж раз заходил разговор о трагедии. После митинга по поводу завершения уборки и небольшого фуршета в зале заседаний глава со всеми попрощался и сам, без водителя, сел в джип и уехал. Позавчера вечером помятую машину в кювете заметили проезжавшие мимо рыбаки, по мобильнику вызвали милицию и завертелось. Дорога эта вела от трассы к небольшой пристани с мостками, сюда иногда приезжала молодежь. Дно песчаное, вода чистая, берег не больно крут. Машина лежала в правом от озера кювете, следовательно, глава возвращался с отдыха на озере со своими товарищами. Но следователи не нашли следов длительного пребывания мужской кампании: ни костра, ни бутылок, ни окурков, ни следов автомобилей. Даже следа машины главы не обнаружили в радиусе ста метров от пристани. Утром прилетела бригада из области, но и она ничего нового не нашла. Кювет неглубокий, следа торможения нет, почему машина перевернулась несколько раз? Говорят,

нашим ментам досталось, что не зафотографировали положение главы в машине. А на теле, говорят, живого места нет. Поговаривали, что он отдал кавказцам строительство дороги от райцентра до границы с Казахстаном напрямую, через леса и болота, минуя населенные пункты. А потом как-то не выплясывалось... Кавказцы – народ суровый.

К обеду прошел слух, что кто-то читал заключение судмедэкспертов: скончался от многочисленных ушибов, полученных в результате автомобильной аварии.

К толпе подошел заядлый рыбак Филя Решеткин, на плече пучок удилищ, стянутых бечевкой, за спиной ведро с рыбой, прикрытое влажной осокой, в руке новенькие туфли, связанные такой же бечевой.

– Кого хоронят? – спросил Филя.

– Ты что, с дуба пал, глава района разбился на машине.

– Не слыхал. Да я рано мотаюсь на рыбалку, окунь хорошо идет.

И тут кто-то обратил внимание на туфли:

– А штиблеты ты на крюк или на блесну? – хохотнул мужик.

– На пристани нашел, гуляли, видать, мужики, ну и забыл обуться. На машинах были.

– Как ты определил?

Филя улыбнулся:

– Две бутылки из-под коньяка, я из одной еще пару глотков сделал, хороший. Колбасные обрезки, сыр, шоколад, минералка. И туфли. Мне маловаты. И следы от машин, три их было. Выносить-то скоро будут?

Пробегавший мимо организатор похорон начальник сельхоуправлениия Красников резко остановился:

– Что это у тебя за туфли?

– Нашел.

Красников уже вертел их в руках и бледнел:

– Где нашел?

– На пристани. Мужики гуляли...

Красников схватил Филю за рукав и потащил в дом культуры, тот едва успел передать знакомому улов и снасти. В комнате сидел заместитель губернатора, все местное начальство. Красников показал туфли и кивнул своим:

– Узнаете?

Те несколько мгновений не могли прийти в себя:

– Туфли шефа.

– Точно, он в них был на празднике.

– Откуда они у тебя?

Красников указал на Филю, тому пришлось рассказать все с самого начала.

– На какой пристани? Там все прощупали следователи.

– На Ванькиной. Я на Ванькиной пристани рыбачу.

Красников выругался и вынул мобильник:

– Майор, срочно в ДК с бригадой следователей.

Красников кивнул на туфли и выматерился:

– Вы что уцепились за ближнюю пристань? Триста метров проехать лень было? Туфли стояли на берегу, а хозяин поехал домой босиком, причем, выпил он не более двухсот грамм. Вы труп описывали или нет? Разве не бросилось в глаза, что он в одних носках? Улавливаешь?

Майор пыхтел, вертел в руках туфли:

– Погребение придется отложить, надо еще раз обследовать ранения. Получается, что его убили.

Заместитель губернатора усмехнулся:

– Какой у вас догадливый начальник угро! Хоронить будем сегодня. А вы на ту пристань, старик укажет.

Филя возразил:

– Граждане начальники, мне рыбу надо прибрать.

Майор сгреб его под руку и почти бегом побежал к выходу.

Уже после похорон майор доложил узкому кругу:

– Следы трех машин, две чужие. Две бутылки из-под коньяка, фольга от шоколада, колбасные обрезки на газете. Чуть в сторону арматурный прут, весь в крови, пятна крови на земле в нескольких местах.

– Как они инсценировали аварию?

– Видимо, выехали на этот бугорок, главу посадили за руль и перевернули машину.

– Их должно быть не менее пяти человек, джип просто так не опрокинуть, – заметил заместитель губернатора.

Майор продолжил:

– Сняли отпечатки пальцев с бутылок, фольги, с корпуса и руля автомобиля. Будем искать.

– Предварительные версии? – поинтересовался заместитель губернатора.

– Похоже, что убийство связано со служебной деятельностью, в частности, с распределением финансов.

Заместитель губернатора остановил доклад:

– Не спеши делать столь серьезные выводы. Извините, я должен сделать звонок.

Он вышел и пятнадцать минут с кем-то говорил, хотя все понимали, что с губернатором. Вернулся, осмотрел присутствующих, подозвал Красникова:

– Версия остается прежней, нам эти заморочки ни к чему. Ты назначен исполняющим обязанности. Предупреди всех, чтобы не распускали языки, составь список присутствующих, на всякий случай. А сейчас к столу, поднимем по рюмке за упокой души нашего товарища. Пусть земля ему будет пухом.

В большом кафе еще долго пили, не чокаясь, вспоминая добрым словом своего бывшего шефа. Никого посторонних в зале не было.

ОХОТА
Рассказ

Сосед и друг Андрея Мазура Толя–Тра-Бах работал в школе учителем, литературу преподавал. Возмущался, что ребятишки совсем читать разучились, он в их годы всю классику перечитал, тогда и в сельской библиотеке какие надо – все книги были, а ежели сверх того – делай заявку, из района привезут или даже из области. Вместе в Армии служили, вместе вернулись, дом на две семьи совхоз еще успел построить.

Тра-Бахом Анатолия звали уважительно, бывает в деревне и такое. Сильно любил охоту. Не пил и не курил, все рубли, а раньше и копейки, складывал в банку из-под пороха, все припасы закупал заранее, сам заряжал патроны, колдуя над весами и мерками, для кучного боя закладывал дробь в бумажные контейнеры. В этот момент никто из домашних даже в комнату не входил.

В старые добрые времена он, как и все охотники, пользовался патронами заводского изготовления, цена им копеечная, за пачку в десять штук рубль двадцать. Что не покупать? Теперь цена кусается, дешевле самому повозиться.

А еще Анатолий любил Тургенева, Аксакова и Пришвина, их рассказы об охоте знал все, удивлялся, как это Михаил Михайлович рискнул свою книгу назвать «Записки охотника», будто не ведал о Тургеневских записках. Знал, конечно, но иного названия придумывать не стал, там разберутся, кому надо. Все мечтал завести собак, чтобы зайца гоняли, птицу боровую, но не успел, а на нынешнюю зарплату и дворнягу содержать накладно.

Заразил охотой и Андрея, но тот снаряжением себя не утруждал, скалымил где-то на газончике, песка или дров привез, вот тебе и запас патронов на весь сезон. Осеннюю охоту на уток и гусей Анатолий проводил один, с уборки урожая Андрею не убежать. Зато, как только налетал дождь, и техника останавливалась, Андрей заводил свой «Урал», и мчались они с другом на заранее приготовленные места. Скрадки на месте, вечером постреляли на перелете, подремали в

спальных мешках, Анатолий толнул друга: пора! Выплыли под камыши, раскинули чучела, Анатолий свою Фросю вынул из клетки, третий год возит подсадную утку. Удел ее, конечно, не весьма благородный: заметила табунок уток, голос подает, мол, давай сюда, ребята, кормежка хорошая. Те делают круг и садятся прямо под выстрел.

Но особый интерес – тропление зайца по первому снегу. Вот в этом году легкий снежок выпал в начале ноября, выпал, и погода успокоилась, ни ветров, ни морозов. Самое подходящее для охотников. Анатолий с вечера пригласил Андрея, вышли рано утром, одеты легко, на ногах старые удобные валенки. Анатолий терпеливо поучал:

– Зайца брать, может, посложнее, чем льва в саванне, серьезно тебе говорю. Заяц мал, но ужасно хитрый. Вот вышли мы на его жировку, ну, так называют места, где зверь кормится. А жир у него – кора с осины. Ты это место заметил и определил, когда заяц тут был. Ага, например, увидел ты его орешки, взял на руку – не застыли еще. Значит, зверь рядом. Теперь важно найти выход из этого колка, заяц будет искать место дневной лежки.

– А что ему в том колке не лежится? Почамкал осинки, и прилег.

Андрей терпеливо объясняет:

– Заяц никогда не заляжет там, где питался. Обязательно уйдет. Твоя задача – найти его след на выходе, и определить, куда он направился.

Подошли к первому колку. Заячьих следов столько, словно со всего леса собрались на сабантуй. Пошли вокруг, Анатолий внимательно всматривался в следы, порой присаживался на кукорки, пытаясь определить, старый след или свежий. В одном месте насторожился, проверил через несколько метров:

– Вон к тому лесу пошел, – указал Анатолий.

– Это тоже колок, – уточнил Андрей.

– Иди по этому следу, гляди внимательно, он может развернуться и идти навстречу тебе.

– Заяц, что ли? – удивился Андрей.

– Какой заяц? След! Он следы путает почище любого шпиона. Возвращайся и ищи, когда он обратно повернет. А может просто с места метра на четыре в сторону махануть. Ищи. А я пойду вон в тот лесок.

Разошлись, Андрей точно шел по следу, почти до колка дошел, а след пропал. Андрей остановился, чтобы не затоптать следы – нету продолжения, как будто в воздух поднялся и улетел.

«Стоп, а про прыжок Толька говорил!». Стал увеличивать радиус кругового осмотра, и точно, вон вмятина в снегу, прыгнул, и на брюхо приземлился. С этого места охотник пошел смелее, держа наготове двухстволку. Заяц выскочил прямо из-под ног, взвился в воздух, и полетел, едва касаясь земли, уходя то влево, то вправо. Андрей поводил стволами, но стрелять бесполезно. Вернулся, догнал друга, все ему рассказал. Анатолий смеется:

– Я же тебе говорил, что заяц хитрый, вот тебе пример. Ладно, заходи с правой стороны, чтобы он тебя видел, а я дальше тропить.

Мазур ходил вдоль колка, как часовой в свое время на посту. Наконец, в другой стороне раздался выстрел и крик, похожий на крик ребенка. Довольный Анатолий вышел другу навстречу, держа за уши доброго самца.

– Пойдем вон к тому осиннику, любимое место, они оттуда десятками выскакивают, – предложил воодушевленный удачей охотник.

– То-то мы и набили их, аж идти тяжело. Да я уже набегался с непривычки, – начал отлынивать Андрей.

– Смотри! – шепнул друг. – Там табунок пирует. Ложись здесь, а я попробую обойти.

Мазур неохотно залег, разгребая слабенький снег, спрятался за кочку, навострил ружье. Из колка прямо на него вылетели три зайца, где-то в подсознании в одно мгновение мелькнула мысль про трех зайцев, из которых ни одного не поймал. Он взял на мушку среднего, нажал спуск, заяц высоко подпрыгнул и упал прямо под ноги охотнику. С той стороны тоже стрелили, друзья сошлись, неся каждый свою добычу.

– Ну, ты доволен? – спросил Анатолий.

– Спрашиваешь! Конечно, доволен. Только вот чтобы дочка не видела.

– Понял. Я тоже прячу, а ночью обрабатываю, или сразу в избушку и на крючок.

– Ты и моего обделай, я вообще не знаю, с какой стороны к ним подступаться.

Анатолий предложил:

– Пойдем напрямую через лес, мы далеко ушли от деревни с этими кругами.

И они направились через реденький березовый лес в сторону дома. Вдруг Андрей остановился:

– Бензиновым газом напахнуло, мотор слышишь?

– Да не один. Или наши охотоведы, хозяева хреновы, или гости из области.

Несколько автоматных очередей разорвали лесную тишину, пули щелкали в мерзлые деревья прямо над головами.

– Ложись! – скомандовал Мазур и рухнул на землю. Через минуту стрельба повторилась.

– Что творят, сволочи. Задержись мы на минуту, как раз в зоне обстрела оказались бы, – проворчал Анатолий. – Кто это может быть?

Мазур выругался:

– А черт его знает, сейчас и пограничники, и таможенники, и милиция с автоматами. В какую сторону пойдем, чтобы на них не выйти?

Антон возмутился:

– Мы в своем лесу, документы в порядке – кого нам бояться? Пошли, как шли. Похоже, они кого-то взяли, раз притихли.

Шли молча, все удовольствие от охоты испортила эта стрельба. Вышли на автомобильный след:

– Уазик бортовой, видно, приспособлен для стрельбы, – пнув след, заключил Мазур.

Через десять минут вышли на поляну. Два джипа, уазики легковой и бортовой, горит костер, пятеро мужчин в комуфляжной форме на портативном столе распивают коньяк, два охотоведа разделывают большую тушу лося.

– Здорово, мужики! – поприветствовал Андрей, те у стола повернулись в их сторону, о чем-то перешепнулись. Андрей узнал прокурора района и начальника милиции. Никто не ответил.

– В лесу-то надо быть поосторожней с таким-то оружием. Вы же нас за малым не перебили. И автоматы. Вообще-то они не для таких дел предназначены. И люди вроде ответственные, серьезные, а в лесу ведете себя...

Прокурор не дал ему договорить, с рюмкой коньяка в руке он подошел поближе:

– Слышь, ты, законник сраный, убирайся отсюда по добру–поздорову, и постарайся забыть, что видел и слышал. Иначе вон охотоведы, составят акт, что это вас захвалили за разделкой туши браконьерским способом добытого лося. И я, будьте уверены, отведу вам лесосеку года на три.

Голос от стола:

– Не горячись, Леня, ребята все поняли и пошли домой. Вы же

ничего не видели, правда? Не надо номера машин запоминать, правда, по-товарищески вам советую, а то придется сегодняшней ночью его ребятам (он кивнул в сторону начальника милиции) долго и тщательно стирать эти цифры из вашей памяти. Вам все ясно? Счастливого пути.

Мужики обошли поляну, прошли метров триста, сели на поваленное дерево.

– Сволочи! – наконец, взорвался Андрей. – Видно, большое начальство из УВД и прокуратуры. «Счастливого пути!». Вот скажи, Толя, как жить? Кому на них жаловаться? Он же никого не боятся, законов для них нет. А нам как жить, Толя?

– Не кипятись. Я уже соображаю. В райцентре живет журналист, он уж на пенсии, но пописывает. Мы с ним в шахматы играем в выходные в доме культуры, так, турниры одного дня. Я ему все расскажу, он напишет.

– Куда?

– Он знает, куда. Где опубликуют.

– Ладно, пошли.

В следующий выходной Анатолий поехал в район и в шахматном клубе при доме культуры увидел своего давнего партнера:

– Приветствую вас, Михаил Петрович!

– И я вас рад видеть, дорогой Анатолий Иванович! С чего начнем?

– Не с шахмат. Дело у меня к вам.

Они уединились в уголке, и Анатолий все в деталях рассказал про свою охоту.

– Михаил Петрович, об этом надо непременно написать, чтобы этих браконьеров прибрали к рукам.

– Замечательно! Прокурор района, начальник милиции и три чина из этих же ведомств. Кому будем жаловаться?

– Михаил Петрович, не мне вас учить! В газету! В областную, в центральную. Пресса – это же третья или четвертая власть!

Старый журналист захохотал:

– Анатолий Иванович, и вы, умный человек, даже обыгрывающий меня в шахматы, верите этой ахинее! Нет, я напишу, и при вас отправлю в десяток изданий. Так-так. Если хоть кто-то напечатает, я в десяти партиях признаю себя пораженным. Но такое не случится, поверьте мне. Но даже при том – результат будет. Вас выпрут из школы, вашего друга лишат прав, причины найдутся.

– Михаил Петрович, да вы просто боитесь?

– Кого? Я пенсионер, пенсии меня не лишат, из своего домика не выгонят. Я свое отбоялся. Нет, был случай, писал я о браконьере–прокуроре, это в советские времена. Факты у меня были железные, свидетели дали показания письменные и расписались. Короче говоря, статью публикует областная газета, прокурора исключают из партии и убирают из района. Заканчивал он где-то, кажется, нотариусом. Но то была власть!

Анатолий сказал, что сегодня играть не будет, приехал домой, выбросил в тележку с мусором все припасы, высыпал порох, вынул капсюли из заряженных патронов. Ружье с двумя патронами в стволах спрятал не в металлический ящик, как всегда, а положил под кровать в спальне. Вдруг когда и потребуется.

МАРУСЯ ОТРАВИЛАСЬ
Рассказ

Первый снег лег на влажную землю, стыдливо закрыв от людей неухоженный асфальт тротуара, кучки мусора у дворов, нелепые кровли домашних пристроек. Снег шел три дня и три ночи, а как остановился – дорожки расчистили, большак прикатали машинами. Ограду приемного пункта молока Марусе пришлось разгребать самой, сельский глава сказал с хохотком:

– Мы тебе помещение в аренду сдали, так что обслуживание – твоя забота.

Маруся воткнула в сугроб лопату:

– Что врать-то, Тихон Кириллович, не мне, а другу вашему Хрюкину. Вот он пусть и разметает дорожки.

Грузный Тихон Кириллович с трудом перелез через сумет, образовавшийся между дорогой и тропинкой на молочный пункт.

– Ты не кочевряжься, а тихонько свою работу работай. Помни, что я упросил Хрюкина взять тебя на молоканку, так что веди себя... Он мужик суровый, чуть что – зад в зад, и кто дальше отскочит. Дома-то как?

– Да нормально, вроде. Папка попьянствовал, мама поплакала, а теперь успокоились, мама приняла, водится.

Тихон Кириллович вздохнул:

– Как же ты допустила, что родить пришлось? Теперь такая медицина...

Маруся глянула на него с насмешкой:

– Какая? Ты и сам, дядя Тихон, не знаешь, а говоришь. Сказать, сколько с меня потребовали за это? У нас корова столько не стоит.

Тихон Кириллович еще раз вздохнул:

– И что за парни пошли: обрюхатил девку, и в кусты. Ты хоть говорила с ним?

Маруся уже научилась о своем говорить, как о чужом, услышанном где-то. В деревне не отмахнешься, откажи в ответе – сразу скукуют: «Потаскуха, а гордость из себя строит!». Потому научилась говорить все однако, как заученное.

– С кем говорить, дядя Тихон? Он как узнал про беременность, и больше не появлялся.

– Беда с вами, с девками. У меня три парня, тоже горя хватил, одно только и утешало, что в подоле не приволокут.

Марусю так и подмывало рассказать дяде Тихону, он отцу двоюродный брат, какую девчонки предлагали разыграть картину. Она-то знала, где пакостливый да трусливый ее ухажер живет, хотели нанять такси, вечером, когда все дома, подкатить, посигналить, чтобы родители вышли, с рук на руки, и по скоростям. А в пеленки записку написать, как и что. Совсем уж собрались, а Маруся пеленать стала, да как заревет! Представила, какая судьба у ее кровиночки, сдадут эти родственники в дом малютки, и будет ребенок всю жизнь на казенных харчах.

Но не стала сердце тревожить. Да и разговоры надо кончать, сейчас молоко повезут. Ее пункт единственный на четыре деревни, это ранешный сельсовет и колхоз, теперь пашню отдали какому-то городскому депутату, сеют и молотят под охраной автоматчиков, на склад не зайти, осенью выбросят с грузовика у дома пайщика по три бумажных мешка сорной пшеницы да по два ячменя. Народ как-то закричал:

– Николай Тихонович, вы хоть отходы-то нам продайте.

Тот открыл дверцу машины, сплюнул под ноги толпе и улыбнулся:

– У меня, господа, отходов нет, все это – комбикорм.

Ну, народ-то знал, что у него в соседнем районе огромный свинокомплекс, еще в советские времена строили.

Потому и держит каждая семья коров – сколько может. Колхоза нет, который всех обеспечивал, косить литовкой надо все лето, чтобы на пять коров с приплодом сена припасти, а сгрести, а сметать в стога, а домой притащить. Вся техника есть у частников, это те мужики, что поближе были к гаражам, ночами «Беларуси» втолкача угоняли, чтобы сторожей не будить. А теперь оперились, сена привезут сколько закажешь, но и деньги возьмут сполна. Не стало скидки ни герою труда, ни фронтовой вдове. Все однаки: клиенты.

Стали подходить и подъезжать ее клиенты, кто с ведром, кто флягу на санах тянет, иные, посостоятельней, установили на легковушки алюминиевые емкости. Все в очередь, Маруся берет пробу на жирность. Каждый день. Иначе нельзя. Был случай, когда ее молоко на заводе едва не забраковали, кто-то вполовину развел водой, едва выкрутилась, спасибо, главный технолог заступилась. Но треть зарплаты удержали.

Молоко хорошее, густое, жирное. Все хозяева картошкой подкармливают, тыквы растят рядом с картошкой, а корова на тыкву шибко молоком отзывчива.

– А что, Маруся, ничего не слыхать про повышение цены? К зиме обычно повышают.

– Пока ничего не скажу, вот поеду с отчетом, там прознаю все.

Степа, демобилизованный солдат, вместо матери уж который раз приволок флягу молока на плече. Женщины поулыбываются:

– Степа, наверно, расширяться станете, ты на зоотехника поступишь, зальете бедную Марусю молоком.

Парень краснеет, краснеет и Маруся, еще проворнее работает на калькуляторе, усерднее крутит рукоятку прибора определения жирности. Народ потихоньку расходится, Степа переждал всех за углом, вернулся:

– Маша, ты почему в клуб не ходишь? Правда, не сказать, что шибко весело, но все равно кучкой собирается молодежь, девчонки даже песни поют под караоке.

Хозяйка проворно мыла посуду, подняла глаза на парня:

– У меня ребенок, Степа, я и танцевать, и песни петь разучилась.

– С ребенком мама посидит пару часов. Приходи сегодня вечером.

Маруся выпрямилась над ванной, в которой полоскала посуду, вытерла руки, прибрала выбившиеся из-под косынки русые непослушные волосы, посмотрела на парня.

– Степа, ты больше таких речей не заводи, я отрезанный ломоть, у меня ребенок безотцовщина, а такие никому не нужны. Все, иди.

Парень схватил свою флягу, дошел до дверей, остановился:

– И кто только тебя таким речам научил, язык бы тому отпластнуть. «Ребенок у нее!». Ну и что с того? Если жить по-людски, то и ребенок не помеха.

Маруся засмеялась:

– По-людски – это как? У нас, ты видишь, шибко по-разному семьи живут. Один пьет и жену с ребятишками бьет. Своих, заметь, ребятишек. Другой погуливает от одиночки до одиночки, а жена молчи, иначе в морду. Жить, Степа, можно только по любви.

Парень вспыхнул:

– Маша, выйди сегодня хоть на полчасика. Прошу тебя.

– Не обещаю, если дома все спокойно, на часик выйду.

Мать нарадоваться не могла: отошла дочка сердцем, улыбаться стала, в зеркало заглядывать, а отец тихонько, словно заговор от несчастья, ворчал, поругивался: «А если еще одного подбросит?».

Скоро все село знало, что на Новый год назначена свадьба, уж и сваты были со стороны Степана, мамаша поначалу кривилась, мол, девок тебе мало, а отец единственной рукой, оставшейся от аварии, ударил в стол кулаком:

– Ну, умнейший же человек заметил: свекровка блядь – снохе не верит! Ты окстись, я ведь тебя тоже не из первых рук взял. И чтоб ты больше – ни гугу!

У Маруси на приемном беда: холода погнали крыс в тепло, даже в бетонном полу прогрызли норы. Как только заметила – на телефон, технологу своему. Та обещала направить бригаду. К обеду подошла машина, две женщины с целлофановыми мешками стали раскладывать по углам, где уже нарыты норы, кусочки отравы. Технолог с этими женщинами передала, что принятое молоко ни минуты в пункте не оставлять, его заберет заводской молоковоз раньше графика.

– Теперь следи, родная, как они дохнуть начнут. Смотри, осторожней, чтобы не укусили, они в эту минуту сильно агрессивные.

– Это яд такой? – спросила Маруся.

– Яд самый злой. Ты видишь, мы в фартуках, сапогах и перчатках. Все это сдаем в чистку, чтобы, не дай Бог, не попало человеку.

– Ужас какой! – поразилась Маруся. – И что будет?

Женщина подняла с пола кусок, чуть больше карамельки в обертке:

– Если вот это проглотить, то уже можно своим ходом в анатомку. Ладно, милая, поосторожней тут, чтобы ни собак, ни кошек.

Машина ушла, Маруся осмотрела всю посуду, свой стол и шкаф – крыс не было.

На второй день позвонил главный бухгалтер, мужчина пожилой и суровый:

– Соберите все накладные за время работы и приезжайте с молоковозом.

– А обратно я с кем? У меня ребенок грудной.

– Не знаю. Знаю только, что у вас крупная недостача. Будем сверяться по документам.

Маруся собрала все бумаги, приняла молоко и села в кабину молоковоза. Водитель, молодой нагловатый парень, все предлагал ей садиться поближе, потому что от двери дует, потом поймал за коленку и неприятно заржал. Маруся ударила по руке папкой с документами. Доехали спокойно.

Главный бухгалтер взял ее папку, разложил на столе документы и стал крыжыть красным карандашом. Маруся со своего места внимательно следила и ничего не понимала. Наконец, бухгалтер бросил на стол карандаш и резким движением скинул очки:

– Итого по вашему пункту в переводе на масло скрыто продукции более чем на сто тысяч рублей.

– Как понять – скрыто? – переспросила Маруся.

– Не прикидывайтесь наивной девочкой. Вы скрыли накладные на несколько молоковозов, по крайней мере, у меня их нет.

– А молоко? Я же каждый день отправляла машины и с водителями накладные. Куда они могли деваться?

– А вот это, – бухгалтер поднял указательный палец, – это пусть скажут следственные органы.

Маруся плохо понимала, о чем ее спрашивает следователь, пока тот прямо не посоветовал признаться, что несколько машин она отправила на другой маслозавод. Услышав, что сумму ущерба она восстановить не может, следовать предупредил, что решать будет суд с выездом по месту ее жительства.

До дома добралась попутными машинами, в избе сидела соседка Фрося, сказала, что велено забрать ключи и ей принимать молоко.

– Только ты, Маша, научи меня эту штуку крутить.

– Пошли, покажу.

Пока Фрося крутила центрифугу, Маруся прошла в дальний угол и подняла с пола кусок отравы. Взяла со стола бокал утреннего молока и запила противную кашицу. Вместе с Фросей вышли из пункта, дома, снимая пальто, Маруся потеряла сознание.

Отец побежал к Степану, тот завел свою легковушку, на руках унес Марусю, и погнал в районную больницу. Недовольный дежурный персонал долго не мог определиться с диагнозом, потом стали пытаться промывать желудок, а через час вышел врач и сказал Степану, что девушка умерла, причину установит вскрытие.

Утром в дом Маруси прибежал Тихон Кириллович:

– Успокойтесь, родные мои. Маруся-то где? Из конторы завода позвонили, что документы нашлись.

Ему не успели ничего ответить. Вошел Степан, скинул шапку, прошел к столу, уронил голову на руки и заревел. Тихон Кириллович потрогал его за плечо:

– Степа, ты что? Да объясни же, концы в концах, что происходит? Где Маруся?

Степа кивнул:

– Нет Маруси. Маруся отравилась.

Ее хоронили тихо и многолюдно. Тихон Кириллович несколько раз звонил в контору завода, мол, пособить деньгами и проводить полагается. Ему отвечали, что никого из руководства нет, а они люди десятые.

ПАПКА ДЛЯ ВТЭКа
Рассказ

Иван Иванович никогда не отличался хорошим здоровьем, а в последнее время совсем захандрил, голова стала болеть так мучительно и беспрестанно, что Ивану Ивановичу казалось, голова – это он весь, тянущая и вязкая боль прожигала все тело. Больницу он не любил, потому пользовался лежащими в ящике комода таблетками: покойница жена его Галина собрала их в пакет и стянула резинкой. Иван Иванович разложил на столе пакеты и коробочки, пытаясь вспомнить, какие давала ему Галина, когда он изнемогал и готов был что угодно сглотить, только бы полегчало.

Эта коробочка поглянулась ему сразу, да из нее и давала Галя пилюли, еще велела молоком запивать. Молока теперь у Ивана Ивановича нету, потому что корову подал сразу после Галиной смерти, а магазинного не хотел, душа не принимала. Взял две пилюли, запил теплым чаем, прилег на кровать. Совсем уж задремал, вроде облегчение почувствовал, только это на минутку, а потом запотрясывало, да так, что за облучок койки едва поймался, встал и понял, что упадет, а падать нельзя, тут и старенький холодильник, и плита горничной печки, да мало ли обо что можно удариться, а потом лежи в *омороке,* жди, кто первым придет. Да никто и не придет, разве сосед Зосима, старше его на двадцать лет, но моложавый и здоровый. Схоронил старуху свою, и через девять дней, не стал соблюдать святые нормативы, привел молодую жену. Если Иван Иванович все правильно высчитал, то она моложе мужа своего аж на двадцать пять годов. Иногда сосед и над ним подшучивал:

– Есть у меня на примете еще одна краля, только для меня не годится, а тебе подойдет, по годам, я рассуждаю. На десяток тебя моложе.

Иван Иванович грустно улыбался и тоскливо махал рукой: какая молодуха, он уж и забывать стал про все такие дела.

Иван Иванович опустился на четвереньки, и, как дети играют, стал объезжать печку, холодильник, отворил тяжелую старинную избенную дверь, вывалился на крыльцо и громко позвал:

– Зосима!

Это ему казалось, что громко, а на самом деле только выдохнул. Решил ползти к калитке, все равно люди проходят, увидят лежачего хозяина, поднимут, не побрезгуют, знают, что не пьющий. Полз и завалился на бок от кружения головы, выравнивался, плакал и полз. Почему-то сильно не хотелось ему помирать вот так, среди ограды, и ждать потом, когда кто-то хватится. Уже в калитке увидел его Зосима:

– Иван, ты куда собрался на ночь глядя?

Повернул соседа на спину, а у того сукровица из уголка сжатого рта. Зосима тормознул пацана на мотоцикле, велел привезти медичку. Та вынула из сумки мобильный телефон и вызвала скорую.

– Ты его хоть посмотри, укол поставь! – возмутился Зосима.

– А что мне на него смотреть? Укол бы надо, давление снять, но ни одной ампулы нет. Ждите машину.

Машина пришла быстро, Ивана Ивановича погрузили, несколько соседок едва ли не всплакнули:

– Во след за Галиной, Царство ей небесное, навострился.

– Ой, бабочки, я его вчера видела – лица нет, мокрехонек, платком вытирается, а пот прямо ручьем. Не к добру это.

– Да, все там будем, сказано в писании.

На том и разошлись.

Три дня Иван Иванович лежал, даже в туалет не давали вставать, утку подсовывали. Стыдоба, но молодая девчонка, санитарочка, успокоила:

– Вы, дядя Ваня, не стесняйтесь, вы больной, а я все сделаю, работа моя такая.

– Ты уж прости меня, дочка, я тебе с пенсии платочек шелковый куплю.

Девочка засмеялась:

– Нельзя, дядя Ваня, мы тут дружно с коррупцией боремся.

– Это что, зараза такая?

Девушка дернула плечиками:

– Поди, похуже. Ладно, через пять минут приду за уткой.

Врач Ольга Анатольевна на четвертый день разрешила сесть в постели:

– Как же вы довели себя до такого состояния? Удивляюсь, как вы жили да еще и выжили при таком давлении? У вас аппарат есть?

– Какой?

– Давление крови измерять.

– Нет и не бывало.

– Надо приобрести и ежедневно контролировать. Тут мы вас подлечим, а дома сами заботьтесь. Группы у вас нет?

Иван Иванович плохо понимал, о чем речь.

– Инвалидности нет?

– Нет, упаси бог, руки и ноги целы.

Ольга Анатольевна покачала головой:

– Вот русский мужик: руки-ноги есть – стало быть, не инвалид. А что внутри творится, до последней минуты скрывает. Лечитесь, я буду заходить каждый день. Сейчас к вам подселят еще одного пациента, вы с ним постарайтесь в разговоры не вступать, он... несколько грубоват.

Сосед вошел, широко открыв дверь, поставил на кровать большую сумку, Ивану Ивановичу хорошо видно. Достал спортивные штаны и тапочки, кряхтя, переоделся, потом продолжил разгрузку сумки. Ивана Ивановича поразили две толстые папки, связанные бечевкой, которые хозяин бережно положил под подушку. Потом он сел на кровать, и стало видно его лицо. Еще до того Иван Иванович отметил, что сосед не только крепко сложен, но и обзавелся приличным животом. Сидел он, раздвинув ноги, а брюхо, присмотрелся Иван Иванович, свисало и опиралось на раму кровати. «Да, в нем, поди, пудов десяток будет», – подумал он. Но более всего поразило лицо новосела: широкое, с мясистыми щеками, скрывающими даже уши, грязная метелка волос свисала до бровей, лоб и щеки покрыты угрями. Иван Иванович отвернулся. Он сам всяко жил, в совхозе от получки до аванса, потом от пенсии до пенсии, но брился дважды в неделю, в бане парился каждую субботу, лицо непременно мыл с мылом, это еще со времен работы на тракторе. Как мог этот еще молодой человек так себя запустить? Вот послал черт соседа!

– Слышь, дед, ты, мне сказали, под себя ходишь? Надо с этим завязывать. Это первое. Второе: окно не открывать, мне противопоказаны сквозняки. И еще: как зовут эту новую цыпу?

– Кого? – не понял Иван Иванович.

– Врачиху нашу. Раньше ее не было. Как она: добрая, злая, как обращается?

Иван Иванович обрадовался возможности поговорить:

– Ольга Анатольевна очень добрая и умница, меня за три дня на ноги поставила.

Новосел захохотал:

– Ну, это она перестаралась! Ладно, дед, без обид, живи. Со мной у ней так лихо не выйдет.

– А что, тяжелая болезнь?

Сосед засмеялся:

– Да нет, болезнь легкая, только они найти ее никак не могут.

– Может, ее и нет совсем? – предположил Иван Иванович.

Сосед впервые внимательно на него посмотрел:

– Ты, дед, случайно не телепат? Ну, мысли на расстоянии? Видал по телевизору?

Иван Иванович обиделся:

– У меня и телевизора нет.

Вошла Ольга Анатольевна:

– Так, Смирнов, вы по направлению поликлиники, но я не вижу оснований для госпитализации. Анализы, которые вы сдали амбулаторно, вполне приличные. Вы прошли курс лечения месяц назад. Мы по вышей настойчивой просьбе, даже требованию, направили вас в областную больницу. Вас обследовали и признали вполне здоровым. И вот вы снова здесь? Что будем делать?

Смирнов приподнял подушку и вынул одну папку:

– А делать будем вот что: вот тут копии всех заключений, которые я получил в областных больницах и поликлинике, в Ишиме, у вас тут. Вы человек новый, с документами не знакомы, потому и рассуждаете так по-детски. Вы их изучите, а потом придете ко мне и будем разговаривать.

– О чем, Смирнов? Вы совершенно здоровы.

– Изучи документы, доктор, тогда будет о чем базарить. У меня сердце на последнем режиме, а вы мне про «совершенно здоров». Так дело не пойдет.

Смущенная Ольга Анатольевна взяла папку и вышла.

– Вот так с ними надо, понял, дед? Ты думаешь, я ей настоящие документы отдал? Нашли дурака! У меня все скопировано, вот копии и пусть изучает. А подлинные документики под подушкой, вот дожму их, направят на ВТЭК, а у меня все бумажки подшиты. Ладно, дед, ты лежи, а я в ларек сбегаю.

Он вернулся через десять минут, бросил на подоконник два пакета, и стал жевать. Жевал он смачно, чем-то хрустя и причмокивая, Ивану Ивановичу к этому времени подключили капельницу, и он не мог видеть, что там делает сосед. Смирнов собрал все салфетки и пакеты и выбросил в ведро в туалете, сел на кровать и откровенно икнул.

– Беляши, сволочи, успели разобрать, только два осталось. Пришлось брать котлету в тесте и сосиски в тесте, по паре. Пакет кефира на третье. Понял, дед? На их харчах ты долго не протянешь.

Иван Иванович искренне возразил:

– Напрасно вы так, кормят хорошо.

Смирнов засмеялся:

– Понятно, вы со старухой слаще морковки ничего не ели.

– У меня нет старухи, померла ланись, – обиделся Иван Иванович.

Смирнов помолчал.

– Ладно, дед, замяли.

Вошла Ольга Анатольевна вместе с пожилым высоким мужчиной.

– Смирнов, если вас не удовлетворяет мое объяснение, послушайте Анатолия Николаевича, заместителя главного по лечебной части.

– Не надо! – сразу резко сказал Смирнов. – Я этого говоруна слышал десяток раз. Это он настоял, чтобы меня выписали из стационара и увезли домой, а дома я чуть не сдох, сердце остановилось, жена вызвала скорую, и меня снова привезли сюда. Было, Анатолий Николаевич?

– Было. Но мы тут же провели обследование, сняли кардиограмму, УЗИ сердца, анализ крови – самые приличные результаты. А вы настояли на отправке в область.

– Да, и сейчас буду настаивать. Потому что я хочу жить, а вы гоните меня в гроб.

Ольга Анатольевна махнула рукой, оба врача вышли.

Смирнов сложил документы в папку и перевязал бечевкой.

Иван Иванович, молча наблюдавший за этой сценой, вдруг спросил.

– Смирнов, а что такое есть ВТЫК?

– Не ВТЫК, а ВТЭК. Эта такая комиссия, которая признает человека больным по приложенным документам, и определяет группу инвалидности. Третья – это пыль, надо бить на вторую, там и пенсия приличней, и льготы.

Иван Иванович возмутился:

– Да какой же ты пенсионер, Смирнов? Ты жрешь, как боров, аж уши шевелятся. И не выбуривай на меня, я не из трусливых. Группу ему надо, и он терзает бедную Ольгу Анатольевну. Ты же здоров, как бык, я видел, как ты весной картошку хачикам продавал, мешки ворочал из погреба на весы. Поди, тонны три было.

Смирнов с удивлением слушал соседа и молчал. Когда тот закончил, посоветовал:

– Дед, забудь все, что ты слышал. Это я тебе по-дружески советую. А направление в областную они мне сегодня принесут, завтра я там повстречаюсь, с кем надо, и приеду с направлением на ВТЭК и обязательно на вторую группу. А ты так и будешь уток давить, деревня долбаная.

Ивана Ивановича после лечения Ольга Анатольевна направила на дополнительные обследования, чтобы подготовить к ВТЭК. В день заседания они снова встретились со Смирновым. Он сидел в кресле и жевал любимые беляши.

– А, сосед, а ты зачем тут?

– Да вот, сказали, что надо прийти. На ту комиссию.

– И что? Дадут группу?

– Откуда мне знать?

Вызвали Смирнова, через пять минут он вышел и подмигнул Ивану Ивановичу.

– Дождусь, какой приговор тебе вынесут. Интересна мне эта механика.

Позвали Ивана Ивановича. Врачи долго перебирали его бумаги, Ольга Анатольевна несколько раз склонялась над столом, давая пояснения. Комиссия решила ограничиться третьей группой.

– Это несправедливо, – резко сказала Ольга Анатольевна. – Только что здоровому человеку вы определили вторую группу, а у этого хроническая гипертония с массой осложнений

Председатель комиссии снял очки и посоветовал участковому врачу не давать советов авторитетной комиссии.

ВАХТОВИКИ
Рассказ

Старики говорят, что такой год выпадает раз в двадцать лет. Весь апрель шел сплошной мелкий дождь, в мае, когда день и ночь надо работать на полях, потому что в крестьянских хозяйствах техника еще советского производства, новые технологии они только видели в крупных агрофирмах, когда иностранный комплекс за один проход срежет сорняки, взрыхлит землю, воздухом загонит в нее семена, прикатает. А наши по старинке, сначала одно, потом другое, и все чаще всего одним трактором. Ближе к концу мая кое-как запихнули пшеницу, а серые культуры сеяли до дня независимости. А потом солнце встало над крестьянскими делянками и жгло их, изгоняя влагу. На полюшках раннего сева всходы удачно выскочили, а на поздних прижгло, смотреть больно на хилые с желтизной былинки.

Все лето ходили и ездили по полевым дорожкам, с надеждой глядя на редкую, но ровную зелень, поднявшуюся под горячим солнцем. Потом, когда выметался колос, облегченно вздохнули: колос мощный. Считали завязи зерен и прикидывали, что если все будет нормально, урожай порадует, спасет от банкротства. Только старые хлеборобы сбивали настроение:

– Ребята, защурьтесь и не ворожите на кромке поля, грех это. В Сибири живем, а тут дважды два не всегда четыре.

– Как это понимать?

– А так. Иногда выскочит пять, а чаще – три.

Предвидели, что уборка будет поздней, неверующие бога просили, чтобы сухая осень была. А в средине августа два ливня разбудили лежащие в сухой земле зерна, и началось страшное для хлебороба: пошел в рост подгон. Желтые созревшие поля словно надели зеленые юбочки, вроде и молотить надо, а зелень не даст, забьет молотильный барабан, своей влагой смочит и без того щуплое, некондиционное зерно. Кто-то успел, а несколько крестьян не сумели до дождей управиться, пропал хлеб. Когда подстыло, пробовали по черепку молотить, ничего не получилось, только комбайны порвали да сами намучились.

К концу года семь человек сдали все документы на закрытие своих хозяйств, что-то продали, раздали по долгам, остались еще беднее, чем начинали. Собрались перед Новым годом, ребят, которые у них работали, пригласили, нажарили шашлыков, водки принесли. Но не пьется и не естся. Вопрос один: как дальше жить? В селе работы нет. Уже съездили к соседям, там мужики только с вахты вернулись, гуляют. Спрашивают:

– Ребята, работу можно найти?

– О, работы – сколько хочешь, и заработок. Вот мы месяц будем гулять, потому что отработали и расчет получили.

– Но деньги-то хоть платят?

– Нормальные деньги, вы тут таких сроду не видели.

Сели в легковушку ходоки, переглянулись:

– Не верю я им, чтобы нам очки втереть, несут несуразицу, – сказал Миша Соловьев.

– Да как сказать... Ведь ездят же они!

– И мы поедем, только не все сразу.

Так и сделали. Собрали самого серьезного и въедливого, Дениса Стрепалева, по деревенскому прозвищу Хват, потому что и на работе был в лучших, и не любил болтунов и пьяниц. Наказ был дан такой: найти организацию, где бы их приняли всех, а всех – дюжина. Если не в одной шараге, то хоть в одном городе. Переписали специальности, стаж и классность каждого, долго выбирали место, и решили штурмовать Север с севера, с Надыма. Улетел Хват, мужики места найти не могут. Сразу куча вопросов: у каждого хозяйство большое, бабы с ребятишками все жилы вытянут, опять же сейчас отказаться от всего – а как оно с Севером будет, еще вилами по воде писано.

Вернулся Денис в добром здравии и в хорошем настроении. Вечером собрались у него в доме, выложил он на стол бумаги:

– Вот билеты и отчет по расходам, все чин чинарем.

Мужики в голос:

– Ты о деле говори!

– О деле. Удачно я приехал, в «Газпроме» создают новую шарагу, готовы всех принять. Но, мужики, сказали, что у них своя медкомиссия, отбор суровый, как в космонавты. И явиться надо к первому числу.

– А техника там какая?

– А жить где?

– Вахта месяц или как?

– Про зарплату что обещают?

Хват нахмурился:

– Обо всем по порядку. Техника вся не наша, что автомобили, что трактора. Хорошо, что сумели все категории открыть в правах, а так – только на дежурный уазик, а там зарплата слезная. Для жилья у них вагоны стоят, я напросился в гости к курганским мужикам, тоже из деревень, говорят, не нарадуемся. Тепло от электрокотла, плита, кровати как в армии, в два этажа, туалет, душ.

Душ и туалет всех ошарашили: вот это жизнь!

– Ты про работу, про работу.

– Работа разная, – важно ответил Хват. – Трубы возят, технику разную. Сказали, месяц будет стажировка, потому что техника вся на нерусском языке. Я в трактор сел, там доска приборов, как в самолете, и лампочки в два ряда. Сразу не уедешь.

– А зарплата, зарплата?

Денис кашлянул:

– Первое время губу не раскатывайте, а потом легче будет, у них начисляют полярку.

– А это что такое?

Хват пожал плечами:

– Честно сказать, мужики, и сам не знаю. В конторе при разговоре не уточнил, а потом мужиков спросил, они смеются: «С белой медведицей переспишь, добавка будет к зарплате».

– Ну, это они озоруют, – успокоил Филипп Решеткин.

– Хват, а если без шуток – бабы там есть? Если месяц жить...

Хват ответил сдержанно:

– Бабы только по партийным билетам. – Потом взорвался: – Ты туда робить собрался или размножаться? Какие тебе бабы? Конечно, есть, если город, но мужики опытные успокоили меня на этот счет: работа такая, что баба только во сне может присниться, тем и довольствуйся.

Все дружно захохотали.

Как только Денису позвонили из конторы и сказали, что к первому числу всем двенадцати явиться, он кому позвонил, до кого добежал. Решили ехать поездом, самолетом дороговато и страшновато: опять вон один упал. Дурь, конечно, но пришлось на трех машинах ехать до станции, чтобы купить билеты – только по паспортам. Договорились с крутым пареньком, он на «Газели» до города возит, согласился забрать всех вместе с вещами и доставить к поезду.

Вечером, как положено, банька, родственнички собрались, но никто из вахтовиков пить не стал, потому что Хват, ставший старшим, строго предупредил: «Наутро запах будет – дома останешься». Когда ребятишки уснули, жены всплакнули на груди, смочив пахнущие утюгом рубашки. Наказы: «Ты только там не вздумай загулять, выпрут сразу. И насчет баб... Привезешь мне какую-нибудь неизвестную северную болезнь. Деньги не трать, только на еду, а на продуктах не экономь, не для того работаем». Мужья тоже не бессловесны: «Месяц крепись, не вздумай кому подморгнуть. И кампаний избегай, в них все грехи творятся».

Трудно было мужикам на новом месте, хорошо, что главный механик тоже из деревни, по-человечески относился. Сразу выписал теплую спецовку, хотя ему намекали: дело к теплу, колхозники о спецовке понятия не имеют. Отшил и велел выдать. Дня через три техники перестали бояться, японский трактор заводили, как свой «Беларусь». Шофера не могли нарадоваться на машины: «Вольво», МАНы, «Тайоты». Две недели отработали стажерами, а с понедельника самостоятельно. К ночи возвращались в вагончик, едва перекусив, валились в постель.

– Васяня, ты все про баб озабочен был, так я договорился с поварихой.

– Отвянь, я сплю.

– Ну как же? Я ей обещал тебя прислать. Я бы, Васяня, сам сходил, но мне ее не обнять, а тебе бы в самый раз.

Посмеялись, а Вася уже храпел.

В тот же вечер жена Васи Фрося Кафтайкина, напарившись в бане, выпила с устатку рюмку самогонки и позвонила соседке Клаве Решеткиной:

– Сидишь, горюешь? Приходи ко мне, все веселей будет.

Клава прибежала, едва накинув шубейку.

– Да ты после бани? Не выстыла, поди, я бы тоже обмылась, семена сегодня у этого барина ворошили, пыль столбом.

Когда Клава вернулась из бани, за столом сидели пять подружек, вместе в школу ходили до восьмого класса, вместе на ферму пошли, в один год замуж выскочили, потому что с десяток парней из армии вернулись, и пятеро сразу их подхватили. Миловались не долго, разом свадьбы сыграли, дома рядом поставили, на одном месяце родили первенцев. И вот сидят, грустят.

– Девчонки, правда, плохо без мужиков. Другой раз так и прибила

бы, когда пьяный придет, а протрезвится, прижмет к груди, аж в пояснице хрустнет, и злобы нет, и обиды.

– Давайте выпьем за них, чтобы хорошо работалось и скорей возвращались.

Хорошо посидели бабоньки, а на другой вечер звонит Вася Кафтайкин:

– Фрося, слушай внимательно и всем женщинам передай: оставляют нас еще на месяц, производственная необходимость.

Фрося аж вспыхнула вся:

– И ты согласился? Вася, я истосковалася по тебе.

– Ну, давай, я все брошу и приеду твою тоску разгонять. А потом – седьмой хрен без соли доедать. Тебе, Фрося, не двадцать пять, что удержу нет. Все, заканчиваю, передай женщинам, будем еще месяц робить.

Сообщение о задержке вахтовиков быстро облетело деревню. Жене Хвата, учительнице начальных классов, продавщица, набрав пригоршню сдачи, посочувствовала:

– Зря вы мужиков отправили. Они там, небось, погуливают после смены, а вы тут – вдовы при живых мужьях. В холодную-то постель тоскливо ложиться, скажу по секрету: мужик один к вам шибко присматриватся, грозился ночью постучаться.

Анна Антоновна улыбнулась:

– Напрасно вы тоску нагоняете, а тот мужик пусть приходит, я калитку не буду закрывать, а волкодава, с которым Денис на охоту ходил, в ограду выпущу. Так ему и передайте, чтобы потом обид не было.

А пятеро подруг стали собираться не только после баньки, но и среди недели, выпивали, песни пели, мужей вспоминали. Кто-то из знакомых позвонил Хвату:

– Денис, не знаю, как сказать, но несколько жен твоих мужиков в пьянку ударились, а это дело опасное, женский алкоголизм...

– Говори конкретно, кто?

Знакомый назвал фамилии. Долгий вечер думал Денис, надо ли говорить мужикам, ведь сорвутся, все испортят, второй раз уже не примут. И до смены еще две недели. Выбрал время, позвонил жене, попросил ее поговорить с этими женщинами, сказать им, что мужья скоро вернутся, а они вот в таком виде. Анна Антоновна пообещала:

– Я попробую, родной, только не знаю, что получится. Приезжай скорее, а то я уж сны всякие вижу, не по телефону, потом расскажу, да

ты, поди, и сам догадался. Мы же с тобой за двадцать пять лет ни разу не расставались.

– А когда ты рожала?

– Ну, это совсем другое. Я поговорю с этими женщинами.

Долго раздумывать ей не пришлось, товарки решили и ее пригласить. Фрося Кафтайкина позвонила:

– Анна Антоновна, приходи сегодня ко мне, соберемся, погорюем, тоску разгоним.

Она пришла к самому началу застолья, села с краюшка, оглядела женщин, с которыми вместе провожала своего Дениса, тогда все плакали и целовали мужей без стеснения. Сегодня они стали какими-то расхристанными, несколько раз услышала грязное ругательство, на столе стояли стаканы, графин с самогоном, огурцы соленые и мороженое соленое сало.

– Женщины, как вы без мужей? Хозяйство держите? У всех дети уже большие, помогают.

– Да пропади оно пропадом, хозяйство это! – возмутилась Дина Соловьева. – Живешь день вроде еще как-никак, а придешь домой – выть охота. И не вдова, и не бросовка, и не верная жена. Вот и пьем с тоски, а то, гляди, будем ходовых мужиков загаркивать.

– Женщины, а вы подумали, им там каково? Морозы под сорок, железо лопается, а им надо работать. К выпивке вы быстро привыкните, а они вернутся через две недели. Что вы им скажете? Что тосковали? А ведь у нас деревня, все про каждого всё знают. И про меня тоже, уже ухажера предлагали.

– И что с того? – удивилась Фрося Кафтайкина. – Приедут, так мы выпивать не будем.

– Дай-то бог! – Анна Антоновна встала. – Спасибо, женщины, за приглашение, пойду, у меня еще тетрадки не проверены. И мой вам совет: прекращайте. Денис мне сказал, что ему позвонил один мужчина, рассказал про ваши застолья, но он мне пообещал, что мужьям вашим не скажет, пусть сами разбираются. – И ушла.

Бабы зашумели:

– Это какая скотина могла такое сообщить? Ну, посидели, попели. Бабы, как хотите, а я пошла домой, напугала меня учителка, точно, быстро можно прикипеть, я уж чувствую, что жду вечера. Все, больше меня не шевелите. – Оделась и вышла.

– Ну, блин, расстроили всю кампанию, – сокрушалась Фрося. – Так разливать или завязали? Нет, по стакану надо, а то мне не уснуть.

Выпили по стакану и разошлись. Анна Антоновна видела, что за последние дни женщины посвежели, стали улыбаться при встрече.

Как и обещали, вся команда вахтовиков явилась вовремя и в полном составе. В каждой семье устроили вечер с родственниками, и пятеро мужиков заметили, с каким наслаждением пьют самогон их жены, еще два месяца назад брезгливо выпивавшие только одну рюмку. На другой день Вася Кафтайкин пришел к Денису:

– Что-то не так, шеф. Вчера моя Фрося упилась в доску, сроду с ней такого не было.

Денис сдержанно ответил:

– Может, на радостях?

– Она несколько раз самогонку гнала, сын сказал.

– И что с того? Тебя ждала.

– Нету той самогонки, вчера выставила трехлитровую банку, и все.

Денис был явно смущен этими вопросами:

– Ну, посмотри, месяц будешь дома, заметишь.

На вахту пятеро мужиков ехали с неохотой, все они несколько раз ловили жен на свежем запахе спиртного. Кто-то уговаривал, кто-то бил, но ехать надо. Деньги оставили старшим детям, родственникам наказали, чтобы проследили.

Вторую вахту отстояли нормально, а на третью двое уже не поехали, дело до развода. Оставшийся дома Вася Кафтайкин позвонил Денису:

– Хват, не знаю, как сказать, у Фили Решеткина Зинку с пьянки парализовало.

Филя уехал. Зинаиду схоронили, Кафтакин и Зматраков своих жен выгнали, сложили манатки в машину и их полупьяных высадили около ограды тестя с тещей.

Вечером перед отъездом Денис сказал своей жене:

– Аня, вахта – это выход из положения, но только для крепких семей. И у нас там один подженился на городской, а дома семья.

– Ты меня предупредить хочешь? Не надо, родной, я тебя буду ждать с любой вахты и столько, сколько надо. Вспомни, Денис, родителей наших. По четыре года воевали мужья, а жены работали, детей растили, не спились, не скурвились, извини за выражение.

Девять человек прижились на вахте, а месяц дома вкалывали во дворе, ремонтируя и подстраивая. Отправили учиться детей, хоть и за плату, но было чем платить. Летом косили сено, потому что без коровы дом сирота. А почти все мужики, хоть и стеснялись, но любили парное молоко.

КАМЕНЬ
Рассказ

Деревня Луговая поднялась на высокий бугор, разметала улицы от цента вниз по некрутым склонам. Вокруг деревни были луга заливные. На бугре еще в царские времена поставили церковь. Лес возили от северных татар, чистили и сушили, кололи на плахи. Тут же избрали старосту церковного, вносили деньгами, и зерном, и мясом, и маслом коровьим. Староста нашел в городе человека, который по божеским ценам все закупал, да еще от себя вносил. Провозили както больших чинов человека в сторону Омска, да тележка сломалась, едва дотянули до кузницы. Кузнец, видать, толковый был, погнутую ось выпрямил, да еще увидел в нескольких местах слабину, а до ближайшей станции верст тридцать. Позвал кучера, показал, тот дело понимает, докладывает адъютанту, тот чину. Решили ремонтировать, чтоб оказии какой по пути не случилось. Чин тем временем деревню обходил, узкими переулками с улицы на улицу, пока не сообразил, как она устроена. Наверх поднялся, штабеля соснового материала увидел и спросил старца:

– Скажи, отец, что вознамерились строить и кто?

Старик встал, вязаную шапку снял и поклонился:

– То, батюшка, обчество вознамерилось церковь поставить во имя святого Лаврентия.

Гость вздрогнул:

– Лаврентия, говоришь? Эко чудо, да это же имя мое от крещения, только зовут меня Лавр. Скажи, а эти бревна в стороне?

– То, сударь, особое дерево, оно на окладники да на матицы пойдет, на нем и колокола крепить станем. Зовутся у таежных людей кедр да листвянка, столь крепки, что ни один топор об них сломали.

– Очень, очень радостно мне все это. А кто же старший?

– Да тут он, тут. Артамон, ходь сюда, проезжий господин видеть тебя желают.

Подошел тот, кого назвали Артамоном, мужик в годах, но крепкий, борода подстрижена, а голова лысая. Тоже картуз снял, поклонился.

– Ты церковный староста?

– Точно так, господин.

– А средства где берете?

– Сбором. В город ездим, на ярмарках и базарах просим подать на храм.

– Хватает средств для строительства?

Артамон улыбнулся:

– Где же хватит, господин хороший, нынче была бригада строителей, есть у них благословение от Владыки, что могут строить. Но цена больно кусается.

– Сколько запросили?

Артамон достал из кармана листок:

– Тут все работы переписаны, а в оконцовке цена.

Гость бумагу внимательно изучил и глаза поднял на Артамона:

– Дорого, говоришь? Не думаю. Если они кресты поставят да колокола укрепят – не будет дорого. Я дам тебе такие деньги, только не деньгами, а особой бумагой, ты с нею поедешь в город, найдешь банк, предъявишь, а я записку приложу, и получишь эту сумму наличными.

Артамон опять улыбнулся:

– Что ты говоришь, господин хороший, кто же мне, мужику, в банке такие деньжищи даст?

Гость всплеснул руками:

– Экая незадача? Тогда так: запрягай легонькие дрожки, да бери с собой пару надежных мужиков с ружьями, и следом за мной до города. Сам получу деньги.

А бригада, ожидающая решения, общества, цену чуть сбросила, так что сговорились и по рукам. Пока колокола да кресты с Урала везли, мастера церковушку срубили, наличниками украсили, козырьки над дверями навесили, домик для священника недалечко поставили. Кресты поднимали с молитвой, установили, ввинтили в торец толстого кедра. А колокола вздымали всем селом, трое знатких наверху крепили, потом молебен отслужили и ударили в колокола. Пали люди на колени, и головы никто не поднял, пока гудело все небо. А как расходиться стали, бабочка одна оглянулась и ахнула:

– Господи, как невеста стоит наша церковь!

Эту историю рассказывал дедушка Антон своему младшему внуку Антошке.

– Не верю я тебе, дед, что деревня наша такая большая да краси-

вая была. И церковь – где она? Дома, говоришь, строили – один другого краше. Нету. Одна улица, ты да бабка Апроша, все и жители.

Антошка уже большой, в шестой класс ходит. Уехали в город, как колхоз стал разваливаться, устроились, благо дед Антон сына своего Кирилла держал сурово, всякому ремеслу обучал, какое сам ведал. Вот он и основал мастерскую сначала в избушке при доме, потом купил отдельный. Все ремонтирует, что в хозяйстве у каждого. Неплохо живет. Он крайний, другие-то раньше уехали, отправляли вроде на учебу, а оказалось, что насовсем. Кто инженер, кто в армии служит, та бухгалтер, а другая врач. Антошка рядом, каждое лето приезжает деду помочь дрова заготовить, подремонтировать что.

– Бросай все, поедешь к нам, я тебе свою комнату отдам, Нинка все равно за Славку замуж выйдет, я слышу, как они за стенкой вошкаются. Добром это не кончится, так батя говорит. А выйдет – я в ее комнату, а ты в мою.

Старый Антон качает головой:

– Нет, сынок, я тут родился, тут и помру. Это родина моя.

Антошка смеется:

– Дедушка, родина у нас на всей планете, вот нащ большой общий дом. Окончу школу, университет, поеду за границу работать. И тоже будет родина.

– Врешь ты все. Родина – где родился и крестился, где могилы отца и матери твоей.

– Ладно, дед, я не крещеный. А ты за границей был?

– Бывал.

– Ты поездом ехал или самолетом?

– Нет, пешком.

– Ты что, как Федор Конюхов?

– Нет, как Георгий Константинович. Правда, он на машине, а мы передом, пехом.

– А-а-а... – разочарованно протянул Антошка

Через неделю приехал сын Кирилл, мальчика забрать домой, осторожно намекнул отцу, что пора бы к нему перебраться, хватит бабку Апрошу караулить. Дед отказался, но еще раз напомнил:

– Киря, ты меня будешь хоронить, никаких кустюмов с галстуком, не смешите народ, а то вон Архипа привезли из города, в гробу лежит, как на свадьбу собрался, а гроб лакированный, как комод. Тьфу! Да накрашенный, у Архипа всю жизнь правая щека была с ро-

димым пятном, его так и дразнили, «Пятнаный», а тут как артист. Не вздумай. Под сараем у меня семь тесин, еще в совхозе брал, сколотишь гроб, сам, крест деревянный, тоже бруски заготовлены. Все снаряжение в сундуке, под бельишком. В нашем углу могилку матери своей найдешь. Смотри, не прикопай к чужой бабе, будем там разбираться. – Дед Антон тихо засмеялся.

– Киря, ты мне на телефоне хоть мелом пометь кнопку, чтобы тебя вызвать. Смешаюсь я опять.

Кирилл проверил: его номер на вызове, осталось кнопку нажать. Напротив провел черточку мелом. Вынул аккумулятор и поставил привезенный, заряженный, вынес матрас с одеялом и подушкой, пусть на свежем воздухе проветрятся. Даже удивился, что старый впервые заговорил о смерти. Чувствует, что ли? Пошел к избе Апроши, ногами смял высокую траву в воротцах, где-то ёкнуло: жива ли? В дверях окликнул:

– Бабушка Апросинья, ты дома?

– Нет, – скрипучий старческий голос. – В гостях. Домой только собираюсь. Кто крещенный? Заходи, взять у меня нечего, разве что воды попьешь.

– Ты совсем не встаешь? Смотрю, в ограде трава поднялась.

– Третий день не встаю. А ты чей?

– Киря, к отцу приехал, попроведать. Да сына заберу, путевку ему дали в лагерь какой-то.

Бабулька приподнялась на локте:

– Кирюша, ты бы моим сопчил, что при смерти я, чтоб зарыли. А лучше в сельсовет заехай, скажи, мои-то не соизволят.

– Ладно, бабуля, я пошел. Если что надо, скажи. Хлеб есть? Давай я тебе супу от отца принесу тарелку.

– Ни к чему, сынок, иди, только выполни, а то крысы лицо объедят за одну ночь, они и так по мне бегают.

В жутком настроении вышел от бабки Кирилл, подошел к машине, набрал номер бабкиной дочери Федоры:

– Я тебе из деревни звоню. Вы чо мать-то совсем бросили? Лежит, не встает. Забирать ее надо.

– Куда, Киря? Я сама с семьей в пансионате осталась, робили на этом гребаном ЖБИ, все ждали квартиру, а перед самым носом ЖБИ прикрыли. Вот и кукуем. У меня два отгула есть, приеду в четверг, скажи ей.

– Да кому говорить, она едва пикат.

– Ладно. Приеду.

В полуразвалившейся баньке согрел воды, повел отца мыться.

– Вот проянился, предлагал тебе новую баню срубить, что зимой будешь делать?

– Э-э-э, Киря, до зимы еще дожить надо. Ты мне спину потри хорошенько, мне на ней долго лежать придется.

Сын насторожился:

– Это ты в каком смысле?

– В прямом. В гроб же на брюхо не ложат.

– Ну, блин, шутки у тебя.

Старый Антон задребезжал жиденьким смехом.

Дома одел на старика свежее белье, легкие штаны и рубаху. Постельное все выхлопал и застелил.

– Все, батя, можешь занимать плацкарт. Но к зиме строго ко мне, я к тебе по бездорожью не набегаюсь.

В четверг на верстаке Кирилла зазвонил телефон, номер был только на аппарате отца. Он схватил трубку:

– Слышу, батя!

– Все, сынок, приезжай хоронить.

– Тебе плохо, отец?

Телефон молчал, старик даже не выключил его.

Сразу позвонил всем братьям и сестрам, сказал, чтобы были готовы, а сам вместе с женой в деревню. В избу вошел осторожно, отец лежал на спине, держа в руке телефон. Кирилл подошел ближе и заплакал, провел рукой по лицу, закрывая погасшие глаза. Жену отправил нагреть воды в бане, раздел отца, прикрыл простыней. Освободил от всякого барахла кухонную широкую лавку, устойчиво установил посреди комнаты. На ней и обмыл тело, насухо вытер, достал из сундука сверток, о котором говорил отец. Открыл коробку: пачка денег, это пенсию складывал, колхозные значки передовика, орден Трудового Красного Знамени, а внизу орден Славы и две «Красных Звезды». Отложил в сторону, стал одевать кальсоны, потом позвал жену, вместе одели рубаху и брюки. Остался крестик на веревочке, жена предложила одеть на шею, сын отказался:

– Если бы надо, он бы его носил.

К субботнему утру собрались все братья и сестры. Обнимались, плакали, некоторые друг друга по двадцать лет не видели, а вот позвала смерть единственного объединяющего всех. Могилу рыли сами,

гроб делали вместе все мужики под руководством Кирилла. Полковник Иван предложил выложить ордена. Нашли маленькую подушку, кусок красного сатина, положили у изголовья. К обеду понесли на кладбище, женщины вычистили весь угол, где с основания деревни хоронили Пальяновых, поставили гроб на две табуретки, помолчали. Потом поочередно наклонялись к скрещенным на груди отца рукам, что-то шептали. На выходе с кладбища встретили процессию бабушки Апроши, несколько мужчин вернулись помочь.

Сидя за поминальным столом, вспоминали детство, большую деревню, много молодежи. И вот за двадцать лет деревни не стало.

Подняв рюмку с водкой, полковник встал:

– Братья и сестры мои, зятья и снохи, мы сегодня похоронили последних жителей нашего села. Мы похоронили деревню. Денег на памятник отцу мы оставим. А вот как быть с памятником деревне?

– Ей какой-то поэт просил на Красной площади памятник поставить, – шепнула его жена.

– Не надо на Красной. И площадь эта, и то, что за стеной – это они угробили наши деревни. Мы сами сделаем памятник. Есть у меня в полку мастеровые ребята, привезем кусок мрамора из карьера, договорюсь. И они напишут: «Здесь была деревня Луговая. От виноватых земляков».

Еремину доложила секретарша, что на прием просится полковник.

– Не наш? Да у нас и полковников нет. Военный? Пусть входит.

И сам поневоле поднялся навстречу высокому и статному военному. Поздоровались, познакомились.

– Вопрос вот в чем, Григорий Павлович, – начал полковник. – Я родился и вырос в деревне Луговая, мой отец был ее последним жителем. Вы отключили энергию, перестали поддерживать дорогу, то есть, вы похоронили ее еще живую. Нет, я не за тем пришел, чтобы предъявлять претензии. Конечно, за такую сельскую политику рано или поздно придется отвечать. Мне нужно официальное разрешение на установку на месте моей деревни памятного камня.

– Не понял! – Еремин стал серьезным. – И что это за камень?

– Обыкновенный кусок мрамора, на котором поминальная надпись. И все.

– Я понял. А написано что?

– «Здесь была деревня Луговая. От виноватых земляков». Как видите, никакой политики.

– Хорошо, с вами поедет архитектор, надо же выбрать место.

– И пусть он прихватит бумажку, что установка камня согласована с властями.

Они сухо попрощались.

Дня через два Еремин вдруг вспомнил о камне и подумал: если этот дурной пример подхватят выходцы из других закрытых деревень? Они же весь район уральским мрамором украсят!

Он снял трубку и набрал номер:

– Елена? Если принесут заметку про памятный камень на месте деревни Луговой – не печатай.

– Поздно, Григорий Павлович, фотография и статья уже в номере.

Еремин с остервенением бросил трубку.

ОГРАБЛЕНИЕ
Рассказ

Странное дело: сменилась власть, распустили колхоз, и жизнь в селе изменилась. Раньше все вместе работали, по праздникам собирались кампаниями, выпивали, песни пели, даже иногда, как в старые годы, «по улицам ходили». Вся кампания с гармонистом во главе идет во всю ширину улицы, впереди три-четыре ряженых и крашеных, пляшут, матерщинные частушки поют. Весело!

Бывало, и драки случались, если кампания на кампанию нашла, встретились. Посреди круга под две гармошки пляс идет, но найдет же какой-то ухарь себе супротивника, вспомнит кто-то, как его обидели года два назад. До сегодняшнего дня жил, не вспоминал, совсем забыл, а по пьянке да на фоне всеобщего веселья вдруг обида всплыла. Подошел к жертве и, ни слова не говоря – хрясь по лицу. Кровища, как из барана, тут же и заступники находятся, иными словами, с великим трудом разведут кампании более трезвые мужики.

Теперь этого нет. Соседи здороваются, но в гости не ходят, родственники позабыли дни рождения друг дружки, только на похоронах и встречаются. Скучно стали жить, уныло. Если встретились лоб в лоб бывшие друзья-товарищи, то разговор либо о болезнях, а если кто здоровее, то про политику. И в хвост и в гриву отчистят все руководство, да не свое местное, а сам верх, особенно не любят депутатов. Если бы в зале, где они заседают, каждый день подобные записи разговоров прокручивать, половина депутатов сняла бы с себя все вместе с полномочиями, потому что после такого рейтинга на виду оставаться нельзя.

Правда, выпадают счастливые мгновения. Утром стало известно, что торгаш Мишка Швырок обновил свой новенький иностранного происхождения автомобиль, который купил, нещадно обирая своих односельчан. Цены у него в магазинах такие, каких, поди, и в Москве нет. И ведь берут люди, продавцов несчастных ругают, но платят. А куда денешься? За каждой мелочью в район не наездишься. И вот, наконец, удача: вечером на узкой дорожке нетрезвый Мишка Швы-

рок въехал в стоящий на обочине грузовик. Понятно, всю харю иностранную расквасил, теперь ремонтов не на одну тысячу. Швырком его зовут не потому, что мал ростом, ростом он вполне, а вот от детской привычки швыркать носом так и не отвык. Если он в магазине, морготливые женщины товар не берут, уходят. Пообсуждали, порадовались: Бог наказал за жадность.

Еще был случай. На рынке начала торговать всяким барахлом Люба Зекина по кличке ЗК. Года не проработала, начались какие-то волнения в среде успевших хапнуть людей: якобы дали они Любе под проценты, «в рост», солидные деньги, время подошло, а она не платит. Весь интерес народа был в том, что никто из них о будущих товарищах по несчастью не знал, так каждый и прикидывал: не вернет деньги – товаром заберу. А Люба ЗК тем временем по суду с мужем развелась, квартиру и машину на него переписала и смоталась в областной город, где на заемные деньги отхватила небольшой коттедж и новенькую женскую иномарку, которые оформила на подросшего сына. Кредиторы как узнали, и в суд, а когда сошлись, то поняли, что ничего им с Любы не светит. Люба на суд приехала на машине, презрительным взглядом окинула своих недавних благодетелей и остановилась напротив бывшего директора хлебоприемного пункта:

– Ну, этих я понимаю, они свои кровные отдавали, чтобы хоть что-то прибавить на старость. А ты из наворованных на две иномарки мне дал, а когда я заикнулась, что могу процент увеличить, ты и остальные хотел всучить, зря я постеснялась, надо было взять, вор у вора – это не грех. И зачем ты здесь? Запомни: как пришли, так и ушли.

Тут она была права, Бедный Ёрик, как прозвали его на хлебоприемном, ни одной тонны давальческого зерна не продал без своего интереса. А рабочему классу как-то жить надо, ворует мешками дробленку и зерно. Заборы высокие, скооперируются по двое, перекинут мешки, и сами туда, а там уж мотоцикл с коляской. Нормально жили. Только директор видит, что буквально все тащат, решил повоспитывать, собрал в своем кабинете мужиков и сказал:

– Надо, товарищи, прекращать воровство, а то настоящее кино получается. Уговор такой: поймаю кого – накажу. Ни грамма государственного зерна! Меня поймаете – отрубите мне пальцы, чтобы помнил. Вот как я ставлю вопрос.

И тут один паренек, которого уволить никак было невозможно, потому что только он умел настраивать сушильное и очистительное оборудование, сказал во весь голос:

– Тогда тебе, начальник, надо уже обе руки под самый корень обрубить.

Тем собрание и закончилось.

В суде Люба ЗК призналась: да, деньги брала, но пролетела с товаром, обманули партнеры, платить нечем. И взять с меня нечего, все на муже и на детях. Судья развела руками: все свободны, товарищи!

Тут разговоров было на неделю. Правда, Люба двум-трем пенсионерам что-то вернула, видно, совесть заела, а остальные так и остались ни с чем. Особенно радовались за Бедного Ёрика, столько лет успешно воровал, а какая-то полуграмотная бабенка нагрела на большие миллионы.

Потом опять в селе тишина.

Степана Стегнеича откровенно боялись все дети, женщины и кое-кто из мужиков. Роста он был, что царский гвардеец, ходил прямо, говорили: как лом проглотил. И мог иногда такое выкинуть, что всему селу на диво. Еще при колхозе пришел он в правление и говорит председателю:

– Отчего не сеешь?

Тот вопросу удивился, но ответил честно:

– Команды нет. Район постановил сеять после десятого мая.

– А ты не жди. Есть у тебя декада, управляйся. Что успеешь – хлеб даст, все остальное – отходы.

Председатель ухмыляется, мол, нашелся советчик, а Степан Стегнеевич твердо ему внушает:

– Со средины мая до июня будет небо мокнуть и земля, а твои семена напитаются и с первым теплом выщелкнутся. Думай, я свое сказал.

А что тут думать? За этим мужиком разное водилось, и что погоду он знал наперед – тоже. Собрал спецов и механизаторов, рассказал про своего гостя, те хором: сеять надо, Степан Стегнеич врать не будет.

Утром вышли в поле всем колхозом, а конторским председатель наказал никому ни слова о посевной. Еще не закончили со пшеницей, как погода загрустила, посыпал мелкий дождь. Все, сколь видит глаз, затянуло тучами, и чуть не две недели никакого просвета. А потом с ночи мочить перестало, а утром солнце выскользнуло, как бы извиняясь, что задержалось. И верно, по всем полям всходы пошли дружные, мужики радовались, а приехал районный начальник, прокатился между зелеными полями и председателя за грудки: как это

так, у всех ничем ничего, а у тебя уже по пятому листочку. Выкрутился председатель, не станешь ведь на вещего старика ссылаться партийному руководству.

Поговаривали, что Степан Стегнеич однажды поймал Мишу Швырка у магазина, отвел в сторону и внушал, что добром не кончится его рвачество, а драть с земляков последние копейки просто грешно, и за это выйдет ему наказание.

– От кого? – нагло спросил Миша. – От бога? Кто его видел? Никто не видел. И я в него не верю, нет его, и все дела.

Степан Стегнеич улыбнулся:

– Глупый ты, Михаил. Ты его не видел и до поры не увидишь, только он-то тебя каждую минуту видит.

– Не заливай, Стегнеич, сидит бог на облачке, и за каждым следит.

– Что же делать, работа у него такая.

На том и разошлись.

А ранним воскресным утром завывания милицейских машин и истошные крики взбаломутили все село. Оказывается, в дом Миши Швырка по вечерней темноте проникли грабители. Вообще-то Миша огородился так, что во двор к нему попасть не просто. Трехметровый металлический забор и такие же ворота на замках. Выследили добрые молодцы весь Мишин распорядок, и то, что ровно в девять часов вечера он открывает решетку клетки и выпускает кавказскую овчарку. И как только он вышел, помочился у самого крыльца, трое парней в масках перемахнули через забор, как на тренировке, Мишу скрутили и утащили в сарай. Подождали, пока он в себя пришел, и четко спрашивают:

– Деньги где?

Рот немного от кляпа освободили, он прохрипел:

– Нету денег.

– Придется бить, – сказал, видно, старший. – Пошли в дом, там баба его, она вперед расколется.

– А с ним что делать?

– Молчать будет – задушим, и всех делов.

Миша замотал головой. Красиво у ребят все было разыграно.

– В сейфе деньги, жена ключи отдаст.

А Зина и не собиралась отдавать. Увидев чужих людей, она сказала:

– Хозяин во дворе.

А потом до нее дошло:

– А вы как сюда попали?

– По приглашению, – ответил гость и ударил Зину куском арматуры по голове.

– Ты аккуратней, а то и ключи не найдем.

Зину окатили водой, она хотела закричать, но парень показал большой нож.

– Ключи от сейфа, где деньги лежат. Быстро!

А она свое:

– Что с Мишей?

– Ключи, сука, иначе мужика на куски изрежу.

Зину подняли, она открыла шкаф и подала ключи. Парень быстро открыл сейф, сложил в пакет пачки денег, выгреб золотые побрякушки с камешками, сорвал с Зины золотую цепочку с крестиком и вырвал серьги. Кольцо снять не мог, плюнул.

– Еще деньги. Вы дом продали за три лимона – где они?

Зина завыла:

– Нету больше ничего, отпустите вы нас, и так все забрали.

– Бей, – скомандовал старший.

Второй бил арматуриной по тучному телу Зины, рассекая кожу, пока женщина не потеряла сознание. Старший вышел, Мишу уже затащили в избушку, он лежал на полу, бешено поводя глазами. Старший наступил ногой на горло и внятно сказал:

– Где деньги за дом? Если не ответишь, бабу зарежем сразу, тебя потом.

Миша замотал головой, чуть ослабили кляп.

– На кухне, в духовке.

Старший сильно ударил его по голове и велел засунуть в сусек с дробленым зерном, все равно пропадет, но чтобы дольше не нашли. Сам пошел в дом, на кухне открыл духовку, вынул большой пакет, проверил: деньги.

– Уходим.

– А с ней что делать?

Старший подумал:

– Врежь ей по башке, выживет – ее счастье.

Зина пришла в себя через час, в темноте выползла во двор, покричала слабым голосом Мишу – никто не откликался. Она поползла к калитке. Перед домом горит фонарь, ее должны увидеть. С трудом провернула ключ, отжала ручку, калитка открылась, она из последних сил переползла на свет и потеряла сознание.

Проходившие молодые люди, увидев неловко лежащую женщину, засмеялись:

– Во, упилась, а как домой пойдет?

Только соседка Валя, школьница, узнала тетю Зину и подняла крик. Подошли соседи, вызвали милицию и скорую. Судили, что это Миша опять напился и приревновал, бывало, бил он ее по пьянке. И кто-то хватился: а он где? Пошли в дом, все в крови, жуть, но Миши нет. Обошли надворные постройки, кто-то заглянул в избушку и фонариком осветил ноги в тапочках. Задохнулся Михаил в дробленой пшенице

Всем селом обсуждали, кто грабители? Сразу решили, что не местные. Тогда откуда они знали про то, что покупатели только вчера принесли деньги за дом, два или три лимона? Как узнали, что позже нельзя, пес будет в ограде. Значит, кто-то из местных, больше того, из близких дал информацию. Тогда что выходит: бандиты где-то тут, и Мишка может быть только началом. В селе еще несколько денежных людей, один станцию обслуживания автомашин держит, второй небольшой мясокомбинат, взял в аренду у администрации, обещал колбасой завалить, а цеха не работают, только забой. Сразу прихватил кличку Колбасник, про имя Дмитрий Андреич сразу забыли. Скот собирает со всей округи, а мясо везет на Север, там цены втрое. Есть один столяр, двери, рамы и гробы делает, но его грабить не будут, страшно, наверное.

Степан Стегнеич тоже был на месте злодеяния, ни слова не сказал, хотя многие, даже следователи, ждали его реакции. Все заметили, что впервые старик был с большой толстой палкой, хорошо обработанной, видно, заранее готовил, да только сегодня в руки взял. Его молчание многих смутило: неужто знает что, да молчит? Не может не знать, экий вещун.

Мишу Швырка схоронили, чуть поправившаяся Зина продала и магазины, и дом этот проклятый и уехала в город к детям. Дом и магазины по дешевке купил Колбасник. Ремонт в доме сделали ему армяне, а для страховки решил он забор вкруговую усилить и по верху пустить проволоку, какой в городе тюрьма обнесена. Красивая, скрученная в метровый валик, она не только по заднему двору прошла, но и лицевой забор Колбасник не постеснялся этой спиралью украсить. Уже заканчивали работу, когда подошел Степан Стегнеевич, подошел, оперся на палку и смотрит. Колбасник почему-то смутился, вышел за ворота:

– Чего смотришь, дед? Иди себе своей дорогой.

– Да я сюда и шел. Посмотреть.

– Нечего тут смотреть.

– Боишься? Ты мыслишь, что жуликов эта твоя городьба удержит?

Дмитрий захохотал:

– А мне по фиг, денег дома у меня нет, я все в банк сдаю.

– Вот это и плохо, – заметил гость.

Хозяин не понял:

– Что плохо?

– Я бы тебе вот что посоветовал: возьми миллионы, заверни в пакет и под подушку положи. Как только они состукают, ты уже готов: вот, ребята, чем богаты. И мирно разойдетесь. Они же в банк с тобой не пойдут с книжки снимать.

Провел палкой по скрученной проволоке, она запела, развернулся и пошел в домашнюю сторону.

Колбасник долго жил в страхе, наконец, решился. С директором банка договорился, на другой день снял всю наличность, сумку с деньгами поставил в багажник нового внедорожника и махнул в областной центр. На трассе у большого поселка его остановили гаишники:

– Нарушаем, гражданин, превышение скорости. Хотя, ладно, прощаю. У нас сегодня день трудный, ждем гостей из Казахстана с наркотой, потому досмотр. Откройте, пожалуйста, багажник.

Водитель потянулся к кнопке...

Его растолкали двое дальнебойщиков, увидевших, что мужик лежит поперек машины и ноги наруже.

– Ты что, браток, лишнего хватил?

Дмитрий ничего не мог понять, где он и что с ним. Вышел на асфальт – покачивает. Потихоньку стало возвращаться сознание, кинулся в багажник, а сумки нет. Сел прямо на землю и завыл, заревел по дикому. Ребята вызвали скорую и полицию, наскоро расписались в протоколах и уехали. Дмитрия Андреича, колбасника, увезли в больницу. Больше никаких происшествий в селе не было.

БЕЖЕНЦЫ
Рассказ

Бабы не отходили от магазина, хотя все, что можно купить на худосочную пенсию, было уже в пакетах. Обсуждали Украину.

– У Фроськи дочка замуж выскочила за хохла, живет теперь, как рабыня, – вспомнила Федора Николаевна.

Марковна что-то подсчитала, шевеля губами, кашлянула:

– Ты бы еще ту девицу вспомнила, которую, пишут, во Францию в жены отправили. Фроськина-то училась с этим бандеровцем в одном институте. Тогда же все братья, а теперь войну открывают, и кто: хохлы против москалей!

Учительница Клавдия Афанасьевна, вышедшая из магазина и слышавшая разговор, вмешалась:

– Женщины, вы лишнего не говорите, никакой войны нет. Украинцы сами у себя разбираются.

Федора Николаевна не унималась:

– Фроська сама сказывала. Он русских не любит, два сына родили, и оба мать зовут москалькой или москалихой, а отец ехидничат: «Обождите, вешать начнем москалей, время придет!». Вот оно, видно, и пришло.

Родственников в Украине у жителей Огневки немного, потому разговор закончился быстро. Дома Клавдия Афанасьевна выложила покупки, прибрала, поставила жаровню с мясом на плиту, Гена любит мясо тушеное, да еще и салом из холодильника прикусывает. Скоро должен с работы прийти, завгаром служит у бывшего директора совхоза. Только директор стал генеральным директором агрофирмы, а Гена Горлов кем был, тем и остался.

Калитка состукала, хозяин прошел в теплую баню, помылся, переоделся, влажное полотенце жене на шею накинул и подтянул к себе. Клавдия смутилась:

– Игрушки на тебя напали. Не наработался? Садись, вот огурчики с помидорами, первые нынче сорвала, пробуй, через минуту мясо дойдет.

Геннадий сел и охватил голову руками:

– Так у меня на душе не славно, хоть плачь. Колька в Ростове служит, оттуда до Украины два часа ходу, как бы не кинули. Ты вечером ему позвони.

Жена удивилась:

– А ты что про Украину заговорил?

– Да весь гараж сегодня, как с ума посходили мужики...

Утром разговор начал Андрей Мазур, родители его еще при царизме в Сибирь перебрались, так что Мазур даже на переписи назвался русским. Достает он письмо и кричит:

– Мужики, давай поближе, политинформацию проведу. Служил я в армии вместе с настоящим украинцем, со Львова, с Западной стороны. Понятно, молодежь, разговоры всякие, и вот однажды парень этот, а фамилия его Горлохват, заявил, что он пришел сюда не подчиняться, а командовать. Говорит, командовать – в крови у украинцев, потому что в старые годы любого могли выбрать атаманом, и надо быть готовым. Вот такой Горлохват. По первости дивились, но родителей не выбирают, привыкли. Служака был – упаси бог! Всегда наглаженный, сапоги как хромовые, прическа – два сантиметра ершиком. Понятно, начальство видит, кто гарно руководить будет, хлоп ему младшего сержанта и отделение молодых. И тут он себя проявил. Понятно, отделение ходило в лучших, но солдаты его ненавидели: гонял до потери сознания, ничего не признавал, кроме нормативов. Устроили ему темную, поколотили, так, нарочно, а он, гад, узнал одного. Понятно, особый отдел, уголовка, трибунал. Командир полка хороший был мужик, вызывает его и открыто говорит:

– Горлохват, если вы сегодня не заберете свое заявление, завтра особисты заводят дело и тому пареньку, что вы назвали, трибунал и штрафбат. А это навсегда испорченная биография. Темная вам – не случайность, а подготовленный акт возмездия, я бы так по-военному сказал. Не любите вы солдата, а и вы, и я – отцы-командиры, должны о нем заботиться, а уж потом спрашивать. Так заберете заявление?

А он смотрит на подполковника, как на торговца салом на ярмарке, и спрашивает:

– А что я буду иметь с того, что изыму заяву?

Говорят, подполковник чуть ему в морду не врезал, но сдержался, ему ведь тоже трибунал в полку чести не делает. И тогда говорит он Горлохвату:

– Да, сынок, фамилии своей ты точно соответствуешь. А уж коли торг пошел, беги в особый отдел, я позвоню, вернешься с заявлением, выйдешь от меня старшим сержантом.

Тут ему уже взвод достался, офицер свои дела решает, а в подразделении хозяин замкомвзвода Горлохват. И я в этом взводе командир отделения. Бывало, после отбоя в каптерке бутылочку раздавим, он мне и признается:

– Мазур, если бы ты знал, как я ненавижу русских! Украина – великая страна, если бы она вышла из Союза – ты даже представить не можешь, як кучеряво бы мы зажили. Вот ты же украинец, возвращайся на землю пращуров, вместе будем за свободу бороться.

Короче говоря, подошла демобилизация, Горлохват уже старшина, в военторге купил офицерский мундир и хромочи, скорей всего, за полчаса до прибытия на родную станцию переоделся, чтобы покрасоваться перед своими. Все у нас было, как положено, и альбомы дембельские, и адреса всех ребят. Сначала вроде переписывались, потом семья, работа – реденько к Новому году кому открытку пошлешь. А месяца три назад получаю письмо: Горлохват. Пишет, что во имя предков своих я должен вернуться на Украину и бороться за ее свободу. Пишу ему: так вы же давно свободны, с кем бороться-то? А вчера он мне ультиматум: или ты приезжаешь и вступаешь в национальную гвардию, или мы объявляем тебя изменником Украины и приговариваем к высшей мере.

– Отвези письмо в прокуратуру, пусть с ним разберутся, – посоветовал механик Курносов.

– Какая прокуратура, Фомич, она со своими не может разобраться. То прокурор миллион хапнул, то следователь. Сам генеральный весь в пуху. Да и кто их допустит до Украины?

– Тогда езжай, – согласился Фомич. – Женят тебя там на Юльке Тимошенке.

– Ага, или той снайперше отдадут, от нее еще ни один мужик не уходил, уползали.

Завгар Горлов крикнул:

– Хватит болтать, путевки у всех получены? Чего стоим?

Еремин проводил совещание по подготовке к уборке урожая, когда телефон прямой линии с областным центром дал несколько строгих зуммеров. Он поднял трубку:

– Григорий Павлович, здравствуйте. Миграционная служба. Распоряжением правительства в область направлена большая группа беженцев с Украины, на ваш район приходится тридцать человек. Все они на полном бюджетном обеспечении, так что у вас одна проблема: разместить. Среди них есть трудоспособные, обязательно надо обеспечить работой.

Еремин вздрогнул:

– Какой работой? У меня только официально две сотни безработных, а этих я куда дену?

Голос в трубке стал тише и загадочней:

– Григорий Павлович, шеф сказал такую фразу: если кто-то из беженцев пожалуется в Москву, что не даем работы, лучше тому руководителю не родиться. Вы же знаете находчивость нашего шефа. Он разрешил увольнять своих, чтобы устроить беженцев. Как крайний случай.

Говорить про уборку не хотелось, потому глава предложил поднажать с ремонтом складов и техники, хотя – зачем хозяев учить, сами знают. И добавил:

– Готовьтесь, к нам поступит большая партия беженцев с Украины. Имейте в виду, надо будет разместить и дать работу.

Никто не стал продолжать разговор, потому что запросто можно попасть в число наиболее пригодных для гостей. Но разговоры по райцентру и к вечеру по всем селам пошли разные.

– Люди дома побросали, из-под бомб бегут, конечно, надо пособить, – высказалась Федора Николаевна.

– Дак сколько же их там, если в каждой области остаются и до самой Сибири уже добежали? – возмутился механик Курносов.

Утром завгар Горлов дал команду водителю автобуса и грузового газика ехать в район к гостинице. Андрей Мазур на минутку забежал домой, взял денег, что-то в районе можно прикупить, не то, что у местных торгашей. Потому от автобуса отстал, нагонять не хотелось, рулил потихоньку и про беженцев думал. Конечно, чужая страна – дело темное, вот наши тоже бежали, когда Гитлер шел, так это фашист, враг, а у них там что? Несколько раз пытался сидеть у телеящика и щелкать кнопками, выискивая, где говорят про Украину. Везде говорят, но Андрей уже стал сомневаться, все ли у него с головой, потому что половину слов он не мог разобрать из-за сплошных криков, и из второй половины так и не понял, кто виноват. По десятку мужиков стояли в ряд, друг напротив друга, за какими-то прилавка-

ми, что ли? И каждый орал своё. Дело порой доходило до кулачков. После третьей кампании он так и уснул в кресле, под утро переполз на диван, чтобы жену не тревожить.

Андрей прибыл в район не первым, несколько грузовиков стояли в ряду около чугунной литой изгороди. Ребята из соседних сел, все знакомые. Подошел завгар. Андрей спросил:

– Геннадий Гаврилович, ты видел этих переселенцев?

– Сходи, посмотри сам.

– И верно, ребята, айда. Столько хохлов разом я ни разу не бачив, – ерничал безусый паренек.

Подошли поближе. На туго затянутых сумках и чемоданах сидели пожилые и молодые женщины с детьми, в сторонке кучковались мужики. В простой одежонке, тихие, по крайней мере – молчаливые.

– Мужики, – вдруг выступил безусый. – Вы хоть скажите, какой враг на вас напал, или, того хежее – свои своих погнали? Разъямачте, мы же тут, как в темном лесу, что с ящика брякнут, то и знаем.

Старый хохол в вышитой крестиком рубахе, давно не стиранной, погасил окурок:

– Свои, сынок, бьют и гонят.

– Дак дед, надо же сопротивляться. Ты по годам-то, пожалуй, не воевал, но должен знать, как с фашистами бились всем народом. А в беженцах были только старики да дети. А у вас вон стоят парни, они что, покалечены или на голову слабоваты?

Старик отвернулся:

– То я не бачу, сыну.

– Тогда я сам побачу, – рванул было безусый, но Андрей поймал его за плечо:

– Припухни. Я подойду. Кажись, сослуживец мой, вон, в темных очках.

И пошел. Шоферня насторожилась, письмо-то все помнили.

Андрей подошел к кампании гостей и за плечо развернул к себе лицом одного из них.

– Узнал и ты меня, Горлохват, потому что рыло воротишь. Где же твой хохляцкий патриотизм, если ты к ненавистным москалям приполз кусок хлеба просить?

Горлохват отдернул плечо:

– У меня семья, детей трое. А в Россию нас сам президент пригласил, не тебе решать. Что письмо тебе писал – так все писали, у кого знакомые хохлы в России есть. Под автоматом что хочешь напишешь.

Мазур покачал указательным пальцем:

–Ты за детей не прячься, не они тебя, а ты их должен был защитить. А ты в бега ударился. У тебя на родине война идет, при любом раскладе – двух правд не бывает, надо «калаш» в руки брать и драться за правду, ты помнишь, как нас учили?

Горлохват побагровел:

– Кто учил? Коммуняки? А потом бросили народы на растерзание.

– Милый, дак ты же всю жизнь о свободе мечтал? Вот и хлебай ее ситичком.

– Ты мне сейчас будешь за письмо мстить. Давай. Вы всегда ненавидели хохлов. Бей.

Подошел Горлов, бледный, телефон в руке зажал:

– Братцы, только что сын позвонил, говорит, мобильники у всех отобрали, а у него два, в туалет забежал и сообщил, что танковая колона в составе полка выступает на Украину. А эти жеребцы в беженцы определились? Вы же родину свою на растерзание оставили, как после того жить будете?

Кто-то в толпе украинских мужчин гаркнул, и они дружно отошли в сторону семей.

Всем руководила солидная женщина из соцзащиты, она вынула из портфеля листки со списками, сделал перекличку тех, кто занаряжен в Огневское поселение и список отдала Горлову. Остальным объявила:

– Распределение заканчивается, все получили денежное пособие по 800 рублей в сутки на человека, включая детей, это на ближайшие десять дней. Всем выданы одеяла на всякий случай, хотя по месту прибытия вас обеспечат жильем и постельными принадлежностями.

– Вот это нихрена! – Изумился Андрей. – Мой сослуживец, стало быть, на пять человек на декаду поимел..., так, десять на пять да на восемьсот – сорок тысяч!? А я в месяц едва выдавлю из конторы десятку. Это кто же в правительстве так решил? Свои, значит, скот, а кто с родной земли к русскому бывшему брату прибежал сала просить – им все на голубой каемочке! В гробу я видел такую справедливость, Геннадий Гаврилович, ищи шофера, я этих дармоедов не повезу.

Горлов шепнул:

– Уймись. Тут ФСБ, все слышат. Ты шмутки повезешь.

– Не повезу!

– Ну и дурак! Иди к моему уазику, успокойся.

А сам пошел к беженцам:

– Мужики, у кого права есть?

– Что надо делать? Я шофер первого класса, вот корочки, правда, украинские.

Завгар глянул: «Горлохват». Показал на машину, велел подъезжать к куче вещей. Началась погрузка.

Рано утром в кабинет директора агрофирмы зашли тридцать мужиков: механизаторы, скотники и шофера. Директор всех хорошо знал, вместе уже четверть века. Кивнул головой, мол, здравствуйте, и указал на стулья вдоль стены. Улыбнулся: давненько у него в кабинете рабочий класс не бывал.

– Значит, так, Борис Петрович. Чужих людей государство обеспечивает по нормам Европы, наверно, а мы в своей стране – кто? – Начал Андрей Мазур.

Директор замялся в кресле:

– Вы, мужики, с утра с такими государственного уровня вопросами? Какое, говоришь, у них обеспечение?

– У них суточные восемьсот рублей, а у меня жена на твоей ферме за телятами ходит за четыре тысячи.

Директор покраснел:

– Не ври, Семен, у нас меньше восьми никто не получает.

Семен аж подскочил:

– Дак это у вас в конторе и рядом с ней. Короче, пришли мы спросить, в родном государстве нам оставаться или на чужбину податься, там к беженцам как к людям, относятся, а нас за скот держат.

Борис Петрович встал:

– Мужики, вы зачем туда лезете? Не нами это решено, забудьте.

– Я еще не закончил, Борис Петрович, – остановил его Семен. – Мы с сегодняшнего дня на работу не выходим. Или ты платишь нам по восемьсот рублей в день, или мы самоликвидируемся от работы, пусть она стоит колом.

Директор осмотрел сидящих: нет, не шутят. А что значит, если они сегодня не выйдут, да завтра. Вдруг осенило:

– А жены ваши одобряют такое поведение?

Андрей Мазур встал:

– Жены тоже не выходят, только на наших условиях.

Директор бросил карандаш на стол:

– Мужики, ваш протест незаконный, я с вас взыщу все убытки через суд.

– Взыщи, – кивнул Мазур. – Если к обеду наши условия не примешь, к вечеру все с семьями уезжаем по родне, и оставайся рыба с озером. Скот передохнет, молоко присохнет, кормов не будет, уборку начинать не с кем. Как тебе такая картина?

Директор долго молчал, он слишком хорошо знал своих мужиков, чтобы закричать или затопать ногами. Эти беженцы, точнее, поддавки, которыми играет центральная власть, чтобы вся Европа видела наш гуманизм, взбаламутят народ, и кончится это дурно. Он попросил гостей пойти на крыльцо покурить, а сам позвонил Еремину. Не успел еще и двух слов сказать, как тот заорал:

– Что, у тебя тоже бунт? Твою мать, зачем мы связались? Да, а кто нас спрашивал? И пособия эти можно было как-то тихонько выдавать, да и не такие суммы. Представляешь, приходит беженка в шикарном платье, с побрякушками на шее и на руках, закупает два пакета самых лучших продуктов, а наши бабы стоят и рты пораскрыли. Короче, так: губернатор решил вернуть всех в город, там не так заметно, свой или чужой. Грузи своих гостей и вези в район, большие автобусы уже готовы.

В нескольких фразах доложил мужикам, как решается вопрос.

– Ладно, нехай едут. А по зарплате что решите? Просто так мы не уйдем.

– Да понимаю, – махнул рукой Борис Петрович. – Обещаю: по полугодию по четыреста рублей на заработанную тысячу, причем, только производственникам, никаких контор.

– А потом? – с улыбкой поинтересовался Сема.

Директор встал:

– Расшевелили вы меня, мужики. Мы ведь действительно о людях не думаем, только давай-давай, только производство. Создавайте профсоюз, вот Семен – гляди, какой заступник, быть ему председателем профкома. Потом коллективный договор надо заключить. Не делаем, и вы не спрашиваете. Ведь первый раз пришли за свои права постоять.

Через час автобус с беженцами выехал из села. Андрею Мазуру диспетчер подала записку: «Мазур, прости, ты меня пробил. Устрою семью и вернусь на Родину бить фашистов и всю эту нечисть. Горлохват».

БУХГАЛТЕР
Рассказ

Больше тридцати лет служил Емельян Федосеевич сначала счетоводом в колхозе села Гладилово, потом какие-то курсы окончил, да, проще сказать, пару баранов в техникум увез, выдали ему документ, и стал он бухгалтером. Чуть прихрамывал от рождения, носил реденькие усы и всегда был одет в цветную рубашку с галстуком. Колхоз к тому времени перевели в совхоз, потому что долгов он накопил столько, что три раза все движимое и недвижимое продать, и все равно должен останется государству.

В совхозе законы построже, только директор Макар Игнатьевич, переведенный в новую должность с председательской, поначалу вел себя по старинке. Вызывает Емельяна, (а его за быстрый и не шибко внятный разговор позаочь звали Бухтормой), изо стола выходит, по новому половичку вдоль пройдется, остановится перед бухгалтером, в носочки надраенные своих сапожек глянет и спросит:

– Объясни мне, любезный, ты почто платежку, которые девчонки подготовили и я подписал, в госбанк не увез?

Емельян головой кивнет, знает, о какой платежке речь, и ответит:

– Нет у нас никаких документов на это строительство, и куда я буду относить затраты?

– В гальюн! – взревел однажды Макар Игнатьевич, в молодости служивший на флоте. – Я банк уговорил, эти материалы уже на базе отложены, а ты мне рогатки ставишь!

Емельян пустил скороговоркой:

– Я не рогатки тебе ставлю, а от тюрьмы спасаю.

– Чего ты мелешь? Я же не для себя!

Тогда бухгалтер ведет речь аккуратно:

– Макар Игнатьевич, дорогой ты мой, кончилось то время, когда мы крутили, как хотели. Конечно, для пользы хозяйства, но у нас колхоз был, на собранье руки подняли, и все убытки списали. А теперь мы в государстве, и за каждый рубль могут дать по году принудиловки.

Макар Игнатьевич был грузноват и говорил громко, а это первый

признак сильного руководителя. Много лет был у руля, а сейчас тяжело стало работать, и он у районного начальства выпросил отставку, перевели в райцентр командовать коммунальным хозяйством. И Емельяну Федосеевичу тоже стало не легче, приехал новый директор, молодой, энергичный, привез с собой экономиста, лучше сказать – экономистку, молодую грудастую женщину. Предполагалось, что жена его, однако в ведомость их Емельян записал под разными фамилиями. Но уже на следующее утро конторская техничка Дуся В Три Обхвата, потому что столь обширна была в талии и иных прочих местах, доложила бухгалтеру по секрету, что в большом доме бабушки Лаверихи, куда временно поселились новые люди, спали они не в разных комнатах, как положено, а в одной и даже на одной кровати.

– Дуся, – почему-то вздохнул Емельян Федосеевич, вспомнив фигуристую экономистку, – ты про это больше никому не слова. Поняла?

– Как не понять, Емельян! – Дуся выскочила из кабинета и чуть не сбила инспектора по кадрам.

– Ивановна, кадры твои совсем распустились, не успели приехать, и уже разврат разводят.

– Дуся, ты про что?

– Директор-то наш с экономкой сегодняшнюю ночь скрыпучей кроватью Лаверихе спать не давали.

Кадровичка задернула Дусю в свою каморку и сквозь смех и слезы объяснила: они муж и жена, только жена оставила свою родную фамилию.

Дуся В Три Обхвата очень огорчилась. Пола она вымыла с раннего утра, делать было нечего, и поговорить не о чем.

Новый директор начал все по-новому. Собрал мужиков и предложил им не зарплату с колеса, а по результатам года. Хорошо сработали – прибыль, плохо – убыток, вплоть до долга совхозу. Мужики мялись. Витя Крутенький и тут не утерпел, вперед всех выскочил:

– А оно мне надо? Я на своем «Кировце» зиму и лето в работе, за осень тысячу гектаров зяби подниму – мотоцикл «Урал» в ограде, на вторую осень уже «Москвич». А в ромашку играть: любит–не любит, уродит–не уродит – это вы дураков в другом месте поищите.

Директор спорить не стал, но предложил остаться в кабинете тех, кого заинтересовала новая организация труда. Остались пятеро. Экономист развесила таблицы и два часа объясняла, как будет финансироваться звено, какие риски покрываются резервным фондом, что такое расчетные книжки на каждого работника и как выводится конечный результат. Эти пятеро согласились, директор попросил агронома

отвести им более приличные участки, и уже в первый год арендное звено обошло всех по урожайности, а про зарплату и говорить нечего.

Когда Емельян Федосеевич, согласно расчетам экономиста, вывел окончательный заработок мужиков, у него голову обнесло: да сроду таких денег крестьянин не получал. Пошел к директору:

– Петр Тихонович, нас остальные механизаторы порвут на куски.

– Пусть локти кусают. Всем было предложено. Завтра поезжайте в банк, получайте деньги, и мы в обед выдадим звену всю сумму.

– На вилы поднимут, со свету сживут, – бормотал Бухторма, выходя из кабинета.

Только получилось еще круче. На другой день вызвал директора первый секретарь райкома и строго-настрого приказал впредь никаких особых звеньев не создавать и нравственный климат в коллективе не портить. Напрасно Петр Кириллович пытался объяснить, что по такой системе работает вся Прибалтика, Кубань и Ставрополье, первый твердо сказал, что пока из обкома не будет четких инструкций, самодеятельностью заниматься никто не будет. Все!

Директор плюнул на райком, на совхоз и уехал вместе с экономистом, а тут как раз райкомы начали сокращать. И освободившегося второго или третьего секретаря по имени Александр Александрович направили в Гладилово директором. Вот посмотреть – вроде сроду тяжелее ручки ничего в руках не держал, а как ухватился! Дом себе отгрохал за лето, высоким забором всю ограду обнес, во дворе ему плотники баню поставили, гараж рубленый, летнюю кухню. А за домом велел крытый сарай сделать. Когда Емельян Федосеевич увидел все накладные на материалы и наряды на бригады плотников, столяров, электриков и сварщиков, он чуть не заплакал. К директору советоваться не пошел, потому что в самый первый раз он его выслушал, совета, конечно, не дал, как и что сделать, и велел больше к нему с такими глупостями не ходить, а самому решать, куда какие расходы относить. А еще добавил:

– Емельян Федосеевич, наступили новые времена. Никто ничего не спрашивает, никто ни за что не отвечает. Мы с вами еще кредитов должны взять и кое-что прикупить.

Прикупил директор по паре «Кировцев», гусеничных «Алтайцев», по два «Беларуся», грузовичка-самосвала и зерноуборочных комбайна «Дон», и всю эту технику поставил в металлический гараж, приварив два новых внутренних замка, сам закрыл и ключи положил в карман. На вопрос механика, когда можно брать эту технику, ответил очень серьезно:

– До особого распоряжения. Это резерв главного командования.

На субботу объявили общее собрание. Приехала из района бригада во главе с начальником сельхозуправления, который долго говорил о том, как мы плохо работали, потому что не было личной заинтересованности, все о совхозе. Теперь другие времена, совхоз распускается, все работники получают земельные и имущественные паи в виде техники, животноводческих построек, скота. Коров, правда, на другой день прямо с утренней дойки погрузили в скотовозы и под бабий плач увезли на мясокомбинат.

Много дней и ночей провел Емельян за арифмометром, определяя, на какую сумму каждому работнику приходится имущественной доли. На каждого ему приносили карточку со стажем и заработной платой, он умножал и делил на немыслимые коэффициенты, в результате получалось, что, к примеру, тот же Витя Крутенький имеет долю в рублях на три «Волги», а как взять хоть тысячу на ремонт дома – Емельян ему объяснить не может. Да и права такого не имеет, потому что Сан Саныч, как кратко звали директора, собрал в один прекрасный день всех конторских и объявил, что согласно регистрационным документам бывший совхоз будет теперь именоваться кооперативом не то «Рассвет», не то «Закат», Емельян не запомнил, а он, то есть директор, получает статус Генерального. Про статусы многие конторские, кто пограмотней, поняли сразу, а про Генерального никто даже слова не сказал, к тому времени Генеральный сидел не только в Кремле, но и в каждой деревне. Даже, поговаривали, что Макар Игнатьевич тоже стал Генеральным, преобразовал свою контору тепла, говна и пара в ООО «Коммунсервис», чем от души порадовал местных острословов, шутивших, что вместо обещанного коммунизма остался один сервис, и опять про тепло и пар.

Осенью мужики потянулись в контору: надо сено вывести с луга, надо дробленки для коровы и поросенка. Генеральный, а проще сказать – Генерал – чтобы его не дергали по пустякам, в это горячее время занимался поиском наиболее сговорчивых покупателей на зерно, а уезжая, наказал Емельяну Федосеевичу никому ни в чем не отказывать, все работы обсчитывать и по самым крутым ценам минусовать с имущественного пая.

– Федосеич, сколько с меня в кассу? – спрашивал человек, и бухгалтер, виновато улыбаясь, говорил, что ничего не надо, вот твой пай в рублях, с него и вычтем.

Оживились мужики, занялись хозяйством, скота стали больше

держать, потому что Сан Саныч даже сено в рулонах разрешал брать с сеновала под тот самый имущественный пай.

Когда появились новые деньги, все перемешалось. Корова стала стоить как машина, а «Жигули» уже как самолет. Зарплату Генерал придерживал так, что только терпел народ, запоговаривали мужики, что надо либо выделяться из кооператива, либо бежать в город, пока там работа есть, хоть вахтой, хоть на постоянку. К Генералу пошли толпой, говорить от всех поручили Феде Винярскому, он пограмотней и совсем не выпивает, к нему не прискребёшься.

– Мы что пришли, Александр Александрович, так жить дальше невозможно. Вы коров в первый день сдали, из титек молоко бежит, а ее на колбасу.

– Колбасу молочную делают, – поддакнул Витя Крутенький, но его усекли.

– Коров сдали, женщины остались без работы. Дальше вы какие-то бумаги оформляли, стали единоличным хозяином. А ведь наши имущественные паи в этом же колхозе работают, почему мы за них ничего не получаем?

Сан Саныч как будто ждал этого вопроса:

– Ваши паи в деньгах сейчас и десятой части стоимости основных средств не составляют, так что платить особо не за что. Я вложил большие деньги в приобретение новой техники, и она сегодня работает в поле.

Федя Винярский смутился, всегда неловко человеку в глаза говорить, что он врет, тем более, когда он твой не только начальник, а почти хозяин.

– Если вы говорите о той технике, что выгнали после приватизации из гаража, так она куплена была еще при совхозе, просто вы ее с глаз долой, в расчете, что крестьяне дураки и ничего не поймут.

– Товарищи дорогие, ту технику я приобрел на кредиты, взятые в банке на собственное имя под поручительство администрации района. Вот Емельян Федосеевич, он видел все бумаги, все документы, он подтвердит.

Все повернулись к бухгалтеру. Емельян побледнел, несколько раз глянул на директора, а потом утвердительно кивнул головой.

Мужики ушли ни с чем. Емельян закрыл дверь в свой кабинет и тяжело опустился на стул. Через пять минут в дверь стукнули, и вошла барышня из приемной, которую Генерал откопал где-то в районе. Она молча положила перед бухгалтером бумажку и, крутнув кормой, вышла. Емельян Федосеевич накинул очки и прочел приказ, которым его оклад увеличивался в два раза. Перед концом рабочего дня,

когда Емельян собрал со стола все бумаги, неожиданно вошел Генерал. Он окинул взглядом кабинет и начал с него:

– Надо вас перевести в более приличный кабинет. Это первое. Благодарю вас за понимание, с этим быдлом только так и надо разговаривать. Учтите, я имею вас в виду при акционировании. Проведем еще одну операцию, и тогда вся собственность наша, вы получите пять процентов акций. Не беспокойтесь, с нами в доле глава района, так что проблем не будет. Да, Емельян Федосеевич, мне сегодня подсказали умные люди: инфляция бешеная, но кредиты в банках брать выгодно даже под восемьдесят процентов. Ну, вы понимаете, почему? Из растущей денежной массы мы будем платить банку фиксированную сумму, и в итоге вернем только половину. Красиво? Конечно, это не для всех.

Акционирование Генеральный готовил тщательно, привозил юристов и еще кого-то, все проверили и сказали, что можно приступать.

Собрание объявили сразу после посевной. Был теплый июньский день, воскресенье. В доме культуры гремела музыка. В просторном фойе накрыты столы, рядами стоят открытые бутылки водки, закуска не только из своей столовой, тут и рыба морская красная, и колбаса, какой в магазине никогда не бывало, даже баночное пиво. Мужики подходили, наливали, закусывали. Федя Винярский поймал за рукав Крутенького:

– Вы что, с голодного острова? Успеешь выпить и после, сперва послушай, как нас по новой обувать будут.

– Федя, ну, грех не выпить, это же все наше и нам от чистого сердца.

– Трепло ты, Витя. Пей, только похмелье будет горьким.

Пригласили в зал. Федор заметил, что у многих ребят глаза блестят, и что это за русская натура, выпить на халяву – милое дело, а того не думают, что не спроста Генерал сам бутылки открывал.

Собрание началось с выступления главы района, который нарисовал картину мощного движения вперед всего района, а Федя с усмешкой подумал, что только наш кооператив плетется в хвосте. Нет, оказывается, и у Гладилово есть радужные перспективы. И вот про них стал говорить Сан Саныч. Не отрываясь от машинописных листов, он подробно объяснил, чем будет заниматься новое акционерное общество.

– Самое главное, товарищи, что мы, наконец, обретем свободу. Успешное предпринимательство без свободы невозможно.

– Поддерживаю, Сан Саныч, сам это почувствовал, когда за ворота тюрьмы вышел. – Это Володя по кличке Тюрьма поделился впечатлениями. Зал повеселел, но не на долго. Генеральный предоста-

вил слово бухгалтеру кооператива Емельяну Федосеевичу. Тот подошел к трибуне, долго ногой выколупывал запихнутую кем-то подножку, встал на нее и увидел весь зал.

– Дорогие мои земляки. Я сегодняшнюю ночь не спал, все бумаги перевернул, подсчитал, что мы выплачиваем работающим только половину их заработанных денег. У нас есть ревизионная комиссия, но она ни разу не пришла ко мне с проверкой. Завтра пусть приходит, я все бумаги выложу. Вас обманывает вся контора, и я в том числе. Но Генеральный директор слова не дает сказать против. Я вчера специально позвонил сыну, он у меня грамотный, вы знаете, спросил, насколько нонешний рубль смешнее советского. Он мне сказал. Вы уже забыли, а ведь все мы пришли в кооператив со своим земельным и имущественным паем. Я говорил руководству, что стоимость имущественного пая должна индексироваться в соответствии с инфляцией. Мне заткнули рот повышением зарплаты. И новую технику, которую Генеральный будто что на свои кредиты купил, мы с вами оплачивали, так что она тоже наша. Сейчас вас будут загонять в акционеры. Не верьте никому. Надо принять решение бывшего Генерального за обман и махинации выгнать к чертям собачьим из кооператива, надо избрать нового руководителя, только не из конторских, мой совет – механизатор Федор Федорович Винярский. А теперь решайте.

Бухгалтер сел на свое место в гробовой тишине. Откуда-то с задних рядов стал нарастать шум, послышались крики:

– Пусть Генерал за скотину рассчитается.

– И «Лэнд Крузер» пусть в гараж сдаст. Раскатил губу...

– Печать у него заберите.

– Какая печать, голосуем за увольнение генерала из кооператива. – Витя Крутенький уж и тут успел: – Поднимайте руки, не бойтесь, я здесь.

Президиум только сейчас пришел в себя, но никто не хотел ввязываться, они вышли через боковую дверь и уехали.

– А теперь голосуем за Федю, то есть, за Федора Федоровича.

Федор прошел вперед, поклонился людям:

– Раз так получилось, будем работать. Мы на своей земле. А бухгалтера Емельяна Федосеевича я бы попросил остаться на работе, учет нам будет нужен надежный.

Федор вместе с женой выходил из зала последним. Он обратил внимание, что почти все бутылки остались на месте. Конечно, Витя Крутенький своего не упустил, но это почти незаметно.

НОВОСЕЛЫ
Рассказ

С очередного совещания в области глава района Григорий Павлович Еремин вернулся в самом скверном настроении. Губернатор очень резко его критиковал за огромный перерасход средств на ЖКХ и потребовал немедленно предложить меры по сокращению затрат. Эта критика была не только неприятна, но и неожиданна: буквально несколько дней назад губернатор с кампанией прилетал на вертолете, и глава организовал замечательную охоту. Пятнадцать человек двое суток не выпускали из большого березового колка забежавшего туда лося, а еще одна бригада выследила семью кабанов и пятью мешками гороха так ее прикормила, что свиньи выходили из урмана на звук металлических ведер. Губернатор с друзьями хорошо пострелял, загрузили «газель» обработанными и разделанными тушками, весело посидели в охотничьем домике. Губернатор, обычно избегавший спиртного, на этот раз расслабился, принял несколько рюмок водки, коньяк велел убрать, как неуместный при такой закуске. А закусь действительно была мировая: зажаренная на вертеле косуля, пара глухарей, приготовленных женами охотоведов в домашних условиях, уха из сырка и карпа, которую припивали прямо из керамических кружек, рыбу выложили на круглый поднос головами к центру, а хвосты свесились. Веселье длилось до полуночи, губернатор поднялся, все зашевелились, он успокоил, что только выйдет на воздух, и хозяину кивнул: проводи. Вышли, постояли, губернатор спросил:

– Ты, кажется, в этом районе родился?

Еремин живо ответил:

– Да, поэтому и перевели сюда из департамента.

– Помню, – кивнул губернатор и застегнул молнию на меховом охотничьем костюме. – А обратно в область не хочется?

Еремин оторопел:

– Да как вам сказать...

– Говори прямо!

– Хочется!

– Вот это другое дело. Есть у меня вариант для тебя, хорошее место, хлебное. Ты же строитель?

– Да, ПГС, промышленно-гражданское строительство.

– Потерпи немного, переведу. Пошли.

Несколько дней назад это было, а сегодня такой разнос, что коллеги подходили с сочувствием.

Он с дороги позвонил заму по ЖКХ и строго наказал к утру приготовить предложения по сокращению затрат. Утром отключил телефоны, оставил только губернаторский, секретарше сказал, что занят и никого ни под каким предлогом... заместитель разложил бумаги. Оказывается, возможностей для сокращения не столь богато.

Но зам по ЖКХ, парень почуткой, на другой день после охоты перемену в настроении шефа заметил и по три раза до обеда и в конце дня до отъезда по домам сидел напротив начальника и предлагал разные варианты. А когда совсем осмелел, выложил:

– Григорий Павлович, я вижу, как губернатор к вам относится. Дадим сокращение затрат – сразу заметит и к себе заберет. А возможностей у нас – дай бог осилить.

Еремин помялся в кресле, отсидел правую половину, переместился на левую:

– Ты фантазировать-то кончай, дело говори.

– Скажу. Вот вы сопротивлялись, когда губернатор предложил нам трехэтажный многоквартирник заложить, мол, кто в нем жить согласится? Помните, шеф даже разгневался, ладно, что я вас подтолкнул: «Соглашайтесь!». И вы согласились.

Да, разговор этот Еремин помнил, помнил, что с трудом тогда показом танцевального девичьего коллектива шефа успокоили. Еремин через управляющую делами приказал, чтобы девчонки все тряпье с себя поскидали и только узенькие трусики под короткими юбками. Чтобы форс был, кураж! Отчаянно крутили девки свои пируэты, понимая, что вся наглядность внимательно просматривается губернатором и сопровождающими мужиками.

– Молодцы, – сказал потом шеф и велел помощнику записать: выделить танцевальному коллективу полмиллиона на облачение.

– Ну, а дальше-то что?

– Дом-то уже на выходе, мы на комиссии заявления рассматриваем, почти половину распределили, правда, никаких ордеров. Так что дом свободен. Григорий Павлович, в него три деревни можно вселить, и еще останется.

– Стоп! – Еремин поднялся и прошелся по кабинету. Ах, Синкин, глядеть не на что, а какую мыслю подбросил! Вот тебе и начальник тепла, говна и пара! Только надо выбрать деревни одного направления, чтобы закрыть и забыть, ни электричества, ни дороги, ни увеселительных заведений. В сторону от районной трассы подряд две деревни, Шамурина и Муравьева. Подошел к телефону, нажал кнопку:

– Света, статистика пусть бежит бегом с данными по населению Шамуриной и Муравьевой. Быстро!

Перепуганная инспектор госстатистики положила на стол две папки. Еремин велел посидеть в коридоре, вдруг какие вопросы. Раскрыл первую папку и даже руки потер: полтора десятка семей, ни детей, ни молодежи, все пенсионеры. Этих бери тепленькими и переноси на второй этаж, пусть природой с балконов любуются. Во второй папке такая же картина, только три семьи еще не пенсионеры, но работы нет, держаться не за что.

Заместителю сказал:

– Иди к себе и обсчитай, что мы сэкономим, если прикроем эти деревни. По всем направлениям подсчитай: энергия, дорога, медпункт, клуб.

– По клубам-то у меня нет данных.

Еремин взорвался, тут такое дело, а он трем собакам щей не может разлить:

– Ты зам или как? Вызови культуру, главного врача, только пусть с экономистами, сами-то они ни хрена не знают.

Оставшись один, он вчерне прикинул, какие средства освободятся, и тихонько похвалил себя. Мысленно окинул взором район: какая из малых деревень самая неловкая? Во, Савинка, у черта на куличках, а дорогу туда грейдируй и чисти зимой от снега, электричество за тридцать верст от центральной усадьбы подай, а зимой порывы на линии каждую неделю, клуб им три года назад модульный поставили, там же и медичка сидит. Ничего, модуль разберем, деревень еще много, вместе с медичкой перевезем.

Когда вместе с культурой и больницей обсчитали экономию, Еремин окончательно решил, что это именно тот вариант, который спасает ситуацию. И люди прибраны, в благоустроенных квартирах, о которых век не мечтали, и деньги сэкономлены.

Уже ночью, лежа на диване под неярким светильником, он стал осмысливать, а как все это провернуть? Едва ли крестьяне, до старости дожившие в своих домишках, захотят ехать в городские условия.

Ничего, придется поработать, поуговаривать, пригрозить, что вообще оставим без дороги и света.

Утром позвонил главе сельского поселения, приказал к обеду собрать все население Савинки, сказать, что глава приезжает, серьезный разговор. Народ собрался в культурном центре, как его правильно называют, старики курят нещадно прямо в зале, как в былые времена, культработница, слегка навеселе, грозится вывести из зала. Еремин прошел прямо к столу, снял теплую куртку, кинул на сцену. Культработница бросилась было прибрать – глава махнул рукой: «Не надо!».

– А какой сегодня праздник? – спросил бородатый дедок, явно с улыбкой. – Выбора только что прошли, кого сказали, того и изобрали. И вдруг к нам среди дня сам районный голова. К худу ли у добру?

Еремин подхватил тональность разговора и радостно кивнул:

– Конечно, к добру, дорогие товарищи. Вы же сами видите, что жизнь в стране налаживается, районный цент занял третье место по строительству и благоустройству. И только вы остались у нас больной проблемой: до села тридцать километров, а до района и вовсе не добраться. Власть постоянно думает о своем народе. Вот я приехал к вам с хорошей новостью: к весне вы все станете новоселами нового красивого дома в райцентре. Квартиры полностью благоустроены, газ, вода, тепло, туалет рядом.

– А в тавалет что носить? – Еремин нутром ощутил, что это тот, бородатый. – Я, к примеру, если чай пью, до ветру не хожу, незачем, а вот приготовит бабка курицу в жаровне с крупкой просяной либо с рисом, в вольном жару в русской печке – вот тут тавалет потребуется.

Народишко жиденько засмеялся. Еремин спросил:

– Извините, вас как звать-величать?

Бородатый захохотал:

– Ты когда к нам в колхоз прорабом приехал, я уже передовым комбайнером был. Ты бригады черных на ремонт ферм нанимал, по тысяче с каждой имел, а мне родина каждую осень железки вешала на пинжак.

– Товарищ, вы прекратите голословные высказывания. – Еремин так смутился, что не находил слов. – Я вас за клевету могу привлечь.

А старик наступал:

– Привлекай. Весь колхоз знал про ваши договора, да черные же сами вас и заложили, смеялись, что за тысячу родной колхоз готовы продать. Я тоже на уборке тыщу выгонял, дак я ночей не спал, я бабы

месяц не видел, а ты после расчета бригады объехал, и к Октябрьской «Жигули» пригнал. Что я не так сказал?

Еремин вскочил:

– Товарищи, не о том говорим.

– Зачем ты нас товарищами зовешь? Товарищев всех прогнали, теперь все господа. Я вот Надцонов Иван Иванович. Вспомнил? Так вот я и спрашиваю: с каких это разносолов меня потянет в тавалет?

– Не надо прибедняться, Иван Иванович, у вас с женой пенсия должно быть неплохая.

– Должна бы, да флаг переменился. Хорошая пенсия, ничего не скажу, только мала больно. Я как-то попросил грамотную бабенку прикинуть, и сказала она мне, что при колхозе я получал бы сто двадцать рублей. А нынче двенадцать тысяч, если курочек покупать у наших торгашей, пару раз в месяц сыт будешь до отрыжки. Потому, дорогой товарищ или господин, ты нашу деревню не шевель, как жили, так и помирать будем.

Григорий Павлович переждал шепотки и начал снова:

– Вы о женщинах, женах своих подумайте: воды принести, печи топить, из огорода все лето не вылезать. А здоровья-то все меньше.

– Оно, конечно, так, – подала голос пожилая женщина. – Но ведь с огорода кормишься, и картошка, и овощ всякий, у нас в саду три яблони плодоносят, всю родню снабжаем яблоками. И куда это все? Кинуть?

Еремин решил давить до конца. Сельский глава протокол пишет, но отмашку ему еще не давал, потому что ничего толкового для документа никто не сказал.

– Вот что я вам скажу, граждане. Затраты на содержание одного жителя вашей деревни выше, чем жителя райцентра. Почему? Потому, что вас всего сорок человек, а надо дорогу, надо свет, торговлю хоть раз в неделю, вот этот культурный комплекс с медпунктом.

– Комплекс хоть сейчас забери, вместе с медичкой. Все равно у нее акромя таблеток от кашля и от поноса нет ничего. А пляски мы и дома можем устроить.

Еремин понял, что эту встречу он проиграл вчистую. Надо готовить квартиры и решать все радикально, круто. Доигрались в демократию, главе района в глаза про взятки двадцатилетней давности вспомнили. Да и не было никаких взяток, одернул сам себя Григорий Павлович.

Слух о переселении деревень в райцентр быстро облетел район. В Шамурину Еремин поехал ближе к вечеру. Жиденький табунок из коров, бычков, телят и овец лениво заходил в деревню. Одна улица, домов, правда, много, но больше заколоченных или разграбленных. Взял с собой главу поселения Рябова Михаила Петровича, он не тридцать ли лет возглавляет тут власть. Мужик прямой, тертый. Сразу сказал Еремину, что не удастся уговорить, шамуринцы живут дружно, еще при совхозе все воровали зерно от комбайнов, и никто никого не выдал. Приедет следователь, походит-походит – никто ничего не видел. А потом по пять свиней сдавали тому же совхозу. Хорошо жилось, сейчас попробуй мешок отходов нагреби – срок, нынешней весной осудили человека, вся деревня ездила на суд, а судья выходит и преподносит: шесть месяцев заключения. Ладно, в области отменили, а то бы там и пропал, хворый человек.

– Так ты мне помоги их уговорить, – предложил Еремин. – Людей знаешь, они к тебе со всем уважением. А?

– Потому и не буду, Григорий Павлович, что от народа уважение имею. А начну ересь нести – скажут, что и Рябов скурвился, против народа пошел.

Еремин его одернул:

– Ты за базаром-то следи, как в одном месте говорят. Значит, ты за народ, а я против? Я, который пробил для них благоустроенное жилье, создаю великолепные бытовые условия – я враг. А ты оставляешь их в условиях царского режима – ты заступник.

Рябов засмеялся:

– Григорий Павлович, вы бы побывали в нашем музее, пока его окончательно не разграбили, и посмотрели, какие хоромы стояли в наших деревнях. Ведь люди жили в достатке, потому что старики место для жительства выбирали с умом, не как сейчас, ткнули пальцем: здесь строй! Вот в райцентре заложили новые улицы, люди строят дома, а того не думают, что зимой их снегом закладет по самые крыши, потому что роза ветров ничем не прикрыта, а летом им воды не хватит, чтобы хоть что-то на огороде вырастить. Уклон от начала до конца улицы не меньше пятнадцати градусов, вся грунтовая вода уйдет.

– Загибаешь ты, Михаил Петрович.

– Ничего не загибаю. А вы не обратили внимания на огромный пустырь между трассой и рыбозаводом? Это же пахотные земли, там совхоз картошку сажал и чередовал с кукурузой. Пре-

красная земля, пять улиц по десять домов с обеих сторон – сто семей жили бы и радовались.

Еремин поморщился: был он на этом участке, только вот по какому случаю? А, место для свинарника выбирали, два чеченца приехали с большими деньгами, крайно надо свинарник построить и молодую свинину поставлять в рестораны города. Вот им и отвели.

– Земля не пропадет, – сказал он беззаботно. – Свинарник там чеченцы строят.

– Слышал. И народ молчит. Через год свиньи задушат крайние улицы поселка своей вонью.

Еремин возмутился:

– Ну, знаешь, на тебя не угодишь. И все мы делаем неправильно. Вот вы, коммунисты, всегда были правы.

Рябов пожал плечами:

– Тоже не всегда, но откровенных глупостей не делали.

Еремин насторожился:

– Это ты сейчас о чем? Ты мне про выселение двух своих деревень скажи.

Рябов кивнул:

– Скажу. Добровольно люди не поедут. Вот скотина прошла, дома поросенок. Куры, утки на озере. Опять же рыба. Пойдем пешком по улице – в каждой ограде висят на проволоке распластанные караси. Вялят, сушат на зиму. Вон в том колке у них грузди, они его чуть ли не охраняют, и от скота, и от гостей, пытались райцентровские заехать, они их вилами выгнали, пока одни спорили, другие колеса у машин поспускали.

Еремин как бы между прочим уточнил:

– Они что, на людей с вилами ходили?

– Так они и сегодня, я думаю, прихватят, – и Рябов громко засмеялся.

Собрались в центре деревни, на полянке, где когда-то клуб был. Начал Рябов:

– Приехал глава района предложить вам бросить свою деревню и переехать в район в благоустроенные квартиры. Кто согласен – можете записаться и получать ордер.

Эта женщина стояла, опершись на толстую палку, видно, изробленная спина не выдерживала. Она стала отвечать:

– Григорий Павлович меня, конечно, не помнит, а в комсомоле на областные конференции ездили вместе, помнишь, секретарь райкома?

Еремин тужился вспомнить и не мог, не видел он в высокой, сгорбленной и худой старухе комсомольской активистки.

– Ладно, оставим воспоминания. Я догадываюсь, почему мы вам тут мешаем, дорого обходится обслуживание деревни. Да, уже и людей деньгами измеряют. Так вот, господин Еремин, мы из деревни не уедем. Это наше общее решение.

Еремин старался сдерживать себя, хотя чего дипломатию разводить, открытым текстом сказать, что электролинию отрезаем, дорогу закрываем, принимаем решение о ликвидации населенного пункта.

– Переедите осенью, когда все приберете. Можете дома оставить, на лето приезжать, это ваше дело. Но Шамурина осенью будет закрыта. Это называется оптимизацией бюджетных затрат на ЖКХ. И больше никаких вопросов.

Осенью тридцатишестиквартирный дом на окраине райцентра гудел, как улей. Молодые парни ловко сдергивали с грузовиков комоды, старые диваны, фанерные шкафы и несли по этажам. Новоселы, опустив исплаканные глаза, неумело взбирались на ступеньки и исчезали в провалах гулких подъездов. Уже через неделю на теплых пока балконах начались переклички:

– Иван Семенович, вы на каком этаже?

– Не знаю, я не могу выйти на улицу.

– Кума Дарья, ты обещалась ко мне прийти.

– Да я ходила, а забыла, какие цифры. Кого не спрошу – не знают.

– Эй, кто слышит, передайте муравьевским: Василий Васильевич, представился сегодняшней ночью, царство ему небесное!

А еще через месяц Григорий Павлович Еремин получил новое назначение в областной администрации и настоятельно рекомендовал главой района бывшего своего зама Синкина.

АННА
Рассказ

Анну сегодня вымыли и положили в кровать, заправленную выстиранной печной занавеской и одеялом под другой тряпицей, которую она признать не могла, то ли с горничных дверей, то ли с полатей. Ольга еще в прошлую субботу сказала, что все постельное кончилось, истерли в стиралке, покрути-ка через день. Посыкнулась принести свое, только Анна тяжело махнула рукой: «Не надо!». Ольга хоть и родная племянница, только не разорваться бабенке, и работа, и ребятишки, и мужик пристрастился бражку ставить, всегда навеселе, а управа во дворе на ум не идет. Анна уже не горевала даже, что своих детей не родила, война оженила, видно, ее суженого, подходили ребята с фронтов, только не к ней. Сама себе признавалась, что не красавица, а то, что работящая – это в девке оценили бы потом, при семейной жизни.

Когда боли утихали, уходили куда-то, Анна вспоминала первое послевоенное лето, когда тихая, почти траурная деревня вздрогнула от множества мужских голосов, от разухабистой «тальянки», выводящей почти забытую «Подгорную», от радостных частушек молодых девок и вдов, на кого положил глаз демобилизованный холостяк. Анна сидела с подружкой на бревнышках, только та время от времени срывалась на круг, потому что перед ней топтался уставший от браги и пляски парень, приглашая к пляске. Пройтись вприсядку или иное коленце выкинуть он уже не мог.

Памятное было лето. Вернулся из Германии Федя Фаркоп. Она как сейчас его помнит: усатый, вся грудь в медалях, сапоги хромовые тоскующей гармошкой сморщены. И наглый. После вечерок догнал ее, подхватил под руку:

– Ан*ю*шка, ты почто одна-то? Одной, поди, страшно. Давай, я тебя обниму.

Прижал к себе, а она и сердце поймать не может. Двадцать два годика, а не обнята, не целована. То не в счет, что ребятишек пятнадцатилетних совращали, тискали, к себе прижимали, до дури доходили,

а потом гнали их, чтобы, не дай бог, до сладкого греха не упасть. А тут мужик, груди мнет, с ума сводит, шепчет, аскид, на ушко:

– Пошли, Анюшка, в баню, нынче суббота. Бани теплые.

Что там говорить – жаркая была баня... Федор сел на лавку, дрожащими руками поднес спичку к папиросе. Анна встала:

– Выдь на минутку, я обмоюсь.

Шли молча до Анниного переулка, тут Федор остановился:

– На деревне про баню не надо разговоров.

– Вот как!? А зачем ты на кофтенке все пуговички обобрал, щупался, в ухо пел? Заскочил, как петух, и обратно на седало? Ох, дура я дура, неотесанная! Был бы жив тятька, он бы тебя оженил.

– Анюшка, ты чо на меня? Я тебе ничего не обещал, но, если в замуж не возьмут, буду приходить. Мать-то жива?

– Слава богу!

– Неловко при матери-то...

– Она на печке спит, да и глухая совсем, – соврала Анна и заплакала: обрекла себя в ту минуту на вечное одиночество.

* * *

Слух прошел, что с понедельника все на сенокос. Неделю шли дожди, да неделю солнце за день ни на минутку не пряталось, все старалось виновато подтянуть травы, сотворить семена в каждой, чтобы, осыпавшись, они ожили будущей весной. Травы дуром дурят, старики говорят, что в Дикуше и на Зыбунах такого давно не бывало, чтобы пешему не пройти. Вечером по всей деревне стук молоточков: отбивают, оттягивают жало литовок, чтобы на покосе только легонько брусочком пройти с обех сторон, и опять коси. Литовкой бриться можно, рукавом от старой фуфайки одевают литовку, бечевкой перевязывают, чтобы не порезать кого и чтобы ненароком не притупилась в дороге. Мужние жены без горя, хозяин и литовочку подберет, и посадит на литовище, чтобы по руке и по росту. Анна пошла к крестному Максиму Хромому, он уж своей Марье наладил, вон, в углу стоит. Максим встретил с улыбкой, принял литовку, покрутил-повертел, выматерился:

– А Фаркоп-то выболел бы, если бы отбил да насадил, как следно быть? Ладно, не красней, дошли и до меня слухи. Жениться не звал?

– Нет.

– Если бы в старые годы – на куртал бы его сводили братья с отцом, вставили ума чуток. А нынче – Гитлер твоего жениха устосал,

без соборованья, а Сталин разрешил мужикам ходить по бабам, солдатиков да доярочек ему делать, а помощи никакой, – ворчал Максим, разобрав Аннину литовку по частям.

– Я тебе черенок новый поставлю, этот подопрел, подведет среди дня. У меня на номер меньше есть литовка, с этой тебе к обеду воздуха не станет хватать.

Анна перебила:

– Не надо, крестный, маленькой мне норму не вытянуть.

– А сколько дали?

– Сказывают, по пятьдесят соток.

Максим выругался:

– В правленье совсем сшалели, или как? Да по такой траве полгектара только трактором. Посмотрю завтре, ихние бабы придут или в холодке отсидятся, а то, не пуще того, в председательской кошевке в лес по ягоды махнут. Смотрел я вчерася по Пелевинской дороге – густо ягод, хоть лопатой сгребай. Хотел съездить межу делком, да Вася Моряк утром кнутовищем с вершны в окошко стукнул: «Весь день литовки и грабли налаживать, а завтре с молоточком и наковаленкой быть у Коровьей Падьи, оттуда, стало быть, начнете».

Максим говорил и делал свою работу. На черенке выдолбил долотцом углубление, чтобы замок литовки закрепить, надел кольцо туго-натуго, из свежей вицы согнул новую ручку, стянул ее тонким кожаным ремешком. Спросил, есть ли оселок, порылся в ящичке, достал мелкий оселок. Анна взяла в руки литовку, отошла в сторонку, сделала несколько замахов – удобно, ловко.

– Спасибо, крестный.

– Айда, бласловясь!

* * *

Пастухам было велено выгонять коров пораньше, они чуть свет – уже щелкали длинными кнутами своими, пугая собак и маленьких телятишек. Вся деревня на ногах, с литовками на плечах сходятся ко дворам возчиков, а те уже запрягли в телеги и фургоны лошадей, поправляют сбрую. Филя Смоктунок прилюдно начал мазать дегтем колесные ступицы, мужики с матерками помогали, поднимая телегу. Филя молча сносил обиды, потому что виноват, вчера прогулял, уж лучше здесь снести позор, чем среди дороги, когда безжалостно засвистят ступицы, и матерков будет еще больше. Подбегали запыхавшиеся молодухи, проспавшие зорьку и догонявшие со своими

коровами уходящий в луга табун. Наконец, тронулись, и к выезду за околицу уже целый обоз выстроился, все собрались, Вася Моряк, только что вернувшийся со службы на Тихоокеанском флоте, проехал вдоль колонны, всех пересчитал и рысью поспешил подобрать место для стана.

Все собрались в круг, Анна огляделась: не меньше сотни человек. Бригадир вскочил на ближайшую телегу и крикнул:

– Товарищи! Сегодня у нас праздник – начало сенокоса.

В толпе громко засмеялись:

– Праздник!

– Семь потов за него!

– Бригадир, ты лучше про норму скажи!

Вася Моряк чуть стушевался, но быстро нашелся:

– Да, праздник, потому что от сегодняшнего дня зависит, будет ли скот с кормами, не придется ли поднимать коров весной на веревках, как в былые годы. А норма такая: пятьдесят соток для женщин и шестьдесят для мужиков. Сразу: кто перевыполнит хоть на пять соток, ставлю два трудодня.

«Ой, да хоть десять, все равно по осени на них ничего не выпадет, только бы должной не остаться», – подумала Анна и подошла к таким же одиночкам, как и сама, им вместе сподручней.

Катя Заварухина самая крепкая, пошла передом, за ней Валентина Ляжина, Прасковья Апрошина, и Анна встала вслед. Первую ручку шли долго, все приспосабливались, надо одинаковый шаг установить, чтобы пятки друг дружке не порезать, не отставать, но и не забегать вперед. Тогда и дыханье установится, и сердце перестанет выскакивать.

Бригадир подъехал на своем Хулигане без седла, рубаха вся мокрая, чуб из-под бескозырки сосулькой висит. Женщины смеются:

– Тебя, Иваныч, не повариха ли холодной водой окатила, чтобы не яровал?

– Нет, родные мои, я с мужиками в одном строю, литовка у меня – девятый номер. Не мог же я опозорить Краснознаменный Тихоокеанский флот, намахался так, что сейчас только супу чашку и в Тихий Омут нырнуть. Тут не заяруешь!

– Смотри, не уплыви, а то и трудодни начислять некому будет, – смеются женщины.

Анна улыбнулась этим воспоминаниям. Действительно, какая артельная это работа – сенокос, здесь каждого видно, ни за кого

не спрячешься, но за слабинку, за ошибку никто не осудит, не поднимет на смех.

Потом из больших эмалированных чашек (одна на пятерых) хлебали густой суп с бараниной, баранчика специально для косарей выписало правление колхоза. И хлеб напекла Аксинья Петровна – любо поглядеть. Калачи большие, высокие, мягкие, наломали их ломтями и кинули прямо на средину артельного стола – ешь, сколь хочешь.

В тот день они выполнили норму, хотя трава тяжелая, овсяница колос затвердила, визиль вяжется на литовку. Но сено хорошее будет, если без дождей сумеют сметать.

* * *

Лошадей Анна не любила, не то, чтобы боялась, а сторонилась и дивилась своим подружкам, которые получили по паре коней и по фургону, летом возили зерно на элеватор, лес, кирпичи на стройку, а как снег падет – одна работа: пара саней с широкими крыльями, и за сеном. Опять надо парой, одна со стога подает, другая на санях раскладывает, чтобы три центнера вошло и чтобы воз не развалился. Сложили воз, бастрыком его зажали, и так все четыре. К вечеру, если все нормально, дотянутся до сеновала, перекидают сено в большую скирду, тогда можно коней распрягать и домой.

Уговорили Анну, взяла она пару смиреных кобыл, закрепили ее за молоканкой обрат телятам возить и сливки в соседнее село на маслозавод.

Анна хорошо помнит тот день, все шло наперекосяк. Сначала Пегуха никак не хотела заходить под упряжь, потом на хомуте порвалась супонь, а на выезде с конного двора фургон зацепился колесом за воротину и своротил ее. Анна понужнула коней, чтобы скрыться, пока никто не видел ее греха.

На молоканке поставила шесть фляг со сливками и тронулась через мосток в сторону Шадринки, где сдавала опломбированные фляги на маслозавод. Ее там знали, угощали хлебом с маслом, холодной закваской. Она уже представляла, как сдаст фляги, будет пить чай с белым хлебом, накрытым толстым куском холодного масла. Вдруг кони дернулись, встали на дыбы и метнулись в сторону. Анна видела, что через дорогу перемахнул огромный лось, уперлась ногами в поперечину и со всей силой натянула вожжи. Но кони дико неслись прямо по кустам, потом фургон попал в яму, опрокинулся, и Анна потеряла сознание.

Ее нашли к вечеру, увезли в больницу, с неделю ставили уколы, но

голова болела. Врач сказал, что это пройдет со временем, и выписал на работу. Дома ее уже ждали. Колхоз предъявил иск за два с лишним центнера испорченных сливок. Бухгалтер так и сказал: либо возмещай убыток, либо колхоз подает в суд. А чем возмещать? Корову продать, и то не хватит, а без коровы совсем погибель. Нашлись люди, ходили в правленье, просили списать за счет колхоза, только председатель и слушать не стал. Анне так и сказали:

– Он с производства направлен колхоз поднимать, ему наше горе непонятное.

Суд хотели провести в колхозе, только убоялись, что народ может под защиту взять подсудимую, Анну вызвали в район. Сидела она на боковой скамеечке, какие-то люди – ни единого знакомого лица. Она помнит, как ее это испугало: засудят, и заступиться некому. Какой-то человек подошел, шепнул тихонько:

– Приготовься, на полтора года поедешь в леспромхоз северный. Мне судья сказал.

Потом этот человек, которого объявили адвокатом, долго говорит про особую ценность социалистической и колхозной собственности, к которой некоторые граждане (он указал на Анну) относятся преступно халатно и заслуживают сурового наказания. Говорил еще один, в мундире, все грозил каким-то капиталистам, и тоже про народное добро, на которое посягнула подсудимая.

– Прошу суд, учитывая серьезность преступления и в назидание другим разгильдяям назначить подсудимой...

Анну не отпустили домой, две ночи ночевала в милиции, потом увезли на станцию и посадили в вагон, полный женщин. Никогда не бывавшая дальше своей деревни, Анна приткнулась с краешка нар, положив на колени узелок с парой исподнего. Она до сих пор помнит невысокую толстую женщину с воспаленными глазами, которая подошла, вырвала узелок, спросила:

– Что тут у тебя?

– Рейтузы да рубаха, еще рукотерт.

Женщина брезгливо сунула узел обратно. Подошла еще одна, постарше, Анне сразу показалось, что с добрым лицом.

– Ты из деревни? Я так и поняла. За что тебя?

– Лошади понесли, фургон перевернулся, а там фляги со сливками...

– Перебирайся ко мне ближе, нас тут от самой Москвы. А ту зэчку мы приструним. Это нарушение – собрали вместе уголовников и первосудок.

– Ты, видать, грамотная?

– Немножко. Я инженер, работала в лаборатории, ночью пожар, а я последняя уходила. Обвинили. Потом мне сказали, что электрокабель замкнул, но я уже осуждена.

Разгрузились на запасных путях большой станции ночью, колонной прошли через весь город, по шаткому трапу поднялись на баржу. Утром маленький пароход потащил баржу на север.

* * *

Анна вернулась через два года. Мать едва дождалась, добрые люди помогали и сеном для коровы, и дровами. А в огородишке сама управлялась. Прибежали подружки-одиночки, выпили по стакану бражки за встречу, новости рассказали. Председатель колхоза теперь Гриша Антонов, долго служил на Востоке, а потом в заготконтору устроился. Сказывают, вызвали его в райком и сказали, что не к лицу фронтовику и коммунисту груздями да шкурками заниматься, надо ехать в родное село и поднимать колхоз.

– Анна, теперь у нас пимокатня своя, овечек развели каких-то лохматых.

– Саженцев привез Григорий Андреич, всю деревню вывел за старую мельницу-ветрянку, сад теперь у нас, говорят, на будущий год яблоки будут.

– Телятник новый достраивают, ты бы шла, просилась телятницей. Хоть в тепле.

Анна вздохнула:

– Намерзлась я, подружки, на всю жизнь.

Еще одну новость вспомнили:

– Федька Фаркоп утонул на Аркановом озере под пьяную лавочку.

Анна кивнула, мол, знаю, мама сказала.

Утром пошла к бригадиру животноводства, пока он в правлении находился, а среди дня где его сыщешь? Смотрит: вроде знакомый, из соседней деревни, колхозы-то объединили. Красивый мужчина, лет больше сорока, в галифе и хромовых сапогах, волосы назад зачесаны и чистые, аж пушатся. Узнала, как зовут, подошла:

– Степан Федорович, работу пришла просить.

Батурин посмотрел внимательно:

– А ты откуда взялась? Ни разу тебя не видел.

Анна опустила голову:

– Из заключения я. Вчера пришла.

– За что?

– За сливки.

Бригадир кивнул:

– Слышал про эту дурь. В иных местах тыщами теряем, а человека за рубль на каторгу шлем. Что можешь работать?

– Да все! – смело ответила Анна. – Мне сказали, что скоро телятницы нужны будут.

– Уже сегодня нужны, – ответил бригадир. – Только ты имей в виду, за телятами, как за малыми детьми, надо ухаживать.

Анна покраснела:

– Детей у меня нет, но телятишек люблю, со своими, бывало, разговариваю, а они прислушиваются, вроде понимают что.

– Вот и славно, завтра приходи на ферму, я подъеду.

В новом телятнике Анна набрала группу новорожденных, только неделю жили они с матерью в родилке, а потом она на руках, завернув в старое одеяло, переносила их в клетки, давала бутылку с соской, а если не принимал – поила с пальца, как дома. Она звала их ребятишками, каждому давала имя, понимая, что уйдут в среднюю группу – никто их там ласково называть не будет.

...Анна улыбнулась, и будто запах молочного теленка вдруг напахнул, будто он, ласковый, нежно лизнул ее в щеку шершавым своим языком, как не раз бывало.

А до того она неделю наводила в телятнике свой порядок. Глиной с рубленой соломой промазала все пазы, побелила стены и клетки, у дверей сколотила ящик, засыпала опилом и попросила веттехника, чтобы привез ей бутыль той жидкости, которая все микробы убивает. На дощечке углем написала «Вход воспрящен!» и приколотила ее к дверям. Степан Федорович пришел посмотреть готовность, для приличия почистил подошвы сапог во влажных опилках, все осмотрел и довольно улыбнулся:

– Молодец, Анна, вижу: добрая из тебя телятница выйдет. Все, завтра новорожденные уже к тебе пойдут.

– Степан Федорович, скажите дояркам, чтобы они мне молоко сдаивали от крепких коров.

– Это ты сама решай. А тут что за веники?

– Из дома травы принесла, у меня их полно всяких, от всех болезней.

– Смотри, не перепутай, а ветврачи – народ капризный, случится падеж – припишут.

Анна улыбнулась:

– У меня не случится.

– Да вот и кстати разговор. Сохранишь весь молодняк – с каждой полсотни один твой, натуральная оплата. Ну, удачи тебе в работе.

Анна проводила гостя за дверь, обернулась, а на дощечке исправлена одна буква. Конечно, это он, а ведь ничего не сказал. Анна и сейчас помнит, как екнуло сердце и вспыхнуло давно не горевшее лицо. Остановилась: «Ой, чтой-то со мной?»...

* * *

Ольга накормила Анну, прибрала в избе и в горнице. Горенку-то пристроил еще Федя Фаркоп, хоть и наглый, а матери стеснялся. Выписал в колхозе лес, срубил троестен, позвал мужиков, и артелью приткнули сруб к избе, закрепили скобами, под окладник чурок набили, крышу общую навели. Это уж позже Анна купила шифер, сбросали дернины, сросшиеся потником, домик стал поприличней.

– Ладно, тетка Анна, лежи, я побежала, своей управы полно. Мой-то опять в загул ушел.

– Ты не ругай его, а поласковей, подлизнись, ему стыдно станет.

– Ой, тетка Анна, ему хоть кол на голове теши, неделю спит на диване, думала, может, среди ночи подсунется – куда там! Водка дороже бабы. Да, подобно тому, ему и баба-то не нужна.

– Только не ругайся, этим разозлишь, еще тошней станет. Оля, подай мне коробочку из комода.

– Которую?

– Ну, ты же знашь...

Коробочку открыла, когда ушла Ольга. Вывалила все на одеяло. Взяла первый значок: медаль. Эту дали перед уходом на пенсию. А эта первая, тогда многих женщин наградили. Прасковье Апрошиной дали отрез крепдешина на платье, а Наташке Цыганке часы наручные. Анна улыбнулась, вспомнила, как материлась Наташка: «На кой мине часы, я цифры не знаю. Лучше бы отрезали на платье». А вот это тяжелое, большой орден, Степан Федорович сказал, что надо еще одну пятилетку так поработать, и можно к Герою представлять. Не получилось с Героем, председатель колхоза чем-то району не угодил, сняли, привезли какого-то очкарика с портфелем. А как народ жалел Гришу Антонова! Колхоз миллион прибыли получил, Григорий Антонович умолял на отчетном собрании не делить прибыль, а лучше провести по деревне водопровод и электричество. Цельное лето рыли траншеи под трубы, каждому отвели по тридцать метров, а глубина

два с лишним. И рыли, больше экскаватора сделали. Потом колонки поставили на перекрестках, над ними избушки для обогрева, старых пенсионеров посадили на раздачу воды. Так же и под столбы ямы копали, потом чистили сосновые бревна, устанавливали и трамбовали грунт. Построили кирпичную электростанцию, немецкий дизель привезли. Приехала бригада из Казахстана, натянули провода, потом к каждому дому и по дому проводку. В полночь дежурный машинист три раза выключит свет, значит, через пять минут заглушит дизель. Чем не жизнь?

При очкарике колхоз перевели в совхоз, и сразу все переменилось. Собраний не стало, директор все решал приказом. С передовиков скатились, и награждать перестали. Вот еще кучка значков, каждый год давали «Победителю соцсоревнования».

* * *

Степан Федорович потом много раз рассказывал ей, что сразу заметил работящую женщину, громкоголосую, но безвредную, она не жаловалась никогда, а прямо высказывала все претензии телятницы к руководству, Степан Федорович старался поправить дела, чтобы в следующий раз вопросов было меньше. Он и сам не заметил, что зачастил в телятник, заботиться о подрастающем молодняке входило в его обязанности как заместителя председателя колхоза по животноводству, но люди-то видели, что не все так просто.

Тогда же устроили на ферме встречу Нового года, «Голубой огонек» назвали, посидели за столом в красном уголке, выпили, песен попели, даже потанцевали под гармошку, скотник Пантелей Шубин съездил домой, привез хромку. Расходились уже под утро, да так вышло, что мимо дома Степан утянулся вслед за Анной, догнал ее в калитке, придержал за рукав:

– Что же ты от меня бежишь, Анна, брезгуешь моими годами?

– Разговоров боюсь, Степан Федорович, жена у тебя и работа ответственная.

– В избу-то пустишь?

Она молча прошла в ограду, открыла дверь, в избе включила свет, задернула занавески на окнах, присела к печке и подпалила приготовленные заранее дрова. Не снимая полушубка, он привалился к столу, положил шапку на подоконник.

– Закурить разрешишь?

– Кури, вот блюдечко под пепел.

– Анна, я есть хочу, салаты-винегреты не по мне. Не дай с голоду помереть.

Она пихнула на элетроплитку кастрюльку с водой, сунула в нее кипятильник и принесла с мороза мешочек с пельменями. Порезала булку подового домашнего хлеба, из подполья достала грузди, огурцы и капусту, открыла банку помидоров, поставила бутылку водки. Готовые пельмени выложила в глубокую тарелку и залила бульоном:

– Угощайся, Степан Федорович.

– А себе рюмку?

– Не пью я совсем.

– Со мной. Прошу, Анна.

– Ради тебя только. С Новым годом, Степан Федорович!

Она пригубила рюмку, сморщилась и закусила грибочком. Степан густо обсыпал пельмени перцем, полил уксусом и хлебал деревянной ложкой вместе с бульоном.

– Анна, отчего замуж не выходишь? Женщина ты видная, все при всем, есть на что посмотреть, на работе молодец, в доме у тебя порядочек.

Анна смахнула слезу:

– В молодости не повезло на доброго мужика, а потом где его взять, толковые все прибраны, а бросовые мне не нужны, лучше одной мучиться.

– Меня не прогонишь сегодня?

– Не прогоню. Только до света домой уйдешь, чтоб не видел никто...

* * *

Всю историю своих мучений Степан рассказал Анне, когда совсем перешел к ней.

Конечно, со стороны это невозможно понять, потому что и года уже подпирают, и семья у Батурина немалая, два сына и дочь, теперь в чужих краях живут, давно на своих ногах. Жена бессловесная, никогда поперек слова не скажет, со всем согласна. Дом приличный, хозяйство, мотоцикл «Урал» ему через райком выделили, считай, первому в колхозе. Со стороны посмотреть: что не жить? А он зачастил к чужой бабе, да и не особо скрывался, а когда в колхозной бухгалтерии женщин за обсуждением непутевой Анны застукал, спокойно сказал враз онемевшим, что Анна теперь жена ему, фактически жена, и что формальности все для людей они на днях оформят.

Вскоре после этого в райком вызвали, на всякий случай партий-

ный билет с собой взял, Анну успокоил: никакого значения для них этот разговор не возымеет, разве что ускорит события да кровь немного попортит.

Первого секретаря Рыбакова Степан хорошо знал, тот в колхозе бывал частенько, заместителя уважал, советовался по хозяйственным делам, но была за первым нетерпимость к вольным проявлениям, например, пристрастия к спиртному он не прощал, а еще любовных приключений. Поговаривали, что в молодые годы Рыбаков сам был ходок еще тот, но со временем образумился, да и должность уже не позволяла вольничать, все-таки деревня, не спрячешься, люди все видят. В душе Степан заранее смирился с любым решением райкома, но как-то занозило: партбилет он на фронте получал, правда, тот давно отняли и выдали в порядке обмена новый, но год-то вступления обозначен, 1943-й. Знатное было время, по всем фронтам наступали, Степан в роте автоматчиков один остался от первого призыва, всех друзей схоронил или по госпиталям растерял. Отдашь билет – как часть памяти выбросишь.

Перед самым обедом секретарша позвала его из коридора, он вошел в кабинет, в котором не раз бывал на совещаниях. Рыбаков кивнул, не вставая, и руки не протянул, это Батурин отметил и заодно утвердился, что добра ждать не приходится.

– Садись, – сказал хозяин кабинета. Гость примостился на крайний стульчик. – Рассказывай, Степан Федорович, как дошел до такой жизни.

– Вы про работу или про что, Василий Петрович? – неожиданно для себя переспросил Степан.

– Ты дурака-то не валяй, мы с тобой не тридцать ли годов знакомы, так что давай начистоту, что там у тебя с семьей?

Батурин хотел было сказать, что семьи у него давно нет, как детей проводили, так и нарушилось все, будто они развезли с собой все благополучие и благопристойность этого завидного дома. Куда-то в пустоту провалились беззаботные дни семейной радости, когда после долгого дня на работе он приходил домой, мылся в баньке, заботливо протопленной хозяйкой, говорил с ребятишками об учебе, об играх, о книжках прочитанных. Не было для него другой жизни, работа и семья, жена и дети. Конечно, не насильно его женили, к тому времени такая мода прошла, сам выбрал свою деревенскую, сразу после демобилизации. Он пытался после определить границу между нормальной жизнью и ее утратой, и находил эту грань как раз на проща-

нии с дочкой, которая после техникума вышла замуж и без свадьбы уехала на Север. Родители остались вдвоем, и сразу стало заметно, насколько они чужие без детей. Степан испугался своего открытия, но каждый день подтверждал, что это правда. Нет, он не ругался с женой, не устраивали они скандалы на всю улицу, как это бывало кое у кого, и сковородками друг в друга не швырялись. Опустела вдруг душа, жену ни в чем не винил, да и сам долго не мог разобраться, почему пироги стали невкусными, почему незаметно стал ночевать на диванчике, сначала как бы случайно засыпал под телевизор, потом и вовсе перебрался.

– Что там у тебя с семьей?

– С женой разводиться буду, Василий Петрович, так получается.

– Ты к женщине этой совсем перешел, с вещами?

– Пока нет, иногда дома ночую, хозяйство все-таки, надо поддерживать.

Секретарь встал из-за стола, прошелся по кабинету:

– Нехорошая картина вырисовывается, Степан Федорович, для руководителя, для члена партии, что люди говорят, ты знаешь? А говорят, что коммунист не может вести аморальный образ жизни. Ты согласен?

Степан напрягся:

– Не согласен, Василий Петрович, потому что коммунист тоже человек, а у человека чувства есть, как тут быть? В уставе нигде не написано, что я должен жить с нелюбимой женщиной.

– Ишь ты, какой теоретик, под свое многоженство уже марксизм подвел. Ладно, не пузырись. Ты кругом неправ, потому слушай. Выговор по партийной линии получишь, на работе оставим, тебе сколько до пенсии?

– Два года.

– Доработаешь, там посмотрим. Имей в виду, поблажка тебе только за счет твоих заслуг, а что касается женщин, ну, подумай сам, Степан Федорович, дай сегодня волю – половина мужиков своих баб бросит, ведь так?

Батурин опять хотел сказать, что партийной дисциплиной семью не удержишь, но перечить не стал.

* * *

Анна никогда никому не говорила, даже близким подружкам, как они живут со Степой, боялась сглазить. Первое время она просыпа-

лась среди ночи, выпрастывалась из крепких объятий мужа и суеверно смотрела на его лицо. Каким родным оно было для нее, женщины, ставшей законной женой в сорок пять лет! Вот эта родинка над бровью, шрам на щеке через всю шею, ножом в рукопашной на фронте получил. Морщинки у глаз появились, раньше не было.

Степан звал жену Анной, и дома, и на людях. Завел хозяйство, корову и овец, весной цыплят привозил гусиных и утиных, благо озеро за огородами. В кампаниях садились рядом, захмелевший Степан обнимал Анну и спрашивал на ушко, но чтоб другие слышали:

– Анна, скажи, ты меня любишь?

Анна смущалась и краснела. Крестный Максим Хромой однажды выговорил Степану:

– Степан Федорович, вот ты давечь опять про любовь. Тебе седьмой десяток, кака может быть любовь?

Степан широко улыбнулся:

– Максим, я тоже не знал, пока Анну не встретил. Любовь такая, что я без нее за стол не сяду и в постель не лягу. Вот обняла она меня, поцеловала – я сплю, как младенец. А ты?

Максим махнул рукой: что, мол, с тебя возьмешь, малохольного?!

Степан умер во сне и так тихо, что Анна не слышала. Проснулась: пора вставать. Надо через мужа тихонько перелезть, и сколько она ни старалась, он всегда просыпался и крепко обнимал ее, горячую со сна. А тут перелезла, поправила на нем одеяло и вроде пошла, но вдруг вернулась, увидела перекошенное лицо, схватила за руку – холодная. Не помнит, как выскочила во двор, добежала до Ольги, та вызвала участкового и медичку. Ольга же обошла соседей, покойника обмыли, одели, положили на плахи, закинутые половиками. Анна два дня просидела в изголовье, гладила волосы, поправляла воротник рубашки. Вспомнила: ко Дню Победы купила мужу, шибко она ему нравилась.

На кладбище, когда стали заколачивать гроб, она вскрикнула и потеряла сознание. С тех пор не вставала, не жаловалась, потом отказалась от еды, от лекарств, не согласилась ехать в больницу. Ольга видела, как она гаснет. В последний день поманила племянницу взглядом, шепнула:

– Степину могилу откроете, там мое место.

СЕМЬЯ
Рассказ

Свята икона, вот сижу и думаю, с которого краю начинать, потому как житуха наша жалостливая и никчемная, а жить-то надо, хоть новой раз и взбрыкнешь: «Да лучше бы Господь прибрал, чем все это видеть и пропускать, а сердце не каменное». Как-то посередь улицы обмер я, завалился, медичку привезли, отдула, в район отправила. А там нашего брата в каждой камере по шесть, сестричка забежит, таблетки на стол кинет и гумажки с фамилией, а я глянул через увеличительные очки, в которых за пензию расписываюсь: бог ты мой, таблетки-то все однаки. Сижу на койке и кумекаю: тот с грыжей, этот с животом пособиться не может, у меня кровя в башку кидаются, аж в глазах темно. Не стал ничего говорить, собрался и вечерком с автобусом домой.

Живу я девяносто лет, а сны вижу цветастые, радугу вижу и птиц райских. Проснусь, и до того на душе светло и томно, что лежу и не шевельнусь, знаю эту причину: как только ворохнёшься – сразу все виденья пропадут, и окажешься один на один со старостью. Я, грешным делом, стариком себя не осознаю, ну, знамо дело, и сила не та, и работы той, что раньше робил, уже не сдюжить, опять же, как венчанную свою проводил, так к женскому полу никакого стремления. А речи про меня разные в деревне, будто знаю травы и заговоры от слабины мужщинской, даже бабы стучались вечерней порой: «Пропусти, сил нет, чем хошь одарю». Все как есть правда: и травы знаю, и другие разные приспособы, но только при большой нужде помогал семьям. Зачем мужику дурь нагонять, если рядом с ним желанная бабочка и близко к сердцу? Чего про меж их бывает, каждый должен испытать, иначе и не жил на свете. Сам через то прошёл, помню, а в чужой кровати и после взвару того не достигнешь. Был у нас в деревне бык-производитель, водили его по дворам, исполнял свою службу, вот так и мужик иной, единожды в том краю ночует, потом в другом.

Ну, полно об этом. Когда новая жизнь случилась, флаги поснима-

ли, партейных с должностей поперли, кто-то сказал, что вот теперь коммунизм и наступит. Я, грешным делом, столько разворотов за свою жизнь испытал, и только одно усвоил: после, как вверху начальство новое сядет, добра мужику ждать неоткуда. Так и тут.

Живет со мной рядом в приличном доме, еще при колхозе ставили, хорошая семья. Нет, не могу притворяться: жила та семья. Мужчина, хозяин то есть, дальней родней мне по старухе приходился, в колхозе механиком был, Михаилом Гавриловичем звали. Ну, по мне просто Михаил, да и никаких возвеличиваний. И он ко мне славно относился, вообще с народом был запросто. А когда все ломаться-то начало, колхозишко и потянули, кто сколько сможет. Я сам слышал, как баба евоная во дворе чистила муженька, что даже трактористы на двоих один трактор упрятали, а ты начальник, механик, ржавого болта не принес. А он молчит, но и она не со зла, хотя надо сказать: женщина она резкая, прямая. Да и сама из себя бабочка – есть на что глянуть. Михаил, видно, души в ней не чаял, ну и приносила она в пятилетку по паре ребят. К тому времени у них уж пятеро было.

Жену его Тамарой зовут, по отчеству Ивановна, дело известное, школу кое-как закончила, а тут Мишка из армии объявился, в первую же осень окрутил девку, свадебку изладили, она на ферму дояркой. И ведь зажили. Колхоз, вот хай его – хвали, дом им поставил, правда, и самим пришлось повкалывать, день на колхоз, полночи на дом. Переходить стали, гляжу – не то творят, нарушают всякий обычай и порядок от отцов. В дом следно вперед кошку пускать, а они натопырились малую дочку на порог поставить. И ведь не подскажет никто, то ли позабыли напрочь, то ли на ребенка залюбовались. Оно и правда, шибко славно, когда первенец твой своей ногой в новый дом входит, но без кошки никак! Останавливаю церемонию, перелажу через плетень, свою кошку за пазухой схоронил. Высказался:

– Что же вы, – говорю, – робята, от законов и обычаев отцов и дедов отступаете? Неладно это. Вот вам кошка, пусть дите ее вперед толкнет за порожек, а потом и сама двинется.

Речи-то распеваю, а сам с собой совсем другое говорю негласно: «Дедушко-Суседушко, коли ты пришел к дому, тогда входи хозяином, да знак дай, чтобы я понял, что ты при месте».

А сам смотрю да слушаю, и только девочку с кошкой обрядили, колыхнулася занавеска у дверей и половица скрипнула, да так знатко, что сосед засмеялся:

– Прослабил, Михаил, половицу при входе, все нервы вытянет, по ней взад–вперед десятки раз пробежите за день.

Промолчал хозяин, он вообще редко в какие разговоры вступал, только если сам начал. А так спрошу у него что-нибудь, плечами пожмет, либо головой кивнет. Вот и гадай, что он тебе просигналил.

Ладно жить начали, толково, баба его деньгами руководила, никуда копейка не выскользнет. Все у неё рассчитано, что на ребят купить, что мужу и себе тоже. На третью осень выпросился Михаил у председателя на комбайн, хлеб надурил небывалый, я сам в середине августа хаживал в первые лесочки, где начинались поля со пшеницей. С малых лет учил меня дед Панфила слушать поле. Это, брат, не всякий может, да не каждому оно и надо. Присядешь под ветерок, припухнешь, здышишь легонько, только сердечко и колотится. Вот, подобно тому, ни ветерка, воздух горячий стеной стоит над хлебом, дозреват его, сушит. Пройдет какое-то время, то ли природа тебе поверит, то ли сам ты во все это живое всей душой войдешь, и тогда услышишь, как колос с колосом целуются, перешептываются. И вроде даже зернышки, если в колосе высохли, позванивают. Такая музыка, аж слеза упадет... Взял Михаил комбайн не самый добрый, чтобы мужиков не обижать, но за неделю до болтика перебрал, уплотнители поставил на стыках шнеков, в молотилку, чтобы утечки зерна не было, и в поле. Не знаю, вроде за всю уборку пару раз домой приезжал, в баньке помыться, переодеться да с ребятней повозиться с полчаса. А чуть свет – подходит машина, кончилась медовая ночка.

Сам слышал, сидючи у себя в ограде, как две бабенки-соседки после управы подтянулись к Тамаре, на бревнышках расположились, вздыхают. «Неделю Веня не бывал, ждала в баню, а у него комбайн изломался, вместо бани да чистой постели всю ночь с железом». Вторая ту же тоску выводит: «Гляжу – бегом бежит к дому, у меня ретиво остановилося. А он заскочил в мастерскую, я туда, на шею ему кинулась, он руки-то мои разомкнул, весь обвиноватился: «Вот, за подшипником приехал, у Генки Рамазанки шкив вариатора заклинило». И вся любовь, а я потом до свету уснуть не могла». Тут Тамара вступила: «Чудно все устроено, в девках жили до двадцати лет, и хоть бы хны, если никто не доведет дрожи, а тут неделя прошла, и терпежа нет. Девки, я прошлой ночью ребят уложила, на велик и к полевому стану. Роса уж пала, комбайны заглушили, мужиков машиной привезли. Не пересказать, как своего отыскивала, угадала, что до ветру пошел, выцепила. Ой, девки, он поначалу испугался, думал, дома что,

а потом на руки меня и в копну соломы. Утром вышла на ограду: господи, сколько же соломы я с себя вытрясла, как раз свиньям на подстилку». И хохочут все, так добросердечно да радостно, что сами по себе мои младые лета всплыли, сладкой тоской душа окатилась, да и на том спасибочко.

За ту уборку получил Михаил мотоцикл «Урал», за свои деньги, понятно, но право такое надо было заробить. И Тамара его тоже в передовики вышла, правление ей за сохранность всех народившихся телят трех месячных бычков выделило в премию. Видел я, какая радость была в доме. Уместно ли тут признать, что к тому времени остался я бобылем. Жену схоронил последней из семьи, а вперед сына из армии в цинке привезли, второй по пьянке утонул на рыбалке, дочь своей семьей жила, при родах ничего наши коновалы не могли сделать, и ее, и дите уханькали. Так что эта картинка через плетень и была моим светлым местом. Вечером цеплял Михаил тележку к мотоциклу, прежде ребят по улочке прокатит, а потом с Тамарой в лески, двумя литовками вмиг копешку сколотят, в тележке пологом прикроют и веревкой свяжут, чтоб не раздуло. Это телятятишкам на весь день, а остатки на сарай, ветром охватит да солнышко пару раз глянет – сухое сенцо, можно в зиму.

Когда колхоз распустили, гляжу на соседа – другой человек. Он свою работу знал с утра до ночи, а тут никому не нужен. Бывший председатель свою банду сколотил, позвал Михаила Гавриловича вместо инженера, тот радехонек, даже вроде на мордашку повеселел. Посеяли, хозяин стол в поле выставил, по бутылке на брата. Михаил к нему, мол, так и так, вино не пью, ты мне деньгами в счет отработанного. А тот отвечает: «Вот твои деньги, только всходят, как обмолотим да продадим, тогда и карманы дополнительно можно пришивать, озолотимся все». Михаил, ребята сказывали, молча кивнул, сел на мотоцикл и домой.

Первыми доярки шум подняли: почему ни гектара кукурузы на силос не посеяли, трав никаких на сенаж. А дольше и того хуже: травы дуром дурят, а косить никто не собирается. Приперли председателя, он и вылепил: молоко дешевое, себе в убыток, проще под угол слить. Так что коров осенью всех на колбасу. Бабы в голос, а он пал в легковушку и газу.

Мы хоть и рядышком жили, а сообщались реденько, здравствуй и прощай, подобно тому. Какие у меня к нему разговоры? Я водочку уважаю, перед каждым аппетитом, пока старуха жива была, рюмку

принимал – он и в праздники в рот не берет. Я табак смолю от самой Сталинградской битвы, теперь на самосад перешел, трубку вырезал из корня вишни, крадчи от бабки сделал заготовку. Потом всю зиму вошкался, ходил в мастерскую, где газовая сварка, соседа же и попросил, чтобы он трубку слабым огнем обработал. Курю. Я балагур, люблю язык почесать, а от него слова не дождешься, выслушал, улыбнулся, кивнул и ушел. Ну, я уж говорил про то.

А парень он был славный. Телом крепок, новой раз специально сяду и любуюсь, как он робит во дворе. Все в руках играт. Рубаху скинет, штаны закатат до колен и гряду навоза за час перекидат, выправит, тряпицей закинет. Тамара выйдет по своим делам из летней кухни, сама в легоньком халатике, считай, все на виду, тазик поставит на полочку в сарае, подойдет к мужу и со спины прижмется. Дело прошлое, по себе знаю, на мужика это зверски действоват. А Михаил развернет свою красавицу, поцелует в шейку и за свои дела. Я так понимаю, что бабочку это обижало, не затем она выходила. Да и орда вся на озере купается. Пошла, и тазик оставила. Ну, это дело семейное, позже разберутся.

Опять про Михаила. Смотрел я на старые фотокарточки, старуха моя была из достатка взята, торговлишкой промышляли и предки, я папаша успел, пока советская власть не прихлопнула. Тем и спасся, что магазин вместе с товаром благословил, да деньгами не знамо, сколько. Моя после похорон батюшки и приволокла толстенные книжки, а в них карточки наклеены. Понятно, что я акромя тестя с тещей никого не знал, но досе распахну, пыль сдую и гляжу скрозь очки. Долго не мог в толк взять, чего мне от их надо, а потом доперло: не похожи оне на нас, то исть, не только одежей, это само собой, а совсем иные, не из мира сего. Лица ихние почти как на иконах: взгляд самостоятельный, лица светлые, без улыбок, а радостные. Я так себе сфрумулировал: счастливые оне, вот так. Наши тоже порой лыбятся на полгазетки, а души нет, одна фотокарточка. Это я к тому, что лицо у Михаила было достойное, благообразное, на его смотреть хотелось.

Осенью хлеб убрали, на колхозной еще сушилке очистили и просушили, и в одну ночь колонна камазов с прицепами выдернула все до зернышка на элеватор. Сказывают, по три или четыре рейса сделали. И председатель наш как сквозь землю провалился, хотя добрые люди заметили, что еще недели за две большая машина к нему в ограду запятилась, утром потемну ушла с барахлом, а семью на легко-

вой сам увез. Мужики закидались: робили-то за что? Все районное начальство прошли, нет никакой помощи, только смеются.

Вижу я, что мой Михаил Гаврилович совсем с лица спал, и надо же было такому совпасть, что мужики из района вернулись ни с чем, а бабы их встречают страшной новостью: коровушек на длинных скотовозах увезли в город. Деревня как-то присела вся, криков нет, переговариваются втихушку, как при покойнике. Жутковато. Михаил за ворота вышел, мне кивнул, стоит. Тамара выскочила, он, видно, от разговора и ушел. Встала рядом:

– Что же вы, мужики, отцы да мужья, что же вы допустили до такого? Чем жить будем, вы про это думали? У меня последняя десятка от получки. Миша, скажи хоть что!

Он повернулся и с виноватой улыбкой на нее посмотрел. Я собрал кисет и с глаз долой, тут не моего ума дела решаются.

А утром рев, да такой, что шкура оширшевела: Михаил Гаврилович повесился в вишневом саду. Записку, говорят, в кармане нашли, что так жить не хочет, перед детьми стыдно, что куска хлеба не сможет им дать. Вот так решил свою долю.

Похоронили, горячий обед отвели в столовой, Тамару с ребятишками мужики на машине домой привезли. Я видел, она, как уточка, впереди, а пятеро ребят следом, старшему пятнадцать, младшей три. А дня через два она ко мне в калитку стучит, выхожу.

– Дедушка Мирон, пойдем к нам, помоги с инструментом разобраться.

Интересуюсь, что за инструмент. Она показывает литовки, грабли, вилы. Спрашиваю:

– Ты не на покос ли собралась?

Спокойно отвечает:

– На покос и есть. У меня корова с весенним теленком да пяток овец. Если лишусь – с голоду помрем.

Слеза меня смутила, буркнул, что все забираю и к вечеру изготовлю. Литовки отбил, подправил, одну для Тамары, другую для парня, помене. В грабельцы пальцы крепкие вставил, пару вил пересадил на черенки потоньше. Вот и вся работа. Собрал в охапку, принес, а она с мотоциклом возится. Завела, бензин залила, всю снасть укрепила на тележке. Видно, рано собирается.

– Дед Мирон, ты за ребятишками посмотри, эти пусть играют, а малую хоть к себе бери.

Так и стали жить, как бы одним домом, я сено сгребать помогал,

потом картошку вместе рыли, приехали какие-то азиаты, дешево, но купили. Я к старшому подошел, за рукав взял:

– Ежели у тебя к Аллаху своему вера есть, не обидь эту бабочку, муж повесился с горя, ему там красота, а у неё пятеро на руках. Заплати по-человечески, все равно в пролете не будешь, а я за тебя перед нашим богом слово замолвлю.

Возымело, подошел, еще несколько бумажек отслюнявил, подал Тамаре.

Смотрел я на нее и дивился: всю жизнь за спиной мужика жила, никакой работы домашней не знала, а случилось один на один с бедой великой схлестнуться, и откуда силы взялись, проснулась в ней русская баба, на которой в самые злые времена пахали и сеяли, которая коров весной подымала и на помоча подвешивала, которая кули с зерном ворочала на элеваторе для фронта и для победы. Не растратилась в сытное время, не изнежилась душа, не изломался характер. Мужик вот, Михаил Гаврилович, не совладал, порешил все разом. Верно, он и слабее был бабы своей, на нее оставил детушек своих, свой завтрашний день.

Одно время, в аккурат перед Пасхой, смутно мне стало, в грудях ломота, голову то и дело теряю. С великим трудом спустился в подпол, там в глиняном горшке сложены все мои накопления, пенсия моя военная. Расход мой невелик, а зачем курковал – сам не знаю, и вот сгодилось. Поднял горшок, повынимал гумажки, завернул в тряпицу, полушубок старенький накинул и пошел к соседям. Они в аккурат за столом сидят всей семьей, праздник все-таки. Я Тамару попросил выйти в коридорчик, чтоб ребятишки не видели, тряпочку откинул и показал ей свой гостинец. Она было в слезы, но я возразил:

– Не смей! Ты бабочка разумная, сумеешь определиться, как быть.

Проводила она меня, а через время в дверь стукнула, зашла.

– Дедушка Мирон, скажи, верно ли я мыслю. Если к твоим деньгам... Дом хочу продать, мотоцикл, скотину всю и собрать все до кучи, да купить домик в городе. Там и работа есть, и учиться ребятишкам тоже, и техникум, и училище медицинское. Что ты мне скажешь?

А чего я мог сказать?

– Если, – говорю, – Тамара Ивановна, хватит капиталу, то лучшего и не придумать. Но ты сперва съезди, присмотрись, к ценам приноровись, что и как. Да дом-то внимательно обследовай, чтобы не подпревший, у тебя переставлять некому. Да чтоб не у черта на куличках, и чтоб огородчик был.

Впервые за все время засмеялась моя Тамара.

– Ну, дедушка Мирон, у тебя столько хотелок, что наших денег не хватит.

Однако съездила, и домик нашла, и задаток у нотариуса оформила. Тут же северянам свой дом продали, те не скупились, забрали вместе с коровой и овечками, по-крестьянски жить хотят.

Когда все имущество на машину сгрузили, всей семьей пришли ко мне. Я на ограду вышел, весна, в доброе время к новой жизни двинулась семья. Благословил и домой.

Двадни шел дождичек, бусил, как через сито, все напитал, успокоился, тучки спустились за гору, только солнышка еще нет. В открытую оконную створку сочится влажный прохладный воздух, его почти видно в натопленной комнате, он опускается вниз сразу за подоконником и растекается по влажному полу. Теплое будет лето...

ПОСЛЕ МЕТЕЛИ
Рассказ

– Марья Сережиха задергушки с окошек сняла, знать-то опять изловила своего долгоспанного у шмары. – Максим выхлопал о деревяшку изрядно поношенную шапку, снег разлетелся по избе, смочив полосатые половички. Он прошел в передний угол, сел на лавку и снял протез.

– С чего ты взял, что изловила? Можа, простирнуть сдернула занавески. – Жена Груня всегда ему возражала, Максим не сердился, согласись она – и поговорить будет не о чем. Март навалил снега, между домами с ляги наклало сугробов, что не перелезти. С последнего бурана Максима заперло дома, выбирался только в проулок, который ветер продрал до мёрзлой комковатой земли, тут и высмотрел пустые Сережихины окна.

– Не накатали дорогу-то? – Груня неделями не выходила в деревню, да и зачем? Картошка в подполье, мука в сусеке в холодных сенках, сахар с осени наменяли у Петропавловских казахов на овес и ячмень. Свиная тушка висела в сенках, Максим тут же на чурке рубил топором, дробя кости, осталась задняя ляжка да ребрышки. Сказал, что мясо срежет и засолит, а после повесит на жердочке под стрехой – вялить.

– Кто её накатат? – Максим продул муштук и заправил самокрутку. Табак уж сколько лет рубил сам, Антоха привозил базарные сигаретки, чуть не задох от них. Самосад привычней, в войну ему высылали на фронт афонский табачок, вся батарея наслаждалась. Политрук шутил: «От вашего табака фашисты в окопах чихают». Уж после узнал: табаком деревня спасалась, на санках в Петропавловск возили бабы, на базаре спрос хороший, тем и налоги платили, и облигации выкупали. У Груни вон вся крышка сундука изнутри облигациями уклеена. Максим выкамуривает: «Вот объявит товарищ Хрущев, что выкупат гумажки – отмачивать будешь». Понимал, конечно, что навечно они в сундуке, но промолчать не мог.

Еще до мартовской падеры, когда скотники на широких дровнях

укатали январский снег в улице, и Максим ходил по насту, не проваливаясь деревяшкой до нехорошей боли в культе, выгостился он у Артема Лаверовича. Темным вечером видел в окошко, что огородами к заднему двору председательской усадьбы притащили трактором добрый стог сена. Утром пошел по следу, клочок сена подобрал: лесное, июлем дышит, хоть чай заваривай. А после обеда пошел к другу. Воевали вместе, один ногу оставил, другой руку – малой кровью это называли. Но Артюха сомустился и написал в партию. Сразу медаль получил, потом старшиной стал. После войны, как партийного, его назначили заведующим фермой, но случился падеж скота, и как раз Сталинский закон о социалистическом животноводстве. И загремел бы друг на лесозаготовки, да аккурат в эти дни вызвали Артема в военкомат и повесили большой орден. Судить не стали, а с должности сам ушел, испугался, в другой раз орден может не погодиться. Вот ему и хотел высказать Максим про председательское сено.

– Артём, что у вас в партии за порядки? Если член, то начальник, а если начальник, то жулик. Да, и не выбуривай на меня.

– Макся, ну, не все ведь жулики.

– Да уж... А с сеном что будем делать? Надо на собранье поднять Ероху, пусть вернет сено телятишкам.

– Макся, ты как дитё малое. Ну, кто поднимет Ерохина? Он же председатель. Ты вот сыну своему...

Сын Антон давно живет в районе, большой начальник, это Максиму его крестный Владимир Прокопьевич сказал. В газетке чин, в прошлом годе критиковал колхозное правление, крестный приходил с обидой, что и ему перепало. Максим велел выписать газетку и читал ее на вытянутых руках от названия и до знакомой фамилии на последней странице. Антон в апреле приезжал дрова пилить, летом сено косить. Да и просто в выходной мог подкатить на «бобике», забежит, бывало:

– Мама, сорви пару огурчиков да горсточку лучку защипни.

Максим у раскрытого окна, все слышит и видит. На заднем сиденье за занавеской бабочка схоронилась, ждет не с терплением. Сын к открытой створке с улыбкой:

– Папка, я в субботу приеду, помогу картошку огребать.

– Я седни куда погребешь? Ох, Антоха, узнат Настёна, она тебе все хозяйство на пятаки порубит.

– Что Настена – пошумит, поплачет и простит. Папка, партия

всего страшней, сильно ревнивая женщина. – Сын отцу это тихонько, шепотом.

По партийной линии у них уже была стычка. Тогда приехал Антон на попутках, в сельпо забежал. Максим сидел в горнице за столом, просунув под стол деревяшку, и с тоской глядел поверх домов на бескрайнюю Кизиловку, где в старые годы на Паску устраивали конные скачки, в которых нелепо погиб старший брат Никита, на гору, где все еще видны были колчаковские окопы, из которых солдатики стреляли в красных, а пуля попала прямо в окно и пробила филенку горничных дверей. Маленький Максим не успел напугаться, нянька Анна схватила его и толкнула матери в подпол.

Антон прошел вперед и выставил бутылку водки на середину стола. Максим подозрительно посмотрел на него:

– По какому случаю магарыч?

Антон с гордостью сказал:

– Папка, я в партию вступил.

Он видел, как трудно выпрастывал отец деревянный протез из тесного пространства между столом и стулом, наконец, Максим встал, глянул на бутылку, на сына:

– Антоха, вот что ненавижу, то Бог дал. – И пошел, тяжело припадая на правую ногу.

Это больше не вспоминалось, только раз Антон заговорил с отцом:

– Папка, ты воевал за советскую власть, за Сталина. А партию не любишь.

Максим не знал, что ответить. Воевал, и все воевали. Сталина жалко, выкинули дедушку из мавзолея, кому мешал? А партия... Три члена живут в околотке, и все хоть некорыстные, а начальнички, он видит, как телятишек нонешних везут пастухам-казахам на отгоны, а осенью сдают быков-двухлеток, как зерно тихонько привозят свиней кормить... Ничего тогда сыну не ответил, а теперь снова надо этот разговор заводить.

– Пропиши про это в газетке, вот тогда люди узнают, что есть правда. Мне за ногу дают восемнадцать рублей, и я живу. А Ероха на всем колхозном. Это как?

Теперь уже сын не ответил. Помолчал, поднялся:

– Пойду баню подтоплю.

Тоскливо Максиму, с Груней много не наговоришь, да она и не знает деревенских новостей. Самому бы дойти хоть до Ивана Лаврентьевича, в карты поиграть, пошпакурить, но не накатали след в

суметах, скотники, видно, вкруг деревни ездят. Случись в такое время помереть – на рукотертах понесут, а куда деваться, до весны не оставят. В прошлый раз крепко сошлись, пятеро мужиков: Киприян, Мишка Лепешин, Алеша Крутенький, да они с Иваном. Сразились в свару, Максим жене ничего не сказал, неловко, но в тот вечер карта ему шла, три банка забрал, заприхохатывал, потом мимо да мимо, и проиграл пять рублей. Заикнулся было у хозяйки перехватить тройку, только Ульянка осадила: «Уймись, раздухарился! Скажу вот Груне!». Не сказала, но Максим долго не мог в толк взять, как его заносило, не сразу понял, что продулся.

Максим не был выпивохой, дома бражка не выводилась, ну, принимал после бани бокальчик, а больше – нет, хватало. Только иногда приходил «с обходов» под хмельком, Груня не ругалась, нет у неё такой моды, только улыбалась: «Опять прихватил где-то?». Максим соглашался: «Не говори! Шел по улке, ничем-ничего, а у Прокопия Александровича кампанья. Загаркали. Принял стаканок».

Антон с осени не бывал, Максим в душе казнился за язык свой, но тихонько радовался, что сын в него характером, упертый.

Тот год был шибко неловкий, хлеба не намолотили, сена не припасли для скотины, а, как на притчу, ранняя зима упала. Прикинули начальники, что с таким фуражом к весне коров на веревках поднимать придется, стали выход искать. И тут наука подсуетилась: солома есть, понятно, что таком виде она несъедобна, надо ее размягчить, дробленкой сдобрить, и будет приличный корм. В районе провели показательную закладку такой рецептуры, райком дал команду редактору подробно осветить всю технологию, чтобы распространить передовой опыт по всему району. Антон с фотографом засняли все по порядку: в силосную траншею укладывается слой соломы, поливается раствором каустической соды, далее слой силоса, слой дробленого зерна, потом снова по кругу. Вся закладка накрывается пленкой, сверху соломой и землей. Через неделю можно открывать и давать скоту. На двух страницах газеты с фотографиями напечатан передовой опыт.

Антон приехал без семьи на машине, загнал в ограду, слил воду. После бани сели за стол, Груня поставила кринку отстоявшейся бражки, в жаровне утка с крупой из русской печки, в тарелках грузди, огурцы, капуста. После первого стаканчика разыграли утицу, Максим оглодал крылышко, вытер полотенцем руки.

– Антоха, ты какую муйню в своей газетке пишешь?

– Что опять не так? – насторожился сын.

– Да все не так! Ну, ты же деревенский житель, сам сено косил, скотину кормил зимой. Ты хоть раз видел, чтобы мы корову соломой кормили? Было, что и соломой, но до тебя. А ты умодил: каустиком солому полить, и корове.

– Папка, это не я придумал, это ученые предложили, ты же знаешь, какое положение с кормами.

– Весной надо было думать! Не перегонять друг дружку, кто раньше отсеется. Молчи, и ты подхваливал: ранний сев! И куда теперь с этой соломой? Наши придурки на неделе открыли яму, ветер на деревню, едва не сдохли. Я в Омск за протезом ездил, на станции Ишим в тавалет ходил – точно такая вонь, передо мной, видно, в яму каустика набросали. Кое-как наружу вырвался, штаны на ходу застегивал. Ну, навалили в кормушки – коровы морды воротят. Правда, Антоха, на твое счастье одна жрала по полному рту.

– Вот видишь! – обрадовался редактор. – Значит, ей попал правильно приготовленный корм.

– Нет, сын, не угадал. Она, наверно, партейная.

Груня – от греха подальше – ушла в горницу. Сын встал изо стола, накинул шубейку и вышел. Максим видел, как он залил в машину горячую воду из бани, открыл ворота и уехал. С тех пор не бывал. Мать ходила в контору, просила Владимира Прокопьевича позвонить, приходила домой в слезах. Только Максиму ничего не говорила. Он не любил, когда кто-то вмешивался.

СОДЕРЖАНИЕ

Сухие росы. *Роман*.....3
Чистая вода. *Повесть*.....149
Черемухи цвет. *Повесть*.....283
Букет. *Рассказ*.....193
Встреча. *Рассказ*.....301
Нюхач. *Рассказ*.....312
Подарок судьбы. *Рассказ*.....317
Белое платье. *Рассказ* 356
Лида. *Рассказ*.....362
Елена из прошлой жизни. *Рассказ*.....368
Туфли на бечевочке. *Рассказ*.....377
Маруся отравилась. *Рассказ*.....389
Папка для ВТЭКа. *Рассказ*.....394
Вахтовики. *Рассказ*.....400
Камень. *Рассказ*.....407
Ограбление. *Рассказ*.....414
Беженцы. *Рассказ*.....421
Бухгалтер. *Рассказ*.....429
Новоселы. *Рассказ*.....436
Анна. *Рассказ*.....444
Семья. *Рассказ*.....458
После метели. *Рассказ*.....465

Современная русская проза

Ольков Николай Максимович

Собрание сочинений в пяти томах

Том 2

Ответственный за выпуск Н.И. Дорошенко
Технический редактор Е.И. Косырева

Подп. в печать 27.07.2018 г. Формат 60x84 1/16
Бумага офсет №1. Гарнитура Newton C.
Печать офсетная. Печ. л.: 29,6
Тираж 100 экз. Заказ №

АНО «Редакционно-издательский дом
«Российский писатель»
119146, Москва, Комсомольский пр-т, 13
Тел. 8-962-965-51-64
sp@rospisatel.ru
www.rospisatel.ru

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел.: (495) 230-20-52